The State of Political Science in Western Europe

Hans-Dieter Klingemann (ed.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА в Западной Европе

Под редакцией Ханса-Дитера Клингеманна

Научный редактор Е.Б. Шестопал

This book is dedicated to Science Po Paris.
Hans-Dieter Klingemann

Hans-Dieter Klingemann (ed.)

The State of Political Science in Western Europe

Barbara Budrich Publishers,
Opladen & Farmington Hills 2007

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА в Западной Европе

Под редакцией
Ханса-Дитера Клингеманна

Перевод с английского под редакцией
доктора философских наук, профессора
Е. Б. Шестопал

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2009

УДК 32.001
ББК 66
П49

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Факультет политологии

Книга издана при содействии кандидата политических наук
А. Н. Никитченко

Переводчики:

М. Гурвиц, А. Демчук, Е. Лукашина, Е. Филистович, Н.Иванова

Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Ханса-Дитера
П49 Клингеманна; пер. с англ. М. Гурвица, А. Демчука и др.; под ред. Е. Б. Шестопал. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 487 с.

ISBN 978–5–7567–0527–0

Данная книга сфокусирована на состоянии политологии как учебной дисциплины. При этом помимо подробного анализа важнейших исследований в политической науке в отдельных западноевропейских странах: Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Испании, Швеции, Швейцарии, Ирландии, Италии, Франции, Великобритании и на Кипре, выполненного известными политологами из указанных стран, в ней есть отдельная глава, посвященная специфике европейской политической науки, написанная самим Клингеманном. Особое внимание уделено системам присуждения степеней и званий, курсам, преподаваемым в разных университетах, тематике исследовательских работ и профессиональной коммуникации.

УДК 32.001
ББК 66

ISBN 978–5–86649–045–3 (англ.)
ISBN 978–5–7567–0527–0 (рус.)

© Barbara Budrich Publishers, Opladen & Farmington Hills, 2007
© М. Гурвиц, А. Демчук, Е. Лукашина, Е. Филистович, Н.Иванова, перевод на русский язык, 2009
© Издание на русском языке, оформление. ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2009

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Елена Шестопал

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ*

Представляя читателям книгу «Политическая наука в Западной Европе», в первую очередь хочу отметить удивительную своевременность ее появления для российской высшей школы в целом и российской политической науки в особенности, что связано с реформами, которые полным ходом идут сейчас в нашей системе образования. Российская политология как учебная дисциплина, которая находится в процессе модернизации учебных программ и планов и перехода на двухступенчатую Болонскую систему, может сейчас обойти препятствия, с которыми столкнулись наши западноевропейские коллеги, не наступая при этом на те грабли, о которые споткнулись многие из них.

Пожалуй, центральной задачей книги было обобщение опыта развития политологии в каждой из 18 западноевропейских стран. В книге подробно описывается, как преподается политическая наука в каждой из них: как строятся учебные планы, как происходит прием студентов и аспирантов, каков штат преподавателей, как организована научная работа, какие выдаются дипломы, каковы требования к написанию докторской диссертации и многие другие весьма важные детали, касающиеся специфики самих систем образования в этих странах и того общего правового, исторического и культурного контекста, без которого трудно понять путь, пройденный университетами этих стран в ходе их интеграции в рамках Болонского процесса. Все обзоры по странам сконцентрированы вокруг четырех основных вопросов:

1. Какова институциональная основа политической науки в Западной Европе?
2. Как развиваются системы ученых степеней и преподавания?
3. Каковы основные области научных исследований?
4. Как осуществляется профессиональная коммуникация среди политологов?

Большой практический интерес представляют и те разделы книги, которые посвящены общему европейскому измерению развития по-

* © Е. Б. Шестопал, 2009.

литической науки. Это и специальный раздел по сравнительному анализу систем политологического образования в разных странах Европы, написанный редактором издания профессором Клингеманном, и те разделы, в которых рассматриваются две общеевропейские организации политологов: Европейский консорциум политических исследований (ECPR) и Ассоциация преподавателей политологии (epsNet).

В книге нет специальной статьи о Болонском процессе, но о нем говорится в каждом разделе. Читатель не только из числа преподавателей, но и из числа организаторов образования узнает много полезного относительно того, как идет сам процесс образования, что представляет собой система кредитов и общеевропейская система их взаимного зачета, как осуществляется оценка качества образования, как выглядит практика обеспечения мобильности преподавателей и студентов и многие другие аспекты, которые нам еще только предстоит вводить в наших университетах.

Но российскому читателю, знакомому с острыми отечественными дискуссиями о пользе и вреде перехода к Болонской системе, будет важно учесть те плюсы и минусы, с которыми уже столкнулись разные европейские системы образования. Не пытаясь пересказать эти сюжеты, хочу лишь обратить внимание на то, что самый острый из всех вопросов — это вопрос о том, как будет проходить наша интеграция в это общее образовательное пространство, коль скоро Россия тоже подписала это соглашение. Книга под редакцией Клингеманна показывает, что главные подводные камни подстерегают даже не в ходе включения в обший рынок образовательных услуг, участие в котором можно сравнить с участием национальных экономических структур в общеевропейских рынках. И не в унификации разных систем образования с определенной потерей части их национального своеобразия. В первую очередь надо осознать, что недостаточно принять решение об интеграции на государственном уровне. Это создаст лишь дополнительное давление на университеты со стороны общеевропейских структур вдобавок к тому давлению, которое оказывает на них их собственная национальная правительственная бюрократия. Противостоять этим негативным процессам можно, только если негосударственные, прежде всего профессиональные, сообщества объединятся и предложат свои модели перехода к новым системам организации образовательного процесса.

Что касается политологического образования, то в Европе сейчас уже создана Европейская ассоциация политических наук. Именно эта организация, как рассчитывают ее инициаторы из числа авторов книги, сможет защитить интересы университетов, интересы профессионального сообщества политологов, как это делают другие профессиональные

европейские организации, образованные экономистами, социологами и другими учеными. Думается, что и российскому политологическому сообществу надо активно включиться в работу этой новой ассоциации, что может помочь нашей стране усилить интеграционные процессы и в политической, и культурной сферах.

Весьма остро в этой связи стоит и проблема профессиональной коммуникации, которая поставлена в книге со всей серьезностью. Для российского политологического сообщества эта проблема также весьма важна: Российская ассоциация политических наук, ассоциация преподавателей политологии, УМО, академия политических наук и другие профессиональные неправительственные объединения должны выработать такие решения, которые помогут сгладить неизбежные сложности вхождения страны в Болонский процесс и защитить интересы входяших в них преподавателей и исследователей, а также саму профессию.

Стоит добавить к сказанному о Болонском процессе несколько слов относительно такой его важной составляющей, как мобильность преподавателей и студентов. С одной стороны, мобильность является важным инструментом интеграции, позволяющим достичь унификации требований к преподаванию и качеству получаемых студентами знаний. С другой — она становится инструментом образовательного рынка, где одни университеты показывают свои успех, в другие — свои недостатки, которые были не столь заметны при нынешней достаточно автономной системе. Появление общих критериев оценки качества образования, основой для которых и становится профессиональная мобильность, ставит перед профессиональными сообществами достаточно сложные вопросы. Первый из них касается свободного владения языком той страны, куда приезжают студенты и преподаватели, либо его заменителем — английским. В настоящее время многие европейские университеты видят выход из этой ситуации в том, что предлагают иностранным студентам, как и своим собственным, курсы на английском языке. Эта мера позволяет им привлекать большое число иностранных студентов, а значит, и их деньги. С другой стороны, для российских университетов это создало бы трудности, связанные с тем, что большинство преподавателей не владеют английским в той мере, чтобы это стало возможным. Можно здесь высказывать пожелание, чтобы приезжающие к нам учиться овладевали русским языком, но это также вряд ли реально. Для того чтобы к нам приезжало большое число зарубежных студентов и преподавателей в рамках Болонских соглашений по мобильности, как нам представляется, надо в первую очередь, чтобы о наших ученых и их трудах наконец-то узнали в мире. Но это тоже невозможно до тех пор, пока их труды издаются только на русском. Опять же общим языком международного общения является английский. Получается замкнутый круг,

выход из которого отечественным политологам необходимо будет найти в ближайшие годы.

Содержащиеся в книге полезные сведения по истории и современному состоянию политологии в западноевропейских университетах очень пригодятся тем российским политологам, которые уже на деле включаются в международную кооперацию и разделение труда. Как показывает практика организации такого сотрудничества российских политологов с зарубежными университетами, одной из серьезных проблем последних лет был именно поиск подходящих партнеров. Даже при наличии средств для стажировок и знании языков (чего пока еще остро не хватает большинству наших ученых), нередко контакты были весьма случайными и хаотичными. Это приносило мало пользы для организации политологического образования в наших университетах. Отечественные политологи ехали «на деревню к дедушке», не зная, что их ждет, и плохо представляя себе системы преподавания в том или ином университете. Данная книга во многом восполняет этот пробел в наших знаниях. В ней приводятся подробные сведения о составе и специализации отдельных кафедр и факультетов, ведущих специалистах и сферах их научных интересов.

Помимо проблем, вызванных Болонским процессом и во многом общих для политологов и других ученых, занимающихся гуманитарными и социальными науками, в политических науках есть и свои собственные сложности, связанные с развитием научного знания в данной области. Как справедливо указывает Х.-Д. Клингеманн, проблема общей идентичности политической науки в Европе еще не нашла удовлетворительного решения. Речь идет и о том, что в ряде стран само развитие политологии началось сравнительно недавно и не везде она получила должное признание как одна из основных дисциплин, призванных дать не только специализированное, но и общее гуманитарное знание, независимо от получаемой студентом профессиональной подготовки. Другой важный вывод состоит в том, что между политологией и рядом ее «материнских» дисциплин — правом, философией, социологией, историей и др. — отношения складываются не всегда просто. Так, не все знают, что, например, во Франции политологию как академическую дисциплину долго не признавали правоведы и что, кроме Сорбонны, в других университетах факультетов политических наук там практически нет, а институционализация политологии шла помимо университетской системы — создавались институты политических исследований (*Institutes des Etude Politique, IEP*). Среди них — знаменитый Science Po, завоевавший репутацию во всем мире.

Для России это так же справедливо, как и, скажем, для Франции, Италии или Нидерландов. В нашей стране политология хотя и получила государственное признание в качестве самостоятельной дисциплины, ее институционализация еще не завершена. Об этом свидетельствует то, что пока невелико число самостоятельных факультетов, нередко политология признана лишь на уровне отделений и кафедр. Между тем именно наличие самостоятельных институциональных рамок в большинстве случаев способствует развитию дисциплины. Отрадно, что в 2008 г. в Московском и Санкт-Петербургском университетах наконец созданы факультеты политологии, что несомненно повлияет на ускорение институционализации нашей дисциплины.

Другой важной составляющей институционализации политической науки как учебной дисциплины является не только ее выделение из других дисциплин и обретение самостоятельных площадок в виде кафедр, отделений и факультетов, но и достаточно четкое определение того, какие разделы составляют ее предмет. Клингеманн указывает на два обстоятельства, которые вызывают трудности в определении предмета политологии. Во-первых, это различие в традициях. Одна традиция делает акцент на теории и количественных методах, другая — на истории и герменевтике. Отечественной политологии определенно ближе вторая традиция, и она явно отстает в развитии количественных методов и эмпирического изучения политики, хотя и имеет сильные традиции в исследовании истории и философии политики.

Другая причина заключается в дифференциации самого политологического знания. Едва начав институционализироваться, политология тут же стала делиться. От нее откалываются такие крупные «куски», как государственная политика (публичное администрирование), политическая социология, политическая коммуникативистика, не говоря уже о международных отношениях. Все это привело к ослаблению позиций каждой из субдисциплин и политических наук как области знания в целом. В российских условиях эта тенденция также имеет место и, как и других странах, не способствует развитию полноценной профессиональной идентичности. Однако следует заметить, что за годы постсоветского развития можно констатировать усиление идентичности в профессиональном сообществе. Ведь еще совсем недавно многие из тех, кто преподавал политологию, не только работали на философских, исторических или юридических факультетах, но и субъективно не осознавали себя как политологи. Сейчас, по крайней мере на субъективном уровне, политологи стали гораздо более сплоченной профессиональной группой, чему немало способствовала деятельность РАПН.

В число авторов этой книги входит немало первоклассных политологов из 18 европейских стран. Многие из них не только внесли большой вклад в развитие политической науки своих стран, но и получили известность в Европе и мире. Книга во многом состоялась благодаря тому, что ее собирал выдающийся немецкий ученый Ханс-Дитер Клингеманн. Он занимается не только изучением политических процессов в

Западной и Восточной Европе, но и большой работой, которую проводил и проводит на международной арене. Х.-Д. Клингеманн был в разное время президентом Международной ассоциации политических психологов (ISPP), вице-президентом Международной ассоциации политических наук (IPSA), президентом Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet) и сейчас является одним из создателей новой Европейской ассоциации политических наук. Благодаря профессионализму и международному авторитету ему удалось сделать очень много для развития мировой и европейской политической науки. Надеюсь, что появление этой работы, как и выход на русском языке другого его труда — книги «Политическая наука. Новые направления», в которой дан блестящий анализ развития современной политологии в мире, послужит развитию политологии в России.

Ханс-Дитер Клингеманн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение политики в Европе имеет долгую историю. Собственно говоря, оно ведет свое начало с Платона (428–348) и с тех пор последовательно обогащалось рядом важных концептуальных вливаний, нацеленных на понимание процесса принятия политических решений с учетом политической психологии, политических институтов и социальной основы политики. Проследить и описать географию и суть этих нововведений — увлекательнейшая задача. Однако цель нашего издания не прошлое. Оно представляет состояние современной политической науки в Западной Европе, а именно предлагает обсудить политологию как академическую дисциплину на *национальном уровне* в Австрии, Бельгии, на Кипре, в Дании, Финляндии, во Франции, в Германии, Греции, Исландии, Ирландии, Италии, Нидерландах, Норвегии, Португалии, Испании, Швеции, Швейцарии и Великобритании. Вводная глава является попыткой сравнительного анализа состояния дисциплины на *европейском уровне*. Этот сравнительный анализ сводится к четырем проблемным областям: институциональная основа дисциплины, система ученых степеней и области преподавания, области научных исследований и профессиональная коммуникация. Самой большой проблемой оказался недостаток достоверной информации по различным странам и временным периодам. Не делалось каких-либо систематических попыток собрать сведения по таким ключевым фактам, как количество студентов и преподавателей, учебные или исследовательские программы различных уровней. Если ситуация не изменится, политологии станет чрезвычайно трудно представлять свои интересы в области высшего образования и научных исследований в Европе.

Академические дисциплины нуждаются в регулярной «инвентаризации» в целях укрепления своей концептуальной целостности и организационной структуры. Существуют две наиболее известные попытки представить состояние политической науки в Западной Европе, на которых, в частности, базируется данное исследование: 1 — доклад, опубликованный в специальном издании «Европейского журнала политических исследований» («European Journal of Political Research») в 1991 г., под редакцией Кеннета Ньютона и Джозепа М. Валлеса (Kenneth Newton and Josep M. Valles) «Политическая наука в Западной Европе, 1960–1990» — «Political Science in Western Europe, 1960–1990»; 2 — доклад 1996 г. под редакцией Жана-Луи Кермона «Политическая наука в Европе: Образова-

ние, сотрудничество, перспективы» (*La Science Politique en Europe: Formation, Cooperation, Perspectives* — Rapport Final. Projet realise avec le soutien de la Commission Europeenne (DG XII), Paris: Institut d'Etudes Politiques de Paris). Влияние студенческих беспорядков, критических теорий и поведенческой революции — характерная тематика сборника Ньютона—Валлеса. Во втором упомянутом издании ключевой темой является растущая динамика Европейского сотрудничества. Последствия Болонского процесса для дальнейшего развития политической науки как дисциплины стали ключевой темой последней «инвентаризации» политологии в 2006 г.

Общая тематика неоднократно поднималась на заседаниях Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet) и ее предшественницы — Тематической сети политической науки и государственного управления. Она глубоко и всесторонне обсуждалась на пленарном заседании, посвященном теме «Европейская наука в Европе — европейская политическая наука? Состояние дисциплины», под председательством Жана Луи Кермонна, организованном на пленарной конференции epsNet в 2005 г. в Париже. Публикация настоящего исследования стала возможной благодаря epsNet, осуществившей подбор авторов, а также предоставившей общую инфраструктуру, позволившую обсуждать и развивать нижеизложенные положения. Большую помощь оказали парижский секретариат организации и его генеральный секретарь Ева Кулеша.

Хотелось бы выразить сердечную признательность Ришару Дескоингсу, директору Парижского института политических исследований, и Жерару Грюнбергу, научному директору «Сьянс По», который также способствовал моей работе над проектом с 2003 по 2005 г. *Genius Coci* этого выдающегося академического института — его прекрасный городской кампус, состоящий из зданий XVII–XVIII вв. в самом сердце Парижа — оказался неиссякаемым источником вдохновения и позволил довести проект до успешного завершения. По причине всего вышесказанного я посвящаю этот сборник Парижскому институту «Сьянс По».

Следует выразить искреннюю благодарность за щедрую помощь Фонду трехсотлетия банка Швеции (Стокгольм) и его мудрому администратору Дану Брандстрому; фонду Марги и Курта Мольгард (фонду союза немецких ученых за научную деятельность) в Эссене, за консультации — Хайнсу Руди Шпигелю, а также Берлинскому научному центру социальных исследований (WZB), где Юрген Кока и Дагмар Симон всегда готовы оказать помощь мне как заслуженному профессору этого института. Все эти организации и научные институты, а также Барбара Будрих, Гудрун Муна, Кимберли Симс и Ричард Топф самым активным образом содействовали подготовке рукописи, переводам и публикации. Я у них в неоплатном долгу. Особую благодарность выражаю Кристине Хартвиг, Кеннету Ньютону и Ричарду Топфу, которые критически прочли вводную главу.

Ханс-Дитер Клингеманн
Берлин, декабрь 2006 г.

Введение

*Жан-Луи Кермонн**

ЕВРОПЕЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПОЛИТОЛОГИИ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

Десять лет назад по просьбе Еврокомиссии в институте «Сьянс По» была организована конференция по оценке политической науки как академической дисциплины. После той конференции меня попросили оказать помощь в создании Европейской тематической сети по политологии.

После обширных дискуссий, при участии Европейского консорциума по политическим исследованиям (ECPR) институт «Сьянс По» в Париже последовал моим рекомендациям и решил начать этот проект. Ответственность за данное предприятие была возложена на Жерара Грюнберга, его помощником была Ева Кулеша. Оба они с блеском справились со своей миссией, и мне приятно выразить им глубокую признательность. В дальнейшем Тематическое объединение переросло в то, что теперь известно как Европейская ассоциация преподавателей политологии (epsNet). Ханс-Дитер Клингеманн возглавлял и развивал эту структуру в последние годы. Помимо всего прочего развитие данного направления включало перебазирование штаб-квартиры организации из Парижа в Центральный европейский университет в Будапеште. Трудно представить более удачное свидетельство объединения Европы как континента.

Более давние члены epsNet должны помнить, что, впервые запустив Тематическое объединение, мы были в большей степени обеспокоены эпистемологическим продвижением политической науки — чтобы она не могла быть ошибочно воспринята как проявление политической активности в Европе. Эта обеспокоенность все еще остается, особенно во времена интенсивных конституционных дебатов. Наши цели в продвижении программы epsNet были двоякого свойства. Мы хотели:

- укрепить сотрудничество между европейскими университетами и преподавателями, работающими над анализом политических явлений;
- способствовать изучению процесса европейской интеграции как объекта внутри самой дисциплины.

* *Жан-Луи Кермонн* — почетный президент французской ассоциации политических наук.

Что касается второй задачи, по нашему наблюдению, европейская политическая наука несколько отстала в этом направлении от американской. Более того, нам хотелось обосновать мультидисциплинарный подход. Таким образом, мы предложили объединить то, что было сделано теорией международных отношений, с публичной политикой, неоинституционализмом и позднее — идеями политической философии, особенно вдохновленными Иммануилом Кантом.

Лишь некоторое время спустя, работая с коллегами в сфере права, мы попытались оценить влияние процессов, которые происходили в Евросоюзе, применяя выдержавшие испытание временем концепции политической науки. Именно тогда мы отметили модели общего суверенитета, разделенного гражданства, множественные формы управления и появление направления, названного в свое время Жаком Делором федерацией государств-наций и представляющего собой нечто среднее между конфедерацией государств и федеральным государством. Все это, безусловно, побуждало нас последовательно адаптировать и развивать концепции и содержание наших академических программ.

Большое количество научных работ в области европейской интеграции и многоуровневого управления подтверждает, что эта сфера больше не является «неопознанным политическим объектом». Современные исследования и преподавательская деятельность сами по себе доказывают значительный прогресс, который был достигнут за эти годы. Работа epsNet и особенно взаимодействие между факультетами, научными центрами и отдельными коллегами — большое достижение. В этой связи я хотел бы сердечно поблагодарить всех, кто работал на благо объединения европейской политической науки.

Сегодня мои особые пожелания адресованы epsNet. Ретроспективно анализируя Тематическое объединение и затем — Европейскую ассоциацию преподавателей политологии, мы с удовлетворением отмечаем, что это были 10 лет плодотворной работы. Мы надеемся, что epsNet будет продолжать сотрудничество с Европейским консорциумом политических исследований (ECPR), с Европейской конференцией национальных ассоциаций политической науки (ECNPSA) и с другими европейскими институтами с тем, чтобы в самом недалеком будущем построить Европейскую ассоциацию политической науки. Хочу пожелать, чтобы все эти усилия увенчались успехом, и выражаю надежду, что европейские университеты справятся с задачей воспитания нового поколения демократических граждан.

Ханс-Дитер Клингеманн

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ НА 2005 Г.

1. Введение

Каждая научная дисциплина нуждается в регулярном осмыслении достигнутых результатов. Обращение к прошлому, анализ истоков политической науки, изучение ее дискурса — направлений, теории и методов — помогают понять ее настоящее и предвидеть будущее. Как исторический, так и аналитический подходы способны потенциально помочь понять «каким образом принимаются решения, значимые для общества, и каким образом большинство людей большую часть времени считают для себя обязательным их выполнять» (Истон, 1953: 129–148).

Самые недавние попытки критически оценить итоги развития политологии в самом общем плане включают такие проекты, как восьмитомная *Handbook of Political Science* (Greenstein & Polsby, 1975) и книга «Политическая наука: новые направления» (Гудин и Клингеманн, 1996[1]). В настоящее время издательство Оксфордского университета — под общей редакцией Роберта Гудина — продолжает публиковать десятитомное издание, обобщающее состояние основных подразделов политической науки. Подобные усилия общего характера часто вызывали в свой адрес упреки в проамериканском взгляде на дисциплину, эти хрестоматии называли агентами «американизации» и «трансатлантизма» (Шмиттер, 2002: 24; контраргументы см. у Гудина и Клингеманна, 2002: 41–44). Однако есть также и *специализированные* труды, посвященные состоянию политической науки в *отдельных странах*, таких как Франция (например, Ж. Лека и М. Гравиц, 1985), Германия (например, Бойме, 1986), Италия (Грациано, 1987), или Соединенные Штаты Америки (Финифтер, 1983, 1993; Кацнельсон и Милнер, 2002), или в *регионах*, таких как Азия (например, Иногуши, 2006) или Европа. В отношении

[1] Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1998. — *Прим. науч. ред.*

последней я хотел бы отметить два издания, посвященных *Западной Европе,* и два других труда, описывающих появление политической науки в *Центральной и Восточной Европе* после 1989 г. Развитие политической науки в *Западной Европе* с 1960 по 1990 г. — тема специального издания «Европейского журнала политических исследований» (*European Journal of Political Research*) (том 20: 225–466) под редакцией Кеннета Ньютона и Джозепа Валлеса, ей же посвящен доклад Жана-Луи Кермонна о состоянии дисциплины вплоть до 1996 г. Развитие политологии в *Центральной и Восточной Европе* описано и проанализировано в изданиях под редакцией Ханса-Дитера Клингеманна, Евы Кулеши и Анетт Легутке (2002), а также Макса Каазе и Веры Шпаршух (2002). Возможно, это последние проекты, рассматривающие политическую науку в двух отдельно взятых частях ранее разделенной Европы. После многих лет раскола и обособления налицо явные свидетельства растущей сегодня интеграции дискурса и организации (общие характеристики влияния политического раскола на состояние политической науки как дисциплины — см.: Алмонд, 1990; Истон и Шеллинг, 1991; Истон, Ганнел и Стайн, 1995).

В предисловии к работе 1991 г. Ньютон и Валлес особо отмечают роль европейских традиций политической науки — таких как нормативная теория, политическая экономия и приоритет сравнений на макроуровне. В то же время эти авторы указывают и на влияние бихевиоризма, возникшего в Соединенных Штатах в 1960–1970-е годы. Ньютон и Валлес (1991: 236) справедливо обращают внимание на последствия такого развития событий для организации и статуса профессии. «Принять бихевиористский подход в 1960–1970-е годы означало выделить политическую науку из права, философии, истории и экономики. Это способствовало формированию независимых факультетов политологии в университетах». Соответственно английский язык стал общим языком среди политологов, «прокладывая путь европейским контактам и профессиональным объединениям в рамках организационного контекста Европейского консорциума политических исследований» (Ньютон и Валлес, 1991: 237). Наконец, Ньютон и Валлес (1991: 238) подчеркивают важность Европейского сообщества, Совета Европы, Европейского суда по правам человека и других организаций наднационального уровня в Европе «как новой и сравнительно неисследованной области для европейской политической науки».

В докладе Кермонна, опубликованном через пять лет, также подчеркивается необходимость изучения европейской интеграции в дополнение к таким традиционно признанным разделам политологии, как политическая теория, политическая философия, институты и национальная полития, изучение электорального поведения, государственное управление и международные отношения. В общем и целом Кермонн (1996: 15–16) отмечает тенденцию тематической фрагментации, что, на его взгляд, уравновешивается растущей значимостью исследований по публичной политике и связанным с этим вновь открытым понятием правления. Он особо отмечает, что давняя проблема общей идентичности политической науки в Европе еще не нашла удовлетворительного решения. Следующие пять положений он считает особо важными для будущего развития политической науки в Европе (Кермонн 1991: 18–20).

- Решить проблему идентичности европейской политической науки.
- Способствовать развитию общего рынка для политической науки в Европе.
- Развивать сравнительные исследования и анализ международных отношений и организаций.
- Осуществлять поиск баланса когнитивных и нормативных элементов в европейской политической науке.
- Создавать соответствующие структуры и инвестировать в них, способствуя тем самым объединению европейских политологов.

По многим причинам данное издание может рассматриваться как продолжение работ Ньютона—Валлеса и Кермонна. Мы также основываем свои выводы на обзорах ситуации в различных странах, богатых историческими деталями и склонных обнаруживать больше уникального национального своеобразия, нежели общих для разных стран черт. Это происходит, невзирая на сознательные усилия редактора побудить авторов сконцентрироваться на описании:

1) институтов высшего образования, преподающих политическую науку;
2) систем ученых степеней и правил приема на обучение;
3) областей преподавания;
4) областей исследования;
5) профессиональной коммуникации.

Помимо этого авторам было предложено добавить исторический фон, высказаться по поводу текущих событий и будущего политической науки в своих странах (см. Приложение). Эта книга дает описание восемнадцати западноевропейских стран, все они — за исключением Кипра — рассматривались в двух более ранних изданиях. Таким образом, заинтересованный читатель может обратиться к ним за более детальным историческим анализом.

Издание Ньютона и Валлеса содержит главу «Европейский консорциум политических исследований» (Ньютон, Валлес, 1991: 445–458), которая описывает первые шаги по организации сотрудничества между политологами-исследователями в Европе. В настоящем издании вы найдете три главы, посвященные объединению и сотрудничеству в области преподавания и исследований в Европе.

2-6054

Усилия по анализу состояния дисциплины должны рассматриваться в широком историческом контексте. Так, например, Даг Анкар и Эркки Берндстон (Анкар: 239–262; Анкар и Берндстон 1987, 1988) проделали это с величайшей осторожностью применительно к периоду 1960–1990 гг., демонстрируя влияние общества на политическую науку, политической науки — на общество и развитие самой политологии. В то время как невозможно говорить о политической науке в 1960–1970-е годы, не упоминая о студенческих волнениях, критической теории и последуюших изменениях в большинстве университетских систем, ее современное состояние находится под доминируюшим влиянием глобального соревнования систем высшего образования и появления европейской зоны высшего образования и научных исследований (Рейнальда и Кулеша, 2006). Политические усилия по гармонизации высшего образования в Европе оказали глубокое воздействие на все академические дисциплины, включая политологию. Влияние так называемого Болонского процесса — тема, проходяшая сквозь все главы этой книги.

Во введении не будет суммироваться развитие политической науки в каждой отдельно взятой стране. Более того, мы также не будем пытаться систематически анализировать взлеты и падения теорий и методов, связанных с этапами развития политологии — формальным, традиционным, бихевиористским и постбихевиористским (Easton, 1985). Пытаясь глубже понять, что интересует политологов и чем они заняты на постбихевиористском этапе, мы склонны придерживаться нашего раннего достаточно оптимистичного анализа, позволившего прийти к следуюшему заключению: «...мы имеем тот счастливый случай, когда в рамках сложной дисциплины блестяшие и предприимчивые ученые все время пытаются заглянуть поверх преград, ранее разделявших смежные дисциплины. Прежнее стремление к объединенной науке, возможно, все еше остается химерой» (Нойрат, Карнап и Моррис, 1955). Но на рубеже веков наша наука выглядит по меньшей мере потенциально объединяемой» (Гудин и Клингеманн, 1996: 26; несколько отличную оценку можно найти у Истона, 1997). Итак, в этой главе мы не хотим пересказывать историю политической науки, равно как и рассматривать развитие теорий и методов. Вместо этого нам хотелось сосредоточить внимание на следуюших четырех вопросах о структуре политической науки на европейском уровне, используя данные по 18 западноевропейским странам, составляюшим объект анализа:

1. Какова институциональная основа политической науки в Западной Европе?
2. Как развиваются системы ученых степеней и преподавания?
3. Каковы основные области научных исследований?
4. Как развивается профессиональная коммуникация среди политологов?

Сосредоточиваясь на этих вопросах, мы обходим другие немаловажные темы — такие как финансирование, контроль качества и мобильность. Иными словами, картина, которую мы рисуем, весьма неполная. Кроме того, мы надеемся представить состояние политической науки в Европе на основании количественной информации. Данная задача серьезно ограничена доступностью надежной эмпирической базы. Именно поэтому мы вынуждены признать, что база данных, которую нам удалось собрать, далека от совершенства. Несмотря на эти недостатки, есть веские основания начать свое исследование с упором на вышеупомянутые аспекты и полагаться на имеюшиеся у нас данные. Наша дисциплина не будет процветать в европейской зоне высшего образования и научных исследований и, тем самым, не выживет в условиях глобальной конкуренции, если окажется не в состоянии:

- осознать саму себя или, выражаясь более прагматическим языком, достигнуть согласия по базовым учебным программам;
- описать себя в терминах статистики относительно основных измерений любой академической дисциплины.

Так как нам не удалось отдать должное вопросу идентичности во вводной главе, хотелось бы начать с подведения количественных итогов. Мы опасаемся, что, если пренебречь последним, политической науке окажется нелегко быть услышанной в обшем хоре академических дисциплин и их стремлении представить свои интересы на национальных и наднациональном уровнях.

2. Институциональная основа политической науки в Западной Европе

Наличие институтов со штатом политологов — предпосылка существования политической науки как дисциплины. Ричард Роуз (1990) описал процесс институционализации политической науки в европейских университетах как переход от любительского дилетантизма к профессионализму. Как он отмечает, пионеры современной политической науки неизбежно были любителями, не подготовленными в качестве профессиональных политологов, так как сам предмет политологии просто отсутствовал в университетских учебных программах. Сегодня политическая наука стала коллективным предприятием, профессией с четко определенными стандартами обучения и трудоустройства, в основе которых — национальные университетские системы с серьезными транснациональными связями между индивидуумами и институтами по всей Европе (Роуз, 1990: 581–82). Данный вывод, безусловно, справедлив в самом обшем смысле. Этот процесс хорошо отражается в истории развития политической науки в странах, представленных в нашем издании. Однако доклады по странам показывают и то, что все большее

число профессоров политологии проходят подготовку в университетах за рубежом. Это несколько ослабляет доводы в пользу «внутренней» ориентации и усиливает важность транснационального измерения. В странах, позже других вошедших в процесс институционализации, таких как Кипр или Исландия, никто не вынуждает брать на работу дилетантов, и они с гордостью об этом заявляют.

Согласно обзорам по странам, степень институционализации политической науки варьируется в зависимости от принятия относительно «новой» дисциплины «старыми» дисциплинами: правом, историей, экономикой или философией. Несмотря на это, мы отмечаем, что институционализация политологии в Европе прошла сравнительно сходным образом в большинстве стран, испытывая сильное влияние «поведенческой революции». Эта модель более выражена на севере Европы, чем на юге, где Франция придерживается своего специфического национального пути. Французские университеты не очень тепло приветствовали политологию в качестве академической дисциплины. Поэтому мы не обнаружили там большого количества факультетов политологии, за исключением Сорбонны (Paris I). Институционализация шла в обход университетской системы. Там создавались институты политических исследований (IEP) — среди них «Сьянс По» в Париже с его высоким академическим уровнем.

Каковы составные части общих стандартов политической науки? Одним из способов ответить на этот вопрос является рассмотрение базовой программы этой дисциплины. Что следует преподавать студентам, желающим получить диплом бакалавра, магистра или доктора политологии? На этот вопрос нет простого ответа. Рассмотрим, по крайней мере, две причины, объясняющие ситуацию. Во-первых, по-прежнему существует разногласие между двумя различными методологическими позициями в политической науке. Одни делают акцент на теории и количественных методах, другие — на истории и герменевтике. Во-вторых, мы наблюдаем растущую тенденцию к дифференциации дисциплины. Разделы политической науки, которые долгое время считались ее интегральной частью, теперь хотят быть самостоятельными дисциплинами. Таким образом, помимо факультетов или институтов «политологии» и «политических исследований», мы все чаще сталкиваемся с факультетами «европейских исследований», «государственного управления» (*public administration*), «политической социологии» и «политической коммуникации» — и это лишь некоторые из них. Это изумляющее разнообразие названий никак не способствует самоидентификации политической науки в качестве дисциплины как на национальном, так и на европейском уровнях. Ни эпистемологические различия, ни тенденция к дифференциации не способствуют усилению профессиональной идентичности. Следствие этой печальной ситуации — невозможность обеспечить количественные данные о ключевых индикаторах политической науки как академической дисциплины. Кермонн (1996) открыто заявил, что невозможно предоставить количественные данные, касающиеся политологии как дисциплины, по европейским странам. Ньютон и Валлес (1991) прямо не говорили на эту тему, но также не давали никаких количественных показателей. Официальная статистика просто не предоставляет сопоставимых данных о политической науке как дисциплине, это справедливо даже для таких ключевых характеристик, как преподавательский состав, количество студентов или предлагаемые учебные программы. Такая ситуация сохраняется до сих пор. Однако если мы не желаем просто добавить еще одну ламентацию, нам надо найти мужество с чего-то начать.

2.1. Методологические замечания

Большая часть эмпирических данных, представленных в таблицах, собрана авторами глав по отдельным странам. В качестве первого шага мы постарались свести все эмпирические данные из этих глав. Однако скоро обнаружилось, что выявленное своеобразие по разным странам трудно сопоставимо. Этим был продиктован наш второй шаг — мы попросили авторов предоставить ограниченный объем информации, подходящей для межнациональных сопоставлений. Есть большая вероятность, что эти данные могут содержать существенные погрешности. Тем не менее мы готовы принять это во внимание, чтобы начать дискуссию. Везде, где это возможно, мы будем напоминать читателю о потенциальных источниках неточностей или ошибок.

Базу данных мы ограничили государственными университетами. Это серьезное ограничение, хотя подавляющее количество будущих политологов обучается именно там. Частные университеты не принимались во внимание исключительно по прагматическим соображениям. Это печально, ибо во многих случаях именно они находятся на переднем крае инноваций в учебных программах и они же являются важной отраслью, переживающей период роста, в академическом мире. По тем же причинам мы исключили исследовательские институты неуниверситетского плана, такие как Австрийская академия наук, Берлинский научный центр социальных исследований (WZB), Институт Хуана Марча в Мадриде или Шведский институт социальных исследований в Стокгольме, представляющие собой лишь некоторые из очень престижных политологических исследовательских институтов. Это нужно учитывать, интерпретируя результаты нашего анализа.

2.2. Эмпирические результаты

Мы попытаемся ответить на два вопроса. Первый касается факультетов, институтов или других структурных подразделений, чьи учебные

программы включают политологию. Где они находятся? Сколько профессоров-политологов в них работают? Второй вопрос — о количестве студентов, изучающих политологию в рассматриваемых странах.

Эмпирические результаты с точки зрения ресурсов. Чтобы ответить на первый вопрос, мы собрали данные о числе профессоров и доцентов, преподающих политологию в том или ином «структурном подразделении». Выбрали термин «структурное подразделение» (*organizational unit*), потому что из наших источников не было ясно, на базе какой именно структуры велось преподавание политологии — факультета, отделения, института или кафедры либо какой-то иной структурной единицы, входящей в их состав. Мы ограничились данными о профессорах и доцентах в связи с тем, что собирались показать количество штатных преподавателей. Сознательно были исключены данные обо всех остальных группах преподавательского состава, таких как ассистенты и аспиранты, так как принципиальные различия между странами не позволяют провести корректное сравнение. Согласно нашему определению преподавательский корпус «политологов» включает профессоров, преподающих международные отношения, европейские исследования или государственное управление. Однако в некоторых случаях классификация осложнялась. Так, например, профессора, относящиеся к числу преподавателей политологии в одной стране, в другой стране включались в иную категорию.

Таблица 1 демонстрирует результаты. Во всех 18 странах политическую науку преподают в 307 университетах, где работают 1526 профессоров и доцентов-политологов, на 347 факультетах, а также в отделениях, институтах и других структурных подразделениях.

В своем докладе Кермонн (1996: 15) оценил количество преподавателей политологии в примерно 3500 «профессоров» на середину 1990-х годов. Наши данные нельзя напрямую сопоставлять с теми более ранними оценками, так как мы исходили только из количества профессоров и доцентов. Мы полагаем, что на каждого профессора и доцента приходится 3 «ассистента» для организации преподавания (имеются в виду в основном ассистенты и помощники преподавателя). В Соединенном Королевстве, например, статистика 2006 года выявила 450 профессоров политологии и помимо этого «преподавательский состав» из 1510 человек (не включая ассистентов преподавателя), что дает соотношение в среднем 1 к 3. Таким образом, наши скромные подсчеты дают цифру в приблизительно 4600 преподавателей политологии в Западной Европе на 2005 год. Если наши предположения верны, мы наблюдаем рост на 1100 профессиональных вакансий за последние пять лет.

Разброс данных по странам (табл. 2) достаточно большой. Число университетов, предлагающих обучение по направлению «политология», варьируется от 1 до 73, количество структурных подразделений — от 1 до

Таблица 1

Преподавание политологии по странам (по состоянию на 2005 г.)

Страна	Количество			Численность населения, млн
	профессоров*	подразделений**	университетов	
Великобритания	419	93	71	59,7
Германия	313	67	67	82.5
Франция	131	41	41	59,9
Италия	128	37	32	57,9
Греция	67	5	5	11,0
Бельгия	66	9	9	10,4
Нидерланды	51	12	9	16.3
Норвегия	48	5	4	4,6
Швейцария	46	9	9	7,5
Испания	42	13	11	42,3
Швеция	42	12	12	9,0
Португалия	40	14	11	10,5
Финляндия	40	13	10	5,2
Дания	40	5	5	5,4
Австрия	29	4	3	8,1
Ирландия	17	6	6	4,0
Исландия	4	1	1	0,3
Кипр	3	1	1	0,7
Всего	1526	347	307	395,3

* Число профессоров и доцентов.
** Факультеты, институты и другие структурные подразделения.

93, число профессоров может быть от 3 до 419. Кипр и Исландия всегда находятся в конце списка. В верхней части списка всегда стоит Великобритания. Наблюдается высокая степень корреляции между численностью населения и количественными показателями развития политологического образования (по числу университетов — 0,91; числу структурных подразделений — 0,86; числу профессоров — 0,81; Испания демонстрирует наиболее зримые отклонения, что будет рассмотрено далее). По отношению к численности населения в Испании, Австрии, Италии, Франции и Нидерландах число структурных подразделений и профессоров, осуществляющих преподавание политологии, ниже средних показателей. Та же ситуация со структурными подразделениями в Греции, чего нельзя сказать о количестве профессоров. Подобные различия легко объясняются высокой степенью концентрации преподава-

ния политологии в таких университетах, как Университет Афин и находящийся в Афинах университет Пантеон.

Сравнения между странами скрывают значительные различия внутри самих стран. Это в особенности касается размеров факультетов, институтов и других структурных подразделений, где преподается политология. Размер показывает способность структурного подразделения функционировать в качестве коллективного предприятия в рамках профессии. Это можно легко продемонстрировать, указав на принципиальную разницу между единственным профессором политологии, преподающим на юридическом, историческом, социологическом или экономическом факультете, с одной стороны, и сравнительно большой группой профессоров, работающих вместе на факультете политологии или в институте политологии, — с другой.

Только в последнем случае группа профессоров будет в состоянии, например, предложить полную образовательную программу бакалавриата по политологии, соответствующую минимальным требованиям в 90 ECTS кредитов[1] и содержащую курсы, требуемые для профессиональной подготовки (Приложение 22 у Рейнальда и Кулеши: 223–225). Несомненно, очень трудно определить минимальное число профессоров, необходимое для обеспечения полноценной программы обучения. Люди отличаются по своим преподавательским способностям, и небольшая команда, вдохновленная харизматическим лидером, может даже достичь высшего рейтинга среди политологических структур. Однако, возможно, столь же справедливо будет утверждать, что достаточно сложно обеспечить 90 ECTS кредитов по политологии на постоянной основе, имея в штате менее трех профессоров-политологов.

В нашем анализе мы измеряем «размер» числом профессоров и доцентов, преподающих политологию в отдельном структурном подразделении. Как указывалось выше, такое измерение не показывает абсолютного числа всех преподавателей. Скорее, подобное измерение призвано охватить институциональное ядро, состоящее из имеющихся преподавательских должностей высокого ранга.

Данные табл. 2 позволяют проследить ситуацию в разных странах по состоянию на 2005 г.

Страны расположены в зависимости от числа структурных подразделений, в штате которых насчитывается более двух профессоров. В Бельгии, Дании, Греции, Австрии, Исландии и Кипре во всех структурных подразделениях, где преподается политология, имеются как минимум три профессорские должности.

Италия находится на противоположном полюсе спектра. В 25 из 37 политологических структурных подразделений в Италии (68%) занято

[1] ECTS — Европейская система перезачета кредитов предполагает взаимное признание оценок студентов, полученных в других университетах. — *Прим. науч. ред.*

менее трех политологов. Следующую строчку занимает Франция (56%). В Финляндии (54%) и Швеции (50%), равно как и в Ирландии (50%) и Португалии (50%), это соотношение тоже достаточно высоко. Шесть стран составляют «среднюю группу» — Швейцария (11%), Нидерланды (17%), Германия (18%), Норвегия (20%), Испания (31%) и Соединенное Королевство (33%).

Часто критической массы в три человека не образуется, когда профессорам политологии приходится преподавать на иных факультетах. Такая же картина может проистекать попросту из того, что в некоторых странах должности профессора и доцента более ограничены в целях поддержания определенной иерархической структуры. С другой стороны, если университет в целом ориентирован на политологию в широком плане — как университеты Афин, — не стоит удивляться, что более трех профессоров преподают соответствующие курсы.

В основе наших рассуждений лежит предположение о том, что отдельные структурные подразделения обладают некоторой независимостью. Это предположение определенно верно применительно к факультетам, предлагающим образовательные программы уровня бакалавра по политологии. Для меньших по размеру структурных единиц межуниверситетское сотрудничество может стать выходом из такой структурной ограниченности, когда речь заходит о создании магистерских или докторских программ. Этот вариант следует иметь в виду при обсуждении имеющихся у малых групп политологов возможностей на местном уровне.

Эмпирические результаты с точки зрения «спроса». Кермонн (Quermonne, 1996: 15) не пытался оценить примерную численность студентов-политологов. Говоря словами Пьера Фавра, он указывал, что оценки численности студентов-политологов в одной только Франции могут отличаться в десятки тысяч раз в зависимости от того, отнесены к таковым студенты-юристы или нет. Этот же довод повторяют Блондьо и Делуа (см. их главу в этой книге). Таким образом, представляется трудным даже предположить общую численность студентов-политологов в Западной Европе. Мы попытались подсчитать их приблизительное число, опираясь на соответствующие главы, посвященные отдельным странам. В некоторых случаях, однако, даже приблизительно оценить численность студентов оказалось сложно. Как и ожидалось, Франция стала наиболее проблематичным случаем. Условная оценка — единственный способ предложить сопоставимые цифры.

Так, мы попросту умножили среднее число студентов, приходящихся на одного профессора в Западной Европе (101 студент), на число профессоров политологии во Франции (131), задокументировав источники нашей информации на случай критической проверки. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 2

Размер структурных подразделений, преподающих политологию, по странам (данные на 2005 г.)

Страна	Всего	Число профессоров и доцентов																				
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	17	21	22	24	26	28
Бельгия	9			1	2	1		1	1			2		1						
Дания	5				1		1			2			1							
Греция	5						1	2								1			1	
Австрия	4				1		1	1					1							
Исландия	1				1															
Кипр	1			1																
Швейцария	9	1		1	3	1		1	1		1									
Нидерланды	12	1	1	3	1	2	3	1												
Германия	67	10	2	15	10	9	7	3	4	2	2	1	1	1						
Норвегия	5		1				1		2									1		
Испания	13	2	2	4	1	4														
Великобритания		93	12	19	10	17	12	7	6		1	2	2	2	1	1		1		
Ирландия	6	3		1	1			1												
Швеция	12	4	2		2	2		1												
Португалия	14	2	5	3	1	3														
Финляндия	13	4	3	2		1	2	1												
Франция	41	15	8	5	4	2	3	1	1					2						
Италия	37	20	5	2	3	1		2		1		1		1						1
Всего	347	74	48	48	48	38	26	21	9	7	5	6	5	6	1	1	1	1	1	1

Примечание. Данные в ячейках обозначают число структурных подразделений.

Таблица 3

Примерное число студентов и соотношение студентов и преподавателей по странам (по состоянию на начало 2000-х годов)

Страна	Количество студентов-политологов	Количество студентов, приходящихся на одного преподавателя
Великобритания	33 000 (2004)	78,8
Германия	29 080 (2005)	92,9
Франция	13 231 (2004)	101,0
Италия	12 560 (2006)	98,1
Испания	12 000 (2004)	285,7
Швеция	11 220 (2004/2005)	267,1
Греция	10 927 (2005)	163,1
Австрия	4 434 (2003/2004)	152,9
Нидерланды	4 115 (2004)	80,7
Ирландия	3 700 (2006)	217,7
Дания	3 393 (2005)	84,8
Норвегия	3 200 (2004)	66,7
Швейцария	3 000 (2005)	65,2
Бельгия	2 652 (2003/2005)	40,2
Валлония	1 614 (2003/2004)	
Фландрия	1 038 (2004/2005)	
Финляндия	2 361 (2002)	59,0
Португалия	2 118 (2005/2006)	53,0
Исландия	560 (2006)	140,0
Кипр	129 (2005)	43,0
Всего	154 332	116,1

Численность студентов, приводимую в табл. 3, трудно оценить. Цифры, представленные здесь, — лишь грубые прикидки. Проблемы связаны с определением политологии как дисциплины (например, следует ли к политологии относить государственное управление, международные отношения и т.д.) и с различными типами студентов (например, тех, для кого политология является профилирующей (основной) специальностью, второй (дополнительной) специальностью, аспирантов). Эти проблемы обсуждаются в различных разделах этой книги.

Данные по числу студентов: *Австрия:* Appelt and Pollak, p. 48; *Бельгия:* De Winter, Frognier, Dezeure, Berck and Brans, p. 62, утверждают, что невозможно дать точные цифры. По мнению авторов, достоверные цифры есть лишь по числу студентов, получивших степень лиценциата либо дополнительный диплом лиценциата, постлиценциатскую степень или степень доктора. Они полагают, что имеющиеся данные приуменьшают общее число изучающих политологию студентов примерно на две трети. Мы подкорректировали цифры соответствующим образом, чтобы получить приблизительную оценку (Walloon: 538 x 3; Vlaams: 346 x 3). *Кипр:* Agapiou-Josephides, p. 80; *Дания:* Pedersen, p. 92. Цифры относятся только к университетам Орхуса, Копенгагена и Оденсе. Автор упомянул, что данные по Университету Южной Дании (Оденсе) также учитывают две магистерские программы (государственный менеджмент, контроль) и программу по журналистике. *Финляндия:* Berndtson, p. 116. Студенты, специализирующиеся по политологии, плюс аспиранты. Брендтсон заявляет: «Поскольку в Финляндии степени в области общественных наук являются мультидисциплинарными, с одной или несколькими второстепенными дисциплинами (и с элективными единичными курсами), невозможно точно сказать, сколько студентов изучают политологию ежегодно». Таким образом, цифра по Финляндии — весьма приблизительна. *Франция:* Blondiaux and Deloye. p. 139, заявляют, что в плане преподавания политология продолжает зависеть от юридических факультетов. Официальная статистика 2004 г. показывает, что на юридических программах в университетах обучаются 78 026 студентов. Громадное большинство из них изучали введение в политологию на младших курсах. Однако это не тождественно изучению политологии в качестве второй (неосновной) дисциплины в других европейских странах. По оценкам авторов, около 3000 студентов специализируются по политологии. Таким образом, в плане учебных программ преподавание политологии во Франции на самом деле нельзя сравнивать с другими странами. Без учета Франции 1395 профессоров в среднем учили по 101 студенту. Умножив число профессоров-политологов во Франции (131) на среднее число обучаемых одним профессором студентов (101), мы получили общее число студентов-политологов, равное 13231. *Германия:* Schuttemeyer, p. 172. Студенты-политологи без учета подготовки преподавателей. *Греция:* Contogeorgis, данные сообщены при личном контакте. Студенты уровня бакалавриата, зачисленные на факультеты, присуждающие степень по политологии, плюс 450 аспирантов. *Исландия:* Hardarson, p. 232. *Ирландия:* Coakley and Laver, сообщено лично. *Италия:* Giannetti, сообщено при личном контакте, включают 60 докторантов. *Нидерланды:* Reinalda, p. 282 — студенты бакалавриата и магистратуры по политологии и государственному управлению. Отметьте замечания, сделанные в примечаниях к таблицам 1 и 2. *Норвегия:* Hansen, p. 299. *Португалия:* Moreira, сообщено при личном контакте. *Испания:* Etherington and Morata, p. 328. *Швеция:* Berglund and Ekman, pp. 349/350 (табл. 3). *Швейцария:* Freymond, Platel, Voutat, p. 362. Число студентов, изучающих политологию в качестве основной или дополнительной специальности. *Соединенное Королевство:* Goldsmith and Grant, p. 383. «Приблизительные оценки позволяют предположить, что около 3000 студентов обучаются по программе single honours degree и, возможно, в десять раз больше — по программам совместных степеней». По грубым подсчетам, общее число составляет 30 000 студентов.

Соотношение преподавателей и студентов в Великобритании вводит в заблуждение. Как уже говорилось, число преподавателей значительно больше числа профессоров. Если оценивать число студентов, приходящихся на одного преподавателя в Великобритании, то оно снизится до соотношения 15:1 — пропорции, более приемлемой для нормативов контроля качества образования. Таким образом, число студентов, приходящихся на одного преподавателя, существенно снижается во всех странах, если мы станем принимать во внимание весь преподавательский состав.

Следуя нашим методам подсчета, мы приходим к общей цифре примерно в 154 000 студентов-политологов в Западной Европе по состоянию на 2005 г. Эти данные включают магистрантов, бакалавров и соискателей степени доктора (PhD). Точное число варьируется от 129 на Кипре до 33 000 в Соединенном Королевстве. Вариация зависит от

показателей численности населения страны, отраженных в табл. 1, хотя эта зависимость проявляется в меньшей степени (0,86). Соотношение студент/преподаватель также различается в зависимости от страны. Например, в Бельгии профессор политологии обучает в среднем 40 студентов, в то время как в Испании это соотношение в 7 раз больше (286).

Тем не менее пропорции не следует понимать в буквальном смысле. Их нужно интерпретировать осторожно и с учетом всех преподавателей того или иного факультета, включая ассистентов, аспирантов и всего остального преподавательского состава, который, безусловно, снизит коэффициент соотношения студентов и преподавателей.

3. Система степеней и области преподавания

Сегодня Болонский процесс — начавшийся реально в Париже в мае 1998 года подписанием Сорбоннской декларации — можно рассматривать в качестве самого важного политического шага по гармонизации высшего образования в Европе (Рейнальда и Кулеша, 2006). Шесть принципов были приняты в Болонье на конференции 29 министров образования в целях повышения конкурентоспособности, мобильности и трудоустройства на глобальном уровне. Эти принципы в настоящее время реализуются в большинстве европейских стран и уже наложили серьезный отпечаток на политологию как академическую дисциплину. Изначальные цели Болонского процесса были следующими:

- принятие более удобной и сопоставимой системы дипломов о высшем образовании;
- введение двухступенчатой системы высшего образования (бакалавр—магистр);
- введение системы сопоставимых кредитов, такой как Европейская система пересчета кредитов (ECTS);
- расширение мобильности студентов и преподавателей;
- расширение сотрудничества для обеспечения качества образования и научных исследований;
- формирование европейского измерения в высшем образовании.

На последующих конференциях обсуждались и были одобрены другие меры, такие как формы обучения в аспирантуре (Берлинская конференция, сентябрь 2003 года). Почему Болонский процесс столь важен для преподавания? Он важен потому, что вновь поставил перед политологией старый вопрос о ее идентичности. Что должен изучать студент-политолог, чтобы получить признание в качестве политолога? Как следует распределять материал и учебные модули по уровням подготовки (в чем, например, аспирантура по политологии должна принципиально отличаться от магистратуры)?

3.1. Утверждение новой системы степеней

Обратимся к цели принятия более удобной и сопоставимой системы степеней высшего образования. С формальной точки зрения этот процесс идет успешно: в 15 из 18 стран уже осуществлен переход на трехлетний бакалавриат, а в Испании, Греции и на Кипре (являющихся исключением) сохраняются четырехлетние программы подготовки бакалавров. Нет нужды говорить о том, какие жаркие споры развернулись по вопросу о сроках обучения. Критики перехода на новую систему утверждали, что трех лет недостаточно для полноценного изучения всего, что необходимо знать политологу-бакалавру. Но несмотря на приводимые доводы, сторонники четырехлетнего бакалавриата, похоже, проиграли спор, и в европейских странах утверждается трехлетняя модель подготовки бакалавров. Еще больше разногласий выявилось относительно продолжительности обучения в магистратуре (второй цикл). Например, в Бельгии мнения разделились. Валлоны решили, что магистерская подготовка политолога составит два года, в то время как во фламандских университетах степень магистра политологии можно получить за один год. Большинство европейских стран (11) солидаризовалось с валлонами, в то время как 5 стран поддержали фламандскую годичную модель. Большее единодушие европейское политологическое сообщество проявляет по отношению к программам аспирантского (докторского) уровня. Общее мнение состоит в том, что аспиранты не должны ограничиваться проведением индивидуальных исследований в контакте только лишь с научным руководителем, их подготовка должна быть более структурированной. Некоторые факультеты уже начали предлагать аспирантам (докторантам) первоклассные программы обучения, отвечающие высшим стандартам (например, Тринити Колледж в Дублине). Однако различия между университетами все еще большие, и подготовка на уровне аспирантуры (докторантуры) требует совершенствования (Голдсмит, 2005).

Таблица 4

Структура уровней подготовки (количество лет, необходимое для получения степени бакалавра и магистра политологии)

Страна	Количество лет обучения*
Бельгия (Фландрия)	3 + 1
Франция	3 + 1
Ирландия	3 + 1
Нидерланды	3 + 1
Швейцария	3 + 1
Великобритания	3 + 1

Окончание табл. 4

Страна	Количество лет обучения*
Австрия	3 + 2
Бельгия (Валлония)	3 + 2
Дания	3 + 2
Финляндия	3 + 2
Германия	3 + 2
Исландия	3 + 2
Италия	3 + 2
Норвегия	3 + 2
Португалия	3 + 2
Швеция	3 + 2
Кипр	4 + 2
Греция	4 + 2
Испания	4 + 2

* Первая цифра — бакалавриат, вторая — магистратура.

Успех или провал новой системы ученых степеней в различных странах зависит от различных факторов. Например, введение новой системы ученых степеней будет более трудным в странах, где ей придется соперничать с хорошо известной и широко принятой системой «старых» степеней. Еще более важным фактором будет качество «конечного продукта». Как проявят себя выпускники, прошедшие обучение по трехлетним, четырехлетним (3 + 1) и пятилетним (3 + 2) или докторским программам? Как себя чувствуют на рынке труда выпускники, получившие диплом бакалавра, магистра или доктора политологии? Если мы найдем положительные ответы на эти вопросы, то происходящие изменения в системе ученых степеней можно будет считать обоснованными.

3.2. Области преподавания

В докладе Кермонна (1996: 15) говорится, что составить перечень объектов, изучаемых политологией, сравнительно легко. «Не претендуя на завершенность, список тем не менее представляется сравнительно похожим в разных странах: политическая теория и политическая философия; изучение электорального поведения; сравнительная политология; институты и национальная политика (иногда называемые «правительством»); управление и публичная политика; история политической мысли; муниципальная политика; изучение меньшинств; международные отношения». Список включает большинство разделов политической науки. Показательно, однако, что в нем нет методологии и статистики. Это наблюдение вновь возвращает нас к уже упоминавшимся методологическим разногласиям. Если политология хочет считаться *наукой*, минимальным требованием к профессиональному политологу будет уверенное владение теорией и количественными методами исследования. С другой стороны, если наша дисциплина стремится заниматься политическим *исследованиями*, количественные методы и статистика имеют меньшее значение.

Отвечая на вызовы Болонского процесса, европейские политологи, проведя широкую дискуссию в рамках профессиональных сообществ — Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet), Европейского консорциума политических исследований (ECPR) и Европейской конференции национальных ассоциаций политических наук, — сформулировали предложения, вынесенные на Берлинскую конференцию 2003 года: «Для достижения целей Болонской декларации в области политологии мы рекомендуем установить некоторые минимальные требования к преподаванию политологии. В настоящее время минимальным требованием к бакалаврам политологии является освоение учебных модулей в объеме 180 кредитов ECTS, осуществляемое, как правило, в течение трех лет» (Рейнальда и Кулеша, 2006: 224). Предложение предусматривает освоение студентами *политологических* курсов в объеме не менее 90 кредитов ECTS. Эти кредиты должны быть набраны за счет освоения следующих предметных областей:

- политическая теория, история политических идей;
- методология (включая статистику);
- политическая система собственной страны и Европейского Союза;
- сравнительная политология;
- международные отношения;
- государственное управление и политический анализ;
- политическая экономия и политическая социология.

Это предложение можно считать крупным шагом к определению предметного ядра (основы) образовательных программ подготовки политологов. Мы отмечаем, что в нем в явной форме упоминаются методология и статистика. В нем также говорится, что международные отношения, государственное управление, политическая экономия и политическая социология являются составными частями процесса изучения политологии и находятся «под одной крышей» в рамках дисциплины. В то время как дифференциация и специализация — характеристики *исследовательской* деятельности, *преподавание* политологии должно включать весь набор ее основных разделов.

Призыв к созданию развернутых учебных программ не вяжется с тем фактом, что более чем в трети структурных подразделений, преподающих политологию, работает менее трех профессоров. Однако, как мы показали ранее, положение дел в каждой стране разное. Там, где политология преподается в качестве дополнительной специальности на юридических, экономических и социологических факультетах, предложения Европейской конференции национальных ассоциаций политических наук является трудно осуществимым. Если межуниверситетское сотрудничество может стать многообещающим направлением развития качественных магистерских и докторских программ, то обеспечить подготовку бакалавров без соответствующих ресурсов на местах, практически невозможно.

4. Области научных исследований

Исследовательские программы имеют тенденцию к большей специализации, нежели учебные программы. Нужно признать, что большинство областей исследований характеризуется специализацией, фрагментацией и гибридизацией. Эта «разнородность», как отмечает Матеи Доган (1996: 97), «длительное время подпитывалась обменом со смежными дисциплинами посредством связей между специализированными областями различных социальных наук». Этот процесс направляет дискурс концепций, теорий и методов. Наиболее актуальные вопросы политической науки связаны в основном с политическим и социальным контекстами, в которые она встроена. Вследствие специализации достаточно сложно суммировать многие исследовательские программы. Весьма трудно описать их и на национальном уровне. Что действительно нужно — так это проанализировать их на уровне отдельных исследовательских структур. К сожалению, такая информация нам недоступна. Поэтому придется полагаться на общие замечания в главах, посвященных отдельным странам. Таблица 5.1 обобщает широкие области исследования.

Полученные результаты следует интерпретировать с осторожностью. Во-первых, как упомянуто выше, описание различий по странам скрывает яркие отличия между отдельными исследовательскими институтами. Во-вторых, многие из наиболее продуктивных исследовательских институтов, не относящихся к университетской системе, не включены в наш анализ.

В целом результаты не вызывают удивления. Большинство исследовательских программ направлено на изучение политических систем в собственных странах и в Европейском союзе. Международные отношения, политический анализ, государственное управление, политическая социология/политическая экономия занимают второстепенное положение, за ними следуют политическая теория, история политических учений. Данный результат отражает низкий интерес к методологии как

Таблица 5.1

Области исследования: общий обзор

Место по порядку	Область исследований	Число упоминаний
1	Политическая система собственной страны и Европейского Союза	16
2.1	Международные отношения	13
2.2	Политический анализ, государственное управление	13
2.3	Политическая социология	13
3	Политическая теория, история политических идей	12
4	Сравнительная политология	6
5	Методология (включая статистику)	4

вспомогательной области исследования. Сравнительная политология остается далеко позади. Однако не исключено, что эти результаты отчасти объясняются тем, что трудно развести сравнительную политологию и такие направления, как политическая система Европейского союза или международные отношения. Европейский союз как наднациональная система управления хорошо представлен в программе научных исследований. Необходимо отметить, что Европейская комиссия активно поддерживает европейские исследования. Это подтверждается не только финансированием широкомасштабных исследовательских проектов. По крайней мере значительных результатов удалось добиться в области европейских исследований при поддержке университетских грантов фонда Жана Монне. В 1990 г. 46 кафедр имени Жана Монне были поддержаны Евросоюзом в европейских университетах. Эта цифра выросла до 249 в 1995 г., до 493 в 2000 г. и достигла 623 в 2005 г. Это уникальный ресурс не только для преподавания, но и для исследований в области европейского политического и социального развития.

Кермонн (1996: 16) отметил постепенную, но заметную смену объекта исследования с 1960 г. Будучи первоначально сосредоточенной на изучении форм правительства, политических партий, электорального поведения, по наблюдениям исследователя, дисциплина обращается к таким областям, как анализ дискурса, изучение символов, появление меньшинств, выражение плюрализма, механизмы, способствующие воспроизводству элиты, и угрозы окружающей среде. Есть все основания признать подобное развитие событий. Однако более пристальный взгляд обнаруживает, что политическая наука не оставила без внимания иссле-

Таблица 5.2

Области исследования, представленные в национальных отчетах 2005 г

Страна	Политическая теория, история политических идей	Методология (включая статистику)	Политическая система собственной страны и Европейского союза	Сравнительная политология	Международные отношения	Политический анализ, государственное управление	Политическая экономия и политическая социология	Всего
Австрия	X		X		X			3
Бельгия					X	X	X	3
Кипр			X		X			2
Дания			X		X	X	X	4
Финляндия	X		X		X			3
Франция	X	X	X	X	X	X	X	7
Германия	X		X	X	X	X	X	6
Греция	X		X		X	X	X	5
Исландия			X					1
Ирландия	X		X		X	X	X	5
Италия	X		X			X	X	4
Нидерланды	X		X		X	X	X	5
Норвегия						X	X	2
Португалия	X		X					2
Испания			X	X		X	X	4
Швеция	X	X		X	X	X	X	6
Швейцария	X	X	X	X	X	X	X	7
Великобритания	X	X	X	X	X	X	X	7
Всего	12	4	16	6	13	13	13	77

дования моделей правления, политических партий и электорального поведения. Скорее мы наблюдаем процесс дифференциации тематики исследований в области политической науки, что добавляет новые горизонты, но не отменяет старых — это глобальная тенденция (Гудин—Клингеманн, 1996: 14–15).

Падение авторитарных режимов по всему миру, в частности коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, стимулировало появление разнообразных исследовательских программ, посвященных переходу от авторитарного правления к демократическому и консолидации молодых демократий. Эта тема не освещена специально в широких категориях, принятых для исследовательских программ. Тем не менее ее стоит упомянуть, потому что она широко обсуждается политологами в Центральной и Восточной Европе (Клингеманн и др., 1994, 2000; Клингеманн, 2002; Клингеманн и др., 2002).

5. Профессиональная коммуникация

Профессиональная коммуникация имеет существенное значение для прогресса науки. Критическое обсуждение новых тем необходимо. Обеспечение инфраструктуры для этого дискурса — одна из основных функций ассоциаций политической науки.

Во всех исследуемых странах есть профессиональные ассоциации политологов. Кипр является исключением, однако делаются определенные шаги по созданию политологической ассоциации и в этой стране. Таблица 6 показывает общее число членов национальных ассоциаций политологов — 10000 в 2005 году. Количество членов варьируется от 130 в Португалии до 1650 в ассоциации Великобритании. Абсолютные цифры имеют тенденцию коррелировать с численностью населения (0,61).

Национальные политологические ассоциации необходимы по крайней мере по двум причинам. Во-первых, они обеспечивают профессиональное общение внутри самой научной дисциплины, а также между политической наукой и обществом в целом на национальном языке этого общества. Во-вторых, национальные ассоциации политических наук представляют интересы этой профессии в национальных академиях и на национальной политической арене.

Таблица 6

Членство в национальных ассоциациях политологов за 2005 г.

Национальные ассоциации политической науки	Количество членов
Австрийское общество политической науки	500
Политологический институт (Бельгия, Фландрия)	280
Бельгийская ассоциация политической науки — французская община	147

Окончание табл. 6

Национальные ассоциации политической науки	Количество членов
Кипр*	—
Датская ассоциация политической науки**	400
Финская ассоциация политической науки	400
Французская ассоциация политической науки	600
Немецкое объединение политической науки	1400
Греческая ассоциация политической науки	260
Исландская ассоциация политической науки	200
Ассоциация политических исследований Ирландии	200
Итальянская ассоциация политической науки	280
Голландская ассоциация политической науки	330
Норвежская ассоциация политической науки	500
Португальская ассоциация политической науки	130
Испанская ассоциация политических и административных наук	500
Шведская ассоциация политической науки	250
Швейцарская ассоциация политической науки	736
Ассоциация политических исследований Великобритании	1 650
Британская ассоциация международных исследований	965
Всего	9 728

* Ассоциация политологов на Кипре находится в процессе формирования.

** Датская ассоциация политической науки, а также Политологический институт (Фламандская ассоциация) имеют только коллективное членство. Моргенс Н. Педерсен и Ливен Де Винтер любезно предоставили приблизительные данные по индивидуальному членству.

В отношении профессиональной коммуникации внутри самой дисциплины все национальные ассоциации политологов регулярно организуют конференции и встречи. Все они издают журналы на национальных языках с результатами исследований.

По оценке Каазе (2007), в мире работают около 40 000 политологов, регулярно публикующих результаты своих исследований в более чем 1000 специализированных журналов в основном на своем родном языке. Мы попросили авторов глав по отдельным странам назвать политологические журналы. В таблице 7 перечислены 73 таких журнала. Несмотря на то что эти данные неполны, они показывают, что во всех

Таблица 7

Профессиональная коммуникация. Национальные журналы по политической науке

Страна	Журнал
Австрия	Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft Contemporary Austrian Studies SWS-Rundschau
Бельгия	Res Publica Studia Diplomatica Burger bestuur & beleid Dids op Maatschappelijk Gebied Revue Internationale de Politique Comparée Transitions
Кипр	Cyprus Review
Дания	Politica GRUS Politik
Финляндия	Politiikka Hallinnon tutkimus Politiikan tutkimus & yhteiskunta
Франция	Revue Française de Science Politique Politix — Revue des sciences socials du politiques Culture et Conflits — Sociologie politique de l'international Pole Sud Critique Internationale Raison Politiques Politique Européenne
Германия	Politische Vierteljahresschrift Zeitschrift für Parlamentsfragen Zeitschrift für Politikwissenschaft Zeitschrift für Politik Zeitschrift für Internationale Beziehungen Leviathan
Греция	Hellenic Review of Political Science Political Science The Parliamentary Review The Constitution Democracy and Nature Administrative Review Administrative Reform Leviathan Review of the European Communities Defense and Diplomacy Strategy Utopia

Окончание табл. 7

Страна	Журнал
Исландия	Web-journal of the Institute of Public Administration and Politics
Ирландия	Irish Political Studies
Италия	Rivista Italiana di Scienza Politica Teoria Politica Scienza Politica Rivista di Scienza dell' Administrazione Comunicazione Politica Osservatorio Elettorale Rivista Italiana di Politiche Pubbliche
Нидерланды	Acta Politica
Норвегия	Norsk Statsvitenskapelig Tidsskrift Internasjonal Politikk
Португалия	Revista de Histôria das Ideas Revista de Estudos do Século XX Revista Nova Cidadania Estratégia Revista de Ciencia Politica Nacao e Defesa
Испания	Revista Espanola de Ciencia Politica Revista de Estudios Politicos Gestion y Anâlisis de Politicas Publicas
Швеция	Statsvetenskaplig Tidskrift SWEPSA Politologen
Швейцария	Revue suisse de science politique Manuel de la politique suisse
Великобритания	British Journal of Politics and International Relations Political Studies Political Studies Review Politics Review of International Studies Journal of Elections Public Opinion and Parties

европейских странах есть возможность публиковаться на своем родном языке. Интернет дает техническую возможность создавать веб-журналы, позволяя даже таким небольшим сообществам политологов, как в Исландии, иметь свой национальный политологический журнал. Таким образом, во времена глобализации и европейской интеграции национальные ассоциации политологов жизненно необходимы. Их нельзя заменить наднациональными организациями, потому что они служат краеугольными камнями в рамках национального контекста.

Данное утверждение не противоречит следующему наблюдению: в это же самое время быстро растет международное сотрудничество. Большое число европейских политологов регулярно ездит на встречи Американской ассоциации политической науки и Международной ассоциации политической науки. Однако что касается Европы, то здесь наблюдается сотрудничество и на региональном уровне. Северные страны объединяются в рамках Северной ассоциации политической науки; небольшие фламандско- и франкоязычные политологические объединения стремятся к более тесному сотрудничеству со своими голландскими, французскими и швейцарскими коллегами; даже более крупные немецкоязычные ассоциации организуют время от времени общие собрания.

Наиболее важным фактором интеграции политической науки на европейском уровне является Европейский консорциум политических исследований (ECPR) и — хотя и в меньшей степени — Европейская ассоциация преподавателей политологии (epsNet). Вследствие их большой значимости мы выделили специальные главы, посвященные этим двум организациям (см. главы, написанные Берг-Шлоссером и Топфом). Это освобождает нас от необходимости детально описывать здесь их деятельность. Тем не менее, мы хотели бы подчеркнуть непреходящее значение ECPR для интегрирования исследовательской деятельности и прокладывания пути для более широкого англоязычного дискурса в европейской политической науке. Участие в конференциях и исследовательских проектах, организованных ECPR, равно как и в поддерживаемой ECPR Эссекской летней школе, и публикации в «Европейском журнале политических исследований» (*European Journal of Political Research*) предполагают владение английским языком. Умение излагать и обсуждать идеи на этом общем языке («lingua franca») способствовало вовлечению многих политологов в более широкий европейский и глобальный контекст.

Таблица 8 демонстрирует интенсивность сетевого взаимодействия институтов—членов ECPR. В 2006 г. в ECPR насчитывалось 286 членов из 18 стран. Великобритания и Германия, имея 40% от общего числа членов (62 и 51 соответственно), доминируют в консорциуме ECPR. Из 347 структурных подразделений, предлагающих курсы политологии, 179 также являются членами ECPR (52%). Плотность организаций в разных странах различна. Данная картина иллюстрирует высокую организационную плотность ECPR в северных странах и низкую — в южной Европе, особенно отстают Италия, Франция, Португалия и Кипр. Если участие в англоязычном дискурсе является важным условием для поддержания общих стандартов профессии, университетам этих стран придется подтянуться.

EpsNet, будучи младшей сестрой ECPR, объединяет европейскую политическую науку, делая упор на преподавание. Только время покажет, сможет ли эта организация соответствовать требованиям дисцип-

Таблица 8

Профессиональная коммуникация: членство в Европейском консорциуме политических исследований по разным странам (ноябрь 2006 г.)

Страна	«Организационная плотность» по странам на основании числа политологических структурных подразделений (в скобках — точное число)	Общее число членов ECPR в стране
Дания	100 (5)	8
Исландия	100 (1)	1
Норвегия	100 (5)	13
Швеция	92 (11)	15
Ирландия	83 (5)	5
Греция	80 (4)	4
Бельгия	78 (7)	9
Австрия	75 (3)	5
Испания	69 (9)	17
Нидерланды	67 (8)	12
Швейцария	56 (5)	5
Великобритания	56 (52)	58
Финляндия*	54 (7)	5
Германия	52 (35)	43
Италия	38 (14)	15
Франция	22 (9)	12
Португалия	7 (1)	3
Кипр	0 (—)	1
Всего	52	231

* Более чем одно организационное объединение, включающее соответствующее количество членов.

лины, предпринимающей усилия по реализации принципов Болонского процесса.

6. Заключение

Мы попытались дать сравнительное описание базовых параметров политической науки как академической дисциплины в Западной Европе по состоянию на 2005 г. Наш анализ был ограничен четырьмя структурными характеристиками: институциональной основой дисциплины,

системой ученых степеней и областями преподавания, областями научных исследований, а также профессиональной коммуникацией. Недостаток надежных и сопоставимых данных затруднил даже просто хорошее описание ситуации. Учитывая эти ограничения, мы показали:

- различия в степени институциализации профессиональной политической науки на университетском уровне (точнее, уровне структурных подразделений);
- влияние Болонского процесса на введение гармонизированных степеней бакалавра, магистра и доктора;
- растущее внимание к исследовательским программам по европейской интеграции, системе управления Европейского союза и переходу от авторитарного к демократическому правлению;
- решительные попытки политической науки в Европе создать систему сетевого взаимодействия, коммуникации и сотрудничества.

В настоящее время национальные ассоциации политической науки и их европейские конференции (см. статью Пола Ферлонга в этом сборнике), а также ECPR и epsNet (см.: статьи Дирка Берг-Шлоссера и Ричарда Топфа) — три основополагающих столпа, на которых зиждется политическая наука в Европе. Без сомнения, эти столпы обладают разной мощью, но все они работают на улучшение сотрудничества политологов в Европе. Время покажет, смогут ли они в результате сформировать европейскую ассоциацию политической науки[1]. Помимо этого масштабного вопроса тем не менее для нашей дисциплины представляется важным признать необходимость развития надежной системы данных, описывающих основные характеристики через сравнительный анализ, как обязательное условие — с тем, чтобы затронуть вопросы идентичности и выполнить задачу представительства интересов на национальном, европейском и глобальном уровнях.

Приложение

Письмо авторам глав по отдельным странам

Современное состояние политической науки в Западной Европе. Аспекты, которые следует затронуть в каждой главе по стране.

1. Введение

1.1. *Исторический фон.*

Краткое описание появления политологии как академической дисциплины.

1.2. *Современное состояние.*

Влияние потенциальных разногласий относительно Болонской системы.

[1] Такая ассоциация уже существует в настоящее время. — *Прим. науч. ред.*

2. Преподавание и научные исследования.

2.1. *Учреждения высшего образования, ведущие преподавание политологии.*

Количественные данные о развитии государственных и частных университетов, равно как и «иных» учреждений, предлагающих курсы по политологии. Число и названия университетов; развитие преподавательского корпуса (профессоров, доцентов, ассистентов и др.).

2.2. *Система степеней и правила приема.*

Структура ученых степеней (доктор, дипломированный специалист, магистр, бакалавр, профилирующая дисциплина/вторая специальность и т.д.); требования к поступающим, плата за обучение, число и категория обучающихся и т.д.

2.3. *Области преподавания.*

Основные модели учебного плана; статус политической теории и политической эпистемологии, методологии и статистики.

Согласие относительно неотъемлемого «ядра» политологии как академической дисциплины и т.д.

Существуют ли доминирующие течения в преподавании политологии сегодня? Ранее проведенные исследования пытались описать их следующим образом:

Политическая теория. Политическая философия. Политическая эпистемология и методология. Политическая история. Политическая экономия. Публичная политика. Политическая социология. Политическая психология. Сравнительная политология. Европейская политика. Национальная политика. Региональные исследования. Международные отношения.

Другие области политической науки: уточните.

Используются ли основные учебники? Какие именно?

2.4. *Научные исследования.*

Связь между преподаванием и научными исследованиями; финансирование исследований и т.д.

Существуют ли доминирующие теоретические подходы в политических исследованиях? Ранее проведенные исследования пытались описать их следующим образом:

Исторические подходы. Герменевтика. Феноменология. Теория систем. Неоинституционализм. Структурный функционализм. Теория рационального выбора. Теория игр. Кибернетика. Бихевиорализм. Политическая экономия. Марксистский анализ. Экзистенциализм.

Другие теоретические подходы: перечислите.

Существуют ли основные исследовательские центры? Какие именно?

2.5. *Профессиональная коммуникация.*

Журналы и периодические издания; конференции.

Национальное и международное сотрудничество (Национальная ассоциация политической науки; ECPR; epsNet; Международная ассоциация политической науки; иные международные ассоциации и т.д.). Членство в национальной и международных ассоциациях.

Как бы вы оценили вероятность появления Европейской ассоциации политической науки?

3. Будущее политической науки (в вашей стране).

Развитие профессиональной и дисциплинарной значимости; возможности студентов-политологов на рынке труда.

Литература

Almond, Gabriel (1990): *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*, L.: Sage Publications.

Anckar, Dag (1991): "Nordic political science: trends, roles, approaches" // Kenneth Newton, Josep M. Valles (eds.): *Political Science in Western Europe, 1960–1990*, special issue *of European Journal of Political Research* 20: 239–262.

Anckar, Dag, Erkki Berndtson (1987): "Introduction: Towards a study of the evolution of political science" special issue of *International Political Science Review, The evolution of political science: Selected case studies* 8:5–7.

Anckar, Dag, Erkki Berndtson (eds.) (1988): *Political Science between Past and theFuture*, Helsinki: The Finnish Political Science Association.

Beyme, Klaus von (ed.) (1986): "Politikwissenschaft in der Bundesrepublik Deutsch-land" *Politische Vierteljahresschrift*, special issue 17, Opladen: Westdeutscher Verlag: 12–26.

Dogan, Mattei (1996): "Political Science and the Other Social Sciences" // Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann (eds.): *A New Handbook of Political Science*, Oxford: Oxford University Press: 97–130.

Easton, David (1987): "The Future of the Postbehavioral Phase in Political Science" // Kristen Renwick Monroe (ed.): *Contemporary Empirical Political Theory*, Berkeley: University of California Press: 13–46.

Easton, David (1985): "Political Science in the United States: Past and Present" // *International Political Science Review* 6: 133–152; Easton, David (1953): *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*, N.Y.: Knopf.

Easton, David. John G. Gunnell, Michael B. Stein (eds.) (1995): *Regime and Discipline. Democracy and the Development of Political Science*, Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Easton, David, John G. Gunnell, Luigi Graziano (eds.) (1991): *The Development of Political Science*, London: Routledge.

Easton, David, Corinne S. Schelling (eds.) (1991): *Divided Knowledge, Across Disciplines, Across Cultures*, Newbury Park: Sage.

Favre, Pierre avec la collaboration de Nadine Dada (1996): "La science politique en France" // Jean-Louis Quermonne (ed.): *La Science Politique en Europe: Formation. Coopération, Perspectives. Rapport Final. Projet realisé avec le soutien de la Commission Européenne (DG XII)*, Paris: Institut d'Études Politiques de Paris: 214–249.

Finifter, Ada W. (ed.) (1983): *Political Science: The State of the Discipline*, Washington, DC: American Political Science Association.

Finifter, Ada W. (ed.) (1993): *Political Science: The State of the Discipline II*, Washington, DC: American Political Science Association.

Goldsmith, Michael (ed.) (2005): *Doctoral Studies in Political Science — A European Comparison*, Budapest: epsNet.

Goodin, Robert E., Hans-Dieter Klingemann (eds.) (1996): *A New Handbook of Political Science*, Oxford: Oxford University Press.

Goodin, Robert E., Hans-Dieter Klingemann (1996): "Political Science: The Discipline" // Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann (eds.): *A New Handbook of Political Science*, Oxford: Oxford University Press: 3–49.

Goodin, Robert E., Hans-Dieter Klingemann (2002): "In defense of the new handbook: A comment on criticism by Schmitter and Gunnell" // *European Political Science* 1 (2): 41-44.

Graziano, Luigi (ed.) (1987): *La Scienca Politico Italiana*, Milano: Felterinellei.

Greenstein, Fred I., Nelson W. Polsby (eds.) (1975): *Handbook of Political Science*, 8 vols. Reading, Mass.: Addison-Wesley.

Inogushi, Takashi (2005): "Envisioning the Asian Consortium for Political Research (ACPR) in the New Century" // *Political Science in Asia* 1:1–3.

Kaase, Max (2007): "Political Participation" // Russell J. Dalton, Hans-Dieter Klingemann (eds.): *The Oxford Handbook of Political Behavior,* Oxford: Oxford University Press (forthcoming).

Katznelson, Ira, Helen Milner (eds.) (2002): *Political Science: The State of the Discipline III,* Washington, DC: American Political Science Association.

McKay, David (1991): "Is European political science inferior to or different from American political science?" // Kenneth Newton, Josep M. Valles (eds.): *Political Science in Western Europe, 1960–1990,* special issue of European Journal of Political Research 20: 225–446.

Klingemann, Hans-Dieter (2002): "Political Science in Central and Eastern Europe: National Development and International Integration" // Max Kaase, Vera Sparschuh (eds., co-edited by Agnieszka Wenninger): *Three Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe. Handbook on Economics, Political Science and Sociology (1989–2001),* Bonn/Berlin/Budapest: GESIS/Social Science Information Centre and Collegium Budapest Institute for Advanced Study: 206–212.

Klingemann, Hans-Dieter, Ekkehard Mochmann, Kenneth Newton (eds.) (1994): *Political Research in Eastern Europe,* Bonn/Berlin: Informationszentrum Sozi-alwissenschaften.

Klingemann, Hans-Dieter, Ekkehard Mochmann, Kenneth Newton (eds.) (2000): *Elections in Central and Eastern Europe. The First Wave,* Berlin: edition sigma.

Klingemann, Hans-Dieter, Ewa Kulesza, Annette Legutke (eds.) (2002): *The State of Political Science in Central and Eastern Europe,* Berlin: edition sigma.

Leca, Jean, Maurice Grawitz (eds.) (1985): *Traite dé Science Politique,* 4 vols. Paris: Presses Universitaires de France.

Neurath, Oskar, Rudolf Carnap, Charles W. Morris (eds.) (1955): *International Encyclopedia of Unified Science: Foundations of the Unity of Science,* 2 vols. Chicago: University of Chicago Press.

Newton, Kenneth (1991): "The European Consortium for Political Research," special issue of the *European Journal of Political Research* 20: 445–458.

Newton, Kenneth / Josep M. Vallès (eds.) (1991): *Political Science in Western Europe, 1960–1990,* special issue of the European Journal of Political Research 20.

Newton, Kenneth, Josep M. Valles (1991): "Introduction: Political Science in Western Europe, 1960–1990" / Newton, Kenneth, Josep M. Vallès (eds.): *Political Science in Western Europe, 1960–1990,* special issue of the European Journal of Political Research 20: 225–446.

Reinalda, Bob, Ewa Kulesza (2006): *The Bologna Process — Harmonizing Europe's Higher Education,* Opladen: Barbara Budrich (2nd revised edition).

Quermonne, Jean-Louis (1996): "The State of Political Science in Europe: Preliminary Conclusions and Prospects" / Jean-Louis Quermonne (ed.): *La Science Poli-tique en Europe: Formation, Cooperation, Perspectives. Rapport Final. Projet realisé avec le soutien de la Commission Européenne (DC XII),* Paris: Institut d'Ètudes Politiques de Paris: xxx–xxx.

Rose, Richard (1990): "Institutionalizing Professional Political Science in Europe: A Dynamic Model" // *European Journal of Political Research* 18: 581–603.

Schmitter, Philippe C. (2002): "Seven (Disputable) Theses Concerning the Future of 'Transatlanticized' or 'Globalized' Political Science" // *European Political Science* 1 (2): 23–40.

ЧАСТЬ I

ОБЗОР ПО СТРАНАМ

Эрна М. Аппельт, Йоханнес Поллак

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В АВСТРИИ

1. Введение

1.1. Исторический фон

Политическая наука как независимая академическая дисциплина не существовала в Австрии до 1963 г. Первые кафедры были созданы в конце 1960-х годов. Однако политическая наука как самостоятельная область исследования возникла лишь после 1971 г. Как и во многих других странах это был политический вопрос. Столь поздняя институционализация политической науки в Австрии удивляет, если учесть значительный интеллектуальный вклад Австрии в развитие общественных наук до 1934 г. Так, например, австрийские право и экономика с начала XX в. пользовались всемирным признанием. Карл Менгер, Ойген фон Бём-Баверк, Людвиг фон Мизес, Йозеф Шумпетер, Фридрих Хайек, Ганс Кельсен — достаточно упомянуть лишь эти имена — определили основные направления исследуемых ими дисциплин. Карл Реннер, Отто Бауэр и Макс Адлер — ведущие австро-марксисты — внесли большой вклад в *политические* дискуссии как крупные научные деятели. Не говоря уже о Зигмунде Фрейде — основателе психоаналитической теории, который по праву считается одним из наиболее влиятельных ученых в области общественных наук.

Развитие эмпирической общественной науки было продолжено такими австрийскими учеными, как Карл и Шарлота Бюлер в 1920-е годы. Исследование Марии Ягоды и Ганса Цайзеля[2] «Die Arbeitslosen von Marienthal» («Марианталь: социография общины безработных»), опубликованное в 1932 г., останется одной из основополагающих работ в истории общественной науки. Пауль Ф. Лазарсфельд, вдохновленный семейством Бюлер и сотрудничавший с Марией Ягодой и Гансом Цайзелем, в 1931 г. основал Австрийский исследовательский центр по экономической психологии. Работавшие в этом центре исследователи сформулировали важные положения о формировании общественного мнения и об экономическом поведении (Zeisel, 1969). Следует добавить, что сам

Лазарсфельд был решительным сторонником социалистических идей и занимал активную позицию в политических вопросах того времени. Пионерская идея, выдвинутая другими деятелями социалистической ориентации, такими как Отто Нойрат, сводилась к тому, что результаты обществоведческих исследований должны служить не только академическим кругам, но и обществу в целом. Другим шагом в развитии общественной науки стало создание специальной секции общественных наук в венской Трудовой палате. В числе членов этой новой секции была Кете Ляйхтер. В своем исследовании о домохозяйках «So leben wir...» («Вот как мы живем...») она ввела и применила многие исследовательские методы общественных наук, которые стали использоваться в качестве международной исследовательской практики только после 1945 г.

В 1934 г. австрийская научная и академическая традиция драматически прервалась, после того как большинство ученых — особенно еврейского происхождения и тех, кто был связан с социалистами и коммунистами, — были вынуждены покинуть страну или замолчать. В 1938 г. национал-социалисты начали их выдавливать из страны и более того — истреблять. В числе многих других была убита в концентрационном лагере Кете Ляйхтер — только за то, что была еврейкой; Мария Ягода, Пауль Ф. Лазарсфельд и Ганс Цайзель вовремя покинули Австрию, избежав гибели от рук нацистов (Stadler, 1987).

После 1945 г. Австрия в отличие от Германии не переживала «денацификации», которая происходила там как нормативный процесс («Demokratie-Wissenschaft»), и хотя имела неоднозначные результаты (Arndt, 1978), привела к подъему политической науки. С одной стороны, были созданы многочисленные кафедры политической науки для подготовки преподавателей курса гражданствоведения. С другой стороны, на протяжении долгого времени такое развитие стало серьезным препятствием на пути становления эмпирической и аналитической политической науки (Klingemann, 2002). Каковы бы ни были причины, но союзники не настаивали на австрийской версии денацификации. В связи с этим общественная наука в Австрии не принимала систематического участия в создании нормативной основы новой политической системы страны (Höll, Weninger, 1994). После 1945 г. академическая жизнь в Австрии была в значительной степени парализована. Известные специалисты в области общественных наук были убиты, изгнаны или дискредитированы сотрудничеством с нацистским режимом. Кроме того, не было предпринято никаких специальных усилий для того, чтобы вернуть тех, кто оставил страну. Политические убеждения, казалось, играли большую роль, чем выдающиеся научные способности. После 1945 г.

4-6054

эмигрантов, примыкавших к левому крылу социалистической партии (австро-марксистов), не особенно поощряли вернуться а Австрию. Послевоенное руководство социалистической партии придерживалось прагматической ориентации и не желало возвращения тех ученых, которые легко могли превратиться в их критиков внутри партии. Отчасти на этих эмигрантов также возложили ответственность за поражение партии в 1934 г. Определенную роль в этом играли и антисемитские настроения. Консервативная Христианская народная партия (ÖVP) реорганизовала свои ряды, исключив определенную часть австрийских нацистов («Mitläufer»), а Министерство просвещения, возглавляемое консервативным руководством, не хотело «раздражать» католическую церковь привлечением в австрийские университеты эмигрантов с левыми взглядами. Даже придерживавшиеся эмпирической («американской») ориентации ученые-обществоведы постоянно находились под подозрением. Сразу после Второй мировой войны публичная дискуссия о роли, сыгранной Австрией в Третьем рейхе, не особенно поощрялась (Höll, Weininger, 1994). Тем не менее развитие политической ситуации было далеко не простым. С одной стороны, в Австрии происходило восстановление позиций католицизма, в частности, это нашло отражение в реставрации традиционных ценностей патриархальной семьи (Appelt, 1996). С другой стороны, получило развитие и стало широко практиковаться социальное партнерство, совместимое как с социализмом, так и с католической доктриной (например, с энцикликой Rerum Novarum). Таким образом, модель социального партнерства между трудом и капиталом поддерживалась как левыми, так и правыми политическими силами. В будущем она оказалась успешной моделью урегулирования конфликтов на основе консенсуса элит. Но тогда, критики заявляли, что такой тип политики — «большая коалиция» — не способствует становлению политического участия и состязательной представительной демократии в Австрии.

Тем не менее в этот ранний период отношение к организации кафедр политической науки в австрийских университетах было враждебным. Мощные факультеты теологии, права, медицины, истории или экономики, мягко выражаясь, не поддерживали такого рода проекты. Большинство представителей этих устоявшихся отраслей социальных и гуманитарных наук — так называемые «Ordnungswissenschaften» — в основном противодействовали становлению политических наук и относились к таким проектам скептически. Они ставили под сомнение «научность» политической науки. Многие опасались, что политическая наука будет «критически настроенной» и станет вдохновляться левыми

теориями, которые разрушат традиционные ценности и структуры власти. Более прагматическая цель этой оппозиции состояла в стремлении не допустить введения дисциплины, которая могла бы ослабить их собственные позиции на академическом рынке труда. Столкнувшись с таким положением, многие лучшие специалисты снова были вынуждены уехать за границу.

Высказывалось даже мнение, что Австрия вообще не нуждается в специалистах в области политической науки. Новые институты, которые находились еще в стадии становления, уже обвинялись в том, что они «собираются захватить университеты», что они становятся серьезной угрозой свободе обучения и исследовательской деятельности, а также будут представлять опасность для общественного и политического порядка. Тем не менее, как отмечалось выше, эти аргументы также можно было бы рассматривать в качестве стратегии — особенно юридических факультетов, — направленной на защиту их монополии на подготовку государственных служащих, а также на сохранение их господствующего положения в «основанной на концепциях права интерпретации государства и общества» (Pelinka, 1971). Помимо этих междисциплинарных конфликтов, в обществе и политике преобладали консервативные тенденции (Karlhofer, Pelinka, 1991; Höll, Weninger, 1994). В одном отчете об институционализации политической науки в Австрии, написанном юристом, она называлась «подстрекательской деятельностью» (Sickinger 2004). Были распространены опасения, что политическая наука как академическая дисциплина может привести к росту числа ученых-марксистов, которые будут выступать против власти и установленного порядка. Сторонники такой позиции утверждали, что события, произошедшие в Свободном университете Западного Берлина в конце 1960-х, в итоге повторятся и в Вене. Однако не следует забывать о том, что именно юрист Рене Марсик, вернувшиийся из Мюнхенского университета, помог становлению политической науки в университете Зальцбурга. У него были опыт организации преподавания политической науки в Мюнхенском университете и убеждение, что она может стать полезным вкладом и в развитие австрийских университетов.

Сразу после 1945 г. исследования в области общественных наук почти целиком проходили за пределами университетов. Особенно большую роль в этом процессе играли две общественные организации, связанные с двумя крупными австрийскими политическими лагерями, — «Рабочая группа по общественным наукам» (*Sozialwissenschaftliche Arbeitsgemeinschaft*) была близка к консервативному лагерю, а «Исследовательская группа по общественным наукам» (*Sozialwissenschaftliche*

Studiengesellschaft) имела тесные связи с Австрийским трудовым союзом. Эти организации выпустили ряд интересных исследований и представляли собой лоббистские группы, выступающие за введение политической науки в качестве университетской дисциплины. Кроме того, с 1958 г. Венская трудовая палата публиковала важные доклады по общественным наукам, основанные на эмпирических исследованиях. Именно в таком контексте следует рассматривать основание наиболее важного учреждения в области общественных наук, действующего вне университетских рамок, — Института высших исследований (*Institut fur Hohere Studien*, HIS).

1.2. Университетские реформы и институционализация политической науки в Австрии

До конца 1950-х годов основным приоритетом австрийской политики была экономика. Развитию университетов в планах правительства большого внимания не уделялось. Ресурсы университетов были достаточно ограниченными, что не давало им возможности действовать независимо. Как следствие, Австрия вынуждена была импортировать знания из-за рубежа, особенно из США (Fröschl, 1974). 1950–1960-е годы характеризовались ростом благосостояния, быстрым экономическим развитием и повышением уровня жизни. В такой ситуации политике в области образования стало придаваться большее значение (Melchior, 1990). В 1964 г. был образован Комитет по делам университетов, главная задача которого состояла в увеличении инвестиций в научные исследования и разработки, чему австрийская промышленность почти не уделяла внимания. Кроме того, австрийское правительство в декабре 1963 г. подписало соглашение с ОЭСР о совместной разработке программы в области развития образования.

В том же году был основан Институт высших исследований (HIS). Это был первый австрийский академический институт вне рамок университетских структур, предлагавший учебную программу по политической науке. Движущей силой этого проекта может считаться Пауль Ф. Лазарсфельд. Во время визита в Вену в 1958 г. в качестве представителя Фонда Форда он должен был оценить возможность развития общественных наук в Австрии. Об отношении к общественным наукам в этой стране свидетельствует тот факт, что четыре отделения HIS, одним из которых стало отделение политических наук, были открыты в Австрии лишь через пять лет. Сегодня нет никаких сомнений в том, что HIS оказывал и продолжает оказывать самое большое воздействие на развитие этой дисциплины (Fleck, 2000). Это обстоятельство справедливо для подготовки поколений специалистов в области политических наук и расширения спектра политических исследований, в котором с самого начала преобладал поведенческий подход (Sickinger, 2004).

В заявлении правительства, сделанном 20 апреля 1966 г., канцлер Клаус, представлявший Австрийскую народную партию (OVP), подытожил цели политики правительства в сфере образования. Клаус подчеркнул возросшие требования рынка труда к специалистам с университетской подготовкой. Он отметил, что для того, чтобы соответствовать им, образованию необходима четкая правовая основа. Лишь при этом условии институты высшего образования смогут идти в ногу с ускоряющимся научным прогрессом. Это привело к принятию в июле 1966 г. Общего закона об университетах («Allgemeines Hochschulstudiengesetz», 15 июля 1966 г.), который определил дальнейшее развитие сферы высшего образования. Благодаря ему в том же году создан Университет социально-экономических наук в Линце (Верхняя Австрия) и принят законопроект о выделении средств на исследования в следующем году.

Получив абсолютное большинство в 1970 г., Социалистическая партия приступила к созданию законодательной базы и проведению в жизнь масштабной университетской реформы. В числе первых преобразований были отмена платы за обучение и создание органов управления университетами с участием студентов. Образование Министерства научных исследований можно рассматривать как замечательное доказательство внимания, уделяемого правительством политике в области образования. В период с 1970 по 1974 г. в этом же направлении был принят ряд юридических, финансовых и административных мер. Бюджет на научные исследования рос на 20% в год.

Политическая наука также выиграла от проведения такой политики. В 1971 г. она утвердилась в австрийских университетах в качестве независимой дисциплины. С этого времени политическую науку уже не просто терпели и преподавали как второстепенную дисциплину на юридических или экономических факультетах. В университетах Вены и Зальцбурга были открыты институты политической науки. Тем не менее регулярные учебные программы в этих двух институтах начали действовать лишь с 1985 г.

В 1975 г. был издан новый закон об университетах («Universitätsorganisationsgesets»), имевший целью улучшить условия исследовательской деятельности для повышения ее эффективности. Несмотря на то что главным образом он был направлен на развитие естественнонаучных исследований, положения нового закона также помогли улучшить ситуацию в университетах и в области общественных наук. Самое главное состояло в том, что новый закон предоставил политической науке возможность занять свое место на вновь создаваемых факультетах об-

шественных наук, тем самым получивших независимость от юридических факультетов. Следующее десятилетие проходило под знаком модернизации и консолидации. В 1990-е годы был проведен целый ряд структурных реформ, которые предоставили университетам большую независимость и автономию в финансовых вопросах. Теперь университетам не нужно было обращаться с просьбами о выделении средств по каждому отдельному вопросу. Выделяемые им блоковые гранты они могли распределять по собственному усмотрению. При существовавшем раньше порядке университеты должны были возвращать государству оставшиеся суммы, если не могли их израсходовать в течение финансового года. Такое положение, которое отнюдь не стимулировало эффективное планирование, изменилось, раздвинув временные рамки для использования бюджетных средств. Следует подчеркнуть, что предоставление финансовых ресурсов не увязывается с численностью студентов (Paster, 2000).

В настоящее время австрийское правительство оказывает поддержку 22 университетам, шесть из которых являются университетами искусств. Девять из 22 государственных университетов находятся в Вене. В 2004-м учебном году общее число австрийских студентов составляло 168 259 человек. 53% студентов составляют женщины; средний возраст — 24 года. Кроме государственных университетов существуют пять частных. Количество обучающихся там студентов — 1369 человек, из которых 858 — австрийцы. В последние годы было создано несколько новых высших учебных заведений специализированного профессионального образования («Fachhochschulen»). В их программы входят проектирование мультимедиа, библиотековедение и охрана окружающей среды. Количество таких учебных заведений увеличивается по мере развития конкретных областей исследования. В настоящее время по предлагаемым там 145 различным программам («Fachhochschulstudiengänge») обучается 19 721 студент. В 2003/04 учебном году в австрийских высших учебных заведениях обучались 40 697 иностранных студентов. Иностранцы по-разному распределены в различных типах учебных заведений: 16% учатся в обычных университетах, 41% — в университетах искусств и 31% — в частных университетах. В новых высших учебных заведениях («Fachhochschulen») обучаются 870 иностранных студентов. Из числа австрийских студентов только 25% могут полностью посвятить себя учебе. Их подавляющее большинство должно еще и зарабатывать на жизнь.

На зимний семестр 2003/04 учебного года на отделениях политической науки было зарегистрировано всего 4434 студента (2546 мужчин и 1888 — женщин). 3563 из них (1970 мужчин и 1593 женщины) являлись австрийскими гражданами, а 871 (468 мужчин и 303 женщин) —

иностранцами. В 2002/03 учебном году закончили образование по политическим наукам всего 215 студентов, получивших академические степени (112 мужчин и 103 женщины), в числе которых было 50 иностранцев (25 мужчин и 25 женщин)[3].

1.3. Современное состояние

Как отмечалось выше, в результате университетской реформы 2002 г. (Universitatsgesetz, 2002) австрийским университетам была предоставлена большая степень автономии. Они заключают общие (финансовые) соглашения с федеральным Министерством образования, а университетские советы и ректоры несут ответственность за распределение средств на обучение и исследования, а также на административные расходы. Университеты также ответственны за присвоение степеней в рамках так называемого Болонского процесса. Таким образом, реструктуризация проводится гибко на уровне отдельных университетов и ни в коем случае не централизована в общенациональном масштабе. Так, в университете Инсбрука в 2006 г. введены три различные степени (бакалавра, магистра и доктора). Диплом бакалавра можно получить после трех лет обучения, еще два года необходимо для получения диплома магистра, и дополнительно три года потребуются для получения диплома доктора (хотя пока этот вопрос решен не окончательно). Ожидается, что в университетах Зальцбурга и Вены диплом бакалавра будет введен в 2006/07 учебном году. В Инсбруке и Зальцбурге в области политических наук, а также в экономике и социологии уже введена европейская система взаимозачета кредитов (ECTS — Европейская система перезачета оценок).

2. Обучение и исследования

2.1. Высшие учебные заведения, где преподается политическая наука

Преподавание полного курса[4] политической науки ведется на факультетах следующих университетов:

- Университет Вены: Институт политической науки (IPW): <http://www.univie.ac.at/politikwissenschaft/>.
- Университет Вены: факультет государственного управления: <http://www.univie.ac.at/Politikwissenschaft-Sowi/>.
- Университет Зальцбурга, Институт политической науки: <http://www.sbg.ac.at/pol/index.php>.
- Университет Инсбрука, Институт политической науки: <http://info.ubik.ac.at/c/c4/c402>.

Помимо этих университетов исследования в области политической науки ведут в следующие организации:

- Австрийская академия наук, Институт исследований европейской интеграции: <http://www.eif.oeaw.ac.at/>.
- Университет Клагенфурта, Институт политического образования и политических исследований: <http://polbil.uni-klu.ac.at/ulg/>.
- Институт высших исследований, факультет политологии: <http://www.ihs.ac.at/index.php3?id=400>.
- Институт конфликтологии: <http://www.ikf.ac.at/>.
- Институт Латинской Америки: <http://www.lai.at/>.
- Австрийский фонд содействия развитию: <http://www.oefse.at/>.
- Австрийский институт международных отношений: <http://www.oiip.at/oiip/>.
- Австрийский центр исследований проблем мира и урегулирования конфликтов: <http://www.aspr.ac.at/>.
- Австрийский центр политики и исследований в области социального благосостояния: <http://www.euro.centre.org/>.
- Центр социальных инноваций: <http://www.zsi.at/>.
- Институт социальных исследований и анализа: <http://www.sora.at/index.html>.
- Международный центр развития миграционной политики: <http://www.icmpd.org/>.
- Междисциплинарный центр сравнительных исследований в общественных науках:< http://www.iccr-international.org/>.

Таблица 1

Высшие учебные заведения, где ведется преподавание политической науки: преподавательский состав и студенты в 2005 г.

	Профессора	Доценты	Вспомогательный персонал	Преподаватели	Студенты
Вена (IPW)	5	2	3	106	3 930
Вена	3	1	2	12	
Зальцбург	4	2	6	4	329
Инсбрук	6	6	3	20	1 399

2.1. Система дипломов и правила приема

В австрийских университетах не существует *numerus clausus* (процентной нормы). Для поступления в университет требуется завершение (высший уровень) среднего образования. В стране существуют два типа

средних школ: гимназии и школы профессионального образования. Аттестата обоих типов достаточно для поступления в университеты по любому профилю. В университетах, где изучается искусство, помимо этого требуется пройти тест на пригодность по способностям. Для поступления на такие специальности, как теология, история, право или медицина, обязательным условием также является владение латинским языком. Студенты, не имеющие аттестата зрелости, могут сдать специальные экзамены для поступления на определенные факультеты. Опыт работы в зачет не идет (Paster, 2000).

Австрийская система зачета кредитных баллов связана с количеством часов проводимых лекций и семинаров. Так, например, двухчасовые лекция или семинар, проводимые один раз в неделю, засчитываются как два кредита. Таким образом, это скорее условный показатель, не отражающий качества обучения или учебной нагрузки, связанной с определенным курсом. Один австрийский кредит соответствует 3,75 балла общеевропейской системы ECTS. Количество кредитов, необходимое для сдачи предмета, зависит от характера курса (вспомогательный, профилирующий) и типа диплома. В области общественных наук для получения образования по программе магистра нормой являются 120 кредитов. Предполагается, что за семестр студент дневного отделения должен получить от 12 до 16 кредитов.

В настоящее время австрийская система предлагает студентам высших учебных заведений только один тип университетского диплома — диплом магистра. Диплом магистра можно получить не ранее завершения ими 8–12 семестров (в зависимости от специализации). Этот период является обязательным в соответствии с государственными требованиями. Однако на деле обучение может продолжаться значительно дольше. По тем специальностям, где предъявляются минимальные требования четырехлетнего обучения, на деле образование продолжается от 11 до 14 семестров — в зависимости от избранной специализации.

Доступ к бесплатному образованию в университетах стал в австрийской политике незыблемым политическим правилом. Тем не менее, как и в других странах, здесь разгорелись ожесточенные споры о достоинствах и недостатках введения платы за обучение и более жесткой процедуры приема. В итоге в зимний семестр 2001/02 учебного года была введена плата за обучение. Противники такого изменения стремились доказать, что это привело к значительному снижению численности студентов, сократившейся со 197 271 до 155 524 человек. Однако с 2002/03 учебного года количество студентов снова стало возрастать: на первый курс университетов поступили 27 314 человек, что увеличило численность студентов на 7,5%. Плата за обучение в настоящее время составляет 378 евро за семестр[5].

В области преподавания все факультеты и институты политических наук в значительной степени вынуждены полагаться на преподавателей из других организаций. Хотя такое сотрудничество весьма плодотворно, тем не менее оно является следствием недостаточного финансирования политической науки. Так, в 2003 г. это нашло свое отражение в том, что соотношение числа преподавателей и студентов составило 1 к 207. Такая ситуация является нетерпимой, и ее следует быстро изменить.

2.3. Области преподавания

Учебные планы по политической науке в университетах имеют силу закона и включают четыре раздела: политическую теорию и политическую философию, австрийскую политическую систему, сравнительную политологию и международные отношения. Если европейская интеграция не включена в программу международных отношений, она может составлять пятый раздел. Основные австрийские учебники созданы только по австрийской политической системе. Их выдающимися примерами являются *«Grundzüge der Politikwissenschaft»* Антона Пелинки (Вена 2000), *«Österreichische Politik»*, совместно опубликованную Зиглиндой Розенбергер и Антоном Пелинкой (Вена, 2001), и *«Handbuch des politischen Systems Österreichs»* Герберта Дахса с соавторами (Вена, 1997).

2.4. Исследования

Основным предметом исследований политической науки в Австрии является австрийская политическая система. В последние годы эта тема была дополнена изучением процессов европейской интеграции. В области международных отношений была проделана определенная работа по изучению конфликта Севера и Юга, а также проблемы становления демократии в Центральной и Восточной Европе. Исследованию политической теории (т.е. теории государства, теории демократии) и политической философии уделялось меньше внимания. Возрастающий интерес исследователей наблюдается в области изучения гендерных проблем. Именно в этом направлении австрийские политические исследования получили широкое международное признание. При изучении этой проблематики применялись самые разные теоретические и методологические подходы (Kramer, 2004).

Вступление Австрии в Европейское сообщество в 1995 г. открыло новые возможности для сравнительных исследований в области европейской политики. Эти новые возможности были с заинтересованностью восприняты политологическим сообществом Австрии. К настоящему времени все крупнейшие факультеты политической науки либо включились в работу над проектами, финансируемыми Европейской

комиссией, либо даже координируют одну из крупномасштабных исследовательских программ. Отделение политической науки HIS и Институт исследований европейской интеграции Австрийской академии наук получили особенно широкую известность в качестве ведущих центров, работающих над исследовательскими проектами ЕС.

2.5. Профессиональные контакты

Австрийская ассоциация политических наук (AUPSA) была основана в 1971 г. В первые годы AUPSA весьма успешно лоббировала развитие политической науки в Австрии. В середине 70-х годов эта позитивная тенденция ослабла, но в середине 1980-х годов получила дальнейшее развитие. AUPSA является некоммерческой организацией, руководимой выборным органом и финансируемой в основном за счет членских взносов и правительственных грантов. В настоящее время AUPSA объединяет более 500 членов, работающих в области политической науки и других областях, где заняты ученые-политологи.

Помимо поддержки исследований в области политической науки в Австрии, AUPSA является форумом для профессиональных дискуссий и обмена мнениями. С этой целью ассоциация проводит ежегодные конференции, организует собрания, «круглые столы» или лекции (иногда в сотрудничестве с швейцарской и/или немецкой ассоциациями политической науки). В настоящее время AUPSA включает четыре нежестко организованные секции: политической экономии, сравнительной политологии, европейских исследований и «агору» демократии. Кроме того, четыре раза в год ее члены получают по электронной почте информационные бюллетени, сообщающие о конференциях и публикациях. В число ее более частных задач входят:

1) развитие международного сотрудничества, которое в последние годы привело к активизации сотрудничества с учеными-политологами из стран Центральной и Восточной Европы;
2) поощрение молодых специалистов премиями за лучшие дипломные работы и диссертации.

Издательская деятельность AUPSA включает ежеквартальную публикацию «Австрийского журнала политической науки», в 2004 г. имевшего около 610 подписчиков. Каждый выпуск сосредоточен на конкретной теме, что позволяет охватить основные области политической науки в Австрии. Кроме «Австрийского журнала политической науки» следует также упомянуть «Rundschau», издаваемый «Sozialwissenschaftliche Studiengesellschaft» («SWS-Rundschau») и публикующий статьи по этой тематике. Еще одной совместной инициативой австрийских ученых-политологов по поддержке исследований следует назвать «Австрий-

ский ежегодник международной политики и современных австрийских исследований».

Австрийская политическая наука имеет хорошо налаженные международные связи. Институт исследований европейской интеграции Австрийской академии наук, Австрийский институт международных отношений, Институт высших исследований, факультеты политической науки в университетах Зальцбурга и Вены являются членами ECPR (Европейского консорциума по политическим наукам). В настоящее время шесть исследователей входят в epsNet (Европейскую ассоциацию преподавателей политологии). Лишь четыре политолога (двое — из числа университетских преподавателей) являются членами Международной ассоциации политических наук (IPSA). Столь малая цифра может объясняться тем обстоятельством, что австрийцы нередко принимают участие к конференциях IPSA, не вступая в эту организацию формально в качестве ее членов.

3. Будущее политической науки в Австрии

В первые годы после Второй мировой войны введение политической науки в качестве дисциплины в австрийских университетах нередко оценивалось с позиций партийной политики. Левый лагерь надеялся на то, что политическая наука будет выполнять функцию «критика» и поможет изменить общество в желаемом направлении. В лагере правых опасались, что политическая наука станет заниматься именно этим, и потому она рассматривалась как угроза традиционному развитию общества и политики. Оглядываясь назад, ожидания двух лагерей в отношении серьезного и долговременного воздействия политической науки на австрийское общество по меньшей мере можно назвать преувеличенными (Karlhofer, Pelinka, 1991; Höll, Weninger, 1994). Ни надежды, ни опасения не оправдались (Pelinka 1995, 2004a). Политическая наука со временем скорее стала вполне «нормальной» академической дисциплиной в австрийских университетах. Тем не менее недостаточная последовательность университетских реформ, отсутствие политического видения будущего образовательного сектора, дальнейшее урезание финансовых ресурсов — все эти обстоятельства породили определенный скептицизм. Правда, вступление Австрии в Европейское сообщество вновь усилило юридические факультеты. Но в равной степени верно и то, что теперь более широкие возможности открылись и для политической науки. Мы являемся свидетелями возросшей мобильности молодых исследователей и интернационализации профессии. Австрийские политологи, в конце концов, стали частью всемирного политологического сообщества.

Примечания

[1] О более ранних материалах (некоторые из них включены в настоящий документ) см.: Appelt (1996: 105–130). Более подробные материалы и критические замечания относительно развития политической науки в Австрии можно найти в: Gerlich (1993); Höll, Weninger (1994), Karlhofer, Pelinka (1991), Kramer (2004), Pelinka (1995), Pelinka (2004), Sickinger (2004).

[2] В первом издании Пауль Лазарсфельд не был назван соавтором.

[3] Hochschulstatistik 2003/04, изданная Statistic Austria, Вена, 2005 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ftp:www.statistik.at/pub/neuerscheinungen/2005/hochschul-3_04.pdf.

[4] Университет Граца не вошел в данный список, поскольку там нельзя изучить полный курс политической науки. См.: Университет Граца, Институт австрийского, европейского и сравнительного публичного права, политической науки и публичной администрации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http:www.kfunigraz.ac.at/opvwww/organ.html.

[5] Плата за обучение студентов из стран, не входящих в ЕС, — 742 евро за семестр.

Литература

Appelt, Erna (1966): "La science politique en Autriche" // Jean-Louis Quermonne (ed.): *Political Science in Europe: education, co-operation, prospects: report on the state of the discipline in Europe*, Paris: Thematic Network Political Science: 105–130.

Arndt, Hans-Joachim (1978): *Die Besiegten von 1945. Versuch einer Politologie für Deutsche samt Würdigung der Politikwissenschaft in der Bundesrepublik Deutschland*, Berlin: Duncker & Humbolt.

Dachs, Herbert et al. (1997): *Handbuch des politischen Systems Österreichs*, Wien: Manz.

Fleck, Christian (2000): "Wie Neus nicht entsteht. Die Gründung des Instituts für Höhere Studien durch Ex-Österreicher und die Ford-Foundation", *Osterreichische Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft* 11 (1): 129–178.

Fröschl, Erich (1974): "Tendenzen der Forschungspolitik in Österreich", *ÖZP* 3: 441–459.

Gerlich, Peter (1993): "Die ersten zehn Jahre — Anfänge der Politikwissenschaft" // Bernard Felderer (ed.): *Wirtschafts- und Sozialwissenschaften zwischen Theorie und Praxis. 30 Jahre Institut für Höhere Studien in Wien*, Heidelberg: 139–162.

Höll, Otmar, Weninger, Thomas (1994): "Zum Stand der Politikwissenschaft in Österreich", *SWS-Rundschau* 3: 260–270.

Karlhofer, Ferdinand / Pelinka, Anton (1991): "Austrian Political Science: the state of the art", *European Journal of Political Research* 20: 399–411.

Klingemann, Hans-Dieter (2002): "Politikwissenschaftliche Forschung in Deutschland von 1949 bis Ende der 60er Jahre", in Jan van Deth (ed.): *Von Generation zu Generation. ZUMA Nachrichten Spezial*, Vol. 8: 51–58.

Kramer, Helmut (ed.) (2004): *Demokratie und Kritik — 40 Jahre Politikwissenschaft in Österreich*, Frankfurt a. M.: Peter Lang Verlag.

Leser, Norbert (1968): *Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Der Austromarxismus als Theorie und Praxis*, Wien.

Matjan, Gregor (1995): *Ausbildung, Berufsbilder und Berufsfelder osterreichischer PolitologInnen*, Wien.

Melchior, Josef (1990): "Zur österreichischen Forschungs- und Technologiepolitik: Entwicklung und Probleme im Kontext internationaler Diskussion". *ÖZP* 3: 245–265.

Paster, Thomas (2000): "Welfare and Education — Austria and Sweden in Comparison" [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.unet.univie.ac.at/~a9509708/uni/swedishpolitics.htm.

Pelinka, Anton (1971): "'Blinde Juristen sind besser', Zur Politologiedebatte in Österreich", *Neues Forum* 1: 1174.

Pelinka, Anton (1995): "Fluch und Segen der Normalitat. Zur Situation der olitikwissenschaft in Osterreich", *OZP* 3: 347–352.

Pelinka, Anton (2004): "The Impact of American Scholarship on Austrian Political Science: The Making of a Discipline", in: Gunter Bischof, Anton Pelinka (eds.): *The Americanization/ Westernization of Austria. Contemporary Austrian Studies*, Vol. 12, New Brunswick (Transaction): 226–234.

Pelinka, Anton (2004a): "Politikwissenschaft, kritische Öffentlichket und Politik", in: Helmut Kramer (ed.): *Demokratie und Kritik — 40 Jahre Politikwissenschaft in Österreich*, Frankfurt a. M.: Peter Lang Verlag: 99–112.

Sickinger, Hubert (2004): "Die Entwicklung der Österreichischen Politikwissenschaft", in: Helmut Kramer (ed.): *Demokratie und Kritik — 40 Jahre Politikwissenschaft in Österreich*, Frankfurt a. M.: Peter Lang Verlag: 27–69.

Stadler, Friedrich (1987): *Vertriebene Vernunft: Emigration und Exil österreichischer Wissenschaft*, 2 Bde., Wien.

Tálos, Emmerich (ed.) (1993): *Sozialpartnerschaft. Kontinuität und Wandel eines Modells*, Wien.

Zeisel, Hans (1969): "Der Anfang moderner Sozialforschung in Österreich" // Leopold Rosenmayr, Sigurd Höllinger: *Soziologie. Forschung in Österreich*, Wien.

Ливен Де Винтер, Андре-Поль Фронье,
Каролин Дезер, Энн-Сильви Берк, Марлин Бранс

БЕЛЬГИЯ: ОТ ОДНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ К ДВУМ?

1. Введение

Как и многие области бельгийской политической, общественной и культурной жизни, университетская система разделена на две автономные части — фламандскую и французскую. В Бельгии больше не существует общих (двуязычных) университетов, и с 1960-х годов обе подсистемы в значительной мере двигались в разных направлениях, каждая под управлением соответствующего министра или министерства. Это привело к очевидному разделению политической науки как дисциплины на два организационных подхода, два различных учебных плана, две процедуры приема и две трактовки Болонских реформ.

В настоящей работе мы сначала остановимся на общем обзоре возникновения политической науки в Бельгии до «общинных волнений», а затем по каждому из вопросов, которым посвящено настоящее издание, изложим современные данные о политической науке во фламандском и французском научных сообществах.

2. Общие исторические предпосылки

Политическая наука развивается в бельгийских университетах уже более столетия. Государственные университеты в Генте и Льеже в 1893 г. получили разрешение на преподавание, присвоение дипломов и ученых степеней по политической науке на юридических факультетах. В то же время отделения политических и общественных наук были открыты в Католическом университете в Лувене и в Свободном университете Брюсселя. Тем не менее, несмотря на такую долгую историю, институциональная и профессиональная организация политической науки в разных университетах имеет существенные отличия.

Становление и начальное развитие политологии определялось тремя дисциплинами (Dewachter, 1974). Основной из них было публичное право. Действительно, первыми бельгийскими политологами оказались преимущественно конституционалисты, которые впоследствии стали

заниматься политической наукой. Эта предыстория нашла свое отражение в значительной и обязательной доле права в учебных планах по политической науке. Общим следствием этого стало то обстоятельство, что политическая наука в Бельгии испытывала трудности при включении бихевиористского и социологического подходов. Такое конституционально-юридическое отношение определило присущий Бельгии специфический подход к проблеме и, возможно, замедлило последующее разделение дисциплины.

Вторым источником явилась политическая история — дисциплина, которая уже достигла высокого уровня развития перед Второй мировой войной и впоследствии благодаря этому стала уделять определенное внимание тому, что можно было бы назвать политическим социологическим подходом. На работу послевоенного поколения политических историков в свою очередь основное влияние оказал собственно политологический подход (Witte, 2003).

Влияние социологии стало сказываться лишь после Второй мировой войны, в частности, благодаря началу проведения электоральных исследований. Различные страты бельгийских политических элит (католическая, социалистическая и либеральная) увидели практическую пользу в развитии электоральной социологии в тех университетах, где они соответственно пользовались влиянием, и постепенно социологический подход распространился на другие важнейшие области исследований, такие как консоциационализм, политическое участие и политические элиты. Между тем вклад социологии в политическую науку в плане применения математического моделирования и статистических методов, за малыми исключениями, оставался ограниченным.

Таким образом, до Второй мировой войны политическую науку как таковую нельзя было рассматривать в качестве самостоятельной дисциплины, поскольку содержание курса вписывалось в учебные программы по юриспруденции и истории. Если в то время политическая наука считалась вспомогательной академической дисциплиной (Witte, 2003), то после Второй мировой войны по ряду причин она стала привлекать к себе более пристальное внимание. Во-первых, вновь возникла глубокая озабоченность развитием демократии и ее институтов. Во-вторых, система образования все в большей степени демократизировалась, а численность студенчества быстро возрастала. В-третьих, предметом политической науки стала современная история. Она стремилась быть полезной тем, кто принимал политические решения, тем самым отделяя себя от традиционной истории. В-четвертых, ощущалось растущее влияние на развитие политической науки со стороны англо-саксонских стран и Франции. Все эти процессы привели к усилению внимания к политической науке как

к самостоятельной академической дисциплине и с точки зрения инфраструктуры, и в плане ее содержания. В 1960-е годы в большинстве университетов были созданы кафедры политологии (хотя они входили в состав более крупных факультетов) (Witte, 2003).

Несмотря на сравнительно медленное развитие кафедр политической науки, уже в 1951 г. был организован Бельгийский институт политической науки. В 1958 г. он приступил к выпуску журнала *Res Publica*. Журнал стал форумом для обсуждения проблем политической науки (Hooghe, 2005). Столь же значительным шагом в этом направлении стало создание в 1958 г. внеуниверситетского Центра социально-политической информации и исследований (*Centre de Recherche et d'Information Socio-Politiques* — CRISP) (Witte, 2003).

Во второй половине 1960-х годов дисциплина становится все более и более популярной. Численность студентов год от года увеличивается (Frognier, De Winter, 1991). В соответствии с финансовыми стандартами бельгийских университетов рост численности студентов означал, что должно быть пропорционально увеличено число профессоров и доцентов. К концу 1960-х годов на кафедрах политической науки уже преподавали на полной ставке около 60 профессоров.

3. Раскол в политике высшего образования и нынешняя институциональная структура политологии

Бельгийское унитарное государство было реорганизовано очень сложным федеральным образом на базе трех общин — франкоязычной, фламандскоязычной и немецкоязычной, а также трех регионов — валлонского, столичного региона Брюсселя и фламандского. С 1988 г. образование контролируется исключительно общинами. Именно поэтому существуют французские и фламандские университеты (но ни одного немецкого). Что касается исследований, то здесь контроль осуществляется более диверсифицированным образом: национальный (федеральный), а также общинный и региональный уровни и уровень регионов (причем решающая роль принадлежит общинам).

Существуют государственные университеты, также называемые «публичными», и частные университеты, также называемые «свободными». Последние делятся на «католические» и «свободомыслящие» университеты. Проблемы, возникавшие между общинами, вызвали новое внутреннее деление, что привело к драматическому расколу Католического университета в Лувене (основанного в 1425 г.) на фламандский университет (оставшийся во фламандском городе Лувен) и французский университет, заново открытый в Лувен-ла-Неве в Валлонии. Кроме того, развитие университетов в 1960–1970-е годы привело к

5-6054

созданию новых институтов почти в каждой провинциальной столице. Все типы университетов финансируются государством. Таким образом, при населении более 10 млн человек в 2000 г. в Бельгии было 13 университетов, предлагавших программы по политической науке на первом и/или втором циклах обучения[1]. Такое дробление означает, что в некоторых университетах преподавателей и студентов очень мало и они получают ограниченные ресурсы, но тем не менее должны охватывать широкий спектр разделов политической науки.

Таблица 1

Список университетов, дающих диплом (первого и второго уровней)[1], и численность профессорско-преподавательского состава на кафедрах политической науки в эквиваленте полной занятости (ЭПЗ) (ноябрь 2005 г.)

Фламандская община (Vlaamse Gemeenschap)	
Государственные университеты	
Университет Гента (UG) 5,10 профессоров, 13 ассистентов, 17 исследователей	www.ugent.be
Университет Антверпена (UA) 8,2 профессора, 6 ассистентов, 21,2 исследователя	www.ua.ac.be
Частные университеты	
Католический университет Брюсселя (KUBrussel) 2,5 профессора, 2 ассистента	www.kubrussel.ac.be
Католический университет Лувена (KULuven) 11,4 профессора, 5 ассистентов, 50,1 исследователя	www.kuleuven.be
Свободный университет Брюсселя (VUB) 7,25 профессора, 4,3 ассистента, 8,7 исследователя	www.vub.ac.be
Французская община (Communauté française de Belgique)	
Государственные университеты	
Университет Льежа (ULg) 4 профессора, 7,5 ассистента, 2,5 исследователя	www.ulg.ac.be
Университет Мон-Эно (UMH)*	www.umh.ac.be

[1] До Болонских реформ после первых двух лет обучения политическим и общественным наукам выдавались дипломы кандидатов (*kandidaat/candidat*), а после четырех лет обучения – дипломы лиценциатов (*licentiaat/licencié*).

Окончание табл. 1

Частные университеты	
Католический университет Лувена (UCL) 0,5 профессора, 6,5 ассистента, 10 исследователей	www.uclouvain.be
Свободный университет Брюсселя (ULB) 13 профессоров, 13,6 ассистентов, 15 исследователей	www.ulb.ac.be
Университетские факультеты Нотр-Дам де ла Пе (Намюр) (FUNDP)*	www.vub.ac.be
Католические университетские факультеты Монса (FUCAM) — профессора, 2 ассистента, 2 исследователя	www.fucam.ac.be
Университетские факультеты Сан-Луи (Брюссель) (FUSL)*	www.vub.ac.be

Примечание. * Для университетов, предлагающих только «кандидатские» дипломы, подсчитать количество сотрудников, занимающихся исключительно политической наукой, невозможно, поскольку они не имеют кафедр или отделений политической науки.

4. Профессорско-преподавательский состав и прием на работу

Прием на работу сотрудников профессорско-преподавательского состава проводится в соответствии с правилами, принятыми в каждом университете. Для исследователей существуют три типа найма на работу:

1) университеты могут нанимать «ассистентов», которые, как правило, являются их недавними выпускниками, закончившими обучение с отличием. Они подписывают договора на фиксированный срок, максимальная продолжительность которого составляет шесть лет. По отдельным университетам число ассистентов существенно различается (табл. 1);
2) наем исследователей по «внешним исследовательским договорам»: эти исследовательские договора могут быть государственными или частными, но обычно они являются государственными. Федеральный Фонд коллективных базовых исследований финансирует исследовательские проекты, основываясь на оценке заявок комиссией, в которую входят ученые из всех университетов;

3) исследователи могут назначаться по договорам на ограниченные сроки или по договорам «квалифицированных исследователей» без временных ограничений Национальным фондом по научным исследованиям. Все исследователи прикреплены к университетам.

Традиционной чертой бельгийской политической науки и бельгийской академической среды в целом являются тесные связи со студентами. Большинство постоянных сотрудников обучались в тех университетах, где сейчас работают, там же они становились ассистентами на кафедрах политической науки, а позднее защищали в этих университетах докторские диссертации. Такая тенденция к преемственности в значительной степени обусловлена фрагментацией бельгийского общества в сочетании с лингвистической сегрегацией и философской сегментацией. В силу этого молодым ученым с «неправильным» лингвистическим и философским происхождением трудно получить работу в университете другого лингвистического и философского профиля. Тем не менее времена меняются (хоть и медленно), и во внимание все больше принимаются не только происхождение, но и академические заслуги.

5. Обучение

5.1. Система дипломов и правила приема

Для обучения по программе бакалавра политических и общественных наук вступительные экзамены не проводятся. Любой учащийся, имеющий «гуманитарный» диплом (среднего учебного заведения любого типа), может поступить на первый курс по программе бакалавра (оценки значения не имеют). В связи с этим на первый курс поступает очень большое количество студентов, которое позже резко снижается (обычно более чем наполовину) в связи с высокой требовательностью на экзаменах.

За поступление на первый курс со студентов из стран ЕС взимается плата за обучение. Однако по сравнению с другими европейскими странами эта плата достаточно невысока. Во фламандских университетах студенты, не получающие стипендию, платят не более 500 евро, а во французских университетах она составляет около 700 евро. Студенты, не получающие стипендию, платят от 55 до 85 евро за регистрацию во фламандские и 90 евро — во французские университеты.

5.2. Численность студентов

Представить точную информацию о численности студентов невозможно, поскольку достоверная статистика учитывает только тех, кто получил диплом лиценциата (специалиста) и дополнительные лицензированные дипломы пост-лиценциата и докторские степени. Сведения от дипломах кандидатов отсутствуют. Как правило, на них написано «Кандидат политических и социальных наук», включая дипломы по социологии и коммуникативистике. В связи с этим численность общего числа студентов кафедр политической науки, особенно на первом году обучения, в значительной степени занижена (примерно на две трети).

Таблица 2

Численность студентов, получивших диплом лиценциата и дополнительный диплом лиценциата, дипломы постлиценциата и докторские степени

Французские университеты (2003/04 учебный год)

	UCL	FUCAM	ULg	ULB
Лиценциаты и дополнительные дипломы второго цикла	142	38	29	190
Дипломы 3-го цикла	0	0	37	93
Докторские степени	6	0	0	3

Источник: <http://www.cref.be/Annuaire_2005.htm>; 21 марта 2006 г.

Фламандские университеты (2004/05 учебный год)

	UG	UA	EUBrussel	VUB	KULeuven
Лиценциаты и дополнительные дипломы второго цикла	119	39	10	54	98
Докторские степени в 2004/05 учебном году	6	3	1	6	10

Источник: <http://www.vlir.be/>; 21 марта 2006 г.

Докторантура. До настоящего времени в политической науке программ, готовящих на степень доктора, не существует. Каждый университет сам решает вопросы о зачислении, обучении и оценке знаний докторантов. Болонское соглашение будет поощрять университеты к созданию докторантур на основе межуниверситетского сотрудничества. Например, во франкоговорящей общине предусмотрено создание межуниверситетских докторантур (в числе других при участии UCL и ULB в области исследований ЕС и при участии UCL, ULB, FUSL и FUCAM по политической науке), хотя сейчас уже ведется работа по организации таких межнациональных структур или они уже существуют (как

Ecole doctorale transnationale et interdisciplinaire), где основное внимание уделяется политической науке и международным отношениям).

5.3. Области преподавания

Учебный план курса подготовки лиценциата/магистра в целом схож во всех бельгийских университетах. Его наиболее важными составляющими являются: 1) политические институты; 2) процессы достижения власти и принятия решений; 3) государственная политика и администрирование. В учебном плане по политической науке эти три компонента варьируются в различных сочетаниях. Помимо акцента на бельгийской политике во всей ее сложности студенты знакомятся на первых курсах с основными вспомогательными дисциплинами политической науки (методы и статистика, политическая философия, политический анализ, политическая история, сравнительная политология, публичное право, международные отношения). Стандартного полного вводного курса по политической системе Бельгии не существует ни на французском, ни на голландском, ни на английском языках[2]. Обычно студенты имеют возможность специализироваться в соответствии с их интересами[3].

5.4. Контроль за качеством образования

Качество образования обеспечивается так называемыми межуниверситетскими советами. VLIR (*Vlaamse Intruniversitaire Raad*) является автономным консультативным агентством, финансируемым фламандскими университетами. Совет дает рекомендации и вносит предложения министру, ответственному за образовательную и научную политику. Более того, для университетских учреждений Совет организует консультации по вопросам контроля качества высшего образования и аккредитации, политики в области образования, исследовательской политики, а также университетского управления и администрации. Каждые пять лет в университетах проводятся проверки качества образования и исследований, в которых принимают участие и зарубежные специалисты.

Во французских университетах аналогичные функции осуществляет CIUF (*Conseil Interuniversitaire des universités francophones*[4]) и все более влиятельный CREF (*Conseil des recteurs des universités francophones de Belgique*). Франкоязычное Министерство образования образовало Агентство по оценке качества высшего образования (*Agence pour l'évaluation de la qualité de l'enseignement supérieur*), ответственное за организацию аудита научных дисциплин. Тем не менее до настоящего времени проверки в сфере политической науки проведено не было, но она состоится, как только будут завершены все Болонские реформы. Однако некоторые

университеты, такие как UCL, выступают с предложением о проведении самостоятельных проверок самими кафедрами.

5.5. Современное состояние: проведение в жизнь Болонского соглашения

При проведении в жизнь Болонского соглашения фламандская община приняла Декрет о структуре высшего образования во Фландрии (2003 г.), определивший юридическую основу для проведения постепенного ежегодного преобразования фламандской системы высшего образования в двухуровневую (претворение в жизнь этого декрета на деле началось в 2004/2005 учебном году): диплом бакалавра может быть получен после трех лет обучения (180 европейских кредитов ECTS), начальные программы магистров — спустя еще один или два года и продвинутые программы магистров —еще через один или два года.

С франкоговорящей стороны выполнение Болонского соглашения (декрет 2004 г.) началось с установления перечня дипломов, которые могут быть предложены каждым университетом. Этот шаг был призван облегчить студенческую мобильность, позволяя студентам в период обучения переходить из одного университета в другой. Учебный план политической науки определен следующим образом:

- диплом бакалавра — после трех лет обучения;
- общий диплом магистра по политической науке — после одного года обучения;
- четыре диплома магистра — по обшей политологии, международным отношениям, государственному администрированию и по европейским исследованиям — после двух лет обучения;
- степень доктора наук (PhD).

Следует отметить, что в отличие от фламандской стороны такая система присвоения степеней и выдачи дипломов не оставляет возможности альтернативной специализации на уровне магистра. Так, например, здесь невозможно защитить степень магистра по сравнительной политологии.

Применение Болонского соглашения привело к созданию «академий», призванных снизить отрицательное воздействие фрагментации. Академия представляет собой объединение двух или более университетов, которые создают общие программы обучения и исследований и развивают международное и межобщинное сотрудничество. Такие академии также будут создавать собственные докторантуры. К настоящему времени были созданы три подобные академии, способствующие развитию плюрализма в области образования: *Académie universitaire*

Wallonie-Bruxelles, куда входят ULB, UMH и *Faculté Polytechnique de Mons* (свободомыслящая); *Académie universitaire Louvain*, включающая UCL, FUCAM, FUNDP и FUSL (католическая); *Académie universitaire Wallonie-Europe*, объединяющая ULg и *Faculté universitaire des Sciences agronomiques de Gembloux* (государственная).

6. Исследования

Все факультеты стремятся включить области международных отношений, политической социологии и государственного администрирования. Специализация в основном зависит от исследований, проводимых группой единомышленников, отдельными людьми, работа которых обеспечивается крупными и стабильными (обычно государственными) фондами. Усилий, направленных на достижение критической массы в каком-то определенном направлении исследований, практически не предпринимается. Поэтому как на севере, так и на юге Бельгии в институциональном плане политическая наука чрезвычайно фрагментарна, с невысоким уровнем специализации с точки зрения тематики исследований и присуждаемых ученых степеней. Тем не менее исследовательские центры есть на большинстве факультетов, они объединяют отдельных исследователей и группы ученых, специализирующиеся на изучении различных проблем.

К упоминаемым на различных сайтах факультетам франкоязычной политической науки относятся: в ULC — *Centre de Politique Comparee*, группа по продвижению сравнительных кейс-стадиз, анализу и изучению малого числа случаев (COMPASSS), *Point d'appui Interuniversitaire sur l'Opinion Publique et la Politique* (см. ниже), *Association Universitaire de Recherche sur l'Action Publique* (AURAP), *Centre d'Études Socio-politiques Belgique-Corée, Centre d'etudes des crises et des conflits internationaux* (CECRI), *Centre d'Étude Praxéologique*, *Centre d'Étude de Gestion Démographique pour les Administrations Publiques* (GéDAP).

В ULB находятся *Centre d'Etude de la vie politique* (CEVIPOL), *Groupe d'étude pluridisciplinaire Sport et Société* (GEPSS), *Pôle Bernheim d'études sur la paix et la citoyenneté*, *Groupe d'analyse sociopolitique des pays d'Europe centrale et orientale* (GASPPECO), *Groupe de recherché sur les acteurs internationaux et leurs discourse* (GRAID), *Centre de sociologie politique* (CPS), *Centre de théorie politique* (CTP), *Groupe d'étude du lobbying européen* (LEGILE), *Centre d'Etudes Union européenne, Nouveau régionalisme et gouvernance globale* (EUNRAGG).

В ULg действуют *Centre d'Analyse Politique des Relations Internationales* (CAPRI), *Centre d'Etudes de l'Ethnicité et des Migrations* (CEDEM), *Laboratoire Européen d'Administration Régionale et Locale* (LEDAREL) и Лаборатория научного и публичного участия в ситуациях риска (SPIRAL).

В FUCAM существуют три исследовательских подразделения — RIE (*Relations Internationales et Européennes*), SERP (*Systèmes Economiques, Régionaux et Publics*) и S3P (*Science Politique et Politiques Publiques*). И в FUNDP расположен ReCCCoM (Исследовательский центр урегулирования кризисов и конфликтов).

Кроме того, существуют еще несколько франкоязычных межуниверситетских исследовательских центров. Во-первых, к их числу относится *Centre de Recherche et Information Socio-Politiques*, независимая организация, занимающаяся исследованием процесса принятия решений в Бельгии. Тем не менее деятельность CRISP охватывает тематику не только политической науки, но также проблемы смежных наук (экономика, история). Вместе с тем руководители CRISP являются известными политическими комментаторами в электоронных СМИ.

Упомянутые сайты факультетов фламандской политической науки включают относящиеся к KULeuven *Centrum voor Politicologie, Instituut voor Internationaal en Europees beleid, Instituut voor de Overheid*, центр *Politeik en Sociaal Denken*, а также *IPSO* (см. ниже).

В Генте расположены *Centrum voor EU-studies, Centrum voor Lokale Politiek, Instituut voor Politieke* Besluitvorming en Conflictmanagement, *Onderzoeksgroep Global Governance* и *Vakgroep Studie van de Derde Wereld.*

В Антверпене находятся исследовательская группа по проблематике СМИ, социальных движений и политики, *Centrum voor de Studie van de Vlaamse Buitenlandse Betrekkingen, Onderzoeksgroep Management & Bestuur.* В VUB имеются исследовательская группа *Политика за рамками государства*, а также *Женские исследования*. В другом брюссельском фламандском университете, KUBrussel, есть Институт политической социологии и методологии (IPSoM).

На межуниверситетском уровне действует Центр политических исследований для правительственных организаций, своего рода консорциум, в который входят KULeuven, UA, UG и *Hogeschool Gent*, признанный фламандским правительством в качестве Исследовательского центра политики государственных организаций во Фландрии (*Steunpunt Bestuurlilke Organisatie Vlaanderen*, SBOV).

И кроме того, существуют несколько небольших научно-исследовательских центров, не связанных с университетами, таких как *Centre de recherché et d'études politiques* (CREP), который занимается исследовательской деятельностью и развитием образования в таких областях, как гражданство, демократия и опасность со стороны ультраправых сил.

7. Две ассоциации политической науки

В соответствии с процессом федерализации разделенными являются не только университеты, но и национальная ассоциация политичес-

кой науки. «Бельгийский институт политической науки», созданный в 1951 г., в 1978 г. разделился на две отдельные организации в связи с ростом напряженности отношений между его членами, говорящими по-французски и по-фламандски, что приняло особенно острый характер после печально известного раскола по языковому признаку Католического университета в Лувене. С фламандской стороны был создан *Politiologisch Instituut*, унаследовавший журнал *Res Publica*. Франкоговорящая сторона организовала *Association Belge de Science Politique — Communauté Française* (ABSP-CF).

С тех пор институциональных связей между двумя ассоциациями больше не существует: они не организуют совместных конференций[5], почти никогда не сталкиваются друг с другом в ходе публичных обсуждений многочисленных проблем текущей бельгийской политики; и если кто-то из их членов участвует в сравнительных исследованиях, то при написании главы о Бельгии они крайне редко прибегают к сотрудничеству с исследователями из другого лингвистического лагеря. Кроме того, поскольку все больше и больше государственных и частных спонсоров научных исследований ориентируются на общины (например, региональные/принадлежащие к определенной общине чиновники и администраторы, а также организации гражданского общества), становится все труднее изыскивать ресурсы на «общебельгийские» исследовательские проекты. Таким образом, серьезные данные и исследования по какой-то проблеме бельгийской политики можно найти лишь по одну сторону лингвистической границы, в то время как с другой стороны такие данные отсутствуют. Это подвергает серьезной опасности участие бельгийских политологов в сравнительных исследовательских проектах, которые прежде всего могут представлять интерес в том случае, когда их предметом является Бельгия в целом, а не отдельные непростые проблемы, связанные лишь с фламандской или франкоязычной частями страны.

Исключением из этого достойного сожаления правила являются бельгийские центры электоральных исследований ISPO-PIOP (связанные с KULeuven и факультетом политической науки UCL соответственно). С 1991 г. *Instituut voor Sociaal en Politiek Opinieonderzoek* (ISPO) проводит электоральные исследования фламандского электората, а *Point d'appui Interuniversitaire sur l'Opinion Publique et la Politique* (PIOP) охватывает франкоязычный электорат, используя общий вопросник. Институт поддерживает тесные связи с международными программами электоральных исследований (такими как Сравнительные исследования электоральных систем, CSES). После всех выборов каждая группа публикует отчет, в котором анализируется электоральное поведение в каждом из сообществ. И даже в этом случае общебельгийский анализ является редкостью.

Тем не менее неформальное сотрудничество или сотрудничество, связанное с конкретными проектами, между группами исследователей из разных общин имеет тенденцию к некоторому оживлению, в частности, в работе над проектами, касающимися местных политических партий (VUB—UCL), постановки актуальных политических проблем (UA, UCL, KUBrussel и VUB), миграционной политики (VUB—KUBrussel) или публичной администрации (KULeuven—UCL).

И все же самыми частыми форумами, на которых встречаются и обсуждают свои проблемы политологи, говорящие по-фламандски и по-французски, являются международные встречи, особенно объединенные сессии и семинары ECPR.

Фламандская и франкоговорящая академическая общественность ставят вопрос о целесообразности раздельного существования фламандской и французской ассоциаций политической науки. Неслучайно фламандцы стремятся к более тесному сотрудничеству со своими голландскими коллегами (голландским Кружком политической науки). Уже в течение нескольких лет *Politologisch Instituut* принимает участие в голландско-фламандских ежегодных конференциях по политической науке. С французской же стороны развивается более тесное сотрудничество с французской и швейцарской Ассоциациями политических наук (*Association Française de Science Politique* и *Association Suisse de Science Politique)*, которые провели свою первую объединенную конференцию в 2005 г.).

8. Профессиональные контакты

Журналы и периодические издания. В Бельгии нет издательства, которое специализировалось бы на политической науке. Тем не менее с франкоязычной стороны некоторые издатели предлагают сборники материалов по политической науке: *ULB editions*, издаваемые раз в два месяца публикации CRISP (*Hebdomadaire*) и особое издание *Dossier*, а также сборник *Polis* издательства De Boeck. К числу других издательств, которые публикуют работы по политической науке, относятся Bruylandt, Academia, Nathan-Labor и Vie Ouvrière. С франкоязычной стороны существует только один журнал, целиком посвященный политической науке, — *Revue Internationale de Politique Comparée (RIPC)*, работа которого хоть и координируется в UCL, однако в полном смысле бельгийским журналом он не является.

С фламандской стороны *Politologisch Instituut* издает *Res Publica* на разных языках (главным образом на голландском, но некоторые мате-

риалы также печатаются на английском и французском языках). По проблематике государственного администрирования недавно стал выходить журнал *Burger bestuur & beleid*. Существуют также два издательства, связанных с университетами: *Universitaire Pers Leuven* (Leuven University Press) и VUB Press.

Основными частными фламандскими издателями, публикующими работы по политической науке, являются: Kritak, Van Halewijk, Acco, Dvidsfonds, Hadewijch-Daedelus, EPO, De Standaard en Nederlanse Boekhandel.

Следует также упомянуть о многоязычном бельгийском журнале *Studia Diplomatica*, публикующем материалы по международным отношениям, который издается двуязычным Королевским институтом международных отношений (IRRI-KIIB).

Кроме этого, существуют многочисленные периодические издания по общественным наукам, в которых также публикуются материалы по политической науке, например: *Recherches sociologiques* (издается UCL), *Revue de l'Institut de Sociologie, Transitions* и *L'anneé sociale* (издается ULB), а также *Annales de la Faculté de Droit* (издается ULg), *Tijdschrift voor Sociologie* и *Gids op Maatschappelijk Gebied*.

9. Политическая наука в Бельгии и мир

Членство в международных организациях. Большинство бельгийских университетов являются членами общих и специализированных ассоциаций политической науки. В том случае, когда речь идет об ассоциациях общего характера, прежде всего следует выделить Европейский консорциум по политическим исследованиям (ECPR)[6], Европейскую ассоциацию преподавателей политологии (epsNet) и Международную ассоциацию политических наук (IPSA). В области публичных проблем необходимо отметить Международный институт административных наук (IIAS), Европейскую группу публичного администрирования (EGPA), Международную ассоциацию школ и институтов администрирования (IASIA), Европейскую тематическую сеть публичного администрирования (EPAN) и Entretiens Universitaires Réguliers pour l'Administration en Europe (EUROPA). Кроме того, в области изучения ЕС важно назвать Ассоциацию изучения Европейсого сообщества (ECSA).

Руководство в международных организациях. Kris Deschouwer (VUB) является соиздателем «Европейского журнала по политической науке» (EJPR). Geert Bouckaert (KUL) — президент Европейской группы публичного администрирования (EGPA). Luc Reychler (KUL) — генеральный секретарь Международной ассоциации исследований мира (IPRA). Christian Frank — генеральный секретарь Трансевропейской ассоциации политических исследований (TEPSA). Benoit Rihoux — руководитель постоянной группы по политической методологии Европейского консорциума политических исследований (ECPR) и научный соруководитель летней школы по методике и технике (Любляна). И, наконец, Andre-Paul Frognier являлся членом Исполнительного комитета ECPR на протяжении 12 лет, а в настоящее время занимает должность члена Исполнительного комитета epsNet.

10. Будущее политической науки в Бельгии

Рынок труда. Положение на рынке труда для политологов сравнительно хорошее, поскольку большинство студентов, специализирующихся в области политической науки, находят работу. Есть данные[7], которые указывают на то, что примерно один выпускник из трех работает в сфере государственного управления. Один из семи занят в сфере научных исследований, а примерно один из пяти работает в частных компаниях.

Воздействие политической науки в Бельгии на внутреннюю политику. Существует давняя традиция привлечения политологов для консультаций в публичной сфере, главным образом в области публичного администрирования. На протяжении десятилетий исследователи, занимающиеся вопросами публичного администрирования, принимают участие в программах подготовки государственных служащих, а в последнее время — и в проведении административных реформ и реформ государственного управления. Широко распространены консультации в области международных отношений, включая организацию программ подготовки будущих дипломатов. В области политической социологии партийные руководители высоко ценят советы исследователей электоральных процессов, особенно после создания ISPO-PIOP. Тем не менее консультирование совсем необязательно означает влияние. Есть многочисленные примеры того, как правительство заказывало работы, результаты которых впоследствии игнорировались.

Кроме того, в совете ученых нуждаются бельгийские политики, члены кабинета министров (некоторые ученые-политологи служили в качестве «chef de cabinet» — главными советниками этих влиятельных чиновников) и партийные руководители. Удивительно, но лишь немногие ученые-политологи становятся активными политическими деятелями.

Ученые-политологи и средства массовой информации. Очевидно, что выборы представляют собой «момент славы» бельгийских ученых-политологов в средствах массовой информации. Каждая региональная и субрегиональная газета, радиостанция и телевизионная программа стремится получить и обнародовать комментарий ученого-политолога. Кроме того, их просят давать разъяснения по поводу многочисленных ме-

жобщинных конфликтов и долгой череды скандалов, омрачающих бельгийскую политическую жизнь с 1990-х годов.

Такое широкое присутствие политологов в СМИ, очевидно, играет благоприятную роль в деле популяризации политической науки в бельгийском обществе, но одновременно это ослабляет ее академический престиж. В определенной степени политологи пользуются слишком большим спросом: их часто просят выступать по таким вопросам, которые серьезная политическая наука оставляет без внимания: коррупция, внутрипартийная политика, неокорпоративизм или шансы на выживание бельгийского федерального государства. Нередко журналисты, пытающиеся произвести более серьезное впечатление, стремятся заручиться «точкой зрения» политологов, чтобы придать большую значимость своим собственным взглядам, даже если они информированы гораздо лучше политологов. Вместе с тем тот факт, что политики контролируют ассигнования на основную часть исследований, говорит о том, что политологи могут быть «приручены» их нынешними или потенциальными политическими спонсорами. Поэтому разговоры о сложившемся в Бельгии треугольнике, состоящем из политиков, журналистов и политологов, могут иметь под собой определенные основания.

В заключение хотелось бы отметить, что на заре третьего тысячелетия, в эпоху европеизации и глобализации, бельгийская политическая наука сталкивается со многими проблемами, большая часть которых унаследована из прошлого. Во-первых, существуют правовые лингвистические барьеры, ограничивающие возможности присуждения дипломов бакалавра и магистра на языке, отличном от языка того региона, где расположен данный университет. Применение Болонских критериев, очевидно, отстает от усредненной ситуации в Западной Европе. Давняя традиция раскола по общинному признаку и идеологическая сегментация отступают в прошлое, но могут потребоваться усилия еще целого поколения, чтобы достичь уровня интернационализации, свойственного странам, где политическая наука достигла особенно крупных успехов, хотя молодые политологи все в большей степени стремятся освободиться от этих оков, принимая участие в обменах по общеевропейской программе Erasmus, в международных учебных программах, семинарах и конференциях. Значительная фрагментация также ведет к увеличению числа проблем, связанных с критическим размером исследовательских подразделений. В итоге хотелось бы подчеркнуть, что главная опасность для развития политической науки в Бельгии, с точки зрения научного понимания бельгийской политики, исходит от размежевания двух лингвистических сообществ в большинстве секторов социально-политической жизни — тенденции, которой бельгийские политологи вынуждены (а порой и стремятся) следовать в области своих научных интересов.

Примечания

[1] Иезуитский университет Антверпена (UFSIA) в 2003 г. объединился с «плюралистическим» *Universitaire Instelling Antwerpen* (и Государственным университетским центром Антверпена, RUCA) в *Universiteit Antwerpen*, что привело к слиянию отделений политической науки UFSIA и UIA.

[2] Тем не менее к концу 2006 г. должен быть опубликован выпуск *«Западноевропейской политики»* под редакцией М. Бранс, Л. Де Винтера и В. Свендена, посвященный политике Бельгии. В некоторых учебных программах используется вводное пособие Hooghe и Deschouwer *Politiek: een inleiding in de Politieke Wetenschappen* (Amsterdam, Boom Onderwijs, 2005).

[3] Во многих университетах можно выбирать определенный магистерский диплом по государственному управлению и публичной политике, международным отношениям или европейским исследованиям.

[4] Консультативный совет, состоящий из представителей университетов и других высших учебных заведений (включая представителей от студентов).

[5] Обе ассоциации проводят свои генеральные конференции каждые два года.

[6] Бельгийские политологи являются активными участниками семинаров, проводящихся на генеральных сессиях, и регулярно исполняют обязанности руководителей семинаров.

[7] Исследование положения на рынке труда студентов, специализирующихся в области политической науки, окончивших университеты в 1996–1997 и 2000–2003 гг. (N = 446), факультет социологии, KULeuen.

Литература

Brans, Marleen, Lieven De Winter, Wilfried Swenden (eds.) (2006): Special Issue of *West European Politics* on Belgian Politics (forthcoming).

Dewachter, Wilfried (1974): "De Politieke Wetenschap in België: Resultanten van Franse Kultuur and Elitair Pragmatisme", *Acta Politica*, IX: 24–53.

Frognier, André-Paul, Lieven De Winter (1991): 'The state of political science in Belgium' in *European Journal of Political Research*, XX: 389–397.

Hooghe, Marc (2005): "Divided by the Same Language. Political Science Associations in Belgium and the Netherlands". *European Political Science* 4 (2): 141–150.

Hooghe, Marc, Kris Deschouwer (2005): *Politiek: een inleiding in de Politieke Wetenschappen*, Amsterdam: Boom Onderwijs.

Witte, Els (2003): *Over bruggen en muren. De hedendaagse politieke geschiedenis en de politieke wetenschappen in België (1945–2000)*. Leuven: Universitaire Pers KULeuven.

Каллиопе Агапиу-Йозефидес

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ НА КИПРЕ

1. Введение

В начале XXI столетия в ходе широких процессов европейской интеграции и глобализации высшее образование в Европе (UNESCO, 1999) находится в долговременном структурном преобразовании, которое на деле значительно глубже, чем даже широкий спектр Болонских реформ (Reichert, Tauch, 2005: 41). Ни одна страна Европы, независимо от ее размера, не может уклониться от перемен или противостоять им. Им необходимо побыстрее занять более активную позицию чтобы гарантированно встроиться в этот далеко идущий процесс изменений. Он неразрывно связан и не может быть отделен от внутренних и внешних факторов, вызывающих к жизни перемены, которые имеют место как на национальном и общеевропейском уровне, так и в масштабе всего мира, т.е. в процессе глобализации.

Университеты, являющиеся «хранителями европейской гуманистической традиции» (Reinalda, Kuleza, 2006: 114) и «автономными учреждениями в самом сердце общества» (там же), находятся в центре масштабных и далеко идущих изменений, происходящих в нем. Будущее высшего образования и исследований в Европе определяется прочными позициями высших учебных заведений, способных безукоризненно воплощать в жизнь свою миссию. Болонский процесс можно рассматривать с двух точек зрения — как следствие и как вклад в процесс развития высшего образования в Европе (Haug, Tauch, 2001). Этот процесс неоднозначно оценивается в разных странах, включая Кипр.

Сейсмические изменения, произошедшие за последние десятилетия в системе европейских высших учебных заведений в целом и в академических дисциплинах в частности, определялись двумя основными причинами: во-первых, стремлением Европы стать привлекательным регионом для студентов и преподавателей всего мира за счет высокого качества обучения по всем академическим дисциплинам, а также благодаря повышению конкурентоспособности Европы по сравнению с Америкой и Азией, поскольку стало очевидным, что Европа не настолько

привлекательный регион для обучения и исследований, каким она могла бы быть. Вторым фактором является всеобъемлющий характер Болонского процесса.

У университетов не осталось иного выбора, кроме как продемонстрировать беспрецедентно высокую степень стратегической инициативы, быстрого реагирования и способности к адаптации в стремлении к постоянному обновлению своих программ в соответствии с меняющимися потребностями, запросами общества и развитием научных знаний. Помимо этого академические дисциплины сталкиваются с проблемами, возникающими на их собственной основе. В новую глобальную эпоху европейской интеграции профессионалы должны найти творческие пути для того, чтобы идти в ногу с изменениями в стремлении к высокому качеству преподавания их дисциплин.

В этом глобальном контексте изменений континентального масштаба неудивительно, что политическая наука, будучи чрезвычайно важной дисциплиной, имеющей целью достижение лучшего понимания политических структур и процессов и обучающая граждан, разделяющих демократические идеалы в современном мире, тоже переживает изменения. Точно так же, как организационные структуры университетов различаются в зависимости от географического и исторического наследия, академические дисциплины развиваются разными путями, и в силу этого они по-разному организованы в различных странах—членах Европейского союза.

Настоящая работа посвящена состоянию политической науки на Кипре. Это второе исследование, проведенное в данной области, однако оно является первым с тех пор, как Кипр стал полноправным членом ЕС. Обе работы[1] затрагивают исключительно высшие учебные заведения, действующие в правовых границах Республики Кипр.

1.1. Исторические предпосылки

Развитие высших учебных заведений на Кипре последнего времени, как и модели изменений и преемственности, нельзя понять без краткого рассмотрения ситуации, в которой оно происходило, и исторических предпосылок. Кипр — небольшая страна (9251 км^2), расположенная в северо-восточной части восточного Средиземноморья. Ее стратегическое положение на пересечении путей трех континентов приводило к последовательной смене иноземного господства, оставившего неизгладимые следы на структурах острова, происходящих там процессах и политической культуре (Agspiou-Josephides, 2002: 54–55). Кипр получил независимость от Британской империи лишь в 1960 г. Хотя его население составляет менее миллиона человек, остров широко известен за счет

6-6054

его политического и географического разделения. Греческие и турецкие киприоты после столетий мирного сосуществования — в отличие от Греции и Турции в Европейском сообществе — переживают период сепаратизма. Хотя в европейском контексте возможны далекие перспективы объединения и интеграции, путь к ним лежит через сложный процесс политического маневрирования. Столица острова, Никосия, все еще пользуется печальной славой последней разделенной европейской столицы, и это разделение наложило отпечаток на все сектора и сферы жизни.

Развитие высших учебных заведений на Кипре характеризуется специфически присущими ему чертами. Прежде всего, большинство студентов-киприотов все еще учится за рубежом. Во-вторых, все созданные до сих пор университеты являются государственными, для которых характерны высокая степень селективности numerus clauses (процентные нормы). Тот факт, что университеты управляются государством, входит в противоречие с тем обстоятельством, что частные высшие учебные заведения возникли раньше и их значительно больше, чем государственных высших учебных заведений. Это означает, что большинство студентов, получающих высшее образование на Кипре, посещают высшие учебные заведения, не имеющие статуса университетов. В-третьих, во всех высших учебных заведениях, за исключением университетов, преподавание ведется на английском языке. И последнее обстоятельство состоит в том, что все эти высшие учебные заведения являются коммерческими организациями.

Это факт, что на Кипре учится очень большая часть населения студенческого возраста. Интерес молодых людей к продолжению образования после окончания средней школы, как и готовность их родителей нести финансовое бремя обучения детей, исторически и социологически можно объяснить прямым следствием войны 1974 г., когда Турция вторглась на Кипр после государственного переворота, совершенного на острове военной хунтой Греции. За несколько дней 200 000 человек — почти треть населения — были насильственно изгнаны, потеряли свои дома и всю свою собственность главным образом в северной части Кипра, которая по сей день жестко контролируется турецкими войсками. Вывод, к которому они пришли, был ясен и заключался в том, что, как они с гордостью объясняли, «единственная собственность, которую человек не может потерять», «единственный капитал, который всегда остается с человеком, — это образование». Такое объяснение, лежащее в основе их убеждений, дает представление о том, почему они стремятся обеспечить детям лучшее будущее за счет образования. В 2002/03 учебном году около 67% выпускников всех средних школ продолжили обучение. Около 44% из них для этого уехали за границу, а 22% остались на Кипре (Статистическая служба Республики Кипр, 2005: 22).

В соответствии с тем же статистическим источником, самой популярной областью образования были общественные науки (12,5%), за ними шли бизнес и управление (11,2%), что явилось существенным изменением в предпочтениях студентов по сравнению с предыдущими статистическими показателями.

В последнее десятилетие система высшего образования на Кипре претерпела серьезные изменения как вглубь, так и вширь. В плане ее углубления можно отметить развитие, связанное с перспективами Болонской реформы (ECTS, дополнениями к диплому, схемами мобильности). В плане расширения важно подчеркнуть, что помимо уже существующего Университета Кипра — единственного, где можно получить степень по политической науке, — были созданы два новых университета: Открытый университет Кипра[2] и Технический университет Кипра[3]. Кроме того, некоторые частные высшие учебные заведения предприняли определенные усилия для того, чтобы получить статус университетов[4]. Помимо этого на Кипре действуют несколько государственных институтов третьей ступени образования и еще большее количество частных учебных заведений третьей ступени, однако ни одно из них до настоящего времени не получило статуса университета. Закон о создании Университета Кипра был принят парламентом в 1989 г. Первый набор студентов в университет был проведен в 1992 г. В настоящее время в университете существуют программы обучения как студентов, так и аспирантов. Сенат Университета Кипра решил принять Европейскую систему перезачета кредитов (ECTS) и приложения к дипломам уже в 2003 г. Сейчас это уже относится ко всем программам.

Возвращаясь к вопросу об углублении системы образования, следует отметить, что со времени работы, изданной в 2002 г., произошел ряд важных событий. В качестве примера можно упомянуть создание Консультативного комитета по высшему образованию[5], который наделен консультативными функциями при Министерстве образования и культуры по проблемам высшего образования. Комитет состоит из представителей всех слоев общества — профессоров высших учебных заведений, представителей союза работодателей, профсоюзов и многих других. Что касается обеспечения качества образования, сейчас активно идет процесс создания Национального агентства по обеспечению качества образования в соответствии с требованиями Берлинского коммюнике (19 сентября 2003 г.). Соответствующий законопроект принимает во внимание четыре группы вопросов, поставленных в Берлинском коммюнике:

- определение ответственности вовлеченных учреждений и институтов;

- оценку программ институтов, включая внутреннюю оценку, внешние отзывы, участие студентов и публикацию результатов;
- систему аккредитации, сертификации и сопоставимых процедур;
- международное участие, сотрудничество и связи.

При нынешней системе компетентным органом по обеспечению качества и аккредитации учебных программ, предлагаемых частными высшими учебными заведениями, является Совет по оценке и аккредитации образования (*Symvoulio Ekpedeftikis Axiologisis Pistopiisis, SEKAP*), являющийся членом Европейской системы обеспечения качества высшего образования (ENQA). В настоящее время SECAP оценивает и аккредитует ряд программ, предлагаемых частными учебными заведениями. Национальным учреждением, ответственным за признание квалификаций высшего образования, является Совет по признанию дипломов Кипра (*Kypriako Symvoulo Anagnorisis Titlon Spoudon, KYSATS*). KYSATS может признавать эквиваленты или соответствие эквивалентам за звания первого цикла или только эквиваленты за звания, присвоенные после получения высшего образования. KYSATS также имеет право признавать совместные степени.

Возникновение и развитие политической науки как самостоятельной академической дисциплины неразрывно связано с особенностями высшего образования на Кипре. Хотя Республика Кипр была создана в 1960 г., а вопрос об образовании университета обсуждался на высшем политическом уровне в 1970-е годы, на основе последовательных конфиденциальных докладов, составленных главным образом экспертами ЮНЕСКО[6], решение о создании Университета Кипра было принято только в 1990 г., а первые студенты появились в 1992 г. Что касается студентов, специализирующихся в области политической науки, их первый набор был проведен лишь в 1996 г., а первый выпуск — в 2000 г.

Университет Кипра является единственным университетом, предлагающим программы по политической науке. На уровне бакалавра Университет Кипра предлагает четырехлетний полный диплом по политической науке и неполный, состоящий из десяти курсов. На уровне магистра кафедра общественных и политических наук в настоящее время завершает работу над двумя программами: по *Социальной и политической теории*, которая будет предложена совместно политологами и социологами кафедры, и по *Международной и европейской политике*. Кафедра общественных и политических наук также предлагает единственную на Кипре докторантуру по политической науке.

Два частных колледжа, где можно получить высшее образование, — Интерколледж и Колледж Кипра, находящиеся в процессе получения

университетского статуса, внесли ценный вклад в создание программ по политической науке или связанным с ней областям знания. Интерколледж предлагает учебные программы в области *Международных отношений* на уровне диплома (2 года), бакалавра (4 года) и магистра — MA (18 месяцев). Колледж Кипра подготовил междисциплинарную программу по *европейским исследованиям* на уровне бакалавра (4 года). Программы этих двух колледжей успешно прошли процесс аккредитации.

Процесс институционализации политической науки на Кипре проходил медленно. Основные причины, препятствовавшие более быстрому становлению независимой академической дисциплины, заключались в позднем развитии высшего образования в целом и поздней институционализации этой дисциплины в частности. К этому можно добавить осложнения, вызванные войной 1974 г., которые привели к политическим проблемам и фактическому разделению острова.

1.2. Современное состояние

Болонский процесс является одновременно результатом и вкладом в развитие процесса интеграции высшего образования в Европе, он ускорил реформы высших учебных заведений на Кипре (Haug, Tauch, 2001: 3). Общественные дебаты, сопровождавшие весь этот процесс, а также реакция на его претворение в жизнь не обошлись без проблем. И напротив, его *raison d'être*, приоритеты, содержание и детали вызвали идеологические и философские дискуссии.

Вот уже много лет Болонский процесс стоит в повестке дня университетов и министерств образования во всех 45 европейских странах, включая Кипр. Болонская декларация и дальнейший процесс отслеживания ее выполнения были использованы для ускорения, облегчения и направления долгосрочной программы структурных изменений.

Кипр в целом и Университет Кипра в частности положительно отнеслись к Болонскому процессу и выработали по этому вопросу активную положительную стратегию, направленную на оптимизацию институциональной позиции с помощью новой основы для структурных преобразований. Несмотря на позитивное и активное отношение, как показывает практика, это привело к определенной усталости от реформ. В определенной степени такое явление может быть связано с небольшим размером страны и ограниченными людскими и другими ресурсами. Кроме того, представляется, что для продолжения определенных демократических общественных обсуждений, которые могли бы внести позитивный вклад в этот вопрос, нужна была система, дополняющая управленческую систему, идущую сверху вниз, инициативами, исходящими от кафедр и факультетов (Reichert, Tauch, 2005: 43). В Университете

Кипра ведется работа в этом направлении, позволяющая гибко и успешно воплотить такого рода начинания в жизнь, и на этом пути уже достигнуты определенные успехи. Основные возражения по поводу Болонского процесса, являющиеся по существу идеологическими и философскими, продолжают иметь место. Они могут даже усиливаться по мере выявления некоторых негативных последствий Болонского процесса. В общественных дебатах постоянно звучит озабоченность коммерциализацией высшего образования и жесткой ориентацией ученых степеней на рынок труда, эти вопросы следует обсуждать и далее.

Каким образом Болонский процесс затрагивает развитие политической науки на Кипре? Если взять в качестве примера Университет Кипра (единственный предлагающий программы по политической науке, дающие степень бакалавра политической науки), здесь можно выделить три уровня: содержание, контекст и процесс.

С точки зрения содержания изменения проявились во введении новых курсов, таких как политическая экономия, в соответствии с рекомендациями Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet) и национальных европейских ассоциаций политической науки о создании базовой учебной программы по политической науке.

В плане контекста одновременное проведение всех реформ, включенных в Болонский процесс, привело к созданию достаточно запутанного положения в связи с отсутствием соответствующей информации. Роль европейских тематических сетей, таких как ассоциация, упомянутая выше, оказалась чрезвычайно полезной. Так, например, своевременная публикация книги о Болонском процессе (Reinalda, Kulesza, 2006), осуществленная epsNet, стала большой поддержкой и облегчила для нашей дисциплины процесс адаптации.

Что касается процесса, то вся структура учебной программы была приспособлена к условиям Европейской системы взаимозачета кредитов (ECTS). Это было сделано не без сложностей, главным образом за счет отсутствия гибкости в получении 30 ECTS за семестр. Тем не менее это также привело к развитию и совершенствованию сотрудничества с другими организациями.

2. Образование и исследования

2.1. Высшие учебные заведения, преподающие политологию

Создание Университета Кипра в 1990 г. и институционализация политической науки в качестве самостоятельной дисциплины в 1996 г. не означает, что раньше в этой области ничего не делалось и что начало ее развитию было положено лишь тогда. Многие институты и исследовательские центры стремились хотя бы отчасти заполнить этот пробел. В некоторых отношениях они проложили путь для институционализации политической науки в стране (см.: Agapiou-Josephides, 2002).

В области преподавания и с институциональной точки зрения положение на Кипре во многих отношениях является достаточно своеобразным. Прежде всего, преподавание политической науки на уровне университета и в аспирантуре ведется лишь в одном университете — Университете Кипра. Частных университетов здесь в настоящее время не существует. Тем не менее два частных колледжа, зарегистрированных в Министерстве образования и культуры, уже достаточно далеко продвинулись по пути получения статуса университета. Как отмечалось выше, эти колледжи уже разработали программы по политической науке, главным образом в таких областях, как международные отношения (на постдипломном уровне) и европейские исследования.

Во-вторых, численность преподавательского состава и студентов достаточно ограниченна. Первые специалисты в области политической науки на Кипре получили дипломы в июне 2000 г. Общая численность студентов и аспирантов кафедры в 2005/06 учебном году составила 129 человек, из которых 126 были студентами, а трое учились в докторантуре[7]. В ближайшем будущем будут запущены магистерские программы по социальной и политической теории и международной и европейской политике. Учебный план составлен таким образом, что основные политологические темы в нем сочетаются с рядом курсов по социологии. В любом случае он охватывает все разделы политологии по классификации ЮНЕСКО 1948 г. (политическая теория, политические институты, политические партии и группы интересов, а также международные отношения). Учебная программа включает (в числе других тем): введение в политическую науку, историю политической мысли, методологию политической науки, международные отношения, сравнительную политологию и европейскую интеграцию. К предметам социологического цикла относятся введение в социологию, классические социологические теории, а также общество и политика на Кипре.

Поскольку отделение создано совсем недавно, его профессорско-преподавательский состав набирается из специалистов европейских, американских и других зарубежных университетов отборочным комитетом, назначаемым Университетом Кипра. Этот отборочный комитет состоит из международно признанных профессоров соответствующих академических направлений по крайней мере из трех разных стран.

Кафедра общественных и политических наук является частью факультета общественных и педагогических наук. На кафедре работают 12 преподавателей (десять мужчин и две женщины). Шестеро из них — политологи (четверо мужчин и две женщины). Трое работают постоян-

но, а трое — на основе трехлетних контрактов. Что касается социологии, там работают четверо социологов — двое на постоянной ставке и двое по трехлетним контрактам. Один криминолог и один антрополог (оба мужчины) работают постоянно.

2.2. *Система дипломов и правила приема на отделение политической науки*

В настоящее время Университет Кипра предлагает четырехлетние университетские программы обучения, после которых студент получает диплом бакалавра (*Ptychio;* 240 кредитов ECTS); университетские программы, дающие диплом магистра (90–120 кредитов ECTS) и программы аспирантуры (240 кредитов ECTS). Каждый учебный год состоит из двух семестров. Параллельно с посещением основной программы первой ступени студент может записаться на дополнительную программу, за которую можно получить 60 кредитов ECTS. Дополнительная программа может быть завершена в нормативный срок периода обучения по программе первой ступени (4 учебных года) при том условии, что студент способен выдержать более высокую, чем обычно, нагрузку и получить преимущества от того, что некоторые курсы засчитываются как в дополнительную, так и в основную учебные программы. Доступ к программе первой ступени предоставляется лицам, имеющим аттестаты о среднем образовании (*Apolyterion*) или соответствующую им подготовку и прошедшим национальные вступительные экзамены при высоком конкурсе, в соответствии с которым на определенные программы отбираются те, кто набрал наивысший проходной балл. Прием дополнительных групп студентов сверх квоты обычного поступления может основываться на социальных, экономических или иных критериях и соответствовать процедурам, установленным университетом. Поступление на дополнительные программы регулируется внутренними процедурами тех отделений, которые предлагают эти программы.

Магистерские программы рассчитаны на три или четыре семестра дневного обучения (90–120 кредитов ECTS) и дают диплом *Magister Artium (магистр искусств)* по программам гуманитарных наук, литературы, экономики или общественных наук или *Magister Scientiae (Магистр наук)* по программам естественных и инженерных наук. На программах второй ступени обучения готовить дипломную работу или диссертацию необязательно. Если такая работа написана, соответствующая учебная нагрузка может быть зачтена более чем за половину общей учебной нагрузки программы. Минимальной квалификацией для поступления на магистерскую программу второй ступени является диплом бакалавра (*Ptychio*) или соответствующая квалификация.

Продолжительность аспирантуры составляет от трех до пяти учебных лет; она дает ученую степень доктора философии (*Didactorico*). Программа аспирантуры состоит из курсов третьей ступени высшего образования не менее чем на 60 кредитов ECTS, серьезного экзамена, представления исследовательского проекта комитету, состоящему из трех человек, и защиты диссертации по самостоятельной теме исследования перед комиссией, состоящей из экзаменационного совета в составе пяти человек и как минимум одного приглашенного члена. Аспирант, получивший диплом магистра или соответствующую ему квалификацию, может быть частично или полностью освобожден от сдачи требуемых экзаменов. Общая учебная нагрузка по программе доктора философии составляет 240 кредитов ECTS.

Полный диплом по политической науке может быть получен по завершении четырехлетней (восемь семестров) учебной программы. Неполный диплом, включающий десять курсов, также пользуется популярностью у студентов других отделений, особенно у тех, кто учится на отделениях турецких исследований и отделении образования. На уровне магистратуры отделение подготовило двухлетние программы по курсам *социальной и политической теории* и по *международной и европейской политике*. Программа аспирантуры по политической науке продолжительностью от трех до пяти лет была открыта в 1999/2000 учебном году.

Требования при приеме. Для поступления в Университет Кипра абитуриент должен иметь аттестат зрелости, соответствующий немецкому *Abitur* или французскому *Baccalaureat (Apolytirio)*. Поскольку при поступлении действует процентная норма, обычно в год остается 20–25 мест для студентов, специализирующихся по политологии, и еще 20–25 мест на отделении социологии.

Прием студентов осуществляется на основе высокого конкурса. Он регулируется национальными правилами поступления в университет. Студенты указывают свое предпочтение различных дисциплин, а прием производится на основе оценок, полученных ими на вступительных экзаменах. Такие же конкурсные вступительные экзамены проводятся при поступлении и в университеты Греции.

За счет таких жестких критериев отбора при поступлении отсев студентов, специализирующихся в области политической науки на Кипре, очень незначителен, и большинство зачисленных на первый курс студентов завершают учебу через восемь семестров (четыре учебных года), когда им исполняется 22–24 года (без различий между мужчинами и женщинами).

Правила поступления в магистратуру и аспирантуру также строятся на конкурсной основе для обладателей дипломов, имеющих международное признание.

Плата за обучение. С киприотов или европейских студентов плата за обучение в университете по программе бакалавров не взимается. Все расходы берет на себя государство. Плата за обучение по программам магистров и докторов философии составляет 2 000 кипрских фунтов в год, однако есть несколько возможностей получить стипендию или устроиться на работу в университете.

2.3. Области преподавания

С самого начала Университет Кипра и кафедра общественных и политических наук исходили из необходимости разработки учебных программ, соответствующих высокому уровню международных стандартов, чтобы их выпускники имели достаточно возможностей для получения работы в лучших университетах мира. Программы кафедры общественных и политических наук сосредоточены на политике Кипра, а также на европейских и международных отношениях. Студенты посещают следующие обязательные курсы: введение в политологию, социологию, антропологию и экономику, политическую теорию, международные отношения, сравнительную политологию, сравнительные политические системы и европейскую интеграцию. Они также должны сдать экзамены по обязательным курсам статистики и методологии, информатики и иностранного языка по выбору. Пособия для изучения каждого курса соответствуют зарубежным аналогам. Большинство этих пособий изданы на английском языке. Почти за все эти курсы студенты получают по 5–6 кредитов ECTS.

В рамках междисциплинарной программы по европейским экономическим исследованиям кафедра общественных и политических наук также предлагает такие политологические курсы, как сравнительная политология, международные отношения, европейская интеграция, политические системы Европейского союза, Кипр и Европейский союз, право и Европейский союз, международное право.

2.4. Исследования

Исследования составляют одну из главных задач Университета Кипра, они занимают центральное место в деятельности университета. Политика университета в области исследований определяется преимущественно сенатом на основе консультаций с исследовательским комитетом университета. Исследовательский комитет несет ответственность за развитие исследовательских возможностей университета и исследовательской деятельности в целом. Он также занимается координацией всех процедур одобрения, финансирования, подготовки, проведения, мониторинга и оценки исследований в университете.

Наряду с исследовательской политикой важной отличительной чертой системы финансирования исследований Университета Кипра, заслужившей упоминания как «наилучшая практика», является так называемая *исследовательская деятельность*. Каждому штатному сотруднику университет предоставляет бюджет в размере как минимум 2500–4000 евро на самостоятельную исследовательскую работу. Каждый год финансирование исследовательских работ пересматривается на основе списков публикаций исследователей. Публикации за трехлетний период оцениваются как по их качеству (в рецензируемых журналах и издательствах), так и по их количеству. По результатам этой оценки определяется объем средств, выделяемых на следующий период. Таким образом, все штатные сотрудники имеют равные обязанности и возможности для проведения исследовательских изысканий. В этом отношении заявка, подаваемая молодым преподавателем на *исследовательскую деятельность* в университетский исследовательский комитет, рассматривается на тех же основаниях, что и заявки маститых профессоров.

Более того, Университету Кипра всегда удавалось привлекать внешние источники финансирования, средства из которых превосходили его собственный бюджет. За период с 2002 по 2004 г. из внешних источников финансирования, прежде всего Европейского союза и Фонда национального развития, на проведение исследовательских программ была получена сумма в размере 4 623 489 кипрских фунтов. А суммы, выделенные из собственного бюджета университета, составили лишь 3 503 000 кипрских фунтов. Особого упоминания заслуживает субсидирование из Фонда национального развития — национального агентства, финансирующего исследовательскую деятельность. За период с 2005 г. по середину 2006 г. Университет Кипра успешно подал 186 заявок на общую сумму 6 421 550 кипрских фунтов. Что касается публикаций, за этот же период сотрудники, состоящие в штате Университета Кипра, опубликовали 141 научную книгу и около 2000 научных статей, в том числе сотрудники кафедры общественных и политических наук — 20 книг и 69 статей (University of Cyprus, 2005).

Исследования кафедры общественных и политических наук охватывают широкий спектр проблем, связанных с политикой на Кипре, которая рассматривается в национальных и международных аспектах, а также проблемы гармонизации отношений Кипра и Европейского союза. К числу основных областей исследования относятся: проблемы Кипра, права человека, международные организации, женщины и политика, женщины и наука, Европейский союз и европейское сотрудничество в Средиземноморье.

Следует отметить, что несмотря на непродолжительное существование кафедры и ее небольшой размер, она установила рабочие связи с

большим числом зарубежных университетов, исследовательских институтов и групп. Большое внимание здесь также уделяется *исследовательским программам*, разработанным на долгосрочную перспективу и привлекающим местных и международных партнеров. Кроме того, университет поощряет исследования, проводимые в сотрудничестве с коллегами, работающими на одной кафедре, и междисциплинарные исследовательские работы, проводимые сотрудниками нескольких кафедр.

Помимо этого на взаимовыгодной основе проводятся консультирование и исследования в интересах государственных, полугосударственных и частных организаций, связанные с важными социально-политическими проблемами страны. Что касается международного сотрудничества, профессорско-преподавательский состав университета принимает активное участие в деятельности таких организаций, как epsNet, Diplomatic Studies Programme, Ассоциация изучения Европейского сообщества (ECSA) и программа SOCRATES. В дополнение следует отметить, что с университетами некоторых европейских стран были подписаны двусторонние соглашения. Факультет общественных и политических наук получил три гранта Жана Монне.

2.5. Политологическая коммуникация

Непродолжительная история политической науки как независимой академической дисциплины, с одной стороны, и отсутствие на Кипре Ассоциации политических наук — с другой являются основными элементами, объясняющими отсутствие национальных журналов и периодических изданий, посвященных политической науке. Научные сотрудники кафедры общественных и политических наук печатаются в международных журналах, главным образом европейских и американских. Как отмечалось выше, они также активно сотрудничают с европейскими и международными профессиональными организациями. Единственным издаваемым на Кипре журналом по тематике, близкой политической науке, является журнал *Cyprus Review*, публикуемый Интерколледжем. Тем не менее его статьи не включаются в Political Science Abstracts, издаваемые Международной ассоциацией политических наук (IPSA). Создание Ассоциации политических наук могло бы стать важным шагом в процессе объединения политологов и, несомненно, внесло бы большой вклад в значимость и популярность нашей профессии.

3. Будущее политической науки на Кипре

В ближайшие годы основной особенностью развития Кипра станет углубление и расширение системы высшего образования. Несомненно, это также приведет к серьезным изменениям и далеко идущим последствиям для будущего политической науки.

Тот факт, что Университет Кипра был основан лишь десять лет назад, в определенном смысле представляет собой как преимущество, так и недостаток. Молодость является очевидным преимуществом в том смысле, что университет был создан с учетом современных требований и нацелен на будущее. Его миссия, замысел, акцент на студенчестве и демократическая система управления соответствуют нормам, принятым международным сообществом в XXI веке. Несомненно, предстоит еще многое сделать. Находящаяся в процессе становления Кипрская ассоциация политических наук (CPSA) наверняка будет во многом служить катализатором профессионализации дисциплины. Она создаст исходную базу, облегчающую научные дебаты и взаимодействие между политологами, а также сможет внести вклад в повышение шансов студентов-политологов, выходящих на рынок труда.

Мы надеемся, что кафедра общественных и политических наук откроет новые перспективы в изучении важных политических и социальных проблем современности. В конечном счете успех ее деятельности зависит от того, насколько она будет соответствовать этой задаче. Будем надеяться, что специалисты в области политической науки внесут свой новый динамичный вклад в обсуждение важнейших проблем.

Примечания

[1] Первая работа была опубликована К. Агапиу-Йозефидес в 2002 г.

[2] Закон о создании Открытого университета Кипра был принят парламентом в 2002 г. Этот университет предлагает программы дистантного обучения начиная с 2006/07 учебного года.

[3] Закон о создании Технического университета Кипра был утвержден парламентом в 2003 г. Он станет техническим университетом обычного типа. Технический университет еще не начал свою работу, но ожидается, что предлагаемые им программы и формы набора студентов будут такими же, как в Университете Кипра.

[4] Что касается государственных учебных заведений третьей ступени, Высший технический институт предлагает технические программы продолжительностью в три учебных года, которые дают диплом о базовом высшем образовании, предоставляющем право продолжать обучение по программам второго цикла. Остальные государственные институты третьей ступени предлагают программы профессионально-технического обучения продолжительностью от одного до трех учебных лет, которые не дают права продолжать обучение по программам второго цикла.

[5] Объединенные законы по регулированию создания, контроля и деятельности высших учебных заведений, 1996–2002 гг.

[6] Внутренний доклад министерского комитета по созданию университета на Кипре, Никосия, декабрь 1976 г.; Внутренний доклад министерского комитета по созданию университета на Кипре (сокращенный и пересмотренный), Никосия, октябрь 1982 г.; ЮНЕСКО (1977, 1979); Sofianos (1986); Bell (1986).

[7] 126 человек — 94 женщины и 32 мужчины. В докторантуре обучались одна женщина и двое мужчин.

Литература

Agapiou-Josephides, Kalliope (2002): "Political Science in Cyprus" // Hans-Dieter Klingemann, Ewa Kulesza, Annette Legutke (eds.): *The State of Political Science in Central and Eastern Europe*, Berlin: edition sigma: 53–69.

Bell, Robert E. (1986): *The Establishment of the University of Cyprus*, Nicosia, Vancouver: Ministry of Education and Culture.

Haug, Guy, Christian Tauch (2001): *Trends in Learning Structures in Higher Education (II)*, Follow-up Report prepared for the Salamanca and Prague Conferences, Helsinki, National Board of Education, NARIC Finland.

Ministry of Education and Culture, Committee on Educational Reform (2004): *Democratic and Humanistic Education in the European Polity. Manifest for Educational Reform*, Nicosia: Ministry of Education and Culture.

Reichert, Sybille, Christian Tauch (2005): *Trends IV: European Universities Implementing Bologna*, Brussels: European University Association.

Reinalda, Bob, Ewa Kulesza (2006): *The Bologna Process-Harmonizing Europe's Higher Education*, Opladen: Barbara Budrich Publishers (2nd revised edition).

Sofianos, Chrysostomos (1986): *Schools and Departments of the University of Cyprus*, Nicosia: Printing Office of the Republic of Cyprus.

Statistical Service of the Republic of Cyprus (2005): *Statistics of Education 2003/2004*, Nicosia: Statistical Service of the Republic of Cyprus.

UNESCO (1977): *Cyprus: Selected Educational Issues in Cyprus*, Paris: UNESCO.

UNESCO (1979): *The University of Cyprus: A Feasibility Study*, Paris: UNESCO.

UNESCO (1999): *Higher Education in the Twenty-first Century. Vision and Action*, Paris: UNESCO.

University of Cyprus (2005): *Research at the University of Cyprus 2002–2004*, Nicosia: University of Cyprus.

Могенс Н. Педерсен

ДАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА — ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

1. Введение

Со стороны политическая наука в Дании производит впечатление достаточно успешной. Если в середине XX в. политической науки не было в стране как таковой, то за вторую его половину она получила значительное развитие в качестве учебной, а также исследовательской дисциплины. В настоящее время политическая наука преподается по полным программам в трех университетах и составляет часть обучения по меньшей мере еще в трех высших учебных заведениях. Кроме того, политологи работают в ряде исследовательских институтов и центров. Общая численность академических штатов возросла с двух профессоров в 1959 г. до более ста ученых, работающих на полной ставке. С середины 1990-х годов количество докторантов также существенно возросло, и к 2005 г. их число перевалило за 50. На трех кафедрах обучается более 3000 студентов, причем все они намерены получить полные дипломы. В относительном выражении политическая наука тоже существенно расширилась по сравнению с другими общественнонаучными дисциплинами, такими как право и экономика: в 1970 г. лишь 2% общего числа выпускников по общественным наукам (*kandidater*) специализировались в области политической науки; в 2002 г. соответствующий показатель составил 20%. За тот же период доля выпускников по общественным наукам от общей численности выпускников возросла с 14% в 1960 г. до 38% в 2000 г. (Andersen, 2004).

Политическая наука в Дании также преуспела в изменении профиля преподавания в ответ на Болонские требования, и этот плавный переход от традиционной континентальной системы к болонской структуре «3+2» и англосаксонскому положению касающемуся PhD произошел в течение прошлого десятилетия.

Показатели занятости политологов по большому счету носят позитивный характер. На хороших специалистов по политической науке всегда был спрос — начиная с их первого выпуска в 1964 г. Один из факультетов гордится тем, что поставляет кадры для датской политической

элиты: членов парламента, министров, партийных руководителей, комиссаров ЕС, главных редакторов и руководителей электронных средств массовой информации, высших гражданских служащих и послов, которые получили образование в Орхусе; постепенно и другие факультеты тоже стали вносить свой вклад в формирование политической элиты, но им еще предстоит пройти определенный путь, чтобы тоже называться «инкубатором датской политической элиты».

Возможно, в области исследовательской деятельности политическая наука в Дании не столь заметно зарекомендовала себя на международной арене, но когда в 1996 г. ее развитие было рассмотрено международной группой, она получила хорошие оценки. Более поздние сравнительные рейтинги также продемонстрировали, что датские исследования находятся в сравнительно хорошем состоянии.

Таким образом, с достаточными основаниями можно утверждать, что развитие политической науки в Дании проходит успешно. В последующих разделах настоящей работы этот тезис получит более детальное, предметное и в определенном смысле модифицированное развитие.

1.1. Начало

До 1958 г. в Дании не существовало ни факультетов политической науки, ни датской традиции изучения политической науки в современном смысле. По словам одного из ее основателей, профессора юриспруденции Копенгагенского университета, «политическая наука никогда не была для нас традиционной схемой мышления и образования, и большинство людей даже не знают, что обозначает это понятие. Факт остается фактом — политическая наука в Дании должна удовлетворить потребность в том, что она сначала должна создать» (Clausen, 1956: 11; Pedersen, 1997).

После Второй мировой войны у некоторых профессоров Университета Орхуса возникла мысль о введении новой образовательной программы, главная цель которой должна была состоять не столько в создании основ новой исследовательской дисциплины, сколько в подготовке нового типа гражданских служащих. Новые специалисты со временем могли бы даже дополнить деятельность юристов, которые в то время занимали господствующие позиции на датской государственной службе, а также экономистов, выступивших на первый план в рядах бюрократии, проводившей модернизацию нарождавшегося государства всеобщего благоденствия. Тогда отцы-основатели не могли предвидеть впечатляющего роста численности студентов и соответственно профессорско-преподавательского состава. Университет Копенгагена в то время отклонил инициативу разработки такого рода программы.

Через десятьлет после скромного начала своей деятельности в 1958 г., когда на кафедре в Орхусе работали два профессора и учились несколько студентов, кафедра разрослась до четырех профессоров, дюжины ассистентов и доцентов и более чем 500 студентов. В конце 1960-х годов в Копенгагенском университете получила развитие программа образования по общественным наукам, целью которой стала подготовка учителей средних школ; важную часть этой программы составила политическая наука. Спустя еще десять лет Министерство образования позволило кафедре в Копенгагене ввести настоящую программу по политической науке, которая во многом напоминала аналогичную программу в Орхусе. Спустя еще двадцать лет и третьему университету, в Оденсе — теперь это Университет южной Дании, было предоставлено право готовить специалистов в области политической науки. Хотя на этом дальнейший рост приостановился, на этих трех кафедрах политическая наука успешно продолжает развиваться. Помимо того еще на нескольких кафедрах в других высших учебных заведениях проводятся исследования по политической науке, составляющие интегральную часть подготовки по программам других общественных наук.

1.2. Современное состояние

В 1990-е годы датским университетам пришлось справляться с проблемами, которые ставила перед ними Европа. С 2001 г. оценка курсов по Европейской системе накопления и перевода кредитов (ECTS) стала обязательной по всем предметами, включая курсы политической науки. Датские высшие учебные заведения, их студенты и профессорско-преподавательский состав принимали участие в программах мобильности (ERASMUS и NORDPLUS). В некоторых институтах вводилось все больше курсов, преподавание которых велось на английском языке.

Большое значение имела полная реструктуризация всех академических программ. Этот процесс начался в 1993 г. От структуры учебных планов, рассчитанных на пять или шесть лет непрерывного обучения для получения степени кандидата (в данном случае *Cand. Scient. Pol.*), программы были преобразованы в трехлетние, дающие право на диплом бакалавра с последующей двухлетней подготовкой более высокого уровня, успешное завершение которой вело к присвоению диплома магистра, который также считается кандидатской степенью. Этого тоже оказалось недостаточно, была добавлена новая трехлетняя программа PhD, что в результате привело к созданию структуры «3 + 2 + 3».

Очевидно, потребовались определенные усилия, чтобы за несколько лет ввести и наладить эту новую структуру. Тем не менее создается впечатление, что отношение к этой проблеме было положительным, и

7-6054

переход прошел достаточно гладко. Болонский процесс в целом не вызвал в Дании серьезных конфликтов.

В настоящее время уделяется большое внимание другим принципам Болонской декларации, в частности таким как «обеспечение качества». Значительные усилия были предприняты для участия в деятельности Европейской системы обеспечения качества высшего образования (ENQA) и развития оперативных оценок обеспечения качества. Очевидно, что датские университеты, включая политическую науку Дании, не плетутся в хвосте Болонского процесса.

2. Обучение и исследования

2.1. Высшие учебные заведения с преподаванием политической науки

Дания — небольшая страна с единой университетской системой. Копенгагенский университет был основан в 1479 г., и на протяжении столетий он оставался единственным датским высшим учебным заведением. Университет Киля (1665 г.) и университет в Христиании/Осло (1811 г.) также не следует совсем забывать. Вторым датским университетом стал Университет Орхуса (1928 г.), а позже возникли новые университеты в Оденсе (1966 г.), Роскильде (1972 г.) и Ольборге (1974 г.). Однако полные дипломы по политической науке можно получить только в Орхусе (с 1958 г.), Копенгагене (примерно с 1980 г.) и Оденсе (с 1998 г.; сейчас он называется Университет южной Дании). Два самых молодых университета выдают дипломы в сопряженной области государственной администрации, но с возможностью изучения различных тем политической науки. Однако в перспективе преподавание там будет в большей степени основываться на междисциплинарном подходе. Далее в статье речь будет идти в основном о трех старейших и наиболее крупных высших учебных заведениях[1].

2.2. Единая система дипломов

Датские университеты являются государственными. Даже если они считаются автономными, правительство в значительной степени оказывает на них давление, с тем чтобы структура дипломов повсюду была единой. Плата за обучение на всех уровнях не взимается, и все студенты имеют право на получение государственной стипендии (SU), по крайней мере на протяжении пяти лет обучения.

Требования к приему также определяются государством; национальное единообразие отслеживается централизованно. Каждое отделение имеет право ежегодно принимать лишь определенное количество студентов. Поскольку политическая наука является популярной програм-

мой, число абитуриентов превышает норму набора. В связи с этим предъявляются требования к компетентности (определяемые в основном оценками, полученными в средней школе), благодаря чему на программы по политической науке набираются более сильные абитуриенты. О положении в этом вопросе можно судить по некоторым основным показателям, приведенным ниже в табл. 1.

Таблица 1

Прием на программу бакалавра на трех факультетах датских университетов, сентябрь 2005 г.

	Копенгаген	Орхус	SDU (Оденсе)
Число абитуриентов	717	636	225
Число зачисленных студентов	213	235	84
Проходной балл*	9,8	9,2	8,7

Примечание. * Датская система оценок — тринадцатибалльная (от 0 до 13); «6» является проходным баллом; «8» определяется (теоретически) как средний балл.

Студентам, сдавшим экзамены на бакалавра, разрешается без дальнейших экзаменов продолжать обучение на более высоких уровнях. В разное время правительство рассматривало вопрос о введении избирательных проходных баллов, но до настоящего времени безуспешно, и поскольку лишь очень небольшая часть студентов уходит из университетов сразу после получения диплома бакалавра, все еще можно считать, что диплом по политической науке (*Cand. Scient. Pol.*), формально полученный после 3 + 2 лет обучения, является единственным дипломом. Хотя введение диплома бакалавра после трех лет обучения было направлено на то, чтобы после этого студенты могли уйти из университетов, так никогда не происходило — отчасти из-за устойчивости традиций, отчасти потому, что академические профсоюзы без энтузиазма отнеслись к необходимости включения диплома бакалавра в их коллективные договоры о зарплате, а отчасти потому, что в учреждениях государственного сектора отсутствует спрос на специалистов с дипломом бакалавра.

Прием в докторантуру производится на основе заявления и достигнутых успехов. Численность поступивших в основном определяется доступным — очень небольшим — количеством платных (на зарплате) вакансий, расходы на которые берет на себя бюджет учебного заведения, средства на них также поступают и из внешних источников.

Здесь следует упомянуть — хотя это является характерной чертой не только политической науки, — что датские студенты поступают в уни-

верситеты очень поздно. Многие, возможно, большинство учащихся заканчивают среднюю школу (*Gymnasium*) в возрасте 19 лет. Очень часто после завершения среднего образования они берут «годичный отпуск», который нередко продолжается больше года. В результате средний возраст поступления составляет 23,5 года, а средний возраст окончания — составляет не менее 30 лет. Вследствие такой «задержки» датские докторанты также, как правило, отнюдь не молоды при поступлении на программу обучения. Такая возрастная структура, означающая, что датские студенты в настоящее время являются самыми старшими по возрасту в Европе, все в большей степени составляет предмет озабоченности университетов, а также политиков, однако, как и многие другие преимущества государства всеобщего благоденствия, это право никто не берется оспаривать. В последнее время возраст поступления несколько снизился.

Структура дипломов и «одобрение» новых учебных программ определяются в основном Министерством исследований и техники, которое раньше называлось Министерством образования. Общие правила в отношении учебных программ, экзаменов, назначений профессорско-преподавательского состава, программ докторатов и т.п. определяются министерскими распоряжениями. Уже несколько лет действует сложная система ECTS, которая также позволяет отслеживать отдельные программы университетов.

Определенное единство также поддерживается системой внешних экзаменаторов (*censorer*); в области политической науки эти экзаменаторы составляют национальный корпус; одной из их обязанностей является наблюдение за экзаменами и уровнем оценок на кафедрах. Такие же функции наблюдения по мере необходимости осуществляются национальным оценочным центром (*EVA;* <www.eva.dk>), который время от времени тщательно проверяет и сравнивает обучение на разных уровнях.

Несмотря на такое централизованное регулирование и мониторинг, отдельные кафедры тем не менее обладают некоторой степенью независимости. Однако поскольку кафедры стремятся всячески стимулировать межуниверситетскую мобильность, если говорить обо всей учебной программе в целом, различия будут весьма несущественными.

Положение с численностью студентов и преподавательского состава отражено в табл. 2. При этом следует помнить, что на факультете SDU занимаются не только программой по политической науке; там также существуют две магистерские программы (государственное управление и оценка) и кроме того этот университет принимает участие в программе подготовки журналистов.

Таблица 2

Некоторые основные цифры по трем кафедрам политической науки, октябрь 2005 г.

	Орхус	Копенгаген	SDU
Студенты уровня бакалавра	727	694	249
Студенты более высокого уровня	696	820	155
Докторанты	18	27	8
Доценты	32	34	17
Профессора	13	9	9

2.3. Области и характер преподавания

Можно утверждать, что начальные и последующие успехи окончивших университеты молодых специалистов в области политической науки на рынке труда стали возможны за счет структуры учебного плана, которая первоначально была выбрана отцами-основателями Орхуса. Основное внимание они уделяли не столько политической науке как таковой, сколько развитию общей перспективы. Выпускники Орхуса получали хорошую подготовку и по другим дисциплинам (конституционное и административное право, микро- и макроэкономика, статистика, история). Такое широкое образование, возможно, стало самым главным условием, объясняющим, почему выпускники очень быстро находили дорогу в престижные секторы государственной службы Дании. Они могли без труда общаться как с юристами, так и с экономистами, поскольку получили хорошую подготовку по широкому спектру общественных наук.

В основном эта мысль о широкой подготовке общего характера при специальном внимании к политической науке как таковой разделяется на всех кафедрах и по сей день. Она находит отражение и в составе академических кадров. «Дополнительные», или «вспомогательные», курсы читают главным образом компетентные специалисты с других кафедр, и, что особенно важно, все специалисты в области политической науки, независимо от ее разделов, собраны на одной кафедре. Время от времени предпринимались попытки создать некую «внутреннюю» автономию для государственной администрации, политических исследований или международных отношений, но самостоятельные кафедры для этих специализаций в Дании никогда не создавались. Многие политологи, по крайней мере в более старых университетах, считают, что очень важно рассматривать политическую теорию, международные

отношения, сравнительную политику и государственную администрацию как всеобъемлющий комплекс, составляющий единое целое.

Со временем некоторые «другие» элементы (публичное право, экономика и т.п.) в определенной степени утратили былое значение, но и теперь они продолжают играть весомую роль. В соответствии с другим подходом к развитию учебных планов все большее значение придается разным типам методологии общественных наук; эти дисциплины признаны важными с точки зрения будущего положения выпускников на рынке труда. За счет их включения в учебный план стало возможно повышение уровня сложности при подготовке докторантов.

Чтобы получить представление об учебных планах по политической науке в Дании и ее структуре на уровне диплома бакалавра, в табл. 3 указаны программы обучения в Университете южной Дании (SDU) за шесть полугодий (семестров). Такая структура учебных планов может рассматриваться в качестве типичной. Две другие программы — в Копенгагене и Орхусе — имеют лишь небольшие отличия в плане набора и последовательности прохождения курсов в рамках шести семестров. Время от времени экзаменационные требования и объем необходимой литературы пересматриваются. Так, последнее сравнение показало, что студент SDU должен прочесть на 50–60% страниц больше, чтобы сдать несколько дополнительных экзаменов, включая письменные, чем студент Копенгагенского университета, не говоря уже о студентах Университета Ольбурга и Университетского центра в Роксильде (Christensen, Mouritzen, 2005). Сам факт того, что подобная информация становится достоянием гласности, свидетельствует, что в настоящее время кафедры политической науки ведут друг с другом гораздо более серьезную конкурентную борьбу за студентов, ресурсы и статус, чем еще несколько лет назад.

Некоторые читатели могут обратить внимание на отсутствие в табл. 3 курсов по датской политике. Отдельные замечания могут быть сделаны в случаях университетов Орхуса и Копенгагена. Причина в том, что сведения о датской политике являются неотъемлемой частью каждого «курса политической науки». На самом деле хороший учебник по датской политике еще не создан. Политическая наука в Дании всегда характеризовалась эклектизмом. Обязательные учебники используются в основном на нижних уровнях обучения, обычно в их число входят стандартные английские или американские пособия (в числе других можно, например, упомянуть: Dunleavy; Heywood; March и Stocker; Gallagher; Laver и Mair; Hague, Harrop и Breslin; Almond и др.).

В заключение, говоря о структуре учебных программ, можно сделать еще одно замечание. Большую роль в программах обучения играют письменные экзамены и курсовые работы («seminars»), особенно на бо-

Таблица 3

Программа бакалавра политической науки в Университете южной Дании, курсы и количество учебных часов (2005 г.)

Название курса	Характер курса*	Семестр					
		1	2	3	4	5	6
Вводный курс политической науки	PS	7					
Политическая теория	PS	4					
Современная политическая история	OSS	2	2				
Общий курс политической науки	PS		4				
Компаративная политика	PS		2				
Политическая «тема недели»	PS		2		2		
Социология	OSS			4			
Статистика	MSS			5			
Методология политической науки	MSS			4	3		
Теория наук	MSS			2			
Экономика	OSS				5	5	
Международная политика и организация	PS				4		
Общая организационная теория	OSS					2	
Государственная администрация	PS					6	
Публичное право	OSS						2
Курс по выбору	Факультатив						x
Дипломная работа бакалавра	PS						x
Общее число учебных часов (лекции + группа – работа)		13	10	15	14	13	2+

* PS — политическая наука; OSS — другая общественная наука; MSS — методология общественной науки.

лее высоком уровне, благодаря чему студентов учат тому, чтобы после окончания учебы они были готовы письменно излагать свои соображе-

ния так же, как работать в коллективе и выступать с устными заявлениями. Для получения диплома бакалавра требуется написать небольшую работу, а требованием к получению диплома магистра является подготовка работы объемом 100 страниц, на которую нередко уходит более шести месяцев серьезной работы.

2.4. Исследования

В начале 1960-х годов исследования в области политической науки почти не проводились. Большая часть первых профессоров — и в Орхусе, и в Копенгагене — получили подготовку по истории и привнесли особое внимание к историческому подходу, который, кстати, был традиционным на протяжении многих лет. Лишь около 1970 г. стали вырисовываться контуры «настоящих» исследований, свойственных политической науке. Именно в это время зарождаются датские традиции исследований политики международной безопасности, муниципальной политики, теории общественной организации, законодательного поведения и партийных исследований. Самым важным было то, что в конце 1960-х годов возник анализ поведения граждан на выборах, а первый из продолжающейся серии электоральных опросов был проведен в 1971 г.

Тем не менее проводившиеся сначала исследования во многом зависели от усилий отдельных ученых. Только электоральные опросы проводились как современные исследовательские проекты/программы, и в качестве таковых их поддерживал Датский совет по исследованиям в области общественных наук, который в то время только начал действовать как крупнейший и, кстати, единственный источник государственной поддержки.

В 1984 г. Kjell A. Eliassen и Mogens N. Pedersen (1984a, 1984b) проделали сравнительный обзор скандинавских исследований. Они провели сравнение по таким темам, как исследования политических институтов и элиты; исследования политического участия; исследования по принятию решений; исследования государственного сектора и исследования политики. Относительно Дании они определили ограниченное количество «сильных» областей, в которых было опубликовано значительное число исследований и монографий:

- датский парламент;
- политическая мобилизация и участие;
- выборы;
- массовые стихийные действия;
- политика в области труда и заработной платы.

Они также пришли к выводу о том, что датские ученые провели ряд исследований и в некоторых других областях и что во многих отношениях исследования в области политической науки в Дании в период 1970–1982 гг. характеризовались существенной глубиной, по крайней мере по сравнению со Швецией и Норвегией. Такая концентрация и в то же время диверсификация отчасти явилась результатом значительного роста исследовательского персонала за этот период, что в определенной степени объяснялось большой поддержкой со стороны Датского совета по исследованиям в области общественных наук в связи с крупной исследовательской программой «Процесс принятия решений в Дании» (Damgaard, 2003).

Следующей важной вехой в развитии систематической оценки стал 1996 год, когда международная группа профессоров подготовила отчет о развитии политической науки в Дании (International evaluering, 1997). Поскольку этот отчет содержит всесторонний обзор, значение которого актуально и по сей день, ниже из него приводится обширная выдержка:

> «Общая оценка членами группы состояния политической науки в Дании является положительной. Здесь существует благоприятная исследовательская атмосфера, достаточное количество издающихся материалов по сравнению со схожими странами и хорошо сочетаются преподавание и исследовательская деятельность. Исследования на кафедре политической науки в Орхусе, как правило, высокого качества, их возможности весьма перспективны. На другой крупной кафедре, в Копенгагене, в рамках трехсторонней исследовательской программы проводятся многообещающие исследования. Гораздо меньшая кафедра Университета Оденсе впечатляет развитием специализированных исследований в области изучения местных органов власти. В числе других достижений следует отметить деятельность Центра по женским исследованиям в Университете Ольберга.
>
> Политическая наука в Дании уделяет больше внимания государственной администрации, государственной политике, политическому поведению и международным отношениям, чем политической теории и развитию методологии. С точки зрения общественной пользы и уместности такой подход представляется правильным. Специалисты в области политической науки играют столь же заметную роль в государственной политике, как и в сопоставимых странах.
>
> Положение политической науки Дании в международном исследовательском сообществе нельзя назвать слабым, но оно могло бы быть более значительным. На большинстве кафедр и в большинстве институтов предпринимаются достойные одобрения усилия по поощрению и облегчению публикаций на английском языке, а также в плане активного участия в международных встречах.
>
> Численность докторантов невелика даже на крупных кафедрах...»

Международная комиссия также выделила одно обстоятельство, которому датские ученые нечасто уделяют внимание: сравнительно хорошее положение с финансированием. Неплохо обстоит дело и с условиями работы в университетах — помещения достаточно просторные, тех-

ническое оборудование современное, обеспечена помощь секретарей. Оборудование библиотек отличное. Субсидирование проведения конференций и путешествий достаточное. Внутреннее финансирование исследований «сравнительно щедрое», к тому же возможны финансовая поддержка Датского совета по исследованиям в области общественных наук, а также получение средств на исследования от некоторых других «официальных» субсидирующих агентств. К этому можно добавить, что в Дании сравнительно мало частных фондов и их ресурсы лишь в редких случаях доступны для исследований в области политической науки.

Как уже отмечалось, выводы сделанные в 1996 г. все еще не утратили своего значения, однако в них уже можно внести некоторые коррективы. Во-первых, в последние годы основные усилия были сосредоточены на исследованиях международных отношений. Либерально-консервативное правительство, сформированное в 2002 г., решило объединить разрозненные исследовательские центры по изучению развития, урегулированию конфликтов и мира, внешней политики, Холокоста и прав человека. Новый объединенный Датский институт международных исследований (DIIS; <www.diis.dk>) после организационного периода, как представляется, накопил потенциал для того, чтобы стать междисциплинарным исследовательским центром для всех типов международных исследований. Тем не менее еще предстоит выяснить, смогут ли «отраслевые» исследования DIIS развиваться в соответствии со стремительно наращиваемыми исследованиями международных отношений и отношений в Европе, одновременно проводимыми в университетах.

Второе положение состоит в том, что исследовательский профиль в некоторых университетах, прежде всего расположенных в районе Копенгагена, постоянно меняется, главным образом за счет новых назначений. В силу этого копенгагенская кафедра с 1996 г. значительно расширила исследования в области международных отношений и государственной администрации. В то же время Копенгагенская школа бизнеса приступила к развитию исследований государственной политики (см.: <www.cbs.dk>). Столь же активно развивается Оденсе, где основные усилия сейчас направляются на исследование средств массовой информации и политики, а также государства всеобщего благоденствия. Политологи Университета Ольберга сосредоточили внимание на проведении и развитии датской традиции изучения выборов.

За последнее десятилетие определенную силу набрали новые исследовательские специальности, такие как политическая теория — эмпирическая и нормативная. Если к старшему поколению ученых можно применить такие определения, как институционалисты и бихевиористы, на нынешних датских специалистов в области политической науки трудно наклеить какие-то ярлыки. Тем не менее «новый институционализм» имеет многочисленных последователей, а за последние годы в моду вошла теория рационального выбора, впрочем, как — до определенной степени — дискурс-анализ и социальный конструктивизм. Об этом здесь упоминается лишь для того, чтобы указать на общую тенденцию к диверсификации.

Третье замечание состоит в том, что исследования доктората в их англосаксонском варианте были введены в Дании достаточно поздно — в 1993 г. (Pedersen, 2005). До этого времени формальной подготовки не существовало и докторские диссертации защищались по «классическому» немецкому образцу. Когда в 1996 г. развитие политической науки получило оценку, новые программы докторов наук лишь зарождались и число докторантов даже на крупных кафедрах было незначительно. Как видно из табл. 2, положение существенно изменилось, и теперь новые программы применяются на всех кафедрах. В 2002 г. десять организаций, основную роль среди которых играли университетские кафедры, создали национальную Школу докторов философии по политической науке. В настоящее время школа расположена в Университете Копенгагена, но она является подлинно национальной организацией, частично финансируемой самими членами, частично — за счет временных грантов Центрального совета Дании по подготовке исследователей. Целью этой организации является координация индивидуальной деятельности и развитие совместных курсов. Зарегистрировано более 100 докторантов <www.polforsk.dk>.

Четвертое положение касается крупной инициативы, с которой выступил датский *Folketing* в 1997 г. Парламентарии, озабоченные возможностью ослабления позиций парламента, поддержали создание исследовательской программы «Власть и демократия» по образцу возникших ранее в Норвегии и Швеции «Запросов о власти». Датское исследование было завершено в 2002 г. В ходе работы над ним издано не менее 49 книг и 39 более мелких публикаций, большая часть которых посвящена различным аспектам датского общества и демократии. Почти все работы были изданы в Дании. Хотя эта программа и не принесла крупных открытий концептуального и теоретического характера, за счет рассмотрения широкого круга проблем она, несомненно, внесла большой вклад в эмпирические знания, касающиеся всех политических институтов и, в частности, политической роли заинтересованных организаций, партий и общественных движений. Большое внимание также было уделено проблемам, связанным с членством Дании в ЕС. Главным результатом работы над этой программой, обошедшейся в 50 миллионов датских крон, стала публикация заключительного труда (Togeby и др., 2003a, 2003b). Сама программа, ее принятие и результаты подвергались критике с самых разных сторон. Значительная часть критических заме-

чаний носила «политический» характер, причем критиковали скорее за недостаточное внимание к важным проблемам, чем за низкое качество. По совести говоря, настоящей оценки, которая включала бы также сравнения с норвежскими и шведскими «Запросами о власти», так и не было проведено. Остается открытым и вопрос о том, в какой степени эта крупная программа обогатила качество исследований в области политической науки в целом и — что также немаловажно — окажут ли влияние эти немалые усилия на будущее финансирование исследований.

Заключительное соображение касается будущего кафедр политической науки в Дании: в проведенном Simon Hix (2004) сравнении европейских кафедр кафедра в Орхусе была расположена под номером 78, а в Копенгагене — под номером 155. Остальные кафедры в этот список не попали, возможно, по той простой причине, что Hix не включил их в свой набор данных.

2.5. Профессиональные организации и контакты

Учитывая скромное начало и профессиональную задачу — подготовку административных кадров общей ориентации, — было вполне естественно, что датские политологи решили вступить в уже существовавший профсоюз. Их выбор пал на Ассоциацию экономистов Дании. Позже этот профсоюз объединился с ассоциацией юристов, а с 1970 года политологи организовались в *DJØF — Danmarks Jurist — og Økonom Forbund*.

Отсутствие собственной организации имело как определенные преимущества, так и недостатки. На академическом рынке труда сила и специализированные услуги большого профсоюза являются очевидным положительным качеством. К числу недостатков следует отнести отсутствие организационной принадлежности. Подлинная профессия не будет развиваться тем же способом, каким развивалась юриспруденция — с профессиональной независимостью, этическим кодексом и определенной идеологией «служения обществу».

Уже в 1961 г. учеными из университетов Копенгагена и Орхуса была создана *Датская ассоциация политических наук*, что отчасти вызвано обращением к профессиональным проблемам. Позже к ней присоединились другие кафедры и несколько индивидуальных членов. Организация продолжаетоставаться немногочисленной, малозаметной, и, конечно, она не может выступать от имени «профессии», поскольку почти все ее члены работают исключительно на университетских кафедрах. Ее основной деятельностью в Дании является проведение годичных собраний и отдельных встреч. Она также ведет сайт в Интернете <www.dpsa.dk> и координирует некоторые международные мероприятия, прежде всего в отношениях с IPSA и Nordic Association (NOPSA).

Кафедры датских университетов не входили в число основателей Европейского консорциума по политическим исследованиям (ECPR), но они к нему присоединились почти с самого начала. Датчане служили этой организации во многих качествах, даже играли в ней ведущие роли, и большинство университетских кафедр Дании принимают участие в деятельности ECPR. В настоящее время членами ECPR являются восемь датских организаций. Кроме того, датские политологи принимали участие в создании epsNet, но в настоящее время ее членом является только одна кафедра (SDU).

Другим недостатком, вызванным отсутствием собственной организации политической науки, является то, что нет профессионального журнала политической науки. Тем не менее, последствия такого положения во многих смыслах отчасти преодолены. Во-первых, *Датская ассоциация политических наук* входила в число основателей *«Скандинавских политических исследований»* — сначала издававшихся в качестве ежегодника (1966–1977 гг.), а позже публикующихся как реферативный журнал. Появились и журналы на датском языке. Студенты Орхуса в 1967 г. основали издание *POLITICA*. Постепенно оно стало главной трибуной политической науки в Дании. Журнал марксистской ориентации *GRUS* также получил известность в качестве критически ориентированного издания высокого качества. В последние годы кафедра в Копенгагене стала издавать новый реферативный журнал *POLITIK*. Нельзя не упомянуть скандинавский журнал *Nordisk Administrativt Tidskrift*, где печатают свои работы ученые, занимающиеся государственной администрацией. Специалисты в области международных отношений также используют ряд более специализированных журналов, в числе которых следует упомянуть скандинавское издание *«Сотрудничество и конфликт»*. Таким образом, датские ученые не могут пожаловаться на отсутствие возможностей для «местных» публикаций. Важность всех этих изданий определяется еще и тем, что некоторые из узкоспециализированных публикаций в сфере исследования датской политики, возможно, никогда не могли бы быть опубликованы в международных журналах. Увы, это вечная проблема ученых из стран со «второстепенными языками».

Тем не менее, можно сказать, что контакты между университетскими кафедрами, их выпускниками и широкой публикой отсутствуют. Некоторые университеты недавно выступили с соображениями о том, чтобы обратиться с этим вопросом к растущей группе выпускников, большая часть которых занимается административной деятельностью. Хотя эта мысль пока не воплотилась в действие, издание журнала или другое средство общения между академической политической наукой и более широкими кругами представителей «профессии» могли бы запол-

нить существующий пробел. Со временем это могло бы привести к возникновению подлинной профессии политолога, которой в настоящее время не существует.

В небольшой стране роль политологов обречена быть отличной от роли их коллег в более крупных обществах. С самого начала датские политологи использовались в качестве правительственных консультантов и специалистов, некоторые из них становились членами важных государственных комиссий. Также они получали работу в качестве комментаторов, но в основном академических специалистей в связи с выборами и небольшим числом других политических событий. Теперь такое положение во многом изменилось. В последнее время политологи принимают все большее участие в общественных обсуждениях не столько в роли специалистов-исследователей, сколько в качестве «комментаторов» общего характера в ходе дискуссий обо всех типах политических событий. И дня не проходит без комментария политолога в электронных средствах массовой информации, их материалы часто публикуются в газетах (Alb?k и др., 2002). Хорошо это или плохо, облик и общественная значимость небольшой «профессии» изменились.

3. Будущее

Двумя словами, наиболее точно обобщающими развитие политической науки в Дании, являются рост и диверсификация. Рост численности студентов, докторантов, профессорско-преподавательского состава, кафедр и ресурсов сделал возможным создание и поддержку новых областей исследования, а также широких и разнообразных программ обучения не только в университетах, но и в других учебных заведениях.

Интересным аспектом такого развития является то, что межуниверситетская мобильность остается на достаточно низком уровне, по крайней мере когда речь заходит о двух старейших кафедрах — в Орхусе и Копенгагене. В частности, большая часть сотрудников кафедры в Орхусе всегда получала образование в своем университете. На протяжении долгих лет представители двух больших кафедр редко встречались, и связи между ними были развиты недостаточно.

За последние годы положение в этом плане несколько улучшилось. Как уже отмечалось выше, конкуренция между кафедрами политической науки возрастает, и в результате увеличивается мобильность между кафедрами. Тем не менее «импорт» компетентных зарубежных ученых остается ничтожным. Политическая наука в Дании все еще развивается только для датчан.

Большой проблемой, стоящей перед многими политологами в их «*среде обитания*», является преемственность поколений. Особенно остро эта проблема стоит у небольших наций и на небольших кафедрах. Две датские кафедры, по европейским понятиям, достаточно велики. По идее, им не должно ничего угрожать, но даже здесь будущее выглядит проблематичным. Представители первого поколения датских профессоров и преподавателей уже вышли на пенсию или давно отошли в мир иной (Rasmussen, Meyer, Clausen, Bjøl, Henningsen, Sjöblom и др.). Второе поколение покидает университеты в наши дни или выйдет на пенсию в течение ближайших пяти или десяти лет. Это поколение включает многих профессоров и доцентов. Открывающиеся вакансии позволят дальше развивать межуниверситетскую мобильность и, возможно, даже привлечь свежие силы из других стран.

С другой стороны, при взгляде на положение с докторантами и докторами наук (см. табл. 2) можно сделать вывод, что в значительной степени обновление может произойти обычным датским путем, т.е. через набор «сынов и дочерей своей земли». Вполне реальная стратегическая проблема заключается в возможности дальнейшего развития лучших датских традиций при одновременном введении новых исследовательских приоритетов и новых областей исследования.

Большую часть своих средств датские университеты получают из ежегодных бюджетов правительства. Значительная их доля определяется на основе расчета сумм, затрачиваемых на одного студента. Поэтому рост кафедр политической науки зависел и продолжает зависеть от притока квалифицированных студентов. Снижение численности абитуриентов немедленно скажется на снижении проходного балла (см. табл. 1). В более долгосрочном плане это может выразиться также в снижении численности выпускников, а в перспективе — и в уменьшении ресурсов, выделяемых из бюджетных средств. Однако пока такое развитие не намечается, и положение кафедр представляется достаточно устойчивым.

Долгосрочный процесс сокращения объема работ также мог бы быть вызван ростом безработицы среди выпускников политических и административных наук. За последнее десятилетие безработица действительно немного выросла — с 4% в середине 1990-х годов до 9% университетских выпускников в 1997–2002 гг. При этом положение выпускников трех кафедр «чистой» политической науки лучше, чем положение выпускников Университета Ольберга и Университетского центра в Роскильде (Videnskabsministeriet, 2005). До настоящего времени их проблема сводится к более долгим поискам первого места работы, а не к длительной или хронической безработице. Даже если безработица среди новых выпускников в настоящее время составляет 20–25%, лучшие студенты сравнительно легко находят хорошую работу в государственных учреждениях или других областях государственного сектора.

В поддержку оптимистичного взгляда на положение с занятостью можно привести несколько аргументов.

- Проведенная в 2006 г. реформа муниципалитетов должна снизить численность безработных с 275 до 98 человек, а в долгосрочном плане она, возможно, создаст возрастающую потребность в администраторах и менеджерах общего профиля, и политологи в этом отношении смогут удовлетворить потребность в кадрах.
- В средних школах увеличится спрос на выпускников-политологов — отчасти за счет роста их численности, отчасти в связи с проходящей сменой поколений среди школьных преподавателей общественных дисциплин.
- Еще одна потребность возникнет в растущем секторе «пожизненного образования» и во многих институтах государства всеобщего благоденствия отчасти потому, что в государственном секторе наблюдаются рост и диверсификация, а отчасти потому, что работа менеджеров имеет тенденцию к усложнению, что ведет к увеличению спроса на персонал с высшим образованием.

Если непосредственной или серьезной угрозы занятости выпускников не предвидится, предполагаемое развитие, возможно, приведет к некоторым изменениям программ подготовки политологов. «Классические» темы политической науки могут уступить место государственной администрации и государственному управлению, кроме того, можно рассчитывать на большую значимость подготовки по методологии, поскольку методологические навыки требуются во многих организациях, нанимающих или собирающихся принимать на работу выпускников-политологов. Будем надеяться, что кафедры политической науки в Дании будут уверенно развиваться и служить базой для подготовки высококвалифицированных специалистов для национально значимых и конкурентоспособных в международном плане исследований.

Примечания

[1] Более подробную информацию об этих высших учебных заведениях можно получить на их сайтах: Университет Копенгагена [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.polsci.ku.dk; Университет Орхуса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ps.au.dk; Университет южной Дании [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.sam.sdu.dk/politics; Университетский центр Роксильде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ruc.dk/ssc; Университет Ольборг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.socsci.auk.dk/institut2.

Литература

Albæk, Erik, Peter Munk Christiansen, Lise Togeby (2002): *Eksperter I medierne — Dagspressens brug af forskere 1961–2001*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag.

Almond, Gabriel A., G. Bingham Powell, Kaare Strom Jr., Russell J. Dalton (2003): *Comparative Politics Today — A World View*. N.Y.: Longman (7th ed.).

Andersen, Heine (2004): "Samfundsvidenskaber I vidensamfundet — muligheder og trusler" *GRUS* 72: 7–28.

Christensen, Jørgen Grønnegaard, Poul Erik Mouritzen (2005): "Den falske melodi" *Weekendavisen* September 2.

Clausen, Sven (1956): *Omrids af Statskundskab*. Copenhagen: Gyldendal.

Damgaard, Erik (2002): "Tillob til en magtudredning" // Albæk, Erik Peter Munk Christiansen, Birgit Møller (eds.): *Demokratisk set. Fest skrift til Lise Togeby*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag: 229–242.

Dunleavy, Patrick G., Brendan O'Leary (1987): *Theories of the State. The Politics of Liberal Democracy*. Houndmills, Basingstoke:Macmillan Education.

Eliassen, Kjell A., Mogens N. Pedersen (1984a): *Svensk samhällsorganisation och förvalting. En inventering av svensk forskning*. Stockholm: HSFR's "Brytpunkt" serie.

Eliassen, Kjell A., Mogens N. Pedersen (1984b): "Omkring studiet af nogle centrale institutioner i Danmark: Et skandinavisk perspektiv" *POLITICA*, the Ministry of Education allowed 16: 298–315.

Gallagher, Michael, Michael Laver, Peter Mair (2006): *Representative Government in Modern Europe*. N.Y.: McGraw-Hill (4th ed.).

Hague, Rod, Martin Harrop, Shaun Breslin (1992): *Comparative Government and Politics*. Houndmills/Basingstoke: Macmillan.

Hague, Rod, Martin Harrop, Shaun Breslin (1998): *Comparative Government and Politics*. Houndmills/Basingstoke: Macmillan (4th ed.).

Heywood, Andrew (1997) *Politics*. Houndmills/Basingstoke: Macmillan.

Hix, Simon (2004): "Global ranking of political science departments". *Political Studies Review* 2: 293–313.

International evaluering af dansk samfundsvidenskabelig forskning (1997): Copenhagen: Forskningsministeriet.

March, David, Gerry Stoker (eds.) (2002): *Theory and Methods in Political Science*. Houndmills/Basingstoke: Palgrave (2nd ed.).

Pedersen, Mogens N. (1997): "Present at the creation" // Hans Daalder (ed.): *Comparative European Politics: The Story of a Profession*. L.: Pinter: 253–266.

Pedersen, Mogens N. (2005): "Doctoral Studies in Political Science in Denmark" // Michael Goldsmith (ed.): *Doctoral Studies in Political Science — A European Comparison. epsNet Reports No. 10*: 11–17.

Togeby, Lise, J. Goul Andersen, P. Munk Christiansen, T. Beck Jørgensen, S. Vallgärda (2003a): *Magt og Demokrati i Danmark — Hoverdresultater fra Magtudredningen*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag.

Togeby, Lise et al. (2003b): *Power and Democracy in Denmark — Conclusions*. Aarhus: Aarhus Universitetsforlag.

Videnskabsministeriet (2005): "De samfundsvidenskabelige uddannelser i tal". Internet: www.videnskabsministeriet.dk.

Эркки Берндтсон

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ В ФИНЛЯНДИИ

1. Введение

1.1. Политическая наука Финляндии после 1996 г.

В 1996 г. в своем докладе о состоянии политической науки в Финляндии Даг Анкар отмечал, что финская политология почти неизвестна за рубежом. Одной из причин такого положения является то, что большинство научных работ публиковались на финском языке. Языковой барьер имел и другие последствия. Ни один иностранный политолог никогда не занимал постоянной должности ни на одной кафедре политологии. И хотя студентам и преподавателям были доступны программы обмена, они использовались недостаточно. Кроме того, кафедры предлагали мало курсов на английском или других иностранных языках.

С другой стороны, финские политологи всегда пристально, но довольно избирательно следили за научными достижениями в других странах. Когда в 1921 г. в Университете Хельсинки была создана первая кафедра политической науки, она была организована в соответствии с немецкой традицией «Allgemeine Staatslehere» (общей теорией государства), и немецкое влияние оставалось господствующим до конца Второй мировой войны. После войны стали распространяться новые идеи, доходившие главным образом из Соединенных Штатов, поскольку политическая наука в Америке стала образцом не только для финской политической науки (Paakkunainen, 1988). Лозунгом 1960-х годов была бихевиористская революция. Нередко цитировалось определение бихевиоризма, данное Дэвидом Истоном, но его теоретические последствия не всегда были ясны. Бихевиоризм часто неправильно отождествлялся с эмпирическими исследованиями голосования и выборов (см.: Berndtson, 1997). Восприятие американской политологии было избирательным и в других отношениях. Интересно отметить, например, что работы Роберта А. Даля оказали очень незначительное влияние на развитие политической науки в Финляндии.

Влияние американской политической науки было заметно еще в середине 1990-х годов (Anckar, 1996: 201), хотя в то время финские политологи уже все в большей степени присматривались к европейскому стилю. Однако в основном это означало следование тому, что обсуждалось в Англии и, возможно, в Германии, — если об этом писали по-английски. Связи с политологами Франции, Италии или Испании были весьма ограниченными, не говоря уже о развитии политической науки в небольших европейских странах, единственное исключение из которых составляла Швеция (за счет группы финских политологов, говорящих по-шведски). Что же касается развития политической науки в самой Финляндии, за пределами страны об этом было известно очень мало.

Тем не менее одной из самых серьезных проблем, по мнению Anckar (1996: 192), была внутренняя и внешняя фрагментация дисциплины. Под первой он имел в виду отсутствие консенсуса в вопросах методологии и теории, иначе говоря, по предмету политологии как таковому. Эти проблемы оказались серьезным препятствием для плодотворного обмена мнениями между финскими политологами и кафедрами. С другой стороны, говоря о внешней фрагментации, Anckar имел в виду тенденцию к превращению отдельных областей политической науки в новые самостоятельные научные дисциплины со своей идентичностью.

При взгляде на сегодняшнюю политологию можно отметить, что отчасти ситуация продолжает оставаться такой же, какой она была десять лет назад, хотя кое-что и изменилось. Финские политологи стали гораздо чаще ориентироваться на международные достижения, поскольку все больше ученых пишут по-английски и публикуют свои работы в зарубежных журналах. С другой стороны, финские студенты-политологи составляют одну из наиболее активных в Европе групп, обучающихся за границей, в частности, участвуют в программе Erasmus (Berndtson, 2005: 8–10). Число курсов, предлагаемых на английском языке на кафедрах политической науки в Финляндии, увеличилось, благодаря чему Финляндия стала привлекательной страной для приезжающих по обмену студентов из других европейских государств.

Тем не менее тенденция, которую Anckar определил как внутреннюю и внешнюю фрагментацию, продолжает развиваться. Существует глубокий раскол между теми, кто идет в основном русле, и теми, кто придерживается иных путей развития. Внешняя фрагментация дисциплины с особой силой проявляется в подходах к международным отношениям и к публичному администрированию. Исследование проблем публичного администрирования все в большей степени сосредотачивается на изучении управления как такового, что уводит в сторону от политического аспекта проблемы. Теперь самым модным объектом изучения стал новый публичный менеджмент, в связи с чем интерес исследователей проблемы сосредотачивается главным образом на орга-

низациях и лидерстве. Как отмечал Anckar еще десять лет назад, это в значительной степени вызвано заинтересованностью в привлечении внешних источников финансирования и использовании стратегий по усилению собственных позиций в рамках академического сообщества: «С одной стороны, развитие области публичного администрирования, очевидно, поощрялось, так как руководство считало, что это средство сближения политической науки с действительностью и выполнения ею функций по решению текущих политических проблем; с другой — члены научного сообщества довольно недальновидно пытались усилить свои позиции, повысить свой статус, ввязываясь в проекты, связанные с сиюминутными обстоятельствами и выработкой политического курса» (Anckar, 1966 : 194).

Десять лет назад изучение публичного администрирования уже достигло такой степени развития, что стало претендовать на статус отдельной дисциплины. Были созданы новые кафедры, связь которых с политической наукой уменьшалась и постепенно утрачивалась. То же самое произошло и с международными отношениями, хотя и по иным причинам. Глобализация стала важным стимулом для изучения международных отношений. В связи с этим потребовалось большое число новых компетентных специалистов. Поскольку сообщество политологов в Финляндии невелико и средства на создание новых рабочих мест для преподавателей и исследователей весьма ограничены, это в свою очередь привело к борьбе за ресурсы. Такая борьба очень напоминала игру с нулевой суммой, но некоторые ученые, занимающиеся изучением международных отношений, предложили стратегию, направленную на выделение международных отношений в самостоятельную дисциплину. Последнее развитие событий свидетельствует о том, что специалисты в области международных отношений начали называть область своей деятельности «мировой политикой».

Как можно объяснить природу политической науки в Финляндии? Здесь следует принимать в расчет ряд факторов. О некоторых аспектах нынешней ситуации мы уже упоминали выше. Тем не менее для понимания специфических особенностей развития политической науки в Финляндии следует принимать во внимание три основных фактора (Berndtson, 1991b). Во-первых, *система высшего образования* всегда определяла развитие отдельных дисциплин, предлагая различные стимулы. Высшее образование зависит от финансовых средств, и поскольку в настоящее время все финские университеты являются государственными, на повседневной деятельности университетов в значительной степени сказываются правительственная политика и финансовые стимулы. Во-вторых, в понимании природы и структуры финской политологии

большую роль играет *численность академического сообщества.* Поскольку финское сообщество политологов достаточно мало, это, в частности, означает, что ученым не всегда бывает просто специализироваться. С другой стороны, чем меньше размеры академического сообщества, тем большее значение в развитии дисциплины приобретают отдельные личности. Положение, сложившееся в развитии политической науки в Финляндии в целом, свидетельствует о том, что достаточно сложно делать обобщения на базе единичных случаев. И в-третьих, *история данной страны и ее политическая культура* всегда налагают отпечаток на изучение общества и политики. На сегодняшний день это с особой силой проявляется в том внимании, которое уделяется исследованиям проблем европейской интеграции. Политическая культура Финляндии как своего рода пограничная периферия (Allardt, 1985), связывающая Швецию и Россию, также определила акцент на соответствующих внешних отношениях в политической науке Финляндии.

1.2. Система высшего образования в Финляндии[1]

В Финляндии действуют 20 университетов, десять из которых имеют несколько факультетов (Хельсинки, Або, Турку, Тампере, Ювяскюля, Куопио, Оулу, Йоэнсуу, Вааса, Лапландия (Рованиеми), три из них — это школы экономики и бизнес-администрации (школы в Хельсинки с преподаванием на финском и шведском языках, одна в Турку), три технических университета (Хельсинки, Тампере, Лаппеенранта) и четыре академии искусств (все в Хельсинки: дизайн, изобразительные искусства, музыка, театр). Университеты могут иметь учебные подразделения за пределами своей основной территории, которыми они распоряжаются самостоятельно или в сотрудничестве с другими университетами. Многие университеты также пользуются собственными подразделениями как открытыми университетами, организующими курсы по разным дисциплинам (без права выдачи дипломов). Все университеты являются государственными учреждениями (в начале 1970-х годов все частные университеты стали государственными) под юрисдикцией Министерства образования. Кроме того, существует Национальный колледж обороны, руководимый Министерством обороны. Помимо этого под юрисдикцией Министерства образования действуют 29 политехнических учебных заведений. В основном они представляют собой региональные специализированные колледжи, сотрудничающие с деловыми кругами и промышленностью. Политехнические колледжи являются муниципальными или частными учебными заведениями, но частично финансируются государством или региональными учреждениями. Еще существует полицейский политехнический колледж, находящийся в ведении Министерства внутренних дел.

В области внутренних вопросов университеты автономны. Они сами решают вопросы, связанные с учебными планами, структурой внутреннего управления и правилами набора студентов. Однако эта формальная автономия существенно ограничена финансовыми возможностями. Университеты не обладают бюджетной автономией (только университеты Хельсинки и Або имеют право на самостоятельный сбор средств). Побудительные мотивы министерства в настоящее время определяются трехлетними «соглашениями по качеству показателей». «Качество показателей» университетов измеряется главным образом на основе количественных данных (сколько присваивается дипломов и кредитов). Такая система является далеко не лучшей, поскольку она совершенно непредсказуема. Университетам выделяются средства на базе «соглашений по качеству показателей». Они распределяются университетами по факультетам в соответствии с их собственными критериями, а факультеты опять-таки используют собственные модели распределения средств по различным кафедрам. Однако поскольку эти критерии часто меняются, на их основе трудно что-то рационально планировать. В результате этого до сих пор кафедры пытаются «наработать» как можно больше дипломов и кредитов. Наряду с этим действия университетов ограничены, поскольку образование бесплатное для всех студентов (включая иностранных) и университеты не имеют права взимать плату за обучение.

Ограниченность университетской автономии также отражается на жестких правилах в отношении структуры дипломов. После того как системой высшего образования Финляндии были приняты основные принципы Болонской декларации (1 августа 2005 г.), парламент должен был внести поправки в Университетский акт с тем, чтобы его положения стали совместимы с двухуровневой структурой дипломов. Против одобрения принципов Болонского процесса прозвучали отдельные выступления, но организованной оппозиции не сложилось. Острие критики было направлено против трехлетнего диплома бакалавра, поскольку бытовало мнение, что три года — слишком короткий срок для подготовки специалиста. Некоторые критики полагали, что Болонский процесс представляет собой попытку Европейского союза унифицировать практику высшего образования в Европе, и они выступали против этого процесса именно в таком ключе. Но в конце концов новый Университетский акт был принят безо всяких трудностей.

Университетский акт определяет главные задачи университетов. В соответствии с законом они сводятся к исследованиям, преподаванию и связям с обществом в целом. Акт определяет структуру дипломов, язык обучения, состав руководящего совета в университетах, методы выбора ректора, общие положения относительно набора студентов

и другие важные правила. Более детальные указания помещены в руководящем постановлении об университетских дипломах, уточняющем положения Университетского акта. В этом постановлении дается определение системы кредитов и излагаются общие требования к разным типам дипломов (бакалавра, магистра, лиценциата и доктора философии). В постановлении указывается, что обучение, необходиое для получения диплома бакалавра, может включать базовое и высшее образование в различных областях науки, изучения языков и средств массовой коммуникации, «другого» обучения и профессиональной подготовительной практики. В постановлении также говорится о том, что базовые курсы оцениваются как минимум в 25 кредитов, а обучение на курсах высшего уровня оценивается как минимум в 60 кредитов. Для получения диплома бакалавра также необходима защита дипломной работы, оценивающейся в 6–10 кредитов. Система кредитов сопоставима с Европейской системой накопления и перевода кредитов (ECTS), для получения диплома бакалавра требуется набрать 180 кредитов, а диплом магистра требует 120 дополнительных кредитов.

Это значит, что для получения диплома бакалавра студент должен обучаться три года, после чего ему надо учиться еще два года, чтобы получить диплом магистра. Обучение, необходимое для получения степени доктора философии, рассчитано на четыре года. Ключевым здесь является слово «рассчитано», поскольку жестких правил или временных рамок для его получения не существует. При старой «доболонской» системе считалось, что для получения диплома магистра студенты должны учиться пять лет, но на практике это положение нередко нарушалось. В среднем на получение диплома магистра по общественным наукам уходило шесть лет, а некоторые студенты шли к этой цели десять и более лет. Одной из причин было то, что во время учебы студенты еще и работали, особенно когда они учились для получения диплома магистра (некоторые были заняты полный рабочий день). Такое положение оказывается возможным, поскольку финская система высшего образования (особенно в области общественных наук) является очень гибкой. Хотя существуют обязательные курсы, студенты также могут учиться самостоятельно по рекомендованному списку литературы и сдавать экзамены без посещения лекционных курсов. До сегодняшнего дня это продолжает оставаться особенностью финской системы высшего образования, хотя теперь все больше студентов посещают курсы основных изучаемых ими дисциплин.

Во всех университетах проводятся вступительные экзамены. Общие правила устанавливаются факультетами, хотя содержание экзаменов по отдельным областям обычно определяется соответствующими кафедра-

ми. После внесения изменений в Университетский акт тем не менее вышло постановление о том, что все студенты в принципе должны получать дипломы магистра, хотя до этого они обязаны получить диплом бакалавра. Официальная политика финского Министерства образования направлена на то, чтобы 75% всех поступивших в университеты абитуриентов продолжали обучение вплоть до получения дипломов магистра.

Экзамены предполагают весьма высокую конкуренцию. Так, например, летом 2005 г. в университет Хельсинки было подано 604 заявки на обучение политической науке. Принят был 51 студент. Наряду с этим существуют и другие правила поступления в университет. На самом деле общее число студентов, зачисленных в 2005 г. на кафедру политологии, составило более ста человек, поскольку кафедра принимала студентов на основе их предшествующих занятий политической наукой (например, в открытых университетах или в других финских и зарубежных университетах).

2. Обучение и исследования

2.1. Высшие учебные заведения с преподаванием политологии[2]

Ответ на вопрос о том, сколько существует высших учебных заведений с преподаванием политологии, зависит от определения политической науки. У автора настоящей работы есть основания полагать, что сегодня политическую науку в полном смысле этого понятия преподают в следующих шести университетах: Хельсинки, Або, Тампере, Турку, Йювяскюля и Лапландии.

Университет Хельсинки (основан в 1640 г.) является старейшим университетом Финляндии. До 1918 г. он оставался единственным университетом страны с несколькими факультетами. Университет был основан в Турку, когда Финляндия была частью Швеции. В 1828 г. он был переведен в Хельсинки, после того как Финляндия стала автономным Великим княжеством в составе России (1809 г.). Кафедра политической науки основана в 1921 г.[3], вскоре после получения Финляндией независимости (в 1917 г.), в рамках факультета истории и филологии (Palonen, 1983). Преподавание там началось в 1924 г. Главной задачей кафедры стала подготовка государственных служащих для новой республики. Кардинальные изменения в статусе дисциплины произошли в 1945 г., когда в Университете Хельсинки был основан факультет общественных наук и кафедра политологии переведена с факультета истории и филологии на новый факультет общественных наук.

Единственной ставкой на кафедре политической науки являлась ставка заведующего кафедрой вплоть до 1950-х годов, когда были добавлены новые должности (ассистента — в 1951 г., доцента — в 1952 г., одного шведоязычного профессора — в 1952 г.). Специализация в рамках дисциплины стала развиваться с начала 1970-х годов, когда международные отношения и публичное администрирование выделились в отдельные области специализации в рамках дисциплины (должность профессора по международным отношения была введена в 1968 г., а должность доцента по публичному администрированию — в 1969 г.). В связи с перестройкой учебных планов в 2005 г. (отчасти связанной с Болонским процессом) три субпрограммы («политология», «администрирование и организации» и «мировая политика») были усилены (в значительной степени в силу давления, оказывавшегося со стороны программ по международным отношениям и публичному адинистрированию). Набор новых студентов теперь проводится под контролем этих трех субпрограмм. Тем не менее у них все еше сохраняется общая база совместных занятий.

Кафедра поддерживает тесные связи со *Шведской школой общественных наук* (SSSS), являющейся высшим учебным заведением в статусе колледжа, готовящим бакалавров, где преподавание ведется на шведском языке. Школа была основана в 1934 г. В 1994 г. с ее независимостью было покончено, после того как ее сделали частью факультета общественных наук Университета Хельсинки. Муниципальные служашие обучаются в этой школе уже более 40 лет. Одной из целей этого колледжа была (и остается) подготовка государственных служаших для общин, говорящих на шведском языке. Местная власть не рассматривалась в качестве предмета политической науки, скорее это направление относили к общественным наукам в целом. Тем не менее в 1982 г. была введена должность доцента, специализирующегося по муниципальному управлению, что привело к возникновению нового предмета — «политическая наука и управление». После того как школа стала частью факультета Университета Хельсинки, политическая наука как дисциплина заняла там более сильные позиции. Шведскоязычный профессор в Хельсинки также преподает в школе, и оканчивающие ее студенты имеют право продолжать образование для получения степени магистра на кафедре политической науки в Хельсинки.

Академический университет Або был основан в 1918 г., он находится в Турку (по-шведски — Або), преподавание ведется там на шведском языке. Это второй «по старшинству» университет Финляндии, имеющий несколько факультетов. Он также стал одним из первых финских университетов, где был введен курс политической науки. Кафедра политологии была там создана в 1918 г., однако шведский ученый, назначенный ее профессором, к сожалению, умер, так и не успев ее возглавить. Преподавание политической науки началось только в 1930-х годах. В 1942 г. там был избран профессор политической науки (Anckar, 1986).

Кафедра разделилась в 1980 г., когда образовалась новая кафедра публичного администрирования. В настоящее время статус этой кафедры не вполне ясен, поскольку должность заведующего кафедры не занята.

В 1974 г. Университет Або расширил свою деятельность, создав самостоятельное учебное подразделение в городе Вааса (по-шведски — *Васа*). Политическая наука стала независимой областью образования в 1984 г. В Васе политология входит в состав кафедры общественных наук наряду с экономикой, публичным администрированием и средствами массовой информации. Политическая наука в Васе тесно связана прежде всего с исследованиями в области средств массовой информации и публичным администрированием.

Университет Тампере возник на основе старого Гражданского колледжа, созданного в Хельсинки в 1925 г. (некоторые предварительные курсы там были предложены уже в 1919 г.) как институт профессионального обучения, не дающий диплома о высшем образовании (Rasila, 1973). Политологическое образование там было начато в 1925 г. — с курса под названием «политическая наука и история», которое было изменено на «политическая наука и международная политика» в 1929 г. В 1930 г. поменялось название колледжа, который стал называться Школой общественных наук. После Второй мировой войны она превратилась в сильное профессиональное высшее учебное заведение, первые два преподавателя в должности профессоров были туда назначены в 1946 г., причем один из них был политологом. Должность профессора международной политики была там введена в 1949 г. Однако когда профессор-политолог в 1954 г. ушел на пенсию, его должность перешла к психологу.

Финансовые проблемы и тот факт, что был образован факультет общественных наук в Хельсинки, вынудили колледж искать новое помещение. В 1960 г. колледж переехал в Тампере, а через несколько лет (в 1966 г.) после расширения деятельности в области гуманитарных наук получил статус университета. В настоящее время Университет Тампере состоит из нескольких факультетов и проводит подготовку специалистов по различным дисциплинам — от общественных наук до медицины.

В этом смысле Университет Тампере связан именно с общественными науками и имеет длительную историю изучения политической науки, международных отношений, государственного и муниципального управления, поскольку все эти предметы преподавались еще в Гражданском колледже. После переезда школы в Тампере в 1965 г. там была открыта должность профессора по публичному администрированию. Благодаря заведующему этой кафедры появилась отдельная кафедра публичного администрирования. То же самое произошло и в области муниципального управления, преподавание которого ведется на кафедре региональных исследований.

В 2004 г. кафедра публичного администрирования была преобразована и часть старой кафедры стала кафедрой менеджмента (с субпрограммами по «административным наукам», «маркетингу», «менеджменту и организации» и специальным курсами «менеджмент безопасности» и «менеджмент и финансы в высшем образовании»). Другие части старой кафедры были присоединены к кафедре экономики и бухгалтерского учета. Развитие изучения государственного управления в Тампере является хорошей иллюстрацией процесса внешней фрагментации или дифференциации политической науки.

Университет Тампере также пошел по пути вычленения международных отношений из кафедры политологии. В 1994 г. на этой кафедре были созданы две отдельные учебные программы — по политологии и международным отношениям со своими учебными планами. Тем не менее в административном плане кафедра политологии и международных отношений продолжает оставаться единой.

Университет Турку был основан в 1922 г. как частное высшее учебное заведение с преподаванием на финском языке (в то время основным языком преподавания в университете Хельсинки был шведский язык). Преподавание политологии началось там в 1961 г. Должность профессора политологии была введена в 1994 г. В настоящее время студенты могут выбирать специализацию в области либо «политической системы», либо «международных отношений», хотя оба эти направления имеют общую основу совместного обучения.

Университет Йювяскюля берет начало с семинара по подготовке учителей, организованного в 1864 г. Со временем семинар был преобразован в Педагогический колледж Йювяскюля, который в конце 1950-х годов стал университетом с несколькими факультетами. В 1962 г. там была введена должность доцента по общественным наукам. Первым ее занял политолог. В 1973 г. была добавлена должность доцента по политической науке. Кафедра политологии создана там в 1970-е годы (Siltaoja, Virta, 1981: 46). После преобразования кафедры в 1990-е годы политическая наука была объединена с другими дисциплинами, такими как философия, социология, социальная и государственная политика, социальная работа и гендерные исследования в рамках кафедры общественных наук и философии.

Университет Лапландии (в Рованиеми) был основан в 1979 г. Кафедра общественных наук там создана в 1991 г. В качестве самостоятельных предметов в университете ведется преподавание международных отношений, административных наук, публичного права и социологии. Политическая наука была добавлена на правах самостоятельной дисциплины в 2003 г. Поскольку штат преподавателей по международным отношениям и политической науке очень невелик, преподаватели чи-

тают разные курсы. Однако административные науки остались за рамками этого сотрудничества.

Помимо этих шести университетов историей преподавания политической науки может гордиться расположенная в Хельсинки Школа экономики и бизнес-администрации, где преподавание ведется на шведском языке. Эта школа возникла в 1909 г., а организованная там в 1934 г. кафедра политической науки сначала занималась «историей и политической наукой». В 1975 г. ее название было изменено на «экономическую политологию». К сожалению, в 2005 г. приняли решение о том, что больше экономическая политология не будет преподаваться в качестве профилирующего предмета, а будет переведена на кафедру управления и организации с сокращенным штатом (на самом деле там осталась только одна постоянная ставка для организации курсов по политической науке). Другим небольшим университетом, где политическую науку можно изучать в качестве дополнительного предмета на историческом факультете, является университет в Оулу. Однако читают там курсы и принимают экзамены преподаватели кафедры политической науки из Университета Тампере.

Как явствует из краткого описания факультетов и как свидетельствует история их развития, административные исследования выделились в отдельный комплекс в Тампере, Або, Васе и Лапландии. В Университете Хельсинки и SSSS этот предмет все еще преподается как часть политической науки, хотя в Хельсинки ощущается давление, направленное на его выделение из общего курса. В Турку и Йювяскюля административные исследования не преподаются. Вместо этого в Ваасе существует факультет публичного администрирования Университета Ваасы (с кафедрами государственного управления, публичного права и социологии, а также региональных исследований). В Университете Куопио также существует кафедра здравоохранения и управления. Более подробно в настоящем разделе университеты в Ваасе и Куопио не рассматриваются, поскольку не связаны с преподаванием политической науки. Тем не менее их пример свидетельствует о развитии административных исследований, и действительно — факультет публичного администрирования в Университете Ваасы отражает состояние административных исследований в других финских университетах. Положение в целом обобщено в табл. 1.

2.2. *Небольшое сообщество политологов и большое число студентов*

Финское сообщество политологов сравнительно невелико. В начале 2005 г. на кафедрах политической науки насчитывалось всего 55 преподавательских должностей, 24 были предназначены для профессоров, а остальные (31) распределялись главным образом между доцентами,

Таблица 1

Политическая наука и ее подразделы в финских университетах (2006 г.)

Университет	Политология	Международные отношения	Административные исследования
Хельсинки	Субпрограмма «политология»	Субпрограмма «мировая политика»	Субпрограмма «администрация и организации»
	Комплекс совместных занятий, помимо субпрограмм		
Хельсинки/SSSS (диплом бакалавра)	Политология +		Управление +
Тампере	Собственная программа	Собственная программа «международные отношения»	Собственная программа
Турку	Политика +	Международные отношения *совместно с другой дисциплиной, но специализация по одному предмету*	
Або	Политика +	Международная политика +	Собственная программа
Або/Васа	Политика +	Международная политика +	Собственная программа
Йювяскюля	Политика +	Мировая политика +	Собственная программа
Лапландия	Собственная программа	Собственная программа	Собственная программа
	Но тесное сотрудничество между политикой и международными отношениями		

Примечание: + — в финской образовательной системе, как и в ряде других европейских стран, можно получить диплом не по одной, а по двум специальностям.

старшими преподавателями и ассистентами. Только 37 этих должностей были постоянными (их в основном занимали профессора, но не все). Общее положение профессорско-преподавательского состава в 2006 г. отражает табл. 2[4].

Таблица 2

Профессорско-преподавательский состав кафедр политологии (2006 г.)

Университет	Профессора	Университетские лекторы	Лекторы	Старшие ассистенты	Ассистенты	Всего
Хельсинки	7	6	1	1		15
SSSS	1	2				3
Тампере	6		1	4		11
Турку	3			2	2	7
Або	2	1	1	1		5
Васа	1		2	1		4
Йювяскюля	3			3		6
Лапландия	1		1	1	1	4
Всего	24	9	6	13	3	55

В период 1965–1974 гг. в Финляндии имело место значительное развитие политической науки, когда количество преподавательских должностей взросло с 15 до 40. В 1985 г. их было уже 45: 11 профессоров, 7 доцентов, 4 лектора и 23 ассистента. Ассистентами, как правило, назначались аспиранты. Поскольку многие кафедры невелики, ассистентов принимали на работу как постоянных сотрудников кафедр. Хотя ассистенты числятся аспирантами, они одновременно являются государственными служащими, назначаемыми, как правило, на трехлетний период.

С годами численность аспирантов-политологов увеличивалась, однако численность профессорско-преподавательского состава в основном оставалась неизменной, в связи с чем было решено повысить статус существующих позиций. Прежде всего это означало снижение числа ассистентских ставок. Они были преобразованы в должности старших ассистентов (а в Хельсинкском университете — в доцентов). Для занятия этих должностей обычно требовалась защита диссертации. В то же время статус всех доцентов был повышен до статуса профессоров.

Приведенные в табл. 2 данные не учитывают штат кафедр административных исследований (и муниципального управления). Постоянный профессорско-преподавательский состав этих кафедр в Тампере (три кафедры), Ваасе, Лапландии, Куопио, Або и Васе составляет 42 штатные единицы (18 профессоров и 24 др.). Кроме того, поскольку в Хельсинки по специальности «администрация и организации» на кафедре

существуют должности двух профессоров и три другие должности, один профессор работает а Шведской школе общественных наук и один лектор — в Åbo Akademi Vasa, можно сказать, что область административных исследований в Финляндии сравнительно сильна[5]. В то же время штат политической науки как таковой состоит из 32 должностей профессорско-преподавательского состава (13 профессоров и 17 др.), а в области международных отношений — только из 18 человек (8 профессоров и 10 др.).

Интерпретация этих показателей во многом зависит от того, кто ею занимается. Специалисты в области международных отношений сетуют на то, что их доля в профессорско-преподавательском составе слишком мала, поскольку направление, в котором они работают, очевидно, привлекает студентов сильнее, чем другие области. Многие представители этой специализации выступают за введение независимой дисциплины по мировой политике, поскольку специалисты в области административных исследователей уже отчасти порвали связи с политической наукой. В этой борьбе за должности ученые, занимающиеся традиционной политологией, обычно старались защитить свои прежние позиции (не пытаясь увеличить собственную долю). С точки зрения изучения политики такое положение крайне неутешительно, поскольку общая теория политики и мировая политика должны составлять неразрывное целое с изучением государственного управления. Тем не менее в небольших научных сообществах отдельные профессора обладают большим влиянием в своих дисциплинах, и если личные интересы ставятся выше научных, это может затронуть развитие дисциплины в целом серьезнее, чем в более крупных научных сообществах. С другой стороны, представляется, что чем большее давление исходит от какой-то специализации в рамках дисциплины, тем сложнее будет понять и усвоить соответствующие научные достижения из других разделов политической науки.

Однако если добавить к сложившейся картине политологов, работающих над исследовательскими проектами, окажется, что размеры финского сообщества политической науки более значительны. Тем не менее проблема здесь заключается в том, что эти исследовательские должности в основном носят временный характер. В начале 2006 г. в работе над исследовательскими проектами принимали участие около 90 политологов. Многие из них учились в аспирантуре и работали на разных кафедрах, а также в национальной *аспирантуре по политической науке и международным отношениям* (VAKAVA). Поскольку старая система совмещения аспирантуры и работы ассистентами в основном исчезла, в 1995 г. Министерство образования приняло решение о том, что ее место займет система нескольких аспирантур (Berndtson, Virtanen,

2005: 22). Кафедрам и/или академическим исследовательским группам было предложено подавать заявки на обучение в этих программах. После чего учащиеся отбираются на четырехлетний срок и получают ежемесячную зарплату. В период 2003–2006 гг. в соответствии с этой программой существовало 114 докторантур, в которых обучалось 1426 докторантов. Набор в эти аспирантуры проводится на основе открытого конкурса. Некоторые из них ориентированы на дисциплины национальной школы, как, в частности, и программы по политической науке. *Аспирантура по политической науке и международным отношениям* управляется кафедрой в Тампере, но в ее руководящий совет входят представители всех политологических кафедр Финляндии. Такое устройство дает возможность разделить места в аспирантурах между всеми кафедрами. Тем не менее такая система не очень стабильна. Когда в 1995 г. было начата эта программа, аспирантам-политологам в ней было отведено 18 мест. За период 2003–2006 гг. Министерство образования урезало количество мест до десяти[6].

Указанная выше цифра — 90 человек — включает профессоров, исследователей, уже защитивших докторскую диссертацию, и аспирантов. Непростой особенностью финской академической системы является ее непоследовательность. Поскольку число постоянных преподавательских должностей существенно не увеличилось, а за последние два десятилетия количество студентов на многих кафедрах возросло в три раза, преподавателей на кафедрах стало так мало, что специалисты на постоянных ставках все время стремятся уйти от своих преподавательских обязанностей и подают заявления о предоставлении им годичного отпуска для исследований. В 2002 г. из 48 политологов, занимающих должности преподавателей, двадцать не занимались своими прямыми обязанностями по причине отсутствия[7]. Вместе с тем система готовит новых остпененных специалистов, которым нелегко найти постоянную работу. В документах международной группы, проводившей оценку исследований в области общественных наук в университете Хельсинки, недавно отмечалось:

> «Нетабильность большинства исследовательских должностей в финской университетской системе серьезно сдерживает исследовательский процесс. Ученые от постдокторского до профессорского уровня вынуждены понапрасну тратить много времени на подачу заявок для получения следующей должности», и «...финская научная политика, как представляется, знает все о конкурсах, но понятия не имеет о преемственности. В результате статус специалистов, защитивших докторские диссертации, становится нетерпимым» (Research Assessement Exercise, 2005b: 2).

Оценочная группа также обратила внимание на «длинный, как ледниковый период, процесс предоставления должностей высокого уров-

ня». Под этим сравнением члены группы имели в виду длительный процесс оформления на работу профессоров. Любой человек может подать заявку на такую должность, и кандидатуры претендентов рассматриваются комитетами со стороны. Члены комитетов часто работают независимо, и те из них, кто занимается общественными науками, редко приходят к согласию. Такое положение ведет к жалобам и интригам. В результате назначение на должность профессора может занимать от двух до трех лет, в течение которых на этом месте работает сотрудник, временно исполняющий должность профессора. Это увеличивает на кафедрах количество краткосрочных временных должностей, поскольку обычно открытую вакансию профессора занимает тот или иной доцент/старший ассистент, должность которого соответственно временно передается одному из исследователей, защитивших диссертацию.

Проблема специалистов, защитивших диссертации, состоит в том, что «практически ни одно исследование в области политической науки не проводится вне университетов (Anckar, 1996: 194). За последние десять лет ситуация стала еще более сложной, поскольку министерство сократило большинство исследовательских подразделений и передало на сторону большую часть исследовательских проектов. Единственным исключением оказалась область международных отношений, в которой существуют два исследовательских института. Финский институт международных отношений является поддерживаемым государством частным научно-исследовательским центром, где работает 10–15 исследователей. Институт будет объединен с новым финским институтом международных отношений, который должен быть открыт в 2006 г. и будет работать под надзором финского парламента. В новом институте планируется создать существенно больше рабочих мест, чем в старом. Другим исследовательским институтом является расположенный в Тампере институт исследования мира, основанный в 1970 г. как независимый исследовательский институт Министерства образования. В 1994 г. этот институт стал частью исследовательского института общественных наук при университете Тампере. В настоящее время там работают семь постоянных сотрудников.

Крупнейшей субсидирующей организацией в области общественных наук является финская Академия наук. Тем не менее средства, выделяемые на исследовательские проекты по общественным наукам, сравнительно невелики. Проекты редко имеют кумулятивный эффект. В своем докладе 1995 г. Anckar (1996: 195) уже сетовал на то, что финские политологи работают слишком изолированно и крупные исследовательские проекты являются редкостью. С тех пор положение не изменилось.

Стремление к получению годичных отпусков можно объяснить соотношением студентов и преподавателей на кафедрах политической науки.

Если принять во внимание количество студентов, окажется, что численность профессорско-преподавательского состава очень невелика. В 2002 г. насчитывалось более 2 000 обучавшихся политологии студентов[8].

Таблица 3

Финские студенты-политологи (2002 г.)

Университет	Бакалавры и магистры	Аспиранты
Хельсинки	649	146
SSSS	142	
Тампере (политика)	220	42
Тампере (международные отношения)	257	33
Турку	220	28
Або	80	30
Васа	145	6
Йювяскюля	198	21
Лапландия (международные отношения)	136	8
Всего	2 047	314

Поскольку финские дипломы являются мультидисциплинарными, с одним или двумя дополнительными предметами (и отдельными факультативными курсами), точно сказать, сколько студентов ежегодно изучают политическую науку, не представляется возможным. В соответствии с финской системой студенты свободно выбирают вторую специализацию (подробнее см. ниже). Тем не менее по оценкам, принимая в расчет собственных студентов кафедр и студентов, обучающихся политической науке как второй дисциплине, в среднем соотношение студентов и преподавателей составляет более чем 50:1 (оно колеблется от 35:1 до 65:1)[9]. С 1980-х годов численность студентов на многих факультетах увеличилась в три раза, а количество постоянного профессорско-преподавательского состава в основном осталось неизменным. Поскольку в настоящее время требования базовой оценки преподавания стали существенно выше, чем раньше, это еще огорчительнее для многих финских политологов. И если требования к преподавателям теперь существенно возросли, то выделяемые ресурсы сократились.

2.3. Учебные программы по политологии[10]

Традиционно политологические программы в Финляндии стремятся охватить как можно большую часть спектра основных направлений

политической науки (хотя учебные программы отражают также исследовательские профили кафедр). Тем не менее дипломы по общественным наукам в Финляндии являются мультидисциплинарными в том смысле, что профилирующие предметы студента составляют лишь 70–90 кредитов диплома бакалавра (из 180). Для получения диплома студенту также требуется сдать один или два дополнительных предмета, а также ряд обязательных дисциплин общего характера. Дополнительные предметы обычно могут быть выбраны по желанию. Для получения диплома магистра требуется набрать 120 кредитов по профилирующим дисциплинам (хотя обычно так не бывает).

Эту систему можно пояснить на примере учебных планов субпрограммы по политологии Хельсинского университета. В дополнение к изучению политической науки (90 кредитов) студент должен сдать два небольших дополнительных предмета (базовые курсы по 25 кредитов каждый) или один большой дополнительный предмет (базовый и высший уровень обучения, всего 60 кредитов). Остальные предметы диплома бакалавра включают 30 кредитов за обязательные предметы общего характера (личный учебный план, ориентация на рынке труда, конституционное право, научная аргументация, технологии информации и средств массовой коммуникации (ICT) и статистика). При выборе двух небольших дополнительных курсов студент должен еще получить 10 кредитов за свободно выбранный факультативный курс. Однако большинство студентов, как правило, получают в дипломах больше кредитов, чем необходимо в соответствии с минимальными требованиями. Для получения диплома магистра надо набрать 120 кредитов, из которых доля политической науки должна составлять 85–120 кредитов. Кредиты, превышающие минимум из примерно 85, можно получить, сдав экзамены по дополнительным предметам, взяв дополнительные политологические курсы, или получить их за выбранные по желанию курсы в зарубежном университете. Такая программа по политологии организована следующим образом.

Диплом бакалавра (90 кредитов) — выделенные курсивом кредиты включают предметы, общие для всех трех подпрограмм.

Базовые курсы (25 кредитов):

— *Введение в политическую науку*, 7 кредитов;

— *Финская политическая система и Европейское сообщество*, 6 кредитов;

— *Основы политической мысли*, 6 кредитов;

— Европейские политические системы, 6 кредитов.

Курсы высшего уровня (65 кредитов):
Методологические предметы:
— *Методология политической науки*, 5 кредитов;
— *Исследования власти*, 5 кредитов;
— *Количественные методы исследования*, 6 кредитов;
— *Качественные методы исследования*, 6 кредитов.

Пять важных учебных дисциплин (по меньшей мере три из них; студент может выбрать две дисциплины из других подпрограмм кафедры или компенсировать два предмета учебой по обмену в зарубежном университете):
— Современная политическая мысль, 6 кредитов;
— Граждане, институты и процесс принятия решений в ЕС, 6 кредитов;
— Взаимодействие между экономикой и политикой, 6 кредитов;
— Проблемы современной демократии, 6 кредитов;
— Современные политические явления, 6 кредитов.

Дипломная работа:
— Семинар по дипломной работе бакалавра (*общий* и по теме диплома), 4 + 3 кредита;
— *Дипломная работа бакалавра*, 6 кредитов.

Дипломная работа магистра (85–96 кредитов);
Индивидуальный план исследований, 1 кредит.

Методология:
— *Философия политики*, 6 кредитов *и/или*
— *Продвинутый курс по методам исследований*, 6 кредитов.

Три базовые учебные дисциплины (по меньшей мере две из них; студент может выбрать одну дисциплину из других подпрограмм кафедры или компенсировать один предмет учебой по обмену в зарубежном университете):
— Теория политической науки, 8 кредитов;
— Европейский союз и его проблемы, 8 кредитов;
— Сравнительные исследования политических институтов и политических действий, 8 кредитов.

Дипломная работа:
— Семинар по магистерской диссертации (*общий* и по теме работы), 7 + 7 кредитов;
— магистерская диссертация, 40 кредитов.

Практические занятия, 5 кредитов (факультативно).

Учебная программа кафедры университета в Хельсинки дает общую картину обучения политологии в Финляндии на уровнях бакалавра и магистра. Вместе с тем следует признать, что другие финские кафедры политологии несколько отличаются от кафедры в Хельсинки. Общим для программ на всех кафедрах является преподавание вводного курса политической науки, основ финской политической системы и Европейского союза, истории политической мысли, а также методов исследований, хотя число кредитов, засчитываемых за сдачу этих предметов, может быть разным. Дипломная работа бакалавра (включающая семинар) обычно оценивается в 10 кредитов (в Хельсинки — 13), а за магистерскую диссертацию дают 40 кредитов (но 35 в Або).

Кроме того, следует отметить, что литература, используемая при обучении, больше связана с теорией, чем с эмпирическим исследованием. Если попытаться найти различия между учебными программами, можно сделать вывод о том, что наибольшие различия существуют между кафедрами в Йювяскюля и Турку. Эти отличия главным образом сводятся к вниманию, уделяемому качественным и количественным методам исследований, а также философскому и эмпирическому исследованию. На кафедре в Йювяскюля большое внимание уделяется качественным методам, но вообще не обучают количественным. В отличие от этого в Турку учат и тому и другому, но особое внимание уделяется количественным методам. Программа Йювяскюля сосредоточена на политической мысли (включая оригинальные работы мыслителей от Платона до Маркса), а также на концептуальной истории в целом (язык и политика, риторика, дискурс-анализ)[11]. В Турку основное внимание уделяется политическим институтам, партиям и выборам (хотя здесь ведется преподавание и политической философии). Кафедра в Або похожа на кафедру в Турку, но там в преподавании ставится больший акцент на сравнительной политологии (изучение скандинавских стран, государств за пределами Европы). Общей чертой кафедр в Йювяскюля, Турку и Або является то, что все студенты должны изучать как общую политологию, так и международные отношения.

Схожи между собой и кафедры в Тампере и Лапландии. Если пользоваться приведенными выше критериями, их можно расположить где-то между Йювяскюля и Турку. Там уделяется большое внимание изучению политических действий и политических движений, особенно «новой политике». Особенностью учебной программы в Лапландии является курс «скандинавской политики». Программу Хельсинского университета также можно рассматривать как расположенную где-то посредине между Йювяскюля и Турку, но в отличие от Тампере и Лапландии там уделяется больше внимания методологии общественных наук и изучению власти как интегративной категории для понимания политики.

Особого внимания «новой политике» там также не уделяется, но политические действия связываются с традиционными формами политики как этнополитикой. Поскольку Хельсинки является единственной кафедрой, где под одной крышей сосуществуют «политология», «исследования администрации и организаций» и «мировая политика», это также сказывается на составлении учебных программ.

В области преподавания международных отношений интересно сравнить Хельсинки и Тампере. В Хельсинки изучение мировой политики разделено на три области, или специализации, — внешнюю политику и дипломатию, изучение мира и конфликтов и глобальную политэкономию и глобальное управление. В Тампере такими областями, или специализациями, являются мировая политика, европейские исследования и исследование мира и конфликтов. В Хельсинки европейские исследования входят в состав подпрограммы программы по политологии. Этот пример свидетельствует о том, что структура и содержание политической науки могут варьироваться в зависимости от исторических традиций и личных интересов в широком контексте того, что именно понимается под самим предметом политологии.

Каким бы ни было содержание преподавания политической науки на уровнях бакалавра и магистра, все финские кафедры политической науки сталкиваются с общей проблемой. Послевузовская подготовка все еще остается неорганизованной (Brndtson, Virtanen, 2005). Обучение в аспирантуре в основном сводится к зашите диссертации. Хотя существуют требования по прослушиванию курсов (в Хельсинки, например, эта работа оценивается в 60 кредитов), на практике это делается редко, поскольку кредиты обычно можно получить также за доклады для конференций или статьи, опубликованные в научных журналах.

Система аспирантуры в Финляндии также является двухуровневой, как и программы подготовки студентов. Первая ступень состоит в получении диплома лиценциата, включающего лекционные курсы и написание диссертации, которая необязательно должна быть опубликована. Получение же более высокой — докторской степени связано с публикацией диссертации. В определенном смысле финская система соответствовала немецкой, где диплом лиценциата является первой ступенью докторанта, а опубликованная докторская диссертация дает звание доктора. Тем не менее поскольку новая правительственная политика требует от университетов подготовки большого числа докторов, стандарты для их подготовки стали более гибкими. Если еще в 1980-е годы от каждого докторанта ожидалось получение диплома лиценциата, сейчас необходимость в этом отпала и большинство докторантов напрямую выходит на получение докторской степени.

Проблема реорганизации подготовки докторов активно обсуждается, но пока это не привело к конкретным результатам. Даже создание Национальной высшей школы политологии и международных отношений в 1995 г. не исправило положения дел в этой области. Кадров для подготовки докторантов не хватает, поскольку кафедры вынуждены уделять основное внимание организации обучения студентов на уровне бакалавров и магистров. Магистерская диссертация часто считается самой важной частью образовательной подготовки студента. Проверка этих работ отнимает основную часть рабочей нагрузки многих профессоров, и хотя они также занимаются рецензированием докторских диссертаций, специального времени для этого им не отводится. Докторские диссертации в основном представляют собой самостоятельные работы, иные из которых вносят настоящий вклад в развитие знаний, но многие пишутся лишь для соблюдения формальных требований по подготовке диссертации, и на самом деле никто их не будет читать.

2.4. Исследования

Представить систематическое изложение исследований в области политической науки в Финляндии достаточно сложно. Проблема небольшого научного сообщества состоит в том, что нередко в какой-то определенной области исследований работает только один человек. Исследованиями охвачены многие направления, однако только с одной стороны. Кроме того, очень немногие постоянно занимаются исследованиями только одной проблемы. Со временем их интересы меняются. Небольшое научное сообщество на какое-то время может сконцентрировать усилия на углубленном изучении определенных вопросов, однако потом ученые переходят к исследованиям в других областях и надолго оставляют предмет их предшествующих интересов. Одним из самых ярких примеров такого положения вещей является политическая социализация и образование (Heiskanen/Stolte-Heiskanen, 1970; Jääsaari, 1986; см. также: Jääsaari, 1991). Другим примером может служить политанализ и его сфокусированность на правительственных процессах. В 1970-е годы политанализ был одной из крупнейших исследовательских областей (Anckar, 1977). В настоящее время складывается впечатление, что он уже никого не интересует. В такой ситуации достаточно трудно говорить о конкретных исследовательских направлениях или политологических школах в Финляндии.

Одним из способов характеристики исследовательской деятельности является взгляд на области исследования и основные охватываемые ими проблемы. Какие вопросы изучаются, а каким внимание не оказывается? С какой точки зрения может быть интересен тот факт, что изучение финской политической системы развито на удивление слабо? Это

отнюдь не значит, что финская политика не изучается. Легко можно найти исследования о социальных истоках и отборе министров финского правительства (Puoskari, 2002), о власти премьер-министра (Paloheimo, 2002), о законодательной деятельности (Sundberg, Sinda, 2003), о политических партиях (Michelsson, 2004) и особенно о политическом участии и выборах (Pesonen и др. 1993; Paloheimo, 2005). В числе некоторых основных проблем исследования политического участия и выборов были участие избирателей в голосовании (Martikainen и др., 2005) и новые формы политического участия (Pekonen, 1999; Hellsten, 2001). Тем не менее проблема заключается в том, что эти исследования не дают представления о целостной картине финской политики. Они используют различные теоретические подходы, многие из них составляют лишь описания современных тенденций, и они редко связаны друг с другом.

Единственной книгой, в которой сделана попытка охватить финскую политическую систему в целом и объяснить ее основные функции и процессы, является работа Jaakko Nousiainen «Suomen poliittinen järjestelmä» («Финская политическая система»), обновлявшаяся десять раз после первой публикации в 1959 г. (последнее издание вышло в 1998 г.). Сложилось такое положение, что каждый раз, когда эта книга частично устаревает, для преподавания основ финской политической системы и для разъяснения этого вопроса необходимо выпустить несколько статей (Saukkonen, 2003).

Стимулом к дальнейшему изучению финской политики послужил интерес к политике Европейского союза, после того к в 1995 г. Финляндия стала его членом. Эти исследования связаны с изучением финской политики, поскольку в них уделяется большое внимание позиции Финляндии в рамках сообщества (Martikainen, Tiilikainen, 2000; Raunio, Tiilikainen, 2003; Raunio, 2006). Внимание исследователей привлекли и некоторые другие аспекты Европейского союза, такие как выборы в Европе (Mattila, 2003), процесс принятия решений в Европейском союзе (Mattila, 2004a) и цена его расширения (Mattila, 2004b). Однако внутренняя политика стран-членов ЕС особого интереса у исследователей не вызывает (см. тем не менее: Saukkonen, 1999).

Какие бы ни были на то причины, страноведческие исследования главным образом связаны с политикой за пределами Европы: азиатской (Mattlin, 2004), африканской (Laakso, 1999), латиноамериканской (Teivainen, 2000) и политикой небольших островных государств (Anckar, 2002). Что же касается политики США или России, эти темы финских политологов не интересуют. Изучением этих стран в основном занимаются историки и социологи.

Хотя проблемы внешней политики Финляндии, как и других европейских стран, привлекают значительно большее внимание финских

исследователей, чем внутренняя политика в этих странах (например: Forsberg и др., 2003; Forsberg, 2004, 2005), можно отметить такой же интерес к изучению других регионов мира, помимо Европы, который существенно выше, чем интерес к политической науке в целом. Поскольку мировая политика выделилась в отдельную область изучения, неудивительно, что ученые, занимающиеся международными отношениями, изучают глобальные проблемы (Aaltola, 1999; Hakovirta, 2000), глобальную демократию (Patomäki, Teivainen, 2004), положение Японии в международной системе (Korhonen, 1998) и отношения США и Индонезии (Kivimäki, 1993). Кроме этого, следует отметить, что сильной стороной исследований в Финляндии всегда было изучение проблем мира и конфликтов (Vesa, 1995).

По сравнению с другими западными странами гендерная проблематика привлекает всего нескольких финских исследователей. Отчасти это связано с тем, что политической наукой в подавляющем большинстве занимаются мужчины. Международная группа, проводившая оценку качества исследований на кафедре в Хельсинки в 2005 г., отметила, что «одним из наиболее значительных недостатков является резкое нарушение гендерного баланса» (Research Assessment Exercise, 2005a: 3). Не лучше обстоит дело и на других кафедрах. Весной 2006 г. сорок пять из 55 постоянных преподавательских должностей занимали мужчины. Из 24 профессоров лишь три женщины, причем только одна из них работает на постоянной ставке. Изучение гендерной проблематики связано главным образом с женщинами как политическими акторами (Kuusipalo, 1990), женщинами, занимающимися политической наукой (Keränen, 1993; Kantola, 2005) и в основном вопросами политики равноправия (Holli, 2003).

Приведенное выше описание исследований в области политической науки в Финляндии главным образом связано с эмпирическими исследованиями. Тем не менее, как отмечал Anckar (1966: 198), одной из специфических особенностей политической науки в Финляндии была тенденция обращения к природе, тенденциям и подходам в политической науки. Это замечание продолжает сохранять актуальность, и можно говорить о том, что такой интерес к теоретическим и методологическим проблемам в финской политологии сравнительно сильнее, чем в большинстве других стран. Существует много исследований по истории политической науки (например, Nousiainen, Anckar, 1983; Paakkunainen, 1985; Berndtson, 1987), истории политических концепций (Hänninen/Palonen, 1990; Palonen, 1994; Hyvärinen и др., 2004) современной политической мысли (Palonen, 1985, 1992, 2003; Kauppi, 1990; Ojakangas, 2004), а также политики и искусства (Indroos, 1998). То же самое можно сказать и применительно к международным отношениям, где интерес к

онтологическим и методологическим проблемам привел к публикации работ по конструктивизму (Forsberg, 1997) и критическому реализму (Patomäki, 2002).

Помимо описания предметной области и тематики исследований важно остановиться на исследованиях и в плане их методологии (методы, гносеология и онтология) и исследовательских традиций (теорий). Представляется, что, с одной стороны, финская политология разделена на два лагеря, которые можно назвать основным и побочным направлениями. Те же различия, которые можно отметить в учебных программах в Турку и Йювяскюля, соответственно присущи и исследованиям. Турку представляет собой основное направление политической науки, а Йювяскюля — побочное. В плане преподавания Хельсинки, Лапландия и Тампере находятся где-то посредине. Вместе с тем следует признать, что многие ученые скептически относятся к такому делению, поскольку полагают, что не принадлежат ни к одному из этих лагерей. Тем не менее те ученые, которые специализируются в области теоретических исследований (язык и политика, политическая теория, политика и искусство, гендерная политика и глобализация), обычно причисляют себя к побочному направлению, а те, сфера интересов которых сосредоточена на эмпирической политической науке, политических институтах и электоральном поведении, считают, что принадлежат к главному направлению.

Очевидно, что водораздел здесь проходит не столько между теоретической и эмпирической политической наукой, сколько между количественными и качественными методами исследований. Главное направление политической науки может также уделять внимание теоретическим подходам, таким как рациональный выбор (Herne, Setälä, 2000) или социобиология (Vanhanen, 1994), хотя приверженцы эмпирических исследований, по-видимому, больше полагаются на теории среднего уровня [***middle-range theories***] (такое положение вещей, как представляется, сложилось с 1960-х годов, см.: Stolte-Heiskanen, Heiskanen, 1985: 181). Одной из центральных тем основного направления теоретических исследований является теория демократии (Karvonen, 1997; Setälä, 2003), которая рассматривалась как с позиций рационального выбора (Herne, 1999), так и с точки зрения прямой или консенсусной демократии [***deliberate democracy***] (Herne, Setälä, 2005).

Если теории среднего уровня характерны для основного направления политической науки в Финляндии, то ученые, придерживающиеся побочного направления, также стремятся отойти от крупных теоретических учений. Одним из таких крупных учений в 1970-х годах была марксистская теория государства (например, Hanninen, 1982), но в середине 1980-х годов она полностью утратила свои позиции. Вместо этого в исследованиях «политики знания» усилился интерес к проблемам языка (Heiskanen, 1983). С того времени специалисты стали часто ссылаться на работы Мишеля Фуко (Koivusalo, 2001) и Пьера Бурдье (Kauppi, 2000). Интересно, что во многих исследованиях роль теорий, как представляется, была подменена методами, как в случае с изучением риторики политических действий (например, Kuusisto, 1999). В то же время большинство критически настроенных политологов Финляндии в настоящее время занимаются мировой политикой, их интересуют проблемы глобальной демократии и управления (Patomäki, Teivainen, 2004).

В оценке кафедры политической науки в Хельсинки международная группа ученых пришла к выводу, что «с точки зрения научного качества исследований кафедру можно поздравить с чрезвычайно высоким качеством тех публикаций, которые были отнесены к числу лучших работ ее сотрудников. Их качество вполне можно сравнить с работами, публикуемыми лучшими кафедрами политической науки в других странах мира» (Research Assessment Exercise, 2005a: 5). В отдельных случаях качество индивидуальных работ и в самом деле очень высокое. Следует отметить, что исследования охватывают широкий спектр проблем. При этом надо сказать, что тематика различных проектов иногда бывает случайной.

Другой проблемой является разделение основного и побочного направлений исследований. В 1996 г. Ankar писал, что «различия в методологических и научных подходах, существующие между отдельными подразделениями, создают препятствия на пути плодотворного обмена между кафедрами» (Ankar, 1996: 194). Такое положение продолжает существовать и сегодня, причем в отдельных случаях этот раскол еще более углубился. С другой стороны, в будущем он может ослабеть, поскольку молодые ученые, как представляется, более терпимо относятся к различиям в подходах, чем представители старшего поколения. Не исключено, что со временем этот раскол исчезнет и вовсе, поскольку основное направление усиливает свои позиции по отношению к побочному. На это есть четыре причины. Во-первых, возросший интерес к изучению роли политики Финляндии в Европейском союзе усилил эмпирическую политическую науку. Она также оказалась в состоянии привлечь средства на нужды исследований, что в свою очередь повысило научную значимость исследователей, занимающихся этой тематикой. Во-вторых, политология неосновного направления в теоретическом плане больше раздроблена, чем в основном направлении. Политическая наука основного направления, как представляется, в последние годы стала более однородной. Третьим фактором является переориентация в изучении государственной администрации. Новое государственное управление стало широко распространенной парадигмой, и его пред-

ставители вполне вписываются в основной тип исследований (Temmes, 1998). В сочетании эти три обстоятельства привели к появлению четвертого фактора. Пополнение рядов ученых все более благоприятствует специалистам основного направления. В перспективе это наверняка изменит исследовательскую атмосферу на кафедрах.

Тем не менее сообщество политологов в Финляндии, по крайней мере в краткосрочной перспективе, обречено сосредотачивать усилия на теоретических вопросах и глобальных проблемах в большей степени, чем это соответствует его размерам. Возможно, это определяется положением страны как пограничной периферии. У финских политологов постоянно существует необходимость обдумывать и узаконивать свое собственное существование. Такого рода размышления обусловлены тем фактом, что Финляндия — небольшая благополучная страна, но вместе с тем она расположена на периферии[12]. Финская система высшего образования признает это и поощряет. Хотя сегодня кафедры испытывают серьезное финансовое давление в получении внешнего финансирования, еще существует острая необходимость в теоретической работе, на которую в настоящее время нет спроса и которая не связана с актуальными социальными проблемами. И, конечно, поскольку существуют утвердившиеся политологические сообщества с различными теоретическими подходами, академический обмен между двумя лагерями будет развиваться и процветать.

2.5. Внутренняя и внешняя профессиональная коммуникация[13]

Финская Ассоциация политической науки (*Valtioteiteellinen yhdistys*) была основана в 1935 г. Таким образом, она является одной из старейших среди существующих ассоциаций политической науки в мире. Только американская, канадская и индийская национальные ассоциации имеют более продолжительную историю (Anckar, Berndtson, 1988: 20–21; Paakkunainen, 1985). Членами ассоциации являются около 400 человек. В некоторых отношениях сейчас она стала слабее, чем 20 лет назад. Одной из причин этого является снижение числа членов (в 1980-е годы ассоциация насчитывала около 600 членов). Другая причина заключается в изменении политики финансирования Академии наук Финляндии. За последние 15 лет финансовые ресурсы ассоциации существенно сократились (до 1990-х годов ее деятельность почти целиком финансировалась государством). Вместе с тем ассоциация стала чисто академической организацией. Снижение числа членов также является признаком профессионализации. Когда в 1935 г. ассоциация была основана, большую часть ее составили ученые смежных дисциплин, журналисты, правительственные чиновники, политики и образованные непрофессионалы. Такое положение сохранялось еще в 1980-е годы, но с

1990-х эти члены все в большем количестве выходили из ассоциации, и теперь она стала организацией, преимущественно выражающей интересы политологов. В частности, это нашло отражение в развитии ежегодных конференций ассоциации (с 1968 г. по настоящее время). На протяжении длительного периода эти конференции скорее напоминали неформальные встречи. Сейчас ежегодные конференции гораздо лучше организованы, и, как представляется, они играют важную роль в служебном продвижении ученых младшего поколения. Очевидно, такое развитие имеет положительное значение для профессионализации дисциплины, однако его отрицательным аспектом является то, что политологи утратили многие связи, поддерживавшиеся со средствами массовой информации, политиками и представителями правительства.

Еще в 1941 г. ассоциация начала публиковать ежегодник *Valtio ja yhteiskunta* («Государство и общество»). До 1956 г. было издано десять выпусков, после чего (в 1959 г.) было решено перейти к выпуску ежеквартального журнала *Politiikka* («Политика»), являющегося в настоящее время ведущим журналом в этой области. В 1983 г. была предпринята сознательная попытка продвижения финской политической науки на международный рынок, и ассоциация приступила к выпуску серии книг на английском языке *Books from the Finnish Political Science Association*. До настоящего времени издан 21 том. Представляется, однако, что интерес к продолжению выпуска книг этой серии снизится по двум причинам. Одна из них состоит в том, что первые книги публиковались при поддержке Академии наук Финляндии, но после того как в 1990-е годы Академия изменила политику финансирования, субсидии на издание такого рода книг были также урезаны. Другой причиной является то обстоятельство, что хотя можно было бы продолжать выпуск книг этой серии при использовании других источников финансирования, политологи, желающие сегодня публиковаться на английском языке, предпочитают связываться с хорошо известными зарубежными издателями. Очевидно, это является признаком интернационализации и развития политической науки Финляндии за последние 15 лет. Нельзя также не признать, что хотя книги выпускавшейся на английском языке серии в определенной степени помогали продвигать политическую науку Финляндии за рубеж, они никогда не имели коммерческого успеха и скорее служили выражением заслуг самих авторов, которые обычно бесплатно распространяли их среди своих зарубежных коллег.

Ассоциациятакже прекратила публикацию своих информационных бюллетеней *Politiikan tutkimus & yhteiskunta* («Политическая наука и общество»). Информационный бюллетень был основан в 1975 г., и последний его выпуск опубликован в 2000 г. Опять-таки одной из причин этого

стал вопрос о финансировании, поскольку сокращение поддержки со стороны Академии осложнило продолжение выпуска информационного бюллетеня. Другой причиной стало признание Интернета более гибким средством для распространения новостей среди членов ассоциации.

Финская Ассоциация политических наук сравнительно активно развивает отношения с зарубежными коллегами. В 1952 г. она присоединилась к Международной ассоциации политических наук (IPSA). Она также стала активным участником скандинавского сотрудничества в своей области, после того как в 1964 г. в Женеве была проведена первая встреча скандинавских политологов в связи с всемирным съездом IPSA (Pesonen, 1966). На этой встрече датские, финские, норвежские и шведские политологи приняли решение об издании на английском языке ежегодника *Scandinavian Political Studies*, первый выпуск которого вскоре вышел в свет в том же году. После издания 12 томов в 1977 г. было принято решение превратить ежегодник в ежеквартальное издание (в ноябре 1978 г.). Скандинавское сотрудничество также привело к организации первой скандинавской конференции по политической науке в Осло в 1966 г. Конференция оказалась весьма полезной и с тех пор стала проводиться каждые три года.

Неформальное сотрудничество скандинавских политологов было формализовано вскоре после создания в 1975 г. Скандинавской ассоциации политических наук (NOPSA) пятью скандинавскими национальными ассоциациями (вместе с присоединившейся к сотрудничеству исландской ассоциацией). Создание ассоциации облегчило организацию совместных конференций и публикацию *Scandinavian Political Studies*. В то же время было решено развивать сотрудничество в рамках международных ассоциаций политических наук. Скандинавская ассоциация взяла на себя роль посредника между скандинавскими политологами и международными ассоциациями. В соответствии с установленными правилами в настоящее время NOPSA координирует скандинавское представительство в руководящих органах IPSA и ECPR (Европейского консорциума по политическим исследованиям). Там была установлена жесткая система ротации, дающая возможность каждой из четырех ассоциаций (за исключением Исландии) выдвигать своих членов в качестве кандидатов в исполнительные комитеты IPSA и ECPR, когда наступит их очередь. После этого все ассоциации должны поддерживать этих кандидатов на выборах.

В 1970–1980-е годы финская Ассоциация политических наук предприняла несколько попыток развития сотрудничества с польской и советской ассоциациями, но успехом эти попытки не увенчались. Большинство финских политологов были больше заинтересованы в сотрудничестве со стра-

нами Запада, причем особенно большую роль в развитии научных связей для многих специалистов стал играть ECPR. Сегодня все финские кафедры политической науки (за исключением Лапландии) являются членами ECPR. Такое положение можно объяснить положением Финляндии как пограничной периферии между Швецией и Россией. Из-за политического давления со стороны Советского Союза после Второй мировой войны Финляндия стремилась установить более тесные отношения в области культуры со странами Запада (Berndtson, 1991a). В отношении политической науки сначала это означало развитие связей с американской политической наукой, а позже, с 1970-х годов и далее, — все более тесное сотрудничество с европейской политической наукой через ECPR. Одновременно важным каналом такого сотрудничества стала кооперация со скандинавскими странами.

Большинство кафедр политической науки, как и финская ассоциация, также стали членами Европейской сети политической науки (epsNet), которая была организована в 2001 г. Следует, однако, отметить, что epsNet не удалось утвердиться в Финляндии. Большая часть политологов скорее интересуются исследованиями, чем вопросами образования. По культурным и лингвистическим причинам международное сотрудничество с ECPR также является более привлекательным, чем сотрудничство в рамках epsNet.

Как отреагируют финские политологи на возможность создания европейской ассоциации политических наук? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку большинство финских политологов, как представляется, вполне довольны работой в основном в рамках ECPR. Как отмечал Anckar (1996: 205) в докладе 1996 г. о финской политической науке: «Необходимо подчеркнуть, что значительная часть сотрудничества между университетами в области исследований уже успешно проводится под эгидой Европейского консорциума по политической науке».

С другой стороны, очевидно, что европейское развитие в целом и развитие связей в сфере европейского высшего образования и исследований заставит европейских политологов взглянуть на статус дисциплины в Европе под новым углом зрения. Большинство финских политологов хотело бы, чтобы ECPR превратился в европейскую ассоциацию. Однако чтобы это произошло, ECPR должен измениться организационно и расширить свою деятельность также в вопросах образования и лоббирования. Если этого не случится, возможно, отношение финских политологов будет выжидательным.

Другой проблемой является возрастающая внешняя фрагментация дисциплины, поскольку ученые, занимающиеся международными отношениями, как и административными науками, стремятся наладить соб-

ственное сотрудничество. Это прослеживается в создании научных ассоциаций в области административных наук и международных отношений.

Финская Ассоциация исследований мира (*Suomen rauhantutkimusyhdistys*) была основана в 1971 г. Она объединяет около 225 членов и издает ежеквартальный журнал *Kosmopolis*. Другой ассоциацией в области международных отношений является финская Ассоциация международных исследований (*Kansainvälisten suhteiden tutkimuksen seura*), созданная в 1993 г., в которую входит примерно 150 человек. Финская Ассоциация административных исследований (*Hajjinnon tutkimusken seura*) основана в 1981 г. В ней насчитывается около 450 членов, и она издает ежеквартальный журнал *Hallinnon tutkimus* («Административные исследования»). Деятельность этих ассоциаций направлена на мультидисциплинарную аудиторию. Тем не менее снижение членства финской Ассоциации политических наук отчасти объясняется существованием этих ассоциаций. Они поддерживают тесные связи со своими международными аналогами. Это укрепляет статус административных наук как самостоятельной дисциплины, а также требования сообщества политологов-международников предоставить им такой статус в Финляндии.

3. Грядущие вызовы, стоящие перед финской политологией как научной дисциплиной

Организационный рост финской политической науки как дисциплины можно подытожить, разделив ее развитие на пять этапов:

1921–1944. Появление дисциплины (Хельсинки — Гражданский колледж, Або — Шведская школа экономики);

1945–1964. Стабилизация дисциплины (факультет в Хельсинки, докторантура в Школе общественных наук и в Турку);

1965–1974. Развитие дисциплины (Тампере и Йювяскюля, общее увеличение численности профессорско-преподавательского состава таких областей специализации, как международная политика и публичное администрирование);

1975–1994. Стабилизация, профессионализация и интернационализация дисциплины (участие в IPSA, ECPR, MOPSA);

1995 — настоящее время. Реструктурирование дисциплины (финансовое давление, «новое государственное управление университетами», возросшее давление в связи с контролем качества обучения, усилившаяся фрагментация дисциплины: управленческие науки, мировая политика).

В сложившейся ныне ситуации политическая наука в Финляндии сталкивается с рядом проблем. Определять ее будущее развитие будут

три основных фактора, в рамках которых она существует: система высшего образования, объем дисциплины и финская история и политическая культура, хотя в связи с политическими изменениями в Европе история и культура в определенном смысле будут утрачивать свое значение. Тем не менее старые связи и контакты в одночасье не меняются. Кроме того, финское сообщество политической науки все еще представляет собой национальное сообщество. Из-за языкового барьера иностранным ученым очень трудно получить постоянные академические должности в финских университетах. В особенности это касается дисциплин, где таких должностей немного и где преподавание ведется на родном языке.

С другой стороны, по мере того как небольшое сообщество политической науки пополняется новыми специалистами, отношение и направления исследований могут резко меняться. Последствия академической политики всегда непредсказуемы, особенно в условиях нынешнего давления, направленного на отделение изучения политологии, публичного администрирования и международной политики.

Однако главный вызов исходит от изменений системы высшего образования. За последние десять лет академическая система пережила полную перестройку образования и исследований. После того как финские университеты стали государственными учреждениями, их развитие зависит от политических и правительственных решений. Последние десять лет были не лучшим периодом в развитии общественных наук, поскольку государство активно подталкивало университеты к увеличению численности студентов, в то время как количество преподавателей оставалось прежним. Другой вопрос — смогут ли все выпускники кафедр политической науки найти работу, соответствующую их образованию? Пока что отчеты о положении на рынке труда дают на этот вопрос противоречивые ответы. Представляется, что выпускники-политологи смогут найти себе работу, но не обязательно в той области, где они получили образование (Kuusisto, 2002).

Развитие высшего образования усилило разочарование профессорско-преподавательского состава. В 1996 г. Anckar (1996: 205) писал о процессе интернационализации: «Хотя в финских университетах начался процесс интернационализации, он принес с собой рост численности университетской бюрократии в ущерб развитию интернационализации исследований, тем самым усилив разочарование ученых». На сегодняшний день положение стало еще более удручающим. Административные обязанности преподавателей возросли в связи с проводимыми масштабными реформами (например, Болонским процессом). Поскольку финансирование стало основываться на результатах

10-6054

и предполагается, что кафедры должны искать внешние источники финансирования для исследовательской деятельности, это вынуждает ученых тратить все больше времени на подачу заявок по своим проектам. Многие жалуются на то, что у них не хватает времени на исследовательскую работу, поскольку все оно уходит на преподавание и выполнение административных обязанностей. Неудивительно, что многие преподаватели стремятся найти возможность заниматься исследовательской работой за счет внешних источников финансирования, чтобы получить годичный отпуск.

Трудно сказать, лучше или хуже положение в Финляндии по сравнению с другими странами. Однако создается впечатление, что дисциплина переживает смутные времена. Вместе с тем само положение финских университетов сейчас достаточно неопределенное. Финское академическое сообщество переживает переходный период, поскольку правительство стремится урезать финансирование высших учебных заведений за счет их слияния. Это также может затронуть многие дисциплины, поскольку на университеты оказывается давление с целью специализации, определяющейся их возможностями. Еще одной проблемой нынешней ситуации является фрагментация политической науки, выражающаяся в выделении из нее самостоятельных субдисциплин, и внутренняя конфронтация между основным и побочным направлениями исследований. Фрагментация выбивает почву из-под ног, когда встает вопрос о защите дисциплины. Поскольку финская Ассоциация политических наук ослабела, сократились и ее возможности защищать интересы своей науки. Одним из решений этих проблем могло бы оказаться создание европейской Ассоциации политических наук, поскольку европейское высшее образование и исследования развиваются динамично и университеты — как и отдельные дисциплины — уже не могут успешно развиваться лишь в национальных рамках.

Примечания

[1] Основные факты относительно системы высшего образования в Финляндии почерпнуты на сайте Министерства образования Финляндии.

[2] Глава частично написана на основе информации, находящейся на сайтах кафедр политической науки (см.: ссылки). О росте численности профессорско-преподавательского состава см.: Nousiainen, Anckar (1983: 336–339) и Pesonen (1977).

[3] Хотя политику (политическую философию) преподавали еще в XVII в. в Турку (см.: Nurmi), открытие кафедры в Хельсинки можно считать рождением современной политической науки в Финляндии.

[4] Показатели основаны на информации, помещенной на сайтах кафедр. Возможно, они точны не на 100%, так как кафедры используют различные стратегические подходы к занятию преподавательских вакансий. Поскольку финские университеты управляются государством, преподаватели обычно приравниваются по статусу к гражданским служащим. Если кафедра хочет сохранить деньги, на протяжении какого-то периода времени она может держать вакансию незанятой. С другой стороны, если кафедра имеет средства, она может пригласить кого-то на временную работу. Возможные расхождения с указанными цифрами не превышают одной или двух позиций. В некоторых отдельных случаях при группировке позиций я поместил некоторые из них в те разделы, к которым в прямом смысле слова они не принадлежат. Например, один руководитель исследовательского проекта объединен с профессорами (поскольку его обязанности соответствуют обязанностям профессоров). Во всех случаях моим окончательным критерием была принадлежность в соответствии с обязанностями.

[5] Эти цифры в определенном смысле имеют условный характер. По мере того как изучение государственной администрации передвинулось в сторону «нового государственного управления», водораздел между государственной и бизнес-администрацией стал достаточно неопределенным. Об этом можно судить, в частности, по положению, сложившемуся на самой сильной кафедре в Тампере. Кафедра управленческих исследований имеет подпрограмму по маркетингу (штат которой не был отражен в приведенных выше цифрах).

[6] Кроме того, выпускники университетов могут продолжать обучение и в других аспирантурах, например, в финской асирантуре российских и восточноевропейских исследований, национальной аспирантуре по административным наукам и в аспиранутре по современным азиатским исследованиям.

[7] Эти цифры были собраны ассистентами-исследователями Marikki Stocchetti и Kati Jääskeläinen при работе над проектом «Структуры дипломов и преподавание политической науки в Финляндии» (научный руководитель Erkki Berndtson).

[8] Эти цифры были собраны ассистентами-исследователями Marikki Stocchetti и Kati Jääskeläinen (см. выше).

[9] Эти данные были собраны ассистентами-исследователями Marikki Stocchetti и Kati Jääskeläinen (см. выше).

[10] Анализ основан на информации, помещенной на сайтах кафедр.

[11] Такой же подход характеризует и учебные курсы по всемирной политике.

[12] Под периферией здесь понимается прежде всего состояние умов, что объясняется факторами языка, расстояния и размера страны. Для преодоления такого состояния «периферийности» необходимо писать на языках, отличных от родного. Расстояние и размер связаны с возможностями путешествовать и поддерживать тесные связи с зарубежными коллегами. Возможно, такое состояние интеллектуальной «периферийности» постепенно исчезнет, поскольку финские политологи в наше время привыкли писать по-английски, путешествия стали более дешевыми и многие молодые политологи учились (и получали дипломы) в зарубежных университетах.

[13] Основную информацию о финских научных ассоциациях можно найти на сайтах этих ассоциаций (см.: ссылки).

Литература

Aaltola, Mika (1999): *The Rhythm, Exception, and Rule in International Relations: the Case of Mad Cow Disease. Studia Politica Tamperensis* No. 5, University of Tampere.

Allardt, Erik (1985): *Finnish Society: Relationship between Geo-political Situation and the Development of Society. Research Reports* No. 33, Research Group for Comparative Sociology, University of Helsinki.

Anckar, Dag (1977): "Political Science in Finland 1960–1975: From Behavioralism to Policy Analysis", *Scandinavian Political Studies* 12: 105–126.

Anckar, Dag (1986): *Sven Lindman. Hans vetenskapssyn och vetenskapliga gärning, Acta Academiae Aboensis, Ser. A. Humaniora* 64/2 Åbo Akademi University.

Anckar, Dag (1996): "Political Science in Finland", *La science politique en Europe: formation, cooperation, Perspectives. Conférence d'évaluation. Paris 19 et 20 avril 1996*, Paris: Fondation Nationale des Sciences Politiques.

Anckar, Dag (2002): "Democratic Standard and Performance in Twelve Pacific Island States", *Pacific Affairs* 2: 207–225.

Anckar, Dag, Erkki Berndtson (1988): "Introduction: Centers and Peripheries, Styles and Strategies", in: Anckar, Dag, Erkki Berndtson (eds.) *Political Science between the Past and the Future. Essays to Mark the 50th Anniversary of the Finnish Political Science Association*, Helsinki: The Finnish Political Science Association: 7–22.

Berndtson, Erkki (1987): "The Rise and Fall of American Political Science: Personalities, Quotations, Speculations", *International Political Science Review* 1: 85-100.

Berndtson, Erkki (1991a): "Finlandization: Paradoxes of External and Internal Dynamics", *Government and Opposition* 1: 21–33.

Berndtson, Erkki (1991b): "The Development of Political Science: Methodological Problems of Comparative Research" //: David Easton, John G. Gunnel, Luigi Graziano (eds.): *The Development of Political Science. A Comparative Survey*. L.: Routledge: 34–58.

Berndtson, Erkki (1997): *Behavioralism: Origins of the Concept*. The XVIIth International Political Science Association World Congress. Seoul, South Korea, 17–21 August 1977. Published electronically: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.valt.helsinki.fi/vol/tutkimus/julkaisut/verkko/behavior.htm.

Berndtson, Erkki (2005): "Introduction: Problems and Prospects of the Erasmus Program", in: Erkki Berndtson (ed.): *Mobile Europe. Improving Faculty and Student Mobility Conditions in Europe. epsNet Reports No. 9*, Paris: 7–16.

Berndtson, Erkki, Turo Virtanen (2005): "Doctoral Studies in Political Science at the University of Helsinki", in: Michael Goldsmith (ed.): *Doctoral Studies in Political Science — A European Comparison. epsNet Reports No. 10*, Paris: 19–25.

Forsberg, Tuomas (1997): *Buying Security, Selling Victories. A Constructivist Analysis of the Role of Positive Economic Sanctions in German Unification and the Dispute over the Kurile Islands*. PhD dissertation, University of Wales, Aberystwyth.

Forsberg, Tuomas (2004): "The Security Partnership between the EU and Russia. Why the Opportunity was Missed?" *European Foreign Affairs Review* 2: 247–267.

Forsberg, Tuomas (2005): "German Foreign Policy and the War in Iraq. Anti-Americanism, Pacifism or Emancipation?" *Security Dialogue* 2: 213-231.

Forsberg, Tuomas, Raimo Lintonen, Christer Pursiainen, Pekka Visuri (eds.) (2003): *Suomi ja kriisit. Vaaran vuosista terrori-iskuihin*, Helsinki: Gaudeamus.

Hakovirta, Harto (ed.) (2000): *Globalism at the Crossroads. Wedges into Global Theory and Policy*. Helsinki: The Finnish Political Science Association.

Heiskanen, Ilkka (1983): "Politics Proper vs. Politics of Knowledge" // Ilkka Heiskanen, Sakri Hänninen (eds.): *Exploring the Basis of Politics. Five Essays on the Politics of Experience, Language, Knowledge and History*, Helsinki: The Finnish Political Science Association: 57–85.

Heiskanen, Ilkka, Veronica Stolte-Heiskanen (1970): "Oppi-ja ammattikoulunuorten mahdollisuusrakenteet, osallistumisaktiivisuus ja politiikan tuntemus", *Politiikka* 3: 204–218.

Hellsten, Villiina (2001): "Uuden politiikan oikeiston mobilisaatiomahdollisuudet Suomessa", *Politiikka* 1: 37–48.

Herne, Kaisa (1999): "Miksi ihmiset äänestävät?" *Politiikka* 2: 113–124.

Herne, Kaisa, Maija Setälä (2000): "Rationaalisen valinnan teorian rakenne ja tieteellisen edistyksen arviointi", *Politiikka* 3: 180–194.

Herne, Kaisa, Maija Setälä (2005): "Deliberatiivisen demokratian ihanteet ja kokeilut", *Politiikka* 3: 175–188.

Holli, Anne Maria (2003): *Discourse and Politics for Gender Equality in Late Twentieth Century Finland. Acta Politica 23*, Department of Political Science, University of Helsinki.

Hyvärinen, Matti, Jussi Kuruumäki, Kari Palonen, Tuija Pukkinen, Henrik Stenius (eds.) (2003): *Käsitteet liikkeessä: suomalaisen poliittisen kulttuurin käsitehistoria*, Tampere: Vastapaino.

Hänninen, Sakari (1982): *Aika, paikka, politiikka. Marxilaisen valtioteorian konstituutiosta ja metodista*, Oulu: Tutkijaliitto.

Hänninen, Sakari, Kari Palonen (eds.) (1990): *Texts, Contexts, Concepts. Studies on Politics and Power in Language*, Helsinki: The Finnish Political Science Association.

Jääsaari, Johanna (1986): "Sukupolvet, elämäntapa ja Politiikka", *Politiikka* 4: 258–281.

Jääsaari, Johanna (1991): "Political Socialization in Finland" // Henk Dekker, Rüdiger Meyenberg (esd.): *Politics and the European Younger Generation. Political Socialization in Eastern, Central and Western Europe*. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universitat Oldenburg.

Kantola, Johanna (2005): *Mykät, kuurot ja kadotetut. Sukupuolten välinen tasa-arvo Helsingan yliopiston valtio-opin laitoksella. Acta Politica 29*, Department of Political Science, University of Helsinki.

Karvonen, Lauri (1997): *Demokratisering*, Lund: Studentlitteratur.

Kauppi, Niilo (1990): *Tel Quel: La constitution sociale d'une avant-garde. Commentationes Scientiarum Socialium 43*, Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.

Kauppi, Niilo (2000): *The Politics of Embodiment: Habits, Power and Pierre Bourdieu's Theory*, Frankfurt a. M.: Lang.

Keränen, Marija (1993): *Modern Political Science and Gender: A Debate between the Deaf and the Mute*, Jyuväskalä: University of Jyuväskalä.

Kivimäki, Timo (1993): *Distribution of Benefits in Bargaining between a Superpower and a Developing Country. A Study of Negotiation Processes between the United States and Indonesia. Commentationes Scientiarum Socialium 45*, Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.

Koivusalo, Markku (2001): "Michel Foucault ja tuottavan vallan järjestys" // Jarkko Tontti, Kaisa Mäkelä (eds.): *Filosofien oikeus II*, Helsinki: Suomalainen lakimiesyhdistys: 257–294.

Korhonen, Pekka (1998): *Japan and Asia Pacific Integration: Pacific Romances 1968–1996*, London; N.Y.: Routledge.

Kuusipalo, Jaana (1990): "Finnish Women in Top-Level Politics", in Marja Keränen (ed.): *Finnish "Undemocracy". Essays on Gender and Politics*, Helsinki: The Finnish Political Science Association: 13–36.

Kuusisto, Riikka (1999): *Western Definitions of War in the Gulf and in Bosnia: the Rhetorical Framework of the United States, British and French Leaders in Action*, Helsinki: Finnish Society of Sciences and Letters.

Kuusisto, Riikka (2002): "Valtio-oppineiden valmiudet? Tuoreiden maisterien näkemysten kartoitus", *Politiikka* 1: 70–81.

Laakso, Lisa (1999): *Voting Without Choosing. State Making and Elections in Zimbabwe, Acta Politica 11*, Department of Political Science, University of Helsinki.

Lindroos, Kia (1998): *Now-time/image-space: Temporalization of Politics in Walter Benjamin's Philosophy of History and Art, SoPhi 31*, Jyväskylä: University of Jyväskylä.

Martikainen, Pekka, Tuomo Martikainen, Hanna Wass (2005): "The Effect of Socioeconomic Factors on Voter Turnout in Finland: A Register Based of 2.9 Million Voters", *European Journal of Political Research* 5: 645–669.

Martikainen, Tuomo, Teija Tiilikainen (eds.) (2000): *Suomi EU: n johdossa. Tutkimus Suomen puheenjohtajuudesta 1999, Acta Politica 13*, Department of Political Science, University of Helsinki.

Mattila, Mikko (2003): "Why Bother? Determinants of Turnout in the European Elections", *Electoral Studies* 3: 449–468.

Mattila, Mikko (2004a): "Contested Decisions — Empirical Analysis of Voting in the EU Council of Ministers", *European Journal of Political Research* 1: 29–50.

Mattila, Mikko (2004b): "Fiscal Redistribution in the European Union and the Enlargement", *International Journal of Organization Theory and Behavoir* 4: 555–570.

Mattlin, Mikael (2004): "Referendum as a Form of Zaoshi: the Instrumental Domestic Political Functions of Taiwan's Referendum Ploy", *Issues and Studies* 2: 155-185.

Michelsson, Rauli (2004): "Vihreä liitto Suomen puoluekarttapallolla periaateohjelmien näkömulmasteltuna", *Politiikka* 2: 65–79.

Nousiainen, Jaakko (1998): *Suomen poliittinen järjestelmä*, Helsinki: Werner Söderström Oyj (WSOY).

Nousiainen, Jaakko, Dag Anckar (eds.) (1983): *Valtio ja yhteiskunta. Tutkielmia sumalaisen valtiollisen ajattelun ja valtio-opin historiasta*, Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY.

Nurmi, Hannu (1983): "Valtio-oppi 1600-luvun Turun akatemiassa" // Jaakko Nousiainen, Dag Anckar (eds.) (1983): *Valtio ja yhteiskunta. Tutkielmia suomalaisen valtiollisen ajattelun ja valtio-opin historiasta*, Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY: 15–35.

Ojakangas, Mika (2004): *A Philosophy of Concrete Life: Carl Schmitt and the Political Thought of Late Modernity, SoPhi 77*, Jyväskylä: University of Jyväskylä.

Paakkunainen, Kari (1985): *Demokratia, tiede ja kansanvalta. Valtiotieteellisen yhdistyksen intellektuaalihistoriaa 1935–1985*, Helsinki: Valtiotieteellinen yhdistys.

Paakkunainen, Kari (1988): "A Periphery in Search for a Center: The Early Years of the Finnish Political Science Association" // Dag Anckar, Erkki Berndtson (eds.): *Political Science between the Past and the Future. Essays to Mark the 50th Anniversary of the Finnish Political Science Association*, Helsinki: The Finnish Political Science Association: 25–33.

Paloheimo, Heikki (2002): "Pääministerin vallan kasvu Suomessa", *Politiikka* 3: 203–221.

Paloheimo, Heikki (ed.) (2005): *Vaalit ja demokratia Suomessa*, Helsinki: WSOY.

Palonen, Kari (1983): "Yleisen valtio-opin perustaminen Helsingin yliopistoon" // Jaakko Nousiainen, Dag Anckar (eds.) (1983): *Valtio ja yhteiskunta. Tutkielmia suomalaisen valtiollisen ajattelun ja valtio-opin historiasta*, Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY: 93–137.

Palonen, Kari (1985): *Politik als Handlungsbegriff. Horizontwandel des Politikbegriffs in Deutschland 1980–1933, Commentationes Scientiarum Socialium 28*, Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.

Palonen, Kari (1992): *Politik als Vereitelung. Die Politikkonzeption in Jean-Paul Sartres' Critique de la raison dialectique*, Münster: Verlag Westfälisches Dampfboot.

Palonen, Kari (1994): *Politics, Rhetoric and Conceptual History, Studia Politica Juväskyläensia 6*, University of Jyväskylä.

Palonen, Kari (2003): *Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric*, Cambridge: Polity.

Patomäki, Heikki (2002): *After International Relations. Critical Realism and the (Re) Construction of World Politics*, L.; N.Y.: Routledge.

Patomäki, Heikki, Teivo Teivainen (2004): *A Possible World: Democratic Transformation of Global Institutions*, L.; N.Y.: Zed Books.

Pekonen, Kyösti (ed.) (1999): *The New Radical Right in Finland*, Helsinki: The Finnish Political Science Association.

Pesonen, Pertti (1966): "Preface", *Scandinavian Political Studies* 1: 5–8.

Pesonen, Pertti (1977): "The Political Science Profession in Finland", *Scandinavian Political Studies* 12: 29–45.

Pesonen, Pertti, Risto Sänkiaho, Sami Borg (1993): *Vaalikansan äänivalta. Tutkimus eduskuntavaaleista ja valitsijakunnasta Suomen poliittisessa järjestelmässä*, Helsinki: WSOY.

Puoskari, Minna (2002): "Suomalaisten ministereiden sosiaalinen tausta ja rekrytoituminen vuosina 2983–2001", *Politiikka* 4: 328–342.

Rasila, Viljo (1973): *Yhteiskunnallinen korkeakoulu 1925–1966*, Porvoo: WSOY.

Raunio, Tapio (2006): *Eurooppalaistuminen: Suomen sopeutuminen Euroopan integraatioon*, Helsinki: Gaudeamus.

Raunio, Tapio, Teija Tiilikainen (2003): *Finland in the European Union*, London: Frank Cass.

Research Assessment Exercise (2005a): *Evaluation Report: Department of Political Science, University of Helsinki* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.helsinki.fi/research2005/english/raportit/EF_Political_Science.pdf.

Research Assessment Exercise (2005b): *Panel 15: Social Sciences, University of Helsinki* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.Helsinki.fi/research2005/english/raportit/General_Introduction_and_General_Conclusion_Social.pdf.

Saukkonen, Pasi (1999): *Suomi, Alankomaat ja kansallisvaltion identiteettipolitiikka: tutkimus kansallisen identiteetin poliittisuudesta, empiirinen sovellutus suomalaisiin ja hollantilaisiin teksteihin*, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

Saukkonen, Pasi (ed.) (2003): *Paikkana politiikka. Tietoa ja tulkintoja Suomen poliittisesta järjestelmästä, Acta Politica 26*, Department of Political Science, University of Helsinki.

Setälä, Maija (2003): *Demokratian arvo. Teoriat, käytännöt ja mahollisuudet*, Helsinki: Gaudeamus.

Siltaoja, Jarmo, Harri Virta (1981): *Valtio-oppi suomalaisessa provinssiyliopistossa. Tieteenalan aseman, opetuksen ja apiskelun kehittyminen Jyväskylän yliopistossa, Julkaisuja No. 41*, Valtio-opin laitos, Jyväskylän yliopisto.

Stole-Heiskanen, Ilkka Heiskanen (1985): "Intellectual Styles and Paradigmatic Changes in Finnish Sociology and Political Science" // Risto Alapuro, Matti Alestalo, Elina Haavo-Mannila, Raimo Väyrynen (eds.): *Small States in Comparative Prospective. Essays for Erik Allardt*, Oslo: Norwegian University Press: 165–187.

Sundberg, Jan, Susanna Sinda (2003): "Riksdagsarbetet ett yrke eller förtoendeuppdrag", *Politiikka* 4: 285–300.

Teivainen, Teivo (2000): *Enter Economy, Exit Politics. Transnational Politicd of Economism and Limits to Democracy in Peru*, Helsinki: The Finnish Political Science Association.

Temmes, Markku (1998): "Finland and New Political Management", *International Review of Administrative Sciences* 3: 441–456.

Vanhanen, Tatu (1994): "Demokratisoituminen 1990-luvun maailmassa", *Politiikka* 2: 116–131.

Vesa, Unto (1995): *Miten rauhantutkimus tuli Suomeen. Rauhan-ja konfliktintutkimskeskus, tutkimuksia 69*, Tampere: Tampereen yliopisto.

Источники в Интернете

Кафедры политической науки:

Кафедра политической науки, Университет Хельсинки: <http://www.valt.helsinki.fi/vol/english/index.htm>.

Шведская школа общественных наук: политическая наука и администрация: <http://www.sockom.helsinki.fi/english/majorsubj.html>.

Кафедра общественных наук и философии: политическая наука, Университет Йювяскюля: <http://www.jyu.fi/ytk/laitokset/yfi/oppiaineet/val/en/index_html>.

Кафедра исследований в области общественных наук, Университет Лапландии:

- международные отношения: <http://www.ulapland.fi/?deptid=10848>.
- политическая наука: <http://www.ulapland.fi/?deptid=16921>.

Кафедра политической науки и международных отношений, Университет Тампере: <http://www.uta.fi/laitokset/polttiikka/english.html>.

Кафедра политической науки, Университет Турку: <http://www.soc.utu.fi/valtio-oppi/english/index2.html>.

Кафедра политической науки, академический Университет Або: <http://www.abo.fi/fak/esf/lindman/statskunskap>.

Кафедра общественных наук: политическая наука, академический Университет Або в Васе: <http://www.vasa.abo.fi/svf/si/>.

Кафедры политической науки:

Кафедра здравоохранения и управления, Университет Куопио: <http://www.uku.fi/tht/english/>.

Кафедра общественных наук: административные науки, Университет Лапландии: <http://www.ulapland.fi/?deptid=10847>.

Кафедра экономики и бухгалтерского учета. Университет Тампере: <http://www.uta.fi/laitokset/talti/english/index.htm>.

Кафедра управленческих исследований, Университет Тампере: <http://www.uta.fi/laitokset/jola/english.php>.

Факультет государственной администрации, Университет Вааса: <http://lipas.uwasa.fi/ytt/english.html>.

Кафедра государственной администрации, академический Университет Або: <http://www.abo.fi/fak/esf/lindman/offentlig_forvaltning/english/index.html>.

Кафедра общественных наук: государственная администрация, академический Университет Або в Васе: <http://www.vasa.abo.fi/svf/si/>.

Другие кафедры:

Кафедра истории: политическая наука, Университет в Оулу: <http://www.oulu.fi/hutk/departments.html>.

Кафедра управления и организации: политическая наука, Шведская школа экономики и администрации бизнеса: <http://www.hanken.fi/hanken/eng/page1021.php?lokation_id=1&tab_id=courses&subject_id=1>.

Кафедра региональных исследований, Университет Тампере: <http://www.uta.fi/laitokset/yhdt/english>.

Исследовательские институты:

Финский институт международных отношений: <http://www.upi-fiia.fi/eng/welcome>.

Институт исследований мира в Тампере: <http://www.uta.fi/tapri/eindex.html>.

Научные ассоциации:

Финская ассоциация административных исследований: <http://www.uta.fi/jarjestot/hts>.

Финская ассоциация международных исследований: <http://www.protsv.fi/katse/>.

Финская ассоциация исследований мира: <http://www.helsinki.fi/lehdet/kosmo/srty.html>.

Финская ассоциация политических наук: <http://www.helsinki.fi/jarj/vty/>.

Другие учреждения:

Финское министерство образования: <http://www.vn.fi/ministeriot/opm/en.jsp>.

Лоик Блондьо, Ив Делоа[1]

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТЧЕТ ПО ПОЛОЖЕНИЮ ВО ФРАНЦИИ

1. Введение

Развитие политической науки во Франции тесно связано с двойственностью французской системы, при которой сосуществуют университеты и система *Grandes Ecoles* (дословно «больших школ» или специализированных высших учебных заведений). Последние чрезвычайно придирчиво отбирают студентов и гораздо более независимы, чем университеты. Они практически обладают монополией на доступ к руководящим должностям в государственной администрации и крупных компаниях. С 1945 г.[2] политическая наука во Франции развивалась параллельно в рамках юридических факультетов и институтов политических исследований (*Instituts d'Etudes Politiques,* IEP), в связи с этим представляя собой две различные академические традиции:

- В 1954 г. общенациональным законом на юридических факультетах политическая наука вводилась в качестве обязательного предмета для получения диплома. Некоторые профессора публичного права (Морис Дюверже, Жорж Ведель и др.) с 1950-х годов также решительно выступали за институциональное признание и предоставление этой дисциплине статуса независимой дисциплины. Таким образом, большинство профессиональных политологов все еще работают на юридических факультетах. В настоящее время есть только одна кафедра политической науки (в университете Париж I — Пантеон-Сорбонна), а на других университетских факультетах (социологии, истории, экономики и т.п.) эта дисциплина почти полностью отсутствует.
- В развитии политической науки как самостоятельной дисциплины основную роль сыграло создание в 1945 г. институтов политических исследований (IEP). *Институт политических исследований* в Париже (Science Po Paris) — отчасти автономное государственное учебное заведение, он был создан на базе старой *Ecole Libre des Sciences Politiques* (ELSP) — частного учебного заведения, образованного в 1871 г. для под-

готовки французской элиты и обучения ее наукам, признанным полезными для государственного управления[3] (экономики, истории, права и общественных наук). Декретом от 9 ноября 1945 г. вместо бывшей ELSP возникли две организации — ELSP, IEP Парижа и Национальный фонд политической науки (*Fondation Nationale des Sciences Politiques*, FNSP) с целью дальнейшего развития изучения политической науки и экономики. Стремясь к децентрализации университетов, правительство, стоявшее в то время у власти во Франции, одновременно с IEP Парижа создало шесть других региональных институтов политических исследований (в Бордо, Гренобле, Страсбурге, Тулузе, Лионе и Алжире, последний вскоре был перенесен в Экс-ан-Прованс), к которым в 1990 г. добавились институты политических исследований в Ренне и Лилле. В этих организациях со строгим отбором студентов, более самостоятельных, чем университеты, к которым они относятся, сегодня насчитывается четверть преподавателей политической науки, и они вносят весомый вклад в развитие политологических исследований. Вполне естественно, что именно в этих организациях сложились и получили развитие наиболее важные исследовательские центры данной дисциплины.

В процессе институционализации политической науки во Франции можно назвать много важных дат: создание Французской ассоциации политических наук (*Association Française de Science Politique*, AFSP) в 1949 г.; Французского журнала политической науки (*Revue Française de Science Politique*, RFSP) в 1951 г.; первой докторской программы по этой дисциплине в IEP Парижа в 1956 г.; первой кафедры политических наук в университете Париж I — Пантеон-Сорбонна в 1971 г., а в следующем году — централизованной в национальном масштабе процедуры отбора, организуемой каждые два года для избрания профессоров этой дисциплины (следуя положению, существующему в сфере права, экономики и медицины).

Тем не менее эта институционализация в значительной степени остается незавершенной. Хотя сегодня политическая наука во Франции может гордиться тем, что она широко представлена и играет важную роль в выборе университета Министерства образования и исследований (раздел 4 Национального совета университетов [*Conseil National des Universités*, CNU], в котором насчитывается 77 пунктов), а также широким представительством, которое она имеет в главных государственных исследовательских организациях (CNRS, где раздел 40 озаглавлен «Политика, власть и организация»), она продолжает оставаться в большой степени зависимой с точки зрения преподавания, курса обучения на юридических факультетах[4] и ее статуса как дисциплины «общего характера», нацеленной на подготовку определенной части французского правящего класса в IEP.

2. Обучение и исследования

2.1. Институциональная география преподавания политической науки во Франции

В целом сообщество французских политологов, объединяющее в данном случае всех, кто зарабатывает на жизнь преподаванием политической науки, исследованиями в области политической науки или тем и другим, составляет немногим более 500 человек, 63% которых занимают положение преподавателей-исследователей[5] (табл. 1, где указано их географическое и институциональное распределение) и работают в университетских структурах (на факультетах или в IEP). Остальные 37% заняты исключительно в области исследований (*Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS* — Национальный центр научных исследований или *Fondation Nationale des Science Politiques, FNSP* — Национальный фонд политической науки). На практике часть специалистов, занимающихся «только исследованиями», также отдают часть своего времени преподаванию, а большинство преподавателей-исследователей еще занимаются исследовательской деятельностью. Однако сосуществование этих двух академических статусов является особенностью французской политологии, которая присуща ей в значительно большей степени, чем другим сопоставимым дисциплинам (таким как право, история или социология).

Таблица 1

Количество преподавателей/исследователей во французском образовательном сообществе на 2004 г.

Университет	Профессора	Доценты	Всего
IEP Экс-ан-Прованс	6	3	9
IEP Бордо	6	3	9
IEP Гренобля	8	9	17
IEP Лилля	3	4	7
IEP Лиона	5	5	10
IEP Парижа	13	2	15
IEP Ренна	2	1	3
IEP Страсбурга	3	6	9
IEP Тулузы	2	3	5
Университет Экс-Марсель II	—	3	3
Университет Экс-Марсель III	1	—	1

Продолжение табл. 1

Университет	Профессора	Доценты	Всего
Университет Амьена	4	7	11
Университет Анжера	—	2	2
Университет Антильских островов — Гвианы	3	4	7
Университет Бордо IV	1	2	3
Университет Бургундии	1	4	5
Университет Бреста	1	—	1
Университет Сержи	1	2	3
Университет Клермон-Феррана I	2	2	4
Университет Корсики	—	1	1
Университет Эври	—	1	1
Университет Верхнего Эльзаса	—	1	1
Университет Гренобля II	2	1	3
Университет Гренобля III	—	1	1
Университет Гавра	—	1	1
Университет Лилля II	4	7	11
Университет Побережья	—	1	1
Университет Лиона II	3	3	6
Университет Лиона III	1	1	2
Университет Марны-ла-Валле	—	1	1
Университет Монпелье I	4	3	7
Университет Монпелье III	—	3	3
Университет Ла Рошели	1	2	3
Университет Нанси II	1	5	6
Университет Нанта	1	3	4
Университет Ниццы	2	4	6
Университет Парижа I	13	18	31
Университет Парижа II	7	3	10
Университет Парижа III	1	2	3
Университет Парижа V	2	2	4
Университет Парижа VII	1	—	1

Окончание табл. 1

Университет	Профессора	Доценты	Всего
Университет Парижа VIII	2	13	15
Университет Парижа IX	3	6	9
Университет Парижа X	6	8	14
Университет Парижа XII	1	—	1
Университет Парижа XIII	—	5	5
Университет По	—	4	4
Университет Перпиньяна	—	5	5
Университет Пуатье	1	2	3
Университет Реймса	1	2	3
Университет Ренна I	4	4	8
Университет Ренна II	—	2	2
Университет Реюньона	—	1	1
Университет Руана	—	2	2
Университет Сан-Этьена	1	—	1
Университет Страсбурга III (без IEP)	—	3	3
Университет Тулузы (без IEP)	2	5	7
Университет Тура	—	3	3
Университет Версаль Сен-Квентин	5	4	9
Всего	131	193	324

Источник: Министерство по делам молодежи, национального образования и исследований (2004 г.).

В настоящее время представителями академического сообщества Франции считаются либо доцент (*Maître de conference*, MCF), либо полный профессор (*Professeur des Universités*, PR). Последние получают звание на основе сложной двухступенчатой процедуры отбора. Национальный отборочный комитет (состав которого частично избирается академическим сообществом, частично назначается министерством) ежегодно оценивает личные дела кандидатов и отбирает из них приблизительно ¼. Впоследствии квалифицированные кандидаты могут подавать заявки в университеты на занятие вакантных должностей. Доценты принимаются на работу на определенные должности и имеют такую же рабочую нагрузку, как профессора (128 лекционных часов в год). Сами

полные профессора отбираются в соответствии с процедурой отбора, принятой в высшей школе. Национальный конкурс для такого отбора проводится раз в два года, предлагая от четырех до восьми постов по всей стране. Отбор проводит жюри, состоящее из семи профессоров, на основе конкурса, проходяшего на протяжении нескольких месяцев и состоящего как из многочисленных устных собеседований как минимум по двум основным подразделам дисциплины (политическая социология; международные отношения и институты; администрация, управление и публичная политика; политическая теория/история идей и политической мысли; методология общественных наук).

География политической науки во Франции характеризуется наличием в некоторых провинциальных центрах IEP. Города, где наряду с университетами были созданы IEP, представляют собой центры развития дисциплины, поскольку там объединяются важные учебные и исследовательские организации, работает много специалистов, учится много студентов, готовых серьезно заниматься по углубленным учебным программам. В остальных местах, кроме Парижа, присутствие политической науки представлено сушественно слабее и более случайно, за некоторыми важными исключениями (Амьен, Антильские острова — Гвиана, Монпелье, Нанси, Ницца, Версаль-сен-Квентин-ан-Ивелин и т.п.).

Тем не менее значение Парижа продолжает оставаться огромным. Стоит отметить, что в парижских институтах работает почти треть французских преподавателей политической науки (112 должностей). Эти цифры можно сравнить с подготовкой диссертаций. В недавно опубликованной статье Николя Марио и Оливер Годешо (Godechot, Mariot, 2003: 69, 2004: 40–42) подсчитали, что 58% всех диссертаций по политической науке с 1990 по 2001 г. были подготовлены в парижском регионе, где политическая наука имеет особенно большое значение: в Университете Париж I (там в штате работает 31 специалист) и IEP Парижа (со штатом в 15 человек). Кроме того, многие преподаватели, работаюшие в других организациях, живут в Париже, что усиливает его истинное значение.

2.2. Французская система политологического образования

Реформа по переходу к системе *LMD* (*Licence-Mastère-Doctorat*), начатая в связи с Болонским процессом, побудила ведушие французские университетские центры (те, у которых есть достаточно возможностей предложить образование на уровне магистра) пересмотреть свои программы, с тем чтобы в некоторых случаях продолжить специализированные занятия в направлении либо исследовательской деятельности, либо профессиональной ориентации[6]. Обязательное проведение этой реформы начиная с 2005 учебного года позволяет составить полную картину нынешнего положения. В таблице 2 отражены первые результаты проведенного исследования. Представленные данные ограничены образованием, направленным на исследовательскую деятельность, имеюшую целью защиту докторской диссертации по политической науке.

Из таблицы 2 можно узнать о многом:

- об упадке некоторых традиционных субдисциплин, таких как политическая философия и политическая теория (несмотря на новые эксперименты, сводящиеся к попыткам заново ввести эту область обучения) или изучение политических институтов с акцентом на конституционном праве;
- о большом значении политической социологии[7] (понимаемом здесь как преимущественно социологический анализ феномена французской политики) и публичной политики. Эти две области стали основой стандартной подготовки по политической науке во Франции, и с настоящего времени они будут входить во все программы преподавания политологии;
- о структурной слабости таких разделов, как европейские исследования и международные отношения, несмотря на тенденцию к быстрому включению этих разделов;
- о возникновении нового направления политической науки — исторической социологии политики, отражающей подлинную интеллектуальную близость политической науки и истории[8].

2.3. Основные области обучения

В принципе предложение учебных программ с некоторым отставанием следует за последними достижениями в развитии французских исследований в области политической науки.

- Внимание к предложению образования в области политической социологии отражает не только традиционную важность работы, посвященной Франции и ее институтам (см. предыдущий доклад Пьера Фавра в 1996 г.), но также усиление тенденции к «критическому» социологическому исследованию, такому, о котором говорится в работах Пьера Будрие[9].
- Изучение «публичной политики» (или публичной деятельности) с позиций как преподавания, так и исследований в настоящее время бурно развивается и стремится к образованию практически независимого направления в самом сердце дисциплины, со своим концептуальным словарем[10], что дает основания для внутренней теоретической противоречивости.
- Развитие изучения международных отношений и исследования в области европейской политики — явление более новое, но зна-

Основные типы учебных программ преподавания политической науки

Университет	Политическая теория/ политическая философия	Политические институты	Политическая экономия	Политическая история/ историческая социология
Университет Амьена	++			++
IEP Экс-ан-Прованса				
IEP Бордо	+			+
Университет Бордо IV	++			
IEP Гренобля		+		++
IEP Лилля				++
Университет Лилль II				
Университет Лион II (с IEP)	++	+		+
Университет Монпелье I			+	++
IEP Парижа++		+	+	++
Университет Париж I	+	++		++
Университет Париж II		++		
Университет Париж VIII	++			++
Университет Париж IX			+	+
Университет Париж X				++
Университет Версаль Сен-Квентин				
IEP Ренна				++
Университет Ренн I	+			
Университет Страсбург III (с IEP)			+	++
Университет Тулуза I (с IEP)				

Примечание: ++ — основная специализация (аттестация по факту упоминания или сильной специализации в этой области); + — дополнительная специализация (аттестация по наличию курса или предложения сокращенной подготовки в этой области).
Источник. Результаты запросов авторов настоящего доклада и использование доступных документов, главным образом в Интернете.

Таблица 2

(с исследовательской специализацией на уровне M2) во Франции в 2005 г.

Политическая социология	Публичная политика	Сравнительная политология	Европейская политика	Международные отношения	Страноведение	Политическая коммуникация
++	++					
	++	++				
++	+		++	++		
+		+		++		
++	++	+	++			
	++	+		+		
++	++		+			
++	++	+			++	++
++	++	+		++		
++	+	++	++	++		
++	+	+		++	++	
		++	++		++	
					+	
++	++					++
++		++				
++	+			+		++
++	+	++				
++	++	+		++	++	
++		++	++			
++	++		+	++		+

чительное. Оно соответствует созданию специализированных периодических изданий и профессиональных ассоциаций, завоевывая все более широкое признание[11]. Тем не менее численность преподавателей и исследователей, специализирующихся в этих областях, остается незначительной по сравнению со специалистами по «политической социологии»[12].

Итак, политическая наука во Франции характеризуется достаточным своеобразием интеллектуальных подходов по сравнению с международными парадигмами. Диалог с определенными сопредельными дисциплинами (социологией, историей и антропологией) развивается активнее, чем с другими, более формализованными отраслями знаний, такими как экономика (economics) или психология[13]. Case-studies и полевые исследования применяются шире, чем опросы общественного мнения или сравнительный анализ[14]. Некоторые подходы, такие как модель рационального выбора, также достаточно редки в условиях Франции[15], а влияние тем, поднятых американской политической наукой, существенно ниже, чем где бы то ни было.

Тем не менее такая интеллектуальная независимость, которую иногда пренебрежительно называют «провинциализмом», не мешает все более активному развитию международного сотрудничества или заимствованию считающихся новаторскими аналитических концепций, например в области социологии или теории международных отношений. Все больше и больше лучших французских студентов обучаются за рубежом, участвуют в международных конференциях и знакомятся с ведущимися в международном сообществе политологов дискуссиями. Раскрепощение французской политической науки, которое некоторые назвали бы порочным влиянием глобализации или «присоединением к основному международному направлению», все в большей степени становится реальностью.

2.4. *Институциональная география французской политической науки*

Исследования в области политической науки проводятся в основном в смешанных исследовательских группах, зависимых как от университетов, так и от CNRS, где совместно работают штатные исследователи, зависимые от CNRS или FNSP, и университетские профессора. Соответственно показатели численности исследователей на полной ставке, представленные в табл. 3, должны быть увеличены на число преподавателей-исследователей. Дополнительно к исследователям CNRS значительное число индивидуальных исследователей из FNSP[16] работает в некоторых исследовательских подразделениях (в Париже, Бордо

и Гренобле). В других отношениях по очевидным причинам в этой таблице сравниваются только исследовательские центры[17], объединяющие исследователей из секции 40 CNRS[18]. Таким образом, анализ данных табл. 3 свидетельствует о том, что в принципе большинство этих подразделений привлекают исследователей из других секций CNRS.

С 1950-х годов существует ряд крупных исследовательских центров, зависимых от FNSP, в Париже[19] и некоторых других районах страны: CEVIPOF, *Centre d'Etudes de la Vie Politique Française* (Sciences Po Paris, 39 исследователей на полной ставке), занимающийся французскими политическими проблемами, в частности электоральным анализом, и CERI, *Centre d'Etudes et de Recherches Internationales* (Sciences Po Paris, 42 исследователя на полной ставке), ориентированный на международную политику и страноведческие исследования; CEAN, *Centre d'Etude d'Afrique Noire* (Science Po Bordeaux, 6 исследователей), специализирующийся на изучении африканской политики; CERVL, *Centre d'Etudes et de Recherches sur la Vie Locale* (Science Po Bordeaux, 12 исследователей в штате на полной ставке), работающий в области муниципальной политики; PACTE, *Politiques publiques, Action politique, Territoires* (Science Po Grenoble, 19 исследователей на полной ставке), в основном занимающийся исследованиями в области публичной политики и количественных методов исследования[20].

Таблица 3

Институциональные и демографические данные по основным исследовательским центрам, связанным с секцией 40 CNRS (по состоянию на июнь 2005 г., классификация в порядке нумерации CNRS)

Исследовательский центр	Идентификация CNRS	Число исследователей, связанных с секцией 40 и (при необходимости) с FNSP	Тематический подход политической науки
Laboratoire d'anthropologie des institutions et des organisations socials (LAIOS, Paris)	UPR 9037	2	Политическая антропология Европейская политика
Centre de recherches sociologiques sur le droit et les institutions pénales (CESDIP, Paris)	UMR 2190	3	Публичная политика (Пенитенциарная политика) Социология права Социология насилия и преступности
Centre d'étude et de recherche Travail, Organisation, Pouvoir (CERTOP, Toulouse)	UMR 5044	2	Публичная политика (Политика в области охраны окружающей среды)

Продолжение табл. 3

Исследовательский центр	Идентификация CNRS	Число исследователей, связанных с секцией 40 и (при необходимости) с FNSP	Тематический подход политической науки
Centre d'études politiques de l'Europe Latine (CEPEL, Montpellier)	UMR 5112	3	Публичная политика Сравнительная политология Европейская политика Политическая социология
Centre d'études d'Afrique Noire (CEAN, Bordeaux)	UMR 5115	3 (+3 исследователя FNSP)	Страноведческие исследования Сравнительная политология Международные отношения
Pouvoir, action publique, territoire (CERVL, Bordeaux)	UMR 5116	10 (+2 исследователя FNSP)	Политические институты и территориальное политическое поведение Публичная политика Европейская политика Сравнительная политика
Politiques publiques, actions politiques, territoire (PACTE, Grenoble)	UMR 5194	17 (+5 исследователей FNSP)	Публичная политика (Культура, безопасность, управление рисками...) Историческая социология Политическая социология Методология и количественный анализ
Groupe de recherches et d'études sur la Méditerranée et le Moyen-Orient (Lyon)	UMR 5195	2	Страноведческие исследования
Triangle: action, discourse, pensée politique et economique (Lyon)	UMR 5206	2	Публичная политика Политическая социология Политическая философия
Centre de recherches sur l'action politique en Europe (CRAPE, Rennes)	UMR 6051	6	Публичная политика (Санитарная политика) Европейская политика Политическая социология
Centre universitaire de recherches administratives et politiques de Picardie (CURAPP, Amiens)	UMR 6054	4	Публичная политика Европейская политика Национальная политика Социология права Историческая социология Политическая социология

Продолжение табл. 3

Исследовательский центр	Идентификация CNRS	Число исследователей, связанных с секцией 40 и (при необходимости) с FNSP	Тематический подход политической науки
Institut de recherches et d'études sur le monde arabe et musulman (IREMAM, Aix-en-Provence)	UMR 6568	8	Страноведческие исследования
Politique, religion, institutions et sociétés: mutations européennes (PRISME, Strasbourg)	UMR 7072	1	Публичная политика Европейская политика Политическая социология
Laboratoire d'analyse des systèmes politiques (LASP, Nanterre)	UMR 7026	5	Страноведческие исследования (Центральная и Восточная Европа) Политические институты Политическая социология
Centre de recherches politiques de Sciences Pot (CEVIPOF, Paris)	UMR 7048	23 (+16 исследователей FNSP)	Публичная политика Национальная политика Европейская политика Политическая философия Политическая социология Политическая экономия
Centre d'études et de recherches internationals (CERI, Paris)	UMR 7050	19 (+23 исследователя FNSP)	Страноведческие исследования Политическая экономия Сравнительная политология Международные отношения Политическая социология
Centre de sociologie des organisations (CSO, Paris)	UMR 7116	9	Публичная политика Административная наука
Institut de recherché interdisciplinaire en socioéconomie — Centre de recherches et d'études politiques (IRIS-CREDEP, Dauphine)	UMR 7170	2	Политическая социология
Centre d'études et de recherches administratives, politiques et socials (CERAPS, Lille)	UMR 8026	6	Публичная политика Европейская политика Политическая социология
Groupe de sociologie politique et morale (GSPM, Paris)	UMR 8031	01	Публичная политика Политическая социология

Окончание табл. 3

Исследовательский центр	Идентификация CNRS	Число исследователей, связанных с секцией 40 и (при необходимости) с FNSP	Тематический подход политической науки
Centre de recherches sur les pouvoirs locaux dans la Caraibe (CRPLC, Martinique)	UMR 8053	—	Государственная политика Международные отношения Политическая социология
Centre de recherches politiques de la Sorbonne (CRPS, Paris)	UMR 8057	3	Публичная политика Политическая социология Национальная политика Политическая коммуникация Политические институты Историческая социология
Laboratoire techniques, territories et sociétés (LATTS, Marne-la-Vallée)	UMR 8134	3	Публичная политика
Centre d'Etudes sur la Chine moderne et contemporaine (Paris)	UMR 8561	2	Региональные исследования
Groupe d'analise des politiques publiques (GAPP, Cachan)	FRE 2768	2	Публичная политика Социология права
Communication et politique	FRE 2813	2	Политическая коммуникация
Всего	—	189	—

Примечания: UPR — самостоятельное исследовательское подразделение; UMR — смешанное исследовательское подразделение; FRE — формирующееся исследовательское подразделение.

Источник: Сайт CNRS, Ежегодник исследовательских центров SHS [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web-ast.dsi/fr, 1 июня 2005 г.

В последние годы при поддержке CNRS были созданы другие важные исследовательские центры, такие как IREMAN (*Institut de Recherches et d'Etudes sur le Monde Arabe et Musulman*) в Экс-ан-Провансе; CURAPP (*Centre Universitaire de Recherches Administratives et Politiques de Picardie*) в Амьене; CERAPS (*Centre d'Etudes et de Recherches Administratives, Politiques et Sociales*) в Лилле; CRPS (*Centre de Recherches Politiques de la Sorbonne*) в Париже; CRAPE (*Centre de Recherches sur l'Action Politique en Europe*) в Ренне; и GSPE-PRISME (*Groupe de Sociologie Politique*

Européenne — Politique, Religion, Institutions et Sociétés: Mutations Européennes) в Страсбурге. Такое развитие свидетельствует о жизнеспособности французских исследований в этой области. Эта активность нашла дальнейшее подтверждение в ежегодной подготовке диссертаций по политической науке: в 2004 г. секция 4 CNU (*Conseil National des Universités*) одобрила 70 кандидатур, или 38% соискателей. Это число квалифицированных кандидатур следует сравнить с количеством вакантных должностей (в областях как высшего образования, так и исследований в области общественных наук), которое составляет не более 15–20 в год. Такое положение свидетельствует о структурной нехватке рабочих мест для молодых французских докторов по политической науке, которые, несмотря на высокие успехи в академическом плане, нередко обречены на скромное существование и неуверенность в профессиональном будущем. Это составляет одну из наиболее серьезных проблем, которые стоят сегодня перед дисциплиной.

Динамизм исследований в области политической науки во Франции наряду с их междисциплинарной природой особенно поражает, если обратить внимание на недавние кардинальные изменения во французских политологических журналах[21]. Вот уже более десяти лет они необычайно диверсифицированы. Хотя первые журналы в области этой дисциплины — *Revue Française de Science Politique* и в меньшей степени *Pouvoirs* продолжают распространяться среди широкой публики, особенно по библиотекам, они сталкиваются сейчас с сильной конкуренцией со стороны большого числа тематических или междисциплинарных журналов, которые возникли недавно, но уже успели занять прочные позиции (в частности, это касается журнала *Politix*, который теперь стал называться *Politix. Revue des sciences socials du politique*, распространяемого Арманом Коланом, или *Culture et Conflits*, к названию которого теперь добавлено *Sociologie politique de l'international*. К числу недавно созданных изданий, ярко иллюстрирующих трансформацию интеллектуального состояния дисциплины, следует отнести в хронологическом порядке *Revue Internationale de Politique Comparée* (основанный в 1994 г., этот журнал на французском языке издается в Бельгии, он посвящен сравнительной политологии); *Pôle Sud* (основанный в 1994 г. CEPEL, *Centre d'Etudes Politiques de l'Europe Latine*, этот региональный журнал специализируется на изучении политических реалий в южной Европе); *Critique Internationale* (основанный в 1998 г. CERI, этот журнал специализируется на международных проблемах и вопросах культуры); *Raison politique* (также основанный в 1998 г., этот журнал планирует развивать теоретические и философские подходы в политологии) и совсем молодой *Politique Européenne* (основанный в 2000 г., этот журнал посвящен изуче-

нию европейских проблем). Эти новые издания, достаточно многочисленные, если принять во внимание размеры французского сообщества политологов и состояние публикаций по общественным наукам (см.: Barluet, 2004), отражают развитие специализации в рамках политической науки как в области преподавания, так и в сфере исследований. В недавно проведенном CNRS исследовании отмечалось, что некоторые из этих журналов пользуются значительным международным влиянием, хотя пока существенно меньшим, чем журналы, издаваемые на английском языке. Основывающееся на скрупулезных библиометрических измерениях[22], это исследование завершается следующей классификацией политических наук[23]: из 42 журналов, где опубликовано более 64% цитат, 18 являются американскими (53,7% цитат), десять — французскими (23,5% цитат), десять — английскими (17,8% цитат) и четыре — из других стран (включая бельгийский журнал *RIPC, Revue Internationale de Politique Comparée*). С позиций этой классификации, как указывается в исследовании CNRS, два журнала входят во «внутренний круг» международных журналов (первого порядка): *Revue francaise de science politique* (861 цитата) и *Politix* (375 цитат). Три других журнала — *Pôle Sud* (79 цитат), *Revue internationale de politique compare* (52 цитаты) и *Politique Africaine* (35 цитат) — принадлежат к влиятельной группе журналов второго порядка[24].

2.5. *Дополнительные данные о динамике национальных ассоциаций и международном значении французской политической науки*

Характерной чертой политической науки во Франции является активность ее ассоциаций. Дать этому обстоятельству должную оценку помогают два показателя: значение для дисциплины системы самих ассоциаций, не менее трех из которых имеют взаимодополняющие цели, и количество рабочих дней или дней работы конференций, организованных в рамках дисциплины. В систему политологических ассоциаций входят три ассоциации: *l'Association Française de Science Politique* (AFSP), *l'Association des Enseignants et Chercheurs en Science Politique* (AECSP, Ассоциация преподавателей и исследователей в области политической науки) и *l'Association Nationale des Candidats aux Métiers de la Sciense Politique* (ANCMSP, Национальная ассоциация кандидатов политической науки). AFSP была основана в 1949 г., в ней состоит более 600 индивидуальных членов, которые платят взносы (рис. 1), она играет важную роль в организации и признании политологических исследований. Эта ассоциация раз в два года организует национальные конференции (восьмая такая конференция была проведена в Лионе в сентябре 2005 г., в ее работе приняли участие почти 600 специалистов). Проводившаяся научная работа была организована по десяти рабочим группам.

Рис. 1. Эволюция и распределение по типам членов AFSP с 1999 г.

AECSP была создана в 1995 г., в ней насчитывается 150 членов, эта ассоциация взяла на себя роль защиты профессиональных интересов дисциплины, при проведении последних университетских реформ она выступила в качестве советника Министерства высшего образования и исследований. И последняя ассоциация — ANCMSP, возникшая в 1996 г., она предлагает кандидатам на университетскую карьеру по политической науке ряд услуг (в частности, обновляемый электронный список) и следит за прозрачностью процесса отбора кадров. Эти три взаимодополняющие ассоциации, способные к совместным действиям (в частности, при проведении регулярных *Assises de la Science Politique* — встреч политологов), вносят большой вклад в дело распространения значимости принадлежности к дисциплине, особенно по сравнению с более старыми и крупными академическими дисциплинами. Благодаря такому общению во Франции в рамках дисциплины организуются многочисленные научные мероприятия под эгидой научных центров, университетских кафедр или AFSP (только она сама организует около 30 дней проведения научных мероприятий в год, что выделяет эту национальную ассоциацию многих аналогичных организаций в Западной Европе). Значение такой активности особенно велико, поскольку она свидетельствует о том, что дисциплина не замыкается на самой себе. Благодаря дисциплинарной открытости действий этих ассоциаций и их стремлению к развитию международных связей они могут гордиться высокой степенью привлечения зарубежных коллег к развитию политической науки во Франции.

Возможно, в последние годы именно вопрос об интернационализации французской политической науки обсуждался особенно широко.

Его постоянные обсуждения, особенно в ходе *Assises de la Science Politique* или во время проведения национальных конференций AFSP, не предотвратили тем не менее возникновения двух диаметрально противоположных подходов к проблеме.

С одной стороны, некоторые полагают, что французская политическая наука за счет своих уникальных интеллектуальных и институциональных характеристик сама продолжает вытеснять себя на обочину мировой политической науки. В последней международной классификации университетских кафедр политической науки и международных отношений, проведенной группой Simon Hix, есть некоторые основания для подтверждения такого вывода[25]. Из 400 учреждений, занимающихся политической наукой во всем мире, несмотря на использованную при проведении исследования методологию, которая часто признается спорной[26], ни одна французская организация не заняла место выше 170-го (IEP Париж), и только несколько других кафедр были упомянуты в приведенном перечне. Это подтверждает господствующее положение американских кафедр политической науки (занимающих девять из первых десяти мест), в то время как Университет Париж X занимает 254-е место, Университет Лилль II — 313-е, IEP Гренобль — 324-е, а Университет Париж I — 391-е место[27].

С другой стороны, можно спорить с тем, что существует много путей, которые раньше или позже сольются, свидетельствуя о скрытой интернационализации политической науки во Франции. Процесс интернационализации, несмотря на все споры и даже связанные с этим препятствия, продолжает развиваться и оказывать значительное влияние на политическую науку во Франции, что совсем необязательно означает нивелирование, которого многие сильно опасаются. Более того, следует отметить, что интернационализация французской политической науки полностью соответствует ее притязаниям на интеллектуальную самобытность. Среди структур, которые вносят вклад в процесс интернационализации, следует различать те, что возникли на местах, т.е. специфически присуши данному университету или исследовательской организации, и те, которые связаны с национальной политикой, поддерживающей процесс интернационализации. В связи с этим во многих университетах (особенно в IEP, где обычно от студентов требуют, чтобы они год учились за границей) на практике всемерно поощряется международный студенческий обмен. Во многих исследовательских центрах (перечислять которые здесь нет необходимости) также проводится политика международного сотрудничества, которая часто приводит к положительным результатам, а иногда даже к образованию таких институционализированных групп, которые поддерживает CNRS. В частности, именно так в 2005 г. возник LEA (*Laboratoire Européen Associé* — Объединенный европейский исследовательский центр, названный CODE, *Comparer les Démocraties en Europe*), которая объединила IEP Бордо (CERVL) с Университетом Штутгарта (ISSUS) в работе по сравнению европейских демократий на уровне ЕС, государств и территорий, и даже — вот уже несколько лет — с CEPEL через ETAPES (*Espaces et Temporalites de l'Action Publique en Europe du Sud*). Что касается других, процесс интернационализации развивается посредством публикации сборников работ, в частности в англоязычных издательствах, для ознакомления с результатами исследовательских работ международной научной общественности. Несколько лет назад CERI институционализировал такую политику благодаря сотрудничеству с Herst (*Herst Series on Comparative Politics and International Relations*) и с издательством Palgrave-McMillan (*The CERI Series in International Relations and Political Economy*).

В этой связи следует отметить возрастающее постоянное участие французских организаций в Европейском консорциуме политических исследований (ECPR), несмотря на тот факт, что уровень французского присутствия там все еще остается совершенно недостаточным. В 2005 г. более десяти французских организаций являлись членами этой структуры, платящими взносы (CEPEL, CURAPP, кафедра политической науки Университета Париж I, FNSP, IEP Экс-ан-Прованс, IEP Бордо, IEP Гренобля, IEP Лилля, IEP Ренна, IEP Страсбурга, IEP Тулузы и LATTS, *Laboratoire, Techniques, Territoires et Societé*). В 1996 г. это были новые организации. По количеству членов Франция находилась на 7-м месте, как и Норвегия (12 членов), уступая Англии (54 члена), Германии (38 членов), США (23 члена), Испании (22 члена), Италии (18 членов) и Швеции (15 членов). Принимая во внимание различие в финансовых ресурсах и критическом размере разных стран в самом разном контексте, можно подтвердить осторожный диагноз Пьера Фавра, поставленный им в 1996 г., и говорить о продолжающемся «повороте» в развитии ситуации[28]. Это подтверждает тот факт, что, хотя число французских участников сессий ECPR, возможно, остается меньшим, чем число участников из других сопоставимых европейских стран[29] (но достаточно близким к весу Франции в ECPR, 4% из 300 смежных организаций), ECPR по-прежнему будет оставаться в центре внимания. На конференции ECPR в Будапеште в сентябре 2004 г. девять секций были посвящены новым политическо-социологическим тенденциям — такие как та, которой руководил представитель Франции, что дало возможность на европейском уровне шире ознакомить научную общественность с достижениями Франции в этой области (как с позиций электоральной социологии,

так и с точки зрения коллективных действий, т.е. на пересечении с историей и социологией). Такой поворот все еще остается хрупким, и в будущем его предстоит внимательно отслеживать. Нельзя пройти мимо того факта, что в настоящее время предлагаемые консорциумом средства используются Францией далеко не полностью: остается очень низким участие в работе летних школ ECPR (за исключением участия в школе в Лилле по количественным методам), поступает слишком мало предложений по выступлениям на секциях и семинарах ECPR; еще более серьезным является положение с исключительно низкой осведомленностью этой структуры о ведущихся во Франции исследованиях по сравнению со ссылками и тематикой исследований в англо-саксонских странах. В определенной степени дополнительные возможности для интернационализации французской политической науки предлагает Европейская сеть политической науки (epsNet)[30]. В ходе организованной в Париже пленарной конференции FNSP в июне 2005 г. многие французские участники приняли участие в работе сессии, в частности посвященной трансформации политической науки в Европе.

В заключение следует упомянуть о политике AFSP на национальном уровне, направленной на интернационализацию ее деятельности. Помимо финансовой поддержки, которую она предлагает своим членам, чтобы дать им возможность участвовать во всемирных конференциях Международной ассоциации политических наук (IPSA), одним из членов-основателей которой она является, проводимая ею политика также выражает растущее стремление к участию в деятельности AFSP коллег из других стран и их возрастающему участию в рамках структуры в деятельности AFSP наряду с их работой в национальных ассоциациях. К числу примеров можно отнести организацию первой конференции бельгийских, французских, квебекских и швейцарских политических ассоциаций в Лозанне в ноябре 2005 г. и стремление к организации совместных мероприятий с испанскими и итальянскими ассоциациями в 2006 г. Изложенные выше шаги свидетельствуют о том, что при обвинении французской политической науки в том, что она плетется в хвосте процессов интернационализации, следует соблюдать осторожность. В определенном смысле произошла тихая революция, которая существенно изменила основы политической науки во Франции, но она тем не менее несет в себе риск углубления разрыва между организациями, в долгосрочном плане обладающими достаточными ресурсами для участия в процессах интернационализации, и теми центрами, критический размер которых и отсутствие финансовой независимости, возможно, являются непреодолимыми препятствиями на этом пути.

4. Выводы

Подводя итоги этой весьма схематичной работы, следует отметить, что положение французской политической науки как дисциплины зависит от той позиции, с какой подходят к ее оценке.

На институциональном уровне это дисциплина, имеющая сильные позиции, которая, как мы видели, независима в плане набора кадров и располагает как педагогической, так и исследовательской базами. Деятельность ее профессиональных ассоциаций вносит большой вклад в ее широкое признание представителями власти. Тем не менее она продолжает оставаться «малой» дисциплиной как в общенациональном масштабе (по сравнению с другими университетскими дисциплинами, такими как право или социология), так и на международном уровне (по сравнению с некоторыми своими зарубежными аналогами). Такая структурная хрупкость отражается, в частности, в отсутствии в университетах полноценных факультетов политологии, за единственным исключением, которое составляет Университет Париж I — Пантеон-Сорбонна. Тем не менее в последние годы резко возрос профессионализм политической науки, чему способствовало, в частности, проведение реформ высшего образования, начатое Болонским процессом (реформа «LMD»). Во многих университетах под руководством политологов были созданы профессиональные программы магистерского уровня в разных областях (по связям с общественностью, публичной политике, политической коммуникации, международным отношениям, развитию и сотрудничеству и т.д.), что привлекает все большее число студентов. Такая хрупкость политической науки во Франции не мешает ей быть полноправной дисциплиной, «гносеологическая зрелость» которой, по недавнему выражению Пьера Фавра[31], за последние пятнадцать лет достигла значительного прогресса.

В социальном плане политологи страдают от сравнительно недостаточного внимания общественности по сравнению с их коллегами, занимающимися более значимыми для общества дисциплинами, такими как социология, экономика, история или психология. Не многие французские политологи могут сказать, что имеют влиятельный «интеллектуальный» статус во французском смысле этого понятия. Однако некоторые специалисты, занимающиеся отдельными разделами дисциплины — в частности электоральной социологией, сравнительной политологией или, в меньшей степени, международными отношениями, — постоянно выступают в средствах массовой информации или в органах государственной власти. В связи с отсутствием настоящих «мозговых центров» во Франции особенно большую роль приобретают университетские исследования. Одним из важных вопросов остается проблема

публикаций. При отсутствии настоящей системы университетских издательств (возможно, за исключением *Presses de Science Po*), публикации по политической науке ограничены двумя каналами распространения: через крупные традиционные издательства (Gallimard, Fayard, Le Seuil и La Decouverte) с обычной системой продаж, которая существенно снижает потенциальную возможность распространения такого рода изданий, и через небольшие издательства, специализирующиеся на публикации работ по общественным наукам (основным из них является L'Harmattan), тираж изданий которого обычно не указывается. Кризис в области публикаций по общественным наукам еще более снижает популярность дисциплины среди широкой общественности.

На интеллектуальном уровне политологические исследования наиболее широко признаны во французской университетской среде. Это признание выражается в регулярном награждении политологов различными званиями и премиями. Однако на международном уровне многие области проводящихся во Франции исследований остаются незамеченными. В значительной степени такое положение объясняется как интеллектуальными факторами (специфическими темами исследований, методами, подходами и т.п.), так и структурными факторами (употребляемыми языками, недостаточной мобильностью французских исследователей, самодостаточностью французского интеллектуального рынка и так далее). В ближайшие годы такое положение может существенно измениться. Большая степень мобильности молодых исследователей, развитие планов международной деятельности и сотрудничества, растущее признание зарубежных публикаций и преподавательский опыт французских специалистов в зарубежных университетах — вот те основные направления дальнейшего развития, которые могут поддержать проведение быстрых и глубоких изменений.

Приложение

Список тем магистерских диссертаций по политологии (уровень M2), ориентированных на исследования[32] (за сентябрь 2005 г.)

«Политические знания и практика», Университет Амьена.
«Политическая мысль и перемены», Университет Бордо IV.
«Сравнительный анализ типов политического действия, IEP Экс-ан-Прованс.
«Политика и развитие в Африке и странах Юга», IEP Бордо.
«Международные отношения», IEP Бордо.
«Публичные действия и местное управление», IEP Бордо.
«Сравнительные теории управления», IEP Гренобля.
«Общества и сравнительная политология», IEP Лилля.

«Политическая социология», IEP Лиона.
«История политической мысли», IEP Лиона.
«Современная Восточная Азия», IEP Лиона.
«Типы публичной политики и сравнительный анализ управления», IEP Лиона.
«Международные отношения», IEP Парижа.
«Общества и сравнительная политика», IEP Парижа.
«История и теория политики», IEP Парижа.
«Публичные действия и пространства в Европе», IEP Ренна.
«Политическая социология», IEP Тулузы.
«Политика и безопасность», IEP Тулузы.
«Политическая наука и публичное действие», Университет Лиль II.
«Управление в Южной Европе», Университет Монпелье I.
«Общество, власть и идентичность», Университет Монпелье I.
«Африканские исследования», Университет Париж I.
«Социология и политические институты», Университет Париж I.
«Международные отношения», Университет Париж I.
«Политические исследования», Университет Париж II.
«Международные отношения», Университет Париж II.
«Администрирование и публичная политика», Университет Париж II.
«Политическая теория», Университет Париж VIII.
«Политическая социология», Университет Париж VIII.
«Социология политики, публичные действия и коммуникация», Университет Париж IX.
«Сравнительная политическая социология», Университет Париж X.
«Политические исследования», Университет Ренн I.
«Политическая наука Европы», Университет Страсбург III.
«Общественные науки политики», Университет Страсбург III.
«Урегулирование публичных конфликтов», Университет Версаль Сен-Квентин.

Примечания

[1] Вся ответственность за эту публикацию, основанную на данных, собранных через коллег, работающих в разных упомянутых здесь высших учебных заведениях, лежит только на авторах, а не на организациях или ассоциациях, к которым они принадлежат. Мы выражаем им глубокую признательность за неоценимую помощь документами, которую они предоставили. Этот раздел книги продолжает линию работы Пьера Фавра (в сотрудничестве с Надин Дада), 1996 г., многие эмпирические данные которой не утратили значения и по сей день. Мы предлагаем читателю обратиться к этой статье под названием *La science politique en France*, которую можно найти на сайте epsNet по адресу: <http://www.epsnet.org/publications/State_of_Discipline.htm>. В ходе своего исследования в 1996 г. Пьер Фавр анализировал глубинное содержание учебных программ по политической науке. Обновление этого материала достаточно сложно в связи с широким разнообразием ситуаций на местах. Учитывая трудности предметного общенационального обзора в период быстрых изменений во французских университетах, в нашем докладе внимание сосредоточено на уровне «M2» Болонского процесса и его воздействии на исследования политической науки. Авторы настоящего доклада хотели бы выразить свою благодарность

Пьеру Фавру и Эрику Неве за критические замечания, сделанные ими по прочтении более раннего варианта настоящего доклада.

[2] С историей этой второй институционализации политической науки во Франции мы рекомендуем ознакомиться в работах Пьера Фавра, особенно в «Истории политической науки» (1985: 28–41).

[3] О происхождении дисциплины во Франции см. классическую работу Фавра (1989).

[4] На 15 января 2004 г. в соответствии с официальными данными, представленными национальным Министерством образования и высшего образования (*Repères et références statistiques sur les enseignements, la formation et la recherché*. Paris, MEN, 2004), на юридических программах бакалавра в университетах обучались 78 026 студентов, 66,7% которых были женщины (уровень «L1»), и 61 421 студент — на программах магистра (уровень «M»), 65,5% которых составляли женщины. Несмотря на широкое разнообразие местных ситуаций, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство этих студентов в ходе обучения в университетах занимаются политической наукой. Специализироваться по политической науке можно только на последнем курсе в ограниченном числе университетов (а именно в университетах Лион II, Монпелье I, Париж I, Париж II, Париж VIII, Париж X, Ренн I или Версаль Сен-Квентин). По другим университетским программам (за исключением IEP) преподавание политической науки очень ограничено и статистические данные здесь отсутствуют.

[5] Общую численность преподавателей-исследователей, составляющую 324 человека, можно сравнить с общим количеством преподавателей-исследователей (профессоров и доцентов) юридических дисциплин, которое в начале 2004 г. составляло 7 287 человек. Соотношение политологов и юристов, таким образом, таково, что на одного преподавателя политической науки приходится более 22 преподавателей юридических дисциплин (данные взяты из официальной статистики национального Министерства образования и высшего образования, упомянутого в предыдущей сноске).

[6] Принимая во внимание направленность этого европейского исследования, воздействие Болонского процесса с точки зрения профессионализма политической науки упоминается в настоящей работе лишь там, где это может вызвать интерес. Тем не менее одним из важных следствий реформы LMD является улучшение подготовки на кафедрах политической науки во Франции. Наиболее общими подходами стали политическая коммуникация, занятость, связанная с профессиональной политической деятельностью как во Франции, так и на европейском уровне, профессиональные заключения о публичных действиях и работа международных организаций.

[7] О доминирующем положении политической социологии см. точные замечания: Gaxie, Legavre (2004: 127–179).

[8] Об этом историческом сдвиге в политической науке Франции см., в частности: Deloye, Voutat (2002) и Laborier, Trom (2003). Издание этой работы, написанной под эгидой CURAPP и GSPM, свидетельствует о способности французской политической науки к развитию из одного направления политической социологии, которая изначально составляла ее отрасль. Важность такого дисциплинарного скрешивания доказана недавним созданием новой исследовательской группы: Исследовательской группы по истории и политической науке (*Groupe de recherché histoire/science politique*, GRHISPO) в рамках AFSP.

[9] См., в частности: Zimmermann (2003).

[10] Как продемонстрировано в недавнем выпуске *Dictionnaire des politiques publiques* Boussaguet и др. (2005).

[11] По вопросу о европейских проблемах во французских университетских программах политической науки см. специальное издание *Politique européenne*: "Enseigner l'Europe", 14, осень 2004 г.

[12] Тем не менее такое утверждение должно быть сделано с оговоркой, поскольку многие французские специалисты по европейским проблемам болезненно реагируют на замечания о «заурядности» таких исследований и соглашаются воздерживаться от создания независимой области *ad hoc*, а именно социологических или институциональных подходов к европейской проблематике.

[13] Проведение реформы LMD привело к усилению такого взаимодействия между дисциплинами за счет стимулирования и внедрения междисциплинарных докторских программ. В частности, этот путь был избран IEP Парижа, где докторская программа охватывает области политической науки, новейшей истории и социологии.

[14] По этому вопросу см. недавно вышедшую работу Bachir (2000).

[15] Важным исключением является исследование государственной политики, в котором эта парадигма на протяжении нескольких последних лет была наиболее распространенной. Кроме того, модель рационального выбора применялась в некоторых областях анализа коллективных действий.

[16] Подробнее о научной политике FNSP см. интересный доклад, сделанный в 2004 г. Жераром Грюнбергом, научным директором FNSP, который помещен на сайте *Science Po* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.sciences-po.fr (под заглавием Recherche).

[17] Поэтому в нашем исследовании не рассматриваются такие зарубежные подразделения CNRS, как *Maison Francaise Oxford* (Французский дом Оксфорд) или *Centre Marc Bloch* (Берлин), где тем не менее исследователи, занимающиеся этой дисциплиной, работают на постоянных ставках.

[18] Этим объясняется то обстоятельство, что *Centre de Recherches Politiqoes Raymond Aron*, относящийся к EHESS (UMR 8036) или *CERSA*, связанный с Университетом Paris II — Pantheon-Assas (*Centre d'Etudes et de Recherches de Science Administrative*, UMR 7106), не включены в наш список. Эти два исследовательских центра связаны с секцией 36 CNRS «Социология, стандарты и правила», а не с секцией 40.

[19] Чтобы представить себе масштаб финансовой поддержки, оказываемой FNSP исследованиям в области общественных наук, достаточно отметить, что с 1996 по 2003 г. расходы на исследования IEP Парижа (включающие не только политическую науку, но также историю, социологию и экономику) возросли на 70%, увеличившись с 7 млн евро примерно до 12 млн (исключая зарплаты). Подробнее об этом см. упоминавшийся выше доклад Жерара Грюнберга.

[20] Об истории CERAT (*Centre de Recherches sur la Politique, l'Administration, la Ville et le Territoire*), являющегося одним из недавно созданных исследовательских подразделений центра, см. недавно вышедшую книгу Douillet, Zuanon (2004).

[21] Полный перечень этих журналов можно найти в докладе Пьера Фавра 1996 г., цитировавшемся выше (разд. 1.7).

[22] Обсуждение примененного библиометрического подхода опубликовано в журнале *Sciences de l'homme et de la société*, 69, май 2004 г., специальное издание «Les revues en sciences humaines et socials»: 53–54.

[23] В силу специфической широты подхода политической науки во Франции в число упомянутых журналов по политической науке также включены журналы, публикующие материалы по другим дисциплинам (социологии, истории, философии, антропологии, экономике и географии). Останавливаясь только на журналах, посвященных политической науке в узком смысле этого понятия, исследование CNRS включило в их перечень *Critique Internationale, Revue Française de Science Politique, Revue Internationale de Politique Comparée, Politix* и *Pôle Sud*.

[24] В исследовании CNRS был особо упомянут журнал *Critique Internationale*, «молодость» которого снизила его значение при подсчетах по сравнению с более солидными журналами. Подробнее об этом см. цитировавшееся исследование: 79–80.

[25] См.: Hix (2004). Использованная методология, а также определения рассматривавшихся организаций подверглись резкой критике в 4-м томе (1) журнала ECPR (март 2005 г.). Эта классификация подтверждает скромную роль французских университетских иссле-

дований на международном уровне, независимо от дисциплины (*Le Monde*, 23 августа 2005 г.). К числу факторов, которые, по нашему мнению, служат объяснением проблемной ситуации во французской политической науке, особенно как небольшой дисциплины, относятся недостаток финансирования (возможно, за исключением тех организаций, которые поддерживает FNSP), распыление ресурсов, внутренние разногласия в рамках дисциплины и отсутствие достаточного внимания к французским организациям.

[26] В числе перечисленных французских кафедр политической науки *Institut Europeen d'Administration des Affaires* (INSEAD, Европейский институт бизнес-администрации, занимающий 172-е место) без всяких на то оснований упоминается безотносительно к политической науке, как и Университет Тулузы (335-е место), в случае с которым вообще не указывается, о каких подразделениях этого учебного заведения идет речь. Кроме того, заслуживает особого внимания список журналов, использованных для определения научной производительности преподавателей или исследователей учебных заведений, рассмотренных при подготовке этой работы. За исключением нескольких европейских журналов (включая *Revue Francaise de Science Politique*) в него входят в основном американские журналы или, точнее говоря, англосаксонские журналы по причинам очевидной близости, тем самым благоприятствуя англосаксонским университетам, даже если часто они расположены в Северной Америке.

[27] Возможно, методы определения французских организаций оказались некорректными в связи с путаницей в названиях. Помимо различий между исследовательскими центрами и университетами последние нередко мало заметны на международном уровне, поскольку часто носят названия города, в котором расположены (с номером), или имя выдающегося ученого.

[28] Для дополнения картины стоит обратить внимание на ежегодную организацию одной из четырех летних школ EPCR в Лилле, Франция (Летняя школа по количественным методам в общественных науках). Можно отметить, что за последние несколько лет положение существенно улучшилось. В стратегическом докладе ECPR 2002 г. выражалось сожаление по поводу того, что в этом проекте принимали участие только восемь французских партнерских организаций. Увеличившись за два года на 50%, нынешние цифры свидетельствуют о растущем участии французской политической науки в этой структуре. Однако следует опасаться, что в ситуации сокращения средств в большинстве других университетских центров, где ведется преподавание политической науки, вряд ли правильно было бы полагать, что в краткосрочном плане положение улучшится.

[29] Так, во время встречи ECPR в Гренаде в апреле 2005 г. две из 30 запланированных рабочих сессий работали под руководством французских участников. Это почти такое же соотношение (2 из 28), как во время следующей встречи, назначенной на апрель 2006 г. На встрече в Будапеште в сентябре 2005 г. лишь одна сессия (в рамках которой тем не менее работало девять семинаров) из 20 запланированных проводилась под руководством французского участника. Однако такого рода статистика не принимает в расчет руководителей семинаров (в рамках сессий) или отдельных выступлений на одном из семинаров.

[30] Как явствует из списка коллективных членов сети, помещенного на ее сайте, с ней были связаны шесть французских организаций (<http://www.epsnet.org/membership/collective.asp>, по данным на 30 июня 2005 г.), что составляет увеличение на 10% коллективных членов сети на эту дату. В их число входят FNSP, кафедра политической науки Университета Париж I, IEP Бордо и Гренобля, CRAPS, связанный с Университетом Лилль II, и GSPE-PRISME, связанный с Университетом Страсбург III.

[31] Тем не менее автор подчеркивает, что эта зрелость «пока не привела к тем результатам, на которые можно было бы рассчитывать», и выражает надежду на то, что она «будет становиться все более "кумулятивной" и более полно охватывающей сферу исследований» (Favre, 2004: 19).

[32] В связи с отсутствием национального перечня приведенные названия существенно ограничены.

Литература

Bachir, Myriam (ed.) (2000): *Les methods au concret. Démarches, formes de l'expérience et terrains d'investigation en science politique*, Paris: CURAPP-PUF.

Barulet, Sophie (2004): *Edition de sciences humaines et socials: le c?ur en danger*, Paris: PUF.

Boussaguet, Laurie, Sophie Jacquot, Pauline Ravinet (eds.) (2005): *Dictionnaire des politiques publiques*, Paris: Press of Sciences Po.

Déloye, Yves, Bernard Voutat (eds.) (2002): *Faire de la science politique. Pour une analyse socio-historique du politique*, Paris: Belin.

Douillet, Anne-Cecile, Jean-Paul Zuanon (eds.) (2004): *Quarante ans de recherché en sciences socials: regards sur le CERAT 1963-2003*, Grenoble: PUG.

Favre, Pierre (1989): *Naissance de la science politique en France (1870–1914)*, Paris: Fayard.

Favre, Pierre (1985): "Historie de la science politique" // Madeleine Grawitz, Jean Leca (eds.): *Traité de science politique*, Vol. I, Paris: PUF: 28–41.

Favre, Pierre (2004): "Preface" // Eric Darras, Oliver Philippe (eds.): *La science politique une et multiple*, Paris: L'Harmattan: 7–20.

Gaxie, Daniel (2004): "Science politique, sociologie politique, sciences socials du politique" // Eric Darras, Olivier Philippe (eds.): *La science politique une et multiple*, Paris: L'Harmattan: 127–153.

Godechot, Olivier, Nicolas Mariot (2003): "Devenir des candidates en science politique et "localisme": premiers resultants d'une enquete", *Palaestra* 23, December: 35–74.

Godechot, Olivier, Nicolas Mariot (2004): "Les deux formes du capital social. Structure relationnelle des jurys de theses et recrutement en science politique", *Revue française de sociologie* 45 (2): 35–74.

Hix, Simon (2004): "European Universities in a Global Ranking of Political Science Departments", *European Political Science* 3 (2): 5–23.

Laborier, Pascale, Danny Trom (eds.) (2003): *Historicités de l'action publique*, Paris: PUF.

Legavre, Jean-Baptiste (2004): "Les attractions de la sociologie" // Eric Darras, Olivier Philippe (eds.): *La science politique une et multiple*, Paris: L'Harmattan: 155–179.

Ministry of the Youth, National Education and Research (2004): *Yearbook of classification in 31–12-2003 of the staff education holder. Section 04*, Paris: MEN.

Zimmermann, Benedicte (2003): "Une mediation", in: Pierre Encreve, Rose-Marie Lagrave (eds.): *Travailler avec Bordieu*, Paris: Flammarion: 237–245.

Сюзанна С. Шюттемейер

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ГЕРМАНИИ

1. Введение

1.1. Исторический фон

Для немецких политологов исследование истории их дисциплины ни сейчас, ни ранее не составляло важной проблемы[1]. В настоящее время наиболее распространенная точка зрения сводится к тому, что политическая наука впервые была введена в университетах как часть программы денацификации державами, оккупировавшими Германию после Второй мировой войны, а раньше — в XIX в. — существовало лишь несколько кафедр в рамках *Staatswissenschaftliche Fakultäten*[2].

В своей основополагающей работе *Geschichte der Politikwissenschaft in Deutschland* Wilhelm Bleek (2001 г.) подвергает сомнению такую концепцию. Приводя убедительные свидетельства, он прослеживает историю политической науки в Германии вплоть до создания в XIV в. немецких университетов[3]. По мнению Bleek, политическая наука в средневековых университетах являлась академической дисциплиной в рамках семи *artes liberales*, особенно практической философии. Гуманитарным наукам обучали в ходе базового *Artistenfakultät*, завершение которого давало возможность продолжать обучение на трех высших факультетах — права, медицины и теологии. В то время обучение политической науке строилось на основании политических и философских работ Аристотеля, вновь открытого в первой половине XIII в. и ставшего основным авторитетом в области гуманитарных наук. Первые лекции по политике стали читать в 1389 г. в Вене и в 1390 г. в Праге; в университетах Лейпцига и Эрфурта посещение таких лекций стало обязательным соответственно в 1410-м и 1449 г.[4] Тем не менее в средневековых университетах политика была предметом, преподавание которого велось в рамках аристотелевского канона, хотя оно не создало собственной методологии и, как правило, не считалось обязательным (см.: Bleek, 2001: 50).

Новая эпоха в развитии политической науки на немецкой земле началась с началом Нового времени, что в значительной степени было вызвано прямыми и косвенными последствиями Реформации. Потребность в образованных людях для развития протестантизма и создания современного государства привела к тому, что с 1600 по 1800 г. было основано почти 50 новых университетов. От роста этой потребности определенные преимущества получила и политическая наука — она впервые обрела статус самостоятельной академической дисциплины (см. там же: 56). В дополнение к нормативно ориентированной политической философии аристотелевского направления в курс ее преподавания были включены такие новые области и направления, как часть *Staatswissenschaften* — особенно статистика, финансы, камералистика и последнее — по порядку, но не по значению — Politikwissenschaft, что в широком смысле было связано со всеми вопросами о том, как обеспечить процветание политического сообщества во всех отношениях[5].

Дальнейшие институциональные изменения произошли в начале XIX в. Политический кризис конца XVIII в. затронул и автономию университетов как общественных институтов, и *Staatswissenschaften*. Если территориальное дробление сначала привело к развитию университетов — большинство правителей гордилось основанием «собственных» университетов, за этой начальной стадией последовало закрытие многих университетов на рубеже веков (см.: Müller, 1990: 66). Тем не менее два процесса — оба начавшиеся в связи с наполеоновскими войнами — привели к различными путям развития в Пруссии и в нескольких, главным образом юго-западных, германских государствах: во-первых, поражение Пруссии, которое было воспринято некоторыми ведущими политиками как сигнал к необходимости срочного проведения реформ, и, во-вторых, стремление средних классов в государствах Рейнского союза (которые под защитой Наполеона отделились от германского государства) воспользоваться достижениями Французской революции.

Присущее Пруссии стремление к проведению реформ без революции (и, как оказалось, без конституции) в значительной степени основывалось на развитии культуры и общего образования, что позже получило всемирную известность как *Humboldt'sches Bildungsideal,* и на растущей профессионализации государственной службы. Оба эти фактора способствовали развитию *Staatswissenschaften* в целом, а также политической науки как науки о «хорошо организованном государстве». Эта тенденция служила, в частности, развитию просвещенного абсолютизма, с одной стороны (см.: Bleek, 2001: 102). С другой стороны, подъем либерализма стал движущей силой для создания новых кафедр политической науки или изменения политического смысла существующих кафедр, особенно в Вюртемберге и Баварии. Следствием этого стал расцвет *Staatswissenschaften* в Германии, главным образом в виде комбинации политологии либо с правом, либо с историей[6]. Этот процесс резко оборвался на самом подъеме: участие многих профессоров

политологии во *Frankfurter Nationalversammlung* (Национальной ассамблее), собравшейся в церкви Святого Павла во Франкфурте в 1848–1849 гг. для разработки общегерманской конституции, после роспуска Nationalversammlung привело не только к краху их личных карьер, но и к институциональному упадку дисциплины во второй половине столетия. Тем не менее важно отметить, что концепция политической науки, бытовавшая в те годы, сохранилась и оказала влияние на основы политической науки в Соединенных Штатах (Bleek, 2001: 189).

Во второй половине XIX в. дисциплина развалилась, она оказалась в подчинении у юриспруденции и тщательно проверялась *Obrigkeitsstaat*. В основном упадок продолжался и в годы Веймарской республики, несмотря на создание в Берлине в 1920 г. *Deutsche Hochschule für Politik* (см.: Nickel, 2004). Эта школа не рассматривалась в качестве академического учреждения — по крайней мере до ее повторного открытия в 1949 г. Со стороны представителей академического сообщества она вызывала пренебрежительное отношение как учебное заведение для взрослых. Очевидно, что *Hochschule* полностью утратила к себе доверие с приходом к власти нацистов в 1933 г.

В целом можно отметить, что все происходившее после Второй мировой войны в немецких университетах было не возникновением политической науки, а своего рода возвращением к ней. Поскольку первая кафедра политологии, созданная в Университете Кельна в 1946 г., была закрыта бывшим рейхсканцлером Генрихом Брюнингом (см.: Klingemann, 1996: 87), в 1949 г. *Deutsche Hochschule für Politik* была восстановлена в качестве той институциональной основы, на которой можно было бы все начать заново. Эта школа, вошедшая в состав *Свободного университета* в 1959 г., в первые годы своей деятельности насчитывала десять политологических кафедр, это почти половина 24 кафедр, существовавших в то время в Германии (там же). Решение о введении *Sozialkunde/Gemeinschaftskunde* — курса обучения основам гражданственности в начальных и средних школах, принятое *Kultusministerkonferenz* (KMK) — Конференцией западногерманских министров по культуре и образованию в 1960 г. (см.: Mohr, 1995: 18), в последующие годы привело к быстрому росту численности как профессорско-преподавательского состава, так и студентов.

1.2. Современное состояние

Установленные в немецких университетах нормы для получения дипломов по политической науке, т.е. так называемые дипломные и магистерские курсы, обычно продолжаются девять семестров и быстро изменяются. В соответствии с Болонским процессом и политикой его применения к концу десятилетия в Германии повсеместно требуется

введение модульных последовательных программ бакалавра (BA) и магистра (MA). Некоторые университеты быстро отреагировали на это требование и уже ввели такие курсы для первых групп бакалавров и магистров; в других для введения новой системы требуется больше времени; а третьи весьма неохотно идут на свертывание традиционной системы, хорошо зарекомендовавшей себя высоким качеством, структурой дипломов, с которой многим не хочется расставаться, поскольку, как им кажется, это приведет к отказу от гумбольдтовской идеи университета. Как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных земель нельзя уклониться от решений немецких министерств образования и науки по воплощению в жизнь положений Болонской декларации и следовавших за ней конференций в Праге, Берлине и Бергене. Поэтому представляется вполне вероятным, что еще на протяжении какого-то времени в системе высшего образования Германии будут сосуществовать элементы старого и нового, пока уже станет нецелесообразно — и невозможно в финансовом отношении — цепляться за традиционные структуры. Для того чтобы избежать последствий слишком больших перемен, некоторые «реформаторы» прибегают к известной схеме, при которой старое вино вливают в новые мехи, иначе говоря, первые две трети программы ведут обучение по прежней немецкой системе и называют это обучением на бакалавра, а содержание последней трети называют обучением на степень магистра (разбавляя некоторыми незначительными новыми требованиями к профессиональной подготовке). Будет ли такая практика обнаружена и прекращена агентствами по аккредитации, покажет время.

Процесс адаптации мог бы быть ускорен рынком. Скорее всего, студентов привлекут болонскими обещаниями более высокой мобильности, более легкой сопоставимости и упрощенного доступа на европейский рынок труда благодаря новым дипломам — если только эти политические обещания будут выполнены и им не будет препятствовать национальная политика с целью защиты университетов и выпускников от нежелательной конкуренции.

Немецкие университеты и их кафедры политической науки сталкиваются с дополнительными проблемами, также нашедшими отражение в Болонском процессе. Во-первых, рост численности студентов не сопровождается адекватным увеличением ресурсов. В то время как государство настаивает на увеличении университетами количества студентов, оно не хочет или не может предоставить необходимые средства на оплату возрастающей учебной нагрузки. Это тем более серьезно, что высшие учебные заведения Германии почти целиком зависят от государственного финансирования. Вместе с тем германские правительства

поощряют эффективность и конкуренцию между университетами, опасаясь, что Германия — и Европа в целом — проиграет соревнование за основанные на знании экономику и общество.

Особую сложность, с которой сталкиваются кафедры политологии при переходе к новой структуре дипломов, представляет собой пропускная способность обучения. Во многих университетах дисциплина представлена лишь двумя или тремя профессорами и небольшим числом ассистентов (молодых лекторов, которые готовят диссертации и часть времени уделяют преподаванию, а также докторов, занятых завершением своего «хабилитата», или второй книги). Принимая во внимание более высокое соотношение студент/преподаватель при новой системе подготовки бакалавров и магистров, означающее увеличение педагогической нагрузки — по крайней мере формально, в связи с увеличением лекционных часов, научного руководства и экзаменов, — небольшие кафедры не могут себе позволить самостоятельные бакалаврские и магистерские программы по политологии (некоторые разделы ими заимствуются или даются как дополнительная специализация). Для того чтобы выжить в ходе реформы, им приходилось вместе с представителями других кафедр готовить смешанные курсы, которые даже по названию подчас имеют мало общего с политической наукой. Было бы преувеличением утверждать, что в связи с этим дисциплине угрожает исчезновение, но такой процесс может нести в себе угрозу потери ее профессиональной идентичности.

Такие нередко странные комбинации предметов учебной программы выбирались в силу проблем с нагрузкой, но скорее они отражают нынешнюю неопределенность в отношении целей новых структур. Это нашло явственное отражение в требованиях, сформулированных KMK, где сказано, что программы бакалавра должны включать в себя достаточно связанных с работой элементов, чтобы через три года помочь выпускникам найти работу по специальности. Такое внимание к диктату работы действительно является самым больным местом для тех, кто отстаивает традиционную позицию *universitas*.

Представляется, что такого рода неуверенность отражает некоторую неопределенность в отношении того, что кроется в Германии за названием «бакалавр политологии», особенно в плане объема знаний по данной дисциплине и методологических навыков. Однако не следует забывать, что такое академическое звание по новым правилам юридически не установлено. Формально существует только степень бакалавра вообще, а сведения о конкретном составе предметов, которые студент изучал на протяжении курса обучения, можно получить только из приложения к диплому. По всей видимости, рекомендации Немецкой

ассоциации политических наук (DVPW) на основе главным образом неформальных соглашений, достигнутых ассоциациями политических наук ряда европейских стран (Reinalda, Kulesza 2005: 222–224), дали свои результаты: в соответствии с этим документом диплом бакалавра считается дипломом по политической науке лишь в том случае, если по меньшей мере половину рабочей нагрузки, т.е. 90 кредитов, составляли различные предметы политической науки (политическая теория, управление, сравнительная политология, международные отношения и методология). Поскольку подробные сведения о содержании курсов уже разработаны, большинство кафедр политической науки теперь их придерживается[7].

Тем не менее пока не ясно, будет ли базовая подготовка, полученная во время обучения на диплом бакалавра, достаточной, чтобы продолжить обучение на недавно утвержденную степень магистра. Нетрудно предположить, что, как всегда бывает при проведении крупномасштабных преобразований, в ближайшем будущем для этого понадобится ряд дополнительных усилий, обусловленных отношением и выбором студентов.

Другая крупная проблема, стоящая перед немецкими университетами, заключается в росте численности студентов. Как будет показано в следующем разделе, она сможет затронуть факультеты политологии в большей степени, чем другие подразделения университетов. Недавно было подсчитано, что количество зарегистрированных в высших учебных заведениях студентов в ближайшие шесть лет возрастет на 15%. Отчасти это вызвано демографическим ростом, но также и постоянно растущим спросом на высококвалифицированную рабочую силу со стороны экономики. Вот почему пользующийся самой высокой репутацией Консультативный совет в области научной политики Германии — *Wissenschaftsrat* в январе 2006 г. настоятельно рекомендовал политикам незамедлительно начать создавать возможности для увеличения пропускной способности университетов.

Такая рекомендация соответствует часто раздающимся сетованиям на то, что в списке стран ОЭСР Германия находится на одном из последних мест по численности выпускников университетов на соответствующую возрастную группу. Средний показатель здесь составляет 53%, тогда как в Исландии он равняется 83%, в Новой Зеландии — 81%, а в Швеции — 80%; замыкает этот список Турция, имеющая показатель 23% (данные приведены на 2003 г.). Уровень студентов высших учебных заведений в Германии составляет 36%. Хотя этот показатель за два года увеличился на 4%, это явно отстает от аналогичных международных данных. Тем не менее к интерпретации этих статистических выкладок следует подходить осторожно. То, чему в других странах учат в университетах и колледжах, в Германии часто входит в программы специализированной профессио-

нальной подготовки, получившие в стране очень широкое развитие. Вместе с тем нет никакого сомнения в том, что дети выходцев из нижних слоев общества в Германии при поступлении в высшие учебные заведения подвергаются дискриминации. Поэтому предупреждение *Wissenschaftsrat* следует рассматривать как императив, особенно если оно относится не к центральной бюрократии, а к руководству шестнадцати федеральных земель, настойчиво отстаивающих свои права в этой области. Вследствие этого координация действий в этом вопросе обходится дорого и нередко целиком зависит от состояния бюджетов различных немецких федеральных земель. Вот уже на протяжении нескольких лет это ведет к постоянному урезанию государственного финансирования университетов и почти полному отсутствию реакции на финансовые последствия Болонской реформы.

2. Преподавание и исследования

2.1. Высшие учебные заведения с преподаванием политической науки

В 2005 г. в Германии насчитывалось 379 высших учебных заведений, включая 103 университета, 74 специализированные школы, 172 политехнических института (*Fachhochschulen*) и 30 школ администрирования. 69 из них, или 18,2%, были частными. В 1994 г. это число равнялось 24 (7,3%), и, таким образом, за прошедшие десять лет оно существенно увеличилось. Несмотря на это значительное развитие, число студентов, зарегистрированных в частных учебных заведениях, продолжает составлять сравнительно небольшую часть общего количества студентов — 2,3%[8].

В высших учебных заведениях, указанных в табл. 1, политическая наука как предмет представлена хорошо. В большинстве из них существуют кафедры — с разными названиями отдельных предметов, хотя во многих из них, специализирующихся в других областях, таких как медицина или некоторые технические специальности, где преподавание ведется только по узкоспециализированным, связанным с работой программам, там кафедры политической науки, естественно, отсутствуют. В списке DVPW (Германской ассоциации политических наук) перечислены 70 из 103 университетов, где имеются факультеты или отделения (например, на факультетах экономики или общественных наук), на которых преподается политическая наука, организованная в качестве отдельной дисциплины.

В 2004 г. политическую науку в Германии преподавали 347 профессоров (на постоянной основе) и 126 лекторов, занимающих разные должности (на постоянных и временных условиях) и обычно имеющих докторские степени. Многие из них заканчивают свой «хабилитат», все еще необходимый для получения квалификации профессора (лишь один че-

Таблица 1

Высшие учебные заведения в Германии (по федеральным землям, зимний семестр 2005/2006 учебного года)

Учебные заведения	D	BW	BY	BE	BB	HB	HH	HE	MV	NI	NW	RP	SL	SN	ST	SH	TH
Университеты	103	15	12	8	3	2	5	7	2	11	15	6	1	7	2	3	4
Педагогические колледжи	6	6															
Церковные колледжи	15		3					3			6	2			1		
Колледжи искусств	53	8	8	4	2	1	2	3	1	2	6		2	7	2	2	1
Политехнические институты	172	34	23	8	6	2	6	12	4	12	26	9	2	12	4	8	4
Школы администрирования	30	4	1	1	2	1	2	3	1	1	4	3	1	2	1	1	2
Всего	379	67	48	21	13	6	15	28	8	26	59	20	6	28	10	14	11

Примечание: D — Германия, BW — Баден-Вюртемберг, BY — Бавария, BE — Берлин, BB — Бранденбург, HB — Бремен, HH — Гамбург, HE — Гессен, MV — Мекленбург-Померания, NI — Нижняя Саксония, NW — Северный Рейн-Вестфалия, RP — Рейнланд-Пфальц, SL — Саар, SN — Саксония, ST — Саксония-Анхальт, SH — Шлезвиг-Гольштейн, TH — Тюрингия.

Источник: Федеральное бюро статистики (2005 г.).

ловек из десяти представителей этой группы был «младшим профессором» — недавно введенный способ получения статуса профессора, аналогичный американской схеме). К числу представителей профессорско-преподавательского состава в немецких университетах[9] следует добавить 626 молодых университетских преподавателей, договоры с которыми заключаются на срок от двух до шести лет; многие из них работают над диссертациями. С начала 1990-х годов их численность значительно возросла (с 427 в 1992 г. до 626 в 2004 г.). С одной стороны, это можно рассматривать как позитивную тенденцию подготовки нового поколения политологов. С другой — следует иметь в виду, что рост наиболее квалифицированных преподавателей впечатляет существенно меньше, за тот же период он составил 12% (309 в 1992 г., 347 в 2004 г.), и, что вызывает особое беспокойство, число докторов колебалось вокруг 130, не увеличиваясь вообще (132 в 1992 г., 126 в 2004 г.). На этих должностях особенно сильно сказалось сокращение бюджетных ассигнований, идущее с 1980-х годов. Если в предыдущие годы практически у каждого заведующего кафедрой был помощник, занимавший так называемую должность C1, т.е. доктор, заканчивающий подготовку, то теперь таких должностей стало в три раза меньше. Все это означает, что продвижение по университетской карьерной лестнице становится все более затруднительным.

Однако, несмотря на распространенные опасения, что в немецких университетах политическая наука значительно пострадает от снижения числа преподаваемых дисциплин, в основном этого не произошло. Действительно, были закрыты две кафедры: в Сааре и Берлине и приняты решения прекратить преподавание политологии в Университете Саарбрюккена и Техническом университете Берлина. В последнее время появились планы отменить преподавание политологии в исторически престижном Университете Геттингена, но сильная оппозиция — включая организованную средствами массовой информации — может предотвратить проведение их в жизнь. Однако на некоторых кафедрах действительно произошло сокращение профессорско-преподавательского состава. Самые большие потери понес Otto-Suhr-Institut (OSI) в Свободном университете Берлина — в предшествующие десятилетия там был крупнейший в Западной Германии факультет политологии, где работало более 30 профессоров. Поскольку в самом Берлине и рядом с ним существуют пять университетов, а сам этот район страдает от бедности, здесь — под лозунгом увеличения эффективности — было проведено перепрофилирование университетов, в результате чего некоторые предметы в них были объединены, а освободившиеся должности профессоров ликвидированы. Как явствует из обзора Германской ассоциации политической науки, в OSI останется только 12 профессорских

Таблица 2

Профессорско-преподавательский состав кафедр политологии в Германии (1992–2004 гг.)

Год	Профессора	Лекторы		Адъюнкты	Всего
		с докторской степенью	без докторской степени		
1992	309	132	427	970	1 838
1993	308	120	430	929	1 787
1994	325	106	487	1 083	2 001
1995	316	134	487	1 005	1 942
1996	322	130	496	1 018	1 966
1997	303	126	453	718	1 600
1998	284	129	434	713	1 560
1999	318	138	510	650	1 616
2000	289	120	497	585	1 491
2001	301	125	513	687	1 626
2002	305	131	553	661	1 650
2003	342	122	561	764	1 789
2004	347	126	626	866	1 965

Источник: Федеральное бюро статистики (2005 г.).

ставок. Тем не менее вместе с Университетом Konstanz это составит наибольшее в Германии число профессоров политологии. В среднем на факультете работают четыре профессора, что обычно соответствует традиционному делению предмета на политическую теорию, управление, сравнительную политологию и международные отношения.

Многим факультетам политологии во времена, когда в расчет принимается только экономический аспект университетского образования, удается выжить потому, что там готовят преподавателей. «Sozialkunde» — термин, который точнее всего можно перевести как «основы гражданственности», — является предметом, которому обучают в школах всех уровней, и учителя по этому предмету требуются во многих немецких землях. За исключением Баден-Вюртемберга, где до сих пор учителей готовят шесть специализированных педагогических учебных заведений, педагогика и дидактика преподаются в университетах и есть лишь несколько кафедр, где преподавание политологии школьным учителям не составляет осно-

вы педагогической нагрузки. Действительно, с точки зрения приема студентов эта задача настолько масштабна, что ее решение помогало дисциплине во многих университетах стать действительно необходимой.

2.2. *Студенты, система дипломов, правила приема и экзамены*

Постепенный рост численности студентов, изучающих политическую науку, имел место уже в 1980-х годах. Он утроился за период с 1980 по 1992 г. (см.: Klingemann, 1996: 87–102) — последний год, за который имеются статистические данные (только по Западной Германии). Таким образом, представляется, что умеренный рост на 10% в следующем году объясняется включением университетов земель Восточной Германии, где кафедры политологии стали совершенно новым явлением, поскольку раньше в ГДР преподавали только марксизм-ленинизм. Соответственно показатели стали расти медленнее, а в 1999 г. даже слегка снизились. Более значительный рост снова произошел в период 2001–2003 гг. В настоящее время в немецких университетах и политехнических институтах политическую науку изучают немногим более 29 000 студентов, 40% которых составляют женщины. Кроме того, почти 3000 студентов, готовящихся стать школьными учителями, зарегистрированы на программы основ гражданственности (*Sozialkunde, Gemeinschaftskunde*).

Для правильной интерпретации показателей необходимо иметь в виду, что в этой статистике не делается различия между разными уровнями образования. Они варьируются, включая преподавание политологии как вспомогательного или гуманитарного предмета, такого как экономика или свободные искусства (*liberal arts*), подготовка учителей основ гражданственности, «магистров» (где политологические дисциплины охватывают как минимум половину пятилетнего курса обучения), специалистов (также пятилетний курс обучения, в котором основную роль играет политическая наука, в него включены и незначительные разделы других предметов). Более того, с тех пор как начался Болонский процесс, количество студентов, записавшихся на обучение, дающее степени бакалавра и магистра, постоянно возрастает. Если объединить всех студентов немецких университетов и политехнических институтов, в 2004 г. 6,1% из них обучались на звание бакалавра и 1,8% — магистра. Если взять только вновь поступивших, 12,4% выбрали уровень бакалавра и 1,6% — магистра. Соответствующие показатели по вновь поступившим студентам на политологию: в 2004 г. из 4681 студента политологических факультетов первого курса 20,3% учились на бакалавра и 1,5% — на магистра.

Можно предположить, что через несколько лет степени «специалист» и «магистр» в политической науке постепенно исчезнут. На большей части факультетов было принято решение прекратить прием на обучение по

Таблица 3

Студенты политологи в Германии, 1992–2004 гг.
(без учета подготовки учителей)

Год	Общая численность	Мужчины	%	Женщины	%
1992	20 249	12 571	62	7 678	38
1993	21 857	13 691	63	8 166	37
1994	22 308	13 993	63	8 315	37
1995	22 350	14 015	63	8 335	37
1996	22 762	14 292	63	8 470	37
1997	24 102	14 947	62	9 155	38
1998	24 829	15 281	61	9 548	39
1999	23 977	14 757	62	9 220	38
2000	24 420	14 958	61	9 462	39
2001	25 853	15 678	60	10 175	40
2002	28 266	16 976	60	11 290	40
2003	30 247	18 245	60	12 002	40
2004	28 766	17 277	60	11 489	40
2005	29 080	17 534	60	11 546	40

Источник: Федеральное бюро статистики (2006 г.).

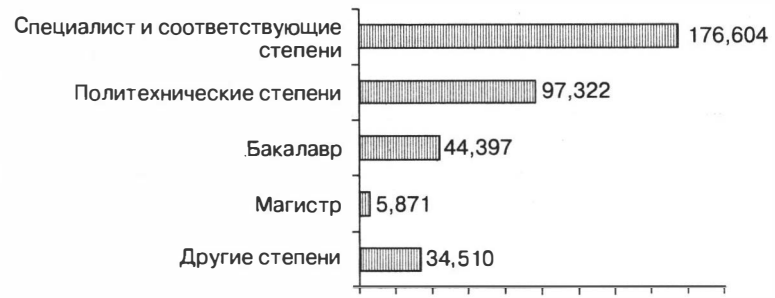

Рис. 1. Студенты-первокурсники в немецких университетах и политехнических институтах, 2004 г.

Источник: Федеральное бюро статистики (2006 г.).

старым типам дипломов специалистов одновременно с введением новых дипломов бакалавров и магистров. Таким образом, старые и новые типы дипломов будут сосуществовать в течение пяти или шести лет, пока старые не отойдут в прошлое. В Приложении отражена ситуация в отношении возможности получения дипломов в 2005 г. Тем не менее такое положение постоянно меняется, по мере того как все больше и больше университетов приспосабливаются к Болонскому процессу.

Трудной проблемой является включение подготовки учителей в структуру бакалавр/магистр. Многое в этом плане пока не устоялось. Особенно остро стоит вопрос о том, надо ли изучать научные предметы на этапе подготовки бакалавра или необходимые знания в области педагогики и дидактики следует преподавать на уровне подготовки магистров педагогики. Альтернативным решением могло бы стать сочетание двух таких подходов, обеспечивающее студентам педагогическую подготовку с самого начала, чтобы дать им возможность легче определить, подходят ли они для такой профессии.

До настоящего времени аспирантам в немецких университетах предоставлялась большая свобода. Хорошо это было или плохо, но их контролировали только их «Doktorvater» или «Doktormutter». Специальных курсов не существовало; максимум, что ожидалось от поступающих в аспирантуру, было участие в коллоквиумах, где они представляли свои бакалаврские или магистерские исследовательские проекты. Это была очень индивидуальная форма обучения, которая вела к докторской степени либо по философии (Dr. phil.), либо по политической науке (Dr. rer. pol.), либо по общественным наукам (Dr. rer. soc.). Еще до начала проведения реформ в рамках Болонского процесса предпринимались попытки придать подготовке аспирантов более определенную структуру (Graduiertenkollegs). Поскольку введение таких программ требовало дополнительных расходов и вследствие этого было сопряжено с длительными процедурами, не многие факультеты подавали заявки на Graduiertenkollegs. Однако в последние годы было предпринято больше усилий для организации специализированной аспирантской подготовки. Отчасти это вызвано конкуренцией между университетами, включая их стремление привлечь зарубежных студентов, хотя этот процесс еще находится в самом начале пути.

В отличие от многих других стран в Германии не взимается плата за обучение в университетах. Плата за обучение отсутствует, следует платить только символические взносы на административные расходы за регистрацию, медицинское страхование и так называемые семестровые карточки, включая такие расходы, как пользование общественным транспортом. Постоянный дефицит финансирования университетов руководством федеральных земель и опасения проиграть в конкурентной борьбе за студентов из Европы и других стран мира в последние годы привели к ожесточенным дебатам о введении платы за обучение. Нечего и говорить, что большинство студентов и их представителей выступают против таких мер. Кроме того, бывшее федеральное правительство, коалиция социал-демократов и «зеленых», а также их министр науки и образования выступили против введения платы за обучение, указав, что такая мера носит социально дискриминационный характер. *Bundesverfassungsgericht* (высший конституционный суд) тем не менее вынес постановление о том, что федеральное правительство не имеет полномочий запретить землям взимать со студентов такую плату. В результате они все в большей степени склоняются к принятию решения о ее введении.

Учитывая тот факт, что почти все немецкие университеты являются государственными, неудивительно, что политика приема студентов не проводится ими в индивидуальном порядке. KMK обычно соглашался с действующими в 16 землях правилами, в соответствии с которыми определялась численность принимаемых студентов. На этой базе министерства рассчитывали максимальную численность студентов для тех учебных заведений, где спрос превосходил возможности профессорско-преподавательского состава и другие возможности соответствующих факультетов. Это и была так называемая *numerus clauses* — процентная норма набора. Что касается оценок средней школы, отсев абитуриентов производился на базе проходного балла. Заявления принимались в соответствии с определенным установленным пределом. Поступление на факультеты политологии во многих землях ограничено процентной нормой набора, поскольку желающих обычно бывает очень много, — это часто означает, что поступают только отличники или очень сильные выпускники средних школ. Вместе с тем все в большем числе федеральных земель принимаются законодательные поправки, в соответствии с которыми университетам предоставляется право самим выбирать условия набора студентов. В соответствии с применяемой ныне практикой университеты либо продолжают ориентироваться на школьные оценки (иногда там требуются особенно высокие баллы по определенным предметам), либо проводят персональные собеседования или вступительные экзамены. Учитывая весьма ограниченные возможности профессорско-преподавательского состава практически на всех факультетах политологии, представляется маловероятным, что многие из них пойдут по последнему пути набора студентов, если только университеты не предоставят им как минимум административную помощь для такого способа приема абитуриентов. Неопределенность существующего ныне положения со структурами научных степеней пока недостаточно отражена в статистике успешных экзаменов по политической науке.

13-6054

Таблица 4

Успешные экзамены по политической науке в Германии, 1993–2004 гг.

Год	Всего	Специалисты и магистры	Аспиранты	Основы гражданственности (подготовка учителей)	Бакалавры	Магистр
1993	1 346	1 159	152	35	—	—
1994	1 431	1 224	181	26	—	—
1995	1 506	1 292	188	26	—	—
1996	1 775	1 404	192	179	—	—
1997	2 069	1 513	215	341	—	—
1998	1 844	1 427	194	223	—	—
1999	1 928	1 515	252	161	—	—
2000	1 723	1 336	262	122	2	1
2001	1 681	1 308	268	97	4	4
2002	1 764	1 463	207	85	7	2
2003	2 185	1 895	217	60	4	9
2004	2 131	1 832	185	73	3	38

Источник: Федеральное бюро статистики (2005 г.).

За последние два года число зарегистрированных успешно сданных экзаменов по дисциплине превысило 2000 — такое количество раньше было достигнуто только один раз (в 1997 г.). Учитывая тот факт, что на педагогических отделениях политологии обучается почти 3000 студентов, число сданных по этой специализации экзаменов совсем невелико. Можно предположить, что в ближайшие годы оно увеличится и достигнет уровня, имевшего место ранее. За последние десятилетия в этой области наблюдались удивительные тенденции, которые можно объяснить неточными прогнозами спроса и зачастую ошибочной политикой, проводившейся правительствами земель в отношении найма на работу учителей. Что касается того факта, что в табл. 4 так мало успешных студентов, обучающихся на бакалавра и магистра, в этом ничего странного нет. Лишь теперь большинство университетов начинают вводить новые программы, поэтому пока рассчитывать на большое количество выпускников нельзя.

2.3. Области обучения

В учебных программах по политической науке пока трудно определить изменения, сопровождающие Болонский процесс. Как уже отмечалось выше, если учебная программа подготовки специалистов по политической науке была достаточно формализована и в разных учебных заведениях различий в ней почти не отмечалось[10], то программы подготовки бакалавров, содержащие политологические предметы, крайне разнообразны. Политическая наука является составляющей многочисленных комбинаций, где конкретная часть дисциплины обычно отражает область специализации работающего на кафедре профессора (профессоров). На тех кафедрах, которые предлагают программы подготовки бакалавров политической науки (с 90 и более кредитами по специализации), включены классические комплексы предметов, т.е., политическая теория и политическая мысль или философия, немецкое правительство, сравнительная политология, международные отношения, а также политическая экономия, политическая социология и политологические исследования, либо эти комплексы предметов сочетаются там в соответствии с заново разработанными тематическими программами лекций и семинаров по модульной системе. Поскольку этот процесс находится на разных стадиях планирования и воплощения в жизнь, составить систематический обзор новых учебных программ не представляется возможным. Тем не менее даже при самом общем взгляде на проблему можно сказать, что особых расхождений с рекомендациями DVPW (Немецкой ассоциации политических наук), выпущенными в мае 2003 г., здесь не наблюдается. Основная учебная программа включает в себя перечисленные ниже предметы.

Основные области обучения политической науки

1. Политическая теория:
   - основные категории политической науки;
   - классические авторы по политической теории;
   - современная политическая теория.
2. Методы:
   - гносеология;
   - качественные и количественные (включая статистику);
   - сравнительные.
3. Внутренняя политика и политическая система Германии:
   - институты;
   - политическое поведение, участие и представительство;
   - политический курс;
   - политика в многоуровневых системах/Германия и Европейский союз.

4. Политические системы в сравнении:
   - институты;
   - политические процессы;
   - политический курс;
   - европейская внутренняя политика.
5. Внешняя политика и международные отношения:
   - основные концепции и теории международных отношений;
   - внешняя политика;
   - международные политические институты и процессы;
   - безопасность, оборона, мир и исследование конфликтов.

Попытки достичь такой же степени детализации программы политической науки, какая существует на европейском уровне (и особенно попытки сделать ее обязательной), пока успехом не увенчались. Скоро начнется систематический сбор данных по программам, целями которого являются получение более точной информации о положении дел в этой области и возможности продолжения развития специализированных учебных программ по дисциплине. Именно к этому стремится недавно созданная Европейская сеть политической науки (epsNet).

Также можно добавить, что в Германии те факультеты, которые традиционно предлагают (предлагали) дипломы специалистов, — как свидетельство того, что дисциплина воспринимается скорее как «наука», чем как «искусство», — включали в учебные программы более или менее полные курсы по методологии и статистике. Беглый обзор доступных материалов по существующим и планируемым заново курсам бакалавра свидетельствует о том, что эта традиция продолжается. Действительно, следует изучить ее более предметно, после того как все или большинство кафедр перейдут к новой системе преподавания. Представляется, что требование в большей степени принимать во внимание элементы обучения, связанные с последующей трудовой деятельностью, привело к усилению внимания к преподаванию методологии и статистики. По крайней мере в принципе это соответствовало бы данным рабочей группой DVPW рекомендациям по эмпирическим методам в политической науке[11]. Так, например, эта группа предложила резервировать 15 кредитов на преподавание курсов методов и статистики и еще пять — на исследовательские практикумы по политологии.

2.4. Исследования

Цель, провозглашаемая немецкими университетами, состоит в том, чтобы рассматривать обучение и исследования как две оборотные стороны одной медали. Однако на практике исследования и обучение общественным наукам (так же, как и большинству других дисциплин)

обычно являются не сопряженными действиями, а разными задачами, которыми преподаватели должны заниматься в разное время, и их темы часто различны. Становится все труднее изыскивать средства на индивидуальные исследования, поскольку число претендентов возросло, а соответствующие статьи бюджетных расходов не увеличились. Хотя имеет место определенная диверсификация финансирования исследований в области общественных наук, пока что эта задача в основном возложена на *Deutsche Forschungsgemeinschaft* (Немецкий исследовательский фонд, DFG), который получает средства от федерального правительства и правительств немецких земель, и *Stiftung Volkswagenwerk*, куда за средствами на проведение исследовательских проектов в области политической науки могут обращаться университеты.

Помимо индивидуальной исследовательской работы, к которой стремятся практически все представители профессорско-преподавательского состава, и в дополнение к исследовательским институтам, созданным наиболее крупными кафедрами, большой вклад в университетские исследования вносят так называемые *Sonderforschungsbereiche* (SFB). Это подразделения междисциплинарных долгосрочных исследовательских программ, в рамках которых объединяются ученые одного или нескольких университетов, сотрудничающие в работе над проведением совместных проектов. Они также финансируются DFG. В настоящее время политологи серьезно вовлечены в следующие SFB: *Общественное развитие после структурных сдвигов; Перерыв постепенности, традиции, формирование структур* (Йена/Галле); *Институциональность и историчность* (Дрезден) и *Трансформации государства* (Бремен)[12].

Впечатление об общей картине политологических исследований в немецких университетах можно составить на основании приведенного ниже краткого обзора (табл. 5), созданного на базе обзора, проведенного Немецкой ассоциацией политических наук на факультетах политологии в 2004 г.[13]

В дополнение к университетским исследованиям, которые часто организованы по так называемой системе «An-Instituten», т.е. организационных подразделений, не являющихся частью университетских структур, но работающих под их эгидой, существует несколько независимых исследовательских институтов. Крупнейшими из них являются *Wissenschaftzentrum Berlin für Sozialforschung* (WZB), где некоторые отделы работают главным образом над проектами в области политической науки; *Stiftung Wissenschaft und Politik*, также имеющие базу в Берлине; и *Max-Planck-Institut für Desellschaftsforschung* в Кельне. Другие связаны с внешней политикой и проблемами безопасности, например, *Hessische Stiftung für Friedens- und Konfliktforschung* во Франкфурте-на-Майне и

Forschunginstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik в Берлине. Представляется, что перенесение в Берлин столицы Германии не только привело к централизации исследовательских институтов этого города, но и послужило стимулом для создания небольших частных организаций, которые стали центрами, где формируется новый дискурс, позволяющий по-новому обсуждать специальные политологические темы.

Таблица 5

Краткий обзор: исследовательский профиль факультетов политической науки в Германии (2004 г.)

Университет	Исследовательский профиль
Аахен	Сравнительное управление (Западная Европа и Северная Америка); теория демократии и государства; политическое принятие решений на основе межнационального сотрудничества в Европе; проблема отношения к национал-социализму в немецком обществе и политике; безопасность и исследование конфликтов.
Бамберг	Выборы и общественное мнение; политические элиты; европейская интеграция; теория рационального выбора; Sonderforschungsbereich (SFB) «Открытие и закрытие рынков»; Центр европейских исследований в Бамберге.
Свободный университет Берлина	Основы и истоки политики; внутренняя политика и сравнение систем; внешняя политика и страноведческие исследования; экономический анализ политических систем и эмпирический анализ политики; правый экстремизм; профсоюзы.
Гумбольдтовский университет в Берлине	Сравнительные исследования демократии; сравнительный анализ культуры и общественных институтов; работа, семья и социальная политика; социальное неравенство; политика в области урбанизации и интеграции.
Билефельд	Мировое сообщество; глобальное правление; политические коммуникации; социальная политика; социологическая теория.
Бонн	Европейские партийные системы; европейская интеграция; проблемы современной демократии; сравнительное правление.
Брауншвейг	Мир и исследования конфликтов; проблемы Север—Юг; международная политическая экономия; правление; политические исследования (промышленность, технология, регионы); проект союза Нижней Саксонии по исследованиям мира и конфликтов.

Продолжение табл. 5

Университет	Исследовательский профиль
Hochschule в Бремене	Исследовательский центр миграции, гражданства и развития (COMCAD); двойное гражданство в Европе, демократия и контроль миграции (часть SFB 597: «Трансформация государства»).
Международный университет Бремена	Два проекта SFB 597: «Трансформации государства».
Университет Бремена	SFB: «Трансформация государства»; Центр социальной политики; Институт межкультурных и международных исследований (INIIS); Центр Жана Моне по европейским исследованиям.
Хемниц	Экстремизм и тоталитаризм; сравнительная демократия и диктатура; наука и политика в ГДР; оппозиция в ГДР; германо-германские отношения; эмиграция и обратная миграция в академической среде после 1945 г.; внешняя политика Франции, Великобритании и Германии; немецкая кадровая политика в международных организациях.
Дармштадт	Эффективное и легитимное правление в многоуровневых системах.
Дрезден	SFB 537: «Институциональность и историчность»; сравнительное управление; парламентаризм; конституционная и демократическая теория; история политической мысли и политической культуры в США; либерализм; трансатлантические отношения; европейская интеграция.
Дуйсбург—Эссен (Дуйсбург)	Рейнско-Рурский институт социальных исследований и политического консалтинга (RISP); Институт развития и исследований мира (INEF).
Дюссельдорф	Исследовательские подразделения: Северный Рейн-Вестфалия в Европе; партийные исследования; коррупция; политика европейской безопасности; политические системы в Восточной Европе.
Эйхштат (католический университет)	Отношения между государством и церковью в Европе (сравнительные исследования); теория демократии; верховные суды.
Гессен	Эмпирические социальные исследования; гендерные исследования; политические исследования (средства массовой информации, экономическая и социальная политика); Восточная Европа; проекты SFB 434: «Erinnerungskulturen (культуры памяти)».

Продолжение табл. 5

Университет	Исследовательский профиль
Геттинген	Центр европейских и североамериканских исследований; Институт региональных исследований; партийные исследования; исламские исследования.
Галле-Виттенберг (Галле)	SFB 580: «Социальное развитие после структурных изменений. Перерыв постепенности, традиционные структурные формации»; парламентаризм; утопизм и современность; исследования подготовки учителей (основы гражданственности).
Ганновер	Исследования политического курса (публичная политика, социальная политика); политический анализ социальных структур; европейские исследования; гендерные исследования; проблема национал-социализма в немецком обществе и политике.
Гейдельберг	Выборы — сравнение разных стран; Европейское сообщество; сравнение разных ролей и функций государства.
Йена	SFB 580: «Социальное развитие после структурных сдвигов. Перерыв постепенности, традиции, становление структур»; политическая культура Тюрингии.
Киль	Институт политики безопасности; европейская политика; внешняя политика США; трансформация постсоциалистических государств; парламентаризм.
Кобленц-Ландау (Ландау)	Политические коммуникации; политическая социология; европейская политика; трансформация; исследования в области развития (Африка).
Лейпциг	Проект по SFB 417: «Изменение регионального восприятия»; история политической науки в Лейпциге; теория государства; культура и право; международные нормы; индийско-немецкий совместный проект.
Люнебург	Центр демократии; парламентаризм; политика в области зашиты окружающей среды.
Магдебург	Права человека; европейские исследования; федерализм; партийные исследования; исследования проблем мира и конфликтов; Организация Объединенных Наций.
Майнц	Выборы и партийные исследования; сравнительное изучение политических установок и поведения; правый экстремизм; развитие западных демократий и консолидация демократий в Центральной и Восточной Европе; местная и региональная политика; немецко-американские отношения; европейская политика безопасности; миграция; гносеология и методология.

Продолжение табл. 5

Университет	Исследовательский профиль
Мангейм	Mannheimer Zentrum für europäische Sozialforschung (MZES): Мангеймский центр европейских исследований, крупнейший в Германии университетский исследовательский институт по общественным наукам, в штате которого в настоящее время работают 40 исследователей. Его исследовательская программа включает европейскую интеграцию; теории международных отношений; политику безопасности; исследования Север—Юг; международную политику в области зашиты окружающей среды; эффективное и демократическое правление в европейских многоуровневых системах; европеизацию национальных политических систем; демократические институты; законодательство; коалиции; устройство национальных государств в посткоммунистической Европе; политическое поведение и участие; эмпирические демократические теории; сравнительные социальные исследования; профсоюзы. Два крупных проекта — Network of Excellence (CONNEX) по «Эффективному и демократическому правлению в многоуровневой Европе» и SFB 504: «Концепции рационализма, поведения в процессе принятия решений и экономическое моделирование» (электоральные системы и возможности коалиций в качестве стимулятора стратегического голосования).
Марбург	Трансформация демократий; Европейское сообщество; политическое участие и прямая демократия; гендерные исследования; уголовная юстиция в нацистской Германии и процессы над военными преступниками.
Технический университет, Мюнхен	Два проекта SFB 536: «Рефлексивная модернизация» (глобализация и национальное государство, воздействие глобализации на разработку национальной политики); динамика и препятствия на пути правления в Европе; лоббизм.
Университет LM в Мюнхене	Центр прикладной политологии (CAP): архив Eric Voegelin; европейская политика; третий мир; философия и этика; политическая экология.
Ольденбург	Центр Ханны Арендт; исследовательское подразделение Carl von Ossietzky/Kurt Tucholsky/Gotthold Ephraim Lessing; исследовательское подразделение устойчивого социального развития (IFSN); европейская интеграция и политическое образование; немецкие эмигранты в США; эмпирические исследования демократии; миграция и межкультурные отношения; кино и политика в ГДР; исследования по педагогическому образованию.

Продолжение табл. 5

Университет	Исследовательский профиль
Оснабрюк	Европейские исследования; сравнительные исследования политических систем.
Пассау	Партии; группы интересов; парламентаризм; европейская интеграция; конституциональные суды; сравнительный анализ политических систем; политика и Интернет.
Потсдам	Публичная политика; управление в сфере услуг; демократия; гражданское общество; анализ политического курса; политические институты.
Регенсбург	Трансатлантические отношения; современный республиканизм; внутренняя и экономическая политика в США; трансформация постсоциалистических государств; гражданское общество в Центральной и Восточной Европе; contractualism; парламентаризм; группы интересов.
Росток	Плюрализм; коллективная самобытность; политический символизм; изменение ценностей; трансформация религиозных верований; Мекленбург-Померания как европейский регион; консоциативная демократия; экономическая экспансия и политическая интеграция; латиноамериканская политика; глобализация и политика безопасности США.
Зиген	Центр планирования и развития социальных услуг; Центр европейских региональных исследований; планирование и развитие средств массовой информации.
Шпайер	Исследовательский центр публичного администрирования; европейская интеграция; воздействие национального законодательства; конституционное строительство в Европейском союзе.
Штутгарт	Эмпирические социальные исследования и политическая социология; выборы и политические установки; местная политика; демократическая теория; методология.
Трир	Глобализация и национальное государство; глобализация и гражданское общество; немецкая и японская внешняя политика; неформальная политика в сравнении; европейская политика во Франции; европейская конституция; китайская политическая система; новая демократическая теория.
Тюбинген	Сравнительная политология (Ближний и Средний Восток, Латинская Америка, Европа); международные отношения.

Окончание табл. 5

Университет	Исследовательский профиль
Фехта	Европейская интеграция; политическая теория.
Вуппсрталь	Европейская политика; управление; политическая теория; политологическая дидактика.
Вюрцбург	Европейская интеграция; европейская политика в кросс-национальном сравнении; французская политика; политика в области защиты окружающей среды; федерализм и децентрализация; трансатлантические отношения.

2.5. Профессиональная коммуникация

Журналы. Крупнейшими периодическими изданиями дисциплины являются журналы Немецкой ассоциации политических наук под названиями *Politische Vierteljahresschrift* (PVS) и *Zeitschrift für Parlamentsfragen* (ZParl). Первый из них представляет собой форум для авторов всех направлений политической науки для публикации результатов их исследований, в то время как ZParl дает такую возможность в области парламентской деятельности в самом широком смысле. Он связан с парламентами и отдельными аспектами их деятельности в Германии, а также в других странах, и соответственно с партиями и выборами, вопросами правления, федерализмом, представительством и другими связанными с этим проблемами. В этом издании публикуются статьи главным образом по таким областям, как сравнительное управление, конституционное право и политическая социология. Как PVS, так и ZParl представляют собой реферативные журналы, оба они выходят примерно на 800 страницах четыре раза в год. Более широкое распространение имеет ZParl, тираж которого составляет чуть меньше 2000 экз., за ним следует PVS с тиражом 1500 экз. Менее широко распространяется *Zeitschrift für Politikwissenschaft* (Zpol), в котором помимо статей об исследованиях вниманию читателя предлагается неоценимая информация библиографического характера в среднем по 2000 монографии, ежегодно публикуемым по всем подразделам дисциплины. Несколько других журналов носят специализированный характер, например, такие как *Zeitschrift für Politik* (ZfP), где публикуются в основном статьи по политической мысли и теории, или *Zeitschrift für Internationale Beziehungen* (ZIB), внимание которого сосредоточено на международных отношениях и внешней политике.

Ассоциации. Почти через два года после создания Федеративной Республики Германии была основана *Deutsche Vereinigung für Politische*

Wissenschaft, Немецкая ассоциация политических наук (DVPW). Зародившись в 1951 г., когда в нее входило около 40 членов, она быстро росла по мере развития дисциплины. Тридцать лет спустя DVPW насчитывала немногим менее 900 политологов, в основном работавших в университетах. В 1983 г. в ее рядах произошел раскол, вызванный отставкой тогдашнего президента. Видимо, этому послужил целый ряд обстоятельств (см.: Hartwich, 2003: 35–45), которые в итоге привели к образованию второй ассоциации — *Deutsche Gesellschaft für Politikwissenschaft* (DGfP). После нескольких лет достаточно жесткого противостояния раскол был преодолен, и теперь отношения между ними развиваются нормально. Тем не менее с точки зрения организационной независимости его последствия продолжают сохраняться до сих пор. В настоящее время многие политологи состоят в двух организациях; на ежегодных съездах DGfP присутствуют официальные представители DVPW, обычно включая президента, и наоборот. Когда требуется предпринять совместные действия, в частности при назначении рецензентов для оценки работ политологов *Deutsche Forschungsgemeinschaft*, обе ассоциации выступают совместно. Таким образом, сегодня это скорее стало эксцентричной традицией, чем необходимостью, обусловленной непреодолимыми различиями самого факта существования в стране двух ассоциаций политических наук.

За истекшие 20 лет DVPW привлекла в свои ряды растущее число политологов. В 2005 г. число ее членов впервые превысило 1500 человек. Количество членов DGfP примерно в 7 раз меньше. Менее крупная ассоциация проводитежегодные конференции. DVPW организует встречи каждые три года на большом съезде, который длится одну неделю. Помимо лекций, пленарных и секционных заседаний проводятся встречи рабочих групп DVPW.

Немецкие политологи также очень активны в международных организациях политической науки. Десять лет назад Клингеманн насчитал 21 факультет, состоявший в Европейском консорциуме политических исследований (ECPR), крупнейшей общеевропейской ассоциации политических наук. К январю 2006 г. это число увеличилось до 32. С 2003 по 2006 г. президентом ECPR был представитель Германии. Так же обстоит дело и в Международной ассоциации политических наук (IPSA). По мере развития Болонского процесса все большее внимание уделяется преподаванию дисциплины. Это стимулировало усилия по организации epsNet — ассоциации, основанной на индивидуальном членстве, уделяющей основное внимание проблемам, касающимся качества обучения политической науке и ее сопоставимости в Европе. Ее первым президентом также был представитель Германии. Время покажет, как будут сосуществовать дальше эти организации с разными интересами и

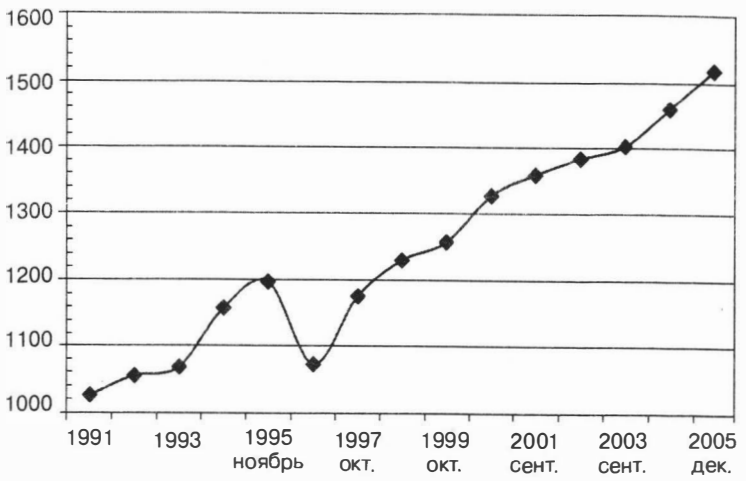

Рис. 2. Членство в Немецкой ассоциации политических наук (DVPW), 1991–2005 гг.

Источник: Deutsche Vereinigung für Politische Wissenschaft, Secretariat (2006).

структурами. Представляется, что сложившаяся ситуация является убедительной причиной для создания такой европейской ассоциации политических наук, которая могла бы стать форумом, представляющим все аспекты дисциплины, и предложить доступное индивидуальное членство политологам всех европейских стран. Это, несомненно, увеличило бы репрезентативность политической науки в Европе в области высшего образования и исследований.

3. Будущее политической науки в Германии

В предыдущие годы перспективы политологов получить работу были гораздо лучше, чем можно было бы предположить, опираясь на здравый смысл. Хотя мы не располагаем полными данными, проведенные отдельными университетами исследования показывают, что около трех четвертей выпускников кафедр политологии находят работу, соответствующую их академической подготовке, в течение года. Уровень безработицы политологов ниже, чем выпускников юридических факультетов или отделений бизнес-администрации.

Учитывая это обстоятельство и неизменно высокое число поступающих в университеты студентов, эта дисциплина занимает достаточно прочное положение в университетской жизни Германии. Пока трудно сказать, будет ли эта положительная тенденция развиваться и дальше.

Многое зависит от того, как новые дипломы бакалавров и магистров будут котироваться на рынке труда. Тем не менее представляется, что обстоятельство, которое часто считалось основным недостатком диплома политолога, а именно отсутствие четкой профессиональной ориентации, обернулось ее преимуществом: выпускников обычно готовят как «специалистов широкого профиля». Поэтому при поисках работы они проявляют большую гибкость и сообразительность, поскольку владеют знанием процедур, навыками общения и необходимой информацией. Если такую стратегию можно будет продолжить, улучшить и систематизировать в рамках Болонского процесса и если к тому же можно будет сохранить диверсификацию и качество исследований в рамках дисциплины, несмотря на сложное финансовое положение немецких университетов, будущее политической науки совсем не выглядит мрачным.

Приложение

Политическая наука в высших учебных заведениях, 2005 г.

Университет или высшее учебное заведение	Специалист	Магистр	Основы гражданственности (подготовка учителей)	BA	MA
Аахен	x*	x	x		
Аугсбург x	x*	x			
Бамберг x	(x)	x	x	x	
Берлин, Свободный университет	x		x	x	x
Берлин, Гумбольдтовский университет		(x)*		x	x
Берлин, Технический университет		(x)	x		
Берлин, FHVRP (политехнический)	x				x
Билефельд			x	x	x
Бохум	x	(x)	x	x	x
Бонн	x*	x	x	x	
Брауншвейг		x	x	x	
Бремен, Hochschule (политехнический)				x	x

Продолжение

Университет или высшее учебное заведение	Специалист	Магистр	Основы гражданственности (подготовка учителей)	BA	MA
Бремен, IUB				x	x
Бремен, университет	x		x	x	x
Хемниц	x		x	x	
Дармштадт		x*	x	x	x
Дрезден	x*	x	x	x	
Дуйсбург-Эссен, кампус Дуйсбург	x*	(x)	x		
Дюссельдорф		(x)		x	x
Эйхштат-Ингольштадт		x	x	x	x
Эрфурт		x	x	x	
Эрлангенх*	x*	x			
Эсслинген, FH (политехнический)				x	x
Франкфурт-на-Майне	x	x	x		
Франкфурт (Одер)				x[1]	x
Фрайбург		x	x	x	x
Гессен x*	x	x			
Геттинген		x*	x*		
Грайфсвальд		x		x	x
Хаген	x*		x	x	
Галле-Виттенберг	x*	x*	x		x
Гамбург, университет	x	x	x	x	x
Гамбург, Bundeswehruniv.	x	(x)			
Ганновер	x*	x*	x	x	
Гейдельберг		x*	x		x
Йена	x	x		x[2]	
Кассель		x	x	x	

Продолжение

Университет или высшее учебное заведение	Специалист	Магистр	Основы гражданственности (подготовка учителей)	BA	MA
Кобленц-Ландау		x	x		
Кельн	x***	x	x		
Констанц	x[3]*	x*	x	x	x
Лейпциг	x*	x*	x*	x	x
Люнебург			x	x	x
Магдебург		x	x	x	x
Майнц	x	x			
Мангеймx	x*	x	x	x**	
Марбургx	x*	x	x	x	
Мюнхен, Kath. St. FH					x
Мюнхен, университет		x	x		x
Мюнстер	x	x	x	x	x
Ольденбург		x*	x	x	
Оснабрюк		x	x	x	x
Падерборн				x	
Пассау			x	x	
Потсдамx	x	x		x	
Регенсбург		x	x	x	x
Росток	x	x	x	x	
Зиген	x*	x	x***	x***	
Шпайер, Verwaltungshochschule		x[4]			
Штутгарт		x*	x	x	
Трир	x	x			
Тюбинген		x	x	x	x
Фехта	x		x***	x***	
Вупперталь		(x)	x	x	
Вюрцбург		x*	x		

Окончание

Университет или высшее учебное заведение	Специалист	Магистр	Основы гражданственности (подготовка учителей)	BA	MA
Педагогические колледжи:					
Фрайбург			x		
Гейдельберг			x		
Карлсруэ			x		
Людвигсбург			x		
Швабиш-Гмюнд			x		
Вайнгартен			x		

Примечания: BA — степень бакалавра искусств; MA — степень магистра искусств; (x) — только вспомогательные предметы; * — в скором времени заканчивается, дальнейшая регистрация не проводится; ** — скоро будет предложен; *** — основное внимание к социальным исследованиям; x[1] — только исследования в области культуры; x[2] — только для иностранных студентов; x[3] — диплом государственной администрации; x[4] — курс повышенного типа по государственной администрации.

Источник: Deutsche Vereinigung für Politische Wissenschaft, секретариат и собственные исследования через Интернет.

Примечания

[1] Тем не менее следует отметить, что этот вопрос вызывает все больший интерес. В 1994 г. в качестве рабочей группы *Deutsche Vereinigung für Politische Wissenschaft* (DVPW) было основано *«Geschichte der Politikwissenschaft und der Politischen Theorie»*. О результатах этой работы см., например: Bleek, Lietzmann (1996, 1999).

[2] См.: Klingemann (1996: 87–102); p. 87, здесь следует за Bracher (1965: 452).

[3] Такой подход оспаривает Jürgen Hartmann (2003: 17 и далее). Он считает, что политическая наука возникла как академическая дисциплина в Соединенных Штатах в конце XIX в., и утверждает, что современная политическая наука неразрывно связана с зарождением современной бюрократии и современного государства.

[4] Bleek (2001: 44). О более ранних ссылках на обучение политической науке в средние века см. также: Maier (1957: 260–270) и Hennis (1963).

[5] О развитии *Staatswissenschaften* в одном из главных центров Просвещения и Реформации в основанном в 1694 г. Университете Галле см. Rüdiger (2005).

[6] Список см.: Bleek (2001: 109 и далее).

[7] Об этом будет сказано подробнее далее — в разделе об образовании.

[8] Использованы данные Федерального бюро статистики.

[9] В соответствии с данными Федерального бюро статистики, подсчитывается только численность преподавателей. Поэтому вполне вероятно, что эти цифры скрывают значительные годовые отклонения в отношении статуса занятости, т.е. преподавателей, работающих по временным договорам, или сотрудников, работающих над проектами.

14-6054

[10] Подробнее об описании этих старых степеней см.: Klingemann (1996: 89).

[11] Рабочая группа создала три проекта учебных программ по обучению методам на курсах политической науки, подробнее см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.dvpw.de/dummy/fileadmin/docs/methoden2.doc.

[12] Подробнее см. приведенный далее краткий обзор и [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.dfg.de.

[13] Собранная информация не является полной, поскольку на вопросы ответили не все респонденты или ответы были не по существу. Информация по двум университетам в Берлине основана на исследовании, проведенном в Интернете.

Литература

Bleek, Wilhelm (2001): *Geschichte der Pilitikwissenschaft in Deutschland*, München: Beck.

Bleek, Wilhelm, Hans Lietzmann (eds.) (1996): *Politikwissenschaft. Geschichte und Entwicklung*, München: Oldenbourg.

Bleek, Wilhelm, Hans Lietzmann (eds.) (1999): *Schulen der deutschen Politikwissenschaft*, Opladen: Leske + Budrich.

Bracher, Karl Dietrich (1965): "Wissenschafts- und zeitgeschichliche Probleme der politischen Wissenschaft in Deutschland", *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozial psychologie* 17: 447–464.

Hartmann, Jürgen (2003): *Geschichte der Politikwissenschaft*, Opladen: Leske + Budrich.

Hartwich, Hans-Hermann (2003): "Die DVPW in Jahren der Krise und der Erneurung 1983 bis 1988" // Jürgen W. Falter, Felix W. Wurm (eds.): *Politikwissenschaft in der Bundesrepublik Deutschland. 50 Jahre DVPW*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften: 35–45.

Hennis, Wilhelm (1963): *Politik und praktische Philosophie. Eine Studie zur Rekonstruktion der politischen Wissenschaft*, Neuwied; Berlin: Luchterhand.

Klingemann, Hans-Dieter (1996): "Political Science in Germany" // Jean-Louis Quermonne (ed.): *Political Science in Europe: Education, Co-operation, Prospects. Report on the State of the Discipline in Europe*, Paris: Sciences Po: 87–102.

Maier, Hans (1957): "Politikwissenschaft" // Ernst Fraehkel, Karl-Dieter Bracher (eds.): Fischer-Lexikon Staat und Politik, Frankfurt a. M.: Fischer Bücherei: 260–270.

Mohr, Arno (1995): "Politikwissenschaft als Universitätsdisziplin in Deutschland" // Arno Mohr (ed.): *Grundzüge Politikwissenschaft*, München; Wien: Oldenbourg: 1–63.

Müller, Rainer A. (1990): *Geschichte der Universität. Von der mittelalterlichen Universität zur deutschen Hochschule*, München: Nikol Verlag.

Nickel, Erich (2004): *Politik und Politikwissenschaft in der Weimar Republic*, Berlin: Rotschild.

Reinalds, Bob, Ewa Kulesza (2005): *The Bologna Process — Harmonizing Europe's Higher Education. Including the Essential Original Texts*, Opladen; Bloomfield Hills, MI: Barbara Budrich Publishers.

Rüdiger, Axel (2005): Die Staatswissenschaft an der Universität Halle im 18 Jahrhundert, Tübingen: Niemeyer.

Георгис Контогеоргис

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ГРЕЦИИ

1. Введение

Недавнее возникновение политической науки в современном мире подтверждает тот факт, что научный подход к явлениям политической жизни непосредственно зависит от того места, которое политическая практика занимает в данное время в общественной жизни. В европейских обществах трансформация политики как феномена от *частного* (*феодальное общество*) до публичного *дела* сама по себе не стала достаточным условием для процесса развития политической науки. Политика продолжала отождествляться с концепцией государственной власти, воплощенной в политической системе. Социальный организм ограничен ролью простой легитимации деятельности политических деятелей. Для того чтобы достичь такого положения, при котором политика как явление постепенно стала бы трактоваться как предмет самостоятельной науки, было необходимо покончить с традиционным пониманием социального пространства за счет существенного расширения сферы политики в сторону общества. На общество продолжали смотреть как на частное пространство, не имеющее непосредственного представительного значения для политики. Расширение политической сферы политики может быть связано, с одной стороны, с глубокими сдвигами, произошедшими в системе массовых коммуникаций[1] в конце XX столетия, в результате которых были созданы условия для более активного участия социального организма в политическом процессе, а с другой стороны, с соответствующей социальной эмансипацией индивидуума.

В этом плане Греция является своего рода образцовой лабораторией благодаря своей уникальности, поскольку относится к обществу с глубокими традициями политического развития, восходящими к эпохе непосредственной демократии и экуменического устройства антропоцентрической космосистемы. Именно такой была политическая реальность греческого общества в доэтноцентрический период, иначе говоря, до XIX столетия.

2. Исторические основы политической науки

2.1. От экуменической до этноцентрической космосистемы[2]

Возможно, до сих пор обращали недостаточно внимания на то обстоятельство, что политическая мысль и, может быть, политическая наука являются продуктом не человеческих обществ в целом, а антропоцентрического общества. Действительно, политические идеи существуют и в деспотических обществах, в частности на той стадии, когда они организуются в форму государственного деспотизма; тем не менее в таких обществах нет ни политической мысли, ни политической философии, ни политической науки.

Вместе с тем в рамках антропоцентрической космосистемы политическая мысль развивается параллельно с происходящими в составляющих ее обществах изменениями. На начальной стадии развития антропоцентрических обществ политическая мысль сама составляет предмет политической науки, сосредоточиваясь на действиях государства, исключительно воплощающего в себе политическую систему и политику. На интегрированной антропоцентрической фазе общество вбирает в себя политический процесс и трансформируется в политическую систему. Государство, лишенное политической системы, трансформируется в обычного поставщика услуг политически организованного общества.

Политическая мысль и политическая наука зародились в эллинистическом мире именно потому, что там впервые возникли антропоцентрические общества.

В крито-микенский период в эллинистических обществах уже была установлена антропоцентрическая космосистема, основанная на *«корыстолюбивой» экономике*[3] и городе-полисе. С тех пор — в гораздо большей степени, чем это было присуще эллинистическим обществам, — политика как явление составляла основную характеристику *феодальной космосистемы* на протяжении всей истории, вплоть до наступления современной этноцентрической эпохи.

Эллинистическая политическая мысль в этом плане является чрезвычайно дифференцированной, что полностью соответствует типологическому спектру развития эллинистической космосистемы. На ранних этапах политика как понятие изначально определялась как «сила» или «власть», при которой простое (политическое) право (например, во время додемократического периода) процветало как социальная или коллективная автономия, позволяющая личности проходить через стадию политической или, точнее говоря, всеобщей (индивидуальной, социальной и политической) свободы. Политика как область осуществления всеобщей свободы возникла после появления политического общества[4] и демократической системы в условиях города.

Помимо этого заслуга эллинистической политической мысли состоит в том, что политическая движущая сила эллинистической космосистемы, иначе говоря, *город*, так же как и так называемая *прямая демократия*, которую он обслуживает, выходит далеко за рамки классического периода и его рабовладельческой системы. Они составляли основополагающие неизменные параметры обществ на экуменической стадии их развития вплоть до XIX в.

Интеллектуальный подход к явлениям политической жизни сопровождал политическую практику на протяжении периода существования эллинистической космосистемы даже в ее «темные» периоды: в начале римского деспотизма (II в. до н.э. — I в. н.э.), во время становления христианства в Византии (VII–VIII вв.) и особенно в начале периода османской деспотии (XV–XVII вв.). В принципе такое положение сохранялось, поскольку антропоцентрические основания эллинистической космосистемы (особенно «корыстолюбивая» экономика и автономный город) оставались незыблемыми, деспотическая логика центральной власти или переориентация интеллектуальных интересов (в период развития христианской доктрины) в основном оказывали влияние на самобытность политической мысли, но не на политическую практику или философские соображения относительно политики.

Великим поворотным пунктом возрождения эллинистического гуманизма стала победа иконолатрии в Византии (VIII–IX вв.)[5]. Политическая философия, а в более широком смысле подход к политическим явлениям вновь стал динамично развиваться, вышел на первый план и превратился в привилегированную область интеллектуального интереса. Это стимулировало изучение сути проблемы в публичном университете[6] Константинополя, а также в школах или интеллектуальных кругах, откуда рекрутировались функционеры государства и общества. К числу великих ученых того периода относились не специалисты в области теории права, судьи и адвокаты, теологи или философы, как в первый византийский период, и не только преимущественно теологи, как в средние века. Это были в основном политические мыслители и специалисты в области политической жизни. Photius, Michael Psellos, Plethon Gemistos, Vissarion, Anne Comini и многие другие являются подлинными представителями данного движения. В этой связи стоит также упомянуть политический аспект права (например, Constantin Armenopoulos, XV в.).

Массовый исход представителей эллинистического гуманизма в Европу в XV в. постепенно вносил свой вклад в переход к интеллектуальным принципам, присущим антропоцентрической космосистеме. Тем не менее господство Османской империи лишало эллинистическую

космосистему жизненно важного пространства для развития самобытной политической мысли на протяжении более ста лет. В этот первый период господства Османской империи самая значительная часть эллинистических мыслителей в основном продолжала оставаться на территории «другой» Византии, т.е. в городах Италии[7]. Тем не менее многочисленные переводы классических текстов, включая политические работы, продолжавшиеся в эллинистических областях сразу же после завоевания, свидетельствуют о том, что на деле в эллинистических обществах повсеместно сохранялся интерес к политической практике. Интерес к ней продолжал питать интеллектуальную любознательность и тягу к изучению политических проблем[8].

В городских центрах на протяжении XVII в. получило развитие новое движение, достигшее своего апогея в XVIII и XIX вв. На жизненно важном пространстве эллинистической космосистемы вновь стали развиваться самобытные интеллектуальные концепции, сопоставимые с теми, которые появлялись в крупнейших странах Европы. Впечатляющее количество политологических работ было опубликовано именно тогда, когда в крупных школах греческих городов преподаванию политической философии, идей и политических явлений стало уделяться значительное внимание.

С идеологической, социальной и политической точек зрения греческие мыслители того периода были достаточно сильно вовлечены в *экуменическую и космополитическую орбиту эллинистической космосистемы*. Глубокая взаимосвязь греческой интеллектуальной элиты и мыслителей «антропоцентрически возрожденной» Европы не привела к переходу первой на проэкуменические позиции концепции национального государства. Исходным пунктом и основой ее логики является система независимого города — в смысле политии, определяющей, создающей и четко выражающей политику как явление — и *космополиса*.

Чрезвычайно важно отметить, что до XIX в. эллинистические общества имели статус города, иначе говоря, города-государства и его политий классического периода, когда они приспосабливались к экуменической стадии эллинистической космосистемы. Действительно, когда европейский мир размышлял над феноменом нового (свободного) человека и над тем, как этого можно достичь, эллинистический мир жил в условиях города в режиме свободы, которая все в большей степени охватывала индивидуальную, социальную (в плане трудовой деятельности) и политическую области человеческой жизни.

Политика, далекая от толкования простого (додемократического) права, на деле является составным элементом всеобщей автономии, суть которой заключается в политической свободе социального организма.

Политическое пространство шире публичного пространства, общих и всеобщих интересов. *Суверенная политическая власть*, которую она использует для своей легитимации в «общественном договоре», приходит в противоречие с *автономией* социального организма, т.е. его *политическим самоуправлением*. Поэтому общество города не определяется как частное общество. Оно включает в себя основной политический параметр политии — демос. Вот почему в городах, где политика организована на основании непосредственной представительной власти, система классифицируется как додемократическая. В рамках демократической политии агент представительной власти ограничен краткосрочными функциями (его избирают на шесть месяцев или год), он находится под непосредственным и постоянным контролем общественного организма, его можно свободно отозвать, и его функции обязательно носят коллективный характер. Принцип большинства применяется к собранию (экклесии) социального организма, т.е. политически суверенного демоса, а не к представителям, к решениям которых применяется принцип единогласия.

Основная проблема эллинистической политической мысли и правящего класса Османской империи состояла в смене уровня центральной системы «азиатского» типа османской власти на эллинистическую космополитию в ее экуменической среде[9]. Типичным примером в этом плане являлся проект «эллинистической демократии» Rigas Feraios (1757–1798 гг.).

После великой революции 1821 г. развитие греческой политической мысли прошло через тяжелые испытания, которые, если взглянуть на проблему с другой стороны, представляли собой самое серьезное изменение, выпавшее на долю эллинизма и его космосистемы. Рождение *неогреческого государства*, задыхавшегося в своих границах на окраине эллинистической космосистемы и эллинистических обществ, сопровождалось рядом мер, призванных обеспечить неоспоримый, даже институциональный контроль со стороны великих держав над государством и вместе с тем над обществом в целом. Переход от глубоко демократичной и «республиканской» политической системы, введенной в начале революции, к баварской абсолютной монархии (1832–1843 гг.), навязанной Священным союзом, привел к кардинальной смене типа государства, которое можно смело назвать этноцентрическим. Эллинистическому обществу пришлось развиваться в условиях политической системы постфеодальных обществ, природа которых не соответствовала их постгосударствоцентрической или экуменической ориентации.

По сравнению с европейскими обществами греческое общество является единственным с таким типом перехода к нации-государству (см.:

Contogeorgis, 1995: 88–102). В Западной Европе именно государство формирует нацию, тем самым обеспечивая развитие по пути раннего антропоцентрического общества. При выходе из стадии феодального развития политический проект неизбежно сосредотачивается на индивидуальной свободе и правовой базе, которая ее обеспечивает и защищает. Поэтому содержание политики сводится лишь к операционным функциям. Социальные и политические свободы применительно к социальному организму вообще не принимаются в расчет. В случае эллинистического общества государство, напротив, создается нацией. Иначе говоря, во-первых, именно она трансформируется из «национальной космосистемы» в «национальное государство», и, во-вторых, она в своем новом обличии легитимирует развитие основополагающего достижения эллинистической системы — экуменического характера экономики или партнерских отношений между трудом и капиталом и главным образом обеспечивает политическую свободу общества, чтобы приспособиться к протоантропоцентрической политической системе, к которой теперь относится новое государство.

Случай эллинистического общества объясняет ряд «отклонений» в развитии политической системы, которая в конечном итоге включает их в себя, несмотря на противоположные взгляды, и играет роль своего рода предтечи по отношению к европейскому «праву». Так, всеобщее избирательное право (в смысле права, а не политической свободы) было введено с самого начала революции (Конституционное собрание Epidarus, декабрь 1821 г. — январь 1822 г.), т.е. немного раньше, чем в Великобритании, где в 1832 г. это право распространялось лишь на 7% электората[10]. В качестве другого примера можно назвать создание стратифицированной системы политических партий сразу же после введения парламентарного режима со слабой республиканской центральной властью, в отличие от *классовых или идеологических партий* и *общественных движений*, которые до настоящего времени господствуют в мире[11]. В этом плане можно привести и многие другие примеры.

Жизнь на стадии, предшествующей доэтноцентрическому прошлому «непосредственной» демократии полиса, объясняет глубокую политизацию греческого общества, которая свидетельствует о политическом индивидуализме, но ни в коем случае не о массовом поведении или приверженности к политической власти. К оценке политического поведения греческого гражданина следует подходить, имея в виду тот объем времени, которое он ежедневно уделяет политике, а не с позиций его пристрастия к посредническим силам. Гражданин относится к политику как к лицу, наделенному определенными полномочиями, а не как к личности. Высокая степень его политизации не дает политическим силам брать

на себя роль «освободителей» и «защитников» или отождествлять их с идеологическими течениями (такими как государствоцентрический социализм или либерализм), относящимися к протоантропоцентрическому периоду. Исключительно высокая степень политизации (т.е. политическая эмансипация) общественного организма[12] одновременно объясняет полное отсутствие в современном греческом обществе явлений, ограничивающих сферу политической деятельности, таких как культ личности или тоталитаризм. Современное греческое государство располагает парламентской и партийной системами с самой долгой историей развития при наличии всеобщего избирательного права и — что является самым главным — с самой широкой областью политики[13].

2.2. Период национального государства

Переход эллинистических обществ от системы экуменических городов к территориальному государству, определяющему себя через понятие этноса, радикально изменил социально-политическую среду и направление развития политической мысли в Греции. Концепция политического феномена, приспособленного к конкретным особенностям новой системы, стремилась подогнать к своим потребностям и соответствующую терминологию. Поэтому теперь политика стала рассматриваться не как функция специфической природы государства (как явления), а в соответствии с его структурным проявлением (как власть или сила), осуществляющимся в рамках национального государства. Само качество гражданина определяется его национальным происхождением или его принадлежностью к государству. Это предполагает, что политической детерминантой являются нация и государство, а не народ и политическая система. Политический курс государства (например, внешняя политика) является отражением национальных устремлений, или политикой; межгосударственная система определяется как международная система; *общие интересы* теперь становятся эквивалентом *национальных интересов*.

В свою очередь политическая система, определяемая и даже отождествляемая с государством — обслуживающая «национальные интересы» и «публичную сферу», — теперь должна была регулироваться *публичным правом*. Политические науки становятся науками о государстве. Работы по политической науке, в которых описывались более ранние политические системы (эпохи экуменических городов) или новое эллинистическое государство, назывались так, как будто они посвящены публичному праву. История эллинизма и его космосистемы теперь переписывалась с позиций этноцентризма. Критерием эллинистической преемственности стали считаться уже не ее антропоцентрические и

культурные истоки, а расовое происхождение. История эллинистической космосистемы сузилась до истории Греции.

Такой подход соответствовал требованием этого периода[14] и особенно потребности неоэллинистического национального государства оправдать не только возврат к антропоцентризму, навязанный эллинистическому обществу, но и его неспособность достичь политической интеграции. Тем не менее при таком подходе искажаются все аспекты эллинистического прошлого и — что более важно — современная общественная наука лишается несметных сокровищ знания (в частности, о социальных и политических системах антропоцентрического типа). Общественная наука продолжает игнорировать этот факт и по сей день и в связи с этим даже не включает его в число стоящих перед ней проблем.

Несмотря на это, вскоре после образования современного греческого государства, в 1829 г., первый президент Эллинистической республики и бывший министр иностранных дел России Иоаннис Каподистриас предложил создать *Высшую школу политических наук*, в задачи которой входила бы подготовка дипломатов, чиновников, судей и законодателей. Однако от этой идеи, изначально принадлежавшей Александру Стурцасу, который был в то время членом российского Государственного совета, пришлось отказаться после убийства Каподистриаса и установления абсолютной монархии.

Вновь к этому проекту вернулся премьер-министр Харилаос Трикупис (1832–1896 гг.), но и тогда он не увенчался успехом, поскольку правительство утратило большинство в парламенте. Таким образом, за исключением в основном истории, фольклора и лингвистики, развитие которых не прерывалось, общественные науки и, в частности, политическая наука были представлены только правом, в котором господствующее положение занимали конституционное и административное право. Публичное право внесло неоценимый вклад в положение монархии и партийной системы: во-первых, в создание и легитимизацию институционального и идеологического арсенала нового государства и, во-вторых, в стремление полностью подорвать основы и сопротивление предыдущей космосистемы (т.е. автономных городов и их демократического режима). Более того, глубокие последствия несоответствия политической системы государства (которая сохранила для общества статус частного партнера) и высокого политического развития граждан (которые должны вести себя как доверители) в основном нашли свое отражение в некоторых чертах греческой политической культуры: встреч граждан с политиками в условиях политического индивидуализма, «мультиколлектива», а не классовой структуры партийной системы,

постоянной неспособности публичной сферы к разграничению и приспособлению к динамике политического развития, формирующего общественный организм, легитимации политического класса в условиях непрерывно продолжающихся споров[15]. Такая тенденция сохранялась и даже усиливалась[16], особенно в период между двумя войнами и позже, вплоть до настоящего времени.

Период, начавшийся во второй половине XIX века, характеризуется очевидной неудачей национального государства в деле создания на территории Османской империи жизненного пространства эллинизма в соответствии с его экономическими, социальными, культурными и политическими характеристиками. Эта неудача тяжело сказалась на политической жизни страны, особенно в 1860-е годы, в связи с развитием на Балканах славянского национализма. Этот национализм оспаривал не только греческую монополию на наследство рушившейся Османской империи, но и претензию греческого общества на то, чтобы принять участие в его разделе. Важным поворотным пунктом в этом отношении явилась неспособность греческой политической элиты настоять на применении Севрского соглашения (1922 г.) в Малой Азии и восточной Фракии. Поражение Греции, которое привело к массовому исходу почти всего греческого населения из веками насиженных мест, практически поставило точку в вопросе о национальной интеграции, а также о существовании последних оплотов системы городов (1922 г.).

Либеральная реформа, проведение которой в 1909 г. начало правительственное большинство E. Venizelos, наряду с другими вопросами привела к разработке закона о создании *Высшей школы политических наук* и подаче его в 1911 г. в парламент, хотя он не был принят. Тем временем внешнеполитические проблемы и яростное вмешательство трона в политическую жизнь страны[17] привели к серьезным последствиям для процесса внутренних преобразований, которые продолжают ощущаться и в настоящее время.

Такое развитие событий на политической арене усилило уже проявившую себя в XIX в. тенденцию, которая нашла отражение в многочисленных работах, посвященных политической теории и исследованию греческой политической жизни. Их отличительными чертами было то, что авторы выступали за развитие интенсивных социально-политических действий[18]. В начале XX в. это движение усилилось и приобрело достаточно большое политическое значение, его цель состояла в противостоянии социально-политической и интеллектуальной жизни страны.

В 1916 г. было создано *Общество социальных и политических наук*, которое на протяжении многих лет издавало научный журнал «Архивы экономических и общественных наук», организовывало лекции и дру-

гие мероприятия. В этом обществе представляли свои работы многие ведущие представители общественной мысли, в частности в области политической науки. Среди них был Evangelos Limbesis, который в числе других работ в 1929 г. представил «Обзор общественного мнения», а в 1931 г. — «Проблему капиталистического накопления в аграрной экономике». В 1925 г. директор «Архивов» Dimitri Kalitsounakis опубликовал свою «Политическую науку».

Это общее движение в конце концов привело к разработке в 1927 г. проекта создания *Высшей школы политических наук*, которая должна было развивать исследования и преподавание политических явлений, политических институтов и государства[19]. С самого начала школа, которая после 1930 г. присоединилась к проекту другого сторонника этой идеи Александроса Пантоса и названа в его честь[20], была разделена на два отделения: а) *политической науки и истории* и б) *экономики и социологии*. Специально подчеркивалось, что «обучение в школе существенно отличается от университетского образования. Хотя ее курс содержит те же предметы, которые содержатся в программах высших учебных заведений, ее миссия иная... в соответствии с современными концепциями педагогической системы, рекомендованными политическими и общественными науками». Таким образом, программа *Школы Panteios* порывала с традицией юридической науки и вместе с тем подходила к явлениям политической жизни с междисциплинарных позиций, которые в настоящее время принято называть *политической социологией*. В 1925 г. был издан закон об основании *Университета Фессалоники*, где в рамках Юридической школы и факультета экономических наук были открыты две кафедры: а) *права* и б) *экономических и политических наук*. Немного позже, в 1930 г., *Юридическая школа Афинского университета* ввела на четвертом курсе программу специализации, курс обучения по которой давал право на получение диплома по *политическим и экономическим наукам*. К середине 1930-х годов в том же университете была открыта кафедра социологии, где в основном велось преподавание истории общественно-политической мысли.

В 1937 г. королевская диктатура (1936–1940 гг.), осознающая будирующую роль *Школы политических наук Panteios* в идеологическом «продвижении» общества и подготовке управляющих, превратила ее в государственный университет, сохранив две ее первые кафедры. Такая инициатива особенно интересна в случае с Грецией, поскольку раскрывает реакцию властей предержащих на новаторский академический эксперимент в стране, где по причинам, о которых мы говорили выше, волна фашизма, захлестнувшая Европу, практически не нашла никакой поддержки в обществе, политической жизни и даже среди интеллектуалов.

Именно глубокие политические корни греческого общества и присущая ему демократическая эмансипированность объясняют постоянное недоверие к доктрине суверенности власти. Такая настойчивость, определяющая связь граждан с качествами представителей власти, также привела к тому, что ранее незначительная коммунистическая партия и ее союзники в период оккупации попытались вернуться к системе автономного и самоуправляемого города на свободных территориях (1941–1944 гг.). В 1943 г. в ходе реформы, проведенной в *Высшей школе политических наук Panteios*, были внесены изменения в преподаваемые дисциплины, при этом одна из кафедр сосредоточилась на *политологии*, а другая — на *журналистике*.

В результате гражданской войны (1944–1949 гг.) и последовавшей за ней «холодной войны» Греция почувствовала все недостатки демократии мирового порядка, который ограничивал содержание политических возможностей, тем самым сокращая и область политической науки. В университетах стали бесспорно господствовать право и экономика. В Высшей школе политических наук Panteios преподаватели некоторых факультетов права, экономики и политических наук продолжали развивать изучение государства, политической системы, государственной политики, истории общественных институтов и международных отношений — Николас Пантазопулос (Nicolaos Pantazopoulos), Федон Веглерис (Faedon Vegleris), Георгис Тенекидес (George Tenekides), Фемистоклюс Цацос (Themistocles Tsatsos), Георгис Даскалакис (George Daskalakis) и др. В то время история превращалась в основном во вспомогательную дисциплину филологической программы на соответствующих факультетах. В 1951–1952 гг. настойчиво повторялось, что Школа Panteios как высшее учебное заведение призвана давать отличное от других университетов образование: просвещать молодых людей в отношении политических институтов и политической теории, экономики и иных политических и общественных наук, чтобы помочь им выработать критический подход к явлениям политической и общественной жизни. В то же время несколько предметов из области политических наук и международных отношений продолжали входить в учебную программу с 1948 по 1954 г. В 1952 г. в рамках Школы Panteios действовал Институт общественных наук.

Тем не менее, когда объявили об основании *Института журналистики*, программа которого была рассчитана на три года, подчеркивалось, что «обучение журналистике должно быть жестко ограничено теоретическим и национальным контекстом и любое вмешательство в политические проблемы страны категорически запрещается». Политическая наука как таковая в программу включена не была[21]. Так, в посо-

бия по *политологии, публичному праву (конституционному и административному), государственным финансам, международным отношениям* входил анализ политических явлений и нередко делались попытки охватить предмет политической науки.

Несмотря на это, с самого основания института несколько профессоров конституционного и административного права на регулярной основе контактировали с Международной ассоциацией политических наук (IPSA). В 1955 г. была создана Греческая ассоциация политических наук (HPSA), в которую в основном входили юристы, в частности члены Государственного совета. Численность этой ассоциации была небольшой, можно сказать, что она практически не внесла никакого вклада в развитие политической науки.

Столь неблагоприятная для политической науки атмосфера, все в большей степени определявшаяся международной политической жизнью накануне Второй мировой войны и продолжавшая сохраняться после ее окончания в период «холодной войны», стала постепенно меняться в 1960-е годы.

В учебной программе Высшей школы политических наук Panteios в 1960/61 учебном году политическая наука уже занимала достаточно важное место, и в это же время начинают появляться сравнительные исследования современных политических систем (английской, французской, американской, российской и других), а также вводятся курсы социологии, экономических наук, международные исследования, включая международные отношения. Уже намечается явственная тенденция к возврату в университетах к политической науке *stricto sensu*.

В 1963 г. *Высшая школа политических наук Panteios* снова была реорганизована, причем изменения прежде всего затронули две кафедры: *политической науки* и *публичного администрирования*. На следующий год политическая наука *stricto sensu* была выделена в отдельную кафедру, а также повысилась роль *международных отношений*, институциональная автономия которых была восстановлена. Немного позже, в 1967 г., программа специализации на *юридическом факультете Афинского университета* была выделена в независимое отделение *политической науки и экономики*. В последние два года обучения на этом отделении студентов готовили по двум программам специализации, которые вели к получению двух разных дипломов. Один из них выдавался по *публичному праву* и *политологии*. Результатом такого хода развития событий стало создание кафедры собственно *политической науки* на *юридическом факультете* в середине 1960-х годов и относительно независимое существование международных отношений в учебной программе. Вместе с тем конец 1950-х годов был отмечен двумя событиями в области исследований:

созданием *Королевского (позже Национального) фонда исследований* и *Национального центра общественных наук* — EKKE, 1958 г. *Византийский и новогреческий исследовательский центр*, основанный в 1960 г., и *Центр греческой и римской античности* (1977 г.), поставили ряд масштабных исторических вопросов, имеюших непосредственное отношение к политической науке, таких как история общественных институтов, политической жизни и развития общественной мысли. EKKE должен был заниматься исследованиями современной общественной жизни, включая ее политические аспекты.

Как бы то ни было, после Второй мировой войны подход к *политике как к явлению*, как и к *политической мысли* в Греции продолжал оставаться традиционным, иначе говоря, эта область деятельности, как всегда, оставалась привилегией сильно политизированных представителей интеллигенции и литературных кругов. Ко многим работам предыдущего периода, начало которому в идеологическом и интеллектуальном развитии греческого общества положило поколение 1920-х годов, прибавилась богатая библиография, посвященная политическим явлениям (исследования общественных институтов, политической жизни и политических партий, идей, внешнеполитических и международных отношений или государственной политики).

В начале 1960-х годов в интеллектуальной и политической жизни страны помимо тех политических сил, которые поддерживали проекты модернизации, появилось несколько *политических обществ*. Крупнейшим шагом в развитии политической науки стали публикация в 1961 г. работы Григориса Дафниса (Grigoris Dafnis) *«Греческие политические партии»* и особенно вышедшая в 1965 г. объемная работа Жана Мейно в сотрудничестве с Герассимосом Нотарасом и Панайотисом Метрополосом (Gerassimos Notaras и Panayotis Merlopoulos) *«Политические силы в Греции»*.

Введение диктатуры (1967–1974 гг.) стимулировало ускорение политического развития, отмеченного резким усилением радикализации как политической жизни, так и взглядов образованной части общества. Последствия этой радикализации особенно отчетливо проявились в общественных науках в основном после 1974 г. Наиболее явственным ее признаком стало восстановление в 1975 г. *Греческой ассоциации политических наук* (HPSA)[22]. С самого начала своей деятельности эта ассоциация стала динамичным профессиональным и научным форумом (уже в первый год существования в нее входило почти 200 членов), что составило важную веху в интеллектуальной и политической жизни страны. В период 1975–1981 гг. ее члены организовывали конференции и встречи, принимали активное участие в политической жизни (в част-

ности, по таким вопросам, как модернизация партийной системы и университетская реформа), тем самым внося большой вклад в развитие политической науки. В 1978 г. HPSA опубликовала работу «Общественные и политические силы Греции», что стало важным вкладом в развитие научных дебатов о политической системе страны, а в следующем году был подготовлен первый выпуск журнала «Политологическое ревю», особое внимание в котором уделялось выборам. Вместе с тем HPSA стала членом IPSA и установила активные отношения с другими международными организациями. В тот период статус члена HSPA стремились получить все представители политического сообщества, участвовавшие или регулярно следившие за ее деятельностью.

Университетская реформа 1982 г. открыла перед политологией новые перспективы в институциональном плане. Существовавшие в *Высшей школе политических наук Panteios* и *Национальном Афинском университете* учебные программы политической науки были реорганизованы в рамках новых академических подразделений: кафедр и отделений. Кроме того, на кафедре права *Университета Аристотеля* в *Фессалониках* было создано отделение публичного права и политологии. А EKKE распахнул двери перед политологами и политологическими исследованиями в *точном смысле этого слова.*

Важным событием для развития политической науки и в целом для общественных наук стала реформа 1989 г. Она была задумана и проведена в жизнь руководством *Школы Panteios* исходя из предшествующей деятельности HPSA и была фактически навязана политической власти. В соответствии с ней пять университетских школ, существовавших в Афинах, Пирее и Фессалониках, становились университетами. Четыре из них специализировались в основных областях общественных наук[23]. В этих новых университетах вместо каждой из школ было создано много новых *факультетов* (примерно восемь в каждом из университетов) и *отделений* с собственными учебными программами начиная с первого курса обучения, разработанными с учетом последних достижений науки, а также институтов и университетских исследовательских центров.

В состав *Университета общественных и политических наук Panteion* входят всего *восемь факультетов*, разделенных на *направления* и *отделения* (29) с политологическими предметами (и различными политологическими субдисциплинами) или смежными дисциплинами: *факультеты политологии и международных исследований, городского и регионального развития, социальной политики и антропологии, коммуникаций и средств массовой информации, права, социологии* и *психологии.*

Воздействие этой реформы выходило далеко за рамки политической науки и *Университета Panteion.* Что касается политологии и ее областей, то были открыты новые факультеты и отделения в *университетах Афин, Фессалоник, Македонии, Фракии, Крита, Эгеи* и *Фессалии.* Более того, факультеты общественных наук стали включать курсы по политической науке. Присоединение страны к Европейскому сообществу (1 января 1981 г.) дало новый стимул развитию европейских и международных исследований, в результате чего политическая наука стала занимать там важное место.

Настоящая работа будет неполной, если мы не упомянем о вкладе в развитие общественных наук *частных институтов*, действующих в качестве отделений зарубежных университетов в Греции. Они возникли в 1980-х годах как реакция на острую потребность в развитии университетского образования в Греции в сочетании с системой набора студентов (см. 2.2) и конституционным запретом на открытие частных университетов (религиозных или светских). В настоящее время это стало реальностью, что особенно заметно в области общественных наук.

3. Современное состояние образования и исследований

3.1. Университетское образование: общие замечания

Институты. Высшее образование в Греции можно получить только в государственных высших учебных заведениях[24], которые подразделяются на две категории: *университеты* и *технические институты* (TEI).

В настоящее время в стране насчитывается 19 университетов и 16 TEI. К этому можно добавить ряд зарубежных институтов (по оценкам, их более 25), поддерживаемых частным сектором[25], которые предлагают университетскую программу образования, признаваемую теми университетами, от имени которых они действуют. Выпускники этих учебных заведений, хотя формально их образование не признается государством (они должны зарегистрироваться на соответствующей кафедре греческого университета и получить соответствующее подтверждение их диплома DIKATSA), идут работать в частный сектор экономики. Обычно для продолжения образования их принимают зарубежные университеты. Большинство этих учебных заведений имеют кафедры, или там преподаются курсы политической науки, ее отдельных направлений или связанных с ней дисциплин.

Что касается TEI, они не имеют кафедр политической науки. Тем не менее многие из них предлагают занятия, охватывающие широкий спектр политических знаний — от публичной политики и государственной службы до европейской политики.

И в заключение следует сказать, что целью созданного в 1983 г. *Национального центра публичного администрирования* (NCPA) является мо-

дернизация государственного сектора. В его состав входят четыре основных института: *Национальная школа публичного администрирования, Институт повышения квалификации* (ICE), *Институт начального административного образования* (IIAE) и *Региональный институт повышения квалификации* (RICE). В настоящее время NCPA состоит из следующих основных образовательных подразделений: NSPA, Национальной школы местного самоуправления (NSLS), Института подготовки госслужащих (ITCS) и RICE. NCPA предлагает комплексное обучение, включая программы специализации или повышения квалификации, относящееся по своему характеру к области непосредственно политической науки, ее различных направлений и связанных с ней дисциплин. 33% выпускников NCPA защищают дипломы по политологии.

Цели настоящей работы ограничивают нас, не позволяя подробнее остановиться на последних областях как в государственном, так и в частном секторе. Мы сосредоточим внимание на традиционных учебных заведениях и исследовательских центрах.

Структура университетского образования. Государственные университеты в Греции действуют на основании закона 1982 г., который обеспечивает их автономию по отношению к государству. «Академическая свобода» включает «свободу обмена идеями, свободу преподавания и исследований». Закон запрещает «вторжение государственной власти на территорию университета без приглашения или разрешения университетских властей» (ст. 2, 5). Бюджет университетов зависит исключительно от регулярного субсидирования государства.

Университетские власти избираются всем профессорско-преподавательским составом совместно с определенным числом студентов, которое варьируется в зависимости от конкретных ситуаций (например, при избрании ректоров количество представителей студентов первоначально равнялось численности преподавателей, но в настоящее время оно не превышает 30% членов профессорско-преподавательского состава).

Независимым университетским органом является *ученый совет*, в состав которого входят представители факультетов и студенты. *Факультет* является основным научным подразделением, представляющим ту или иную науку. Он может делиться по *областям специализации* и в большинстве случаев подразделяется на отделения (образовательные и исследовательские центры) в соответствии с научными дисциплинами. Независимым органом, представляющим интересы факультетов, является генеральная ассамблея преподавателей и представителей студентов и аспирантов (соответственно 50 и 15%). Генеральная ассамблея решает все вопросы, связанные с деятельностью факультета, такие как обучение и научная специализация, конкретные цели и учебные программы кафедры.

Обучение студентов разделено на *три цикла*, каждый из которых ведет к получению диплома. *Первый цикл* продолжается по меньшей мере восемь шестимесячных семестров и ведет к получению диплома бакалавра. За ним следует цикл, состоящий из четырех шестимесячных семестров и ведущий к получению *диплома постдипломного образования (магистратура)*. И заключает обучение цикл, *который ведет к получению докторского диплома*[26], продолжающийся по меньшей мере шесть семестров и являющийся продолжением второго цикла. Есть все основания полагать, что Болонский процесс пока не оказал практически никакого влияния на политическую науку в Греции. Если говорить в более общем смысле, хотя Болонский процесс широко обсуждается в университетской системе Греции, его влияние на определение политики в области образования до настоящего времени оставалось весьма незначительным. Сейчас стоит вопрос о том, чтобы в соответствии с Болонским процессом правительство провело законодательную реформу.

Учебные планы включают программы и другую деятельность, предлагаемую факультетами и отделениями. Они состоят из двух циклов, каждый из которых рассчитан на четыре семестра. В соответствии с законом программы носят рекомендательный характер. Каждый студент имеет право приспосабливать их к собственным потребностям и интересам. Вот почему эти программы разделяются на две категории: обязательные курсы, составляющие приблизительно четвертую часть программы, и факультативные. Кроме того, студент может выбирать курсы, предлагаемые другими кафедрами греческих или зарубежных высших учебных заведений, если получит на то согласие своей кафедры. Для получения диплома студент должен прослушать не менее восьми шестимесячных семестров и сдать минимальное количество учебных дисциплин, требуемых его кафедрой. Методы оценки работы студента различны, и в принципе последнее слово здесь остается за преподавателем. Они включают экзамены традиционного типа, проекты, выполненные под контролем научного руководителя, небольшие работы и общую оценку работы студента.

3.2. Политическая наука как университетская дисциплина

Университетские предметы политической науки. (1) В целях систематизации преподавание политической науки в государственных университетах можно разделить на три типа, соответствующих подходам к ним самих кафедр.

- *Факультеты политологии stricto sensu*, которые выдают специальные *дипломы* по политической науке за каждый цикл обучения.

- *Факультеты*, имеющие отношение к различным разделам политологии, или *факультеты* с междисциплинарными учебными программами. Обычно в таких программах политическая наука сочетается с одной или большим количеством связанных с ней дисциплин, к которым в основном относятся право, коммуникации, экономика, социология или история.
- *Отделения политической науки stricto sensu* (которые впоследствии передают соответствующему факультету право на выдачу диплома по политической науке, особенно за второй или третий циклы обучения). Отделения связаны с различными направлениями политической науки или междисциплинарным обучением, в учебную программу которого так или иначе включена политология. И, наконец, *факультеты*, предлагающие учебные модули в области политической науки.

(2) Существует семь кафедр, где ведется преподавание политической науки *stricto sensu*.

- Факультет политологии и истории в Университете Panteion. Этот факультет выдает два специальных диплома: один — по политической науке, другой — по истории. В настоящее время на факультете существует шесть кафедр: *политической теории и теории государства, политической социологии и сравнительного политического анализа, политических систем, греческих и балканских исследований, европейских исследований, новой и новейшей истории*.
- Факульгет политической науки и публичного администрирования в Национальном университете Афин. Он предлагает три цикла специализации: *политического анализа, международных и европейских исследований, административной науки*.
- Факульгет международных и европейских экономических и политических исследований в Университете Македонии. Он выдает два специальных диплома: по *международной и европейской экономике* и по *политологии и дипломатии*. На этой кафедре работают 15 профессоров.
- Факультет политологии в Университете Крита.
- Факультет политологии в Аристотелевском университете Фессалоник.
- Факультет международных и европейских исследований в Университете Panteion.
- Факультет политологии и международных отношений в Университете Пелопоннеса.

(3) Факультеты, которые за счет их предмета или содержания учебных планов могут быть отнесены к числу политологических. Таковыми являются следующие факультеты: публичного администрирования (Университет Panteion); коммуникаций и средств массовой информации (Университет Panteion); городского и регионального развития (Университет Panteion); публичной политики и антропологии (Университет Panteion); коммуникаций и средств массовой информации (Университет Афин); социальной администрации (Университет Фракии); кафедра журналистики и средств массовой информации (Университет Фессалоник); кафедра международных и европейских исследований (Экономический университет Афин); кафедра европейских исследований (Университет Пирея).

(4) *Отделения политической науки stricto sensu*, отделения различных направлений политической науки, отделения междисциплинарного характера, которые тем не менее включают политическую науку, отделения, предлагающие курсы по политической науке.

К этой категории можно отнести большое число факультетов и кафедр (или их отделений), таких как:

- Школа гуманитарных наук (Университет Фессалии); Школа социальных наук (Эгейский университет); Школа социальных наук (Университет Крита);
- факультеты: социологии (Университет Panteion); права (Университет Panteion); психологии (Университет Panteion); методологии, истории и теории науки (Университет Афин); экономических исследований (Университет Афин); права (Университет Фракии); права (Университет Фессалоник); права (Университет Афин); экономики, международных и европейских исследований (Университет Афин); философии, образования и психологии (Университет Иоаннины); философии, образования и психологии (Университет Афин); истории (Ионический университет); истории (Университет Фессалоник); социальной администрации (Университет Пелопоннеса).

Третий цикл. *Постдипломное образование*, как правило, занимает четыре шестимесячных семестра и требует изучения предметов одного или более факультетов. Факультет может организовать несколько циклов постдипломного обучения. Например, *кафедра политологии и публичного администрирования* Афинского университета предлагает три программы постдипломного обучения: *политология и социальная теория, европейская организация и дипломатия* и *государство и национальная политика*. Кафедра политической науки и истории Университета Panteion предла-

гает следующие послеуниверситетские программы: *политическая наука* и *политическая история*.

Общей характеристикой программ образования третьего цикла является то, что они ведут к получению докторской степени. Существует лишь один тип докторской степени, присваиваемый факультетом. Факультет в принципе имеет право одобрить тему диссертации, относящейся к дисциплине, которую она представляет. Это значит, что докторскую диссертацию по политической науке (в прямом смысле этого понятия или одного из ее направлений) можно защищать на политологических факультетах *stricto sensu* (и на факультетах, предлагающих программы по политологии, а таже на междисциплинарных факультетах), кроме того, на факультетах, предлагающих курсы по политической науке (например, в рамках отделения). Кандидаты в доктора отбираются на основе рекомендаций генеральной ассамблеей факультета. Кандидатура представляется соответствующим отделением (кафедрой).

Значительное количество обладателей постуниверситетских дипломов *(Магистр, DEA)* и *докторских степеней* в области политологии получили их в одном или нескольких зарубежных университетах. В их число не входят представители *греческой диаспоры*, поддерживающие институциональные связи с Грецией. Для того чтобы диплом был формально признан в Греции (прежде всего в государственном секторе), необходимо провести экспертизу независимой государственной организации (DIKATSA).

Профессорско-преподавательский состав. Состав преподавателей разделен на четыре уровня: доценты, ассистенты, старшие преподаватели и профессора. Квалификация, необходимая для получения профессорской должности, определяется законом. Ответственность за всю процедуру (от выявления научной квалификации должности до объявления выборов) лежит на факультете. Финансирование преподавательских должностей, обеспечивающееся государством, в принципе осуществляется правительством в сотрудничестве с университетами на три года.

Таблица 1

Факультеты политологии

Учебное заведение	Профессора	Ассистенты
Факультет политологии и истории (Университет Panteion)	32	7
Факультет политической науки и публичного администрирования (Университет Афин)	45	7
Факультет политической науки (Университет Фессалоник)	12	—

Окончание табл. 1

Учебное заведение	Профессора	Ассистенты
Факультет политологии (Университет Крита)	13	—
Факультет политологии и международных отношений (Университет Пелопоннеса)	—	—
Факультет европейских и международных исследований (Университет Panteion)	37	6
Факультет международной и национальной экономики и политологии (Университет Македонии)	15	—
Другие факультеты (смежные дисциплины)	65	—
Всего	219	20

Таблица 2

Профессорско-преподавательский состав отдельных политологических субдисциплин и междисциплинарных факультетов

Учебное заведение	Профессора	Ассистенты
Факультет публичного администрирования (Университет Panteion)	37	13
Факультет коммуникаций и средств массовой информации (Университет Panteion)	20	4
Факультет коммуникаций и средств массовой информации (Университет Афин)	25	3
Факультет журналистики и средств массовой информации (Университет Фессалоник)	17	4
Факультет городского и регионального развития (Университет Panteion)	32	9
Факультет социальной политики и социальной антропологии (Университет Panteion)	22	4
Факультет социальной администрации (Университет Фракии)	12	—
Факультет международных и европейских исследований (Экономический университет Афин)	22	—
Факультет европейских исследований (Университет Пирея)	15	—
Всего	202	37

Корпус научных ассистентов остается незначительным, так как в соответствии с законом 1982 г. эта должность была отменена. Поэтому в данную категорию включается только персонал, занявший эту должность до 1982 г.

Вместо этой должности была введена должность *научного сотрудника*, на которую принимали студентов третьего цикла обучения. Студенты, достигшие высоких академических успехов, получают гранты.

Оценка численности преподавателей политологии связана с теми же трудностями, о которых говорилось выше и которые определяются расхождениями в определении самого явления политики и границ предмета изучения. Поэтому далее мы будем следовать уже определенным критериям классификации политологии, принятым в образовательной сфере.

Студенты. Отбор студентов младших курсов проводится на основе *общегреческих экзаменов* выпускников средней школы. Это является одной из причин того, что значительное количество отсеянных кандидатов идут учиться на частные отделения зарубежных университетов и уезжают за границу. Численность греческих студентов, обучающихся за рубежом, по некоторым оценкам, превышает 65 000 человек, в то время как в филиалах зарубежных университетов в Греции учится около 30 000 студентов. Из тех студентов, которые учатся за границей, 23,4% посещают университетские программы и 76,6% обучаются по постдипломным или докторским программам. Как бы то ни было, греческие студенты, обучающиеся в университетах других стран Европейского сообщества, составляют приблизительно 15% числа студентов, обучающихся в греческих университетах, по сравнению с 1,3% в среднем по Европе.

На деле средняя продолжительность университетского обучения политологии составляет пять лет (восемь шестимесячных семестров плюс диплом). Для окончания университета студент должен сдать экзамен по *иностранному языку*. В каждом университете существуют кафедры *иностранных языков*, куда обязаны записываться все студенты. Однако те студенты, которые могут подтвердить знание хотя бы одного иностранного языка, от этого освобождаются. Действительно, в начальной (*demotic*) и средней (*gymnasium* и *lyceum*) школе *учащиеся обязаны изучать два иностранных языка.* Кроме того, 87% их дополнительно занимаются языком с частными преподавателями. И, наконец, более 67,2% учащихся средних школ заявляют о том, что хорошо владеют вторым иностранным языком. Так, 99,2% учащихся средних школ учат английский язык, 67,6% — французский и 27,3% — немецкий. За ними следуют итальянский и испанский языки. Таким образом, в соответствии со статистическими данными греческие учащиеся занимаются иностранными языками больше учащихся других стран Европейского сообщества.

В заключение следует отметить, что основной характерной чертой университетского обучения политологии в Греции является то, что с самого начала (с первого семестра) учебная программа сосредотачивается на предмете дисциплины. Такая автономия делает положение в этой области в Греции исключительным для Европы, поскольку в большинстве стран политическая наука преподается в качестве не основных курсов или как специализация на последних курсах обучения, особенно в период постдипломного цикла обучения.

Учащиеся третьего цикла (докторский уровень). Оценка численности учащихся третьего цикла по политологии сопряжена с теми же проблемами, о которых упоминалось выше. Тем не менее, учитывая неравенство со смежными дисциплинами и специфику докторской диссертации, мы ограничим обсуждение для создания самой общей картины лишь кафедрами политической науки *stricto sensu.*

На уровне третьего цикла выпускники (DEA, магистр, доктор и все их эквиваленты), получившие степень за рубежом, играют значительную роль в воспроизводстве греческих научных кадров. На каждой кафедре политологии (а также на смежных кафедрах) программы постдипломного образования организованы более чем по одному направлению.

3.3. Исследования в области политологии

Исследования в области политической науки проводятся в:

- национальных исследовательских центрах;
- институтах и университетских исследовательских центрах;
- независимых институтах, фондах и исследовательских центрах.

«Национальные» исследования. Это исследования, проводимые *Национальным исследовательским фондом* (EIE) и *Национальным центром социальных исследований* (EKKE).

EIE охватывает определенные аспекты политики как явления за счет исследований, проводимых в двух центрах (ныне институтах): *Институте византийских исследований* и *Институте новогреческих исследований.*

Более значительную роль политологические исследования играют в EKKE. Он разделен на *три института: социологии города и деревни, политической социологии* и *социальной политики.* В EKKE работают 73 исследователя, все они имеют постдипломные степени (DEA, магистра, доктора), и они разделяются на четыре должностные категории. Шестнадцать из них работают в *Институте политической социологии.*

Политологические исследования в EKKE в настоящее время ориентированы на электоральную социологию и изучение политических кадров. Другие исследовательские проекты связаны с социальным исключением, ксенофобией, восприятием «другого», иммиграцией или

распространением информации в государстве. Около 35% его ресурсов поступают от Европейского союза.

Университетские исследования. Ими занимаются либо непосредственно *факультеты* и *отделения*, либо *институты, лаборатории* и *исследовательские центры*.

Исследования в университетах проводятся членами профессорско-преподавательского состава, а также *внешними специалистами (со стороны)*. Каждый университет располагает бюджетом, выделенным на исследования, а также там существует комитет, который на первом этапе принимает решения по запросам на финансирование.

Большинство институтов и всех *исследовательских центров* в области политической науки и смежных направлений сосредоточено в *Университете общественных и политических наук Panteion*. В частности, это относится к следующим двум *институтам* и *15 исследовательским центрам*: Институт регионального развития (1975 г.); Институт международных отношений (1989 г.); Греческий центр политических исследований (1989 г.); Центр социальной морфологии и социальной политики (1989 г.); Центр социальной теории и прикладных социальных исследований (1991 г.); Центр европейских исследований (1991 г.); Исследовательский центр публичной политики (1989 г.); Центр исследований современного греческого общества (1993 г.); Исследовательский центр экономической политики (1991 г.); Центр аудиовизуальных коммуникаций (1991 г.); Центр журналистики (1991 г.); Центр социальной психологии (1991 г.) и другие.

В *Национальном университете Афин* наряду с девятью лабораториями, имеющих отношение к политической науке есть еще *лаборатория политических коммуникаций*, или *аудиовизуальная лаборатория*. Близок к политической науке и Институт *греческой конституционной истории* и *конституционной науки*. Там же находится *Европейский центр публичного права*.

В *Университете Фессалии* расположена лаборатория политических исследований и опросов общественного мнения.

В *Университете Фракии* действуют лаборатории европейских исследований, конституционного права, сравнительного и европейского трудового законодательства и т.д.

При *Ионическом университете* работают лаборатории европейской истории, наук, связанных с историей, и т.д.

Кроме того, при других университетах также существуют институты и лаборатории, в определенной степени связанные с политикой как явлением.

Независимые институты, лаборатории и исследовательские центры. В эту категорию входят основные независимые исследовательские учреждения (государственные и частные). К их числу относятся: Центр европейского и международного права (Фессалоники); Греческий фонд европейской и международной политики (ELIAMEP) (Афины); Фонд средиземноморских исследований (Афины); Греческий центр европейских исследований (Афины); Фонд исследований Балканского полуострова (Фессалоники); Общество балканских исследований (Фессалоники); Исследовательский центр неогреческого общества (Академия Афин); Греческий центр философских исследований (Академия Афин); Исследовательский центр средневекового и современного эллинизма (Академия Афин); Институт труда (Афины); Фонд государственной экономики и политики им. Д. Карагеоргаса (Афины); Фонд Марагополоса по правам человека (Афины); Греческое общество местного развития и местного самоуправления (Афины); PETA (информация, обучение и местное развитие) (Афины).

Приведенный выше перечень не является полным и не включает *частные институты* (такие как партийные институты и фонды), являющиеся специализированными учреждениями, хотя во многих из них в число приоритетных направлений входит исследование отдельных аспектов политической жизни.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что расширение области политики и развитие новых данных о воздействии на общественное мнение открывают перед политической наукой широкие перспективы изучения и исследований. Первый опрос общественного мнения в Греции был проведен накануне выборов 1946 г. После этого несистематические опросы, сфокусированные на проблематике политического и электорального поведения, продолжали проводить вплоть до 1975 г. С тех пор опросы общественного мнения проводятся в виде *кампаний по опросам общественного мнения*. Эту деятельность, отчасти охватывающую сферу политики, также можно отнести к научной. К числу наиболее важных из них относятся организации: MRB, AGB, ALCO, PRC, MEDIAPLAN, ICAP, GALLUP HELLAS S.A. и KAPPA RESEARCH.

4. Профессиональные ассоциации, научные журналы и издательства

4.1. Профессиональные ассоциации

Греческая ассоциация политических наук (официально основанная в 1955 г.) эффективно действует с 1975 г., она является основной профессиональной и научной организацией политологов. В настоящее время в ней состоит почти 260 членов. Она занимается организацией конференций, встреч, изданием публикаций. HPSA является членом IPSA, epsNet, ECPR и других европейских и международных организаций.

Помимо HPSA существуют другие профессиональные ассоциации смежных дисциплин, такие как: *Ассоциация греческих конституционалистов, Ассоциация греческих социологов, Греческая ассоциация международного права и международных отношений, Греческая психологическая ассоциация, Ассоциация греческих психологов, Греческая университетская ассоциация европейских исследований, Ассоциация греческих экономистов.*

4.2. Политологические журналы, издательства и библиотеки

Политологические журналы (специализированные и общие, в значительной степени охватывающие явления политической жизни): «Греческое политологическое обозрение» (издание HPSA), «Политическая наука» (издание Университета Крита), «Трибуна общественных наук» (Университет Фессалии), «Обозрение по общественным наукам» (публикация EKKE), «Парламентское обозрение», «Новая социология», «Конституция» (обзор конституционного права и политологии), «Демократия и природа», «Административный журнал», «Административная реформа», «Левиафан», «Девкалион», Историка», «Журнал европейских сообществ», «Оборона и дипломатия», «Стратегия», «Балкания» (издание EKEM), «Топос» (журнал городских и региональных исследований), «Топика» (журнал Ассоциации гуманитарных исследований), «Утопия» (журнал политической теории и культуры), «Современные проблемы», «Neusis» (журнал истории и философии науки и техники, издаваемый кафедрой методологии, истории и теории науки, Университет Афин).

Издательства, университетские публикации. Каждый университет за свой счет публикует учебные материалы, необходимые для учебного процесса. Учебные материалы обычно готовятся по каждому курсу. Университетские издания нередко включают научные справочники и другие работы, обычно распространяющиеся некоммерческим путем.

Институты и исследовательские центры, как правило, издают сборники, материалы конференций, исследовательские отчеты и бюллетени.

Университетские публикации издаются и распространяются в основном частными издательствами. Они публикуют университетские учебники, которые распространяются среди студентов. Благодаря этой уникальной системе все студенты получают необходимые пособия по курсам обучения (как правило, одна или две книги на курс), рекомендованные преподавателем и одобренные кафедрой, причем бесплатно. Такая практика отражает решение государства взять на себя расходы по государственному образованию на всех уровнях — от начального до университетского. Таким образом, каждый университет заключает собственные договора с издательствами, которые публикуют или берут на себя издание учебников, рекомендуемых преподавателями для проведения их курсов или семинаров.

Для иллюстрации размаха этой деятельности можно привести в качестве примера Университет Panteion: в 1996 г. общее количество названий (книг и курсовых пособий), распространяемых среди студентов, в среднем составляло 1200; из этих наименований 750 относились к книгам, 580 из которых были написаны греческими авторами, а остальные (170) — к *переводами* зарубежных книг. В 1996 г. с Университетом Panteion заключили договора 112 издателей, 24 из которых распространили *более пяти наименований учебников*, а 17 — от 10 до 50 наименований. В 2004/05 учебном году общее количество распространенных книг осталось на том же уровне. Тем не менее число наименований книг возросло до 830 при соответствующем снижении количества курсовых пособий. В этом плане пример Университета Panteion достаточно типичен для всех университетов Греции.

Следует отметить, что публикация *политологической литературы* занимает важное место в общих публикациях в Греции. Большинство издателей предлагают *сборники работ по политической науке*. Количество *переводов работ по политической науке* занимает одно из первых мест в Европе.

Политологические библиотеки. Университетские библиотеки. Библиотеки, специализирующиеся на литературе по общественным наукам, в частности по политологии, находятся в университетах, институтах и исследовательских центрах. В числе других мы хотели бы упомянуть следующие библиотеки: Университета Panteion, Национального университета Афин, Университета Фессалоник, Университета Крита, Университета Иоаннины, Университета Фессалии, а также библиотеки: EKKE, Национального центра государственной администрации/EIE, ELIAMEP, IPA (Университет Panteion), IDIS (Университет Panteion), Центра европейского и международного права.

«Национальные» и другие библиотеки. Мы лишь упоминаем о них: Национальная библиотека, Библиотека парламента, Библиотека Академии в Афинах, библиотека Ganadeios; несколько библиотек при научных и культурных учреждениях, интерес которых к политической науке возрастает (например, *Библиотека Benakeios*, библиотеки Французского института, Института Гете, Британского совета, Банка Греции).

5. Общественный запрос на политологию

Общественный запрос на политическую науку неочевиден. Присутствие политологии весьма заметно на уровне политической системы, а также в среде *высших государственных чиновников* и в специализированных организациях. Вместе с тем остро стоит вопрос об устройстве выпускников на работу.

Влияние политической науки на политическую систему связано с доминантной ролью политики в Греции. Эта доминантность приняла особенно широкие масштабы после распространения телевидения и *институциональной интеграции* страны в международную систему. Период диктатуры 1936–1941 гг. выявил важнейшую роль, которую играла *Школа политической науки Panteios* в подготовке чиновников государственного сектора и в развитии идей. В период «холодной войны» политическая наука выступала с критикой недостатка демократии на Западе и требованием более широкого развития демократии; где-то в середине 1970-х годов политическая наука Греции была смыта волной «политических перемен».

Принято считать, что политическая наука — и смежные с ней дисциплины — составляют привилегированный форум для развития и обмена идеями, непосредственно связанными с общественной и политической жизнью страны. Этим объясняется воздействие *Греческой ассоциации политических наук* в период 1975–1980 гг., роль Школы Panteios (а позже *Университета Panteion*) или *факультета права и политической науки Национального университета Афин.*

Более того, институты общественных наук поставляют государству руководящих политических и административных чиновников (политических деятелей, руководителей крупных общественных организаций, политических советников). Выпускниками Университета Panteion были президенты Республики, премьер-министры и другие высокопоставленные лица.

Развитие телевидения дало возможность политической науке принимать активное участие в повседневной жизни, продолжая одновременно оказывать традиционное воздействие на граждан через прессу. Кроме того, интеграция страны в международную систему (НАТО, Совет Европы, ОЭСР), а с 1 января 1981 г. и в Европейское сообщество наряду с новым международным порядком, установившимся после краха советского блока, вызвала настоятельную потребность в специалистах по *европейским проблемам*, а также проблемам стран юго-восточной *Европы, бывшего Советского Союза, Ближнего Востока* и в целом по *международным отношениям, стратегическим исследованиям, внешней политике, европейским институтам* и более широким международным проблемам.

Новая роль, которую стало играть государство на национальной и международной арене, поставила вопрос о проведении его реформы. Потребность в специалистах *политических и административных учреждений*, а также в области государственной политики привела к развитию ряда общественно-научных дисциплин, где главным предметом выступает политика как феномен. Показателем этого нового положения вещей стало создание *Национальной школы публичного администрирования.*

Несмотря на такую открытость государства, государственных служащих и представителей частного сектора к политической науке, выпускникам кафедр политической науки все еще трудно устроиться на работу. Наряду с другими проблемами они сталкиваются с иррациональными аспектами государства, от которых политики не хотят отказываться или, в лучшем случае, против которых они не в состоянии выступить. Причем к числу этих выпускников следует добавить тех, кто получил образование за границей, а также в частных учебных заведениях. Помимо этого нельзя закрывать глаза на явление отказа от работы в результате перехода к технологическому веку, которое в свою очередь ставит другой вопрос более общего характера — о переоценке места труда в экономическом процессе[27].

Тем не менее за последние несколько лет потребность в высококвалифицированных политологах возросла в аудиовизуальных средствах *массовой информации, компаниях, проводящих опросы общественного мнения, государственных и частных учебных заведениях*, особенно на *уровне среднего образования*[28], на курсах повышения квалификации, *в исследовательских центрах, в организациях консультативно-исследовательского характера, в области специализированных (государственных и частных) услуг, связанных с европейскими проблемами, в органах местного и регионального самоуправления.* Очевидно, что мы переживаем этап развития, на котором требуются все более разнообразные и разносторонние знания, что свидетельствует о важном поворотном пункте в развитии общества и государства и, конечно, всей страны в целом при новом технологическом порядке. На этом этапе кардинальных перемен все еще приходится сталкиваться с господствующей системой и сопротивлением правящего класса страны, в основном политического и интеллектуального.

6. Европейское и международное сотрудничество

Участие политической науки Греции в международном сотрудничестве развивается успешно. Тем не менее в соответствии с общей тенденцией, характеризующей греческое общество, действия отдельных специалистов на международной арене значительно более активны, чем деятельность организаций, включая Греческую ассоциацию политических наук.

За счет наличия диаспоры и присущей ей мобильности эллинизм играет активную роль в международном процессе производства и распространения знаний в области политологии: Рой Макридис (Roy Macridis), Никос Пуланзас (Nicos Poulanzas), Корнелиус Касториадис (Cornelius Castoriadis) и другие — это лишь несколько наглядных при-

меров, в то время как греческое университетское сообщество, особенно в Соединенных Штатах, входит в число наиболее сильных. Помимо деятельности в тех странах, где они живут, представители этой диаспоры очень часто играют активную роль в греческой научной и интеллектуальной жизни, занимая важное место в проведении исследований, связанных с политической жизнью Греции и историей страны.

Что касается организаций, активно действующих в современном греческом государстве, то они эпизодически участвуют в европейских и международных мероприятиях. HPSA является членом IPSA и поддерживает отношения с несколькими международными ассоциациями. Складывается впечатление, что университетские подразделения (например, факультеты) и исследовательские организации (институты, исследовательские центры) гораздо более активно действуют на международном уровне. Их начинания дают общественным наукам богатые и конструктивные результаты.

Помимо этого Греция принимает участие в работе ряда европейских научных организаций, таких как *Европейский университетский институт Флоренции, Колледж Брюгге* и *Институт публичного администрирования в Маастрихте*. Другим измерением, используемым в качестве средства для развития международного сотрудничества, являются двусторонние соглашения об обмене и исследованиях, которые греческое государство заключает с другими странами.

Электронные адреса основных университетов и исследовательских фондов:

Университет Афин	<http://www.uoa.gr/>.
Экономический университет Афин	<http://www.aueb.gr>.
Университет Panteion	<http://www.panteion.gr/>.
Университет Фессалоник	<http://www.auth.gr/>.
Университет Македонии	<http://www.it.uom.gr/>.
Университет Фракии	<http://www.duth.gr/>.
Университет Крита	<http://www.uch.gr/>.
Университет Иоаннины	<http://feidias.cc.uoi.gr:9030/>.
Эгейский университет	<http://www.aegean.gr/>.
Министерство образования	<http://www.ypepth.gr/>.
Национальный центр документации	<http://www.ekt.org.gr/>.
ELIAMEP	<eliamep@leon.nrcps.ariadne-t.gr>.
IPA	<ipa01@athena.compulink>.

Участие Греции и, в частности, греческой политической науки в европейских программах обмена имеет ряд отличительных характеристик,

о которых стоит упомянуть. В этом плане существует диспропорция, благоприятная для греческих студентов. Этот дисбаланс в основном связан с ограниченным знанием греческого языка в Европе, а также с тем, что греческие студенты хорошо владеют иностранными языками. В действительности эта проблема отчасти компенсируется тем обстоятельством, что приезжающие в Грецию европейские студенты часто совмещают учебу с выполнением части своей исследовательской программы. Что же касается преподавательской мобильности, в этой области поддерживается большая степень сбалансированности.

7. Качественный анализ и отличительные характеристики политической науки в Греции

7.1. Долгий путь перехода к современной эпохе. Сложности гармонизации

Научный подход к политике как явлению греческого мира представляет значительный интерес для понимания сути европейского развития. Это объясняется, с одной стороны, его причастностью к классическому наследию Греции, воздействие которого на протяжении истории оставалось непрерывным и сопровождалось постоянной работой над политическими трудами — вплоть до завершения существования эллинистической космосистемы в XIX веке; с другой стороны — в силу неразрывного переплетения политики с антропоцентрической природой самой политики. Несмотря на это, в последний период существования городов-государств (XV–XIX вв.) их интеллектуальная жизнь сталкивалась со значительными трудностями, обусловленными бурными событиями, которые были вызваны ожесточенными столкновениями с азиатским и европейским деспотизмом и новой этноцентрической динамикой обществ, обусловленной выходом Европы из стадии феодального развития.

Тем не менее потрясение, вызванное оттоманским завоеванием, не смогло воспрепятствовать перестройке эллинизма на собственной основе. Великая университетская Школа «Нации», расположенная в государственном университете Константинополя, стала моделью для создания университетов в Западной Европе. Светская система образования в городах была призвана заполнить вакуум на всей жизненно важной для Греции территории. В последний период оттоманского владычества, вплоть до XIX в., проект эллинистических обществ продолжал фокусироваться на воссоздании *экуменического космополиса*, основу которого составлял город, а не создававшееся национальное государство.

16-6054

Неудача этого проекта и создание маргинального государства национального типа, во-первых, привели к дихотомии между использованием политики как явления, связанного либо с властью и силой, либо с глобальной свободой, и ее тавтологической подменой термином «государство» (в значении власти или просто силы). Возможность применения *концепции политики* к условиям протоантропоцентристского национального государства не покончила с такого рода соперничеством. Она лишь преобразовала объект соперничества, сосредоточенного на вопросе несовместимости современной политической системы с политическим развитием общества и более того — с интерпретацией этого феномена. Вопрос, чья это вина — системы или общества, — и по сей день продолжает терзать политическую мысль Греции.

Большой спрос на политику в интересах общества в контексте национального государства, очевидно, не воспрепятствовал ни отождествлению политической жизни с государством, ни неизбежному подчинению политических наук наукам о национальном государстве (публичному праву, этноцентрической истории и экономике). Так, несмотря на активное участие граждан в политической жизни, общественные науки и нередко реалии официальной политической системы воспринимали почти как самоочевидную весьма относительную доктрину «модернизма». В таких обстоятельствах было естественно связать возврат политической науки в Греции с новыми господствующими взглядами: о том, что, говоря иными словами, ее предмет является тавтологическим эквивалентом государства, а в лучшем случае политической власти.

Тем не менее наследие эллинистического мира в значительной степени ответственно за определенность отношений между обществом и политикой, функциями политической системы, а также политической наукой в Греции.

Современная греческая политология характеризуется высокой степенью автономии областей преподавания и исследований. Один университет (Panteion) целиком занимается политической наукой, четыре других факультета и несколько отделений политической науки, а также ряд факультетов и несколько отделений, связанных с политической наукой, наряду с исследовательскими институтами в целом дают картину неоспоримого превосходства политологии в области общественных наук.

Столь же неоспоримо, что такое положение в Греции все в большей степени находит подтверждение в развитии современного мира. Действительно, в последние годы существенное расширение политической сферы наблюдается главным образом в европейских обществах, как и тенденция к развенчанию государством концепции так называемого публичного пространства. Последнее обстоятельство ставит под вопрос тезис о воплощении политической системы в государстве, а вслед за ним и концепцию, в соответствии с которой политическая власть государства выражает национальные и общие интересы.

Существует вероятность пересмотра такой позиции, что предполагает потребность в четком разграничении между понятием политической системы и понятием государства, и далее — проекта такого государства, которое будет служить, а не воплощать политическую систему. Такое разграничение могло бы создать условия для изменения ролей в рамках политического процесса и, в частности, политических функций социального организма. В этом контексте термин «народ» приобретает политическое измерение, которое заимствует у термина «нация», поскольку оно превращает его из общества отдельных личностей в демос, т.е. в институционального агента политической системы. В действительности политическая интеграция граждан подрывает принцип «одна нация — одно государство — одна политическая система (единая или нет)». Этот принцип исчерпал себя при переходе от деспотической к антропоцентрической космосистеме: одновременно использовался в качестве исходного пункта или легитимирующей основы для существенных политических искажений (национализм, тоталитаризм, политическое принуждение). Утрату этим принципом в наши дни значительной доли своего изначального динамизма следует объяснять именно тем фактом, что он сталкивается с развитием социального организма, стремящегося обрести свободу. Это замечание, очевидно, раскрывает сомнительный характер некоторых гипотез, которые все еще продолжают рассматриваться в качестве основополагающих, таких как *культурное* или *политическое меньшинство*.

Различие между формальной и реальной политической системой, явственно проявившееся в конце XX в., ставит существенно более широкий вопрос, чем проблема культурного или политического плюрализма. В этом плане современная политическая наука исходит из того, что проблема дефицита представительности может быть решена за счет признания за гражданским обществом (*концепция правления*) прерогатив политической власти в рамках соотношения сил. Тем не менее социальный организм ни в коей степени не должен рассматриваться в качестве принудительного и соответственно общественного института в рамках политической системы. В дальнейшем основным станет вопрос о переходе от дилеммы меньшинство или суверенитет к концепции *политической автономии* социального организма, а в более широком смысле — к *многосистемному* устройству государства, что тесно связано с пересмотром основ, определяющих отношения между обществом и политикой.

Для греческого общества такую эволюцию можно интерпретировать как начало конца промежуточного периода, навязанного политической практике и в силу неизбежности с определенного момента эффективно обслуживавшегося политической наукой при последующем приспособлении ее политической системы к этноцентрической системе. Тем не менее такое приспособление расценивалось как отклонение по сравнению с европейским «правилом» за счет того факта, что с самого начала (с первых 20 лет XIX в.) оно было непосредственно связано с введением таких принципов, как всеобщее голосование, система «постклассовых» и соответственно «постидеологических» партий, политическая направленность которых влекла за собой политическое поведение, мотивированное принудительным статусом, наличие широкого политического пространства, распространенного на социальный организм и в минимальной степени сопоставимого с отождествлением «публичного» и государственного.

7.2. Развитие современной политической науки

Что касается состава преподавателей и исследователей в области общественных наук в годы, предшествовавшие завершению «холодной войны», в этом плане было заметно существенное развитие. Оно нашло свое отражение в увеличении численности преподавательских и исследовательских кадров со времени реформы 1982 г., которая и по сей день определяет динамичное развитие университетов. Если вернуться к примеру Университета Panteion, где в 1982 г. работали 36 преподавателей в статусе профессора и был только один факультет с двумя направлениями, то в 1990 г. количество всех четырех типов преподавателей составило уже 178 человек, не считая ассистентов, а число факультетов с многочисленными отделениями возросло до восьми. Сегодня там на десяти кафедрах работают 218 преподавателей. Пример Университета Panteion чрезвычайно показателен для всей греческой университетской системы и греческих исследований.

Средний возраст преподавателей и исследователей существенно снизился. В 1982 г. он составлял почти 60 лет, а в 1996 г. уже достиг в среднем 45 лет, после чего в последние годы снова начал возрастать. Это свидетельствует о том, что общественные и особенно политические науки, несомненно, динамично развиваются. Вместе с тем новое поколение политологов, обладающее высоким научным потенциалом, уже работает в университетах и исследовательских структурах.

Все преподаватели и исследователи владеют по крайней мере одним иностранным языком, а число тех, кто говорит на двух языках, достигает 72%. Следует отметить, что 86% греческих преподавателей и исследователей частично или целиком имеют постдипломное образование (DEA, магистра, доктора философии), полученное в одном или нескольких зарубежных университетах (в основном в Европе и Америке). Перед возвращением в Грецию многие из них работали преподавателями или исследователями в зарубежных организациях и поддерживают тесные научные связи (преподавательские или исследовательские) с зарубежными учреждениями. Университетские правила в определенной степени поощряют международную мобильность. Каждый преподаватель имеет право на шестимесячный научный отпуск раз в три года (или на год через каждые шесть лет), а если кто-то выбирает исследовательскую деятельность в зарубежном университете, его зарплата увеличивается почти вдвое.

В греческой политологии наметилась тенденция к формированию междисциплинарных или отраслевых «сетей». Это свидетельствует о наличии достаточного потенциала для развития специализации, отвечающей требованиям общества. Говоря о «сетях», мы относим к ним *электоральную социологию* и *социологию общественного мнения, политическую жизнь, средства массовой информации, сравнительную политологию, политическую теорию, политические институты, государственную политику, политические силы (политические партии, группы интересов, общественные движения), политическую культуру, публичную администрацию, местное и региональное самоуправление, международные отношения, методологию и гносеологию, политическую экономию, политическую историю.*

Политическая система современного греческого государства, конечно, является главной областью политологических исследований. Тем не менее, за весьма заметным исключением области политической мысли, прошлое, относящееся к эпохе эллинистической космосистемы, внимания особенно не привлекает. Период от античности до оттоманского господства в основном остается уделом прежде всего историков, филологов и отчасти представителей других дисциплин. *Современная политическая наука развивается в конечном итоге как наука о национальном государстве.* Это обстоятельство в значительной степени объясняет подход к истории эллинизма с узких позиций этноцентризма. Достаточно отметить, что первый неэтноцентрический подход к политическим основам эллинизма (система городов) оттманского периода возник лишь в 1982 г., а глобальный подход к эллинизму с позиций космосистемной теории появился лишь десять лет спустя.

Та часть политической науки, которая связана с событиями за пределами Греции, весьма незначительна: в частности, она сосредоточена на *развитии идей от западноевропейского Ренессанса до современного периода*, на социально-политическом изучении других стран (например, государств юго-восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока) и

особенно на изучении политической системы стран Европейского союза. В этом плане важно подчеркнуть большое значение *перевода на греческий язык* большого числа работ по общественным наукам и, в частности, по политической науке. Это обстоятельство, в значительной степени поддерживаемое бесплатным распространением учебников для студентов, привело к тому, что литература по этому предмету обширна и сбалансирована.

7.3. В направлении к новой парадигме политической науки

Динамичный возврат политической науки в такой стране, как Греция, достаточно болезненно переживающей ограниченность институционального политического пространства рамками национального государства, ставит на повестку дня вопросы как о концептуальном, так и о методологическом подходах к почти самоочевидным явлениям политической жизни. Естественным следствием этого является успех парадигмы, отличной от господствующей парадигмы современности, представляющей собой уникальную лабораторию политической науки, которая не является объектом сравнения с прошлым.

Эта современная «парадигма», обслуживающаяся современной политологией, воспринимает политику как функцию ее организационного или структурного выражения в рамках национального государства на протоантропоцентрической стадии развития. Объектом изучения политической науки является власть, поскольку считается, что лишь власть и связанные с ней силовые отношения в состоянии разрабатывать политику. В силу этого любой другой структурный подход к политике, не отождествляющий политическую систему с государством, невозможен. Более того, через призму такого подхода государствоцентризм рассматривается как единственная форма структурирования мировой космосистемы. При этом подходе не проводится различия между *политической наукой*, объектами изучения которой являются политическая система, ее структура и функции, и *политическими науками*, связанными с действием политической системы (политическая экономия, международные отношения).

Новая «парадигма» осуждает современную политологию за ограниченность гносеологической и методологической глубины, поверхностность сравнительной перспективы и односторонность логики, в силу чего современная эпоха представляется в виде универсальной модели. Этноцентрический подход к политике полностью искажает исторический горизонт и в то же время рассматривает процесс возникновения *нации* и протоантропоцентрического *общества* в Западной Европе как меру суждения и причинной обусловленности, имеющих универсальную ценность. С другой стороны, эта новая «парадигма» стремится к

осмыслению самого явления (т.е. политики, демократии, представительства, свободы) и после этого пытается дать научную оценку его историческим и современным проявлениям.

С этой позиции современная стадия антропоцентрической космосистемы рассматривается уже не как точка отсчета и интеграции, а как обычный исторический случай антропоцентрической космоситемы, к которому нам следует подходить с позиций сравнительной аналогии.

В сравнении со всей антропоцентрической космосистемой наша эпоха типологически схожа с первым государствоцентрическим периодом города-государства. Эллинистическая, или антропоцентрическая, космосистема в меньшем масштабе также демонстрирует — хотя и без интеграции в рамки государства — ее постгосударствоцентрическую, или экуменическую, фазу, которая политически признается на уровне космополиса. Значение этого открытия многогранно, поскольку оно обогащает концептуальный подход к типологии политических систем и организации мира. Оно также дает нам возможность понять, что политические системы города, например такие, как демократия, не фиксировались, как считалось, в ограниченный период государствоцентрической атичности (V–IV вв. до н.э.), а на деле оставались неизменными на всех этапах развития эллинистической космосистемы в контексте города-государства вплоть до начала XX в.

Вызов, брошенный *методом сравнительной аналогии* современной политической науке и состоящий в том, чтобы разъединить ее с «синхронной» аргументацией и сосредоточить внимание на типологическом пространстве всей антропоцентрической космосистемы, по сути своей вновь ставит вопрос о пересмотре *концепции политики* и, как следствие, всех концепций или явлений, приписываемых ее предмету.

Так, демократия в соответствии с современной теорией является политической системой, существующей в современных обществах. Однако подчинение современной политической системы контролю демократических принципов позволяет классифицировать ее не как демократическую политическую систему, а как додемократическую, и на деле — допредставительную систему. В данном случае вопрос относится не к возможности существования афинской демократии в наши дни, а к демократическому принципу. Что касается политики, такая позиция отвергает установившийся подход к ней, который связывает это понятие с ее природой, а не со структурным типом в эпоху антропоцентрического протогенеза. Он допускает, что явление политики как таковое присуще обществу, а не власти, силе или принуждению. Проекция гипотезы о том, что феномен политики не является проявлением уникального «лица» структуры во всем космосистемном процессе, существенно расширяет гносеологическую основу рассматриваемого

пространства политической науки. С точки зрения перспективы, этот вопрос касается условий, при которых социальный организм может преодолеть собственное устройство с позиции власти или, иначе говоря, с позиции частного общества, которое отражает нынешний этап современности.

В этой связи возникает вопрос о том, в какой степени мы можем рассчитывать на альтернативную возможность перехода к системе непосредственного представительства и, более того, «политического общества», которое определяет антропоцентрическую интеграцию? Очевидно, что мы имеем в виду демократию, иначе говоря, политическую систему, отличительной чертой которой является полная (индивидуальная, социальная и политическая) *свобода*, признаваемая благодаря распространению политики на общество или, точнее говоря, приданию статуса политической системы социальному организму вместо государства.

Основная гипотеза космосистемной «парадигмы» провозглашает кардинальный пересмотр всего концептуального и методологического арсенала современности и вместе с тем решительное расширение пространства политической науки. В этом плане на современной политической науке лежит долг дистанцирования от такого подхода к современности с тем, чтобы она могла переосмыслить политику как явление не просто на основе внутрисистемного критического пересмотра политической практики, но и с позиций всеобщего характера его проявлений.

8. Выводы

С определенным приспособлением греческого общества к условиям современной космосистемы греческая позиция неизбежно обречена приспособиться к гносеологическим требованиям нового этноцентрического порядка. Черты такого приспособления, сколь бы значительными они ни были, не опровергают того факта, что ответственность за исследование политических явлений в Греции, как и во всех других местах, возлагалась и на смежные отрасли науки (право, история и т.п.). Политическая наука не имела права на существование на протоантропоцентрической стадии развития национального государства. Будучи поглощенной *публичным пространством* или, по крайней мере, государственной политической властью, политика как явление — и соответственно политическая система — не могла рассчитывать на выделение ей собственного места с тем, чтобы она охватывала область другой дисциплины. Более того, в той степени, в какой общественный организм не обладал ни необходимой политической зрелостью, ни статусом политического партнера, политическая практика лишь косвенно могла

выдвигать гипотезы общества и в связи с этим практически не могла претендовать на собственное политическое пространство[29]. Поэтому отставание политической науки и ее сравнительно ограниченный прогресс в наши дни оценивается в сравнении с предшествующей эллинистической или сравнительно небольшой антропоцентрической космосистемой, а не с реалиями нашей эпохи, с которой она явно находится в согласии и исполнительно обслуживает ее потребности.

С другой стороны, прогрессивная эмансипация политической науки, начавшаяся лишь несколько лет назад, не смогла привести к творческому диалогу о ее основных возможностях в плане понятия политики как явления и ее цели или наиболее целесообразного метода, который позволил бы ей выйти за пределы тех условий, которые ее породили. Вот почему переосмысление понятия и метода становится основным приоритетом политической науки в начале XXI столетия. Очевидно, что наука о политике является единственной из всех общественных наук, настаивающей на определении объекта своего изучения исходя из того, как он истолковывается в нашу эпоху (как синоним власти государства), а не в силу его природы как явление того же порядка, структурные проявления которого связаны с типом или развитием аналогичной (деспотической или антропоцентрической) космосистемы.

Это замечание имеет отнюдь не риторический смысл. В качестве рабочей гипотезы оно позволяет, с одной стороны, проводить изучение политики как явления в рамках всего исторического контекста, а с другой — искать более глубокий смысл развития в последнее время, осмысления которого требует наш технологический век. Поэтому задача политологии не сводится более к апологетической функции, восхваляющей ту или иную форму власти или любую политику, лежащую за ее краткосрочными пределами. Прежде всего политическая наука призвана подняться над «краткосрочной историей» и привести свое развитие в соответствие с «правилом», определяемым *долгосрочным историческим космосистемным подходом*. Это подтверждает точку зрения о том, что политическая наука в гораздо большей степени, чем любая другая отрасль общественных наук, не сможет успешно развиваться далее, если сначала не обретет универсальный концептуальный объект изучения. В конечном итоге обсуждение предмета политической науки связано с основополагающей проблемой ее идентичности.

В целом политическая наука в Греции достигла одного из самых высоких уровней развития в Европе. Исторически она идет в авангарде институционализации политической науки. Первая попытка этого восходит к 1828 году и ко второй половине XIX века — задолго до создания *École des Sciences Politiques de Paris* и *London School of Economics,* в то вре-

мя как *Школа политических наук Panteios* входит в число первых учебных заведений такого рода (она была создана в 1927 г.). Первое *общество политических наук* в Греции возникло в 1916 г. и издавало *журнал общественных и политических наук*. Позже, когда в 1949 г. ЮНЕСКО стала побуждать европейские страны создавать национальные общества политических наук, Греция сделала это в числе первых. *Греческая ассоциация политических наук* была основана уже в 1955 г. Кроме того, *факультеты политической науки* в Греции были среди первых в Европе, освободившихся от наук о государстве и ставших институционально автономными. С самого их создания *учебные программы* факультетов политологии включали только политическую науку *stricto sensu* и связанные с нею области знания с первого до последнего семестра. Непропорционально большое — по отношению к населению страны — количество *работ по политической науке* в сочетании с переводами на греческий язык работ зарубежных авторов дают картину общества с высоким уровнем индивидуальной политизации, что в значительной степени объясняет высокий спрос на политическую науку. Трудности, связанные с проблемой профессионального статуса выпускников, никак не опровергают последнее суждение.

Примечания

[1] *Система коммуникаций* определяется суммой параметров, которые создают и выражают область политики. *Область политики* на деле определяет пространство политической динамики и политического процесса.

[2] Здесь следует дать ряд пояснений для лучшего понимания данной работы. Под концепцией «космосистемы» понимается большое число обществ со схожими структурными основами и параметрами (например, экономическими параметрами или системами коммуникаций), которые составляют сферическое и самодостаточное единство, *замкнутую систему мира*. Космосистема является либо деспотической, когда состоит из обществ подданных (как при феодализме), или антропоцентрической, когда общества образуются на основе свободы. Мы различаем два больших периода в развитии антропоцентрической космосистемы: эллинистический, который можно назвать антропоцентрической системой небольшого масштаба, и современный, или этноцентрический, который совпадает с крупномасштабными антропоцентрическими космосистемами. Эллинистическая система прошла две стадии развития: государственноцентрическую и постгосударственноцентрическую, или экуменическую, фазы. В основе государственноцентрической фазы лежит город-государство, причем вся система воспринимается как сумма городов-государств. На этой стадии антропоцентрическое развитие (свободы и т.д.) происходит в основном в рамках государства. На экуменическом этапе сохраняются атрибуты, присущие государственноцентрическому периоду (города, социальные и политические системы, свободы и т.д.), но создается город-государство высшего порядка — космополис, который политически объединяет космосистемную область и преобразует ее в плане регулирования. Эллинистическая, или антропоцентрическая, космосистема небольшого масштаба сохранялась вплоть до XIX века, составив исходный пункт для перехода к современной антропоцентрической космосистеме, основанной на концепции национального государства. Тем не менее можно отметить, что этноцентрическая космосистема в настоящее время

еще находится на стадии перехода от начальной фазы антропоцентрического преобразования всего мира, и в качестве таковой основывает свою социально-экономическую систему на индивидуальной свободе. С другой стороны, эллинистическая космосистема включает большее количество стадий, которые кумулятивно охватывают сумму свобод — индивидуальных, социальных и политических — как в рамках города-государства, так и за его пределами, на уровне экуменического космополиса. В этом плане, как нам представляется, эллинистическая парадигма могла бы стать уникальной лабораторией для создания концепций общественных наук и для пересмотра наших подходов к современности (см.: Contogeorgis 2003c; 2003b: 159–190, 197–215; 2001: 107–127).

[3] Концепция *корыстолюбивой экономики* определяет экономические условия, природа которых выражается термином «*chrema*» (деньги), что подразумевает накопление ценностей в форме капитала. По сравнению с «рыночной экономикой», структурным выражением которой она является, выражение «корыстолюбивая экономика» включает в себя весь экономический процесс — от производства до потребления. С этой точки зрения он, очевидно, имеет более широкое значение и более точно отражает типологическую категорию экономического явления. Кроме того, он дает возможность сформулировать гипотезы подхода к связи экономики с областями социальных и политических отношений.

[4] Будучи далекими от подхода к этому вопросу со стороны Антонио Грамши, а до него — от подхода Гегеля, который связывал «политическое общество» с государством, мы полагаем, что термин «политическое общество» применим к такому типу общества, которое обеспечивает соблюдение всех (а не только индивидуальных) свобод как условий жизни человека. «Гражданское общество» в основном поощряет индивидуальную свободу в рамках социальных и политических прав. В данном случае социальная и политическая свобода полностью отсутствуют. Поэтому «политическое общество» включает в себя «гражданское общество», дополняя его социальной и политической свободой. Таким образом, вступление в стадию «политического общества», представляющего собой более высокую фазу развития по сравнению с «гражданским обществом», на социальном уровне предполагает отрицание и в значительном смысле пренебрежение к труду или организации корпоративных отношений между трудом и капиталом; на политическом уровне оно предвещает упадок государственной власти и воплощение политического процесса в социальном организме.

[5] Этот период следует рассматривать как начало процесса, завершившегося новым развитием греческого гуманизма и европейского Возрождения. Действительно, греческий гуманизм, распространившийся на византийскую Италию, вскоре охватил весь Европейский континент, что обусловило развитие органической связи и единства эллинистической и современной антропоцентрической космосистемы (см.: Contogeorgis, 1997a).

[6] Университет Константинополя стал преемником древних школ в Афинах, Александрии и т.п. Он явился образцом для современных университетов, возникших благодаря тому, что его деятельность вдохновляла средневековые религиозные университеты. Однако в отличие от «западных» университетов университетское образование на византийской стадии развития эллинистической космосистемы было светским до конца и должно было служить «общей цели»: политическому пространству государства и общества. Учебная программа университета и других школ Византии имела междисциплинарное содержание: право, философия, история и т.п. обычно сочетались с подходами к изучению политической системы («politevma»), ее институциональной основы и агентов (властей, посреднических сил, политически эмансипированных социальных групп), внутренней политической жизни, внешней политики и государственной деятельности. Церковь со своей стороны содержала собственные школы исключительно для подготовки священнослужителей.

[7] Мы проводим это различие, чтобы подчеркнуть, что время от времени эллинистическая космосистема включала в себя области и народы, находящиеся за пределами эллинистических обществ (например, города Апеннинского полуострова).

[8] С падением Византии (1453 г.) действовавшие ранее университет и школы постигла та же участь, что и другие институты космополитии. Тем не менее некоторые византийские мыслители сплотились вокруг экуменической патриархии — которая из чисто религиозного института превратилась в святыню греко-православной культуры и основное средство для распространения греческого влияния в православном мире — и создали в *Фанари* важный источник интеллектуальной жизни для всей экосистемы. Тем не менее первая школа патриархии, предшественница «Великой школы» в Константинополе — и по сути дела первый в Греции университет после завоевания — была создана в 1456 г. В числе мыслителей, которым бросил вызов Cyrillos Loukaris в суде патриархии, был афинский философ аристотелевского направления Theophilos Korydaleus (1560–1646 гг.). Тем не менее светские власти в системе городов и греческие правители румынских княжеств продолжали нести ответственность за систему образования в целом. В следующий период на жизненном пространстве эллинистического мира от Малой Азии и Балканского полуострова до некоторых периферийных общин эллинизма появились несколько школ университетского уровня, формирование которых завершилось на протяжении XVIII — начала XIX в.

[9] В этот период, который начался примерно в середине XVIII в., в подходе к политике как явлению основное внимание уделялось значительному числу греческих мыслителей — например, Iossipos Moisiodax, Dimitri Katartzis, Adamandios Koray, the Anonymous, представители школы в Фанари и т.д. Их работы, как и труды многих других ученых, стали частью целого теоретического направления, которое предшествовало современной политической мысли и анализу.

[10] По сути дела это означает, что в момент создания нового типа государства в греческом обществе уже существовали индивидуальные и социально-политические предпосылки статуса гражданина. В предыдущий период права человека и статус гражданина волновали человека не как участника системы автономного города, а исключительно по отношению к центральной государственной власти. Поэтому в эллинистическом социальном организме не было необходимости «изобретать» или «обучать» понятию гражданства, как в случае западноевропейских обществ, объединенных в национальные государства. И если введение в Европе сначала ограниченного, а позже всеобщего избирательного права обоснованно относится к числу крупных достижений, в современном греческом государстве ограниченное избирательное право было отвергнуто изначально, а всеобщее избирательное право просто составляло очевидную реальность.

[11] Конец социальных идеологий и классовых партий в современном мире принято относить к 1980-м годам, т.е. менее чем столетие спустя введения всеобщего избирательного права и более столетия, после его введения в современном греческом государстве.

[12] Представляется, что даже сегодня греческий социальный организм «потребляет» в три раз с лишним раза больше политиков, чем в среднем по Европе (см.: Hatzistraits, 1994: 96; Contogeorgos, 1996).

[13] С этой точки зрения диктатуры Ioannis Metaxas (1936–1940 гг.) и полковников (1967–1974 гг.) следует рассматривать в общем контексте греческой политической системы как «зигзаги истории», объясняющиеся исключительными условиями в основном внешнего порядка, а не в как переходной этап к так называемой представительной демократии на примере фашистских государств в период между двумя мировыми войнами или Испании и Португалии (см.: Contogeorgis, 2003b).

[14] Точнее говоря, интересам участия в дискуссиях, проводившихся в ряде европейских стран, о соотношении между современной и античной греческой «нацией». Такое соотношение в условиях XIX века обязательно должно было представить доказательства расовой целостности единого и неделимого греческого общества.

[15] Характерную черту публичного права XIX века составляет то, что оно находилось в пространстве между чистым правом и политической наукой. Публичное право внесло свой

вклад в укрепление институциональной структуры государства, как и его конституционной системы и административной организации, включая местное самоуправление. Благодаря политической науке была изучена область политики как на уровне государства, так и на уровне общества. В связи с этим помимо работ по конституционному и административному праву или местному самоуправлению, политические аспекты которого не ставились под вопрос, был проведен широкий спектр исследований о политическом явлении в *stricto sensu*, среди которых часто встречаются настоящие политические манифесты, обычно написанные специалистами по публичному праву, начинающиеся с анализа и критики греческой политической системы: монархии, партократии, политической динамики или функций централизованного государства. Многие их авторы без колебаний на деле непосредственно вмешивались в политическую жизнь. В их числе наряду с другими можно упомянуть Nicolaos Moschovakis, Pericles Argyropulos, Theodoras Flogaitis, Nicolaos Filaretos, Timoleon Filimon, Nicolaos I, Saripolos, Nikolaos Papadoukas или Diomidis Kyriakos. С другой стороны, это течение было тесно связано с идеей национального государства. На практике активно поддерживалась лишь концепция централизованного государства, поскольку она соответствовала риторике национальной интеграции и природе центробежной силы греческого общества. Эта сила была связана не с системой, отвергавшейся национальным сознанием (такой, какой являлся феодализм для стран Западной Европы), а с системой города как средства развития индивидуальной, социальной и политической автономии социального организма. Таким образом, проект местного самоуправления, поддержанный служителями публичного права, лишь отражал тот факт, что общество противилось централизованной силе, которая главным образом была нацелена на принижение статуса гражданина в его неоформленной роли избирателя, являющегося объектом манипуляций партократии и государственной власти. Другие специалисты просто отступали в сторону, примыкали к узкому кругу профессионалов, входивших в академическое сообщество, и стремились объединить социально-политические действия с анализом политических явлений и теорией общественной мысли (Platon Drakoulis, Stavros Kallergis).

[16] Несмотря на значительное влияние немецкого позитивизма, в основном представленного George Aggelopoulos и Nicolaos N. Saripolos. Кроме того, идея создания университетской Школы политической науки нашла нового приверженца в лице G. Aggelopoulos (см.: Flogaitis, 1982: 152).

[17] Вмешательство трона в основном проявилось во внешней политике страны в связи с вопросами исполнения Севрского договора. Последствия этого сказались на развитии политической и особенно партийной системы.

[18] За исключением многих представителей интеллигенции и ученых, которые держались на расстоянии от юридического подхода к политической жизни, используя социологический инструментарий (например, Dimitri Daniilidis, Evagelos Lempesis, Nicolaos Kazazis, George Skliros, Avrotelis Eleftheropoulos, Ioannis Sykoutris, Pericles Giannopoulos).

[19] Мы ссылаемся, в частности, на Е. Лемпесиса (Lempesis), защитившего докторскую диссертацию под названием *«Социология эллинизма»* (1927 г.). Он опубликовал лекции, которые читал в Школе Panteios (1931 г.) по предмету *политическая социология*. Лемпесис является одним из наиболее значительных представителей общественных наук в современной Греции, будучи тем человеком, который вернул к жизни политическую науку *stricto sensu* в условиях современного греческого государства. В числе его работ можно назвать «Критику общественного мнения» (1929 г.), «Партии и классы», «Факторы немецких выборов», «Современные проблемы капитализма», «Общество и государство», «Коммунизм», «Венизелос (Venizelos), социально-психологическое исследование», «Новая российская конституция», «Венизелизм и левачество», «Общество и община Ф. Тенниса», «Великое значение идиотов в современной жизни» (1942 г.), «Социология прессы» (1944 г.), «Революционная масса» (1945 г.). Также следует отметить многочисленные статьи, написанные

им для *«Словаря социологии и политики»*, изданного «Sinoron», большинство которых относятся к чисто политической науке. И в заключение, следует отметить, что он был директором и издателем *«Социологического обозрения»*.

[20] Именно отсюда Школа получила свое название «Panteios». Его желание создать *Школу политических наук*, где греческие дети могли бы изучать политические науки, как и он, было ясно выражено еще в его завещании, составленном в 1915 г. Первая школа была основана киприотским политиком George Frankoudis, который в 1924 г. создал для этой цели общество «Педагогический Ренессанс». Как он считал, целью Школы должно быть «просвещение греческой нации и организация греческого государства как политической системы, основанной на порядке, власти закона и прогрессе».

[21] Однако в нее входили курсы по политологии, политике, социологии, социальной психологии, социологии труда, политическим партиям, парламентской системе или конституционной истории.

[22] Инициатива такого шага исходила от Yannis Kinnas и автора этой статьи при неоценимой помощи и моральной поддержке Gerassimos Notaras, Phaedon Vegleris и Helen Jean Meynaud.

[23] Помимо *Высшей школы Panteios* реформа распространялась на *Высшую школу экономики и коммерческих наук, Высшую сельскохозяйственную школу Афин, Высшую промышленную школу Пирея* и *Высшую промышленную школу Фессалоник*.

[24] Следует иметь в виду, что как частное, так и государственное образование в Греции на всех уровнях носит светский характер, поскольку религиозные школы, являющиеся государственными, предназначены исключительно для подготовки церковных служащих. Это обстоятельство, уходящее корнями в вековые традиции светского образования в эллинистической космосистеме и связанное с глубоко антропоцентрическим характером греческих обществ, оставалось неизменным как во времена Византийской империи, так и в период османского господства.

[25] Эти частные институты официально называются «Центры свободного обучения», и прежде всего они предназначены для ограниченной профессиональной подготовки. Многие из них связаны с одним или более зарубежными университетами, качество подготовки в которых существенно варьируется: от Лондонской экономической школы до некоторых второстепенных учебных заведений (в большинстве своем американских и английских). Предлагаемое ими образование в значительной степени связано с общественными и гуманитарными науками и охватывает часть или всю университетскую учебную программу, включая докторат. Так, 40,6% из них предлагает курсы на протяжении определенного числа семестров, обычно рассчитанные на два года, а в некоторых из них студенты должны продолжать образование в сотрудничающих университетах за границей. 32,3% этих учебных заведений предлагают обучение, ведущее к получению диплома, 15,78% — диплома бакалавра, 6,02% — полный курс обучения даже на втором уровне высшего образования (магистра). И 0,78% из них предлагают обучение на всех уровнях, включая докторат.

[26] В терминах российской образовательной практики постдипломный цикл соответствует специалисту, а третий цикл вписывается в программу аспирантуры.

[27] О подходах, намечающихся в этом направлении, см. связанный с этим текст Contogeorgis (1997b).

[28] Там, где преподают *введение в политику, элементы демократии, историю общественной мысли* и другие предметы, имеющие отношение к политической науке.

[29] Достаточно вспомнить, что до конца 1980-х годов местное самоуправление подлежало юрисдикции административного законодательства в соответствии с доводом о том, что оно не занимается политикой! (см.: Contogeorgis, 1985: 187). Такой подход, который просто воспроизводит реалии центральной системы, следует сравнить с эллинистической космосистемой на ее демократической (а также «постдемократической») стадии, составной частью которой является политическая автономия личности и социального организма.

Литература

Contogeorgis, George (1982): *Social Dynamics and Political Autonomy. The Greek "Cities" in the Ottomanocracy*, Athens: Nea Synora.

Contogeorgis, George (1985): *Political System and Politics*, Athens: Polytypo.

Contogeorgis, George (1992): *History of Greece*, Paris: Hatier.

Contogeorgis, George (1995): "La politique local entre la tendance centralisatrice de l'Etat grec et la dynamique communautaire: administration ou autonomie locale (et régionale)? *Pôle Sud* 3: 88–102.

Contogeorgis, George (1996): *Mass Communication and Democracy*. In Laocratis Vassis (ed.), *Medias and Culture*, Athens: Entelecheia: 251–263.

Contogeorgis, George (1997a): *The Unity of Hellenic Humanism. From Byzantium to Modern-Greek Humanism. In Dedication to Antonis Antonakopoulos*, Athens: Panteion University Press: 83–110.

Contogeorgis, George (1997b): "Foreword" // Guy Haarscher, Mario Teló: *After Communism*, Athens: Papazissis (Greek translation): 20–23.

Contogeorgis, George (2001): "Samuel Huntington et le choc des civilizations. Civilisation religieuse ou cosmosystème? *Pôle Sud* 14: 107–127.

Contogeorgis, George (2003a): *Citizenship and City: Concept and Typology of Cityzenship*, Athens: Papazissis.

Contogeorgis, George (2003b): *The Authoritarian Phenomenon. Interpretative Approaches*, Athens: Papazissis.

Contogeorgis, George (2003c): "Toward a Cosmosystemic Approach to the Historic Process" // Dimitris Koutras (ed.): *Philosophy of History and Culture*, Athens: Papazissis: 71–90.

Contogeorgis, George (2004): "La démocratie comme liberté" // Dominique Damamme (ed.): *La démocratie en Europe*, Paris: L'Harttman: 9–20.

Diamantours, Nikiphoros, Michalis Spourdalakis (1991): "Political Science in Greece", *European Journal of Political Research* 20: 375–387.

Easton, David, John G. Gunnell, Michael B. Stein (ed.) (1995): *Regime and Discipline. Democratic and the Development of Political Science*, Ann Arbor: The University of Michigan Press.

EKKE (National Centre for Social Research) (1998): *On the Opening of the Social Sciences*, Athens: Edition EKKE.

Flogaitis, Spyros (1982): *Fundamental Concepts of Administrative Organization*, Athens: Sakkoulas (in Greek).

Goodin, Robert E., Hans-Dieter Klingemann (eds.) (1996): *A New Handbook of Political Science*, Oxford: Oxford University Press.

Haarcher, Guy, Mario Teló(1997): *After Communism*, Athens: Papazissis (Greek translation).

Hatzistratis, Dimitri (1994): *La nouvelle importance du paysage audiovisuel sur le jeu politique grec. Le cas des elections legislatives du 10 octobre, 1993*, Athens: Panteion University Press.

Spourdalakis, Michalis (1994): "The Study of Political Parties in Greece", *European Journal of Political Research* 25: 499–518.

Tsinizelis, Michalis (1993): "Recent Political Science Writing in Greece", *European Journal of Political Research* 23: 483–501.

UNESCO (1950): *Contemporary Political Science*, Paris: UNESCO: 740.

Олафур Т. Хардарсон

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИСЛАНДИИ

1. Введение

1.1. Исторические предпосылки

Университетская система в целом. В прошлом десятилетии система высшего образования в Исландии претерпела крупные изменения. С 1994 г. число поступивших студентов почти удвоилось, а количество аспирантов возросло более чем в пять раз. Некоторые высшие учебные заведения были реорганизованы, а также был создан ряд новых частных учебных заведений. В частных институтах взимается плата за обучение, хотя основная часть расходов на образование финансируется из общественных фондов: государственная поддержка обучения каждого студента одинакова как в государственных, так и в частных учебных заведениях. В настоящее время в Исландии существуют восемь высших учебных заведений, хотя только Исландский университет предлагает программы для студентов и аспирантов и возможности для исследовательской деятельности по широкому спектру дисциплин.

Исландский университет был основан в 1911 г., и в настоящее время там обучается около 9000 студентов на 11 факультетах: общественных наук (2500 студентов), гуманитарном (2000), экономики и бизнес-администрации (1200), естественных наук (1000), инженерном (800), юридическом (600), среднего медицинского персонала (600), медицинском (500), фармакологическом (150), теологическом (150) и стоматологическом (70). Под эгидой Исландского университета работает 41 исследовательский институт, который предлагает более 160 учебных программ для студентов младших и старших курсов, а также 19 PhD-программ.

К числу других государственных высших учебных заведений относятся Исландский педагогический университет (реорганизованный из учительского колледжа в 1971 г., 2300 студентов) и Университет Акурейри (основан в 1988 г., 1500 студентов на шести факультетах: общественных наук и права, здравоохранения, менеджмента, наук о природных ресурсах, педагогическом и информационных технологий). Кроме того,

существуют два государственных института, находящиеся в ведении Министерства сельского хозяйства (а не Министерства образования, науки и культуры), — Исландский сельскохозяйственный университет (реорганизован в 2005 г., 150 студентов) и Университетский колледж Холар (реорганизован в 2003 г., 100 студентов).

В настоящее время также действуют три частных высших учебных заведения. В Университете Рейкьявика (основан в 1998 г.) обучаются 2500 студентов на четырех отделениях: в Школе науки и техники, Школе здравоохранения и образования, Школе бизнеса и Школе права. В Бифростской школе бизнеса (реорганизована в 1987 г.) 400 студентов обучаются на трех факультетах: бизнеса, права и общественных наук. В Исландской академии художеств (основана в 1998 г.) 400 студентов обучаются на четырех факультетах: дизайна и архитектуры, изящных искусств, драмы и музыки.

Политическая наука. Политическая наука получила статус отдельной академической дисциплины в 1970 г., когда в Исландском университете была создана новая кафедра общественных наук, дающая диплом бакалавра по политологии и социологии как профилирующим предметам и по антропологии — как дополнительному. Сначала постоянный преподавательский штат состоял из одного лектора по каждой из трех дисциплин. В первые годы там работало несколько зарубежных преподавателей, большую роль в процессе обучения играли преподаватели, работавшие по совместительству. Первый лектор — Олафур Рагнар Гримссон (ставший президентом Исландии в 1996 г.) — был первым профессором политологии в Исландии в 1973 г. Он также первым из исландцев получил степень доктора политических наук (в Манчестере, Англия, в 1970 г.)

В 1976 г. кафедра общественных наук слилась с тремя дисциплинами гуманитарного факультета и получила новый статус — факультета общественных наук. В рамках нового факультета на правах отделений были объединены шесть дисциплин — политической науки, социологии, антропологии, психологии, образования и библиотечного дела, хотя формально они лишь в 1996 г. впервые получили статус кафедр факультета общественных наук. В 1976 г. на новом факультете работало 11 преподавателей (двое политологов) и обучалось около 300 студентов.

На протяжении следующего десятилетия студентов, специализировавшихся в области политологии, было немного и на отделении оставались лишь две полные преподавательские ставки. Ряд курсов совместно посещали студенты разных специализаций, большое внимание уделялось методологии и статистике, преподававшимся всем студентам

17-6054

факультета общественных наук. С самого начала в ходе преподавания политической науки акцент делался на социологических, сравнительных и исторических аспектах обучения и исследованиях различных проблем исландской политики, которая в основном оставалась малоизученной.

В конце 1980-х годов количество преподавателей и студентов политической науки начало увеличиваться. Это создало возможности для расширения образования и исследований, все большее внимание стало уделяться публичной администрации и публичной политике, органам местного управления, международным отношениям и политической философии.

Особого размаха в последнее десятилетие достигло постдипломное образование. В настоящее время отделение политологии предлагает две магистерские программы, в основе которых — большая учебная программа и написание магистерской диссертации: MPA (магистра по публичной администрации) и МФ (магистра политических и экономических наук по международным отношениям). Кроме того, студенты могут получить диплом магистра политических наук, в большей степени ориентированный на исследовательскую работу. Первая докторская степень по политической науке была присуждена Исландским университетом в 2001 г. В 2006 г. на отделении политических наук в Исландском университете постоянно работали семь преподавателей, директор *Института публичной администрации и политики* и обучалось 550 студентов.

1.2. Современное развитие – Болонский процесс

Проведение в жизнь Болонского процесса в Исландии осуществляется под эгидой Министерства образования, науки и культуры. На протяжении долгого времени система дипломов в Исландии в общих чертах соответствовала целям Болонской декларации. Тем не менее некоторые программы *candidatus* представляли собой один цикл обучения продолжительностью 4–6 лет, однако в последние несколько лет часть их была преобразована в программы двух циклов (3 + 2), в частности в области права и бизнес-администрации.

Почти все университетские курсы оцениваются по системе кредитов — 30 кредитов соответствуют полному году академического обучения (эквивалент 60 ETCS). Поэтому при переходе из одних университетов и дисциплин в другие переводить кредиты сравнительно просто при условии их зачета принимающим факультетом или кафедрой. С целью повышения международной мобильности и упрощения признания квалификаций в 2005 г. были введены европейские приложения к дипломам.

С самого начала студенты, специализирующиеся в области политических наук, обучались по трехлетней программе бакалавра (90 кредитов). Степень магистра политических наук (впервые введенная в конце 1990-х годов) требует еще 60 кредитов, а чтобы получить степень доктора наук, надо набрать еще не менее 90 кредитов.

2. Преподавание и исследования

2.1. Институты высшего образования с преподаванием политологии

В 2005/06 учебном году на отделении политологии Исландского университета <www.hi.is> было семь полных преподавательских ставок: четыре *профессорские*, две *доцентские* и одна *лекторская*. Четверо преподавателй получили докторские степени в Англии (в Университете Эссекса, Лондонской школе экономики и политической науки, Оксфордском университете), а трое — в Соединенных Штатах (в Университете Коннектикута, Университете Иллинойса в Урбана-Чэмпеин, Университете Рочестера). На отделении работают директор *Института публичной администрации и политики* (получивший степень магистра политических наук в гарвардской Школе государственного управления имени Кеннеди), а также около 30 преподавателей, работающих по совместительству. Технические услуги им оказывают сотрудники секретариата факультета общественных наук. Отделение является партнером *Исследовательского института общественных наук*, управляемого совместно всеми отделениями факультета общественных наук, и *Института международных отношений* и имеет своих представителей в советах этих двух институтов.

В 2006 г. на отделении политологии было зарегистрировано 550 студентов. Около половины из них составляли бакалавры, а остальные учились на отделениях постдипломного образования, включая восьмерых соискателей степени доктора наук. В среднем за последние несколько лет факультет ежегодно выпускал около 40 бакалавров. Всего 38 выпускников кафедры получили степень магистра политических наук и магистра политических и экономических наук, причем большинству из них эти степени были присвоены за последние четыре года. Один студент кафедры получил степень доктора наук.

В 2005 г. в Школе бизнеса Бифрост <www.bitfrost.is> была открыта новая трехлетняя программа бакалавра по философии, политике и экономике (PPE). Школа планирует предложить ряд программ постдипломного образования в области политической науки, включая программу магистра политологии и магистра политологии и экономики по европейским исследованиям. Профессорско-преподавательский состав

школы состоит из трех политологов, включая одного *профессора*, получившего степень доктора наук в Гетинборге, Швеция.

В 2003 г. был открыт новый факультет общественных наук и права в Университете Акурейри <www.unak.is>. Университет предлагает ряд курсов по политическим наукам для студентов, но не выдает дипломов по этой дисциплине. В штат входит один политолог, являющийся *лектором* курса по средствам массовой информации.

2.2. Система дипломов и правила приема

Обучение студентов политическим наукам в Исландском университете включает трехлетнюю программу бакалавра (со всеми 90 кредитами по политологии либо с 60 профилирующими кредитами по политическим наукам и 30 кредитами по дополнительной дисциплине). Студенты других факультетов также могут получить 30 кредитов по политологии как дополнительной дисциплине в качестве части кредитов на диплом бакалавра. С 1986 по 2005 г. отделение политологии всего закончили 498 студентов, получившие диплом бакалавра; 70% из них получили 90 кредитов по политическим наукам, 30% — 60 кредитов как за профилирующий предмет; кроме того, 30 студентов с других кафедр изучали политические науки как дополнительную дисциплину.

Оценки обычно выставляются на основании письменных экзаменов, нередко наряду с курсовыми работами. Оценки ставятся по десятибалльной системе — от 0 до 10, где «5» — проходной балл, «7,25» — хороший, а «9» — отличный.

Обычным требованием к поступлению в Исландский университет является аттестат зрелости с экзаменационными оценками за среднюю школу или равнозначный диплом, который школьники в Исландии обычно получают в возрасте 20 лет. Хотя договор между университетом и Министерством образования, науки и культуры определяет количество студентов, учебу которых оплачивает правительство, на большинство кафедр, включая кафедру политологии, принимаются все абитуриенты, получившие право на поступление. За последние несколько лет число студентов превышает норму, оплачиваемую правительством, и правила поступления в настоящее время пересматриваются. Завершить образование и получить диплом удается менее чем половине студентов, принятых на программу бакалавра на отделение политологии.

Университету Исландии и другим государственным университетам не разрешается взимать плату за обучение, но студенты выплачивают ежегодные регистрационные взносы, сумма которых определяется законом и в настоящее время составляет 523 евро (45 000 крон). Частные высшие учебные заведения имеют право взимать плату за обучение без ограничений. Ежегодная плата за обучение по программе PPE в Школе

бизнеса Бифрост составляет 4767 евро (410 000 крон). Кроме этого частные высшие учебные заведения получают такие же государственные субсидии на каждого студента, как и государственные университеты. Все студенты могут получать льготные студенческие займы на оплату регистрационных взносов и обучения от Государственного студенческого фонда в дополнение к займам на проживание.

Систематические занятия по постдипломным программам впервые были введены на отделении политологии в Исландском университете в 1997 г. Первой из них стала программа подготовки магистров по публичной администрации. В настоящее время предлагаются две такие программы — магистра политологии по публичной политике и администрации и магистра политологии и экономики по международным отношениям (программа введена в 2005 г.). Программа магистра политологии рассчитана на два года, за которые надо получить 60 кредитов: 30 — за курсы, 15 — за диссертацию и 15 — за практическое обучение. Программа магистра международных отношений требует получения 45 кредитов за прослушанные курсы и 15 кредитов за диссертацию. Студенты также могут получить степень магистра политологии, написав диссертацию, оцененную в 15–30 кредитов, и 30–45 кредитов за курсы магистра по политическим наукам или другим дисциплинам, выбранным индивидуально для каждого кандидата. В 2005/06 учебном году на магистерские программы по политологии было зарегистрировано около 130 студентов, примерно 40 — на международные отношения и семеро — на политологию и экономику. Для студентов постдипломного образования существует возможность получить диплом, сдав 15 кредитов по публичной администрации или международным отношениям. Позже эти кредиты могут быть зачтены в качестве части диплома магистра.

Для защиты докторской диссертации на отделении политологии требуется подготовка работы, оцениваемой в 90 кредитов (три года обучения). Если предшествующее образование соискателя степени доктора наук в смежной области будет сочтено недостаточным, от него может потребоваться получение до 30 дополнительных кредитов по указанным курсам. В настоящее время на кафедре обучаются восемь соискателей докторской степени.

Для приема на магистерскую программу необходим диплом бакалавра (первого класса). Только магистерская программа по политологии и экономике в большей или меньшей степени предназначена для студентов с первым дипломом по политологии.

Регистрационные взносы для аспирантов в Исландском университете такие же, как и для студентов — 523 евро ежегодно. Плата за обучение по магистерским программам в Школе бизнеса Бифрост в настоящее время составляет 7581 евро (652 000 крон).

2.3. Области образования

С самого начала обучение политологии студентов бакалавриата в Исландском университете ставило перед собой двойную задачу: 1) дать им стандартную программу по политологии, качество и содержание которой позволило бы выпускникам факультета иметь высокие шансы на продолжение образования по специальности в лучших университетах мира; 2) дать студентам основы исландской политики и исландской политической системы. Отделение успешно справляется с обеими задачами.

Студентам факультета политологии предлагается около 40 разных курсов. Однако некоторые из них читаются раз в два года или от случая к случаю. Отдельные курсы невелики, обычно за них можно получить 3–4 кредита. Студенты могут выбирать факультативные курсы на других факультетах. Студенты бакалавриата на отделении политологии обязаны прослушать сравнительно большое количество обязательных курсов (70 из 90 или 56 из 60 кредитов). Предметом многих из этих курсов являются исландская политика и общество. К числу обязательных курсов относятся: введение в политическую науку, социология и экономика, международные отношения, публичная политика и администрация, сравнительная политология, общественное мнение, электоральное поведение и политические партии, европейская интеграция и политическая теория. Большое внимание уделяется статистике и исследовательской методологии: пять курсов в этой области, специально подготовленных для студентов, специализирующихся по политическим наукам, являются обязательными (в целом оцениваются в 17 кредитов). Большинство учебников издано на английском языке.

Основная часть постдипломных программ также состоит из небольших индивидуальных курсов (3–4 кредита). Структура магистерских программ по публичной администрации (MPA) основана на принципах американской NAPSAA (Национальной ассоциации школ социальной и публичной администрации), а также на европейских традициях публичной администрации. Большое внимание уделяется исландской проблематике, в частности исландскому законодательству, организации и политическим традициям публичной администрации и процесса принятия решений. Студентам, обучающимся по MPA-программам, предлагается около 20 курсов. Обязательные курсы включают: введение в микроэкономику и роль правительства, административное право для государственных чиновников, публичную администрацию, публичный менеджмент и инструменты управления. К факультативным курсам относятся: государственное управление людскими ресурсами, управление культурой, администрация здравоохранения и положение в системе

здравоохранения, руководство публичными организациями, пиар, местное управление, менеджмент в добровольческих организациях, стратегическое планирование в общественных организациях, общественное снабжение и прикладная статистика.

MA-программа в области международных отношений разработана в соответствии с принципами, наиболее распространенными в Англии и США, но с акцентом на Исландии. Студенты могут выбирать девять областей специализации: культурное многообразие, европейские исследования, исследования малых государств, публичная администрация, международный бизнес, новейшая история, международное право и права человека, международное право и вооруженные конфликты и исследования развития. Всего предлагается около 20 курсов. Обязательными курсами являются: международное сотрудничество и положение Исландии в международной системе, теории международных отношений, прикладная статистика, внешняя политика Исландии, демократия, суверенитет и национальное государство в XXI в., роль принятия политических решений в международных организациях и менеджмент, организация и дипломатия в международных отношениях. К числу факультативных курсов относятся: культурные различия, взаимодействие политики и религии, европейская интеграция, новый Европейский союз, европеизация: влияние европейской интеграции на политику и администрацию членов Европейского союза и Европейской экономической зоны, малые государства в международной системе: проблемы и возможности, скандинавские страны: международные отношения, политика и публичная администрация и малые страны Европы: уязвимость, статус и влияние.

2.4. Исследования

Исландская политика всегда составляла основной предмет исследований факультета политических наук Исландского университета. Это вполне естественно. Исландский университет в области исследований ставит две задачи: первая состоит в проведении исследований международного уровня, которые могли бы стать вкладом в обший фонд научных знаний; вторая направлена на развитие предметных знаний об Исландии и исландском обществе. Когда в 1970 г. отделение начинало свою деятельность, научных знаний о политической системе Исландии практически не сушествовало. Поэтому представлялось вполне обоснованным, чтобы отделение, оплачиваемое исландскими налогоплательщиками, развивало именно исследования Исландии. Кроме того, для небольшого отделения было вполне естественно сосредоточить внимание на единственном предмете, который ее сотрудники по определе-

нию должны были знать лучше кого бы то ни было, а именно на исландской политике.

За последние 30 лет исландским политологам удалось изучить и опубликовать научные работы по всем наиболее значительным аспектам исландской политической системы. Наиболее важные из них — это несколько докторских диссертаций (написанных по-английски, некоторые из них опубликованы), монографии и разделы книг на английском и исландском языках, а также статьи как на английском, так и на исландском языках, опубликованные в научных журналах. За последние десять лет на отделении усилилось внимание к публикациям в международных реферативных журналах. Сотрудники кафедры также принимают все большее участие в международных исследовательских проектах, в частности в сравнительных исследованиях электоральных систем (*CSES*), а также *European Network of Excellence in E-Democracy*. Активное участие в деятельности международного сообщества политологов является единственным способом обеспечить международный уровень исследований, проводимых факультетом в области исландской политики.

Вместе с тем большое внимание на отделении уделяется национальной проблематике. Помимо издания работ на исландском языке для исландской аудитории, чтения лекций и проведения встреч с различными организациями, включая представителей политических партий, сотрудники отделения часто выступают в средствах массовой информации Исландии, рассказывают о темах проводимых ими исследований, а также комментируют более широкие вопросы, связанные с их профессией. Все в большей степени к советам сотрудников отделения прислушиваются члены комитетов и организаций, занимающихся публичной политикой. В настоящее время один из профессоров отделения вместе с коллегой с юридического отделения работают в качестве специалистов-советников комитета, состоящего из представителей всех партий и занимающегося подготовкой поправок к конституции Исландии.

В Исландском университете применяется система поощрения развития исследований, особенно публикаций в ведущих журналах, которые отслеживаются Институтом научной информации (*ISI; Thomson Scientific*). Все профессора, доценты и лекторы ежегодно получают баллы за проводимые исследования и публикации и на основании этих показателей получают щедрые премии. Кроме того, они имеют право каждые семь лет получать полугодовой или годовой научный отпуск. Обычно они проводят его, посещая ученых в университетах Англии, скандинавских стран или Соединенных Штатов. Оба эти механизма оказались эффективными средствами для развития исследований и публикаций. Среднее количество баллов, присуждаемых за публикации

политологам, достаточно высокое по сравнению с другими факультетами Исландского университета. К числу исследовательских проектов, над которыми в настоящее время ведется работа на отделении, относятся следующие: исследование малых государств и европейская интеграция; отношения между демократией и публичной администрацией; влияние прав собственности на использование природных ресурсов; сравнительная политология, теория игр и методология; электоральные исследования, демократия и общественное мнение; влияние политических помощников министров на политическое руководство; развитие демократии в Исландии с конца XIX в. по настоящее время.

Политологическое отделение в Исландском университете связано с тремя исследовательскими институтами.

В 2003 г. факультет основал *Институт публичной администрации и политики* в сотрудничестве с университетским госпиталем и муниципалитетом Рейкьявика, который взял на себя около половины расходов на деятельность института. Главная задача института сводится к поддержке и развитию преподавания и исследований в области публичной администрации и принятия политических решений как на национальном, так и на местных уровнях. Другая цель института состоит в создании форума для обсуждения актуальных проблем учеными, политиками, государственными чиновниками и другими заинтересованными сторонами. Институт играет большую роль в развитии двух магистерских программ по политическим наукам, он начал сотрудничать с заинтересованными учреждениями за пределами университета. В развитие магистерской программы значительный вклад внесли различные общественные организации, в частности благодаря тому, что их специалисты читают отдельные курсы. Аналогичный вклад вносит Министерство иностранных дел в новые программы по международным отношениям. В сотрудничестве с некоторыми исландскими организациями и иностранными посольствами в Рейкьявике *Институт публичной администрации и политики* также проводит различные лекции и семинары как с исландскими, так и с зарубежными учеными и специалистами. К числу других задач института относится развитие исследований. В 2005 г. в Интернете был создан журнал *Stjórnmál og stjórnsýsla — veftímarit* («Политика и публичная администрация» — *журнал в Интернете* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www. Stjornmalogst-jornsysla.is). Статьи реферативной части журнала будут ежегодно публиковаться в виде книги.

В 2002 г. был реорганизован университетский *Институт международных отношений*. Он действует под эгидой университета, Министерства иностранных дел, Федерации исландской промышленности и Конфедерации исландских работодателей. Руководящую роль в институте

играет отделение политологии; председателем совета является *доцент* отделения, а директором — политолог. В совет института входит ряд ведущих зарубежных политологов. В состав *Института международных отношений* входит *Центр по изучению малых государств*. Задачей центра является развитие обучения и исследований в области изучения малых государств. Его сотрудники организуют лекции, конференции, семинары и преподавание по проблемам малых государств, а также публикуют научные работы по этой тематике. С 2003 г. в Рейкьявике центр в сотрудничестве с 11 зарубежными университетами проводит двухнедельные семинары по малым государствам и европейской интеграции. Исландские и зарубежные ученые читают лекции в летней школе, уже завоевавшей достаточную популярность и помимо исландцев привлекающей студентов как из США, так и из нескольких европейских стран. Школа получает материальную поддержку от европейской программы ERASMUS, как и некоторые регулярные курсы факультета по европейской проблематике.

Институт общественно-научных исследований при Исландском университете был основан в 1986 г., он действует под объединенным руководством отделений факультета общественных наук. Несмотря на отсутствие государственного финансирования, там постоянно работают восемь исследователей, в основном бакалавры и магистры, выпускники Исландского университета. Институт совместно с сотрудниками факультета проводит как академические исследования, в основном финансируемые на основе грантов, так и коммерческие исследовательские проекты, оплачиваемые клиентами, например, за проведение опросов общественного мнения для частных компаний, ассоциаций, средств массовой информации, политических партий, министерств и других публичных организаций. За годы работы институт собрал значительный объем данных об исландской политике и об исландском обществе. Институт внес свой вклад в проект по европейским ценностям и в проект «Евробарометр», проводящий опросы общественного мнения в европейских странах. Он является техническим исполнителем исландских электоральных исследований, проводимых с парламентских выборов 1983 г. под руководством политологов.

Большинство исследовательских проектов по исландской политике финансируется Исландским исследовательским центром (RANNHS), Исследовательским фондом Исландского университета и исследовательскими грантами скандинавских и европейских стран. Хотя конкурсные исследовательские гранты Исландского исследовательского центра долгое время были незначительными по сравнению с другими скандинавскими странами, за последние несколько лет государственное финан-

сирование резко возросло. До настоящего времени основное внимание уделялось естественным и биологическим наукам, но одной из задач Исландского исследовательского центра на 2006–2009 гг. стало развитие гуманитарных и общественных наук.

Факультет общественных наук Исландского университета и отделение политических наук в последние годы усилили внимание к поддержке сотрудников, специализирующихся на использовании конкурентоспособных исследовательских фондов. Эти усилия являются необходимым условием для увеличения числа поддержанных заявок.

2.5. Профессиональная коммуникация

Единственным профессиональным политологическим журналом в Исландии является недавно созданный в Интернете журнал *Института публичной администрации и политики* Исландского университета. Исландские политологи публикуются в разных международных журналах, включая *Scandinavian Political Studies, Electoral Studies, European Journal of Political Research, British Journal of Political Science, Party Politics, Legislative Studies Quarterly, Journal of Common Market Studies, Journal of European Integration* и *West European Politics*.

В 1995 г. была основана Исландская ассоциация политических наук. В ассоциацию может вступить любой специалист, имеющий как минимум диплом бакалавра политических наук. Она работает в тесном контакте с факультетом политических наук Исландского университета. Ранее существовала объединенная Ассоциация политологов, социологов и антропологов, основанная в 1970-е годы, но она была не очень активной.

Обе эти ассоциации формально входили в NOPSA, Скандинавскую ассоциацию политических наук, а факультет политических наук *de facto* представлял Исландию одним членом совета NOPSA с 1970-х годов. Конференции NOPSA, проводящиеся каждые три года, дважды проходили в Рейкьявике — в 1990 и 2005 гг., и оба раза участников конференций принимал Исландский университет. В работе этих двух конференций участвовало необычно много специалистов. На конференции NOPSA в Рейкьявике в 2005 г. работало около 30 секций, в ней приняли участие около 300 делегатов. Отделение политологии с 1990-х годов является членом NISA, Скандинавской ассоциации международных исследований, и имеет одно место в ее совете.

Исландский университет с 1980-х годов является членом Европейского консорциума политических наук (ECPR). На протяжении нескольких лет участие исландских политологов в работе общих заседаний ECPR было спорадическим, но в последнее время оно стало более регулярным. С другой стороны, исландские студенты на протяжении долгого времени регулярно посещают занятия летней школы в Эссексе.

Исландская ассоциация политических наук не проводит национальных конференций политических наук. Однако факультет общественных наук, факультет экономики и бизнес-администрации и юридический факультет Исландского университета совместно организуют ежегодные конференции по общественно-научным исследованиям. Их заседания открыты для публики. Несмотря на то что с большинством докладов выступают представители Исландского университета, в этих конференциях все большее участие принимают ученые из других университетов Исландии. Все выступления публикуются в изданиях, которые можно получить в ходе конференций.

3. Будущее политической науки в Исландии

В последние годы университетское образование в Исландии находится на подъеме. В 1977 г. в университетах обучалось 11% населения возрастной группы от 20 до 24 лет. В 1990 г. этот показатель увеличился до 26%, а в 2001 г. — до 50%.

Исландский университет разработал впечатляюший план развития на 2006–2011 гг. Основное внимание в нем уделяется развитию исследований, соответствуюших мировому уровню, и увеличению численности аспирантов и докторантов. Для достижения этих целей Исландский университет за несколько ближайших лет должен будет увеличить свой доход по крайней мере на 70%.

Возросшая потребность в высшем образовании в Исландии в последние годы удовлетворяется как за счет создания новых высших учебных заведений, так и за счет значительного расширения Исландского университета. Общественные науки в целом и политические науки в частности завоевывают все большую популярность среди студентов, о чем можно судить по значительному росту факультета общественных наук и отделения политических наук Исландского университета, а также по введению в последние несколько лет программ общественных наук в других исландских высших учебных заведениях.

Увеличение спроса студентов на образование в области общественных наук в Исландии объясняется несколькими причинами. Помимо интереса к предмету изучения студенты понимают, что университетское образование, по крайней мере по программе бакалавра, становится все более необходимым требованием рынка труда в обществе, основанном на знаниях. Многие рабочие места в секторе услуг требуют университетского диплома, причем не какого-то *конкретного* диплома, а *хорошего* университетского диплома. Выпускники с дипломами по общественным наукам сравнительно легко находят работу на исландском рынке труда, причем работу самого разного характера. Не вызывает сомнений тот факт, что укрепление позиций выпускников на рынке труда как в общественном, так и в частном секторе обусловлено тем вниманием, которое на факультете общественных наук Исландского университета уделяется статистике и исследовательским методам.

Проведенный в 1995 г. опрос общественного мнения среди выпускников отделения политических наук, которое в то время предлагало только степень бакалавра, показал, что большая их часть нашла работу, которая их устраивала. Большинство из них работали в средствах массовой информации и занимались связями с общественностью, публичной администрацией, международными отношениями, преподаванием, исследованиями, лоббизмом и политикой. Значительная часть работала в частном секторе, и только немногие открывали самостоятельное дело.

Хотя опросов больше не проводилось, тем не менее представляется, что такое положение продолжает сохраняться и поныне. В последнее время наметилось некоторое увеличение выпускников отделения политических наук, работаюших в средствах массовой информации и в министерствах, причем особенно заметно их численность возросла в Министерстве иностранных дел.

Отделение политических наук Исландского университета приняло во внимание эти обстоятельства и предложило в этих областях две магистерские программы: магистра политологии по публичной администрации и по международным отношениям. Кроме этого, сотрудники отделения принимают активное участие в подготовке магистерских программ по журналистике, которые в настоящее время разрабатываются на отделении социологии факультета общественных наук. Все три магистерские программы являются мультидисциплинарными в том смысле, что они доступны для студентов разных специализаций, получивших диплом бакалавра, а преподавателями являются специалисты разных дисциплин.

Важной политической проблемой для небольшого отделения, стремящегося к углублению исследовательской работы, является вопрос о том, следует ли уделять внимание преимущественно небольшому числу наиболее одаренных студентов, цель которых составляет академическая карьера, или ориентироваться на более широкий круг студентов. Отделение политологии Исландского университета предпочитает второй подход.

На отделении стремятся дать образование сравнительно большому числу исландских студентов, основная часть которых никогда не будет активно заниматься исследовательской деятельностью. Кроме того, сотрудники отделения хотят разработать ориентированные на рынок труда магистерские программы, которые будут достаточно привлекательными

для студентов. Введение таких программ уровня магистра в определенной степени увеличит подготовку специалистов-исследователей. Однако этой цели можно будет легче достичь при введении меньшего числа магистерских программ при существенном увеличении докторских программ. Самое главное здесь то, что более крупное подразделение будет способно принять на работу большее число постоянных специалистов, чем ориентированное на элиту отделение, исключительно сконцентрированное на исследованиях. Исландский университет планирует изменить нынешнее среднее соотношение преподаватель/студент с 1:21 до 1:17. Такое изменение будет активно приветствоваться на отделении политологии, где это соотношение в настоящее время составляет 1:79 по сравнению с 1:50 на факультете общественных наук в целом.

Таким образом, сочетание массового образования на университетском уровне и повышенного внимания к исследовательской деятельности на международном уровне рассматривается как тот путь развития, который с наибольшей вероятностью приведет к самым лучшим результатам в области политологических исследований в Исландии. Широкая база студентов и ориентированные на рынок труда магистерские программы будут способствовать росту числа соискателей докторской степени и сотрудников, занятых в области исследований.

Неотъемлемой частью этой картины будущего является развитие международного сотрудничества. Самой сильной стороной Исландского университета в настоящее время является то, что большинство его преподавателей получили степень доктора наук в зарубежных университетах. Многие из них учились в лучших университетах мира. Такое положение отчасти изменится, если большинство соискателей докторской степени будет защищаться в Исландии. Поэтому важно, чтобы Исландский университет поощрял соискателей докторской степени часть времени проводить в зарубежных университетах. Другой возможностью, которой не следует пренебрегать, является введение совместных дипломов. Некоторые из способных исландских студентов, конечно, будут стремиться продолжать образование в лучших зарубежных университетах.

Отделение политологии также должно стремиться к привлечению большего количества иностранных студентов и зарубежных преподавателей по крайней мере на временную работу (в дополнение к нескольким фулбратовским стипендиатам, преподающим на кафедре в последние годы). Кафедре следует стать активной составной частью гораздо более открытого и гибкого академического рынка в Европе и США.

Кроме того, для повышения уровня исследовательской деятельности политологов следует предпринять усилия для получения дополнительного финансирования за счет как частных, так и государственных

источников и в Исландии, и за рубежом. Важнейшим условием для достижения в будущем успехов политических наук в Исландии является повышение роли политологов в исландском обществе и развитие сотрудничества с разными его частями. То же самое относится и к участию в международных исследовательских проектах, а также к увеличению количества публикаций в международных реферативных журналах.

Литература

Kristinsson, Gunnar Helgi (1996): "Political Science in Iceland" in Jean-Louis Quermonne (ed.): *Political Science in Europe: education, co-operation, prospects: report on the state of the discipline in Europe.* Paris: Thematic Network Political Science: 323–336.

OECD (2005): *OECD Thematic Review of Tertiary Education. National Background Report for Iceland.* The report was carried out by the Educational Testing Institute of Iceland for the Ministry of Education, Science and Culture.

University of Iceland website [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www2.hi.is/page/hi_is_english_frontpage; March 2006).

Джон Коукли, Майкл Лэйвер

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИРЛАНДИИ

1. Введение

1.1. Исторический фон

Университетская система в целом. Историческая связь Ирландии с Великобританией в течение долгого времени оказывала сильное воздействие на ирландскую университетскую систему, история которой восходит к основанию в 1592 г. Университета Дублина, или Тринити Колледжа в Дублине (TCD). Будучи в течение долгого времени единственным университетом Ирландии, TCD сохранял протестантский характер до конца 1960-х годов, отражая господствующие экономические, социальные и политические позиции небольшого ирландского протестантского меньшинства. Рост католического среднего класса и подъем ирландского национализма в 1845 г. привели к тому, что правительство приняло решение о создании «Колледжей королевы» в трех провинциальных городах — Корке, Гэлуэйе и Белфасте. Хотя колледжи были открыты в 1848 г., их светские программы не соответствовали требованиям католиков. В результате католические епископы в 1850 г. приняли решение об основании Католического университета в Дублине (который открылся в 1854 г.).

Самое значительное событие в развитии нынешней университетской системы произошло в 1908 г., когда колледжи королевы в Корке и Гэлуэйе были переименованы соответственно в Университетский колледж Корка (UCC) и Университетский колледж Гэлуэйя (UCG) и объединены с католическим институтом в Дублине, ныне известным как Университетский колледж Дублина (UCD), в федеральный университет — Национальный университет Ирландии. Вместе с тем колледж королевы в Белфасте получил статус автономного университета как Белфастский университет королевы (QUB). В 1910 г. Католическая семинария и Папский университет в Колледже Святого Патрика Мэйнут, основанном в 1795 г., который некогда был крупнейшей семинарией мира, стал «признанным колледжем» Национального университета.

Раздел Ирландии в 1921 г. отделил Университет королевы от южной части острова, которая стала Ирландской Республикой.

В первые десятилетия существования независимого ирландского государства университетская система, унаследованная от британцев, продолжала существовать с незначительными изменениями. Однако в 1966 г. Колледж Святого Патрика Мэйнут открыл двери перед светскими студентами. В 1978 г. шесть колледжей третьего уровня обучения в Дублине объединились и на их основе был создан Дублинский технический институт. Следующий этап создания нынешней системы высшего образования пришелся на 1989 г., когда два национальных института высшего образования технической ориентации, основанные в Лимерике (1972 г.) и Дублине (1975 г.), получили статус автономных университетов — Университет Лимерика (UL) и Дублинский городской университет (DCU). В 1997 г. правительство Ирландии провело большую работу по юридическому оформлению ирландской университетской системы, которое нашло отражение в Университетском акте. Колледжам, входившим в состав Национального университета, был предоставлен статус независимых университетов, входящих в состав Национального университета Ирландии (NUI). К ним добавили факультеты искусства, науки, кельтских исследований и философии в Мэйнуте. Они были включены в недавно созданный Национальный университет — NUI, Мэйнут. NUI Дублина и NUI Корка предпочли сохранить свои традиционные названия, в результате чего в настоящее время в Ирландии юридически признаны семь университетов:

Дублинский городской университет (DCU)	<www.dcu.ie>.
Национальный университет Ирландии, Гэлуэй (NUIG)	<www.ucg.ie>.
Национальный университет Ирландии, Мэйнут (NUIM)	<www.nuim.ie>.
Тринити Колледж, Дублин (TCD)	<www.tcd.ie>.
Университетский колледж Корк (UCC)	<www.ucc.ie>.
Университетский колледж Дублин (UCD)	<www.ucd.ie>.
Университет Лимерика (UL)	<www.ul.ie>.

Политическая наука. Политическая наука в Ирландии, как и в других странах, — одна из наиболее поздно сложившихся университетских дисциплин. После основания Национального университета в 1908 г. была введена первая в Ирландии должность профессора политологии на кафедре этики и политики в UCD. Тем не менее в межвоенные годы политическая наука как университетский предмет оставалась слабо развитой; учебная программа ограничивалась лишь небольшим числом ра-

18-6054

бот, опубликованных в то время. Даже эта деятельность в основном определялась развитием таких смежных дисциплин, как история, конституционное право и философия, хотя определенный вклад в развитие дисциплины внесли публиковавшиеся время от времени работы профессора, работавшего на кафедре UCD, а также американских политологов, начавших писать об ирландской политике.

Пути, которыми развивалась современная политическая наука в ирландских университетах, отражали различные культурные традиции. В UCD, где долго ощущалось католическое прошлое университета, некоторые области, считавшиеся католической церковью «деликатными» (такие как образование, философия и политика), были особенно подвержены церковному влиянию. Первое светское назначение на кафедру этики и политики имело место лишь в 1961 г., но за ним последовало значительное развитие политических наук и становление в UCD политической науки в ее современном виде. Это развитие продолжалось в 1970–1980-е годы, а после перевода в 1989 г. таких дисциплин, как этика и моральная философия, на другую кафедру, образовалась кафедра политологии, сам факт переименования которой свидетельствовал о более пристальном внимании к политическим наукам.

В двух других колледжах Национального университета также обозначилось движение в направлении создания кафедр политических наук. В UCG кафедра политических наук и социологии была образована в 1969 г. Как и в UCD, первоначально эта область находилась под клерикальным влиянием, и первый светский профессор общественных наук в Национальном университете (один из авторов данной работы) был принят туда на работу в 1983 г. В UCC на протяжении некоторого времени на факультете коммерции в качестве самостоятельного предмета преподавалась публичная администрация, а в 1990 г. он постепенно был преобразован в факультет управления, где политическая составляющая образования была существенно усилена.

В TCD первый преподаватель политических наук был впервые назначен в 1948 г., а факультет политических наук был там создан в 1959 г. В более современных университетах преподавание политических наук вводилось на протяжении 1970-х годов в рамках междисциплинарных факультетов: на факультете управления и общества в UL, в школе бизнеса DCU и на факультете коммуникаций в Дублинском техническом институте. Тем не менее за последние несколько лет в результате внутренней университетской реорганизации были сознаны три новых факультета: школа права и управления в DCU; факультет политики и публичной администрации в LU и факультет управления в UCC. В результате в настоящее время в шести ирландских университетах действуют факультеты, полностью или частично занимающиеся политическими науками.

Однако во время подготовки этой статьи в ряде ирландских университетов, включая TCD и UCD, начинается проведение внутренней реорганизации в ответ на очень серьезное финансовое давление. Ее целью является объединение традиционно сравнительно небольших факультетов в меньшее число относительно крупных «школ», поскольку считается, что это приведет к снижению затрат и увеличению их «критической массы». Будущее покажет, станет ли эта реорганизация чисто косметической, призванной оказать влияние на правительство и другие финансирующие учреждения, оставив без изменений существующие «факультеты» политических наук в рамках новых организационных структур, или она приведет к более серьезным переменам в развитии политических наук в Ирландии.

1.2. Нынешний этап развития: Болонский процесс

Справедливости ради следует отметить, что Болонский процесс пока не оказал почти никакого влияния на развитие политических наук в Ирландии. Иначе говоря, в ирландской университетской системе Болонский процесс обсуждается достаточно широко, но его воздействие на принятие политических решений до настоящего времени было незначительным. Возможно, основная причина этого заключается в том, что, как и в британской системе, основные циклы обучения студентов в Ирландии рассматриваются как гораздо более близкие к Болонской модели, чем во многих континентальных европейских системах образования. Поэтому принято считать, что Болонский процесс не является насущной необходимостью для действительно серьезного реформирования системы образования в целом.

Возможно, самое большое воздействие на систему было оказано в области обеспечения качества/улучшения качества (QA/QI). Учитывая тот факт, что Болонский процесс направлен на достижение более высокой степени сопоставимости при учете курсовых кредитов в рамках европейской квалификационной системы (EQF), Ирландия полностью признала необходимость создания общих международных стандартов QA/QI. Важным шагом в направлении стандартизации системы QA/QI в ирландских университетах стало образование Совета по качеству ирландских университетов (IUQB) (см.: <www.iuqb.ie>). IUQB представляет ирландские университеты в международном плане в обсуждениях, непосредственно связанных с обеспечением международного качества в рамках Болонского процесса. Именно эта сторона Болонского процесса чаще всего упоминается в Ирландии.

Существенным препятствием на пути к полной интеграции ирландских университетов в Болонский процесс является то обстоятельство, что структура программ политических наук для студентов начальных курсов, как и большинства других программ обучения студентов, в ирландских университетах имеет существенные различия. Так, в TCD студенты, специализирующиеся в области политических наук, обучаются по четырехлетней программе, курсы которой составлены на базе учебного года; в UL программа тоже рассчитана на четыре года, но на основе системы семестров; а что касается DCU, UCD, UCC и NUIG, то в этих университетах предусмотрен трехлетний цикл обучения с программой, рассчитанной на семестры. Так, в частности, четырехлетняя программа TCD высоко оценивается в рамках университета, и попытки предыдущего ректора перевести программу TCD на семестровую основу были в университете единодушно отвергнуты; любые попытки ввести трехлетние программы обучения, соответствующие европейским стандартам, будут в высшей степени противоречивыми, хотя все более усиливается ощущение, что введение семестровых программ станет неизбежным следствием процесса интернационализации.

Другим препятствием является характер системы набора студентов, применяемой в национальном масштабе центральным ведомством заявлений (CAO). Это обстоятельство обсуждается ниже, но основной особенностью системы в этом отношении, даже в рамках университетов, является сложность или даже невозможность зачета курсов, имеющих низкие требования к приему, на курсах с высокими требованиями. Внутри университетов общий уровень переводов с одних программ на другие низкий, причем, как это ни парадоксально, легче добиться перевода из другого или в другой европейский университет, чем получить разрешение на перевод на другую программу в рамках одного ирландского университета. Поэтому применение EQF в полном объеме приведет к важным последствиям для внутренних и межуниверситетских переводов в Ирландии, причем последствия такого шага требуют к себе серьезного отношения.

В целом применение Болонской системы в полном объеме может иметь важные последствия для развития политических наук в Ирландии, самое значительное из которых будет состоять в расширении возможности переводов с одной программы на другую внутри университетов. Такое изменение может стать чрезвычайно спорным, если в университетах, программы которых считаются более популярными и/или престижными, на смену лучшим студентам придут менее способные студенты из других университетов. Именно эта вероятность станет весьма возможной в том случае, если программа EQF будет воплощена в полном объеме. Тем не менее господствующая ныне точка зрения сводится к тому,

что полного перехода на позиции Болонской программы в обозримом будущем не произойдет и пути трансформации в этом направлении сейчас предвидеть практически невозможно, а потому будет разумнее предметно ими заниматься в будущем.

2. Преподавание и исследования

2.1. Высшие учебные заведения с преподаванием политической науки

Как отмечалось выше, преподавание политических наук «официально» ведется на факультетах шести ирландских университетов:

DCU	Школа права и управления (7 преподавателей, включая 1 профессора)
NUIG	Факультет политических наук и социологии (9 преподавателей*, включая 1 профессора)
TCD	Факультет политических наук (8 преподавателей, включая 1 профессора и 2 доцентов)
UCC	Факультет управления (7 преподавателей, включая 1 профессора)
UCD	Факультет политологии (11 преподавателей, включая 1 профессора и 3 доцентов)
UL	Факультет политологии и публичной администрации (11 преподавателей**, включая 3 профессоров)

* Самооценка преподавателей, специализирующихся в области политических наук.
** Включена публичная администрация.

Формально не существует ни одного исследовательского центра, занимающегося политическими науками, хотя одна специализированная организация (Институт европейских проблем) периодически готовит доклады политологов.

2.2. Система дипломов и правила приема

Все упомянутые выше факультеты предлагают специализированные или смешанные программы для студентов, хотя значительно больше распространены программы, в которых политология сочетается на начальных курсах с какой-нибудь смежной дисциплиной — историей, социологией, правом и т.п. Такие курсы рассчитаны на три (DCU, NUIG, UCD, UCC) или четыре (TCD, UL) года.

Как отмечалось выше, набор в университеты в Ирландии проводится централизованно и регулируется центральным ведомством заявлений (CAO) (см.: <www.cao.ie>). По окончании средней школы успехи учащихся оцениваются на основе проводимых на национальном уров-

не выпускных экзаменов по ряду предметов, число которых обычно колеблется от шести до девяти. Знания по шести важнейшим предметам (A1 составляет 100 баллов, A2 — 90, B2 — 80, D2 — 50 баллов и т.д.) оцениваются таким образом, что выпускник может получить максимум 600 баллов. Все абитуриенты заполняют стандартные заявления, перечисляя в них ограниченное количество курсов, на которые они хотят поступить. Прием на каждый курс обусловлен квотами, устанавливаемыми университетами на основе доступных ресурсов. Как только в конце августа выдаются аттестаты зрелости, компьютер CAO распределяет студентов по курсам в соответствии с набранными ими баллами. Таким образом, если квота составляет 30 студентов, на курс зачисляются 30 лучших абитуриентов и т.д.[1] Поэтому сами ирландские университеты никак не контролируют набор ирландских студентов. Набор зарубежных студентов в разных университетах проводится по-разному, хотя оценки выпускных экзаменов зарубежных абитуриентов переводятся в ирландский эквивалент. В Ирландии труднее всего поступить на программу истории и политических наук в TDC, которому выделяются средства на прием 15 студентов в год. В 2004 г. минимальный проходной балл там составлял 550 из 600, т.е. в среднем принимались абитуриенты, набравшие 570 баллов. В TCD труднее было поступить только на юридический, медицинский и психологический факультеты (прием на которые жестко ограничен профессиональной аккредитацией). Иначе говоря, требования к поступлению на программы политических наук соответствуют основным положениям поступления в ирландские университеты. Требования к абитуриентам, поступающим на факультеты общественных наук, как правило, выше, чем к абитуриентам, которые хотят изучать другие гуманитарные или технические науки (куда обычно принимают больше желающих), и ниже требований к тем, кто стремится изучать предметы, ведущие к профессиональной квалификации (строго ограниченные квотами поступления).

Размер платы за обучение в университете регулируется правительством. Как правило, все студенты из стран Европейского союза в Ирландии имеют право учиться бесплатно — для них установлены минимальные размеры платежей, но они выплачиваются правительством, которое рассматривает их как часть государственной поддержки университетов. Тем не менее регистрационные и другие «расходы», которые по решению государства не являются «платой за обучение», хотя также регулируются государством, студенты выплачивают реальными деньгами, вместо того чтобы расходовать их на пиво и книги. В последние годы они быстро возрастали и в настоящее время составляют порядка 1000 евро в год.

Большинство студентов поступают в университеты сразу же по окончании средней школы, обычно в возрасте 17 или 18 лет. Поскольку формально их университетское образование начинается значительно раньше, чем в странах континентальной Европы, и его первый цикл может составлять три года, причем большинство студентов обычно укладываются в отведенные сроки, обычно возраст выпускников факультетов политических наук составляет 20–21 год (в DCU, NUIG, UCC, UCD) или 21–22 года (TCD, UL). Тем не менее значительное число студентов поступают в университет в более позднем возрасте, что является важным условием повышения зрелости студентов[2].

В NUIG и TCD программы магистра политологии отсутствуют. Остальные четыре факультета, где ведется преподавание политических наук, предлагают следующие магистерские программы:

DCU — магистр по международным отношениям; исследованиям в области международной безопасности; глобализации;
UCC — магистр по управлению;
UCD — магистр по политологии; европейским исследованиям; исследованиям в области развития;
UL — магистр по европейской интеграции; проблемам мира и исследованиям в области развития; международным исследованиям.

Докторская степень по политическим наукам предлагается на всех шести факультетах, где преподаются политические науки, как правило, на основе независимой подготовки и исследований, курируемых научным руководителем. От этой схемы отошел TCD, где введена общая программа магистра/доктора политологии, рассчитанная на четыре года и включающая как лекционные курсы, так и исследования.

Структура оплаты обучения в аспирантуре в разных университетах значительно варьируется, причем ирландская политика «бесплатного обучения» к послеуниверситетским программам не относится. Большинство студентов, обучающихся на диплом магистра, сами выплачивают взносы за обучение, которые составляют 3300–5000 евро в год. Взносы студентов стран, не входящих в Европейский союз, обычно в два раза выше. На уровне докторантуры отдельные университеты имеют свои программы стипендий, покрывающих расходы на обучение и содержание, а Ирландский совет по гуманитарным и общественным наукам (IRCHSS) действует на основе системы аспирантских стипендий, составляющих 12 700 евро в год (см.: <www.irchss.ie>). Последняя схема недавно привела к значительному улучшению в области субсидирования аспирантских исследований по политическим наукам в Ирландии.

Несмотря на это, многие аспиранты-политологи в состоянии оплачивать собственные исследования либо за счет поддержки родителей, либо за счет подработок, причем нередко в качестве ассистентов преподавателей, а в отдельных случаях и в качестве лекторов на почасовой ставке (платят их факультеты). Такая работа может быть значительно продлена на период, необходимый для завершения докторской диссертации.

2.3. Области обучения

На всех программах обучения ирландских студентов политическим наукам основное внимание уделяется преподаванию ирландской политики. Эта характерная черта, сильнее других объединяющая все факультеты, подкрепляется использованием общего учебника — вводного курса «Политика в Ирландской Республике». Подготовка этого учебника была инициирована и финансово поддержана Ассоциацией политических исследований Ирландии (*PSAI*), однако теперь вышло четвертое издание этого пособия, успешно издающегося коммерческим издательством (*Routledge*). Этот учебник стал общепринятым пособием для преподавания вводного курса по ирландской политике, одновременно являясь ценным введением для исследователей, занимающихся сравнительной политологией и стремящихся из одного источника получить общее представление об ирландской политике. Помимо этого общего стержня, относящегося к Ирландии, другие объединяющие факторы в программах политических наук отсутствуют, и в разных университетах они существенно отличаются друг от друга. Хотя почти все программы для студентов предлагают курсы по классической политической теории, методологии, электоральной политике, политике Европы и Европейского союза, сравнительной политологии и международным отношениям, из-за небольшого размера всех факультетов содержание программ, которые они предлагают, в значительной степени определяется опытом и интересами преподавателей факультета.

2.4. Исследования

До самого недавнего времени проблема, которая всегда затрудняла развитие исследований в области политических наук в Ирландии, заключалась в постоянной нехватке финансирования исследований, обусловленной господствующим мнением, в силу которого публичное финансирование университетов должно быть сосредоточено исключительно на преподавании, а на исследования почти ничего не выделялось. Начало изменения этой тенденции связано с образованием в 1995 г. Ирландского исследовательского совета в области общественных наук (ISSRC). Это была в основном частная организация, созданная под эгидой Ко-

ролевской ирландской академии, получавшая очень небольшую субсидию от ирландского правительства — около 127 000 евро в год. Эта сумма дополнялась ограниченным дополнительным финансированием от частного британского фонда, предназначенным на цели совместных исследований Севера—Юга. Выделяемые фонды должны были покрывать расходы на все исследования, проводящиеся в области общественных наук в Ирландии.

Большую роль в финансировании университетских исследований в целом и обшественно-научных исследований в частности сыграл другой крупный фонд — Atlantic Philanthropies. К 2002 г. им было потрачено 606 млн долл. в Республике Ирландия и 182 млн долл. в Северной Ирландии, причем часть этих средств была израсходована на развитие общественных наук, что позволило провести в этом районе ряд исследований, которые не были предусмотрены заранее (см.: <www.atlanticphilanthropies.org>). Это было связано с крупными структурными улучшениями в 1998 г. после начала проведения ирландским правительством Программы исследований в высших учебных заведениях (PRTLI). Введение этой программы знаменовало собой полный разрыв с традицией поддержки публичного сектора, при которой уровень финансирования был достаточно значительным, а выделение средств на исследования предназначалось всем дисциплинам. В частности, каждому ирландскому университету было предложено представить пакет мультидисциплинарных исследовательских программ, которые в целом оценивались престижным комитетом международных экспертов. Благодаря этому в результате внутренних университетских обсуждений, в которых активно участвовали политологи, у них появилась возможность вставлять в подаваемые PRTLI заявки весьма значительные исследовательские программы по политическим наукам. Уже первые результаты, выразившиеся в государственном финансировании первого этапа Ирландской программы социально-политического опроса общественного мнения и Ирландского архива данных по общественным наукам — проекта эмпирических исследований ISSRC, — были достаточно важными. Поскольку заявки на эти исследования входили в общий пакет с заявками по естественным наукам, средства, выделенные только на проведение программы по опросу общественного мнения, в несколько раз превышали ежегодные бюджеты исследований на все общественные науки в Ирландии за предыдущие годы. Результатом этого стало первое в истории страны Всеирландское национальное электоральное исследование (INES), финансированное достаточно щедро, чтобы провести ряд дополнительных панельных исследований, что еще несколько лет тому назад могло показаться невообразимой роскошью.

На этом же уровне было проведено финансирование ирландского участия в первых двух этапах Европейского социального опроса (также невообразимое еще несколько лет назад); созданы Институт изучения социальных изменений в UCD; Институт изучения международной интеграции в TCD; осуществлен целый ряд других инициатив. Все они получили очень высокую оценку и внесли большой вклад в развитие исследований в области политических наук в Ирландии, однако серьезной проблемой, вставшей перед PRTLI, оказалось то обстоятельство, что каждый раз финансирование осуществлялось без каких бы то ни было гарантий его продолжения. В связи с отсутствием таких обязательств в отношении такого рода инициатив нельзя разработать долгосрочную политику и приходится постоянно бороться за продолжение финансирования в условиях, когда предсказать исход этой борьбы невозможно. Последнее крупное выделение средств ирландским правительством на нужды исследований было направлено на строительство современных международных центров по ICT и биотехнологии.

Более стабильным и получившим столь же высокую оценку дополнением к финансированию исследовательской деятельности стало создание в 2000 г. Ирландского исследовательского совета по гуманитарным и общественным наукам (*IRCHSS*), бюджет которого в этом году составил 8 млн евро. Как явствует из названия, сфера деятельности IRCHSS охватывает как гуманитарные, так и общественные науки. Помимо программы для аспирантов, о которой упоминалось выше, он ведет программу грантов для сотрудников старшего и младшего звена, в которой решения принимаются международной группой экспертов. Эти гранты позволяют им взять годовой отпуск и вместо преподавания и административной деятельности заняться исследованиями, проектами. Это сильно отличается от положения, имевшего место ранее, при котором из-за недостатка финансирования годичный отпуск был большой редкостью. Помимо этого IRCHSS проводит небольшую программу финансирования индивидуальных исследовательских проектов, хотя у него нет средств для крупных исследовательских проектов, таких как электоральные исследования или создание архива данных. После образования IRCHSS ISSRC практически прекратил существование и формально был распущен, поскольку выполнил свои функции. Тем не менее на деле он сохранился и продолжает оставаться исследовательским советом в области общественных наук при Королевской ирландской академии, распределяя грант в размере 1,9 млн евро от Atlantic Philanthropies на «Исследовательскую программу третьего сектора», уделяющую внимание добровольному сектору Ирландии. В соответствии с этой программой выделяются исследовательские стипендии и финан-

сируются исследовательские проекты по общественным наукам, включая значительное количество политологов, к северу и югу от границы. Однако в настоящее время проведение программы подходит к концу, поскольку внимание финансирующей организации было переключено с поддержки академических исследований на другие проблемы.

Возвращаясь к исследовательской специализации отдельных ирландских факультетов, следует отметить, что каждый факультет стремится разрабатывать свою область исследований в ходе процесса, при котором специализация ирландских политологов переориентируется с замкнутости на ирландской политике в направлении основных международных тенденций. Из дублинских факультетов TCD более известен исследованиями выборов и межпартийной борьбы; интересы UCD сосредоточены на ирландской и североирландской политике, а также на политической теории; DCU развиваеттакие направления исследований, как международные отношения, Европейский союз и европейская политика. За пределами Дублина NUIG известен вниманием к социальной и публичной политике, а также работами теоретического характера; UL в основном занимается международными отношениями, политикой и публичной администрацией Европейского союза; а UCC разрабатывает проблемы местной политики и администрации, а также европейской политики.

2.5. Профессиональная коммуникация

Ассоциация политических исследований Ирландии (PSAI) была основана в Дублине в 1982 г. с целью изучения политики в Ирландии и политики Ирландии. Ее первая конференция проходила в Гэлуэйе в 1984 г., где были приняты уставные документы и завершилось создание формальной структуры организации. Членство в ней, доступное представителям других профессий, возросло с 44 человек, входивших в нее изначально, до 200 членов. Немногим менее половины их живут в Республике Ирландия, немногим менее четверти — в Северной Ирландии и приблизительно столько же — в Великобритании. Остальные находятся в континентальной Европе, Северной Америке и более отдаленных районах мира. Деятельность PSAI напоминает работу других национальных ассоциаций. Помимо развития интереса к дисциплине в целом, каждую осень ассоциация организует ежегодные конференции, в июне проводит семинар и дает прием, а также организует исследовательскую работу иного характера. Ее издательская деятельность включает публикацию информационного бюллетеня два раза в год, журнала «Ирландские политические исследования» (публиковавшегося ассоциацией до 2001 г. в качестве ежегодника, а позднее перешедшего в издательство «Фрэнк Касс», а затем в Routledge) и рядадругих изданий, вклю-

чая серию книг, в которых анализируются результаты последовательно проводившихся всеобщих выборов (1987, 1989, 1992, 1997, 2002 гг.); учебника «Политика в Ирландской Республике» и серии изданий по ранее не публиковавшимся материалам результатов выборов за период 1922–1944 гг.

Учитывая небольшой размер ирландского рынка и ограниченную коммерческую ценность этих публикаций, издательская деятельность, возможно, является наиболее значительным вкладом ассоциации. Что касается журнала, учебника и книг о выборах, каждый раз предпринимались шаги к тому, чтобы перейти от внутреннего издания PSAI к их изданию коммерческим издателем при спонсорстве PSAI. Нет никаких сомнений в том, что этот набор опубликованных работ составляет серьезную основу для упрочения позиций политических наук в Ирландии. Учитывая коммерческий успех этих изданий, которые в настоящее время реализуются PSAI, а также многочисленные международные конференции и семинары, в которых теперь могут участвовать ирландские политологи, возможно, настало время поставить вопрос о дополнительной поддержке, которую может предоставить PSAI, памятуя о незначительном числе ирландских профессионалов в данной области. Ее издательские проекты тем не менее дали ей определенные средства, поэтому на повестке дня продолжает стоять вопрос о том, чтобы PSAI стала играть более важную роль в национальной профессиональной ассоциации в условиях, когда национальных специалистов в этой области совсем немного, но в настоящее время их позиции вполне соответствуют международному уровню.

Ирландские политологи всегда играли значительную роль в развитии таких организаций, как ECPR, epsNet, и таких международных ассоциаций, как IPSA. Так, ирландские политологи занимали должности генерального секретаря и руководителя программ IPSA, соиздателя EJPR, членов совета и исполнительного ECPR и APSA, что явилось важным вкладом в международное значение такой небольшой профессии. Ирландские политологи являются активными участниками международных конференций, и для них столь же вероятно встретить своих коллег на зарубежных конференциях, как и на национальных ирландских мероприятиях.

3. Будущее политической науки в Ирландии

По большому счету политологи не оказывают большого влияния на ирландскую политику и общество. Ирландские политики и другие лица, ответственные за принятие решений, как правило, полагают, что им известно все, что нужно знать об ирландской политике. Поэтому они

так редко склонны прибегать к советам ирландских политологов или поручать им проведение исследований. Такое положение отличается от отношения к некоторым другим дисциплинам, таким как экономика или даже социология, которые считаются политически более релевантными (или менее доступными для публики), поскольку лица, ответственные за принятие решений, чаще пользуются советами ученых из этих областей. К числу важных исключений относятся периоды проведения избирательных кампаний и референдумов, когда представители средств массовой информации стремятся заручиться мнением «ученых мужей», занимающихся политологией.

Тем не менее в последнее время в этом вопросе наметились изменения. Один политолог вошел наряду с юристами в правительственную группу по пересмотру конституции, политологи выступали в качестве экспертов-свидетелей (как на стороне правительства, так и против него) при разбирательстве нескольких важных конституционных дел. Недавно за советами к политологам обращались по вопросам о реформе системы законодательных комитетов, о реформе сената и о введении процедуры электронного голосования. В этом плане по отношению к ограниченному числу специальных областей, в основном относящихся к институциональным вопросам, профессиональное мнение и результаты исследований политологов находят все более широкое признание в качестве вклада в более широкий процесс принятия решений.

Как уже отмечалось выше, несмотря на существенное улучшение положения в области финансирования исследований, оно продолжает оставаться недостаточным, и еще предстоит принять важные решения о долгосрочных источниках финансирования крупных инфраструктурных проектов, включая изучение выборов и создание архивов данных. Если, например, на следующих выборах в Ирландии не будут изысканы средства на их изучение или от недостатка финансирования пострадает архивация данных, возникнет большое количество вопросов, связанных с тем, что достигнутые в последние годы очевидные достижения могут оказаться иллюзорными.

Ранее также говорилось и о другом источнике неуверенности в будущем, связанном с проходящей ныне реорганизацией ирландских университетов. Представляется весьма вероятным, что на самостоятельные кафедры политических наук будет оказываться значительное давление, направленное на слияние их с другими дисциплинами, с тем чтобы политические науки были включены в качестве составной части в более крупные общественно-научные подразделения. Возможно, за исключением новой Школы политики и международных отношений в UCD (созданной в 2005 г. в результате объединения факультета политологии,

Дублинского европейского института и Центра проблем развития), ни один факультет политических наук в Ирландии не является достаточно крупным, чтобы при нынешних бюрократических нормах рассматриваться как самодостаточное подразделение, действующее по собственному усмотрению. Но все это по большому счету на практике может не иметь никакого отношения к тому, чем на деле занимаются ирландские политологи.

Скорее всего, ирландская политическая наука в обозримом будущем будет продолжать оставаться небольшой по численности ученых дисциплиной. Учитывая высокий уровень международной мобильности и тесные международные связи, поддерживаемые через Интернет, столь небольшой размер, как представляется, оказывает все меньшее влияние на разницу результатов исследований, поскольку ирландские политологи все в большей степени принимают участие в деятельности международного профессионального сообщества. Тем не менее это ставит вопросы о роли национальной профессиональной организации и означает, что ирландские политологи будут оставаться сравнительно слабыми в коллективном плане, когда речь идет о том, чтобы добиться выделения дополнительных ресурсов как в тех университетах, где они преподают, так и в рамках страны в целом.

Примечание. Более ранний доклад на эту тему, часть которого вошла в настоящий документ, а также библиографические ссылки можно найти в работе: *Coakley John.* Political Science in Ireland // Political science in Europe: Education, co-operation, prospects: Report on the state of the discipline in Europe / Jean-Louis Quermonne (ed.). Paris: Thematic Network Political Science, 1996. P. 295–320; этот материал также можно получить на сайте: <http://www.eps net.org/publications/sod/ireland.pdf> [2005-06-11].

Примечания

[1] На самом деле заявок на курсы подается существенно больше, чем принимают студентов в соответствии с известным проходным баллом на данный курс.

[2] Официальная политика направлена на значительное увеличение числа более зрелых студентов, которые по достижении 22-летнего возраста формально могут быть приняты на основе «зачисления по возрасту», а не по результатам экзаменов на аттестат зрелости. На практике каждый университет проводит собственное вступительное тестирование более зрелых студентов, хотя имеют место настойчивые попытки унифицировать этот процесс.

Джорджио Фредди, Даниела Джанетти

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИТАЛИИ[1]

1. Введение

1.1. Исторический фон

Первая кафедра политических наук в Италии была создана в Университете Флоренции в 1966 г. По европейским меркам, не говоря уже об американских, итальянская политическая наука действительно очень молода. Иными словами, возникновение политической науки как академической дисциплины в Италии произошло после Второй мировой войны.

Такое утверждение может удивить любого, кто знаком с более ранними работами по современной политической науке: ведь два крупнейших основоположника нашей дисциплины — Гаетано Моска и Вильфредо Парето писали свои труды до Второй мировой войны, не говоря уже о важнейшей роли, которую сыграл Роберт Михельс, приехавший в Италию как беженец из Германии по рекомендации самого Макса Вебера к очень влиятельному итальянскому обществоведу Achille Loria. Он позаботился о том, чтобы у Михельса была научная работа и впоследствии он стал руководителем кафедры политэкономии в Университете Перуджи.

Формально ни Моска, ни Парето не могут быть причислены к политологам. Первый — вальяжный господин, занимавшийся политикой, в зрелом возрасте получил кафедру конституционного права. Когда он помимо обязательных лекций по конституционному праву читал факультативные курсы, они были названы политической историей. Второй был по образованию инженером-механиком (работавшим в системе железных дорог Италии), он унаследовал большое состояние и переехал в Швейцарию, где стал заниматься исключительно научной деятельностью. В Италии у него не было никаких академических обязанностей, за исключением отдельных лекций или факультативных курсов, которые он читал в нескольких университетах.

У читателя неитальянского происхождения, внимательно просматривающего документы Министерства образования в Риме, могло бы возникнуть желание опровергнуть первый тезис этой работы о том, что

итальянская политическая наука как академическая дисциплина возникла в 1966 г. Он обратил бы внимание на то обстоятельство, что несколько *факультетов политических наук* было создано задолго до Второй мировой войны. Старейший из них — во Флоренции, он был образован еще в 1874 г. Три других — в Падуе, Павии и Риме — в 1924 г., а в 1927 г. *Фашистский факультет политических наук* был учрежден в Перудже.

Для англоязычного читателя *Факультет политических наук* содержит две лингвистические ловушки. Во-первых, это термин *facoltà*, который в итальянском академическом лексиконе имеет два разных значения. С одной стороны, он, точно так же, как и в английском языке, означает профессорско-преподавательский состав отделения или факультета. С другой стороны, он означает учебное подразделение со специальной профессиональной учебной программой по подготовке выпускников для удовлетворения определенных общественных потребностей во врачах, учителях, инженерах и других специалистах. Основной чертой таких программ является их мультидисциплинарное содержание в противовес монодисциплинарному содержанию чисто научных учебных программ, таких, например, как математика или физика. *Факультеты политических наук* с 1874 по 1927 г. были типично мультидисциплинарными, готовившими дипломатов, гражданских служащих, представителей колониальной администрации, функционеров профсоюзов и журналистов[2].

Вторую трудность для перевода составляет выражение *scienze politiche* — множественное число от *szienza politica* (политическая наука). Как это ни покажется странным, до недавнего времени так называли факультеты политических наук, программы которых включали десятки предметов, ни один из которых не был собственно политической наукой (см. также раздел 2). Такому, на первый взгляд, очевидному искажению есть институциональное и организационное объяснение. Учебные программы авторитарно диктовались Министерством образования, и особое внимание уделялось обязательным курсам (только по этим дисциплинам могли быть созданы кафедры). Факультеты имели определенную самостоятельность при добавлении факультативных или свободных курсов: до 1966 г. политические науки входили в некоторые учебные программы лишь как факультативные или необязательные курсы. Так, до 1960-х — начала 1970-х годов типичные программы факультета политических наук включали около 40–50% курсов, преподаваемых профессорами права, они составляли весомую часть курсов историков и философов, один или два курса читали экономисты, и от случая к случаю один курс включался в программы подготовки социологов и антропологов. Но политологов никто не готовил. Такое положение отражало господствующую роль профессоров права при существенном участии историков и философов.

До начала 1970-х годов процедура назначения профессоров на должности обеспечивала сохранение описанной выше структуры власти. Когда факультет принимал решение о назначении профессора, для его выборов собирался комитет в составе пяти профессоров, которые должны были изучить опубликованные кандидатами работы и определить троих победителей: первый из них занимал вакантную должность, а двум другим предоставлялся трехлетний срок, чтобы найти факультет, готовый принять их на работу. Процесс выборов был в высшей степени несовершенным. В этой связи можно привести следующий пример. Предположим, факультет политических наук решил выдвинуть кандидата в профессора общественных наук (до 1960-х годов итальянских обществоведов насчитывалось не более 15–20 на всю страну). Когда дело доходит до выборов, оценочный комитет в составе пяти человек, каждый из которых мог быть профессором любого факультета политических наук или юридического факультета в стране, составлял активный или пассивный электорат, численность которого могла доходить до сотен специалистов. И потому нередко, как этого и следовало ожидать, пятеро судей должны были оценивать кандидата, чьи работы совершенно не вписывались в сферу их компетенции. В результате исход процедуры нередко определялся комбинацией удачи, политики и приятельских отношений.

Если эти структурные ограничения сильно затрудняли признание современного эмпирически ориентированного политолога, то на пути развития эмпирической политической науки стояли еще более суровые преграды. В послевоенной Италии бушевали политические страсти. На политической арене господствующее положение занимали марксисты, либералы старой школы и католики, воодушевленные социальной доктриной католической церкви, и все они с одинаковым подозрением относились к таким эмпирическим дисциплинам, как политическая наука. Сторонники нормативного подхода к социальной действительности, революционеры, защитники социально-политического порядка — все они решительно выступали против эмпирического изучения политических фактов, отвлекающих внимание от умиротворяющих рассуждений о ценностях и идеалах и разглагольствующих о грубости человеческой природы и борьбе за власть. Враги политической науки совершенно справедливо отмечали, что эмпирическая политическая наука является антитезой идеологии. Против политической науки выступала академическая коалиция, объединявшая представителей трех направлений: философов аксиологической ориентации направления, кельси-

анских профессоров права и историков, выступающих с позиций неоидеалистического историзма. Философы высокомерно заявляли, что если политическая наука рассматривает низменные и грубые проявления власти, то философия занимается абсолютными универсальными ценностями. Юристы, взявшие на вооружение идею агностического позитивного права, крайне неодобрительно воспринимали интерес политической науки к закону в действии, реальному поведению и коллективному выбору. Историки, твердо убежденные в уникальности исторических фактов, рьяно отвергали мысль о том, что можно делать обобщения, одновременно принимая во внимание большое число случаев. В лучшем случае юристы, философы и историки относились к политической науке как к форме некоего академического придатка, в рамках которого политологи могли играть вспомогательную и дополнительную роль, занимаясь сбором информации, на основании обработки которой представители других дисциплин смогут получить подлинно научные результаты.

Достойная сожаления ситуация, описанная выше, стала быстро меняться в 1960-е годы. Главное событие в этом плане произошло в 1966 г., когда основоположник нынешней политической науки в Италии Джованни Сартори, за три года до этого утвержденный на пост руководителя кафедры социологии, был назначен руководителем кафедры политических наук в Университете Флоренции. Это событие знаменовало собой обретение политической наукой полной академической легитимности и имело более чем символическое значение: оно обозначило начало приблизительно 15-летнего процесса, который привел к консолидации политической науки как академической дисциплины. Как будет показано в заключительной части этого раздела, о положительном развитии в этом направлении свидетельствует ряд факторов — институциональный, организационный и культурный.

Влияние американской политической науки. В конце 1950-х и в 1960-е годы очень важную роль в общении и подготовке сравнительно большого числа представителей нынешнего старшего поколения профессоров сыграла американская политическая наука. В частности, большой вклад в развитие эмпирической политической науки внес Фонд Форда. Это было сделано за счет поддержки двух программ: с одной стороны, Фонд Форда сотрудничал в создании и руководстве (1958–1963 гг.) Школой административных наук (SPISA) на основе совместного соглашения между Школой права Болоньи и факультетом политических наук Университета Беркли. С институциональной точки зрения это предприятие успешным назвать нельзя, но побочным его результатом стала подготовка в Беркли ряда молодых специалистов. Пятеро из них позже стали в Италии профессорами, причем четверо — в области политических наук и социологии. С другой стороны, Фонд Форда щедро поддержал деятельность комитета по развитию политических наук (*COSPOS*), включавшую подготовку нескольких молодых специалистов (главным образом из университетов Флоренции и Турина), пятеро из которых сейчас являются профессорами. Говоря об этом, следует отметить, что становление современных политических наук в значительной степени было обусловлено поддержкой со стороны Фонда Форда и американских высших учебных заведений.

Доступность новых ресурсов. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в Италии наблюдался общий для многих государств Европы процесс резкого увеличения численности студентов университетов, обусловленный необходимостью в повышении квалификации рабочей силы, а также тем обстоятельством, которое получило название революции равных возможностей. Это неожиданное давление привело к образованию новых учебных заведений и значительному росту потребности в преподавателях.

Реформа учебных программ на политологических факультетах. Старые учебные программы, написанные для факультетов политических наук еще в 1920-е годы, как многие полагали, давно устарели, в связи с чем были разработаны планы создания новых программ, соответствующих потребностям и ожиданиям постиндустриального демократического общества. В 1968 г. были введены новые четкие программы, причем факультеты имели право продолжать преподавание по старым программам или перестроить учебный процесс в соответствии с новыми требованиями. Четырехлетняя учебная программа была разделена на две части. Программа первых двух лет обучения, носившая вводный и общий характер, являлась обязательной для всех студентов, которые при регистрации на третий год обучения имели право выбирать одно из пяти направлений специализации: историческое, социологическое, международное, экономическое и политическое/административное. Это дало возможность ввести достаточно большое количество новых курсов по политическим наукам, международным отношениям и публичной администрации.

Новые правила конкурсного получения академических должностей. К середине 1970-х годов старая громоздкая система выборов оценочными комитетами оказалась полностью несостоятельной. Она могла существовать в былые времена господства элит, когда группа избирателей не превышала 50 человек; но со временем в выборы стали вовлекаться сотни специалистов, и система утратила всякий смысл. Вместо нее была разработана новая система, в основе которой лежало соображение о том,

что члены отборочной комиссии и кандидаты должны представлять одну дисциплину. Выборы и конкурсы продолжали носить национальный характер, и новые группы избирателей объединялись в соответствии с системой классификации, основанной на отдельных дисциплинах. Для достижения самодостаточности в электоральных целях в дисциплинарную группу должны были входить не менее 15 профессоров. Если их было меньше, привлекали представителей смежных дисциплин.

Дисциплинарная группа «Политическая наука» была образована в соответствии с очень строгими, признанными в международном сообществе критериями с тем, чтобы ее ядро было представлено такими областями, как ненормативная политическая теория, сравнительная политология, публичная администрация и международные отношения. Когда проводился первый национальный конкурс, эта группа оказалась недостаточно многочисленной, чтобы выступать самостоятельно, и в ее состав были включены специалисты по нормативной политической теории, истории политических институтов, истории политической мысли и политической социологии. К началу 1980-х годов группа политических наук стала автономной.

Совокупная комбинация указанных выше четырех факторов составляет то, что мы могли бы назвать «окном возможностей» для развития политических наук.

1.2. Нынешнее развитие: Болонский процесс

Принципы Болонского процесса в Италии применяются на основе национальных законов и правил, действительных и обязательных для всех высших учебных заведений. Высшее образование регулируется в соответствии с указом, одобренным в 1999 г. (509/1999), который вступил в силу с 2001 г. Указ министерства от 22 октября 2004 г. дополнил и пересмотрел указ министерства 509/1999 в отношении реформы системы высшего образования[3].

Во многих европейских странах на протяжении долгого времени организация высшего образования основывалась на системе двух дипломов. Общей чертой этой структуры является первый диплом (*бакалавра*), открывающий доступ к образованию на получение второго диплома (*магистра*). Такая структура традиционно существовала в Ирландии, Соединенном Королевстве и на Мальте, а в континентальной Европе — во Франции. В Германии новая система, основанная на получении двух основных дипломов, была введена в 1998 г.

В соответствии с Болонским процессом Италия ввела систему двух дипломов в 2001 г.: первый, соответствующий диплому *бакалавра*, называется *Laurea* (три года обучения) и дает возможность продолжать

образование на первом уровне *магистра* (один год) или на втором уровне, называемом *Laurea specialista* (два года), либо на первом уровне *Diploma di specializzazione* (три года). Кроме того, в 2001 г. в соответствии с проводимой реформой была введена национальная система кредитов, основанная на достижениях в учебном процессе (1 кредит составляет 25 часов обучения). Студент должен сдать ряд экзаменов, которые в год дают 60 кредитов. Оценки выставляются по 30-балльной шкале (где минимальный проходной балл соответствует 18, а максимальный — 30 баллам). Эти оценки также могут быть представлены шкалой от A (отлично) до F (неудовлетворительно).

Другими важными правилами, утвержденными в соответствии с Болонским процессом, стали ратификация Лиссабонской конвенции (закон 148/2002), в соответствии с которой в итальянское законодательство и процедуры академического признания вводился ряд существенных новшеств; создание фонда поддержки мобильности студентов, включая дополнительные средства на гранты Erasmus (закон 170/2003); введение национального реестра студентов и выпускников (декрет министерства от 30 апреля 2004 г.).

Важным следствием Болонского процесса и решений, принятых позднее на его основе, стало введение национальной системы оценки качества (декрет министерства 146 от 28 июля 2004 г.). Национальная система, действующая по образцу тех, которые уже введены в других странах (национальные организации, осуществляющие оценку в соответствии с определенными требованиями, эффективная оценка процедур и независимая экспертная оценка), в отношении образования пока не внедрена, хотя Национальный комитет по оценке университетской системы (*CNVSU*) действует с 1999 г. (бывший Наблюдательный комитет по оценке университетской системы, созданный в 1993 г.). Комитет публикует документы и предложения по оценке качества национальной университетской системы, которая пока еще не создана. CNVSU собирает в университетах ежегодные данные, включающие некоторые показатели; кроме того, его сотрудники анализируют «отчеты по оценке», предоставляемые университетскими оценочными подразделениями (*Nuclei di Valutazione*), и составляют национальные отчеты, основанные на представленной информации и вопросниках, рассылаемых «Nucleo» каждого университета студентам. CNVSU также определяет минимальные требования к составлению курсов на университетские дипломы.

В 1993 г. в законодательном порядке были созданы подразделения внутренней оценки деятельности университетов. Их роль была преоб-

разована в 1999 г. В их задачу входит: подготовка ежегодного отчета на основе запросов информации CNVSU, в частности о внутренних структурах и их деятельности; сбор и рассылка данных на основе показателей, предоставленных CNVSU; проведение опросов студентов с целью получения их мнения о преподавательской деятельности; составление отчетов по результатам заполнения вопросников, которые надо отсылать CNVSU. Подразделения оценки также дают своим университетам советы об открытии (или подтверждении) аспирантуры в соответствии с установленными требованиями.

С 1995 г. CRUI (Конференция ректоров итальянских университетов) стала применять соответствующие процедуры по оценке преподавания на курсах первой ступени университетского образования. На первой фазе (1995–1999 гг.), когда оценка проводилась по трехлетним дипломам, существовавшим в то время (*Diplomi universitari*), было охвачено несколько университетов, а с 2001 г., когда был установлен новый уровень «Laurea» (уровень бакалавра), оценке подвергались курсы бакалавра в 70 университетах.

Независимая экспертная оценка результатов исследовательской деятельности в разных областях проводится Комитетом по оценке исследований группами экспертов (национального и международного уровня). Оценка университетов началось летом 2004 г. (см. разд. 2 о результатах оценки в области социально-политических наук).

2. Преподавание и исследования

2.1. Высшие учебные заведения с преподаванием политической науки

Факультеты политических наук существуют во многих итальянских университетах (табл. 1). Как правило, эти факультеты предлагают учебные планы, включающие не только политическую науку, но также политическую философию, право, историю, экономику, социологию, статистику и иностранные языки. За период 1999–2005 гг. процент политологов или ученых, занимающих должности, соответствующие рубрике «политическая наука» (SPS/04) на официальном сайте Министерства высшего образования (*MUIR*), возрос с 6,5 до 7,2% (Capano, 2005). Тем не менее эти цифры пока ниже, чем процент профессоров права (23,8%), историков (18,3%), экономистов (16%) и социологов (14%). Эти данные свидетельствуют о сохранении на итальянских факультетах политических наук традиционной структуры, при которой господствующие позиции занимают юристы и историки. Лишь недавно их главенство начали оспаривать социологи и экономисты.

Таблица 1

Распределение политологов по итальянским университетам и факультетам политических наук

Университет	Количество политологов в университете	Политологи, преподающие на факультетах политических наук	Политологи в процентном соотношении к общему числу преподавателей	Политологи, преподающие на других факультетах
Бари	—	—	67 (—)	—
Болонья	28	28	159 (17,6%)	
Кальяри	1	1	54 (1,9%)	—
Калабрия	4	4	44 (9,1%)	—
Катанья	10	10	88 (11,4%)	—
Флоренция	18	18	114 (15,9%)	—
Генуя	5	5	62 (8%)	—
Лече	1	Факультет политических наук отсутствует		Литература
Мачерата	1	1	29 (3,5%)	
Мессина	1	1	58 (1,7%)	
Милан Государственный	16	16	201 (8%)	
Милан Bicocca	1	Факультет политических наук отсутствует		Социология
Милан Политехнический	1	Факультет политических наук отсутствует		Архитектура
Милан Католический	5	3	37 (8,1%)	Социология, коммуникационные науки
Милан Bocconi	2	Факультет политических наук отсутствует		Экономика
Молизе	2	Факультет политических наук отсутствует		Экономика
Неаполь Фридрих II	4	—	94 (—)	Социология
Неаполь восточный	3	3	62 (4,8%)	
Падуя	10	10	111 (9%)	

Окончание табл. 1

Университет	Количество политологов в университете	Политологи, преподающие на факультетах политических наук	Политологи в процентном соотношении к общему числу преподавателей	Политологи, преподающие на других факультетах
Палермо	2	2	71 (2,8%)	
Парма	1	Факультет политических наук отсутствует		Литература
Павия	8	8	63 (12,7%)	
Перуджа	1	1	64 (1,6%)	
Перуджа Straniery	1	Факультет политических наук отсутствует		Литература
Пьемонт Восточный	1	1	31 (3,1%)	
Пиза	2	2	55 (3,6%)	
Рим La Sapienza	6	4	132 (3%)	Коммуникационные науки
Рим III	3	3	62 (6,3%)	
Рим Luiss	1	1	17 (5,9)	
Рим San Pio V	—	—	8 (—)	
Рим	1	Факультет политических наук отсутствует		Литература
Салерно	4	2	45 (4,4%)	Право, литература
Сассари	2	2	39 (5,1%)	
Сиена	4	4	57 (7%)	
Терамо	1	—	68 (—)	Коммуникационные науки
Турин	15	15	155 (9,1%)	
Тренто	5	Факультет политических наук отсутствует		Социология
Триест	7	7	58 (12%)	
Тусция	—	—	14 (—)	
Урбино	5	1	26 (3,8%)	Социология
Всего	183	153	2141 (7,15%)	30

Источник: Подсчитано по: Carapo (2005).

Как видно из табл. 1, при нынешней системе национальное распределение политологов очень неравномерно. Возьмем, например, два диаметрально противоположных случая: в Риме, где работают пять университетов, есть только 11 политологов; а в единственном университете Болоньи преподают 28 политологов. Для объяснения такого несоответствия следует обратиться к историческим условиям, описанным в разделе I.

Открытие новых вакансий в начале 1970-х годов повсеместно вызвало увеличение преподавательского состава при наличии важных различий. На старых факультетах политических наук, перегруженных правоведами и историками, была дана полная свобода действий, определяемых идеологическими и дисциплинарными пристрастиями и направленных против эмпирической политической науки, но эта кампания печально завершилась для тех, кто ее развязал. Факультет в Болонье (являющийся наиболее показательным примером учебного заведения, полностью использующего преимущества «окна возможностей») не был создан на базе юридического факультета и потому обладает полной автономией. Эта автономия была там использована для достижения нескольких целей. Во-первых, было сведено на нет отрицательное влияние юристов: из 80 ныне работающих там профессоров только двое являются правоведами; на других факультетах юристы составляют не менее 25%. Во-вторых, в Болонье сразу же была внедрена введенная в 1968 г. система учебных программ, что позволило значительно увеличить число новых курсов по политической науке. И кроме того, там было принято важнейшее, хотя и неформальное решение, которое неукоснительно соблюдается по сей день. Все ресурсы, выделяемые факультету, должны быть разделены на пять частей: одна — на нужды программы первых двух лет обучения, четыре другие — на потребности следующих групп дисциплин: политическая экономия, социология, политическая история, политология и управление. В результате вместо атмосферы взаимных нападок и столкновений на факультете в Болонье удалось создать отношения сотрудничества и дисциплинарной солидарности.

2.2. Области обучения

Политическая наука при системе двух дипломов. Реформа 2001 г. увеличила возможности для включения курсов политологии на различных факультетах. В настоящее время политические науки включены в восемь дипломов бакалавра и 23 диплома второго уровня.

Приведенные данные свидетельствуют о постоянном расширении курсов политических наук. Если в 1989 г. курсы политических наук входили в учебные программы 57 специализаций, то теперь они составляют часть программ 240 специализаций.

Таблица 2

Факультеты, на которых преподавались курсы политических наук в 2004/2005 учебном году

Факультет	Уровень		Всего
	первый	второй	
Политологии	118 (143)*	80 (126)*	198
Социологии	7	5	12
Права	5	3	8
Литературы	3	0	3
Коммуникационных наук	3	0	3
Экономики	3	1	4
Итальянского языка и культуры	1	1	2
Архитектуры	0	1	1
Межфакультетский	5	0	5
Педагогики	1	0	1
Всего	146	91	237

* Общее число курсов, преподаваемых факультетами политических наук.
Источник: Capano (2005).

Преподаваемые курсы. После реформы на факультетах итальянских университетов стали преподавать 140 различных наименований курсов политических наук (в прошлом их было только 20). Однако несмотря на такое разнообразие наименований, основные области преподавания можно классифицировать следующим образом: введение в политологию, политологическая методология, политическая теория, сравнительная политология, итальянская политика, международные отношения, европейские исследования, политические партии и выборы, общественное мнение, политические коммуникации, местное управление, публичная администрация и анализ публичной политики (Capano, 2005). Четыре области (политическая наука, международные отношения, анализ публичной политики и публичная администрация) составляют до 57% преподаваемых курсов. Следует добавить, что курсы по «политической науке» как таковой преподаются только на половине итальянских факультетов политических наук. Кроме того, 283 курса, составляющие до 67% их общего числа, преподаются в 12 университетах (в Болонье, Катании, Флоренции, Генуе, Милане, Неаполе Frderico II, Падуе, Павии, Риме Sapienza, Турине, Тренто, Триесте). Эти данные подтверждают упоминавшуюся раньше неравномерность распределения.

Учебники. Важной стороной развития итальянской политической науки в 1970-е годы была попытка научного сообщества перевести несколько работ по политическим наукам, написанных американскими авторами. В результате в Италии были опубликованы и широко использовались в качестве учебников многие книги и сборники статей или отрывков — первой из них стала *Antologia di scienza politica* (1970 г.) под редакцией Джованни Сартори.

В 1980–1990-х годах итальянские политологи начали издавать учебники на итальянском языке. В то время к числу наиболее распространенных относились «Учебник политологии» Джанфранко Паскино (1986 г.) и сборник очерков «Анализ политического процесса» под редакцией Анджело Панебьянко (1989 г.).

В настоящее время существует несколько учебников, из которых наиболее широко используются следующие: Маурицио Котта, Донателла делла Порта, Леонардо Морлино «Политическая наука», 2001 г.; более краткой версией учебника тех же авторов являются «Основы политической науки», 2001 г.; Джанфранко Паскино «Новый курс политологии» (2004 г., первое издание — 1997 г.) и Донателла делла Порта «Введение в политологию» (Болонья: «Иль Мулино», 2002 г.). Несмотря на некоторые существенные различия, в этих учебниках последовательно излагается содержание дисциплины и ее методов, подходов и областей исследования (Fasano, 2005). Болонское издательство «Иль Мулино», являющееся наиболее значительным итальянским издателем академических работ, постоянно выпускает переводы трудов по политическим наукам, в основном написанных учеными из США.

Докторантура*[1] *(PhD). Докторантские курсы направлены на подготовку выпускников университетов в области современных научных исследований или для работы на профессиональных должностях высшего уровня. На них принимаются обладатели итальянских дипломов второй степени или сопоставимых зарубежных дипломов; зачисление на курсы проводится по результатам конкурсных экзаменов; официальный минимальный срок обучения составляет три года; курсы считаются завершенными после написания самостоятельной диссертации. Старейшая и лучше всего зарекомендовавшая себя докторантская программа по политологии, действующая с 1984 г., предлагается консорциумом итальянских университетов, руководство которого ранее располагалось в Университете Флоренции. В настоящее время оно находится в Университете Forli в Болонье. В последние годы были открыты еще четыре аспирантуры (расположенные в Павии, Милане и Сиене). Последняя та-

[1] В российском контексте это нечто среднее между аспирантурой и докторантурой. — *Прим. науч. ред.*

кая программа была создана под эгидой *Instituto di Studi Umanistici* (ISU) при Университете Флоренции, являющемся одним из высших учебных заведений, через которые *Instituto Italiano di Scienze Umane (Итальянский институт гуманитарных наук,* SUM) готовит исследователей.

2.3. Исследования

Основным источником финансирования академических исследований является Министерство образования, университетов и науки (MIUR), распределяющее средства через несколько каналов в соответствии с поданными заявками (на основе софинансирования):

- PRIN (*Progetti di Ricerca di Rilevante Interesse Nazionale*) — основные фонды на академические исследовательские проекты. Задача состоит в предоставлении средств на приведение приоритетных проектов в соответствие с национальными интересами;
- FIRB (*Fondo per gli Investimenti per la Ricerca di Base*) — фонд фундаментальных исследований (университеты могут подавать заявки совместно с другими организациями);
- FAR (*Fondo per le Agevolazioni alla Ricerca*) — фонд прикладных исследований (в сотрудничестве с промышленными концернами);
- FISR (*Fondo Integrativo Speciale per la Ricerca*) — фонд для проведения исследований в сотрудничестве с региональными и/или другими государственными учреждениями (министерствами, государственными исследовательскими центрами и т.п.).

Финансовую поддержку академических исследований также осуществляют и другие министерства, такие как Министерство промышленности и торговли или Министерство здравоохранения. К числу других источников финансирования относятся Национальные оперативные программы (*Programmi Operativi Nazionali*, PON) — фонд для проведения исследований и подготовки высококвалифицированных специалистов для южных регионов, частично финансируемый Европейским социальным фондом.

Финансовая поддержка также оказывается научно-техническим разработкам, проводящимся на ограниченной территории (как правило, в одном регионе, провинции или муниципалитете), когда в этом заинтересованы представители промышленных кругов и определенные специализированные области (например, нанотехнологии, информационно-коммуникационные технологии и т.п.) или когда все местные партнеры заинтересованы в развитии какой-то определенной отрасли (университеты, общественные и частные исследовательские центры, специализированные отрасли промышленности, банки, фонды, органы местной власти и т.д.).

Фонды на поддержку академической исследовательской деятельности существуют и в других министерствах. Они расходуются, в частности, на развитие международных связей в таких областях, как подготовка высококвалифицированных исследователей, аспирантуры (объединенные докторские курсы), распространение научных знаний, а с недавнего времени на проведение совместных исследовательских проектов.

Кроме того, многие университеты располагают собственными фондами, предназначенными для проведения исследований (*Fondo di Ricerca di Ateneo*). Оценка проектов, критерии и правила финансирования самостоятельно определяются каждым университетом и могут существенно отличаться друг от друга, что делает невозможным проведение сравнительного национального сопоставления.

По данным Национального отчета MIUR за 2004–2005 гг., чрезвычайно сложно четко определить долю средств, выделяемых на университетские исследования, поскольку доступные данные обобщены и включают различные источники финансирования. Только PRIN занимается выделением средств исключительно университетам. Такая же трудность возникает при попытке определить количественные показатели средств частного сектора, направляемых в университеты.

В последнее время недостаток средств и изменение критериев оценки исследовательских проектов PRIN существенно осложнили положение в области общественных наук.

Средства Европейского союза используются недостаточно в связи с тем обстоятельством, что темы исследований определяются Европейским союзом заранее, а также в силу наличия организационных проблем и препятствий на пути создания исследовательских структур, куда входят ученые, представляющие различные дисциплины. Кроме того, нельзя забывать, что исследования в области общественных наук независимо финансируются только в рамках VI программы. В соответствии со следующей программой (VII) объявлено о выделении более крупных средств. Такое положение будет исправлено за счет создания Нового европейского совета по исследованиям, что позволит отдельным странам подавать заявки на самостоятельно разработанные исследовательские программы.

В рамках трех планов развития итальянской университетской системы (1998–2000 гг., 2001–2003 гг. и 2004-2006 гг.) министерство трижды предлагало всем итальянским университетам подавать заявки на программы межуниверситетского сотрудничества. За счет финансовой поддержки таких межуниверситетских программ министерство стремится не только поддержать мобильность студентов и преподавателей, но и активизировать обмен исследователями, работающими над общими проектами.

Политология: области исследований. В 1989 г. Леонардо Морлино написал первый отчет о развитии политических наук в послевоенной Италии. В нем были перечислены следующие основные области исследований: политическая теория, политическая культура, политическое участие, политические партии, группы интересов, массовые движения, электоральное поведение и выборы, политические институты (законодательные и исполнительные), бюрократия, судебная система и анализ публичной политики. Морлино (1989 г.) дал количественную оценку распределения исследовательских интересов итальянского политологического сообщества. Приведенные им данные основывались на публикациях итальянских политологов по разным субдисциплинам за период с 1945 по 1988 г. Из общего количества рассмотренных им 2018 публикаций примерно 33% были посвящены политическим партиям и выборам, 26,3% — международным отношениям (включая политические элиты, бюрократию и судебную систему), 12,5% — политической теории и основам политической науки, 9% — группам интересов и массовым движениям, 7,4% — анализу публичной политики, 6,0% — сравнительной политологии и 2,5% — общим особенностям итальянской политики. Морлино (1989 г.) также рассмотрел распределение исследовательских интересов во временной динамике. Так, например, в 1960-е и 1970-е годы господствующей тематикой было изучение политических партий, но в следующее десятилетие эти исследования утратили свое значение. Другим примером может служить особенно распространенное в 1960-е годы исследование политических элит, хотя некоторые важные работы в этом направлении были опубликованы в следующее десятилетие. Изучение публичной политики уже имело большое значение с точки зрения сравнительных исследований, несмотря на тот факт, что это направление у итальянских политологов вошло в число ведущих достаточно поздно. В докладе Морлино не было уделено внимания международным отношениям. А в наше время именно они вызывают у многих ученых наибольший интерес.

Насколько нам известно, в последние годы аналогичных количественных оценок не проводилось. Тем не менее росло значение изучения политических партий, предвыборной борьбы и поведения избирателей, особенно после избирательных реформ, проведенных в Италии в последнее десятилетие. Образование так называемой Второй республики в начале 1990-х годов вызвало появление десятков статей и книг об институциональных переменах, влиянии избирательных правил на политическую состязательность и возникновении новых политических партий. В начале 1990-х годов Институт Каттанео — исследовательский центр, основанный в 1965 г. и расположенный в Болонье, начал проведение исследовательской программы, посвященной выборам и поведению избирателей в Италии (*Итальянское национальное электоральное исследование*, ITANES), в которой приняли участие политологи из нескольких итальянских университетов. Группа ITANES провела четыре национальных электоральных опроса, которые внесли большой вклад в изучение изменений общественного мнения и поведения избирателей.

Хорошо известно, что за последние несколько десятилетий главным направлением в мировой политической науке стало изучение политических институтов. Новая институциональная революция оказала определенное воздействие и на Италию, предоставив новые аналитические инструменты для изучения политических организаций, органов законодательной власти, политических исполнительных органов, формирования правительства. В 1990-е годы продолжало развиваться изучение публичной администрации и публичной политики, и этот подраздел стал одним из наиболее сильных в итальянской политической науке, что показала публикация нескольких учебников (Radaelli, 2005).

Возникли новые области исследований. Быстро развивалось изучение различных аспектов политической коммуникации, в частности таких тем, как избирательные кампании, воздействие средств массовой информации и стилей коммуникации политических лидеров. Другой возникшей сферой изучения стали исследования институтов и политики Европейского союза. Развитие первого исследовательского направления было ускорено изменением стратегий политических акторов в предвыборной борьбе. Прогресс второго направления, очевидно, связан с растущим значением Евросоюза и его влиянием на институты и политику стран-членов.

В соответствии с данными, собранными Морлино, процент публикаций по вопросам, связанным с обсуждением гносеологических и методологических основ политической науки, достаточно высок. Это нашло отражение в широких методологических дебатах, воодушевлявших политологов вплоть до 1990-х годов, в центре внимания которых была дихотомия между индуктивным/дедуктивным методом конструирования теории и использованием качественных/количественных методов исследования.

В настоящее время накал страстей вокруг этих проблем существенно ослаб. Означает ли это, что итальянское сообщество политологов пришло к общей точке зрения на то, что, выражаясь куновским термином, следует рассматривать как «нормальную науку»? С методологической точки зрения, мы широко используем сравнительный метод, кейс-стадиз и в меньшей степени — статистику, даже несмотря на то, что уровень методологической сложности по американским меркам еще достаточно ни-

зок. С точки зрения разработки теоретических проблем формальная дедуктивная теория рационального выбора, которая играет основную роль в политической науке в условиях Европейского союза, в настоящее время разделяется меньшинством итальянских политологов.

Качество исследований. Важным показателем качества исследований являются публикации в международных реферируемых журналах. Plümper и Radaelli (2004) собрали данные о публикациях итальянских политологов в международных журналах. Авторы отобрали 89 журналов, перечисленных в алфавитном указателе Института научной информации (ISI) по общественным наукам, и просмотрели их за период с 1990 по 2002 г. Основные результаты их работы таковы: только четырем университетам удалось опубликовать более 15 статей за 13-летний период — это университеты Болоньи (23), Турина (16), Флоренции (16) и Римский университет Sapienza (16). Самое большое число сносок также было сделано на статьи, опубликованные учеными из Университета Болоньи (93). Тем не менее лишь небольшая часть этих статей, опубликованных в журналах по политическим наукам, на самом деле была написана политологами или учеными, чьи должности подпадают под рубрику «политические науки» на официальном сайте Министерства высшего образования (MIUR). Иначе говоря, авторство только 61 из 291 статьи может быть приписано людям, занимающим должности, связанные с политическими науками. Наиболее ощутимый вклад был внесен специалистами из университетов Болоньи и Флоренции. Из 23 статей, написанных специалистами из Университета Болоньи, 18 принадлежали профессиональным политологам, для Университета Флоренции эти цифры составляют 12 из 16. Сравнительно большая роль, которую играют эти университеты, отражает наличие там достаточно крупных коллективов политологов. К сожалению, специалисты девяти университетов, имеющих кафедры политических наук, за 13 лет не опубликовали в просмотренных журналах ни одной работы. В результате на основании этих данных можно сделать вывод о том, что стремление итальянских политологов к публикации на английском языке очень невелико. Как отмечают авторы, главная причина этого связана со структурой побудительных мотивов итальянской университетской системы, при которой публикации и сноски в международных журналах до последнего времени не являлись достаточно важными критериями для оценки деятельности факультетов университетов. Тем не менее недавно введенные процедуры оценки качества (QA) и распределения фондов вселяют некоторую надежду на то, что в ближайшем будущем эта тенденция изменится.

Обобщим результаты первой оценки области общественных и политических наук, проведенной CIVR (см. выше) в 2004 г. Оценка основывается на отобранном самим автором образце продукта, поданного в международную экспертную комиссию. Из 372 просмотренных работ 36,5% были посвящены политическим наукам и публичной администрации (к числу других областей относились коммуникационные науки, социология и антропология). В соответствии с результатами оценки экспертной комиссией публикации по общественным и политическим наукам свидетельствуют о том, что в реферативных журналах книги преобладают над статьями. Если статьи часто публикуются на других языках (60%), то книги почти всегда издаются на итальянском языке (90%); исторические темы или подходы превалируют над эмпирическими исследованиями; качество исследований неоднородно, оно достигает высокого или очень высокого уровня лишь в отдельных областях.

3. Профессиональная коммуникация

Итальянское общество политических наук (*Societa Italiana di Scienza Politica*, SISP) представляет собой некоммерческую ассоциацию, цель которой — стимулирование развития политических наук в Италии, научное сотрудничество между политологами в стране и за рубежом, а также координация деятельности итальянских высших учебных заведений.

Ассоциация была основана в 1973 г. как секция *Итальянского общества политических и общественных наук*. Первым президентом ассоциации был Джовании Сартори (1973–1975 гг.), за ним следовали Норберто Боббио (1976–1978 гг.) и Альберто Спреафико (1979–1981 гг.). В 1981 г. эта секция стала независимой и была переименована в *Итальянское общество политических наук*. Его первым президентом был Альберто Спреафико (до 1984 г.), за ним шли Марио Стоппино (1985–1988 гг.), Луиджи Бонанате (1989–1991 гг.), Джорджио Фредди (1992–1997 гг.), Леонардо Морлино (1998–2001 гг.), Маурицио Котта (2001–2004 гг.). Нынешним президентом является Фульвио Аттина. В настоящее время в состав общества входит до 290 членов, 32% которых составляют женщины.

Ассоциация имеет собственный сайт <http://www.sisp.it> и публикует в Интернете бюллетень, регулярно рассылаемый членам по электронной почте. Недавно в Интернете была начата онлайновая публикация Scienza Politica Italiana, посвященная состоянию профессии в Италии.

Официальным журналом ассоциации является *Rivista Italiana di Scienza Politica* (RISP), основанный Джованни Сартори в 1971 г., *этот журнал* внес большой вклад в развитие и упрочение дисциплины в Италии. За последние 30 лет изданием журнала вместе с Джованни Сартори занимались несколько политологов, в числе которых следует упомянуть Джанфранко Паскино, Роберто д'Алимонте, Леонардо Морлино, Маурицио Котту, Маурицио Ферреру, Серджио Фаббрини.

20-6054

Другими журналами, посвященными политическим наукам, являются *Teoria Politica*, основанный в 1985 г. группой политологов Университета Турина, *Quadreni di Scienza Politica*, основанный в 1994 г. группой политологов Университета Павии, и *Rivista Trimestrale de Scienza dell'Amministrazione*, который был преобразован в журнал политических наук под руководством Джорджио Фредди (1981–1991 гг.). Есть журналы, посвященные более конкретным областям исследований, таким как коммуникация (*Comunicazione Politica*), электоральное поведение (*Quaderni dell'Osservatorio Elettorale*) и анализ публичной политики (*Rivista Italiana di Politiche Pubbliche*).

Членство в международных ассоциациях политической науки может быть индивидуальным или институциональным. Некоторые итальянские политологи являются индивидуальными членами APSA (Американская ассоциация политических наук), IPSA (Международная ассоциация политических наук), epsNet или других национальных ассоциаций политических наук. Говоря об институциональном членстве, следует отметить, что первым итальянским членом ECPR (Европейский консорциум политических исследований) стал Университет Болоньи в 1972 г.. С тех пор итальянские политологи вовлечены в деятельность ECPR, причем некоторые из них избирались в исполнительные комитеты, а Джорджио Фредди из Университета Болоньи с 1988 по 1994 г. занимал там должность председателя. Маурицио Котта, Луиджи Граццано и Джорджио Фредди входили в число основателей «Тематической сети по политическим наукам», предшественницы epsNet.

Участие в APSA ограничивается «Группой итальянской политики», которой руководят ученые США, интересующиеся итальянской политикой, с участием итальянских специалистов. Ни один итальянский политолог никогда не занимал в APSA руководящих постов.

Активное участие в международных конференциях повышается за счет возрастающей глобализации профессии.

4. Будущее политической науки в Италии

В настоящее время политическая наука представлена небольшой достаточно хорошо организованной группой специалистов. Очевидно, многие ее области охвачены исследователями, и это справедливо можно считать ее сильной стороной. Однако, профессиональные и научные границы итальянской политической науки пока четко не определены. Наша явно упрочившаяся дисциплина еще несет в себе бремя интеллектуального, культурного и институционального наследия прошлого, налагающего на нее некоторые традиционные поведенческие и организационные отпечатки, и поныне сказывающиеся на ее развитии.

В интеллектуальном плане можно отметить, что из приблизительно 190 итальянских политологов работа значительного числа специалистов не имеет ничего общего с тем, что принято называть эмпирической политической наукой. Они рассматривают политические процессы с позиций нормативной философии, правовой доктрины и истории. Политологи, занимающиеся эмпирическими исследованиями, постоянно принимают участие в профессиональных встречах, организуемых IPSA, APSA и ECPR. А те, кто выступают с позиций нормативной философии, институционального права и истории, никогда на таких встречах не показываются, вполне отдавая себе отчет в том, что с точки зрения международного определения дисциплины они политологами не являются. Как и всем молодым отраслям знания, политической науке следует обрести ясную и четкую индивидуальность, что до сих пор остается непростой и до конца не решенной проблемой.

С культурной точки зрения здесь очевидна преемственность со старыми традициями иного характера. Как хорошо известно политологам, итальянская политическая культура очень фрагментирована и многие специалисты преданы разделяемой ими идеологии сильнее, чем пище и вину. В данном случае представители политической науки не составляют исключения, и потому среди них достаточно много «социалистов без кафедры», если использовать веберовское выражение. Они настойчиво, неизменно и открыто занимаются политической деятельностью. Несколько лет назад четверо профессоров были членами парламента; справедливости ради следует отметить, что двое из них придерживались левых взглядов, а двое других принадлежали к правому крылу. Если принять во внимание тот факт, что в тот период не насчитывалось и 40 профессоров политических наук, перефразируя Уинстона Черчилля, можно смело утверждать, что «никогда еще такое меньшинство не было представлено таким большинством».

К этому мы могли бы добавить не самый страшный грех — ученые разглагольствования, которыми страдают отдельные политологи во всех демократических странах. Так и наши политически ангажированные коллеги нередко выступают в качестве журналистов, их можно видеть в телевизионных шоу. В обычном разговорном итальянском языке термин «специалист по политическим наукам» почти никогда не употребляется; вместо него теперь в обиход вошел термин «политолог». Это произошло потому, что всех участников такого рода телевизионных передач представляют как политологов. И когда в них участвуют специалисты в области политических наук, к ним также обращаются как к политологам, что приводит к обескураживающей ситуации, при которой репутация политолога определяется не отношением к нему профессио-

нального сообщества, а воздействием заявлений людей, не имеющих никакого отношения к научной деятельности. Это также отнюдь не облегчает самоопределения дисциплины.

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов об институциональном и организационном аспектах проблемы. Как мы уже видели, дисциплина характеризуется весьма неровным географическим распределением. В некоторых университетах политической науке удалось завоевать прочные и хорошо защищенные позиции. В других ее функции мало чем отличаются от декоративных.

В некоторых наиболее стратегически и позиционно важных районах (таких как Рим) дисциплина практически не существует в качестве потенциального источника политико-административных изменений, а также подготовки и общения будущих руководителей. В целом если с исследовательской точки зрения дисциплина и занимает достойные позиции, достаточного влияния на политические и административные проблемы она не оказывает.

Обсуждавшиеся нами проблемы не имеют простых решений, особенно если попытки изменений исходят изнутри национальной системы. Учитывая положительные результаты деятельности своей кафедры, авторы настоящей работы полагают, что решить острые проблемы и достичь положительных изменений было бы легче при международной поддержке.

Одной из причин, по которой мы стремимся к созданию Европейской ассоциации политических наук, организованной как федерация национальных ассоциаций, является твердая уверенность в том, что она могла бы стать форумом для установления неформальных, профессионально значимых и в высшей степени небюрократических стандартов. Эти стандарты должны помочь определить позиции в следующих вопросах.

- Подготовка молодых ученых, которая, как хотелось бы надеяться, приведет к созданию более стандартизированных учебных программ в плане методологии и международной оценки докторских диссертаций.
- Определение — пусть недостаточно четкое, но все же определение — методологических и теоретических границ со смежными дисциплинами.
- Оценка отдельных лиц и организаций по трем позициям: преподавание, исследования, университетское управление.
- Разработка общего плана подготовки политологов для высшего профессионального звена руководства политическими процессами.

Подлинно европейские усилия, направленные на разработку плана приемлемого решения перечисленных выше проблем, призваны привести к тому, что национальный опыт европейских стран позволит развивать связи, укреплять солидарность и общие критерии, разделяемые различными интеллектуальными и географическими составляющими Американской ассоциации политических наук.

Примечания

[1] Нам хотелось бы выразить благодарность Джильберто Капано за предоставленные данные по академической организации политических наук в Италии и Джорджио Соле за обзор истоков дисциплины.

[2] Об этом свидетельствуют учебные программы Университета Перуджи.

[3] Содержание данного раздела основано главным образом на двух докладах: *Focus sulle strutture dell'istruzione superiore in Europa 2003–2004. Evoluzioni nazionali nell' ambito del processo di Bologna*, European Commission; *Toward the European Higher Education Area. Bologna process National Report 2004–2005*, MUIR, Italy.

Литература

Battegazzore, Francesco, Luciano Fasano, Giuseppe Di Palma (2005): "Come insegnare la scienza politica: una discissione sui manuali e la loro utilotà", *Rivista Italiana di Scienza Politica* 3: 525–556.

Capano, Giliberto (2005): "Abbiamo quello che meritiamo? L'insegnamento della scienza politica nelle Universita Italiane", *Rivista Italiana di Scienza Politica* 3: 495–524.

Cotta, Maurizio, Donatella Della Porta, Leonardo Morlino (2001a): *Scienza Politica*, Bologna: Il Mulino.

Cotta, Maurizio, Donatella Della Porta, Leonardo Morlino (2001a): *Fondamenti di scienza politica*, Bologna: Il Mulino.

Della Porta, Donatella (2002): *Introduzione alla scienza politica*, Bologna: Il Mulino.

Morlino, Leonardo (ed.) (1989): *Guide agli studi di scienze sociali in Italia. ScienzaPolitica*, Torino: Fondazione Agnelli.

Panebianco, Angelo (ed.) (1989): *L'analisi della politica*, Bologna: Il Mulino.

Pasquino, Gianfranco (2004, I[a] edition 1997): *Nuovo corso di scienza politica*, Bologna: Il Mulino.

Pasquino, Gianfranco (ed.) (1986): *Manuale di scienza politica*, Bologna: Il Mulino.

Plümper, Thomas, Claudio M. Radaelli (2004): "Publish or Perish? Publications and citations of Italian Political scientists in international political science journals, 1990–2002", *Journal of European Public Policy* 11 (6): 1112–1127.

Radaelli, Claudio M. (2005): "Lo studio e l'insegnamento delle politiche pubbliche", *Rivista Italiana di Scienza Politica* 2: 349–360.

Sartori, Giovanni (ed.) (1970): *Antologia di scienza politica*, Bologna: Il Mulino.

Sola, Giorgio (1984): "Scienza e teoria nei padri fondatori della scienza politica italiana" // Luigi Graziano (ed.): *La scienza politica italiana: materiali per un bilanco*, Milano, Angeli.

Боб Рейнальда

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В НИДЕРЛАНДАХ

1. Введение

1.1. Исторический фон[1]

Известно, что голландская политическая наука имеет глубокие корни. В 1613 г. Daniel Heinsius стал *профессором политики* в Лейденском университете. Разные науки, предметом которых было государство, в то время рассматривались как единое целое — «scientia politica». Тем не менее после того как в XIX веке господствующим в теории государства стал юридико-правовой подход, примерно с 1840-х годов вплоть до Второй мировой войны в голландских университетах существование политической науки как таковой практически отрицалось.

Сразу же после войны в Университете Амстердама был создан новый *факультет политических и общественных наук*. Оба его основателя были историками, но уже в 1930-х годах один из них, Jan Romien, близко познакомился с американской политической наукой. Они надеялись, что политическая наука станет тем средством, которое избавит голландцев от политической неопределенности, установившейся еще в годы оккупации, и улучшит подготовку государственных служащих и дипломатов. Однако левые истоки амстердамского факультета, который называли «красным факультетом», и тот факт, что в то время подавляющее большинство дипломатов и государственных чиновников, которые часто работали в Голландской Вест-Индии, изучали право в Лейденском университете, означал, что последнему было непросто встать на сторону новой дисциплины и ее претензий, и он держался от нее подальше.

В соответствии с религиозным делением кафедры политической науки были созданы в двух университетах религиозного происхождения — католическом Университете Неймегена (в 1950 г.) и кальвинистском Свободном университете Амстердама (в 1953 г.). Первые три заведующих кафедрами политических наук, созданными с 1948 по 1953 г. в Нидерландах, были выпускниками юридических факультетов. Лишь в

1963 г., впервые заведующим кафедрой политологии в Амстердаме был назначен Ханс Додт (Hans Daudt), который сам получил политологическое образование. Вскоре последовало назначение других политологов: в Лейдене — Ханса Даалдера (в 1963 г.) и Аренда Лийпхарта (в 1968 г.), а в Неймегене — Андриеса Хугерверфа (в 1969 г.). Появление этого нового поколения профессоров свидетельствовало о начале развития политической науки как отдельной дисциплины, имеющей собственные предмет и методы исследования. В то время большинство голландских политологов следовали примеру своих американских и английских коллег, увлекаясь бихевиоризмом и электоральными исследованиями. В 1955 г. полноценная программа по политическим наукам была введена в Свободном университете Амстердама, а в 1969 г. — в Университете Неймегена. Лейден ждал этого до 1980-х годов отчасти потому, что политическая наука преподавалась на юридическом факультете. 1960-е годы могут считаться временем становления новой дисциплины. Это относится не только к самим университетам, но и к голландской системе образования в более широком плане. В 1960 г. Академический совет создал консультационный Подкомитет по социологии и политическим наукам. В 1967 г. политическая наука была признана правительством академической дисциплиной и включена в Академический статут, который в то время регулировал образовательные программы в голландских университетах.

Одновременно процесс профессионализации развивался в других организациях. В 1950 г. была основана *Голландская ассоциация политических наук* — Nederlandese Kring voor Wetenschap der Politeik (дословно — Голландский кружок наук о политике). Сначала преподаватели политических наук составляли в ассоциации меньшинство, а остальными ее членами были конституционные правоведы, экономисты, историки и социологи, а также журналисты и политики. Члены ассоциации встречались несколько раз в год для чтения и обсуждения докладов, имеющих отношение к политической науке. Однако доклады, касавшиеся публичной администрации и международных отношений, обсуждались в двух других организациях — Институте административных наук (Instituut voor Bestuurswetenschappen), созданном в 1939 г., и Обществе международных отношений (Genootschap voor Intrnationale Zaken), которое в 1947 г. приступило к выпуску ежемесячного журнала *Internationale Spectator*. Основание Голландской ассоциации политических наук было поддержано ЮНЕСКО и Международной ассоциацией политических наук (IPSA). Последняя была образована в 1949 г. с целью объединения политологов разных стран, более точного определения основных принципов политологии как науки, отличной от таких дисциплин, как пра-

во, история и социология. Ян Баренц, с 1948 г. заведовавший кафедрой политических наук в Университете Амстердама, с 1949 по 1955 г. являлся членом Исполнительного комитета IPSA. В соответствии с курсом ЮНЕСКО и программами IPSA Баренц вместе со своими коллегами Де Йонгом и Шилихтингом (соответственно из Свободного университета Амстердама и Университета Неймегена) выступили в качестве основателей голландской ассоциации. При поддержке голландского правительства и благодаря субсидиям Фонда Рокфеллера и ЮНЕСКО в 1952 г. второй конгресс IPSA был проведен в Институте социальных исследований в Гааге. В 1954 г. Голландская ассоциация присоединилась к IPSA.

В 1965 г. Голландская ассоциация начала публикацию выходящего раз в три месяца журнала по политическим наукам под названием *Acta Politica*. То обстоятельство, что к этому времени уже несколько сотен студентов окончили университет, специализируясь в области политических наук, обусловило необходимость издания голландскими политологами собственного журнала, и ассоциация взяла на себя его поддержку. В первом номере содержались обзоры различных подразделов политической науки в Нидерландах. Кроме того, ассоциация стала каждую весну организовывать *Politicologenetmaal*. Это научный конгресс, продолжающийся ровно 24 часа («etmaal») — с 14 часов четверга до 14 часов пятницы, в рамках которого проводятся семинары и пленарные заседания. Ассоциация также стала проводить небольшие осенние конференции, посвященные отдельным областям и проблемам политики. С течением времени все большую роль в проведении этих конгрессов и конференций играли политологи. Помимо этого Голландская ассоциация начала присуждать ежегодные премии в области политических наук («Jaarprijs Politicologie») за лучшую докторскую диссертацию в этой области. Позже по инициативе *Acta Politica* была учреждена ежегодная премия имени Даниэля Хейнсиуса за лучшую магистерскую диссертацию.

Конец 1960-х — 1970-е годы в голландской политической науке были временем ожесточенного конфликта. Недовольные результатами и приложимостью бихевиоризма в целом и электоральными исследованиями в частности, ученые начали дискуссию об обоснованности существовавших подходов к развитию дисциплины. Это обсуждение касалось таких вопросов, как отношение между политической наукой и политикой, содержание учебных программ по политическим наукам и границы политической науки. Вскоре дисциплина оказалась в состоянии полного расстройства. Такое положение лишь усугублялось тем, что многие из начавших это обсуждение руководствовались чувствами сильной личной неприязни. Эти проблемы, не разрешавшиеся более десятилетия, серьезно затронули преподавание политических наук. Единствен-

ным важнейшим следствием стало то, что политологи, специализировавшиеся в области публичной администрации, больше не чувствовали себя свободно ни на кафедрах политических наук, ни в ассоциации. В связи с этим в 1973 г. была создана самостоятельная профессиональная Ассоциация публичной администрации (*Vereniging voor Bestuurskunde*), а три года спустя в Университете Твенте был образован первый отдельный факультет публичной администрации и публичной политики. Вскоре за ним последовали университеты Лейдена, Роттердама и Неймегена. Это лишь усугубило уже сложившееся положение в голландской политической науке. Если во многих других странах публичная администрация является частью политической науки точно так же, как сравнительная политология и электоральные исследования, то в Нидерландах они в большей или меньшей степени разделены, хотя довольно большое число сотрудников факультетов публичной администрации получили политологическую подготовку. В связи с внутренними проблемами в 2001 г. факультет политических наук Свободного университета Амстердама, который долгое время оставался исключением из правила, разделился на два отдельных факультета. Другим следствием существовавших проблем и раскола политической науки и публичной администрации стало то, что, несмотря на попытки привлечь в Голландскую ассоциацию политических наук политологов, работавших вне рамок академических учреждений, в ней осталось сравнительно мало членов.

Когда в начале 1980-х годов страсти в конце концов улеглись, в Нидерландах существовало пять факультетов политических наук: в Университете Амстердама (значительно превосходящий другие факультеты по размерам), в Университете Лейдена, в Университете Неймегена, в Свободном университете Амстердама и в Университете Эразма в Роттердаме (самом молодом, где факультеты политических наук и публичной администрации были созданы в 1970-е годы). Дисциплине не было дано достаточно времени, чтобы «оправиться от потрясений». С середины 1980-х годов голландские университеты и их гуманитарные и общественно-научные факультеты в частности из года в год сталкивались с серьезными сокращениями финансирования в результате политики экономии, проводившейся несколькими стоявшими у власти правительствами. По сути дела, эти сокращения продолжаются и в наши дни. Какими бы ни были преимущества голландской «польдерной» модели[2], при полном исключении участия университетов в достижении консенсуса по этому вопросу правительственные расходы на высшее образование были резко сокращены. В результате первого этапа сокращения финансирования, объявленного в 1986 г., факультет политических наук в Роттердаме был закрыт. Важным побочным следствием сокращения

финансирования стало усиление фрагментации дисциплины. Поскольку политическая наука представляет собой сравнительно небольшую дисциплину, и без того ослабленную мятежным прошлым, она не смогла достаточно оправиться от такого политического удара на национальном уровне, чтобы защитить свои позиции. Четыре оставшиеся факультета были предоставлены сами себе в борьбе за выживание в тех университетах, где кафедры сохранились.

По прошествии 20 лет можно сделать вывод, что голландской политической науке в большей или меньшей степени удалось пережить двойной удар — радикализма и сокращения расходов. Правда, теперь все четыре факультета значительно меньше, чем в начале 1980-х годов, но политическая наука, бесспорно, нашла свою академическую «нишу». Она превратилась в зрелую дисциплину. Отношения между факультетами все еще остаются достаточно хрупкими, однако важно отметить, что предпринятые в 1990-х годах попытки создать единую национальную исследовательскую школу политических наук окончились безрезультатно. После всех этих перипетий большинство исследовательских групп, работающих в области политических наук, присоединились к Нидерландскому институту управления (NIG) — национальному исследовательскому центру публичной администрации.

1.2. Нынешнее развитие

Результатами Болонского процесса стали два крупнейших изменения — создание инструментов для качественной оценки, а также введение в 2002 г. системы аккредитации и трехуровневой структуры дипломов.

В 1997 г. основные критические замечания комитета по *обеспечению качества* («visiatiecommissie») в области политической науки сводились к большому разнообразию учебных программ и очевидному отсутствию общих характеристик. По мнению этого комитета, у факультетов Национальной ассоциации не было четко выраженного мнения о ядре учебной программы, и это усугубляло сложности привлечения внимания потенциальных студентов, работодателей и общества в целом (*Report Quality Assurance Committee*, 1997: 7). Система обеспечения качества в Нидерландах возникла во второй половине 1980-х годов в связи с необходимостью объединения урезанных государственных средств и повышения качества образования. Первый комитет по оценке качества в 1987 г. был назначен министром образования, но для того, чтобы дистанцироваться от правительства, следующие составы комитета назначались частной Ассоциацией сотрудничества голландских университетов (*Vereniging Samenwerkende Nederlandse Universiteiten, VSNU*). К числу

дисциплин, охваченных соответствующими комитетами обеспечения качества по политическим наукам, относились социология, политические науки и публичная администрация (1987 г.), административные, прикладные и политические науки (1992 г.), политические науки (Лейден, Амстердам, Неймеген) и политические науки и публичная администрация (Свободный университет (1997 г.), политические науки (Университет Амстердама, Свободный университет, Лейден и Неймеген) (2004 г.)[3]. В 2004 г. комитет пришел к заключению, что благодаря инициативе Голландской ассоциации политических наук четыре программы политических наук в настоящее время имеют больше общего между собой в плане преподавания основных предметов политических наук. Тем не менее комитет продолжал выступать с критикой неопределенности границ между политическими науками и публичной администрацией. Члены комитета высказали пожелание, в соответствии с которым лучше было бы либо интегрировать публичную администрацию в состав политических наук, либо создать возможности для развития двух четко разделенных дисциплин, чем сохранять существовавшую ситуацию (*Report quality assurance committee*, 2004, 27). Можно сделать вывод о том, что проводившаяся на протяжении двадцати лет оценка качества прочно вошла в практику и к настоящему времени политические науки и публичная администрация считаются различными областями.

Болонский процесс можно рассматривать как попытку преодолеть различия в области высшего образования во всей Европе в условиях глобальной конкуренции. Он начался в 1999 г. с принятия Болонской декларации и нашел отражение в политическом решении о создании Европейской зоны высшего образования, задачей которой является развитие мобильности студентов и сотрудничества между европейскими университетами. В число задач, определенных Болонской декларацией, входят введение системы четко определенных и сопоставимых дипломов, переход к структуре двух циклов образования, создание системы взаимозачета кредитов ECTS, развитие мобильности, европейского сотрудничества в обеспечении качества и внедрения европейских параметров высшего образования (см.: Reinalda, Kulesza, 2005: 9). После принятия декларации последовали регулярные встречи министров, в которых принимают участие почти все европейские страны — как входящие в состав Европейского сообщества, так и те, которые в него не входят. В Нидерландах после создания Европейской зоны высшего образования в законодательном порядке с августа 2002 г. была введена система аккредитации, а с сентября 2002 г. — структура бакалавр—магистр.

В августе 2002 г. была введена новая система аккредитации, позволяющая программы дипломов приводить в соответствие с определенными критериями качества. Аккредитация дипломов составляет прero-

гативу недавно основанной *Голландской фламандской организации аккредитации* (*Nederlands-Vlaamse Accreditatie Organiatie, NVAO*). Эта процедура основана на отчете внешних (независимых) комитетов или агентств по оценке. Аккредитация является предварительным условием для государственного финансирования программы диплома, получения права на выдачу официально признанных дипломов и предоставления грантов или займов студентам, обучающимся по данной программе. Введение новых систем аккредитации и дипломов своей целью ставило радикальное изменение программы академического образования. Одной из сопутствующих целей было сокращение финансирования бакалаврских программ за счет их реструктуризации. Также предполагается, что некоторые магистерские программы будут закрыты, поскольку они не привлекут достаточного числа студентов. Одним из негативных последствий введения системы аккредитации является то, что она чрезвычайно бюрократизирована и требует больших затрат. Расходы на нее в два или три раза превышают затраты на предшествовавшую систему.

В результате новой ситуации отдел обеспечения качества сотрудничающих университетов (VSNU) был преобразован в отдельную организацию, известную ныне под названием QANU — *Quality Assurance Netherlands Universities*. QANU предлагает университетам внешнюю оценку программ академического образования и исследований путем экспертизы коллегами в оценочном комитете, а также поддержку при подаче университетами заявлений на аккредитацию. Оценка качества политических наук в 2004 г. сопровождалась одновременной процедурой подачи заявлений на аккредитацию программ бакалавра и магистра политических наук. Четырем голландским факультетам, предлагающим программы бакалавра и магистра политических наук, аккредитация была предоставлена.

С сентября 2002 г. в результате Болонского процесса в Нидерландах была введена трехступенчатая система дипломов (бакалавр, магистр и доктор). Позднее приняли Европейскую систему перевода кредитов (ECTS) в качестве способа количественной оценки обучения. Завершение программы бакалавра (первый цикл) требует получения 180 кредитов, что соответствует трем годам обучения. Хотя программа магистра (второй цикл) может требовать 60, 90 или 120 кредитов, в соответствии с правительственной политикой обычная программа магистра по общественным наукам требует получения 60 ECTS (один год занятий), за исключением исследовательских программ магистра, которые могут требовать получения 90 или 120 ECTS. Комитет по оценке качества в области политических наук выступает за программы магистра, требующие по меньшей мере 90 ECTS, но, учитывая политику правительства, это остается лишь благим пожеланием (*Report quality assurance committee,*

2004, 28). Третий цикл (доктора наук) ведет к получению докторской степени. Минимальный срок подготовки докторской диссертации в Нидерландах составляет четыре года. Хотя в период введения новой системы дипломов в вопросе о сроках обучения существовали разногласия, можно сказать, что к настоящему времени на четырех голландских факультетах политических наук введена структура бакалавр—магистр, при которой подготовка бакалавра требует трех лет, обычная подготовка магистра — одного года, а доктора наук — четырех лет обучения (всего: 3 + 1 + 4). При обсуждениях голландских программ бакалавра свою роль сыграли рекомендации Европейской конференции национальных ассоциаций политических наук (ECNA) по основным требованиям к бакалавру гуманитарных наук по общественным наукам. На всех четырех факультетах были приняты решения о том, что студенты должны набрать не менее 90 кредитов по курсам политических наук из 180 кредитов ECTS (Reinalda and Kulesza, 2005, 94–95, 223–4). Благодаря Голландской ассоциации политических наук было достигнуто соглашение о том, что завершение каждой голландской программы по политическим наукам позволит студентам получить доступ на обычные программы магистра в любом университете. Если в Университете Лейдена и Свободном университете Амстердама выступали за преподавание программы магистра на английском языке, то в университетах Амстердама и Неймегена было принято решение вести преподавание на голландском языке.

2. Преподавание и исследования

2.1. Высшие учебные заведения с преподаванием политической науки

В Нидерландах действуют четыре факультета политологии, на которых в октябре 2004 г. обучалось 1927 студентов на диплом бакалавра, и 87 — на диплом магистра. Самое большое число студентов училось в Университете Амстердама и Университете Лейдена. Два менее крупных факультета работают в Свободном университете Амстердама и в Radboud Университете Неймегена (так теперь называется бывший католический Университет Неймегена). В таблице 1 представлена численность студентов этих университетов в 2000–2004 гг. Следует отметить, что до 2003 г. речь идет о традиционной системе (с общим количеством студентов), а с 2003 г. — о системе бакалавр—магистр[4].

Чтобы дать более полную картину распределения голландских студентов по отраслям — как политических наук, так и публичной администрации, — я также представлю численность студентов отделений публичной администрации. Общее число студентов, в 2004 г. обучавших-

Таблица 1

Студенты, обучающиеся на дипломы бакалавров (БА) и магистров (МА) политических наук в Нидерландах в 2000–2004 гг.

Университет	2000	2001	2002	2003 (БА)	2003 (МА)	2004 (БА)	2004 (МА)
Университет Амстердама	792	790	840	898	2	875	27
Лейден	319	337	435	539	1	618	13
Свободный университет Амстердама	263	274	297	270	12	276	29
Неймеген	103	99	114	137	13	158	18
Всего	1477	1500	1686	1844	28	1927	87

Источник: <www.vsnu.nl>, *Ontwikkeling WO per opleiding.xls*, по материалам на 13 сентября 2005 г. Студенты в Неймегене, обучающиеся на диплом магистра, в 2002 г. были добавлены к общему числу студентов за тот же год.

Таблица 2

Студенты, обучающиеся на дипломы бакалавра (БА) и магистра (МА) публичной администрации в Нидерландах в 2000–2004 гг.

Университет	2000	2001	2002	2003 (БА)	2003 (МА)	2004 (БА)	2004 (МА)
Лейден	404	406	411	450		445	
Утрехт	190	251	293	361		401	
Роттердам	484	498	503	554		542	
Неймеген	137	133	143	150	17	142	32
Тилбург	61	57	63	77		118	
Твенте	460	431	417	409		376	
Свободный университет Амстердама*					25		45
Всего	1736	1776	1830	2001	42	2024	77

* Данные о численности студентов отделения публичной администрации в Свободном университете Амстердама отсутствуют, поскольку они были учтены под рубрикой «политические науки» до того, как образовались два отделения. По другим статистическим данным на сентябрь («Vooraanmeldingen») в 2004 г. в Свободном университете Амстердама насчитывалось 150 студентов, обучающихся на бакалавра политологии, и 113 — на бакалавра по публичной администрации.

Источник: <www.vsnu.nl>, *Ontwikkeling WO per opleiding.xls*, по материалам на 13 сентября 2005 г.

ся публичной администрации в шести университетах Нидерландов (Лейден, Утрехт, Роттердам, Неймеген, Тилбург и Твенте), немного больше, чем студентов, изучавших политические науки, — 2024 человека. Общее количество магистрантов в том же году несколько ниже — 77 человек. В настоящее время крупнейшие факультеты находятся в Роттердаме, Лейдене, Твенте и Утрехте. В таблице 2 показана динамика развития за период с 2000 по 2004 г.

Мне не удалось найти тематических данных по численности профессорско-преподавательского состава, и я, по опыту зная, как много поправок надо сделать, чтобы такого рода данные были сопоставимы, буду использовать показатели, представленные в 1997 г. комитетом по оценке качества политических наук. Хотя эти данные в определенной степени устарели, они тем не менее дают представление об относительных различиях между факультетами политических наук. Следует заметить, что в Свободном университете Амстердама с 2001 г. существуют два факультета (политических наук и публичной администрации). В таблице 3 приводятся данные о численности профессорско-преподавательского состава (профессора, адъюнкт-профессора, доценты, другие научные сотрудники, аспиранты) в середине 1990-х годов.

Таблица 3

Профессорско-преподавательский состав голландских факультетов политических наук в середине 1990-х годов

Университет	Профессора	Адъюнкт-профессора	Доценты	Другие научные сотрудники	Аспиранты	Всего
Университет Амстердама	5	8	27	2	8	50
Лейден	3	4	12	2	8	32
Свободный Университет Амстердама	6	3	15	1	3	28
Неймеген	2	1	6	3	7	19

Источник: Report quality assurance committee (1997: 27).

В докладе по оценке качества за 1997 г. также приводится некоторая информация о соотношении студент/преподаватель в то время. Существует огромная разница в численности студентов в FTE (эквивалент полной занятости) по образованию между университетами Амстердама (79,1) и Неймегена (18,8). Соотношение студент/преподаватель на четырех факультетах в 1995/96 учебном году представлено в табл. 4.

Таблица 4

Соотношение студент/преподаватель (1995/96 учебный год)

Университет	FTE по образованию	Количество студентов	Количество дипломов	Количество студентов в FTE по образованию	Количество дипломов в FTE по образованию
Университет Амстердама	16,3	1289	208	79,1	12,8
Лейден	10,3	403	85	39,1	8,8
Свободный университет Амстердама	9	500	69	55,5	7,7
Неймеген	5,8	107	23	18,8	4

Источник: Report quality assurance committee (1997: 27).

2.2. Система дипломов и правила приема

До 2002 г. голландская система высшего образования состояла из двух ступеней — первой из них была четырехлетняя программа, по завершении которой предоставлялась возможность продолжать обучение на второй ступени, ведушей к получению докторской степени. Программа первого года обучения начального цикла включала общие вводные курсы, а к концу года — введение в специализацию (с присвоением диплома, называемого «propedeuse»). На протяжении следующих трех лет изучались другие обязательные курсы программы, велась подготовка в области методологии исследований и дипломной работы. Выпускники получали степень «doctorandus» (сокращенно drs), что рассматривалось как эквивалент диплома магистра, и это давало им право продолжать образование для получения высшей — докторской — ученой степени. Как отмечалось выше, с 2002 г. была введена трехступенчатая система высшего образования, первый цикл которой, длящийся три года, ведет к получению диплома бакалавра (включающего диплом первого года обучения «propedeuse»), второй цикл — программа магистра, она продолжается один год, а третий цикл — программа обучения для получения звания доктора наук (сокращенно dr)[5], рассчитанная на четыре года. В голландских университетах существует система профилирующих и непрофилирующих предметов, однако до последнего времени в области политических наук она не была распространенной. С 2005/06 учебного года в Университете Неймегена студентам предоставлена возможность использования 24 ECTS — или четырех факультативных курсов —

по непрофилирующим предметам на других факультетах этого или других университетов. Университет Лейдена предлагает различные комбинации профилирующих и непрофилирующих предметов по публичной администрации, антропологии, истории, психологии и философии.

Помимо правовых нововведений возникает новое отношение к научному сообществу[6]. С 1970 г. суть правительственной политики в отношении университетов определялась положением о том, что высшее образование должно стать доступным для всех, включая выходцев из слоев населения с низким уровнем доходов. С точки зрения увеличения численности студентов такой процесс «демократизации» был достаточно успешным, но в сочетании с урезанием государственного финансирования университетов и студенческих грантов этот процесс привел к переполненным аудиториям, отсутствию мотивации у преподавателей и увеличению процента отсева. В соответствии с официальной политикой правительства студенты должны учиться 40 часов в неделю и университеты должны предлагать программы, основанные на 40-часовой учебной неделе, но на деле из-за отсутствия средств к существованию многие студенты вынуждены работать 20 и более часов в неделю. Если университетам в Соединенных Штатах удается сосредотачивать внимание студентов на образовании и стимулировать их к достижению более высоких результатов, голландские университеты вынуждены концентрировать внимание прежде всего на слабых студентах, в частности через организационные меры по их поддержке. Оборотной стороной медали стало то, что академические программы теперь носят достаточно схоластический характер. Несмотря на все принимаемые меры, процент отсева студентов с первого курса достаточно высок не из-за отсутствия у них мотивации, а из-за слабого руководства в первый год обучения или из-за недостатка информации о дисциплинах, которые они должны изучать. Правительство стремится остановить тенденцию к отсеву, публикуя сравнительные данные о достижениях университетов (в надежде на то, что студенты будут более критически подходить к выбору учебных заведений) и о финансовой системе, которая непосредственно связана со способностью университетов удерживать студентов и повышать процент выпускников. К числу университетских инициатив, направленных на изменение сложившейся тенденции, относится создание «наградных порграмм», предназначенных для студентов, стремящихся выйти за рамки обычной учебной программы, а также так называемых университетских колледжей, которые сами отбирают голландских и зарубежных студентов на основании вступительных собеседований, предоставляют студенческое общежитие, а также расширенные культурные программы занятий, отличающиеся от обычных. Более того, в Универ-

21-6054

ситете Лейдена начали экспериментировать с разными методами отбора студентов. Хотя «отбор на входе»[7] в Нидерландах запрещен, в настоящее время такой подход рассматривается как возможность помощи студентам в усилении их мотивации к учебе, а также в плане того положения, которое они займут в экономике, основанной на знаниях. Еще одна инициатива, рассматривавшаяся правительством, состояла в том, чтобы разрешить университетам, дающим «лучшее образование», взимать плату за обучение более высокую, чем установленная в законодательном порядке и составляющая примерно 1500 евро в год.

Большинство студентов поступают в университет сразу же после окончания средней школы, как правило, в возрасте 18–19 лет. На деле в голландских университетах обучаются два типа студентов. Это связано с двойной системой существующих университетов. Высшее образование в Нидерландах представлено двумя типами университетов: исследовательскими (*universiteiten*) и профессионального образования (*hogescholen*). Второй тип в большей степени, чем первый, ориентирован на практическую работу. Каждому из этих двух типов высших учебных заведений соответствуют подготовительные программы средней школы. Студенты, окончившие так называемые программы подготовительного образования к поступлению в университеты, рассчитанные на четыре года (VWO, *Voorbereidend Wetenschappelijk Onderwijs*), имеют право поступления непосредственно на программы бакалавра в исследовательские университеты. По окончании программы бакалавра студенты могут продолжать обучение на программах магистра. Это первая и наиболее многочисленная группа. Вторая группа состоит из студентов, которые обучались в средней школе по другой программе и могут поступать в исследовательские университеты на «снизу», а «сбоку». В средних школах они обучаются по более сжатой программе (рассчитанной на пять лет или четыре года), после чего могут сразу поступать в университеты, дающие профессиональное образование. Однако такие студенты могут переводиться на программы бакалавра в исследовательские университеты, если успешно закончат первый год обучения по программе бакалавра в университете профессионального обучения. Выпускники, получившие дипломы бакалавра в университете профессионального образования, могут поступать на программы магистра в исследовательские университеты, но лишь после того, как выполнят ряд дополнительных требований. Существуют специальные подготовительные программы, обычно рассчитанные на год, на которых они могут добрать недостающие курсы за второй и третий годы обучения по программе бакалавра. Общей проблемой, ощущающейся многими студентами университетов профессионального образования, является недостаток подготовки в академической области и отсутствие навыков использования исследовательской методологии.

2.3. *Области обучения*

Последний комитет оценки качества пришел к выводу, что четыре голландские программы обучения политическим наукам имеют много общего. Существуют лишь небольшие расхождения в отношении курсов, подхода к политическим наукам и соотношения между образованием и исследованиями. Все четыре программы бакалавра предлагают курсы по политической теории (история политической мысли или политическая философия), методологии (как количественные, так и качественные методы), политической системе Нидерландов и Европейского союза, сравнительной политологии (национальных политических систем), международным отношениям, публичной администрации и анализу политического курса, а также элементам политической экономии, политической социологии и политической истории (*Report quality assessment committee,* 2004: 13). Наиболее существенные различия существуют при определении последовательности тех или иных курсов в программе обучения (ibid.: 27).

В университетах Амстердама в первый год обучения по программе бакалавра политические науки представлены курсами по политической структуре и процессам, публичной администрации и анализу политического курса, курсами политических теорий, гносеологии и методологии, международных отношений, курсами политической и экономической истории. На втором и третьем годах обучения студенты изучают курсы по развитию политических наук, методологии исследований, политической экономии и правовому режиму в соответствии с политической наукой, а также базовый блок дисциплин, ведущих к специализации (политическая теория, европейская политика, публичная администрация или международные отношения). Студенты в Лейдене начинают с вводных курсов почти по всем подразделам политических наук, таким как международные отношения, политическое поведение и сравнительная политология. Это продолжается на втором году обучения, где они также изучают вспомогательные курсы политических наук, такие как публичная администрация, история, право и экономика. Студенты кафедры политических наук в Свободном университете Амстердама в первый год помимо курсов, посвященных политическим наукам, учатся по общей программе со студентами коммуникационных наук, публичной администрации, антропологии и социологии. Основное внимание там уделяется общественным науками и методологии исследований. На втором и третьем годах обучения студенты изучают обычные

курсы политических наук. Программа в Неймегене строится на семестровой основе с такими темами, как введение в политические науки, национальное правление, правление в Европе, сравнительное правление, экономика, сравнительные административные и политические системы, а также управление, рациональность и справедливость. Все программы бакалавра завершаются подготовкой дипломной работы, нередко составляющей часть более широкого проекта. Существуют достаточные основания, чтобы дипломная работа составляла часть тематического проекта, но это связано с определенными процедурами. Проекты создаются для того, чтобы обеспечивать студентам научное руководство и контроль за подготовкой дипломной работы в срок.

Есть разные способы, благодаря которым студенты могут извлечь пользу из международного сотрудничества. Все четыре программы предлагают им в течение определенного времени обучение в зарубежном университете по таким программам, как Socrates (Европа) или ISEP (США), либо на основе двусторонних соглашений. Во всех случаях студентам предоставляется организационная и финансовая поддержка. Для привлечения иностранных студентов на этапе обучения по программе бакалавра преподавание некоторых курсов — дополнительных или основных — ведется на английском языке. С сентября 2005 г. и Университет Лейдена, и Свободный университет Амстердама продолжат эту традицию, поскольку преподавание по магистерским программам будет вестись на английском языке. Это даст им возможность привлекать как голландских, так и зарубежных студентов. В Нидерландах существует общее несоответствие между числом приезжающих и выезжающих студентов-политологов, поскольку выезжающих из страны голландских студентов меньше, чем приезжающих в Нидерланды. Введение системы бакалавр—магистр отрицательно сказалось на внешней мобильности студентов, поскольку плотно организованные программы оставляют очень небольшую возможность для их отъезда за границу. В период обучения на бакалавра им лучше всего это сделать на первом семестре третьего года обучения, но студенты редко находят аналогичные программы в зарубежных университетах. Насыщенная годовая программа магистра не оставляет времени для студенческого обмена. К числу других возможностей относятся летние университеты или стипендии для продолжения обучения в зарубежных университетах после получения диплома магистра.

Программы магистра политических наук состоят из курсов, направленных на углубление знаний по отдельным разделам политической науки и проектам, на которых могут сосредоточиться студенты при специализации и подготовке дипломной работы магистра. Магистерская

программа в Университете Амстердама предлагает студентам много курсов по выбору, а также несколько дипломных проектов в областях, по которым они специализируются и готовят диссертации. В Университете Лейдена есть три магистерские программы: магистра политологии, магистра международных отношений и дипломатии и исследовательская программа магистра, ориентированная на подготовку к обучению по программе доктора наук — магистра философии политических наук: институциональный анализ. Программа магистра в Университете Неймегена включает курсы по классической политической мысли, методологии исследований, параллельные курсы по власти в международных отношениях, национальным политическим системам, а также политической теории, современным дискуссиям и дипломную работу по политической теории, международным отношениям или сравнительной политологии.

Большая часть литературы, используемой голландскими политологами, издана на английском языке. По политическим наукам написаны и изданы несколько пособий или вводных работ на голландском языке, но они редко используются в масштабах всей страны. В большинстве случаев этими работами пользуются только в тех учебных заведениях, где работают их авторы, или их временно используют в других местах. Кроме того, вводные пособия на английском языке пользуются предпочтением еще и потому, что голландские издатели неохотно публикуют книги по политическим наукам и публичной администрации, поскольку специалистов в этой области сравнительно немного.

2.4. Исследования

Наиболее успешным примером институционализированного сотрудничества политологов из разных голландских университетов являются электоральные исследования. Предпринятый в 1955 г. под эгидой Голландской ассоциации политических наук и финансированный Нидерландской организацией по развитию фундаментальных исследований сбор данных был начат с результатов парламентских выборов в городке Ньиве-Амстел. Это исследование, опубликованное в 1963 г., должно было внести вклад в лучшее понимание голландской политической жизни и позволить провести сравнения с результатами американских и британских электоральных исследований. В 1967 г. Свободный университет Амстердама организовал исследование первых национальных парламентских выборов. С 1971 г. и эти исследования стали общим проектом разных университетов. Голландский фонд электоральных исследований SKON (*Stichting Kiezersonderzoek Nederland*) является формальным преемником межуниверситетских рабочих групп, ответственных за проведение парламентских электоральных исследо-

ваний с 1971 по 1989 г. SKON — это признанная организация, ответственная за проведение голландских электоральных исследований.

В 1980-е годы правительство поддержало развитие исследовательских программ дисциплины. Эти программы в основном определялись местным профессорско-преподавательским составом или условиями университетов и первоначально нередко действовали как «зонтичные» конструкции. Постепенно программы становились более последовательными, но все еще привязанными к местным условиям, в частности потому, что для соответствия требованиям новой системы оценки качества, действовавшей с начала 1990-х годов, они нуждались в официальном финансировании. Оценка комитета по качеству, опубликовавшему в 2002 г. доклад, в котором речь шла о нескольких программах публичной администрации, политических наук и коммуникационных наук, была проведена по восьми программам политических наук. Интересно заметить, что некоторые из этих программ преподаются не на факультетах политических наук, а на факультетах публичной администрации. К числу оцененных исследовательских программ по политической науке в различных университетах (включая показатели по исследованиям за 2000 г. в эквиваленте полной занятости) относились следующие:

- создание и функционирование политических институтов и демократических процессов (Лейден; 7,4 FTE);
- ценности, образы и политические режимы (Лейден; 3,8 FTE);
- динамика политических изменений и адаптация к международному порядку (Лейден; 1,6 FTE);
- политическая наука (Роттердам; 1,1 FTE) (программа сосредоточена на европейской политике и политике и бизнесе);
- пересмотр политики, переходное общество, межсетевое взаимодействие и демократическое правление (Университет Амстердама; 14,3 FTE);
- политика, политический курс и общество (Свободный университет Амстердама; 2, 7 FTE);
- политические изменения (Неймеген; 8,2 FTE);
- публичная администрация и социальная среда / легитимность демократического и социального конституционного государства / политическая легитимность а Нидерландах и Европейском союзе (Университет Твенте; 2,8 FTE).

Общее число этих восьми программ в эквиваленте полной занятости составляет 42, что значительно меньше, чем 99,57 — соответствующий показатель по двенадцати программам публичной администрации, оцененным в том же докладе. По мнению комитета оценки качества, исследовательские программы свидетельствуют о качестве дисциплинарных исследований и их соответствии потребностям общества. Публикации стали в большей степени отвечать международным требованиям, а уровень производительности возрос. «Вместе с тем следует отметить, что на проведении всех программ сказалось значительное (политические науки) или небольшое (публичная администрация) снижение финансирования» (*Report Quality Assessment Committee*, 2002: 9). Именно этим определяется слабость политических наук в дисциплинарном плане. Положение с финансированием, в частности через «фонды второго потока» — т.е. финансирование исследований правительством через такие посреднические организации, как Нидерландская организация развития научных исследований (NWO), недостаточно. Это определяется такими факторами, как небольшие размеры дисциплины, неприязненные отношения между кафедрами, раскол между политической наукой и публичной администрацией, неспособность Голландской ассоциации политических наук выработать общую стратегию, а также общее положение политической науки и публичной администрации во внутренней структуре NWO по сравнению с хорошо организованной юридической дисциплиной.

В начале 1990-х годов были созданы исследовательские центры как на уровне факультетов или университетов (что не было оптимальным для политической науки, учитывая тот факт, что ни один отдельно взятый факультет не имеет достаточной критической массы для создания такого центра), так и на национальном уровне. В 1993 г. начала работу «Междисциплинарная исследовательская школа политологии и международных отношений» — *Polybios*, но в 1998 г. оказалось, что факультеты политических наук не намерены продолжать с ней сотрудничество, вследствие чего ее деятельность завершилась. После этой неудачи большинство политологических исследовательских групп присоединилось к «Нидерландскому институту управления» (NIG), национальному исследовательскому центру публичной администрации. Некоторые исследовательские группы политических наук присоединились к другим исследовательским центрам, таким как Амстердамская школа общественно-научных исследований, Амстердамская школа исследований в области коммуникаций и Институт миграции и этнических исследований. Нидерландский институт правления вступил в партнерские отношения с несколькими факультетами публичной администрации, для того чтобы предложить курсы для аспирантов. Такое сотрудничество переросло в общую исследовательскую программу. В 1996 г. NIG получил формальное признание Королевской нидерландской академии гуманитарных и естественных наук в качестве исследовательского центра на пятилетний период. В 2001 г. академия продлила этот срок еще на пять лет. Членами NIG являются соответствующие факультеты университе-

тов в Дельфте, Эншеде (Университет Твенте), Лейдене, Неймегене, Роттердаме (Университет Эразма), Тильбурге, Утрехте и Свободном университете Амстердама. Очевидно, что в данном случае явно недостает факультета политических наук Университета Амстердама.

В 1996 г. NIG начал проведение исследовательской программы с того, что значительное число ученых, занимающихся публичной администрацией и публичной политикой, стало уделять основное внимание социальным институтам. Растущий интерес к правительственным учреждениям совпал с возрождением институционного анализа в общественных науках, а также исследованиями в области права. Исследовательская программа NIG сконцентрирована на воздействии, изменении и формировании правительственных институтов, которые в соответствии с программой изучаются и как ресурсы, и как ограничения. В программе отражен мультидисциплинарный характер исследования, занятым в ней специалистам предложено проводить исследования с позиций сравнительного подхода. Когда в 1999 г. к программе NIG присоединились бывшие члены Polybios, они внесли в нее опыт работы в двух областях: воздействие, формирование и изменение наднациональных институтов, а также отношения государства и общества и изменение правительственных институтов (NIG, 2001: 14–5). Исследовательская программа NIG на 2001–2005 гг. называется «От правительства к правлению: воздействие, изменения и формирование правительственных институтов». Она направлена на то, чтобы внести вклад в понимание динамики правительственных институтов и укрепление прикладного компонента дисциплины в области публичной администрации, публичной политики и политической науки. Имеется пять основных исследовательских проектов: управление в Европейском союзе, политическое представительство и легитимность, институциональная реорганизация общественного достояния, публичное управление и общество знания.

В 1980-е годы предметом институциональной и национальной разработки стал вопрос о подготовке соискателей докторской степени. Был введен новый статус профессорско-преподавательского состава: AIO, или младший исследователь[1] (*Assistent In Opleiding*). Предполагается, что AIO за четыре года должен подготовить диссертацию, пройти преподавательскую практику (за первый год очень небольшую, но пропорционально увеличивающуюся в последующие годы) и получить подготовку в исследовательском центре. Позиция AIO достаточно двойственна, поскольку их зарплата урезана в качестве компенсации за обучение на протяжении первых двух лет. В этом плане они рассматриваются как

[1] Аналог российского младшего научного сотрудника. — *Прим. науч. ред.*

студенты. Вместе с тем их зарплаты выплачиваются из бюджетов, выделенных на исследования, а их деятельность в значительной степени учитывается при оценке качества проводимых факультетом исследований. Набор AIO постепенно стал частью исследовательских программ как на факультетском и университетском, так и на национальном уровне. До этого нововведения подготовка и набор были личным делом профессора и соискателя. Численность AIO, обучающихся в NIG в первой половине 1990-х годов, составляла: в 1990 г. — 5, в 1991-м — 10, в 1992-м — 16, в 1993-м — 23, в 1994-м — 8, в 1995-м — 7, в 1996-м — 17 человек. Общая численность AIO по политическим наукам и публичной администрации в Нидерландах (как в NIG, так и в других организациях) во второй половине 1990-х годов колебалась между 40 и 50. Поскольку AIO занимают временные должности, именно они оказываются первыми жертвами бюджетных сокращений. В таблице 5 отражены должности, занимаемые AIO в NIG в конце 1990-х годов.

Таблица 5

Должности AIO в NIG, по данным на 1 января 2000 г.

Сфера деятельности	Статус	Различие	Количество
Исследовательская	Академический	Временная ставка после защиты диссертации (postdoc)	4
		Научный сотрудник	4
		Доцент	12
		Ассистент	3
	Неакадемический		7
Государственная служба			4
Другая сфера			6
Всего			40

Источник: NIG (2001: 10).

Низкие зарплаты и сравнительно небольшие перспективы получения работы в университетах составляли основные проблемы при наборе AIO. В настоящее время в некоторых университетах система AIO больше не используется, там проводят эксперименты с более привлекательными предложениями. Тот факт, что голландские университеты в целом оказались неспособными набрать достаточное количество AIO в Нидерландах, отчасти компенсируется привлечением зарубежных специалистов.

2.5. Профессиональная коммуникация

Голландские политологи придерживаются четко выраженной международной ориентации. Ханс Даалдер был одним из основателей Европейского консорциума по политическим исследованиям (ECPR), а его коллега Аренд Лийпхарт, до 1978 г. занимавший должность профессора международных отношений в Лейдене, стал первым издателем *Европейского журнала политологических исследований*. С 1970 г. голландские политологи регулярно участвуют в совместных сессиях семинаров ECPR, тем самым внося свой вклад в дальнейшее развитие профессионализации и интернационализации голландских политических наук. По мнению Даалдера (1991: 298), дисциплина характеризуется «небольшими размерами, акцентом на голландских исследованиях, достаточной специализацией и хорошей общей осведомленностью о международных тенденциях в развитии дисциплины». К этому можно добавить, что информированность об этих проблемах почти полностью ограничивается положением в англосаксонских странах. Журнал Голландской ассоциации политических наук *Acta Politica* из издания, публикующего материалы голландских политологов, предназначенные им же, постепенно превратился в журнал для широкого круга специалистов с библиографическим разделом, публикующимся с 1997 г. целиком на английском языке. Выбор новой издательской политики, прежде всего в плане интернационализации журнала, привел к созданию международной редакционной коллегии (25 человек из разных европейских и североамериканских университетов, представляющих все отрасли политических наук). В 2003 г. *Acta Politica* нашел международного издателя (Palgrave Macmillan). Хотя такая стратегия повысила международный статус журнала, это привело к тому, что голландское политологическое сообщество осталось без национального профессионального журнала. Недавно принятая стратегия Голландской ассоциации сводится к более тесному сотрудничеству с бельгийскими политологами, говорящими на голландском языке, с тем чтобы стимулировать ученых к публикации статей на голландском языке в *Res Publica* — бельгийском журнале политических наук. В 2004 г. в состав редакции *Res Publica* вошел голландский политолог.

С 2002 г. в качестве совместного фламандско-голландского мероприятия стали проводиться ежегодные конференции по *Politicologenetmaal*. Голландская и бельгийская ассоциации политических наук совместно организуют ежегодные конференции, попеременно проводящиеся голландской и фламандской сторонами. Сотрудничество между голландскими и фламандскими политологами было немыслимо для старшего поколения специалистов, но не для новых поколений политологов,

привыкших к сотрудничеству в рамках конференций, проводимых ECPR, IPSA и другими международными организациями. Две сравнительно небольшие группы политологов были объединены в *Politicologenetmaal*, в результате чего образовалась более крупная и интересная группа, в частности за счет культурных различий между двумя группами (Hooghe, 2005).

Голландские политологи активно участвуют в деятельности международных ассоциаций политических наук. Многие голландские политологи, например, являются членами Американской ассоциации политических наук, а если они хотят принимать участие в конференциях IPSA, то на какое-то время становятся ее членами. Все голландские факультеты политических наук являются членами ECPR и Европейской сети политических наук (epsNet), уделяющей внимание прежде всего проблемам образования и имеющей сильные позиции как в Западной, так и в Восточной Европе. Голландские политологи рассматривают создание Европейской ассоциации политических наук не в плане назревшей необходимости, а как вопрос, входящий в компетенцию таких европейских организаций, как ECPR, epsNet и ECNA.

3. Будущее политической науки в Нидерландах

Политическая наук в Нидерландах развивается на базе двух крупных и двух небольших факультетов, а также сравнительно небольшой национальной ассоциации. Однако положение, занимаемое дисциплиной, не самое благоприятное, если учесть слабую потребность в создании национального сообщества политических наук, индивидуальные позиции четырех факультетов, раскол между политической наукой и публичной администрацией, сравнительно скромные исследовательские возможности и нестабильный приток студентов[8]. Тем не менее дисциплина имеет свое четко определенное место на рынке. И в этом плане особенно отрадно отметить, что выпускники факультетов политических наук уже в течение многих лет находят себе работу, в частности в муниципалитетах, университетах, коммерческих структурах, в государственных учреждениях и неправительственных организациях, в образовании и журналистике. В основном их профессиональная деятельность связана с процессом разработки политического курса (подготовкой и проведением в жизнь принятых решений), а также широким спектром консультативных услуг и исследовательской работы, включая подготовку докладов. Основным различием между политологами и специалистами в области публичной администрации является более широкий подход, отличающий политологов, их стремление к выявлению связей между различными явлениями, касающимися требующих решения проблем, и осмысление ими сопутствующих властных отношений.

Можно ожидать, что политические науки и публичная администрация продолжат оставаться разными областями, несмотря на то обстоятельство, что специалисты этих двух направлений в плане научных идей и литературы имеют много общего, а также общаются на конференциях и в различных учреждениях. Раскол, как и сравнительно небольшие размеры обеих дисциплин, препятствует достижению ими успеха в получении средств на развитие исследовательской деятельности и способствуют тому, что роль дисциплины в академическом сообществе продолжает оставаться достаточно скромной. Можно полагать, что голландское правительство продолжит следовать по пути, обозначенному Болонским процессом. Голландская политическая наука с ее структурой высшего образования 3 + 1 год находится в более слабой позиции по сравнению со странами, где эта структура составляет 3 + 2 года, поскольку при существующем положении вещей остается меньше времени на расширение и углубление изучения дисциплины. Хотя кое-кто мог бы возразить, что это способно привлечь больше студентов, поскольку они получат диплом быстрее, на деле проблема состоит в том, что голландские студенты получат меньше знаний, чем студенты других стран. Нет оснований считать, что голландские политологи станут в меньшей степени ориентироваться на международные стандарты. Они будут продолжать принимать участие в международных конференциях IPSA, APSA, ECPR и epsNet.

Примечания

[1] Этот раздел в значительной степени основан на обзоре голландской политической науки, который я написал вместе с Bob Lieshout (см.: Lieshout и Reinalda, 2001). К числу других обзоров относятся Rijpperda Wierdsma и Hintzen (1950), De Vree (1976), Daalder (1991) и Thomassen (1966). Я хотел бы поблагодарить Боба Лисхаута за полезные замечания при подготовке данной работы.

[2] «Польдерная» модель — от осушения и ограждениях дамбами приморских низменностей в Голландии. — *Прим. перев.*

[3] Другой формой публичной оценки является ежегодное руководство, публикуемое для помощи студентам при выборе высшего учебного заведения. Это руководство (*Keuzegids hoger onderwijs*) основано на мнениях студентов, которые сравнивают различные факультеты. Политические науки и публичная администрация представляют собой подразделы, объединенные под общей рубрикой «Право и управление».

[4] Как в официальной статистике Нидерландов, так и в отчетах комитетов оценки качества очень трудно найти сопоставимые данные.

[5] Пояснения, касающиеся голландской системы образования, можно найти на сайте <www.nuffic.nl>: *The Education System in the Netherlands.*

[6] Этот раздел основан на работе Duursma (2005).

[7] Автор использует игру слов в выражении «selection at the gate»: gate (*англ.*) означает «ворота», а аббревиатура GATE расшифровывается как «Gifted and Talented Education program», что можно перевести как «Программа обучения одаренных и талантливых студентов». — *Прим. перев.*

[8] Численность студентов первого курса, специализирующихся в области политических наук: 1970 г. — 339; 1975 г. — 196; 1980 г. — 332; 1985 г. — 502; 1989 г. — 675; 1995 г. — 383; 2000 г. — 303; 2005 г. — 396 человек.

Доклады качественной оценки политических наук

Rapport van de Visitatie-Commissie voor Sociologie, Politicologie en Bestuurskunde, 27 февраля 1987 г.

Onderwijsvisitatie Bestuurs-, Beleids- en Politieke Wetenschappen, VSNU, январь 1992 г.

Quality Assessment of Research. Research in Political Science, Public Adminisyration and Communication Science 1990-1994, VSNU, апрель 1996 г.

Onderwijsvisitatie Politicologie. Opleidingen: Politicologie (RUL, UVA, KUN). Politicologie en Bestuurskunde (VU), VSNU, сентябрь 1997 г.

Public Administration. Political Science. Communication Science. Research Quality Assessment, VSNU, декабрь 2002 г.

Onderwijsvisitatie Politicologie, QANU, сентябрь 2004 (помещен на голландском языке на <www.qanu.nl>).

Литература

Daalder, Hans (1991): "Political Science in the Netherlands", *European Journal of Political Research* 20 (3-4): 279–300.

De Vree, Johann K. (1976): "Political Science in the Netherlands", *ECPR News Circular* (26): 4–40.

Duursma, Mark (2005): "Away with equality. The educational system breaks the taboo on distinguishing between students", *MRC Handelsbad. Thema: The Netherlands* (25 June): 19.

Hooghe, Marc (2005): "Divided by the same language: political science associations in Belgium and the Netherlands", *European Political Science* (4): 141–150.

Lieshout, Robert H. and Bob Reinalda (2001): "The Dutch Political Science Association 1950-2000", *European Political Science* 1 (1): 60–65.

NIG (2001): *Netherlands Institute of Government 1995-1999: a self-evaluation*, Enschede: Netherlands Institute of Government.

Reinalda, Bob and Eva Kulesza (2005): *The Bologna Process — Harmonizing Europe's Higher Education. Including the Essential Original Texts. Foreword by Hans-Dieter Klingemann*, Opladen and Bloomfield Hills: Barbara Budrich Publishers.

Rijpperda Wierdsma, Jan Volkert and G. A. Hintzen (1950): "Political Science in the Netherlands", *Contemporary Political Science*, Paris: UNESCO: 280–293.

Thomassen, Jaques (1996): "Political Science in the Netherlans" // Jean-Louis Quermonne (ed.): *Report on the State of the Discipline in Europe, Political Science in Europe: Education, Cooperation, Prospects*, Paris: European Thematic Network Political Science: 373–393.

Торе Хансен[1]

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОРВЕГИИ

1. Исторический фон

По ряду критериев и стандартов развитие норвежской политической науки можно считать вполне успешным. Успех в данном случае определяется расширением числа учебных программ, ростом численности студентов, развитием исследований политических проблем, а также таким далеко не маловажным обстоятельством, как наличие рабочих мест. Политология оказывает влияние на разработку и проведение различных типов политических реформ в Норвегии — независимо от того, затрагивают ли эти реформы реорганизацию национальной системы здравоохранения, развитие региональной промышленной политики, разработку национальной нефтяной политики или отношения страны с международными и наднациональными организациями. Тех, кто в первые послевоенные годы занимался разработкой учебных программ по политологии, не могли себе представить, к каким последствиям со временем приведут их предложения, и если бы они были в состоянии предвидеть развитие событий на протяжении последних пятидесяти лет, то наверняка постарались бы переосмыслить свои предложения.

Непосредственной предпосылкой к появлению программ по политическим наукам в Университете Осло в 1947 г. — единственном норвежском университете в то время — стал опыт Второй мировой войны, включая пять лет немецкой оккупации. Инициатива введения университетского диплома по политологии исходила от историков, философов и специалистов в области публичного и международного права. По их мнению, учебная программа по политическим наукам могла дополнить изучение права и истории, а также была бы особенно полезной для тех, кто собирался заниматься дипломатией и журналистикой. На протяжении первых десяти лет обучение политическим наукам было чем-то вроде гибрида публичного права и истории и формально проводилось на юридическом факультете Университета Осло, а преподавали там историки и специалисты по публичному праву. Однако в то время никто и не думал о развитии политологических исследований (Thue, 1977).

Если цели «отцов-основателей» были достаточно скромными и фокусировались на преподавании, то студенты, поступившие в первые годы, были гораздо более амбициозными как в отношении роли, которую политологи должны были играть в послевоенной перестройке норвежского общества, так и в плане необходимости развития исследований в этой новой области обучения. Первая группа студентов испытала тяготы войны на себе (некоторые из них принимали участие в движении Сопротивления, другие были захвачены в плен), и цель, которую они перед собой ставили, сводилась к тому, чтобы внести свой вклад в восстановление и демократическое развитие норвежского общества. По мнению Т. С. Уиллера (1997), который в 1957 г. стал первым профессором политологии, точка зрения, разделявшаяся первой группой студентов, сводилась к тому, что для достижения их политических целей — развития современного государства всеобщего благосостояния — было необходимо создать базу знаний, которая должна основываться на исследовании различных аспектов развития общества. Тем не менее в конце 1940-х годов очень большую роль играла собственная ориентация студентов в направлении современных подходов к изучению политики. Главным источником вдохновения для них стала американская политическая социология и исследования политического поведения. Центральное место политического поведения как основного объекта изучения политической науки было подтверждено и программой норвежских электоральных исследований под руководством Стейна Роккана и Генри Валена в 1957 г., которая продолжается и по сей день. Хотя формально эта программа была организована независимым Институтом социальных исследований в Осло, она стала главным полем дипломных исследований и научной работы в университетах.

От начала проведения исследовательской программы до создания первой кафедры и факультета политических наук в Университете Осло в 1957 г. прошло десять лет. Официальное открытие факультета университета привело к росту численности преподавателей и исследователей, а также к расширению исследований в области международных отношений и публичной администрации в дополнение к изучению политического поведения. Десять лет спустя, в 1967 г., политическая наука стала преподаваться в Университете Бергена. Здесь ее дальнейшее развитие характеризовалось возникновением двух отдельных организационных подразделений — кафедры сравнительной политологии и кафедры публичной администрации и организационных исследований. Последним вкладом в институциональное развитие политической науки как университетской дисциплины было создание факультетов политических наук в Университете Тромсо и совсем недавно — в Норвежском университете науки и техники в Трондхейме (NTNU).

В дополнение к университетским факультетам политологии этот предмет также преподают в нескольких региональных колледжах — в большинстве случаев на младших курсах, ведущих к получению диплома бакалавра. В настоящее время существуют всего семь региональных колледжей, предлагающих учебную программу по политологии или по ряду ее субдисциплин, таких как публичное администрирование.

2. Дипломы и преподавание

Со времени введения учебной программы по политическим наукам в 1947 г. в системе дипломов, общей для всех университетов, произошли существенные изменения. Первоначально помимо годичного начального курса по политической науке как таковой диплома более низкого уровня не выдавалось. Самый первый диплом, выдававшийся за четырехлетний курс обучения — диплом кандидата-магистра *cand.mag.* включал в себя два различных базовых курса по любой университетской дисциплине и промежуточный курс по одной из дисциплин, например по политологии. Студенты, желающие получить степень *магистра* политологии, должны были регистрироваться на семилетнюю программу обучения, большая часть которой посвящалась написанию объемной и обстоятельной диссертации, основанной на собственном исследовании. Несмотря на то что введение учебных программ по политологии привлекло значительное число студентов, спрос в основном ограничивался годичным базовым вводным курсом. Лишь незначительная часть студентов продолжала обучение для получения более высокого диплома *магистра*, а из тех, кто его получал, совсем немногие продолжали обучение, необходимое для получения докторской степени. На протяжении нескольких лет диплом *магистра* рассматривался как приемлемая и достаточная подготовка для тех, кто хотел продолжать академическую или исследовательскую работу после завершения образования. В первое десятилетие после 1947 г. в Университете Осло диплом *магистра* получили только 57 человек (Wyller, 1997: 403), в следующем десятилетии численность студентов и кандидатов в *магистры* продолжала оставаться на столь же низком уровне. Лишь в конце 1960-х годов политическая наука стала заметно развиваться — как в плане увеличения количества студентов, так и с точки зрения развития различных субдисциплин.

В начале 1970-х годов система дипломов была реформирована — теперь надо было сначала окончить четырехлетний курс обучения на диплом кандидата-магистра (*cand.mag.*), после чего можно было поступать на двухлетний курс, необходимый для получения диплома кандидата политологии (*cand.polit*). По новой программе обучения на диплом кандидата политологии (*cand.polit.*) большее внимание уделялось лек-

ционным курсам, а значение дипломной работы или диссертации по сравнению с предыдущим дипломом *магистра* снижалось.

С середины 1980-х до середины 1990-х годов численность студентов на пяти университетских факультетах возросла более чем в два раза — приблизительно с 1500 до 3170 студентов в 1995 г., что составило 4% всех студентов норвежских университетов. В Университете Осло политическая наука стала второй по степени популярности областью образования — в 1995 г. там обучалось 1650 студентов (только на юридическом факультете имелось больше студентов, специализировавшихся по одной дисциплине). В последние десять лет численность студентов оставалась примерно на том же уровне, что и в 1995 г., — всего на четырех факультетах обучалось около 3200 человек. В соответствии с данными приемной комиссии в университеты и колледжи (UCAS), являющейся центральной национальной организацией по рассмотрению заявлений о поступлении в высшие учебные заведения Норвегии, в 2005 г. общее число заявлений о поступлении на политологические программы во все норвежские университеты и региональные колледжи, предлагающие такие программы, составило около 12 500, из которых почти в 1800 заявлениях политология указывалась профилирующей дисциплиной. Общее количество заявлений на все типы обучения в норвежских высших учебных заведениях составило немногим менее 100 000, т.е. около 12% абитуриентов хотели поступить на программы обучения политическим наукам. Это с очевидностью подтверждает успех политических наук как профилирующей дисциплины обучения в Норвегии. Тем не менее вследствие такого роста численности абитуриентов требования к приему стали более жесткими, но в четырех университетах в разной степени — в настоящее время сложнее всего поступить в Университет Осло.

При таком большом количестве студентов, обучающихся на пяти университетских факультетах, возникла другая проблема, связанная с обеспечением допустимого роста числа экзаменов, количества выпускников и времени, затрачиваемого университетом на каждого студента. На протяжении многих лет существовало несоответствие между числом поступивших студентов и студентов, завершающих обучение с соответствующим дипломом, несоответствие, которое особенно проблематично в случае со студентами старших курсов. Нынешнее годовое соотношение между числом выпускников высшей ступени с дипломами кандидатов и количеством вновь поступающих на высший уровень студентов составляет около 0,7, но менее чем 20% из них удается сдать экзамены и получить дипломы в соответствии с предписанными нормами. В среднем у студентов, обучающихся на диплом магистра, для завершения обучения уходит три года — на год больше, чем требуется в

22-6054

соответствии с нормой. Эти проблемы, связанные с задержкой обучения, сравнительно высоким уровнем отсева и частым отставанием в процессе обучения, стали особенно острыми в связи с новой бюджетной системой, в соответствии с которой финансовые средства не просто выделяются разным университетам и колледжам, а распределяются на различные дисциплины по факультетам. Основным критерием для передачи бюджетных средств отдельным факультетам стало количество сданных экзаменов и полученных кредитов. До настоящего времени такая бюджетная система была достаточно благоприятной для политических наук благодаря увеличению численности студентов и, несмотря ни на что, увеличению количества экзаменов и выпускников, получивших диплом кандидата. Но для того, чтобы обеспечить нынешний уровень бюджетных ассигнований в ближайшие годы, необходимо добиться больших успехов в учебе и увеличить численность выпускников.

Эти проблемы, связанные с Болонским процессом и стимулируемые им, составили основу для проведения крупной реформы национальных университетов и колледжей, осуществление которой началось в 2003 г., хотя и не без определенного сопротивления со стороны сотрудников университетов. В основном реформа коснулась системы дипломов в соответствии с Болонским предложением о двух циклах обучения, включающих трехлетнее обучение на диплом бакалавра и последующий двухлетний курс для получения диплома магистра, которое было одобрено и введено норвежскими властями. В соответствии с этой реформой были отменены существовавшие ранее дипломы *cand.mag.* и *cand.polit.* В практическом плане реформа выразилась в том, что продолжительность первого цикла обучения сократилась с четырех лет до трех. Наиболее важным для преподавания следствием реформы стало то, что диплом бакалавра оказался более специализированным, чем предыдущий диплом cand.mag.; студенты должны учить на один предмет меньше, чем этого требовала предшествующая система, и их выбор дополнительных курсов к профилирующей дисциплине (например, политическим наукам) стал меньшим, чем раньше. Если предшествующая система дипломов в значительной степени позволяла студентам самим «составлять» программу обучения на первом цикле, выбирая курсы и дисциплины, то новый диплом бакалавра требует от студентов регистрации на программу, где состав курсов достаточно ограничен. Вместе с тем число учебных программ, необходимых для получения диплома бакалавра, возросло, многие из них пересекаются друг с другом, когда встает вопрос о выборе курсов. В этом плане учебная реформа — в частности, первого цикла обучения — привела к введению большого числа программ, включающих курсы политических наук, благодаря которым студенты получают право продолжать обучение на следующей, более специализированной программе — магистра политических наук.

Что касается введения программы магистра, это не привело к серьезным изменениям по сравнению с предыдущим дипломом — *cand.polit.* Продолжительность обучения осталась такой же — два года, а важнейшим условием для получения этого диплома, как и раньше, является дипломная работа. Для обеспечения лучшей успеваемости студентов число обязательных курсов — и курсовых работ — было снижено, и вместе с тем усилилось внимание к научному руководству студентов при подготовке дипломной работы. В этом плане важной частью реформы стало обеспечение качества.

Таблица 1

Количество дипломов второго цикла образования (cand.polit. и магистра) по факультетам университетов в 1995-м и 2004 г. (на факультете Бергена на 2003 г.)

Факультет	Количество выданных дипломов второго цикла образования	
	1995 г.	2004 г.
Осло	88	89
Берген: сравнительная политология	17	25
Берген: публичная администрация	35	20
Трондхейм	10	19
Тромсо	20	13
Все факультеты	170	166

Пока слишком рано говорить о всесторонней оценке последствий новой системы дипломов и реформы программ обучения и научного руководства. Следует также заметить, что осуществление реформы в четырех университетах проходит по-разному, но эти различия незначительны и практически не влияют на показатели качества и успешности обучения. Предварительные данные о количестве экзаменов по курсам политологии за последние четыре года во всех четырех университетах свидетельствуют об их значительном росте в бакалавриате, но не в магистратуре. В таблице 1 приводится сравнение количества студентов, получивших более высокий диплом (cand.polit. и магистра) в 1995-м и 2004 г. по факультетам университетов.

Как явствует из этих цифр, реформа образования пока не оказала влияния на количество кандидатов, получивших диплом магистра. На

деле общая их численность на всех факультетах в 2004 г. была меньше, чем в 1995 г. Тем не менее не следует преувеличивать значение этих показателей. Реформа системы дипломов проводится еще только три года, и к настоящему времени на уровне магистра почти не было студентов, которые могли бы в полной степени оценить новую систему дипломов. Большая часть тех, кто уже получил диплом магистра, начинали обучение при старой системе, но трудности и проблемы перехода от старой системы к новой были весьма умеренными.

2.1. *Докторские степени*

До середины 1980-х годов норвежские университеты не предлагали никаких организованных программ для соискателей степени доктора политологии, как и по другим общественно-научным дисциплинам. Как упоминалось выше, старый диплом *магистра* включал серьезную подготовку в области исследований, которая считалась достаточной для исследовательской работы в области общественно-политических наук. Желающие могли защитить диссертацию и получить степень доктора философии (*Dr.philos.)* — общую степень для всех университетских дисциплин, которая раньше была единственной докторской степенью, присваиваемой норвежскими университетами. Проблема с этой степенью состояла — и состоит — в том, что она присваивается за индивидуальную работу над диссертацией без научного руководства со стороны старшего специалиста, курирующего работу, и без каких бы то ни было требований в отношении пролушанных курсов или иных трудов, которые должны пройти оценку дополнительно к публичной защите диссертации.

В числе многих других особенностей такая достаточно индивидуальная система работы предполагала сравнительно большой срок подготовки диссертации; эта степень присваивалась людям, достаточно долго работавшим в сфере исследований, и средний возраст тех, кому присваивалась докторская степень, был довольно зрелым. В этом плане ученая степень доктора не рассматривалась как часть образования исследователя, и скорее знаменовала собой зенит исследовательской карьеры, чем ее начало. Следствием такого положения было то, что немало исследователей, приглашенных на работу в университеты или другие исследовательские учреждения, никогда не ставили перед собой цель получить докторскую степень. В университетах не было требования защиты докторской диссертации для занятия постоянных должностей. При получении таких должностей учитывалась не столько формальная подготовка на степень доктора наук, сколько реальная компетентность соискателей, продемонстрированная в их научных публикациях и других квалификационных навыках в исследовании и преподавании.

В конце 1980-х годов в университетах Норвегии была введена новая докторская степень — *Dr.polit.* При новой системе все поступающие в докторантуру рассматриваются как учащиеся дневного обучения (в отличие от прежней системы), к ним предъявляются различные требования в отношении посещения занятий и подачи обязательных работ, необходимых для защиты диссертации. Более того, каждый докторант имеет научного руководителя и должен защитить диссертацию в течение трех лет после поступления на программу. Формальное требование к поступающим в докторантуру — наличие диплома магистра, но более важным фактором для поступления является индивидуальный исследовательский план диссертации.

В ходе последней крупной реформы системы дипломов было принято решение о замене степени *Dr.polit.* на степень *PhD*, общую для всех университетских дисциплин. На практике новая система дипломов не предполагает никаких существенных изменений по сравнению со степенью *Dr.polit.*, за исключением упрощения процедуры оценки, связанной с публичной защитой докторской диссертации. Новая система дипломов была введена в 2003 г., а предыдущую решено полностью отменить в 2007 г.

В 2004 г. в норвежских университетах всего было присвоено 19 докторских степеней по политическим наукам, что примерно соответствует средним показателям присвоения докторских степеней с рубежа веков. Учитывая ограниченное количество стипендий для соискателей докторских степеней, нет оснований полагать, что в ближайшем будущем численность докторов наук будет возрастать. В определенной степени это будет зависеть от того, получат ли региональные колледжи статус университетов с правом присвоения докторских степеней в отличие от нынешнего положения. Вместе с тем региональные колледжи принимают соискателей докторских степеней, чтобы они проводили там исследования.

2.2. *Профессорско-преподавательский состав и исследования*

Политическая наука в Норвегии развивается не только в плане увеличения численности студентов и претендентов на более высокие степени. Ее развитие проявляется и в росте количества исследователей и преподавателей дисциплины. В этом развитии можно выделить три основных этапа. Первый из них связан с появлением в университете Осло в 1957 г. кафедры политических наук. После того как она была создана, а затем преобразована в самостоятельный факультет, на протяжении 1960-х годов там было увеличено количество преподавательских и исследовательских должностей. В конце 1960-х годов были введены должности заведующих кафедрами и другие исследовательские и препода-

вательский должности в Университете Бергена, где со временем возникли два отдельных факультета политических наук (факультет сравнительной политологии и факультет публичного администрирования и организационных наук). В 1970-х — начале 1980-х годов развитие дисциплины в университетах было достаточно сдержанным, и в ее рамках возникло лишь несколько новых преподавательских и научных вакансий. Исключением в данном случае стал лишь вновь созданный Университет Тромсо. Этот второй период стал временем консолидации дисциплины и реформы учебных программ. Что касается исследований, эта область развивалась в разных направлениях — увеличивалось число исследовательских проектов по публичной администрации и анализу политического курса, а также по международным отношениям и политологии, несмотря на то что в последней области исследования проводились с самого начала изучения политических наук с 1950-х годов. В этом плане относительное доминирование поведенческого подхода ослабло, хотя в абсолютном выражении количество и качество исследовательских проектов в этой области возрастало как в количественном, так и в качественном отношении.

Следует также отметить, что факультеты университетов не были — и теперь не являются — единственными учреждениями, где проводятся исследования в области политических наук. В 1960–1970-х годах активно работали несколько независимых исследовательских институтов, нередко в тесном сотрудничестве с университетскими факультетами. Уже упоминавшийся Институт социальных исследований в Осло приглашает специалистов для проведения национальных электоральных проектов. Кроме того, этот институт играет основную роль в развитии исследований в других областях политологии, в частности, в области публичной администрации и публичной политики. Другим важным исследовательским центром является Институт Кристиана Михельсена в Бергене, возглавляемого профессором университета Стейном Рокканом. Такое же положение сложилось и в Норвежском исследовательском институте внешней политики, а также в Институте исследований мира имени Фритьофа Нансена в Осло, специализирующихся на международных отношениях. Исследования политических проблем также проводятся в Норвежском институте городских и региональных исследований в Осло, исследовательская программа ARENA (исследовательский центр проблем европеизации национальных государств) — основная программа по изучению европеизации, в которой ведущую роль играют политологи. Кроме того, существует несколько независимых институтов, занимающихся исследованиями в области политических наук, многие из которых работают в сотрудничестве с региональными колледжами. Обычной практикой при работе над исследовательскими проектами

является совмещение политологами должностей в исследовательских центрах и университетах или региональных колледжах.

Период наибольшего развития политических наук пришелся на начало 1990-х годов и был отмечен значительным ростом численности профессорско-преподавательского состава на кафедрах политологии во всех университетах, а также исследовательских институтах, не связанных с ними напрямую. Основной причиной этого стало резкое увеличение численности студентов. Такой интерес со стороны студентов, в значительной степени обусловленный ростом уровня безработицы среди молодежи, вынудил правительство существенно увеличить университетские бюджеты, что принесло особенно благоприятные результаты для развития общественных наук. На всех факультетах политических наук были созданы новые должности исследователей и преподавателей, а также увеличено число стипендий, выплачиваемых соискателям степени доктора наук. В 2004 г. количество постоянных сотрудников пяти университетских факультетов было следующим:

- Факультет политических наук, Университет Осло 32
- Факультет сравнительной политологии, Университет Бергена 16
- Факультет публичной администрации, Университет Бергена 19
- Факультет политических наук, Университет Трондхейма 18
- Факультет политических наук, Университет Тромсо 16

В дополнение к этой 101 должности имеется несколько временных ставок для исследователей в независимых исследовательских институтах. Если распределить штатных сотрудников в соответствии с их дисциплинарной специализацией, получится примерно такая картина (точные данные — в процентах — привести невозможно, поскольку некоторые штатные сотрудники работают более чем по одной позиции):

	1995 г.	2004 г.
■ Публичная администрация / публичная политика	50	39
■ Международные отношения	15	18
■ Сравнительная политология / политическое поведение	25	34
■ Политическая теория	10	10

Как явствует из этих данных, в сравнительном распределении и значимости субдисциплин, а также в составе сотрудников произошли некоторые важные сдвиги. Если международные отношения и политическая теория сохранили соответствующую долю профессорско-пре-

подавательского состава на прежнем уровне, то часть исследовательского персонала, занимающегося сравнительной политологией и/или политическим поведением, существенно увеличилась, в то время как изучение публичной администрации и публичной политики сократилось на всех пяти факультетах как в области преподавания, так и в сфере исследований. Вряд ли было бы правильно говорить о том, что эти изменения отражают сознательно проводимый курс на снижение роли изучения публичной администрации и публичной политики. На самом деле финансирование исследований в этих областях вполне достаточное, и в последние 20 лет оно увеличивалось. Такое относительное снижение скорее можно объяснить тем обстоятельством, что все большая доля исследований в области публичной администрации и публичной политики проводится не в университетах, а в независимых исследовательских институтах, причем часто в тесном сотрудничестве с университетскими исследователями. В настоящее время за счет значительного увеличения преподавательской нагрузки на университетских факультетах все большее число исследователей предпочитает работать именно в таких институтах.

Важной чертой норвежской университетской системы является то, что все постоянные академические должности предоставляют равные права и возможности тратить половину рабочего времени на исследования, независимо от официально занимаемой сотрудником должности. Это значит, что на пяти университетских факультетах каждый год на цели исследований тратится около 50 рабочих лет сотрудников. На деле на исследования затрачивается существенно меньше времени — главным образом из-за большой педагогической нагрузки, однако общий объем исследований, проведенных на этих факультетах, если оценивать его с точки зрения публикаций членов профессорско-преподавательского состава на протяжении последних двух десятилетий, свидетельствует о стабильной тенденции роста. Основной причиной такого роста исследований является доступ к внешним источникам финансирования, в частности к средствам Норвежского исследовательского совета и различных министерств. Другим следствием такого расширения доступа к внешним источникам финансирования был тот факт, что исследовательская работа стала в большей степени сосредотачиваться на более крупных программах и к ней привлекаются исследователи из нескольких институтов и университетов. Такое межинститутское сотрудничество не в последнюю очередь было усилено той ролью, которую играет Норвежская служба данных по общественным наукам, предоставляющая общую базу данных всем норвежским исследователям в области общественных наук.

И кроме того, равенство возможностей исследовательской деятельности всех сотрудников также нашло отражение в нынешнем уровне производительности; если судить по спискам опубликованных работ, на факультетах пяти университетов совсем немногих членов профессорско-преподавательского состава можно отнести к числу неактивных, причем колебания в частоте научных публикаций сотрудников никак не свидетельствуют о том, что их производительность повышается пропорционально стажу работы. В результате недавних университетских реформ объемы проведенных исследований стали достаточно важным условием финансирования факультетов, причем не только их исследовательской деятельности. Это постоянно требует от сотрудников факультетов публиковать результаты исследований, а также получать дополнительные средства на исследовательскую деятельность. До настоящего времени университетские факультеты политологии успешно получали средства на нужды исследований, а в отдельных случаях на эти факультеты возлагалась ответственность за проведение более широких междисциплинарных исследовательских программ, в частности таких, как «Руководство, организация и управление публичным сектором», «Исследования европеизации национального государства» (ARENA) и «Власть и демократия», причем последняя программа включала сотрудников всех пяти факультетов политологии.

2.3. Возможности трудоустройства

Как отмечалось выше, учебная программа по политологии вводилась в качестве дополнительной при изучении права или истории для тех, кто собирался заниматься дипломатической деятельностью или журналистикой. Другие возможности трудоустройства тех, кто получал в этой области дипломы, практически не рассматривались. В первые годы помимо необходимости подготовки университетских преподавателей выпускники, получившие диплом политолога, действительно находили работу в средствах массовой информации или на дипломатической службе. В 1950–1960-е годы число таких выпускников редко превышало пять человек в год, поэтому не было причин для беспокойства о перспективах их трудоустройства; в те годы выпускники легко находили работу в этих видах деятельности, а также в области быстро растущих общественно-научных исследований, требовавших все большего числа специалистов.

Вскоре возможности трудоустройства стали возникать и в других областях, в частности в сфере публичного администрирования, а также все в большей степени в крупных частных компаниях и деловых структурах. Увеличившиеся возможности трудоустройства наряду с тем обстоятельством, что многие политологи заняли достаточно высокие и

ответственные посты в неакадемических учреждениях, стали привлекать к изучению дисциплины все большее число студентов. Как свидетельствуют данные опроса, проведенного среди норвежских студентов в 2000 г., студенты факультетов политических наук утверждали, что главной причиной выбора ими области именно политических наук стали перспективы получения руководящих и ответственных должностей после окончания университета (Hansen, 2000).

Получить данные об истинных потребностях в политологах на рынке труда достаточно сложно. В официальной статистике рынка труда политологи обычно объединяются с другими специалистами в области общественных наук. Тем не менее в официальных статистических отчетах в числе тех, кого относят к «специалистам в области общественных наук», значительную долю (по меньшей мере треть) составляют политологи.

Если посмотреть на возможности трудоустройства для выпускников политологических факультетов, обзоры, предоставленные Норвежским институтом в области исследований и высшего образования, показывают, что до середины 1980-х годов рынок труда для политологов был достаточно благоприятным. В соответствии с этими исследованиями все, кто получил диплом высшего образования в области политических наук в 1985 г. (в то время это были дипломы либо *магистра*, либо *cand.polit.*), спустя шесть месяцев после окончания учебы нашли работу. В аналогичном исследовании, проведенном в 1997 г., отмечалось, что спустя шесть месяцев после окончания университета 10% политологов оставались безработными (Szanday, 1998). За последние годы эта цифра несколько возросла, но показатели безработицы пока отнюдь не вызывают опасений. Следует иметь в виду, что эти цифры свидетельствуют лишь о трудности или легкости, с которыми сталкиваются выпускники политологических факультетов при устройстве на работу. Более того, при оценке этих показателей нельзя забывать о значительном увеличении выпуска политологов за последние два десятилетия. По сравнению с 1985 г. в 2004 г. число кандидатов более чем утроилось. Если принять во внимание эти изменения, окажется, что показатели безработицы не вполне точно отражают истинное положение вещей. Если около 60 политологов, окончивших университет в 1985 г., нашли удовлетворявшую их работу в течение шести месяцев после получения дипломов о высшем образовании, то аналогичный показатель в 2004 г. превышал 140 человек. Поэтому кажущееся несоответствие между спросом и предложением на политологов на рынке труда не имеет ничего общего со спадом спроса на специалистов этого профиля; скорее это свидетельствует об опережающем росте предложения. Стабилизация численности студентов, изучающих политические науки, в ближайшие годы может привести к нормализации соотношения спроса и предложения на их услуги.

Не следует преувеличивать значение отмеченного несоответствия притока политологов на рынок труда. Во-первых, сразу после окончания университета число безработных среди политологов несколько ниже, чем среди других специалистов, получивших высшее образование. По имеющимся данным, около 15% выпускников из числа математиков или специалистов в области естественных наук сталкиваются с теми же проблемами, и даже более 15% выпускников юридических факультетов сразу не могут найти себе работу. Во-вторых, международные сравнения, основанные на аналогичных обзорах, проведенных в странах ОЭСР, свидетельствуют о том, что норвежские политологи входят в число тех, у кого есть наибольшая вероятность получить работу на этом этапе трудовой деятельности (Tгу, 1998). Официальные показатели рынка труда также указывают на то, что общее число политологов в составе рабочей силы Норвегии выросло в два раза по сравнению со средним ростом числа всех других лиц, входящих в состав рабочей силы и имеющих дипломы о высшем образовании.

В целом статистика рынка труда свидетельствует о том, что люди, получившие высшее образование в области политических наук, пользуются на рынке труда высоким спросом. Несмотря на некоторые первоначальные проблемы, в целом уровень безработицы среди них ничтожен и сравнительное увеличение численности политологов в составе рабочей силы значительно выше, чем в других группах выпускников, имеющих аналогичные университетские дипломы.

Подробные данные о том, какого типа работу получают политологи, отсутствуют. Тем не менее опросы тех, кто лишь недавно вышел на рынок труда, дают некоторое представление о работе, на которую они устраиваются (Szanday, 1998). Проблема, связанная с этими данными, заключается в том, что политологи классифицируются вместе с представителями других общественных наук, однако эти показатели дают приблизительную картину типов работы, получаемой политологами. В соответствии с этими опросами 74% всех выпускников факультетов общественных наук получают работу в государственном секторе. Сюда входят 27% всех специалистов в области общественных наук, которые работали в университетах, региональных колледжах и других исследовательских институтах, что указывает на достаточно высокий спрос на специалистов-обществоведов в исследовательской и преподавательской деятельности. Другие 16% работали преподавателями — главным образом в средних школах. Возможно, наиболее значительную часть рынка труда для политологов составляет публичная администрация — как в центральном аппарате, так и на региональном и местном уровнях. В административных органах работает всего 20% всех выпускников факуль-

тетов общественных наук, причем обществоведы в настоящее время становятся ведущей группой специалистов среди чиновников центральных министерств и ведомств (включая дипломатическую службу).

Несмотря на то что государственный сектор составляет наиболее важную часть рынка труда для политологов, продолжала увеличиваться и их занятость в частном секторе, в частности на административных постах и/или в должностях консультантов таких частных компаний, как банки, предприятия, связанные с информационными технологиями, и в секторе энергетики. Другую часть рынка труда политологов составляют профсоюзы (где они работают в качестве служащих) и крупные добровольные объединения, такие как Красный Крест. Помимо этого спрос на политологов высок в средствах массовой информации; все крупные национальные газеты имеют в штате специалистов в области политических наук, которые работают журналистами, комментаторами и редакторами. То же самое относится к крупнейшим радиостанциям и телевизионным каналам.

3. Другие организационные особенности

В приведенном выше описании развития политических наук в Норвегии уже содержались некоторые показатели, касающиеся общей организации и разделения задач между высшими учебными заведениями. Первое, что следует отметить в отношении организации преподавания и исследований в области политических наук в Норвегии в настоящее время, — это достаточно фрагментированная организационная структура, в рамках которой ведутся преподавание и исследования. Помимо университетов существует значительное количество независимых институтов, занимающихся политологическими исследованиями. Если взглянуть на общие цифры бюджетных ассигнований, большая часть исследований в этой области — как явствует из сравнительной доли общих национальных расходов на исследования в области политических наук, — приходится не на пять университетских факультетов.

Во-вторых, почти во всех высших учебных заведениях преподавание и исследования в области политических наук финансируются либо из общественных фондов, либо напрямую из государственного бюджета, либо через национальный исследовательский совет — в качестве базовой части финансирования или финансирования конкретных исследовательских программ и проектов. Финансирование из частных источников составляет лишь незначительную часть общих финансовых ассигнований на преподавание и исследования в области политических наук.

Институциональная фрагментация политических наук не является свидетельством отсутствия сотрудничества между многочисленными

организациями, занимающимися исследованиями и преподаванием дисциплины. В частности, существует давняя традиция тесного сотрудничества между университетскими факультетами и независимыми исследовательскими институтами как в области исследований, так и в сфере преподавания. Независимые исследовательские институты играют далеко не последнюю роль в развитии организованных докторских программ, в частности за счет выплаты зарплат, а также предоставления соискателям докторской степени помещений и исследовательского оборудования, не говоря уже о том, что этих специалистов привлекают к участию в проводимых там исследовательских проектах и программах.

Сотрудничество между норвежскими политологами также развивается в рамках Норвежской ассоциации политических наук. В настоящее время численность ее членов составляет около 500 человек, что значительно превосходит количество политологов, занятых в Норвегии преподавательской и исследовательской деятельностью. Это объясняется тем обстоятельством, что членом ассоциации может стать любой человек, имеющий диплом о высшем образовании в области политических наук. Поэтому значительная часть членов ассоциации состоит из государственных чиновников, в ассоциацию также входят политологи, работающие в частных организациях и бизнесе. Смешанный состав членов ассоциации позволяет поддерживать сообщество политологов в Норвегии и способствует развитию связей между исследователями и практикующими специалистами.

Норвежская ассоциация политических наук издает единственный в Норвегии политологический журнал общего характера (на норвежском языке) *Norsk Statsvitenskapelig Tidsskrift*. Кроме того, Норвежский институт исследований внешней политики публикует *Internasjonal Politikk*, а также ежегодник. Помимо этих журналов в качестве совместного издания Скандинавской ассоциации политических наук выпускаются «*Скандинавские политические исследования*». Следует также отметить «*Журнал исследований мир*» и «*Сотрудничество и конфликт*». Оба имеют «корни» в норвежской политической науке.

Все факультеты политических наук, а также ряд других организаций являются членами Европейского консорциума политических исследований. Норвежские политологи играют активную роль и в других международных организациях, имеющих отношение к дисциплине. Факультет политических наук в Университете Осло принимал активное участие в создании Тематической сети политических наук и epsNet, и этот факультет, так же как Университет Бергена и региональный колледж Agder, является членом epsNet. Кроме того, в начале 1990-х годов секретариат (генеральный секретарь) Международной ассоциации по-

литических наук располагался на факультете политических наук в Осло, а генеральным секретарем был F. Kjellberg.

Примечание

[1] Часть настоящей работы представляет собой обновленную и отредактированную версию моего доклада «Политическая наука в Норвегии», опубликованного в Quermonne (1996: 359–372).

Литература

Hansen, Tore (2000): *The Job Market for Norwegian Political Scientists*, paper for the Third Plenary Conference of the European Thematic Network in Political Science, Hamburg, June 2000.

Quermonne, Jean-Louis (ed.) (1996): *Political Science in Europe: education, cooperation, prospects: report on the state of the discipline in Europe*, Paris: Thematic Network in Political Science

Szanday, Brigitta (1998): "Kandidatundersøkelsen 1997" // Brigitta Szanday and Berit Lødding (eds.): *Utdanning og arbeidsmarked 1998*, Oslo: NIFU-report, Norwegian Institute for Studies in Research and Higher Education: 95–123.

Thue, Frederik W. (1997): "Statsvitenskapen 50 år — et kapittel av norsk samfunnsvitenskaps historie", *Norsk Statsvitenskapelig Tidsskrift* 13: 187–214.

Try, Sverre (1998): "Utviklingen I arbeidsmarkedet for høyere utdanning", in: Brigitta Szanday and Berit Lødding (eds.): *Utdanning og arbeidsmarked 1998*, Oslo: NIFU-report, Norwegian Institute for Studies in Research and Higher Education: 81–93.

Willer, Thomas Christian (1997): "Noen jubleumsord: om kunnskap, standpunkt og politisk handling", *Norsk Statsvitenskapelig Tidsskrift* 13: 402–406.

Адриано Морейра

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ПОРТУГАЛИИ

1. Введение

1. Обретение самостоятельности политических наук в Португалии было связано со сменой конституционного режима, кризис которого стал очевиден. Поэтому прежде чем обсуждать собственно развитие науки, было бы уместно попытаться понять эволюцию официального отношения к общественным наукам в целом и соответствующее ему теоретическое развитие, отчасти объясняющее их связь, причем не всегда оправданную. Научная объективность нередко отступала из-за неизбежной связи содержания научных определений с теми или иными идеологическими позициями, при этом роль теории довольно часто сводилась к ответу на идеологические запросы государства.

Следует подчеркнуть тот факт, что в области гуманитарных наук всегда ощущалось наследие западной политической мысли нередко служившей источником произвольного политического вмешательства, а в остальном составлявшей основной компонент ткани культурной жизни. Поощрялось развитие истории политической мысли, причем основным ее объектом были доктринальные системы. Наряду с этим конституционное право рассматривало *режимы*, в соответствии с которыми действовала и была организована политическая власть, в некоторых случаях признавая нормативную позицию доктринальных положений, но лишь тогда, когда действительность не противостояла их основным принципам.

Основы современного процесса выделения политических наук восходят к принятию в 1933 г. политической конституции, породившей корпоративизм и возвращение политической власти к традиционным для страны моральным нормам, то есть нормам католической морали. Она провозглашала концепцию *сильного государства*, отрицала парламентаризм, запрещала организацию политических фракций, однозначно покончив с демократическими и либеральными течениями. Что касается роли председателя совета министров, она более соответствовала кодексу церковного права, чем каким бы то ни было доктринальным традициям.

Такая модель авторитарного государства, идеологически отличающаяся от тоталитарной, но теоретически в чем-то с ней совпадающая, не может обойтись без государственной идеологии, исключающей любые обсуждения. Последняя постоянно проявляет настороженность в отношении общественных наук и особенно политологии, учитывая тот факт, что политические науки аналитически деконструируют цепь власти, тем самым ослабляя ее способность к защите, и соответственно дематериализуют образы, производимые супершоу государства (Salazar, 1938; Caetano, 1931, 1936; Moreira, 1951).

В культурной традиции Португалии еще задолго до либеральной революции обращались к классикам римской и греческой традиции, обсуждались их теоретические концепции. Проблематика античной гражданственности оставила след в доктринальных культурных *acquis*, которые развивались на основе произведений Гомера, во второй песне *Илиады* выступавшего в защиту того положения, что «нет в многовластии блага; да будет единый властитель, царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый скиптр даровал и законы»[1].

Обстоятельства образования королевства, происходившего в период распространения господства церкви и провозглашения Григорием VII его *dictatus papaæ*, однозначно указывают на доктринальное влияние католической церкви, а также на форму правления, свойственную длительному периоду военного господства. Территории делились в соответствии с распространенной во время крестовых походов против мусульман моделью, и эта задача выполнялась на протяжении всего периода правления первой династии (1108–1385 гг.), в то время как вторая династия (1385–1580 гг.) главную свою цель видела в морских открытиях и завоеваниях, что, по выражению Луиша де Камоенса в «Лузиадах», стало уделом тех, у кого в одной руке было перо, а в другой — шпага. После периода междуцарствия (1580–1640 гг.), начавшегося с захвата власти в стране испанским королем Филиппом II, в эпоху правления четвертой династии (1640–1910 гг.) Португалия часто и надолго вовлекалась в военные операции, включая борьбу за Африку после Берлинской конференции 1885 г., что привело к нескольким серьезным кризисам на пути перехода от легитимизма к последовательным формам конституционализма, выражавшегося в смене либерального, республиканского, корпоративистского и, наконец, демократического режимов (25 апреля 1974 г.). В силу этого традиция командного стиля и сильной власти имеет глубокие корни.

При корпоративистском режиме господствующее положение Оливейры Салазара, активного члена *Centro Académico da Democracia Cristã* (Христианского демократического академического центра), который приложил много усилий для распространения папских идей в Португалии, было обосновано в предисловии, которое он написал к первому тому своих речей: «Содержащиеся в этих речах идеи широко известны. Я даже могу сказать, что они принадлежат не мне, а всем людям; соответствуя духу страны, они были ею приняты и усвоены» (Salazar, 1938: XLIX).

Можно считать, что избранной им моделью был кодекс канонического права в той его части, которая регулируется положением *Ordinário do Lugar* (местное управление), согласно которому власть осуществляет обычно епископ, названный благоразумным человеком и руководствующийся Священным Писанием, а государство руководствуется корпоративистской доктриной, облеченной в текст конституции. Таким образом, *Estado Novo* (новое государство) хотя сегодня и является объектом политологии, но формально не отделяется от моральной философии, которая выделилась из теологии.

Хотя со временем эти перспективы подверглись изменениям, суть проблематики моральной философии, связанной с государством, всегда соотносится с дефиницией хорошего правления, балансом между свободой и оправданным вмешательством политической власти в соответствии с естественным правом, независимостью таких естественных групп, как семья, церковь и территориальные общины, и с гарантией справедливости и безопасности, что в целом относится к концепции государства.

Воздействие этой школы общественной мысли, к числу представителей которой относятся Геродот, Перикл, Ксенофон, Аристотель, Полибий, Цицерон, получившей развитие в период средневековья в трудах таких сторонников укрепления роли церкви, как Святой Павел, Блаженный Августин, Святой Фома Аквинский, продолжалось либо с включением фактов, которые могли представлять опасность для правящего режима, либо в борьбе с такого рода фактами. Томизм, предполагавший сдержанные отношения между политической и духовной властью, тем не менее не смог предотвратить нараставшую опасность, которую представляли светские течения, представленные Данте (1265–1321 гг.), Вильямом Оккамом (1270–1349 гг.) или Марсилием Падуанским (1280–1341 гг.). Возможно, последний был именно тем человеком, который внес самый большой вклад в разработку определяющего расхождения, представленного Макиавелли (1469–1527 гг.): флорентинец не собирался заниматься нравоучениями, работая над «*Государем*», он хотел лишь кодифицировать процедуры, приводящие к успешному присвоению, овладению и упрочению власти, рассматривая раздробленную Италию с точки зрения концепции, в соответствии с которой *при отсутствии государя не может быть объединения*: вот почему слово «госу-

дарство» в его современном значении появляется в начале его самой известной работы — «*Государь*» (1532 г.).

В период господства этой концепции суть обучения государя с детства, «чтобы он принял бразды правления и власти», в числе других ее ценных положений основывалась на *легитимности* династического наследования и *моральной философии*.

В ходе дальнейшего развития, начавшегося с Атлантической революции, в XIX в. в Португалии была создана модель рационально-нормативного государства, которое в свою очередь приняло *конституцию* в качестве *категорического императива*, рассматривая государство как всеобщую данность, определяемую тем же критерием *контроля и правления*. Вот почему исследование политических процессов входило в область *юриспруденции* как науки, при игнорировании независимых процессов социальной действительности, которые на деле характеризуют дисциплину.

На протяжении длительного периода действия корпоративистской конституции 1933 г. определение этого категорического императива сосредотачивалось на *значении высших интересов* (Бог, родина, семья), подменявших собой *значение воли большинства*, что привело к возникновению понятия *законности действий* по отношению к провозглашенной *аутентичности* вмешательства.

Конституционное право нашло в университетах славящих корпоративистское законодательство адептов и стало объектом пристального внимания, причем при обсуждении вопросов о том, каким должно быть государство, нередко приводились критические ссылки на идеи Гоббса, Локка, Руссо, Монтескье и других представителей рационалистической школы общественной мысли.

Тем не менее политическая философия не получила подобающего ей независимого места в системе образования, не были созданы специальные кафедры, на которых изучались бы вопросы пределов государственного вмешательства в жизнь людей, в ту область, которую, по мнению Гуго Гроция, Джона Локка и Томаса Пэйна, люди считают своими естественными правами, включая безопасность и мир, причем такое вмешательство, по мнению Гоббса, оправдывалось предоставлением государству неограниченной власти и свободы, и поэтому Локк и Руссо требовали гражданского участия в создании государства. В целом это касается всего круга проблем, связанных с отношениями человека с государством, властью закона, социальной справедливостью, свободой и ответственностью гражданина по отношению к государству. Подспудно на развитие и обсуждение модели государства и законности авторитарного вмешательства в качестве метода борьбы против всех форм отклонений оказывал воздействие патернализм канонического права.

2. Именно в этот период политическая наука, прежде всего в США, Британии, Франции и Германии, развивалась с различной степенью отделенности от социологии. Это обстоятельство помогает понять, почему политическая наука как предмет все еще остается рассредоточенной более чем по одной дисциплине.

В случае Португалии следует принимать во внимание очевидную значимость связи политической науки с правом, несмотря на отсутствие академически признанной социологии. В условиях господства в Португалии корпоративизма существовали только два юридических факультета — в Коимбре и Лиссабоне, причем в то время лишь на первом из них работали наиболее компетентные в своей области преподаватели. Одним из их был профессор Фезас Витал (Fezas Vital) (1888–1953 гг.), который оставил мало печатных трудов, но вместо этого, в соответствии с практикой того времени, оставил конспекты лекционных курсов, которые читал студентам. Его усилия были направлены на примирение католически ориентированной *философии ценностей*, *доктрины* Кельзена, в то время привлекавшей внимание к венской школе, *институционализма* Hauriou и *реализма* Duguit. Очевидно, что было нелегко примирить друг с другом столь различные направления общественной мысли, но если принять во внимание наиболее актуальные вопросы того времени, такие как рабочее движение и связанную с ним *синдикалистскую автономию*, то и институционализм, и реализм побуждали юриста уделять внимание проблемам государственной безопасности, эффективности власти, защиты общественных интересов и творческой диалектики и отражали его стремление увязать их с реалистичной направленностью индивидуалистической перспективы интересов.

Деятельность Фезаса Витала не оставила сама по себе сколько-нибудь значительных следов, и в течение долгого периода времени связь между правом и политической наукой, как казалось, не получала дальнейшего развития. Тем не менее Жан Бодэн и теория суверенитета XVI в. не были забыты, и кроме того, продолжало ощущаться влияние немецкого федерализма, одновременно вдохновлявшего доктрину самоограничения, опираясь на которую Георг Еллинек пытался устранить международные и конституционные преграды абсолютизма как власти, не имевшей опоры во внутренней жизни и не признававшей над собой контроля в области международных отношений. В Британии в 1895 г. была создана Лондонская школа экономики и политических наук, а в Оксфорде в 1911 г. возникла первая кафедра, но связи Португалии с британскими университетами были спорадическими.

В Лиссабоне определяющим влиянием пользовались работы французских и итальянских авторов, и профессор Марселло Каэтано стал

первым, кто, следуя французской традиции приоритета теорий государства и отрицания независимости политических наук в связи с исчерпывающей достаточностью конституционного права, назвал свою кафедру кафедрой *Конституционного права и политических наук* (1952 г.).

Источником его вдохновения, видимо, стал Жорж Будро (Georges Budreau), опубликовавший в 1949 г. *Traité de Science Politique*, где он выступил со следующим предупреждением: «Более того, они [политические науки] лишены собственного объекта изучения; это лишь метод, позволяющий с большим успехом изучать конституционное право, и ракурс для более широкого взгляда, в который вписывается проблематика публичного права» (Budreau, 1949: 8). Тем не менее именно политическая власть, ее природа, основы, форма и эволюция, а также отношения с социальной группой, на базе которой она возникла и которой она правит, составляет определяющий элемент общепризнанного предмета в рамках этих размытых границ, поскольку, как отмечает автор, «нет такого понятия, как человек, изучаемый социологом, историком, статистиком или юристом... есть лишь человек, совокупность всех ипостасей которого не должна заслонять его целостность» (там же, 9). Именно этим замечанием определяются споры как о предназначении, так и о границах независимой политической науки.

Тем временем, как бы плывя по течению, не имеющему ничего общего с повседневной рутиной политического механизма, поколение юристов, окончивших университет в драматические годы периода поздней португальской *колониальной империи* и в конце существования этого режима, воспользовались результатами исследований немецких ученых, которые в свою очередь усилили более традиционные связи с Францией и Италией, и в итоге в политико-правовой области образовалась заслуживающая внимания группа специалистов, занимавшихся исключительно конституционным правом. К их числу на юридическом факультете в Университете Коимбры относились Gomes Canotilho, Vital Moreira, Lucas Pires, Barbosa de Melo, Cardoso e Costa, а на юридическом факультете в Лиссабоне — Diogo Freitas do Amaral, Marcelo Robelo de Sousa, Jorge Miranda, которые почти все без исключения в 1975 г. принимали участие в событиях, проходивших в конституционной палате (*Constituinte de, 1975*), в парламентской жизни, в деятельности политических партий, правительства, конституционного суда, выступали с комментариями в средствах массовой информации, участвовали в публичных дебатах.

Эта деятельность в целом представляла очень большое научное значение, но, по всей вероятности, именно доводы, в частности Gomes Canotilho, в защиту *права на права человека* лучше всего отражают связь между конституционализмом и социологией. Тем не менее все они сыграли свою

роль в определении нового «государя», т.е. *тоталитарного* государства, как всегда стремящегося «получить *контроль* и *господство*», руководствуясь новым *категорическим императивом*, содержащимся в *конституции*.

В одной из наиболее поздних работ Гомеш Канотильо, раскрывая суть проблемы, писал: «Реальность прав человека нередко допускается, в то время как проблематика их основ в большинстве случаев упускается из виду. Понятно, что те, кто повседневно вовлечен в трагедию нарушения прав человека — заключенные, изгнанные, беженцы, эмигранты, больные, этнические меньшинства, сотрудники филантропических организаций, — действительно переживают и мучаются, независимо от юридической, моральной и политической риторики, имеющей отношение к этим правам, по поводу насущных, безотлагательных поисков решения вопросов, связанных с человеческими трагедиями. Однако неспособность понять их основы можно объяснить и иными причинами. Одна из них может состоять в догматическом юридическом подходе к правам» (Canotilho, 2005: 13).

2. Отношения с социологией

2.1. Политические ограничения

Следует отметить, что помимо ограничений, определявшихся политическим режимом, финансирующим единственную государственную структуру, португальская система исследований и обучения развивалась в отдельных университетах изолированно, связи между ними и обмен опытом были достаточно редким явлением.

Это же обстоятельство затрудняло развитие и других отраслей знания, на которые распространялись традиционные концепции, тормозящие обретение независимости признанных учебных программ. Область экономики и управления стала ситуационным исследованием за счет сложности процесса, ведущего к ее отделению от нормативной экономики, которая по традиции преподавалась на юридических факультетах.

С другой стороны, характер режима, определявший отрыв от зарубежных институтов, — с единственным исключением, имеющим отношение к библиографии, — привел к тому, что дипломы иностранных университетов практически не признавались.

Именно это обстоятельство лежит в основе кардинальных различий в эволюции политических наук, прежде всего в западных странах, поскольку с Восточной Европой их разделял непреодолимый политический барьер.

2.2. Колониальное давление

Тем не менее специфическая проблематика *колониальной империи* раньше или позже должна была привести к тому, чтобы обратиться к

политическим наукам и к неправовой перспективе, в большей степени присущей другим общественным наукам. В этом плане важную роль сыграла политическая зависимость Португалии от внешних факторов, поскольку наблюдение за внешними процессами как в исторической перспективе, так и с точки зрения современных потребностей определялось нуждами дипломатии, вместе с тем давая возможность осмысливать происходящее в университетах. С другой стороны, положение колонизатора, занимавшего господствующие позиции по отношению к местным культурам, свидетельствовало о недостаточности правовых знаний и о необходимости более глубокой информации в области антропологии и этнографии, истории культуры, географии населения, экономики, обычного права, систем власти и других областях.

Очевидно, что при таком подходе изучение сосредотачивалось больше на политическом курсе, чем на *политической науке*. Как бы то ни было, оставленное наследие заслуживало внимания, и заботу о нем взяло на себя Лиссабонское географическое общество, основанное в 1875 г. Оно же выступило инициатором создания *Колониальной школы* (1906 г.), которая со временем превратилась в современный Институт политических и общественных наук (ISCSP) при Лиссабонском техническом университете (UTL). Оно также поддерживало продвижение португальцев в Африку в нескольких кампаниях, последовавших вслед за Берлинской конференцией 1885 г.

Современная история начинается с публикации в 1870 г. книги João de Andrade Corvo «*Опасности — Португалия в Европе и мире*» (*Perigos — Portugal na Europe e no Mundo*). Помимо многочисленных публицистических работ, появившихся в качестве реакции на английский ультиматум 1890 г., оценка воздействия внешней политики была дана в исследованиях серьезных авторов, к числу которых относились Luciano Cordeiro, основатель Лиссабонского географического общества, Barros Gomes, Antynio Enes, а также она прозвучала в лекциях профессора Santa Rita в *Колониальной школе*.

Именно в области колониальной проблематики, а также в институциональном контексте Комиссии по техническому сотрудничеству в Африке Adriano Moreira начал отстаивать независимость предмета внешней политики в плане ее международной переменной.

Создав в 1950-е годы Центр социальных и политических исследований, он делал там упор на исследования и преподавание вспомогательных наук, таких как культурная антропология, история, дипломатия, социология, экономика развития, опубликовал несколько десятков исследований и сотрудничал с такими профессорами, как Jorge Dias, Silva Rêgo, Martins de Carvalho, Sedas Nunes, Cardinal António Ribeiro, Pereira de Moura, Magalhães Godinho, Luís de Matos, Vasco Fortuna, Raquel Soeiro

de Brito, Francisco José Tenreiro. В настоящее время в этой области в Центре продолжают работать Narana Coissoró, José Adelino Maltes, Manuel Meirinho, младший Conceição Teixeira и Marcos Farias Ferreira.

Начали предоставляться стипендии молодым преподавателям для получения ими докторской степени за границей — в США, во Франции, Испании и Англии.

2.3. Самостоятельность политических наук

Эволюция политических наук в условиях, существующих в Португалии, происходила без доступа к международному обмену, за исключением социологии. Так, в 1970-е годы Роже-Жерар Шварценберг, известный автор *L'Etat spectacle* (1977 г.), уделил внимание проблемам, имеющим отношение к политическим наукам, в работе под названием «*Политическая социология — элементы политической науки*» (1977 г.).

В Португалии проблемам политических наук в рамках социологии были посвящены не только первые шаги Института политических и социальных исследований (бывшей Колониальной школы), но также работы Отделения социальных исследований Института финансовых и экономических наук Лиссабонского технического университета (1963 г.), Католического института социальных исследований в Эворе (1964 г.), Факультета гуманитарных наук Португальского католического университета (1972 г.) и независимого Института труда и управленческих наук (1962 г.). В Университете Эворы действует кафедра политической социологии, возглавляемая Maria José Stock. В Открытом университете, где в настоящее время существует кафедра политических и общественных наук, скончавшийся в раннем возрасте профессор Luís Sá при поддержке профессора José Fontes начали изучение и исследования в области политических наук. В Университете Авеиро в настоящее время возглавляет кафедру José Manuel Moreira.

Инициатором дальнейшего отделения политологии от права, вновь обусловленного внешними факторами, стал Adriano Moreira, выступивший за ослабление зависимости политических наук от права. Эту же позицию он продолжал развивать в Католическом университете Рио-де-Жанейро (1975 г.), и в итоге она нашла отражение в книге «*Политическая наука*», опубликованной в Лиссабоне в 1979 г.

Политические науки связаны с наукой о власти, т.е. с борьбой за власть, ее удержанием и осуществлением властных функций. Вместе с тем значительная часть проблематики политических наук вписывается в область социологии, и такой подход получил серьезную поддержку со стороны Boaventura Sousa Santos в Университете Коимбры, где он сыграл большую роль в создании нового экономического факультета (1972 г.). В Университете Минью декан, профессор Lúçio Craveiro da Silva,

S. J., ввел присвоение первого в Португалии диплома в области международных отношений, и теперь там работает группа молодых ученых (Lobo Fernandes, Maria do Céu Pinto и Ana Paula Brandão).

2.4. Международные отношения и другая проблематика

В ренессансной концепции суверенитета хотя и подчеркивалась зависимость Португалии от внешних факторов, область международных отношений оставалась независимой, как и политическиие науки. То же самое произошло и под руководством Adriano Moreira в Институте политических и общественных наук при Лиссабонском техническом университете, который также преподавал новый предмет в Лиссабонском военно-морском военном институте. Он опубликовал первую книгу «*Международная политика*» в 1970 г., а первое издание «*Теории международных отношений*» появилось в конце его срока пребывания в должности в 1991–1992 гг.

Однако именно революция 1974 г. привела к созданию и бурному развитию специализированных центров в этой области, действовавших как в рамках университетов, так и за их пределами.

В Университете Коимбры следует упомянуть Luís Reis Torgal и его «*Журнал истории мысли*» (*Revista de História das Ideas*), а также *Manuela Navares Ribeiro* с ее «*Журналом исследований XX века*» (*Revista de Estudos do Século XX*), последний в основном посвящен европейским исследованиям; в Португальском католическом университете João Carlos Espada успешно руководит соискателями степеней магистра и доктора наук, а также издает «*Новый гражданский журнал*» (*Revista Nova Cidadania*); Португальский институт стратегической конъюнктуры уже 14 лет выпускает ежегодник исследовательских работ под названием «*Стратегия*» (*Estratégia*); Независимый университет имени Луиша де Камоенса публикует солидное обозрение под названием «*Янус*» под руководством Luís Moita с анализом текущих процессов; Университет Лузиад публикует издание под названием «*Журнал науки и культуры*» (*Revista de Siência e Cultura*), а его отделение в Порто издается с участием Fernando de Sousa. Португальский институт международных отношений (IPRI) начал публикацию журнала под названием «*Международные отношения*» под опытным руководством Nuno Severiano Teixeira. Последний связан с факультетом Нового университета, возглавляемым José Esteves Pereira, где отделением политических наук руководит Cristina Montalvão Sarmento; Boaventura Sousa Santos издает «*Критический журнал общественных наук*» (*Revista Crítica de Siência Sociais*); José Manuel Durão Barroso, связанный с Университетом Лузиад, основал «*Журнал политических наук*» (*Revista de Siência Política*); Институт национальной обороны при Министерстве обороны Португалии публикует издание «*Нация и оборона*» (*Naçao e Defesa*); Augusto Silva руководит кафедрой экономики и социологии (Economia e Sociologia) в Институте экономических и социальных исследований в Эворе.

25 сентября 1998 г. была создана Португальская ассоциация политических наук (APCP), которой в настоящее время руководит João Carlos Espada. Первым ее президентом был декан Португальского католического университета Braga da Cruz, который является главным редактором наиболее важного португальского журнала «*Социальный анализ*» (*Análise Social*).

В основном уже после падения Берлинской стены развитие международной конъюнктуры и последующий кризис возрождения привели к созданию модели суверенного государства, позволяющего определить такое направление исследований и преподавания, в рамках которого стало бы возможно соединить как политические науки, так и международные отношения.

3. Оценка состояния науки

В настоящее время в Португалии существует национальная система оценки высшего образования, координируемая Национальным советом по оценке высшего образования (*Conselho Nacional de Avaliação do Ensino Superior, CNAVES*). Эта организация несет ответственность за публикацию отдельных отчетов, сопровождаемых выводами по каждой отрасли науки. Приводимые ниже данные взяты из общего отчета с выводами за 2004 г.

3.1. Структура дипломов и учебных планов

Как явствует из приведенной таблицы, категории дипломов достаточно многочисленны и в них обычно указывается специализация. Кроме того, в таблице помещены даты, с которых выдаются дипломы.

Дипломы по политическим наукам стали выдаваться позже, чем по международным отношениям. Это обстоятельство затрудняет их оценку, и кроме того, рынок не проявляет достаточного внимания к этому важнейшему вопросу, касающемуся подготовки национальных и международных кадров.

В университетах политические науки представлены в трех форматах: дипломами по публичному администрированию (госслужбе), дипломами по международным отношениям и дипломами по политическим наукам.

Последние были введены позже других, и в них явно прослеживается намерение углублять изучение политических явлений за пределы государственного управления и международных отношений; по сути своей они связаны с целым рядом процессов, имеющих отношение к власти, — основами власти, доступом к власти, применением власти и столкновениями интересов, развивающимися при отправлении властных функций.

Таблица

Университеты и их структура дипломов и учебных планов

Университет	Диплом	Год начала выдачи	Отрасль — специализация
1	2	3	4
Минью	Международные отношения	1975 (несколько пересмотров — последний в 2002 г.)	Международные отношения — политические и культурные отношения. Международные отношения — полити ческие и экономические отношения
Независимый	Международные отношения	1995	Европейские исследования. Международное сотрудничество
Нова	Политические науки и международные отношения	1996/1997	Политические науки. Международные отношения
Лузиада (Лиссабон)	Политические науки	1995/1996	Сравнительная политология. Публичное администрирование (государственная служба)
Лузиада (Лиссабон)	Международные отношения	1988	Политические и экономические отношения. Международное сотрудничество и развитие
ISCSP	Международные отношения	1982	Политические и культурные отношения. Политические и экономические отношения. Международная стратегия компании. Международная политика и культурные области. Общество и экономика в Африке и Азии. Общество и экономика в Латинской Америке
ISCSP	Политические науки	1998	Политический менеджмент и принятие решений. Социология общественного мнения и массовых движений. Международная политика и внутриполитические последствия
Лузофона	Политические науки	1991	Теория и методология политических наук. Государство и публичная администрация (госслужба). Общественное мнение и электоральные исследования. Международные отношения
Коимбра	Международные отношения	1994 (учебные программы пересмотрены в 2000/2001 г.)	Политическое убежище и беженцы в международной системе. Международные измерения корпоративной деятельности. Внешняя политика Европейского сообщества
Автономный	Международные отношения	1990 (?)	Семинар по стратегическим проблемам. Семинар по экономическим проблемам. Семинар по Португалии и современному миру
Фернандо Пессоа	Международные отношения	1997	—
Современный	Европейские исследования	1991	—
Международный	Политические науки	1993	—
Лузиада (Порто)	Международные отношения	В Порто с 1991 г.	Политические и экономические отношения. Международное сотрудничество и развитие

3.2. Болонский процесс

В числе критериев, относящихся к оценке, следует учитывать отчеты учебных заведений об их отношении к процессу стандартизации высшего образования, происходящему на европейском уровне, а также о конкретных мерах, уже принятых в этом направлении.

В одном из случаев оценки, а именно оценки диплома по политическим наукам и международным отношениям в лиссабонском Новом университете, введение системы профилирующих/факультативных дисциплин представляется соответствующим аналогичной структуре, если иметь в виду, что в любом случае можно ожидать от событий, происходящих в этом плане в Европе. Хотя во время проведения этой оценки такая система уже применялась, она не была введена в учебном году, служившем базисным для отчета о самооценке.

В целом можно отметить, что проявляется определенный интерес и предпринимаются некоторые конкретные шаги в ответ на происходящий процесс унификации европейской системы, хотя информация в этом плане явно недостаточна.

Нет никаких сомнений в том, что незамедлительно следует обратить пристальное внимание на структуру всех дипломов и предметов их изучения, прежде всего в том, что касается основных преобразований, связанных с конкурентоспособностью по отношению к Европейской системе перевода кредитов (ECTS) и перехода на семестры.

При существующей системе дипломов основное внимание сосредотачивается на изучении политической мысли и различных ее школ, оказывающих влияние на идеологию, которой руководствуются правящие круги при осуществлении политической деятельности, а также особое внимание уделяется социальным явлениям, влияющим на формирование общественного мнения, важности следования тенденциям, на которые это мнение ориентируется, и показателям результатов голосования.

Все дипломы, явившиеся объектом оценки за данный год, в последние годы относились к специализированным отраслям.

По одному из них, который после проведения последних преобразований должен выдаваться на четвертом году, но еще не был введен в полном объеме в год оценки, предусматривается специализация в области теории и методологии политической науки, государства и публичной администрации, общественного мнения и электоральных наук и международных отношений. В год проведения оценки возможности ограничивались международными отношениями, общественным мнением и электоральными науками, политическими институтами и публичной администрацией, хотя в тот год можно было специализироваться только в последней области.

Различные дипломы можно получить в результате специализации на третьем и четвертом годах обучения по двум отраслям: сравнительной политологии и публичной администрации.

Однако другой диплом в большей степени сосредоточен на самом процессе осуществления властных функций, предлагая студентам помимо основной подготовки группы факультативных дисциплин, организованные вокруг трех широких тем: управление и процесс принятия политических решений, социология формирования общественного мнения и международная политика и внутриполитические последствия.

Сложности с устройством на работу у студентов, специализирующихся в области политических наук, обусловлены тем обстоятельством, что их дипломы введены сравнительно недавно, и потому профессиональные навыки этих выпускников еще недостаточно хорошо известны на рынке.

Предмет, составляющий суть всех этих дипломов, имеет чрезвычайно важное значение для португальского общества, так же как понимание структуры и конъюнктуры действующей там власти.

Поэтому вполне можно предположить, что в ближайшее время потенциальные работодатели поймут, насколько большую помощь могут оказать выпускники факультетов политических наук в решении тех задач, к которым они будут привлечены.

На нынешнем этапе роста преподавание этого предмета заслуживает долговременной поддержки до тех пор, пока он не получит столь необходимой ему независимости и не окажется в состоянии продолжать развитие на собственной основе.

Примечание

[1] *Гомер.* Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. — *Прим. перев.*

Литература

Bodreau, Georges (1949): *Traité de Science Politique. La démocratie ou les contraintes du nouvel âge*, Paris: Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence (LGDJ).

Caetano, Marcello (1931): *Lições de Direito Corporativo*, Lisbon: Bertrand.

Caetano, Marcello (1936): *Perspectivas*, Lisbon: Bertrand.

Canotilho, Gomes (2005): *Desafios à Igareja de Bento XVI*, Lisbon: Casa das Letras.

Moreira, Adriano (1951): *Direito Corporativo*, Lisbon: ISCSP.

Salazar, Oliveira (1938): "O Estado Novo Português na Evolução Política Europeia", *Discursos* Vol. I, Coimbra Editora.

Teixeira Ribeiro (1938): *Lições de Direito Corporativo*, Coimbra Editora.

Джон Этерингтон, Франсеск Мората

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИСПАНИИ

1. Введение

Университетская система в Испании отличается от многих других западноевропейских систем. Если последние были приспособлены к требованиям либерально-демократических государств всеобщего благоденствия, то испанские университеты оставались зависимыми от диктатуры Франко. Изгнав оттуда многих ведущих ученых в годы гражданской войны и после ее окончания, режим Франко жестко контролировал университетскую систему, надежно изолируя ее от изменений, происходивших в большинстве стран Запада. Это было особенно заметно в области политической науки — дисциплины, к которой власть относилась с подозрением по определению, и в силу этого в послевоенный период она не могла развиваться с таким же успехом, как в Соединенных Штатах и Западной Европе. Действительно, единственным высшим учебным заведением, имевшим право присваивать дипломы по политическим наукам, был Мадридский университет Комплутенсе, но даже там содержание учебных программ резко ограничивалось по политическим мотивам. Чтобы избежать политических проблем, господствующими подходами к предмету были легализм и конституционализм.

После перехода от диктатуры к парламентской демократии и возникновения в Испании государства всеобщего благоденствия испанская университетская система претерпела многочисленные изменения, в частности за счет ее расширения с целью увеличения численности студентов, что отражало стремление к «демократизации» академических институтов, которые были открыты раньше только для представителей элиты. При этом существенно повышалось их финансирование. Хотя по сравнению со средними показателями по ОЭСР финансирование испанских университетов еще отстает, средства, выделяемые на студента, постепенно увеличиваются, поскольку, с одной стороны, становятся доступны более крупные источники финансирования, а с другой — число студентов сократилось в связи с демографическим кризисом, обусловленным снижением уровня рождаемости.

Политическая наука в значительной степени отражает эти тенденции, хотя и с определенным временным разрывом. Если такие дисциплины, как социология, начинали свое развитие, имея более солидную базу, то в области политических наук первые дипломники появились лишь с конца 1980-х годов, поскольку по всей стране возникали новые факультеты. Численность студенчества отражала эту тенденцию, постепенно повышаясь с начала 1980-х до середины 1990-х годов, после чего показатели стали снижаться.

Если говорить о том, как работает университетская система, можно отметить, что воздействие бюрократического контроля со стороны государства в сочетании с корпоративистскими интересами оказалось более тесно связанным с периодом диктатуры, чем было бы желательно. Хотя принцип «университетской автономии» составляет незыблемое положение законодательства, существующее для того, чтобы не допустить чрезмерного вмешательства государства в университетские дела, доступ к университетскому образованию, предлагаемые дипломы и университетские учебные программы даже сегодня в основном определяются государством, поскольку деятельность университетов регулируется административным правом.

Другим фактором, который следует принимать в расчет, является процесс политической и административной децентрализации Испании. Хотя конституция продолжает оставаться монополией центрального правительства, различные аспекты университетской жизни все в большей степени определяются региональными властями. Поэтому к нынешним проблемам университетской системы добавляются неразбериха и даже столкновения между центральным правительством и некоторыми региональными органами власти по вопросам принятия политических решений и финансирования. Особое значение это приобретает в настоящее время в связи с попытками унификации структуры дипломов в рамках Болонского процесса.

При учете этой общей ситуации теперь мы перейдем к более детальному анализу положения политической науки в Испании, уделяя основное внимание преподавательской и исследовательской деятельности.

2. Преподавание

2.1. Поступление

Поступление студентов в университеты зависит от общих оценок за последние два года средней школы, дающих степень *бакалавра*, и вступительного экзамена — приемного экзамена в университет, который в основном одинаков во всей Испании. В последних двух классах средней школы студенты должны выбрать одно из пяти направлений специализации: научно-техническое, медицинское, гуманитарное, обще-

ственно-научное или искусство. По каждому из этих направлений сдаются соответствующие приемные экзамены в университет. Так, студенты, выразившие желание изучать политические и административные науки (PAS), в последних двух классах средней школы должны специализироваться в области общественных наук, а потом сдать приемный экзамен в университет по общественным наукам. Проходной балл, необходимый для поступления, определяется конкурсными требованиями, но в любом случае он не должен быть ниже 5 из 10 возможных. Так, если в университете есть 150 мест, минимальный проходной балл соответствует самому низкому баллу, который по нисходящей получает 150-й абитуриент.

Что касается проведения приемных экзаменов и набора студентов, специализирующихся в области политических и административных наук, в этом вопросе в Испании нет единой системы. В Андалузии, Каталонии и Галисии университеты совместно передают вопрос о приеме в ведение региональных правительств, тем самым эффективно централизуя этот процесс. В остальных областях Испании такой системы не существует, и ответственность за набор лежит на самих университетах.

Если говорить об иностранных студентах, то они прежде всего должны получить подтверждение их аттестатов зрелости либо непосредственно в Министерстве образования Испании, либо в соответствующем испанском посольстве. В случае успешного решения студенты допускаются к приемному экзамену в университет. С этой целью для иностранных студентов создан Национальный университет дистантного образования.

Доступ в аспирантуру упорядочен значительно в меньшей степени, в основном он определяется критериями приема отдельных кафедр и факультетов, предлагающих соответствующие учебные программы, хотя минимальным обязательным требованием для поступления является диплом бакалавра. Для иностранных студентов — за исключением тех, кто имеет диплом магистра, который рассматривается в индивидуальном порядке, — этот процесс существенно сложнее, поскольку выданные за пределами Испании дипломы должны быть «проверены и подтверждены» соответствующими государственными органами Испании. Процесс проверки и подтверждения означает, что если данный диплом признается в Испании, он должен иметь соответствующий эквивалент в испанской системе. В этом случае соискатель получает свидетельство Министерства образования, которое вместе с оригинальным документом в официальных целях служит в качестве диплома. Если при поступлении допускается определенная гибкость, то обучение в аспирантуре или в докторантуре официально признается в Испании лишь в том случае, когда предыдущий уровень образования успешно прошел проверку и подтверждение. В соответствии с Болонскими документами испанское правительство предпринимает шаги в направлении снижения

сложностей, сопряженных с процессом проверки и подтверждения, хотя полностью предъявляемые легальные требования отменены не будут.

2.2. Структура и содержание дипломов

При рассмотрении структуры и содержания дипломов прежде всего следует учитывать степень государственного контроля всех вопросов, связанных с формой и содержанием университетских дипломов в Испании.

Если говорить об учебных программах, то в первую очередь содержание всех университетских дипломов должно быть утверждено центральным правительством, поскольку «официальный статус» предоставляется им лишь в том случае, когда они опубликованы в Официальном государственном бюллетене (BOE). Учитывая сложный характер этой процедуры, изменять учебную программу ежегодно почти невозможно, что вызывает большие затруднения факультетов при адаптации содержания дипломов к достижениям в развитии дисциплины.

Первая ступень университетского образования (*лиценциаты*) в области политических и административных наук обычно требует 300 кредитов, которые должны быть получены в течение четырех лет обучения, причем каждый кредит соответствует 10 часам аудиторных занятий. Образование разделено на два цикла, каждый из которых занимает два года. Первый цикл носит более обший характер, который в случае политических и административных наук включает курсы социологии, права, истории и экономики (табл. 2), а в ходе второго цикла студенты специализируются в конкретных разделах дисциплины. В некоторых университетах предлагаются только вторые циклы обучения (табл. 1), причем принимаются туда студенты лишь при условии окончания первого цикла или получения соответствующих дипломов либо при наличии магистерской степени.

Таблица 1

Университеты, предлагающие обучение с получением дипломов по политическим и административным наукам (2005/06 г.)

Университет	Факультет	Цикл	Число мест
Автономный Барселоны	Политических наук и социологии	1-й и 2-й	140
Автономный Мадрида	Юридический	2-й	105
Барселоны	Юридический	1-й и 2-й	80
Барселоны	Юридический	2-й	80
Бургоса	Юридический	2-й	Без ограничений
Карлоса III в Мадриде	Общественных и юридических наук	2-й	60

24-6054

Окончание табл. 1

Университет	Факультет	Цикл	Число мест
Комплутенсе в Мадриде	Политических наук и социологии	1-й и 2-й	380
Комплутенсе в Мадриде	Политических наук и социологии	2-й	50
Гренады	Политических наук и социологии	1-й и 2-й	225
Гренады	Политических наук и социологии	2-й	50
Мигеля де Эрнандеса в Эльче	Общественных и юридических наук	1-й и 2-й	71
Мигеля де Эрнандеса в Эльче	Общественных и юридических наук	2-й	Без ограничений
Мурсии	Юридический	1-й и 2-й	Без ограничений
Мурсии	Юридический	2-й	Без ограничений
Пабло де Олавиде (Севилья)	Юридический	1-й и 2-й	60
Страны басков	Общественных наук и коммуникации	1-й и 2-й	Без ограничений
Страны басков	Общественных наук и коммуникации	2-й	Без ограничений
Помпеу Фабра (Барселона)	Общественных наук и коммуникации	1-й и 2-й	160
Саламанки	Юридический	2-й	Без ограничений
Сантьяго де Компостела	Политических и общественных наук	1-й и 2-й	Без ограничений
Сантьяго де Компостела	Политических и общественных наук	2-й	Без ограничений
Общего образования Валенсии	Юридический	1-й и 2-й	80
Общего образования Валенсии	Юридический	2-й	80

Источник: Министерство образования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mec.es/univ/index.html.

Государственный контроль также выражается в том, как курсы подразделяются на отдельные категории: основные, обязательные, факультативные и по выбору. Основные, на которые в настоящее время приходится более 30% общего числа кредитов, необходимых для получения университетского диплома по политическим и административным наукам, определяются государством и в силу этого присутствуют во всех дипломах политических и административных наук. Обязательные курсы определяются каждым конкретным университетом и составляют менее 30% общего числа кредитов, а остальные кредиты распределяются между факультативными курсами и курсами по выбору, что позволяет студентам выбирать их за пределами того факультета, где им выдается данный диплом. Большинство основных и обязательных курсов приходится на первый цикл обучения, когда выбор студентов ограничен, а на второй цикл приходятся все типы курсов.

Таблица 2

Учебная программа по политическим и административным наукам в Автономном университете Барселоны (2005/2006 г.)

Первый цикл (139,5 кредита)

Первый год (60 кредитов)			
1-й семестр		2-й семестр	
			Кредиты
Политические науки (полный год) (основной)			10,5
Политическая экономия (полный год) (основной)			9
Новая история (полный год) (основной)			9
Общая социология (полный год) (основной)			10,5
Математика и статистика (основной)	6	Испанская политика I (основной)	6
Прикладные аспекты I (обязательный)	4,5	Прикладные аспекты II (обязательный)	4,5
Второй год (79,5 кредита)			
1-й семестр		2-й семестр	
			Кредиты
Международные отношения (полный год) (основной)			10,5
Английский язык (полный год) (обязательный)			15
Введение в право (основной)	4,5	Экономическая политика I (обязательный)	6

Продолжение табл. 2

1-й семестр		2-й семестр	
			Кредиты
Политическая мысль (обязательный)	6	Техника исследований I (основной)	6
Социальная структура (обязательный)	6	Публичное администрирование (основной)	6
Демография (обязательный)	6	Политическая теория I (обязательный)	7,5
		Прикладные аспекты III (обязательный)	4,5

Второй цикл (160,5 кредита)

Третий год (84 кредита)			
1-й семестр		2-й семестр	
			Кредиты
Испанская политика II (основной)	6	Административное право (основной)	6
Анализ публичной политики I (основной)	6	Публичные финансы I (основной)	6
Испанская экономика (основной)	6	Международная экономика (основной)	6
Конституционное право (основной)	6	Сравнительная политология (основной)	6
Европейская международная политика	7,5	Публичное управление (обязательный)	7,5
Политическое поведение (основной)	6	Испанская внешняя политика (обязательный)	6
Семинары по профессиональным навыкам I (полный год) (обязательный)			9

Четвертый год (76,5 кредита)

Семинары по профессиональным навыкам II (обязательный)	4,5
12 кредитов на выбор из следуюших дисциплин:	
Профессиональный опыт	12
Стажировка в зарубежном университете	12
Практические занятия по обшественным наукам I	6
Практические занятия по обшественным наукам II	6

Окончание табл. 2

24 факультативных кредита по выбору из одной или более областей специализации
36 кредитов по выбору

Области специализации. Студент должен набрать 24 *факультативных* кредита в той же или другой области специализации. *За каждый курс засчитываются 6 кредитов.*

Политический анализ	**Публичная администрация и политика**	**Международные отношения**
Политическое участие	Анализ публичной политики II	Теория международных отношений
Политические партии	Современные проблемы публичной администрации	Международные организации
Группы интересов и политические и общественные движения	Теория организаций	Анализ внешней политики
Коммуникации и общественное мнение	Межправительственные отношения	Организации Европейского союза
Техника исследований II	Местное управление	Политика Европейского союза
Политическая теория II	Оценка государственного управления	Международное публичное право
Современные проблемы политического анализа	Государственные институты Каталонии	Международная торговля
Сравнительная политология III	Экономическая политика II	Анализ конфликтов
	Публичные финансы II	Современные проблемы международных отношений

Диплом в целом: 300 кредитов.

Дипломы магистра еще не получили формального признания, и в силу этого на них не распространяется государственное регулирование. Тем не менее диплом магистра требует от 50 до 60 кредитов, рассчитанных на двухлетнее обучение, в число которых входят курсовая работа и диссертация, представляемые в течение одного года или двух лет.

Докторские степени признаны официально и потому регулируются государством, а обучение субсидируется из общественных фондов. В качестве альтернативы диплому магистра первые два года обучения по программе доктора наук включают курсы или семинарские занятия и диссертацию, которая должна быть защищена на втором году обучения — до того, как соискатель сможет перейти к исследованию на получение докторской степени[1].

В данном случае основная проблема с точки зрения дальнейшего развития состоит в том, как затронет университетскую систему Болонский процесс. Пока не приняты окончательные решения, общее направление нынешней политики, видимо, будет направлено на то, что образование на первых курсах университетов составит только один цикл; когда дипломы магистра будут официально признаны, они будут регулироваться государством и составят второй цикл; а третий будет представлен докторантурой (где, возможно, отменят лекционные курсы и семинары). В соответствии с имеющимися предложениями для получения диплома политических и административных наук за четыре года обучения необходимо будет получить 240 кредитов, пересчитанных по общеевропейской системе (ECTS), а для диплома магистра — 60 ECTS за два года. Таким образом, для перехода к обучению на степень доктора наук студенты должны будут набрать 300 ECTS. Одна из основных проблем, обсуждаемых в настоящее время, состоит в том, что при традиционной испанской системе кредиты получали исключительно на основе часов прослушанных лекций или семинарских занятий, а при новых ECTS большее внимание уделяется внеаудиторной работе. Поэтому новые ECTS будут включать примерно семь часов аудиторных занятий и три часа внеаудиторной работы. Это неизбежно потребует более непрерывной оценки, более предметного научного руководства и более высокого уровня руководства со стороны преподавателей. Когда было начато проведение некоторых экспериментальных программ, сразу возникли как минимум две проблемы. Первая из них связана с бюрократическими и юридическими ограничениями относительно того, что в программы не может быть внесено никаких изменений без формального одобрения, и потому экспериментальные программы должны соответствовать существующим учебным планам, что оставляет совсем немного возможностей для преобразований. Во-вторых, до настоящего времени на эти цели выделялись слишком незначительные средства. Если цель заключается в обеспечении более «качественных» отношений между преподавателями и студентами, необходимо предпринять реальные шаги по созданию соответствующей инфраструктуры и должна быть увеличена численность

преподавателей. Решение этих проблем составляет одно из многих препятствий, которые должны будут преодолеть правительство Испании и университетская администрация.

Кроме того, следует отметить, что переговоры между факультетами, предлагающими образование в области политических и административных наук, и *Consejo de Coordinacnon Universitaria* (Советом по координации деятельности университетов — административным органом под эгидой Министерства образования) в отношении последствий Болонского процесса для политических и административных наук привели к выдвинутому Советом предложению об увеличении пропорции кредитов по основным дисциплинам с 30 примерно до 50%, что еще в большей степени снизит независимость и гибкость университетов при разработке и совершенствовании учебных программ.

2.3. *Учебные центры, предлагающие дипломы по политическим и административным наукам*

В настоящее время политические и административные науки можно изучать на 15 различных факультетах испанских университетах (см. табл. 1). Большинство из них предлагают как первый, так и второй циклы высшего образования, за исключением трех, где существует лишь второй цикл обучения. Как отмечалось выше, за исключением Мадридского университета Комплутенсе, большинство дипломов по политическим и административным наукам предлагаются лишь с конца 1980-х годов. Это нашло отражение в численности студентов-политологов, которая возросла с 2000 в начале 1980-х годов до 12 000 в настоящее время. Несмотря на то что эта цифра несколько снизилась в последние годы, численность студентов политических и административных наук сокращалась не так значительно, как в некоторых других дисциплинах, таких как право. В настоящее время наблюдается усиление борьбы факультетов и за привлечение студентов.

Это выразилось в снижении «качества» студентов — по крайней мере *a priori*, поскольку для того, чтобы заполнить имеющиеся места, большинство факультетов идут на занижение минимальных требований к поступлению. Если спрос на образование снизится или предложение будет возрастать далее, некоторые факультеты не смогут заполнить имеющиеся у них учебные места.

Что касается постдипломного образования, предлагаемого не факультетами, а кафедрами, там положение аналогично ситуации со студентами. Однако при обучении магистров в этом отношении делать общие оценки достаточно сложно, поскольку государственная регламентация здесь отсутствует, учебные планы и программы каждый год

меняются, причем некоторые из них предлагаются не каждый год. Другим следствием отсутствия положения о дипломах магистра является то, что в отличие от регулируемого обучения подготовка магистров нередко является меж- или многодисциплинарной по самому своему характеру, что затрудняет ее классификацию.

Положение со степенями докторов наук носит иной характер. Формальные требования в этом случае не такие жесткие, как к *лиценциатам*, и в то же время они не носят столь явно выраженного междисциплинарного характера, поэтому из легче описать. В таблице 3 перечислены области, в которых в Испании могут специализироваться доктора наук. Можно отметить, что за исключением Центра повышения квалификации в области общественных наук все докторские программы предлагают те же учебные заведения, где обучают студентов. Неудивительно поэтому, что докторантура в этих учебных заведениях возникла параллельно с подготовкой на других уровнях обучения, и лишь с конца 1980-х — начала 1990-х годов там было введено преподавание всего спектра описанных здесь уровней образования. Информацию о численности студентов получить достаточно трудно, хотя, по отзывам работающих в университетах специалистов, в некоторых учебных заведениях она имеет тенденцию к сокращению.

Параллельно с развитием аналогичных процессов в других европейских странах в Испании постепенно растет уровень внешней оценки программ на соискание степени доктора наук. В этом плане некоторые докторские программы по политическим наукам, в частности в автономных университетах Барселоны и Мадрида, в Университете Помпеу Фабра в Барселоне и университетах Гренады и Комплутенсе в Мадриде недавно получили «знак качества» (*mención de calidad*) от Министерства образования Испании. Кроме того, большинство факультетов и кафедр политических наук принимают участие в европейских и международных исследовательских проектах. К числу последних относятся программы обмена с латиноамериканскими университетами, откуда в Испанию приезжает самое большое число иностранных соискателей степени доктора наук.

3. Исследования

Исследовательская деятельность входит в круг обязанностей сотрудников кафедр и факультетов университетов. Проведение и оценка исследований играют большую роль в их продвижении по службе, хотя, как правило, специальных исследовательских должностей там не предусмотрено. Тем не менее в качестве составной части модернизации исследовательской политики, проводимой центральным правитель-

Таблица 3

Испанские университеты, предлагающие обучение по программам докторов политологии и в смежных областях

Университет	Факультет	Программа	Число студентов (максимальное за год)
Автономный университет Барселоны (UAB)	Политической науки и публичного права	Докторантура по политическим и административным наукам: *Мышление и управление в сложных обществах*	16
Мадридский автономный университет (UAM)	Политологии и международных отношений	Докторантура по политической теории, демократической теории и публичной администрации	120
Мадридский автономный университет (UAM)	Докторантура и международные отношения	Докторантура по международным и африканским исследованиям	90
Университет Барселоны (UB)	Конституционного права и политологии	Докторантура по политическим наукам	12
Мадридский университет Комплутенсе	Политических и административных наук I	Демократия: прошлое, настоящее и будущее	20
Мадридский университет Комплутенсе	Университетский институт Ортеги-и-Гассета	Правительство и публичная администрация	35
Мадридский университет Комплутенсе	Политических и административных наук II	Политический конфликт и мирное урегулирование	16
Мадридский университет Комплутенсе	Политических и административных наук II	Правительство, администрация и публичная политика	30
Мадридский университет Комплутенсе	Прикладной экономики и политических и административных наук III	Государство и рынок: территориальная реорганизация в рамках Европейской конвенции	50

ством и некоторыми независимыми сообществами, число ставок младших и старших научных сотрудников постепенно возрастает, хотя и недостаточно быстро. В области общественных наук они финансируются через программы «Рамон-и-Кахал» и «Хуан де ла Сиерва» (центральное правительство) и программу ICREA (правительство Каталонии). Программа «Рамон-и-Кахал» предназначена для приема на работу в университеты в академических областях старших научных сотрудников по контрактам сроком на пять лет. Кандидаты-исследователи должны соответствовать ряду требований (в частности, иметь степень доктора наук, полученную за 10 лет до истечения срока подачи заявления, или опыт работы в исследовательских центрах, отличный от того, которым обладают сотрудники, уже занятые в данной программе). После публикации о предложении должности как исследовательские центры, так и индивидуальные исследователи могут подавать заявки в течение указанного периода. Оценка кандидатов проводится отборочными комитетами. Эти комитеты, действующие в рамках Национального агентства по оценкам и перспективам (ANECA), рассматривают и классифицируют кандидатов в соответствии с разными критериями (биографическими данными, активностью после защиты докторской диссертации). По истечении начального пятилетнего периода договора университеты должны включить сотрудника, получавшего стипендию по программе «Рамон-и-Кахал», в свой штат и определить круг его исследовательских и преподавательских обязанностей.

Правительство Каталонии, как и некоторые другие региональные правительства, создало собственное агентство, ответственное за распределение исследовательских грантов в рамках регионального Плана исследований и развития. В его прерогативы входят финансирование исследовательских групп, работающих в области политических наук и других общественно-научных дисциплин, а также определение приоритетности исследовательских проектов, заявки на которые подаются в Министерство исследований Каталонии и Общество инноваций.

В качестве общего правила соискатели степени доктора политических наук могут подавать заявки на уровне как центрального, так и региональных правительств, чтобы получить четырехлетний грант на основе исследовательского предложения, которое они хотели бы осуществить на базе кафедры или факультета университета. В целом Министерство образования и науки является наиболее важным учреждением, предоставляющим постоянную поддержку исследовательских проектов и финансирующим работу над докторскими диссертациями. Вторым по степени значимости в этом плане является Европейское сообщество (ЕС), предоставляющее поддержку через Общую структуру исследований и

Окончание табл. 3

Университет	Факультет	Программа	Число студентов (максимальное за год)
Университет Гренады	Политических и административных наук	Социально-политический анализ современного общества	40
Университет Мурсии	Политических и административных наук и социологии	Европейское сообщество: социальные и политические перемены	15
Национальный университет дистантного образования (UNED)	Политических и административных наук	Политика и правительство	—
Университет Помпеу Фабра, Барселона	Политических и общественных наук	Докторантура по политологии и общественным наукам	20
Университет Страны басков	Политических и административных наук	Управление и сравнительный политический анализ	12
Университет Саламанки	Общего публичного права	Современные политические процессы	18
Университет Сантьяго-де-Компостела	Политических и общественных наук	Современные политические процессы	30
Фонд Хуана Марча	Повышения квалификации в области общественных наук (CASSS)	—*	6

* Учитывая, что CASSS является частным институтом, для признания докторской степени соискатели должны быть формально зарегистрированы на официально признанную программу докторантуры.

другие конкретные программы. К числу других важных источников финансирования относятся региональные правительства и университеты. Некоторые банки, например такие как BBVA, «La Caixa», «Caixa Catalunya» или «Caja Madrid», регулярно предлагают гранты молодым исследователям, на коллективные исследовательские проекты и работу за границей. Некоторые из них также сотрудничают с исследовательскими центрами, субсидируя контракты докторов наук.

Однако несмотря на очевидное наличие столь многочисленных частных и государственных организаций, предлагающих определенное финансирование, на практике исследования в области политических наук пока не получают достаточного внимания. Поскольку не существует специального совета, рассматривающего заявки на исследования в области общественных наук, политические науки вынуждены конкурировать с экономическими и другими проектами в области общественных и гуманитарных наук. Сравнительно позднее признание политических наук как дисциплины, официально утвержденной к преподаванию в университетах, объясняет второстепенное значение, придаваемое исследовательским проектам в этой области. Тем не менее за последние 10 лет или около того многие университеты начали успешно проводить в жизнь программы подготовки докторов наук и магистров (см. выше и табл. 3), иногда связывая их с исследовательскими и учебными институтами, такими как *Институт политических и общественных наук* (ICPS), *Институт управления и политики* (IGOP), *Университетский институт европейских исследований* (IUEE) в Барселоне, а также *Институт Ортеги-и-Гассета*, *Фонд Хуана Марча* и *Центр социологических исследований* (Мадрид). В целом в этих институтах нет постоянных исследовательских ставок. Как правило, исследователи работают на кафедрах университетов, с которыми эти институты или фонды заключают специальные соглашения. Только IESA — связанный с CSIC (испанский Генеральный совет по научным исследованиям) — располагает несколькими постоянными ставками исследователей в области политических наук и социологии, не связанными с педагогической нагрузкой.

Интересы исследователей-политологов охватывают большую часть изучаемых областей, хотя особое внимание уделяется таким направлениям, как выборы и партии, политическая культура и ценности, политическая децентрализация и анализ политического курса. Региональные исследования также занимают важное место в деятельности политологов, отражая многоуровневую структуру государственного устройства Испании. Что касается сравнительной политологии, то здесь главными направлениями исследований являются Латинская Америка, а в последнее время — Европа.

Центральной организации для архивирования данных по общественным наукам в Испании нет. Наиболее важный архив данных хранится в CIS (*Центре социологических исследований*)[2], где находятся сведения, полученные в результате регулярно проводимых опросов общественного мнения. CEO (*Центр по изучению общественного мнения*), созданный в 2005 г., предназначен для выполнения аналогичных функция в Каталонии.

4. Профессиональная коммуникация

4.1. Ассоциации

Возросшее значение исследований в области политических наук в испанской университетской системе нашло отражение в создании в 1993 г. Испанской ассоциации политических и административных наук (*Asociación Española de Ciencia Política y de la Administración*, AECPA). В соответствии со своими основополагающими принципами AECPA[3] стремится оказывать поддержку развитию дисциплины, совершенствовать методологию подготовки и повышать качество преподавания, а также поощрять развитие исследований и сотрудничества ученых и экспертов. Одной из ее главных целей является распространение деятельности испанских политологов за пределами страны, включая установление более тесных контактов с другими ассоциациями как на национальном, так и на международном уровне. В AECPA насчитывается более 500 членов, в число которых входят профессора политологии, студенты и государственные служащие. Раз в два года в разных городах Испании ассоциация проводит конференции по наиболее важным проблемам (табл.4). Общие конференции организуются по областям исследований, семинары проходят в течение двух или трех дней, они служат форумами для обсуждения проводимых исследований. Семинары собирают примерно 10–15 участников из нескольких организаций[4]. AECPA является членом Международной ассоциации политических наук (IPSA), Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet) и Европейского консорциума политических исследований (ECPR).

Вместе с социологами политологи также профессионально объединены на национальной и региональной основе через ассоциации лиценциатов и докторов наук (*Colegios de Doctores y Licenciados*). Испанская *Colegio* является одним из основателей «Иберо-американской организации политических наук» (OICP), Латиноамериканской ассоциации политических наук. Региональные *Colegios* регулярно организуют такие мероприятия, как конференции, дискуссии, круглые столы и учебные курсы. Кроме того, они присуждают ежегодную премию за докторскую диссертацию с целью поощрения исследований среди молодых ученых.

Таблица 4

Генеральные конференции AECPA

Место проведения	Дата	Тема конференции
Бильбао	Декабрь 1994 г.	«Политика и демократия в Испании в 1990-е годы»
Сантьяго-де-Компостела	Апрель 1996 г.	«Демократия и публичная администрация»
Саламанка	Октябрь 1997 г.	«Управляемость и представительство в демократических обществах»
Гренада	Сентябрь 1998 г.	«Политика и коммуникации в глобальном обществе»
Ла Лагуна, Тенерифе	Сентябрь 2001 г.	«Гражданство и политика интеграции»
Барселона	Сентябрь 2003 г.	«Правление в Европе, управление Европой»
Мадрид	Сентябрь 2005 г.	«Демократия и эффективное управление»

Принимая во внимание нынешние процессы, происходящие в области высшего образования в Европе, и возрастающий уровень научного обмена европейских преподавателей и исследователей, образование Европейской ассоциации политических наук рассматривается большинством испанских политологов как создание перспективного профессионального инструмента.

4.2. Журналы и периодические издания

Официальным изданием AECPA является *«Испанский журнал политических наук»* (RECP)[5]. Со времени основания в 1998 г. этот журнал, выходящий раз в два года, является в Испании основным источником информации об исследованиях, проводимых в области политических наук, публичной администрации, политической теории и других связанных с этой тематикой вопросов в Испании и за рубежом. В состав редакции журнала входит широкий спектр испанских специалистов из всех основных разделов политических наук. Каждый выпуск содержит 8–10 статей и раздел, посвященный критике и библиографии. Публикуемые журналом статьи в сжатом виде представлены и индексированы в ISOC-CSIS, Справочнике периодических изданий Ulrich и OCL Firstsearch.

Хотя *«Журнал политических исследований»* (REP), издаваемый Центром конституционных исследований (*Centro de Estudios Constitucionales*), посвящен как политическим, так и правовым проблемам, это первый журнал по исследованиям в области политических наук, созданный еще в 1940 г. при режиме Франко. Недавно он был реорганизован в соответствии с критериями современных международных стандартов.

Хотя существует несколько региональных журналов, финансируемых автономными сообществами, которые с различных аналитических позиций рассматривают проблемы публичной администрации и управления, журнал *«Управление и анализ публичной политики»* (GAPP), издаваемый Национальным институтом публичной администрации (INAP), является основной публикацией в области публичной администрации и политического анализа. В GAPP также была проведена реорганизация редакционной коллегии и обновлено его содержание с целью приведения в соответствие с международными стандартами.

5. Будущее политических наук в Испании

После периода быстрого развития на протяжении большей части 1990-х годов в настоящее время политические науки в Испании переживают период консолидации как в плане университетского и постдипломного образования, так и с точки зрения исследовательской деятельности. В заключение этой главы нам бы хотелось вкратце остановиться на перспективах развития дисциплины в ближайшие годы.

С точки зрения преподавания самой большой проблемой, с которой придется столкнуться как политологии, так и практически всем дисциплинам испанской университетской системы, является переход к европейской системе высшего образования. Как мы уже видели, ни одно окончательное решение не принимается без участия соответствующих политических акторов новой правовой системы, но какой бы ни была ее сущность, есть достаточные основания полагать, что качество образования повысится. Такой оптимизм основан на том, что нынешняя модель университетского образования, основанная на лекционных занятиях больших групп студентов, слабой связи между профессорско-преподавательским составом и студентами, а также выпускных экзаменах, будет заменен моделью, в большей степени обращенной к студентам, при которой меньше лекций, больше семинаров и более высокий уровень непрерывной оценки знаний. Что касается постдипломного образования, то воздействие ESHE представляется менее ясным. Сокращение необходимых для получения диплома сроков обучения с четырех-пяти до трех-четырех лет и введение финансируемых из публичных источников дипломов магистра чреваты риском простого увеличения сроков университетского образования вместо предоставления возможности специализации и совершенно иного опыта обучения. Со

своей стороны программы подготовки докторов наук также ожидают крупные изменения, если принять во внимание тот факт, что они больше не будут включать учебные курсы. При большем усилении значимости внешней оценки это вполне может означать усиление давления на кафедры, имеющие докторские программы, чтобы те снижали срок подготовки диссертаций и повышали их общее качество по сравнению с диссертациями, зашищающимися в настоящее время.

Что касается исследований, в настоящее время политические науки пользуются преимуществом, обусловленным приходом в систему образования нового поколения исследователей. Большинство выпускников заканчивали недавно созданные факультеты, а некоторые из них имели возможность повышать уровень образования за пределами Испании. Это означает существенное повышение как качественных, так и количественных показателей исследований в области политических наук в последние годы, а также более тесную связь с международными исследовательскими структурами. Кроме того, конференции AECP и издание журнала RECP в последние более чем десять лет уже стали традицией как в Испании, так и за рубежом, отражая тем самым развитие и повышение качества исследовательской работы. Дальнейшее развитие таких программ, как «Рамон-и-Кахал» и «Хуан де ла Сиерва», может привести лишь к продолжению этих позитивных перемен в том случае, если они будут уделять больше внимания заявкам политологов.

Тем не менее политические науки в Испании, как и многие другие дисциплины испанской университетской системы, все еше испытывают трудности, обусловленные структурными проблемами, которые уже преодолены в ведуших странах. Первая и наиболее очевидная проблема заключается в объемах финансирования, выделяемого как на образование, так и на исследовательскую деятельность. Если средства, предоставляемые на эти цели, не будут сушественно увеличены, испанским университетам в целом и факультетам и кафедрам политических наук в частности будет все труднее конкурировать с теми зарубежными университетами, которые получают больше средств. Вторая проблема состоит в том, как осуществляется финансирование. В настоящее время, несмотря на скромный прогресс в этом направлении, подавляющая часть средств, выделяемых университетам, никак не связана с качеством их использования. Хотя политической науке в этом плане повезло и, как уже отмечалось, она смогла опереться на поддержку нового поколения хорошо подготовленных и полных энтузиазма сотрудников, без связи финансирования и использования средств, выделяемых на обучение и исследования, отсутствуют гарантии того, что в случае предоставления дополнительных субсидий они приведут к ожидаемым результатам.

И последняя проблема связана с природой самой университетской системы, в рамках которой должны развиваться как политические науки, так и все остальные дисциплины. Система продолжает основываться на управляемой государством бюрократической модели, что неизбежно снижает возможности отдельных кафедр, факультетов и университетов адаптироваться к меняюшимся обстоятельствам.

Если испанской университетской системе удастся преодолеть эти препятствия, то, как нам представляется, политические науки как дисциплина смогут успешно развиваться, опираясь на прочные основы, которые были заложены на протяжении двух последних десятилетий.

Примечания

[1] Обновленные сведения помешены в Etherington, Morata (2005).

[2] См.: Интернет: <http://www.cis.es/home1024.aspx>, последние данные за 15 ноября 2005 г.

[3] См.: Интернет: <http://www.aecpa.es/>, последние данные за 15 ноября 2005 г.

[4] Полный перечень семинаров конференции 2005 г. помешен в Интернете на сайте: <http://www.aecpa.es/congreso05/index.php>, последние данные за 20 ноября 2005 г.

[5] См.: Интернет: <http://www.aecpa.es/revista/resp.html>, последние данные за 20 ноября 2005 г.

Литература

Etherington, John and Francesc Morata (2005): "Doctoral Studies in Spain" // Michael Goldsmith (ed.): *Doctoral Studies in Political Science. A European Comparison*, Budapest: epsNet.

Стен Берглунд , Йоаким Экман

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ШВЕЦИИ

1. Введение

Политическую науку нередко называют молодой дисциплиной. Она стала одним из основных предметов на факультетах общественных наук после Второй мировой войны, пройдя непродолжительный период начального развития в конце XIX в., когда были лишь намечены основные ее направления. Политическая наука в Швеции, истоки которой восходят к началу XVII в., представляется в этом плане исключением из правил. Основателем новой дисциплины в Швеции считается профессор риторики и управления Йохан Скитт, возглавивший основанную им в 1622 г. в Университете Упсалы кафедру риторики и политики, создание которой нередко связывается с зарождением новой науки. На деле это не совсем правильно. Человек, имя которого было присвоено новой кафедре, стремился развивать красноречие шведских государственных служащих и дипломатов, и профессор политики и риторики изначально руководил тем, что можно было бы назвать программой профессиональной подготовки, существенно отличающейся от современных политических наук, хотя в какой-то степени связанной с ними. Более важно то обстоятельство, что эта кафедра послужила организационной базой для новой дисциплины, общие контуры которой стали очевидны уже в конце 1800-х — начале 1900-х годов. Эта дисциплина фокусировала внимание на проблемах правления и правительственных институтах, опираясь при этом на такие глубоко разработанные науки, как философия, история и конституционное право. Однако она продолжала оставаться в некотором смысле «мягкой» наукой вплоть до периода, наступившего с окончанием Второй мировой войны (Anckar, 1987, 1991; Wittrock, 1992; Jönsson, 1993; Nygren, 1996).

1.1. Становление новой дисциплины

Университет Упсалы, основанный в 1477 г., является старейшим шведским университетом, после возникновения которого два столетия спустя (1666 г.) был создан Университет Лунда. Это случилось меньше

чем через десять лет после присоединения датских провинций к северу от пролива Эресунн, с того времени разделяющего Швецию и Данию. Здесь политические науки были введены в 1877 г. Профессором политических наук в течение почти трех десятилетий периода их становления (1889–1917 гг.) был Понтус Фальбек — основатель *Statsvetenskaplog Tidskrift*, профессионального журнала, имевшего большое значение и издававшегося в Лунде.

Формально Упсала и Лунд оставались вне конкуренции, пока не были созданы университеты в Гётеборге и Стокгольме — соответственно в 1954-м и 1960 г. Однако новые университеты возникли не на пустом месте. Перед тем как на них были распространены университетские привилегии, в Гётеборге и Стокгольме существовали университетские колледжи, причем среди преподававшихся там дисциплин политические науки занимали достойное место. Еще в 1901 г. в Гётеборге было введено преподавание политических наук профессором Рудольфом Кьелленом — противоречивым ученым и политиком правого толка. Позднее (в 1916 г.) он принял поступившее из Упсалы предложение занять вакантную должность *Professor Skytteanus*, на которой находился до своей смерти в 1922 г. Его преемник и противник Axel Brusewitz работал там почти четверть века (1923–1947 гг.) и потому имел широкие возможности для выражения собственной точки зрения, сводившейся к полному отрицанию работ своего предшественника и всех положений, которые он разделял. В Стокгольме профессора политических наук не было до 1935 г., когда в университетский колледж был назначен Герберт Тингстен — возможно, самый известный и признанный шведский политолог. Большая часть его работ была посвящена истории политических идей, политической идеологии и проблемам демократии (например, Tingsten, 1960, 1965, 1967, 1973). Вместе с тем он был одним из самых первых представителей профессии — причем не только в Швеции, — осознавших потенциал количественного анализа совокупных социально-экономических и электоральных показателей (Tingsten, 1937/1975). В 1946 г. Тингстен оставил должность заведующего кафедрой, чтобы посвятить себя деятельности главного редактора *Dagens Nyheter* — одной из двух крупнейших ежедневных газет, распространяемых по всей стране, но до конца жизни он оставался активным участником политических дебатов, в частности обсуждений, которые велись в сообществе политологов.

Шведское сообщество политологов было небольшим, но такими же были почти все университетские факультеты. Уже накануне Второй мировой войны во всей стране существовало всего четыре факультета политических наук; дисциплина охватывала широкий круг проблем,

явно связанных с политической жизнью страны, и нередко представители дисциплины оказывались в эпицентре политических баталий.

1.2. Основная проблематика исследований

Развитие политической науки как дисциплины происходит в значительной степени под воздействием национального государства. К концу Второй мировой войны политология уже имела твердые позиции в области конституционной теории, институционализма и истории политической мысли, но она мало что могла предложить потенциальным студентам в области таких сравнительно новых направлений, как международная и сравнительная политология. Противоречивые геополитические концепции Кьеллена представляли собой единичную попытку рассмотреть соотношение сил в Европе в более широком, макрополитическом контексте (Kjellén, 1921). Поддерживавшиеся ранее нацистским режимом в Германии геополитические теории после войны оказались в глубоком кризисе; справедливо или нет, но и в Швеции они пользовались дурной славой, утратив какую бы то ни было привлекательность, на которую могли рассчитывать у новых поколений политологов.

Образцом для подражания теперь скорее служил Герберт Тингстен, несмотря на то что, пробыв на посту профессора политических наук в Университете Стокгольма чуть более десятилетия, он перешел на работу в газете. Тингстен был необычайно одаренным ученым, он не только прекрасно знал академическую дисциплину, но и был большим мастером своего дела в целом; он проявил себя как блистательный полемист, умело отыскивая противоречия в доводах соперника и всегда одерживая верх в дебатах, что доставляло ему немалое удовольствие, но вместе с тем он чутко прислушивался к новым доводам и был готов изменить свою точку зрения. Политолога Тингстена нельзя отделить от Тингстена — газетчика или от других его ипостасей. Основываясь на анализе его жизненного пути и деятельности, авторы настоящей работы склонны утверждать, что он был первым современным шведским политологом.

Оглядываясь назад, следует воздать должное Тингстену по крайней мере в двух отношениях. Его первая крупнейшая работа была посвящена электоральным исследованиям — области, которая в то время находилась на периферии основных направлений политической науки. Мы имеем в виду *«Политическое поведение: исследование электоральной статистики»* (1937/1975 гг.), опубликованную в США по-английски для международной аудитории, что само по себе представляет собой достойную уважения, но весьма необычную форму публикации для ведущего представителя ориентированной на государство дисциплины, рассматривающей сугубо внутренние проблемы. На основе данных электоральной статистики и переписи населения в центральной части Стокгольма

Тингстен сделал ряд глубоких и часто цитируемых выводов о воздействии ситуативных факторов на поведение избирателя. Если бы эта замечательная работа была опубликована в конце 1950-х — начале 1960-х годов, возможно, она осталась бы незамеченной, поскольку тогда большинство исследователей занимались именно этой проблематикой. Однако учитывая тот факт, что она вышла в свет в конце 1930-х годов, ее вполне можно оценить как новое слово в науке. В определенном смысле Герберт Тингстен может считаться предтечей *поведенческой революции* задолго до того, как возник сам этот термин. При выборе темы в рамках таких субдисциплин, как политическая теория и история политической мысли, Тингстен руководствовался глубокой личной преданностью идеям парламентарной демократии и большим интересом к борьбе демократии и диктатуры накануне, во время и после Второй мировой войны (например, Tingsten, 1965). Не многие шведские политологи — если такие были вообще — внесли больший вклад в то, чтобы сделать изучение демократии, ее проблем, противников и долгосрочных перспектив своим основным исследовательским приоритетом.

Оглядываясь назад, на академическую карьеру в шведской политологии, продолжавшуюся почти полстолетия, профессор политологии Улоф Руин, описывает 1950-е и 1960-е годы как доминирование двух факультетов или, точнее, двух их руководителей — Нильса Стьернквиста в Лунде и Йоргена Вестерсталя в Гётеборге (Ruin, 2003). Их преобладание отчасти было обусловлено слабой позицией Стокгольма и Упсалы. По мнению Карла Арвида Хесслера, преемника Брусевитца в качестве *Professor Skytteanus*, это было вынужденным выбором для Стокгольма, где шла бесконечная борьба в результате той бреши, которая осталась после ухода Тингстена, поскольку на факультете в Стокгольме занять это место было некому. Соглашение о разделении сфер влияния между Стьернквистом и Вестерсталем, двумя ведущими политологами, иногда боровшимися за одни и те же руководящие посты, хотя и с разных позиций, но отдававшими себе отчет в том, что на пути сотрудничества они смогут достичь большего, чем в условиях противостояния, было разумным шагом.

В то время Улоф Руин принадлежал к группе молодых «диссидентов» — небольшому научному коллективу на факультете в Лунде. В эту группу входило несколько молодых ученых, которых в ближайшем будущем ожидала блистательная карьера. В этой ситуации Улоф Руин выступал вместе с Хансом Мейром, ставшим позднее профессором в Стокгольме и ректором Университета Линчёпинг, Пером-Эриком Бэком — впоследствии профессором политологии в Университете Умео и Хансом Ф. Петерссеном, позже ставшим профессором международной

политики в Лунде. Это была подлинно диссидентская группа в том смысле, что ее члены выступили против самой сущности дисциплины в той форме, в какой ее преподавали в Лунде. Они были резко настроены против того, чтобы в основе политологии было конституционное право, как это постулировалось Фредериком Лагерротом, а также в определенной степени Нильсом Стьерквистом, его последователем и бывшим учеником. Так же суть политологии понималась той исторической и в значительной степени описательной традицией, которая развивалась в Упсале (Ruin, 2003). В такой достаточно мрачной научной ситуации своего рода маяком стала американская политическая наука. Руин особо отмечает таких американских ученых, как Гарольд Лассвел и Дэвид Истон, представляющих общий и системный подход (см.: Easton, 1953, 1965, 1967). *Поведенческая революция*, эпицентром которой стала американская политология, была уже не за горами; и в небольшом политологическом сообществе Швеции хватило плюрализма и многообразия, чтобы выступить против некоторых условностей и признанных авторитетов.

Прорыв *бихевиоризма* в Швеции пришелся на 1960-е годы. Он оказался более глубоким и всеобъемлющим, чем в соседней Финляндии и таких континентальных европейских странах, как Германия и Франция. Бывший аспирант Герберта Йорген Вестерсталь из Гётеборга активно поддерживал это развитие с позиции силы, которая была ему присуща в профессиональной деятельности, и именно поэтому он принял сторону «оппозиции» (Ankar, 1987, 1991; Nygren, 1996; Ruin, 2003).

1.3. К массовому образованию

В значительной степени история политических наук в Швеции — это история ее профессуры. В начале и середине 1900-х годов профессора имели больше влияния и пользовались большим авторитетом, чем спустя полстолетия. Издержки демократизации лишили профессоров их неотъемлемого права определять направленность высшего образования и руководить кафедрами по собственному усмотрению, а решительный прорыв в области массового образования в конце 1960-х годов привел к дальнейшему подрыву исключительно высоких позиций высших учебных заведений и их хранителей (Elvander, 1977; Fredricsson, 1980; Ruin, 2003).

Такая направленность развития была обусловлена двумя взаимосвязанными обстоятельствами: организационными параметрами и организационной сложностью. Организационная структура, созданная в послевоенную эпоху, по большому счету оказалась нежизнеспособной. Она была скроена в расчете на малые группы вокруг профессора и его ассистента, работающего на неполной ставке, или иногда лектора, имеющего постоянную должность, который имел право решать, какие семинары предлагать немногочисленным студентам, большинство которых претендовали

лишь на кандидатские или магистерские дипломы. Для того чтобы удовлетворить растущий спрос на высшее образование, потребовалось расширение университетов. До конца 1960-х годов оно носило постепенный и эпизодический характер, изначально затрагивая позиции профессоров лишь косвенно. Считалось, что проблема носит «образовательный» характер, и правительство пыталось ее решить, постепенно принимая на работу большее число университетских лекторов. Такое решение оказалось роковым. Оно привело к созданию устойчивого разрыва между исследованиями и базовым образованием. Университетские лекторы в Швеции имеют сейчас более высокую учебную нагрузку и меньше возможностей для исследований, чем их коллеги в других скандинавских странах. Дисциплина только выиграла бы, не будь она столь резко разделена на научную и педагогическую деятельность и имей она более сбалансированное развитие, благоприятное не только для преподавания, но и для исследования.

1.4. Профессора, исследования и образование

До недавнего времени профессорское звание присваивалось успешному кандидату, участвующему в открытом конкурсе на должность руководителя вакантной кафедры, причем только одному человеку на кафедре. Если члены комитета, назначенные для рассмотрения заявлений кандидатов на должность, считали, что кто-то из них на нее подходит, доклад комитета должен был содержать однозначные и недвусмысленные выводы о компетентности отдельных претендентов на эти высшие позиции в академической иерархии. Такие выводы на деле практически не имели значения. Их ценность носила скорее символический характер, который мог иметь какое-то значение, если кандидат умело выстраивал отношения со своим университетом, но это не давало такому кандидату права называть себя профессором. За редкими исключениями правительственного вмешательства звание присваивалось после формального назначения на вакантную кафедру.

Ограничительные правила такого рода были введены для создания высокой степени конкурентоспособности в рамках профессии. Такая обстановка сохраняется и поныне, хотя ставки и не столь высоки, как раньше. Университеты финансируются или контролируются государством, на них распространяются такие же ограничения в плане открытости, как и на другие государственные учреждения Швеции. Список претендентов и решение отборочного комитета поэтому рассматривают как область государственной деятельности, открытую не только для кандидатов, но практически для всех. По давно установившейся традиции профессиональный журнал *Statsvetenskaplig Tidskrift* в полном объеме публикует письменную документацию, поданную в профессиональ-

ный отборочный комитет, и хотя это широко не обсуждается, явное или подразумевающееся положение кандидатов в «табели о рангах» становится притчей во языцех в шведском сообществе политологов, пока оставшиеся наиболее вероятные претенденты стремятся занять следующую вакансию. Но отдельные решения, как представляется, живут собственной жизнью. Политологи с большим стажем служения дисциплине порой вспоминают длинный список саркастических замечаний о своих коллегах, иные из них были сделаны несколько десятилетий назад на основе таких резких оценок, но читателям они ничего определенного не скажут. В большинстве стран ЕС это рассматривалось бы как нарушение профессиональной этики в отношении отдельных претендентов, но в Швеции так не думают.

Существующая ныне система позволяет лекторам, работающим на постоянной ставке, претендовать на должность профессора, когда они сочтут это уместным. Заявления на повышение по службе рассматриваются оценочным комитетом на основе тех же критериев, что и документы, подаваемые на должность профессора в конкурсном порядке. Формально положение профессора, возглавляющего кафедру, полученную в результате прохождения конкурса, и профессора без кафедры, получившего повышение по службе по рекомендации оценочного комитета, одинаково. Однако — и именно в этом заключается основная проблема — в рамках университетской организации их обязанности существенно различаются. Продвижение по службе дает квалифицированным лекторам два ощутимых преимущества: престижное звание и небольшое увеличение зарплаты. Однако это не облегчает им возможность устроиться в исследовательскую организацию и не снижает учебной нагрузки, чтобы оставалось больше времени на исследовательскую деятельность, если это не соответствует планам университета и факультета, где они работают.

Несомненно, такая новая возможность имеет много положительных сторон. В пределах существующих служебных или личных ограничений мобильности она открывает для растущего числа шведских ученых возможности для карьерного продвижения. Ощутимые выгоды могут быть невелики, но при этом не следует сбрасывать со счетов и значение символического вознаграждения. Однако более важно то, что благодаря этому сужается разрыв между исследовательской и преподавательской деятельностью, поскольку их сочетание из исключения становится правилом.

1.5. Последние изменения

Возросшая в 1960-е годы потребность в высшем образовании привела к беспрецедентному увеличению показателей регистрации студентов. Возникла острая потребность в открытии новых высших учебных заведений. Частичному решению этой проблемы способствовали университетские колледжи, где преподавание велось по программам младших курсов университета, однако росла обеспокоенность тем, что четырех существовавших университетов, имевших право приема студентов, предложения собственных курсов и программ и выдачи всех типов дипломов, может быть недостаточно для страны таких размеров, как Швеция. В 1965 г. был открыт пятый университет — в Умео; вслед за ним в 1975 г. был основан университет в Линкёпинге; позже, в 1999 г., права университетов получили университетские колледжи в Карштаде, Векшё и Эребру, а в 2005 г. за ними последовал Университетский колледж центральной Швеции с отделениями в Эстерсунде, Сундсвалле и Хернёсанде.

Этот процесс диверсификации был сопряжен с определенными проблемами. Существующие университеты отнеслись к появлению новых настороженно; чем меньше в стране университетов, тем более значимой и престижной является принадлежность к числу их преподавателей и студентов. Следует отметить, что эта логика, по всей видимости, возобладала почти сразу же. Новые университеты совсем не обязательно помогают или выступают в поддержку тех университетских колледжей, которые ходатайствуют о предоставлении им полных университетских привилегий. Четыре, может быть, пять признанных университетов без восторга относятся к тому, что им приходится делить скудное государственное финансирование с теми университетами, которые лишь недавно получили статус полных высших учебных заведений. Выступая в поддержку крупных учебных заведений, беззастенчивые представители серьезных исследовательских центров стремятся к отмене финансирования новых университетов, пытаясь доказать, что это пустая трата средств. Логичным следствием этих доводов должно стать резкое снижение числа университетов, возможно до двух, а может быть и до одного, с тем чтобы предоставить немногим оставшимся университетам все средства, в которых они нуждаются. Очевидно, что такая перспектива ни в коем случае не представляется реальной угрозой, однако ясно, что острая борьба между старыми и новыми высшими учебными заведениями за ограниченные ресурсы достаточно серьезна для некоторых представителей новых университетов, чтобы рассматривать их доводы в плане своего рода классовой борьбы между имущими и неимущими.

2. Преподавание и исследования

2.1. Преподавание политических наук в высших учебных заведениях

В настоящее время в Швеции политические науки преподаются в нескольких высших учебных заведениях. Помимо обычных факульте-

тов политических наук в крупных университетах программы по политологии предлагаются на младших курсах в некоторых сравнительно небольших университетах и университетских колледжах. Кроме того, программы для студентов младших курсов, включающие политические науки, преподаются в Швеции на разных факультетах исследований проблем мира и развития, в частности в Упсале и Гётеборге (см.: *Swedish National Agency for Higher Education*, отчет за 2006 г.). Однако эти организации не будут включены в настоящий обзор.

Таблица 1 отражает характер политологической среды Швеции. Крупные факультеты политологии расположены в больших университетских городах — Упсале, Гётеборге, Стокгольме, Лунде и Умео. Средние по размеру подразделения охватывают более широкий спектр учебных заведений — от сравнительно крупных, таких как в Эребру, Сёдерторе, Карлстаде и Векшё, до небольших отделений и кафедр, таких как, например, в Линкёпинге, Лулео и Эстерсунде. К этой категории относятся как недавно созданные университеты, так и университетские колледжи. Совсем небольшие подразделения типичны для университетских колледжей, например в Мальмё, Йонкёпинге и Кальмаре (табл. 1). Конечно, по международным стандартам большая часть этих отделений и даже некоторые факультеты достаточно невелики.

Таблица 1

Факультеты и отделения политических наук в Швеции

Учебное заведение	Факультет или отделение	Размер
Университет Упсалы	Факультет правления	Большой
Университет Гётеборга	Факультет политических наук	Большой
Стокгольмский университет	Факультет политических наук	Большой
Университет Лунда	Факультет политических наук	Большой
Университет Умео	Факультет политических наук	Большой
Университет Эребру	Факультет общественных и политических наук, политические науки	Средний
Университетский колледж Сёдерторна	Политические науки	Средний
Университет Карлстада	Факультет политических наук, отделение политологии	Средний
Университет Векшё	Школа общественных наук, политические науки	Средний
Университетский колледж Хальмстада	Школа общественных и медицинских наук, политология	Средний/малый

Окончание табл. 1

Учебное заведение	Факультет или отделение	Размер
Университет Линчёпинга	LIU Школа менеджмента, политология	Средний/малый
Технический университет Лулео	Факультет бизнес-администрации и общественных наук, политология	Средний/малый
Средне-Шведский университет (Сундсвалль и Эстерсунд)	Факультет общественных наук, политология	Средний/малый
Университетский колледж Мальмё	Школа техники и общества, политология	Малый
Университетский колледж Йонкёпинга	Международная школа бизнеса Йонкёпинга, политология	Малый
Западный университетский колледж (Тролльхеттан, Уддеваля)	Факультет экономики и информатики, политология	Малый
Университетский колледж Кальмара	Факультет гуманитарных и общественных наук, политология	Малый
Университетский колледж Ёвле	Факультет гуманитарных и общественных наук, политические науки	Малый
Университетский колледж Мелардален	Факультет общественных наук, политология	Малый

2.2. Структура академических должностей

Косвенное «ранжирование» в табл. 1 основывается на общем количестве лекторов на каждом факультете или отделении на весну 2005 г. Численность профессоров на факультетах крупных шведских университетов обычно составляет от 5 до 10 человек. То же самое можно сказать и об адъюнкт-профессорах (на шведском языке их обычно называют *доцентами*). Во главе отделений политологии в средних университетах обычно стоит единственный профессор. На отделениях политологии университетских колледжей профессоров обычно не бывает. На младших курсах Университета политические науки, как правило, предлагаются и читаются старшими лекторами (на шведском языке их обычно называют *лекторами*). В таблице 2 отражена численность профессоров, доцентов, старших и младших лекторов на факультетах, отделениях и кафедрах политологии шведских учебных заведений. Все цифры, помещенные в таблицах данной статьи, заимствованы из доклада о положении в облас-

ти преподавания политологии в Швеции, опубликованном *Шведским национальным агентством по высшему образованию* (2006 г.).

Таблица 2

Структура академических должностей в 2005 г.

Учебное заведение	Профессора	Доценты и старшие лекторы	Младшие лекторы (включая соискателей степени доктора наук)	Общее число лекторов	Число лекторов в эквиваленте полной занятости
Упсала	7	38	25	70	41,4
Гётеборг	9	24	25	55	33,4
Стокгольм	5	32	16	53	32,6
Лунд	5	22	15	42	29,9
Умео	4	13	16	33	19,6
Эребру	4	12	13	29	18,2
Сёдерторн	1	12	7	20	18,7
Карлштад	1	7	11	19	14,4
Векшё	—	8	10	18	13,6
Хальмштад	—	10	7	17	9,0
Линкёпинг	1	11	3	15	7,7
Лулео	2	3	9	14	8,0
Средне-шведский университет	2	3	3	8	5,9
Мальмё	—	5	1	6	3,9
Йонкёпинг	1	—	4	5	2,7
Западный университетский колледж	—	5	—	5	3,6
Кальмар	—	1	2	3	3,0
Ёвле	—	3	—	3	3,0
Мелардален	—	1	—	1	1,0
Всего	42	210	167	416	269,6

Таблица 3

Соотношение женщин/мужчин в 2004 и 2005 гг. (%)

Учебное заведение	Студенты 2004 г. женщины/мужчины (число зарегистрированных)	Докторанты 2004 г. женщины/мужчины	Лекторы 2005 г. женщины/мужчины	Профессора 2005 г. женщины/мужчины
Упсала	58/42 (1990)	52/48 (27)	36/64 (70)	0/100 (7)
Гётеборг	55/45 (614)	45/55 (31)	38/62 (55)	11/89 (9)
Стокгольм	58/42 (1511)	50/50 (30)	38/62 (53)	40/60 (5)
Лунд	57/43 (1208)	57/43 (28)	43/57 (42)	0/100 (5)
Умео	45/55 (402)	67/33 (15)	48/52 (33)	50/50 (4)
Эребру	53/47 (900)	44/56 (23)	34/66 (29)	25/75 (4)
Сёдерторн	63/37 (475)	—	35/65 (20)	0/100 (1)
Карлстад	58/42 (435)	33/67 (6)	21/79 (19)	100/0 (1)
Векшё	54/46 (780)	33/67 (9)	22/78 (18)	—
Хальмстад	56/44 (344)	—	18/82 (17)	—
Линчёпинг	50/50 (486)	33/66 (3)	33/67 (15)	0/100 (1)
Лулео	53/47 (335)	43/57 (7)	43/57 (14)	0/100 (2)
Средне-шведский университет	53/47 (681)	0/100 (3)	12/88 (8)	50/50 (2)
Мальмё	60/40 (285)	—	17/83 (6)	—
Йенчёпинг	60/40 (383)	100/0 (3)	60/40 (5)	0/100 (1)
Западный Университетский колледж	58/42 (55)	—	80/20 (5)	—
Кальмар	33/67 (79)	—	0/100 (3)	—
Ёвле	54/46 (72)	—	0/100 (3)	—
Мелардален	Нет данных	—	0/100 (1)	—

В таблице 3 отражено соотношение женщин и мужчин по категориям студентов, аспирантов, лекторов и профессоров. Как явствует из таблицы, до равенства полов еще далеко. Показатели по студентам и аспирантам отражают достаточно благополучную картину. Лишь в 2 из 19 случаев в категории студентов число мужчин превышает количество

женщин (данные за 2004 г.). Что касается лекторов и профессоров, как явствует из табл. 3, положение здесь далеко от идеального, поскольку среди преподавателей мужчины составляют подавляющее большинство (данные за 2005 г.).

2.3. Аспиранты и академические результаты

Очевидно, что размеры и относительное значение университетского факультета могут оцениваться с разных позиций (см.: Hix, 2004). Ранжирование позиций в табл. 1 и 2 может быть изменено, если за определяющий показатель принять, например, количество докторантов (табл. 4) или численность студентов (табл. 5). Что касается выпускников университетов, поступивших в аспирантуру на программы докторов наук, самое большое их число приходится на четыре крупнейших факультета политических наук в Швеции: в Гётеборге, Стокгольме, Лунде и Упсале. При таком подходе соотношение может измениться. По численности аспирантов Эребру окажется впереди Умео, а позиция Сёдерторна вдруг резко понизится в списке табл. 4. На самом деле это не совсем так. Сёдерторн не имеет права вести собственные программы подготовки докторов наук, однако там достигнута договоренность со Стокгольмским университетом о том, что около 60 аспирантов BEEGS — *Аспирантуры для представителей прибалтийских и восточноевропейских стран*, основанной в 2000 г. при университетском колледже в Сёдерторне, размещаются в Сёдерторне, но защищаются докторские диссертации в Стокгольме. Аспирантура финансируется на основе грантов, предоставляемых Фондом балтийских и восточноевропейских исследований (*Östersjöstiftelsen*). Соискатели докторской степени по политическим наукам в этой аспирантуре формально прикреплены к факультету политических наук в Стокгольме, но по сути дела они принадлежат к исследовательскому сообществу Сёдерторна. Поэтому порядок ранжирования в табл. 4 не обязательно отражает подлинные размеры различных исследовательских организаций. Тем не менее в целом картина получается достаточно очевидной. На крупном университетском факультете в Швеции обычно обучается от 20 до 30 соискателей степени доктора наук.

При взгляде на численность студентов, ежегодно сдающих экзамены, порядок ранжирования факультетов политических наук в Швеции получается иным. В таблице 5 первые позиции по численности выпуска студентов, составляющей 550–650 человек в год, занимают Стокгольм, Упсала и Лунд. За ними следуют отделения политологии в университетском колледже Сёдерторна, Университете Векшё, Средне-Шведском университете и два факультета политических наук в Умео и Гётеборге (около 200–240 студентов в год). Таблица также предоставляет полезную информацию о «нормальном» количестве студентов, специализирующихся в

Таблица 4

Численность соискателей степени доктора наук в 2005 г.

Гётеборг	31	Средне-Шведский университет	3
Стокгольм	30	Йонкёпинг	3
Лунд	28	Сёдерторн	—
Упсала	27	Хальмстад	—
Эребру	23	Мальмё	—
Умео	15	Западный университетский колледж	—
Векшё	9	Кальмар	—
Лулео	7	Ёвле	—
Карлстад	6	Мелардален	—
Линкёпинг	3	Всего	185

области политических наук в университетах среднего размера и университетских колледжах (около 100–200 человек ежегодно).

Таблица 5

Количество студентов, сдававших экзамены в 2004 г.

Учебное заведение	Базовый уровень (A-B)	Продвинутый уровень (C-D)	Всего
Стокгольм	461	188	649
Упсала	393	211	604
Лунд	347	203	550
Сёдерторн	169	71	240
Векшё	152	76	228
Средне-Шведский университет	185	33	218
Умео	146	60	206
Гётеборг	158	43	201
Эребру	138	40	178
Линкёпинг	133	41	174
Хальмстад	105	22	127
Карлстад	97	26	123

Окончание табл. 5

Учебное заведение	Базовый уровень (A-B)	Продвинутый уровень (C-D)	Всего
Мальмё	98	14	112
Лулео	70	24	94
Кальмар	64	15	79
Йенкёпинг	54	10	64
Ёвле	36	0	36
Западный университетский колледж	25	2	27
Мелардален	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Всего	2831	1079	3910

В таблице 6 факультеты и отделения политических наук в Швеции сгруппированы в соответствии с выпуском докторов наук, зашитивших диссертации (данные за 2003/2004 г.). Здесь также отражена численность экзаменов у выпускников младших курсов (эквивалент шведских дипломных работ студентов уровней C и D). Из таблицы явствует, что на крупных политологических факультетах в Швеции готовятся 4–8 докторских диссертаций в год.

Таблица 6

Количество дипломных работ и докторских диссертаций в 2003/2004 г.

Учебное заведение	Дипломные работы (C-D)	Диссертации лиценциатов	Докторские диссертации
Стокгольм	429	0	17
Упсала	437	0	14
Гётеборг	65	0	11
Эребру	161	1	8
Лунд	532	3	7
Умео	142	1	6
Карлстад	75	0	2
Лулео	47	2	1
Векшё	157	1	0
Линчёпинг	73	0	0
Средне-Шведский университет	65	0	0

Окончание табл. 6

Учебное заведение	Дипломные работы (C-D)	Диссертации лиценциатов	Докторские диссертации
Йенчёпинг	25	0	0
Сёдерторн	217	—	—
Хальмстад	56	—	—
Мальмё	21	—	—
Западный университетский колледж	7	—	—
Ёвле	3	—	—
Кальмар	1	—	—
Мелардален	Нет данных	—	—
Всего	2 513	8	66

2.4. Система дипломов и правила приема

Академический диплом по политологии как профильной дисциплине не является такой же профессиональной квалификацией, как диплом социального работника или, скажем, диплом по медицине или праву. Подавляющее большинство студентов старших курсов (уровни C/D), специализирующихся в области общественных наук, собираются заниматься в основном тем или иным видом административной деятельности, но не обязательно только в государственном секторе. Программа магистра-политолога изначально предназначалась именно для этой группы студентов и стала чем-то вроде центрального пункта в стратегии набора студентов на факультеты политологии. Прием на нее зависит от академической успеваемости и/или потенциала, определяемого на базе дипломных работ бакалавров, официально утвержденных вступительных экзаменов, а в некоторых случаях и от опыта работы. Иногда конкурсные требования очень высоки; иногда они практически отсутствуют. В Упсале программа магистра политологии является одной из наиболее привлекательных, на нее принимают только самых лучших студентов. К сожалению далеко не все университеты и университетские колледжи способны привлечь достаточное число желающих для заполнения вакантных мест. Престижные университеты действительно обладают рядом сравнительных преимуществ, но для факультета в Упсале было бы несправедливо сбрасывать со счетов его былые заслуги или рассматривать их в этом плане как побочный продукт таких структурных преимуществ, как независимая финансовая база или уважение и добрая воля, созданные долгими годами упорного труда. За счет связей с рын-

26-6054

ком труда, составляющих интегральную часть учебной программы, Упсала имеет еще одно конкурентное преимущество, которое не может не впечатлить потенциальных студентов, отыскивающих необходимую им информацию с помощью Интернета.

Дисциплина зависит не от одной, а от нескольких программ. Она является важнейшей составной частью профессиональной программы для преподавателей государственной школьной системы, в данном случае для учителей основ гражданства. То же самое можно сказать о программах местных и региональных исследований — определение не играет существенной роли, а также о некоторых программах, связанных с текущими социально-политическими проблемами.

Но дело здесь заключается не только в программах. Выбор многих студентов при подаче документов в первую очередь определяется не программой обучения; более того, поступившие в университет абитуриенты не всегда продолжают образование в первоначально избранной ими области. В этих случаях очевидная возможность для маневра, остающаяся студенту, состоит в том, чтобы зарегистрироваться или перерегистрироваться на отдельные курсы и семинары, которые составляли бы 20 учебных недель за семестр[1]. Преимуществом такой стратегии является максимальная свобода выбора, однако она имеет и определенные недостатки, связанные с частым несоблюдением сроков подачи заявлений, низким приоритетом по сравнению со студентами, обучающимися по установленным программам, что обусловлено небезосновательным ощущением неопределенности.

2.5. Области преподавания и исследований

На протяжении всего периода образования — от поступления в университет до защиты докторской диссертации — шведские студенты слушают два типа курсов: теоретические и методологические. Первые охватывают почти все — от истории политических идей до подходов, концептуальных схем или парадигм — в течение трех отчасти накладывающихся друг на друга семестров. Введение отдельных курсов по методологии совпало с расцветом в Швеции *бихевиоризма*. Особое внимание уделялось количественным методам. Крупномасштабный эмпирический проект исследований местных органов власти, который был начат в 1960-х годах как общенациональный, участие в котором принимали все пять существовавших тогда факультетов политологии, вызвал потребность в исследовательских кадрах, имеющих солидную подготовку в области количественных методов. Как оказалось, квалифицированных специалистов-политологов, владеющих количественными методами, в стране недостаточно.

Курсы, предлагаемые шведскими политологическими факультетами, часто перечисляются в порядке повторяемости таких предметов, как публичная политика, международная политика/отношения и сравнительная политология. Студенты первого курса обычно изучают все три; студенты второго курса (уровень C/D) более углубленно обучаются как минимум двум из них. Структура обучения приблизительно одинакова и в университетах, и в университетских колледжах, однако публичную политику, международные отношения и сравнительную политологию можно преподавать различными способами. Межфакультетские различия в отношении общей направленности и содержания предлагаемых курсов, как правило, обусловлены разницей ориентации отдельных факультетов.

Четыре факультета политологии, профиль которых сформировался до Второй мировой войны, определили круг своих интересов еще на ранней стадии деятельности: Лунд — в области конституционного права и публичной администрации, Упсала — в области политической теории и политических институтов. В этом плане Стокгольм и Гётеборг определились позже: в первом из них ощущалось сильное влияние Тингстена, и позднее круг интересов там расширялся; Гётеборг под опытным руководством Йоргена Вестершталя превратился в центр бихевиоризма в политической науке Швеции и стал основным ведущим в области электоральных исследований и изучения средств массовой информации. Позже других в этом плане утвердился университет в Умео, где уделяется большое внимание местным органам власти и сравнительной политологии. В Лунде и Стокгольме к избранным направлениям исследований позже прибавились международные отношения; в Упсале получила развитие теория рационального выбора, а Стокгольм превратился в центр по разработке качественных методов исследования. Однако в целом общая тенденция, распространенная как на специализированных, так и на междисциплинарных факультетах, как представляется, развивается в направлении плюрализма и многообразия.

2.6. Профессиональная коммуникация

Профессиональная организация и конференции. Профессиональной организацией политологов Швеции является созданная в 1970 г. Шведская ассоциация политических наук (SWEPSA). В недавнем интервью Улоф Руин, один из создателей этой организации, говорил о «скрытом мотиве», лежавшем в основе этой инициативы: разочарованные курсом старого поколения политологов, их молодые рвущиеся в бой коллеги видели в SWEPSA альтернативу традиционным неформальным структурам принятия решений. Как отмечалось выше, Руин, сам в свое время принадлежавший к числу диссидентов, не говорил о том, оправдала

ли SWEPSA эти ожидания, но, очевидно, эта тема вполне могла бы стать предметом магистерской диссертации (Ruin, 2003).

В состав SWEPSA входят как официальные организации — всего около 17 факультетов и отделений университетов и университетских колледжей Швеции, так и платящие взносы индивидуальные члены, не связанные с факультетами или отделениями политических наук. Членство в ассоциации практически открыто для любого человека, интересующегося политическими науками, и в настоящее время в состав членов ассоциации входят исследователи, преподаватели, соискатели степени доктора наук и практические работники самых разных направлений. Член ассоциации имеет право принимать участие в годичных заседаниях Шведской ассоциации политических наук и связанных с ними конференциях. Ежегодные конференции проводятся в разных университетах и университетских колледжах и включают как общее заседание, так и ряд небольших семинаров, где зачитываются и обсуждаются доклады. Обычно в работе конференции принимают участие около 150–200 политологов, хотя число участников год от года существенно колеблется (см.: Hinnfors, 2003). Как правило, в ходе конференции проходят заседания секций по международной политике, публичной администрации, сравнительной политологии и политической теории, хотя в последние годы были образованы дополнительные группы, работа которых, в частности, связана с гендерной политикой, европейскими исследованиями, конституционной политикой и политикой в области окружающей среды и устойчивого развития.

Как указано на сайте SWEPSA <www.swepsa.org>, SWEPSA ставит перед собой четыре задачи:

1) содействие критическому обсуждению целей и средств политических наук и их функций в обществе в целом;
2) информация об исследованиях в области политологии;
3) развитие сотрудничества между политологами разных факультетов шведских университетов;
4) представительство шведских политологов в сфере международного сотрудничества, например в Скандинавской ассоциации политических наук (NOPSA), Европейском консорциуме по политическим исследованиям (ECPR) и Международной ассоциации политических наук (IPSA).

Председательство в SWEPSA раз в два года переходит к представителям различных университетских факультетов, а в состав руководящего совета входят примерно 17 представителей всех факультетов, а также университетских колледжей, соискателей степени доктора наук и специалистов-практиков. В настоящее время (2005–2007 гг.) президентом ассоциации является Katarina Eckerberg из Университета Умео.

Шведские журналы по политическим наукам. SWEPSA тесно сотрудничает с единственным шведским журналом в области политических наук — *Statsvetenskaplig Tidskrift*, издаваемым фондом Университета Лунда и публикуемым в его нынешней форме с 1964 г. Журнал содержит статьи об исследованиях, а также обсуждения, связанные с политическими науками. С 2005 г. SWEPSA имеет в этом журнале специальный раздел, посвященный информационным материалам и обсуждениям. До 2005 г. SWEPSA издавала отдельный журнал, SWEPSA *Politologen*. Кроме этих двух изданий «ближайшим» к шведскому политологическому сообществу журналом являются «Скандинавские политические исследования» (*SPS*), однако шведские политологи регулярно публикуются в таких международных изданиях, как *European Journal of Political Research* (EJPR) и *Journal of European Public Policy*.

Издательства. В Швеции существует целый ряд издателей и издательств, специализирующихся в области политических наук. Докторские диссертации обычно публикуются самими университетскими факультетами. Кроме того, есть несколько исследовательских институтов, связанных с политическими науками, в частности, Шведский институт международных отношений. К числу коммерческих издательств можно отнести Studentlitteratur, SNS Förlag, Liber, Nya Doxa и Gleerups.

Премия Йохана Скитта по политологии. По инициативе Лейфа Левина, нынешнего заведующего кафедрой Йохана Скитта в Упсале, *Фонд Скитта* установил ежегодную премию имени Йохана Скитта по политическим наукам в размере 400 000 шведских крон (около 50 000 долл. США), присуждаемую тому ученому, который, по мнению Фонда, внес наиболее ценный вклад в развитие дисциплины.

Впервые премия была присуждена в 1995 г. Роберту Далю. С тех пор премия *Скитта* присуждалась нескольким наиболее выдающимся ученым: Хуану Линцу (1996 г.); Аренду Лийпхарту (1997 г.); Александру Джорджу (1998 г.); Элинор Остром (1999 г.); Фрицу Шарпфу (2000 г.); Брайену Барри (2001 г.); Сиднею Вербе (2002 г.); Хане Питкин (2003 г.); Жану Блонделю (2004 г.) и Роберту Кеохейну (2005 г.). В 2006 г. *Фонд Скитта* присудил премию *Скитта* по политическим наукам Роберту Патнему за его широко признанную теорию социального капитала.

Церемония вручения премии проходит в торжественной обстановке, и победитель обычно выступает на публике, например читает лекцию или проводит семинар, которые, естественно, привлекают сравнительно большое внимание; в определенной степени такой интерес проявляют правительство, Университет Упсалы и представители политической науки как дисциплины.

3. Будущее политических наук в Швеции

В заключение нашего обзора состояния политических наук в Швеции мы хотели бы сделать несколько замечаний о развитии этой области, связанных с профессиональным и дисциплинарным значением политических наук для шведского общества, в частности с возможностями, открывающимися перед исследователями и студентами-политологами на рынке труда.

Подобно ситуации в других скандинавских странах, шведское сообщество политологов является прежде всего *национальным* сообществом (см.: Quermonne, 1996). Это не значит, что шведские политологи пишут только для шведской аудитории, т.е. на шведском языке. Наоборот, большинство шведских исследователей явно ориентируются на международное исследовательское сообщество; они пишут статьи для международных журналов и сборников, принимают участие в международных конференциях, организуемых, в частности, NOPSA, APSA, IPSA или ECPR. Крупные и средние университетские факультеты политологии, как правило, являются коллективными членами ECPR. Более того, среди шведских докторантов широко распространена подготовка диссертации на английском языке или участие в работе летних школ, например в Эссексе (Англия) или в Энн-Арбор (США).

И тем не менее оно остается национальным сообществом в том смысле, что большинство шведских политологов считают шведские университеты и университетские колледжи своим основным — если не единственным — местом работы и полем межуниверситетской мобильности. Хотя в последние годы такая мобильность внутри страны возросла, сравнительно небольшое число шведских политологов получают постоянные академические должности за пределами Швеции.

У стороннего наблюдателя может сложиться впечатление, что скандинавские страны составляют единый рынок труда для исследователей, поскольку языковый барьер между, например, Данией, Норвегией и Швецией легко преодолим. Хотя это и соответствует действительности, в Швеции постоянно работает очень небольшое число зарубежных специалистов, равным образом как и очень незначительное количество шведских политологов покидают Швецию надолго, хотя многие часто ездят по работе на непродолжительное время в качестве приглашенных лекторов, профессоров или стипендиатов, недавно зашитивших докторские диссертации.

Вопрос о том, что произойдет в ближайшие годы, когда на смену нынешнему придет новое поколение политологов, остается открытым. Глядя на то, как развиваются события, можно отметить, что в настоящее время в плане публикаций и исследований шведские политологи в

значительно большей степени ориентируются на внешний мир, чем, скажем, 20 лет тому назад. Вместе с тем вполне вероятно, что, когда речь заходит о постоянной работе на академических должностях, обмены с международным сообществом политологов остаются ограниченными.

Что касается студентов, изучающих политические науки, их шансы на рынке труда оценить достаточно сложно. На протяжении нескольких лет шведское правительство активно использовало университеты в качестве инструмента рынка труда. Если называть вещи своими именами, увеличение численности студенчества снижало уровень безработицы. В этой связи представляется маловероятным, что все выпускники политологических факультетов смогут найти себе работу по специальности. Сами университеты могут оставить лишь небольшую часть выпускников в качестве докторантов, но и эта возможность все более ограничивается в связи с финансовой ситуацией во многих университетах. В соответствии с преобладающей ныне тенденцией университеты сокращают прием на докторские программы (см.: отчет *Шведского национального агентства по высшему образованию* за 2006 г.).

К числу других возможностей трудоустройства студентов-политологов относится работа в качестве государственных служащих, публичных администраторов, преподавателей, а также журналистов. Государственный сектор, видимо, составляет наиболее значительный рынок труда для студентов-политологов, в частности на уровне региональных и местных органов власти. Тем не менее немало студентов должны будут искать работу в других секторах, которые на деле не связаны с полученным ими образованием (см.: Hjort, 2003). В этом отношении положение в Швеции, возможно, не сильно отличается от других европейских стран (см.: Quermonne, 1996). В то же время политические науки продолжают оставаться популярным предметом, и программы, предлагаемые бакалаврам, привлекают большое количество слушателей.

В заключение следует упомянуть о Болонском процессе, который в будущем может создать определенные проблемы. Этот процесс повлек за собой своего рода «европеизацию» и оказал существенное влияние на структуру высшего образования в области политологии в Швеции. Тем не менее сейчас еще слишком рано давать оценку Болонскому процессу в полном объеме. По сравнению с другими скандинавскими странами, такими как Дания, Швеция медленно переходит к Европейской системе накопления и перевода кредитов (ECTS), внешней оценке курсов и пересмотру академических программ в соответствии с системой 3 + 2 + 3. Во многих шведских университетах новые магистерские программы по политологии начали вводиться только в 2007 г. Что касается программ подготовки докторов наук, большинство шведских факуль-

тетов политологии все еще пытаются совладать с «Болонским вызовом», который из практических соображений сократит средний период подготовки докторской диссертации примерно до двух лет (Hermansson, 2001; Hjort, 2002, 2003; Larue, 2004).

Что можно было бы сказать в заключение о будущем политической науки в Швеции? Что касается деятельности в рамках дисциплины, последние тенденции в этом плане были положительными. Шведская ассоциация политических наук была реорганизована, усилились связи между различными политологическими структурами внутри страны, будь то факультеты университетов или небольшие отделения университетских колледжей. Новую жизнь обрел шведский журнал политических наук. Более того, мы отметили, что шведские политологи, включая докторантов и тех, кто недавно защитил докторские диссертации, стали все в большей степени ориентироваться на международное сообщество политических наук. Не надо быть ясновидящим, чтобы предсказать шведской политической науке в следующие несколько лет успешное совершенствование в славном искусстве доведения дела до конца. Хотелось бы также надеяться, что мы станем свидетелями более ощутимого шведского присутствия в обсуждении общеевропейских проблем политической науки.

Примечание

[1] Официально признаваемых учебных недель.

Литература

Anckar, Dag (1987): "Political Science in the Nordic Countries", *International Political Science Review* 8 (1): 73–84.

Anckar, Dag (1991): "Nordic Political Science: Trends, Roles, Approaches", *European Journal of Political Research* 20: 3–4.

Easton, David (1953): *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*, New York: Alfred A. Knopf.

Easton, David (1965): *A Framework for Political Analysis*, New York: Prentice-Hall.

Easton, David (1967): *A System Analysis of Political Life*, New York: John Wiley & Sons.

Elvander, Nils (1977): "The Growth of the Profession 1960–1975. Sweden", *Scandinavian Political Studies*, Yearbook 12, Oslo: Universitetsforlaget: 75–82.

Fredriksson, Bert (1980): *Högskolans basenheter*, Doctoral dissertation, Department of Political Science, University of Umee.

Hermansson, Jörgen (2001): "Forskarutbildningen och statsvetenskapens framtid", *Politologen*, Autumn: 23–32.

Hinnfors, Jonas (2003): "Värna Förbundet!", *Politologen*, Autumn: 23–25.

Hix, Simon (2004): "Global Ranking of Political Science Departments", *Political Studies Review* 2: 293–313.

Hjort, Jenny (2002): "Från livsverk till gesällprov med oförändrade villkor?", *Politologen*, Autumn: 67–69.

Hjort, Jenny (2003): "Om livet efter detta. Hur trygga osäkerheten efter disputationen?", *Politologen*, Spring: 61–63.

Jönsson, Christer (1993): "International Politics: Scandinavian Identity Amidst American Hegemony?", *Scandinavian Political Studies* 16 (2): 149–165.

Kjellén, Rudolf (1921): *Die Großmächte und die Weltkriege*, Leipzig: Verlag von Drud B. G. Deubner.

Larue, Thomas (2004): "Vår framtida forskarutbildning. Att orka föra en dialog", *Politologen*, Spring: 65–69.

Nygren, Bertil (1996): "Political Science in Sweden", in: Jean-Louis Quermonne (ed.): *Political Science in Europe: Education, Co-operation, Prospects*. Report on the State of the Discipline in Europe, Paris: Thematic Network Political Science.

Quermonne, Jean-Louis (ed.) (1996): *Political Science in Europe: Education, Co-operation, Prospects*. Report on the State of the Discipline in Europe, Paris: Thematic Network Political Science.

Ruin, Olof (2003): "Den svenska statsvetenskapen — ett personligt perspektiv", *Politologen*, Spring: 5–16.

Swedish National Agency for Higher Education (2006): Evaluation report on the state of education in political science, peace and conflict research, development studies and area studies at Swedish universities. (Högskoleverket, Rapport 2006: 17 R. *Utvärdering av utbildning i statsvetenskap, freds- och utvecklingsstudier, och områdesstudier vid svenska universitet och högskolor*, Stockholm, Högskoleverket.)

Tingsten, Herbert (1937/1975): *Political Behavior: Studies in Election Statistics*, New York: Ayer Co Pub.

Tingsten, Herbert (1960): *Demokratins problem*, Stockholm: Aldus.

Tingsten, Herbert (1965): *The Problem of Democracy*, New York: Totowa.

Tingsten, Herbert (1967): *Från idéer till idyll: den lyckliga democratien*, Stockholm: PAN/Norstedt.

Tingsten, Herbert (1973): *The Swedish Social Democrats: Their Ideological Development*, Totowa, N. J.: Bedminister Press.

Wittrock, Björn (1992): "Discourse and Discipline: Political Science as Project and Profession" // Meinolf Dierkes, Bernd Biervert (eds.): *European Social Science in Transition: Assessment and Outlook*, Frankfurt a. M./Boulder, CO: Campus Verlag, Westview Press: 268–308.

Никола Фреймон, Кристоф Платель,
Бернар Вута

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПОЛИТОЛОГИИ В ШВЕЙЦАРИИ

1. Введение

В настоящей статье рассматривается состояние преподавания и исследований в области политических наук. Как и при любом другом исследовании научной дисциплины, первая проблема состоит в определении ее границ. Где начинаются политические науки и где они заканчиваются? Иными словами, какие ученые, институты и работы ее составляют? Эти вопросы являются вечными и даже неразрешимыми в той степени, в какой они отражают изменчивость границ между научными дисциплинами, которые в свою очередь составляют продукт восприятия исследователями воздействия других областей их поиска теорий, методов, концепций и объектов изучения. Поскольку наша задача заключается в представлении обзора о нынешнем состоянии дисциплины, а не о ее истории, мы используем *институциональное определение*, направляющее преподавательскую и исследовательскую деятельность, явно относящуюся к политическим наукам.

В Швейцарии, как и в других странах континентальной Европы, институционализация политических наук проходила в два этапа (Gottraux и др., 2000, 2004). Первый из них начался к концу XIX столетия, когда в академических кругах все более развивалось признание общественных наук. Основным достижением в тот период стало включение элементов публичного права (конституционного и административного), истории, экономики и философии в синтетический подход к анализу правления. Во франкоговорящих районах Швейцарии такая модель возобладала в университетах Лозанны и Женевы. Однако в немецкоговорящих областях продолжала господствовать традиционная модель *Staatswissenschaften*, а обучение и исследования в этой области продолжались в рамках юридических факультетов.

После Второй мировой войны в развитии дисциплины начался новый этап. В 1959 г. была образована Швейцарская ассоциация политических наук (SPSA), и это облегчило постепенное введение дисциплины в швейцарских высших учебных заведениях, начиная с франкоговорящих кантонов и Берна. Эта новая тенденция обрела еще большую силу в 1970-х и 1980-х годах, когда политологи немецкоговорящих университетов в Санкт-Галлене и Цюрихе создали собственные факультеты.

Как свидетельствуют проведенные исследования, с начала 1990-х (Rüegg, 1992; Linder, 1996; Klöti, 1991) в швейцарских университетах существует около 25 кафедр политических наук, которыми охвачен весь спектр теоретической проблематики. К их числу относятся шесть кафедр в Университете Женевы и три — в женевском Высшем институте международных исследований, четыре — в Университете Лозанны и три — в Лозаннской швейцарской высшей школе публичной администрации, одна — в Университете Невшателя, две — в Университете Берна, две — в Сэнт-Голле, две — в Университете Цюриха и еще две — в Швейцарском федеральном технологическом институте. В швейцарских институтах над проектами в области политических наук работают около 120 исследователей и преподавателей. С 1980 по 1991 г. численность студентов, обучающихся на кафедрах политологии, возросла в два раза — с 1000 до 2000 человек, большинство которых обучаются в университетах Женевы и Лозанны. В 1995 г. швейцарские университеты присвоили выпускникам около 300 дипломов *licences* и 20 степеней доктора наук.

За последнее десятилетие в развитии дисциплины произошло несколько важных изменений. Пять швейцарских университетов (Лозанны, Женевы, Берна, Цюриха и Сэнт-Голла) теперь предлагают специализацию в области политологии. Исключения составляют лишь университеты Фрибура, Базеля и Невшателя (где недавно была упразднена единственная кафедра политологии), а также новый совсем небольшой университет в итальянской Швейцарии в Лугано. Общее число студентов-политологов в швейцарских университетах существенно увеличилось — до 3000 человек, которые либо специализируются в области политических наук, либо вибирают их как второй предмет. Университет Цюриха, где политологию изучают почти 700 студентов, догнал в этом отношении университеты Женевы и Лозанны. На факультете политологии в Университете Берна в настоящее время обучается около 350 студентов, а на факультете в Сэнт-Голле — около 100 человек. Эти цифры свидетельствуют о значительном развитии дисциплины в Швейцарии, а также о том, что эта тенденция с особой очевидностью проявляется в немецкоговорящих кантонах, особенно в Цюрихе, а также в тех высших учебных заведениях Швейцарии, где преподавание ведется

на французском языке. Такой рост также отражается в последних статистических показателях выпускников университетов. Например, в 2004 г. швейцарские университеты и постдипломные институты выдали 23 диплома бакалавра, 411 дипломов *licences*, 118 послеуниверситетских дипломов и 44 степени доктора политических наук (Office federal de la statistique, 2005a).

Профессорско-преподавательский состав, включая профессоров и адъюнкт-профессоров, а также штат вспомогательных академических сотрудников (доцентов, младших и старших лекторов и научных сотрудников), существенно увеличился во всех университетах. То же самое можно сказать и о численности сотрудников с полной и неполной занятостью, работающих над исследовательскими проектами, которые в основном финансируются Швейцарским национальным научным фондом при дополнительном финансировании из источников Европейского сообщества.

2. Преподавание политических наук в Швейцарии

Во всех швейцарских университетах проводится пересмотр учебных планов дисциплины в соответствии с требованиями Болонской декларации. Этот процесс также влечет за собой существенные изменения в учебных программах политологических факультетов. До настоящего времени студенты четыре или пять лет учились, чтобы получить диплом *licence*, после чего могли продолжать обучение еще полтора года для получения диплома DEA (о продвинутом образовании). После этого лишь незначительное меньшинство оставалось учиться дальше — для получения степени доктора наук. Хотя теоретически докторская степень присваивается по истечении пятилетнего срока обучения, все же для этого требуется значительно больше времени. Первым этапом обучения в соответствии с новыми учебными планами является диплом бакалавра (три года обучения с получением 180 кредитов ECTS, в их число в некоторых учебных заведениях включаются профилирующие и непрофилирующие предметы), за которым следует диплом магистра (от полутора до двух лет обучения с получением 90–120 кредитов ECTS), после чего можно продолжать образование для получения степени доктора наук, причем продолжительность этой стадии обучения точно не определена, а само обучение поддерживается новыми докторскими программами[1], разработанными в конце 1990-х годов при помощи Швейцарской ассоциации политических наук.

В целом Болонские реформы были осуществлены в ходе достаточно быстрого и гибкого процесса, проведенного различными заинтересованными сторонами, вовлеченными в разработку политики в области высшего образования в Швейцарии. Федеральная структура Швейцарии предоставляет кантонам высокую степень автономии в организации их высших учебных заведений, в то время как кантоны обеспечивают тем высшим учебным заведениям, которые находятся в их юрисдикции, большую свободу в определении их собственных приоритетов[2]. В силу этого швейцарские университеты стали основными акторами в деле проведения Болонских реформ, применяемых в соответствии с их конкретными ситуациями, исходя из простых указаний, данных федеральными властями, ответственными за координацию политики в области высшего образования на кантональном уровне (Auer, 2005; Office fédéral de la statistique, 2005b). Таким образом, по всей Швейцарии переход к новой системе в значительной степени направляется факультетами политологии при ненавязчивой координации усилий политологов из различных кантонов. Швейцарская ассоциация политических наук облегчила этот процесс благодаря предоставлению новых средств обмена информацией, передав составление учебных планов отдельным высшим учебным заведениям, которые сами определяют свои приоритеты.

2.1. Университеты

Ниже мы приводим различия между университетами, предлагающими полный курс обучения (дипломы бакалавра и магистра) политическим наукам, и высшими учебными заведениями, предлагающими лишь специализированные и постдипломные программы, а также курсы повышения квалификации.

Факультет политических наук в Университете Женевы. В Университете Женевы отделение политологии входит в состав факульгета экономики и общественных наук, являющегося в свою очередь составной частью подразделения, включающего также отделения социологии, географии и экономической истории. Этот факультет был основан в 1969 г., десять лет спустя после того, как профессор Жан Мейно был назначен первым заведующим кафедрой политических наук, а его преемником на этом посту стал профессор Дюшан Сиджански. С годами кафедра стала значительно более многоплановой с точки зрения исследовательских интересов и предлагаемых курсов обучения. После проведения реформы 1969 г. было предложено шесть программ, а когда реформа 1984 г. еще более усилила позиции отделения, к этим программам были добавлены еще пять курсов.

Это предоставило отделению возможность предложить полную программу обучения политологии (диплом *licence*, DEA или диплом, а также степень доктора наук). В октябре 2005 г. там было начато проведение Болонских реформ с составления новых учебных планов; тем не менее эти планы оставались очень похожими на те, что применялись при пре-

дыдущей системе. Диплом бакалавра политологии закладывает общие основы дисциплины, а программа магистра упрочивает полученные знания, позволяя студентам специализироваться в конкретных областях политических наук.

Размеры и структура профессорско-преподавательского состава отделения политологии пережили такой же подъем, как и предлагаемые им учебные программы. В настоящее время там насчитывается 35 преподавателей, в число которых входят восемь профессоров на постоянной ставке, а также доценты, младшие и старшие лекторы и преподаватели.

Программы подготовки бакалавров политологии в первый год дают широкую панораму введения в общественные науки за счет обязательных курсов, которые нередко включают такие смежные дисциплины, как конституционное право, политэкономия, история и социология. На протяжении двух последующих лет аудиторная работа предусматривает семинары и другие, более специализированные занятия, сосредоточенные на политических науках. Они охватывают курсы по администрации и публичной политике, швейцарскую и сравнительную политологию, политическое поведение, международные отношения, политическую теорию, а также методологию и гносеологию.

Следует также отметить, что с 2005 г. отделение политологии предлагает диплом бакалавра международных отношений, обеспечивающий доступ на программу магистра в Высшем институте международных исследований (GIIS). Новый диплом бакалавра в основной отрасли дисциплины сменил диплом *licence* в области международных отношений, который ранее предлагался университетскими факультетами политических наук и послеуниверситетским институтом, профессорско-преподавательский состав которого вел обучение соответственно по программам первого года и двух последних лет обучения.

Диплом магистра политологии будет введен в 2006 г., год спустя после введения диплома бакалавра. До тех пор факультет политических наук будет продолжать выдавать дипломы DEA, которые как по форме, так и по назначению сменит диплом магистра. Как и диплом DEA, диплом магистра предназначен для того, чтобы обеспечить студента всеми необходимыми знаниями и навыками исследовательской работы, вместе с тем позволяя ему специализироваться в определенной области. Основным элементом обучения на диплом магистра является подача и защита дипломной работы в одной из следующих областей: администрация и публичная политика, политическое поведение, швейцарская и сравнительная политология, международные отношения и политическая теория. Внимание к исследовательской работе обусловлено всесторонней педагогической стратегией, обеспечивающей студентов основ-

ными знаниями и навыками, которые позволили бы им продолжать обучение для получения степени доктора политических наук.

Отделение политологии Университета Женевы является одним из основных центров политической науки в Швейцарии. Это скорее определяется его динамичным развитием в 1970-е годы, диверсификацией учебных программ и областей, на которые нацелены предлагаемые там курсы, чем положением старейшего факультета политических наук в Швейцарии. Его статус еще больше повысился благодаря росту численности профессорско-преподавательского состава, побочным эффектом чего стало развитие исследовательского потенциала. Внимание его сотрудников в первую очередь сосредоточено на швейцарской политике и политическом поведении, чему прежде всего способствуют те преподаватели, которые вносят свой в клад в анализ выборов и референдумов, проводимый SELECTS и VOX. Кроме того, высокого уровня развития на факультете достигли исследования в таких областях, как международные отношения, сравнительная политология, анализ публичной политики, публичная администрация и политическая теория.

Институт политических и международных исследований Университета Лозанны. Преподавание и исследования в области политических наук в Университете Лозанны проводятся в основном в Институте политических и международных исследований (IPIS). Этот институт был создан в 1995 г. после нескольких попыток пересмотра институциональных границ дисциплины в рамках университета. В настоящее время институт располагается на факультете общественных и политических наук, в состав которого также входят отделения социологии, антропологии, социальной и экономической истории, психологии и социальной психологии, а также физического воспитания.

Программа изучения политических наук также претерпела несколько важных преобразований. В 1977 г. трехлетняя программа на диплом *licence* была продлена до четырех лет, включая дипломную работу. Обладатели диплома *licence* получали право продолжать образование на получение диплома *maîtrise*, после чего они могли учится дальше по программе DEA. С 2005 г. факультет общественных и политических наук перешел на Болонскую систему после введения нового учебного плана, в основе которого лежит трехлетняя программа обучения на диплом бакалавра (180 ECTS). Начиная с 2007 г. будет также введена программа магистра гуманитарных наук (90 ECTS), рассчитанная на полтора года обучения.

Программа бакалавра политологии в основном носит общий характер, позволяя студентам продолжать специализированные занятия. Ее задача состоит в ознакомлении студентов с главными разделами дисциплины и их подготовке к обучению по программе магистра. Поэтому

ее стержень составляют основные разделы дисциплины, а чтобы студенты получили представление об основных ее направлениях, они дополняются непрофильными предметами и дополнительными общественно-научными дисциплинами (социологией, гендерными исследованиями, социальной психологией, антропологией) и историей.

Хотя обучение на степень магистра политологии также носит в основном общий характер, оно позволяет студентам получить дополнительные знания в конкретной области в период подготовки дипломной работы по одному из следующих направлений, отмечаемых специальным упоминанием в дипломе: публичная политика (под названием «управление и принятие политических решений»), политическая социология («социология политической мобилизации») и международные отношения («глобализация: политические, социальные и экологические аспекты»). Помимо возможности доступа к продолжению образования на получение степени доктора наук и другим постдипломным программам диплом магистра рассматривается и как завершение учебного плана по политическим наукам.

Эти изменения в структуре учебного плана отчасти отражают значительно возросший потенциал факультета, касающийся возможностей обучения. IPIS расширил спектр учебных программ, теперь охватывающий все основные направления дисциплины — от анализа политического курса и политической социологии (политическое поведение и институты) до международных отношений, сравнительной политологии, политической теории и методологии. Во всех этих областях особое внимание уделяется швейцарской политике и политическому курсу. Параллельно с расширением учебных программ IPIS выросло и число его преподавателей. В области преподавания и исследований всего в IPIS работают около пятидесяти специалистов, включая десятерых заведующих кафедрами, четырех директоров по образованию и науке (*maîtres d'enseignement et de recherche*), двух доцентов и около тридцати преподавателей и научных сотрудников.

Такое расширение спектра программ за последние несколько лет, которое было лишь подкреплено применением Болонских соглашений, повысило относительное значение IPIS в области политических наук в Швейцарии, поставив его в один ряд с такими традиционно значимыми их центрами, как Женева и Цюрих. Помимо того что факультет охватывает все основные направления обучения и исследований, институт может гордиться особой компетентностью в анализе публичной политики и сравнительных политических систем, а также политической социологии (социальной мобилизации, политических институтов, политической жизни), которые развиваются в Центре исследований политических действий (CRAPUL). Несколько профессоров также предметно занимаются

разработкой политики в области исследований и высшего образования, причем работы в этом направлении обычно проводятся под эгидой центра «Исследования, политика и общество», созданного именно с этой целью. Кроме того, в IPIS также работают профессор и несколько преподавателей, специализирующихся в области политики развития, которая представляет собой новое направление на факультете.

Институт политических наук Университета Берна. Нынешний Институт политических наук Университета Берна был создан в 1993 г. вместо Центра по изучению истории и социологии швейцарской политики. Этот центр был основан в 1965 г. как подразделение факультета экономики и права, основанного профессором Эриком Грюнером, который в то время был единственным политологом, работавшим в Берне. В 1986 г. профессора Грюнера сменил на этом посту профессор Вольф Линдер, специалист по швейцарской политике. Такое преобразование центра в институт и перенесение его на факультет экономики и общественных наук было направлено на развитие дисциплины в Университете Берна. До середины 1980-х годов политические науки там преподавались только в качестве вспомогательных дисциплин на экономической программе. Первым шагом в направлении превращения их в самостоятельную дисциплину стало введение политологии в качестве второй специальности. С 1994 г., когда преподавать сравнительную политологию был назначен второй профессор, студенты получили возможность специализироваться в области политических наук.

Сегодня в институте работают два профессора и два доцента, пятнадцать младших и старших лекторов, а также несколько преподавателей. Кроме того, там работают сотрудники, издающие *Anneé politique suisse* — ежегодник, анализирующий развитие швейцарской политики, а также публикующий документы и библиографии. Кроме того, в 2006 г. институт планирует взять на работу профессора политической социологии.

Болонские реформы, воплощенные в жизнь в 2005/06 учебном году, привели к существенному обновлению учебных программ института. Теперь учебные планы по общественным наукам включают диплом бакалавра политологии, для получения которого требуется набрать 120 кредитов по политическим наукам и другим вводным курсам по общественным наукам, экономике, праву и методологии, а также 60 дополнительных кредитов, которые студенты могут получить по непрофильным или смежным дисциплинам. Студенты также могут выбирать политические науки в качестве непрофильных дисциплин, но при том условии, что в число профильных предметов будут входить швейцарская и сравнительная политология, международные отношения, публичная политика, политическая социология, политическая теория и институциональная политика Европейского сообщества. В этом учебном

27-6054

году около 350 студентов должны будут получить диплом бакалавра гуманитарных наук или диплом *licence* по политологии и 480 студентов выбрали политические науки в качестве второй специальности. По окончании они смогут продолжать образование по новой программе магистра политологии, в соответствии с которой им надо будет набрать еще 120 кредитов.

Курс обучения на магистра напоминает программу бакалавра. Специализация (90 кредитов) строится на основе, заложенной в период обучения на бакалавра с дополнительной работой в тех же областях, и обучение завершается подготовкой дипломной работы. Например, на занятиях сравнительной политологией и демократической теорией в ходе курса по политической теории внимание студентов сосредоточивается на проблемах федерализма и государства всеобщего благосостояния, а занятия публичной политикой строятся вокруг упражнений по оценке политических курсов, и т.п. В качестве дополнительных предметов студенты изучают другие дисциплины. Важной отличительной чертой программы подготовки магистра является предъявляемое студентам требование о получении 30 кредитов в университете, где преподавание ведется не на немецком языке.

Помимо преподавания в Институте политических наук Университета Берна уделяется внимание анализу голосования, а также швейцарской политике и партиям, особенно на местном уровне. К числу других приоритетных исследовательских направлений относятся европейская политика, политический анализ, а также сравнительная экономика и социальная политика.

Институт политических наук Университета Цюриха. Первая политологическая кафедра в Университете Цюриха была создана в 1971 г. на факультете искусств, в состав которого входили все отделения гуманитарных и общественных наук. К этой кафедре, специализировавшейся на внешней политике и международных отношениях, в 1980 г. добавилась вторая кафедра — швейцарской и сравнительной политологии. В 1996 г. эти и другие политологические подразделения были преобразованы в полноценный учебный и исследовательский институт — Институт политических наук (IPS). Такая институционализация политических наук в Цюрихе дала возможность предложить полную программу обучения. В 2003-м и 2005 г. в институте появились еще две кафедры, и теперь там работают четверо профессоров в областях международных отношений, сравнительной политологии, швейцарской политики и методов исследований. Кроме этого в IPS расположены два исследовательских отдела. В одном из них ведутся исследования по анализу политического поведения, и он служит центром программы, проводимой

SELECTS. Второе подразделение специализируется на анализе и оценке публичной политики.

В настоящее время в институте работают еще два профессора помимо четырех заведующих кафедрами, о которых говорилось выше, а также 33 доцента и лектора, два директора исследовательских подразделений со своим штатом, что в целом составляет 66 человек. Институт продолжает присваивать дипломы *licence*, которые будут выдаваться на протяжении переходного периода, связанного с проведением Болонских реформ; их предполагается завершить в 2006 г. Студенты института выбирают одну ведущую специализацию и две дополнительные. Основное внимание при выборе профилирующей специализации уделяется швейцарской и компаративной политологии, международным отношениям или политической теории, а дополнительные специализации предполагают прохождение тех же программ, только в меньшем объеме.

В Цюрихе также расположен *Центр сравнительных и международных исследований* (CIS), действующий в рамках швейцарского Федерального технического института. Хотя CIS был создан в 1997 г., в нем уже работают 170 исследователей и технических сотрудников. В основном там занимаются исследованиями в области международных отношениях (европейская политика, политика в области развития, международные конфликты и международная политическая экономия), причем особое внимание уделяется вопросам политики безопасности. CIS предлагает два направления образования: диплом бакалавра гуманитарных наук по программе, специально разработанной для офицеров швейцарской армии, несколько специализированных дипломов (магистр гуманитарных наук по сравнительным и международным исследованиям, степень доктора наук) и профессиональные программы (магистр гуманитарных наук по политике в области безопасности и урегулирования кризисных ситуаций). Кроме того, CIS и IPS ведут совместную работу над тем, чтобы предложить студентам двух институтов как можно более широкий выбор курсов обучения.

За десять лет Цюрих превратился в наиболее важный центр преподавательской и исследовательской деятельности в Швейцарии. В значительной степени это определяется статусом швейцарского Федерального технического института в области международных отношений (особенно в сферах политики безопасности и швейцарской внешней политики), а также репутацией университета в других областях дисциплины, особенно в отношении швейцарской политики, где им был внесен весомый вклад в исследование федеральных референдумов и выборов. Как будет отмечено ниже, в университете также проводится программа исследований, которая определит развитие дисциплины на ближайшие годы.

Институт политических наук Университета Сэн-Галла. В 1996 г. профессор Алоиз Риклин преобразовал подразделение существовавшего в Университете Сэн-Галла отделения политических наук в Институт политических наук (ISP), где в настоящее время работают трое заведующих кафедрами и три доцента. Всего в институте работают 20 человек разных уровней квалификации, в дополнение к проводящимся исследовательским программам там предлагается полный спектр учебных программ для студентов и аспирантов (бакалавра, магистра и доктора наук).

В Университете Сэн-Галла учебные планы по политическим наукам уже изменены в соответствии с требованиями Болонской системы — там введены дипломы бакалавра по международным отношениям, магистра международных отношений и управления. Первый год обучения по программе бакалавра предусматривает общий учебный план для всех студентов, обучающихся праву, экономике и ведению бизнеса. На втором и третьем курсах студенты, специализирующиеся в двух областях политических наук, отражающих основные направления, в которых факультет в Сэн-Галле особенно компетентен, изучают управление и публичную политику, международную экономику, конституционную теорию (*Staatslehere*), европейское право, сравнительную политологию, политическую теорию, международные отношения и финансы.

Программа обучения на диплом магистра рассчитана на три семестра. В ходе первого семестра студенты изучают основы политической теории и методы исследований, в ходе второго и третьего семестров занимаются международными отношениями и анализом публичной политики.

Исследовательская работа IPS сосредоточена главным образом на международных отношениях (внешней политике Швейцарии, отношениях Швейцарии с Европейским союзом, европейской интеграции), швейцарской и сравнительной политологии, сравнительной политической экономии (включая ситуационные исследования реформы государства всеобщего благоденствия) и политической теории (которая составляла первое направление специализации в области политических наук в Сэн-Галле).

2.2. Дополнительные программы обучения политическим наукам

Кроме университетов, предлагающих полные программы обучения (бакалавра, магистра, доктора наук), политические науки также преподают в других высших учебных заведениях, большая часть которых специализируется в области постдипломного образования (MA, MAS, PhD).

Высший институт международных исследований (GIIS)[3]. Основанный в 1927 г., GIIS является многопрофильным институтом, специализирующимся в области международных отношений и работающим в

нескольких ключевых направлениях (политических наук, истории международной политики, а также международного права и экономики). Своим существованием и успешным развитием он в значительной степени обязан тому обстоятельству, что в Женеве долгое время располагаются многочисленные важные международные организации. GIIS также связан с Университетом Женевы, что дает ему возможность присуждать дипломы DEA и доктора наук по международным отношениям. Начиная с октября 2006 г. диплом DEA будет заменен дипломами магистра международных исследований, а также магистра международных отношений.

Диплом DEA в области международных отношений присваивается за обучение по двухлетней программе, завершающейся подготовкой дипломной работы под руководством специалистов одного из четырех дисциплинарных отделов института. В отделе политических наук работают двенадцать преподавателей, включая четырех профессоров. Основное внимание при обучении сосредотачивается на внешней политике, международных организациях, разрешении конфликтов и международной предпринимательской деятельности.

Высший институт исследований проблем развития (GIDS)[4]. Он возник на базе созданного в 1961 г. женевского Центра подготовки африканской элиты (*Centre genevois de formation de cadres africaines*). В 1962 г. центр был переименован в Африканский институт Женевы (*Institut Africain de Genève*), а в 1977 г. включен в состав Университета Женевы на основе специального соглашения. Хотя первоначально там уделялось внимание исключительно Африке, его преподавательская и исследовательская ориентация вскоре расширилась и распространилась на весь развивающийся мир, включая Азию и Латинскую Америку. Как и Высший институт международных исследований, GIDS использует преимущество своего положения в Женеве, что позволяет ему не только заниматься преподавательской и исследовательской деятельностью, но и играть важную роль в проходящих там дискуссиях по вопросам политики международного развития. Более того, в уставе GIDS прямо указывается, что институт должен поощрять поступление студентов из развивающихся стран.

На протяжении последних нескольких лет GIDS предлагает специализированную магистерскую программу, которая с 2004 г. дает право на получение диплома *магистра гуманитарных наук в области исследований развития*. Эта программа основана на многодисциплинарном подходе, который наряду с политическими науками также включает антропологию, социологию и политическую экономию. Составляющая политических наук прежде всего содержит такие подразделы, как региональ-

ные исследования, международные отношения и политика в области иностранной помощи, причем основное внимание уделяется вопросам, связанным с социальным, экономическим, экологическим развитием и развитием в области образования.

Поскольку представители профессорско-преподавательского состава GIDS обычно имеют или междисциплинарные, или высокоспециализированные дипломы, точно указать численность политологов, преподающих в GIDS, достаточно сложно. Тем не менее четверо его профессоров имеют докторскую степень по политическим наукам, а около десяти преподавателей также формально получили образование в области политических наук.

Совместно с другими швейцарскими высшими учебными заведениями, где преподавание ведется на французском языке, GIDS также предлагает две постдипломные программы. Вместе с университетами Женевы и Лозанны GIDS проводит программу по «Современным арабским и мусульманским обществам», за которую присваивается диплом DESS (*diplôme d'études supérieures spécialisées*) — специализированный диплом второго высшего образования. Совместно с Университетом Женевы и GIIS GIDS также присваивает другой диплом DESS — по «Междисциплинарной программе азиатских исследований». Кроме того, GIDS и Университет Женевы также предлагают совместную докторскую программу по исследованиям в области развития.

Швейцарская высшая школа публичной администрации (GSPA). Когда Швейцарская высшая школа публичной администрации в 1981 г. начала работу, она была связана с Университетом Лозанны. Позже GSPA превратилась в достаточно крупную самостоятельную организацию. Учебные и исследовательские подразделения там в настоящее время возглавляют одиннадцать профессоров и адъюнкт-профессоров, которым помогают доцент и 15 лекторов и научных сотрудников, а всего в ее штате насчитывается около 40 человек. Ее профессорско-преподавательский состав активно проводит независимые теоретические исследования, кроме того, специалисты школы часто выступают в качестве экспертов и проводят заказные исследования. Помимо нескольких курсов по повышению квалификации там присваиваются дипломы магистра и доктора наук, преподаватели школы также предоставляют консультативные услуги в области публичной администрации. В целом оказываемые школой услуги ориентированы на сотрудников, занимающих руководящие посты в сфере публичной администрации, с тем чтобы они могли лучше разбираться в таких областях, как публичные финансы, маркетинг, институциональная политика, местная политика, оценка публичной политики, социальная политика, управление кадровыми ресурсами, публичное управление, информационные системы и т.п.

Европейский институт Университета Женевы (EIUG). Основанный в 1963 г. Дени де Ружмоном Европейский институт Университета Женевы (EIUG) является междисциплинарным центром, который подчиняется непосредственно ректорату университета. Он предлагает междисциплинарную послеуниверситетскую программу с возможностью специализации в следующих областях европейских исследований: «Культура и общество», «Экономика, политика и общество» и «Институты, право и общество». С 2003 г. EIUG предлагает программу на степень доктора наук, а с 2007 г. там также будет предложена программа магистра.

В состав преподавателей института входят профессора университета в области права, гуманитарных наук, экономики и общественных наук. В EIUG преподают четыре политолога, которые читают курсы по внешней политике Европейского союза и международным отношениям, политике европейской безопасности и европейской интеграции.

Институт Европы Университета Базеля. Как и аналогичный институт в Женеве, Институт Европы Университета Базеля предлагает учебные программы по процессам европейской интеграции. Его магистерская программа европейских исследований включает курсы права, экономики и политических наук, при этом уделяя основное внимание созданию институтов Европейского союза, европейской публичной политике и внешней политике Европейского союза. Постоянный профессорско-преподавательский состав по политическим наукам ограничен одним профессором и одним лектором, хотя для преподавания отдельных курсов постоянно приглашаются профессора из других организаций. В настоящее время институт не предлагает программы доктора наук.

Данный обзор основных центров преподавания и исследований в области политических наук в Швейцарии свидетельствует о том, что последнее десятилетие характеризовалось достаточно высокой степенью профессионализации благодаря увеличению численности специалистов. В последнее время, после введения новых учебных программ, учебные планы стали более полными и систематизированными. Как правило, на первом уровне обучения (бакалавр) закладываются общие основы дисциплины, после чего на втором уровне (магистр) следует специализация. Поэтому большую роль в определении облика дисциплины играют послеуниверситетские учебные заведения.

В целом наиболее значительные университеты продолжают придерживаться широкого подхода к охвату важнейших областей дисциплины, а также уделяют основное внимание политике Швейцарии. Несмотря на относительную стабильность в этом плане, особый интерес вызывают две области преподавания и исследований: анализ публичной политики и международные отношения, в частности процесс европейской интеграции.

3. Исследования в области политических наук в Швейцарии

Мы уже говорили о некоторых основных областях исследований, проводимых в швейцарских организациях, занимающихся политическими науками. Эту картину состояния исследований в области политологии в Швейцарии можно дополнить несколькими замечаниями относительно тех направлений, которые охватывают эти исследования, и типов финансирования, получаемого исследователями.

Мы ограничим наш анализ основными характеристиками дисциплины в настоящее время. Чтобы сделать это, рассмотрим исследовательские группы, созданные Швейцарской ассоциацией политических наук, проекты, финансируемые Швейцарским национальным фондом науки, и в заключение обратимся к исследованиям в области швейцарской политики.

3.1. Швейцарская ассоциация политических наук (SPSA)

Со времени своего основания в 1959 г. SPSA внесла большой вклад в развитие дисциплины в Швейцарии, обеспечивая определенную межуниверситетскую координацию, а также осуществляя связи с другими национальными и международными ассоциациями политических наук[5]. Она также поддерживает издание специализированных публикаций, включая *Revue Suisse de science politique* (который сменил *Annuaire Suisse de science politique* в 1995 г.) и *Manuel de la politique suisse*. Кроме того, SPSA помогает ученым развивать и поддерживать связи с их коллегами, специализирующимися в тех же областях. С особой отчетливостью эти связи в области профессиональных исследований проявляются в ходе ежегодных съездов ассоциации, которые предоставляют швейцарским политологам возможность обсудить актуальные проблемы их исследовательской деятельности.

В настоящее время в состав SPSA входят 12 исследовательских комитетов. Три из них объединяют специалистов в области международных отношений (пересечение международных отношений и сравнительной политологии, европейские исследования и политика в области безопасности), три других связаны с более традиционными областями (политическое поведение, политическая теория, публичная политика), следующие пять групп занимаются отдельными проблемами и темами (гендерные проблемы и политика, федерализм, социальная политика, политическая экономика и территориальная политика). И последняя группа специализируется на методах исследований.

Что касается теоретической ориентации, большинство швейцарских политологов черпают вдохновение из англоязычной литературы, особенно у представителей школ неоинституционализма и теории рациональных действий (RAT). Вместе с тем их работы отражают существенное влияние франкоговорящих политических социологов Университета Лозанны.

В помещенном ниже обзоре публикаций *Revue suisse de science politique* («Швейцарского журнала политических наук») также показано, что этот журнал прежде всего размещает статьи, которые прямо или косвенно связаны со швейцарской политикой. Таблица 1 также свидетельствует о том, что общая тенденция фокусирует внимание на анализе публичной политики и исследовании политической жизни (институты, разделение властей и политическое поведение).

Таблица 1

Разделы, освещенные в статьях и специальных выпусках SPSR (1995–2005 гг.)

Раздел	Статьи	Специальные выпуски	Дискуссии
1. Политическая теория и политическая философия	6		1
2. Национальная и сравнительная политология:			
местная политика	14		
публичная политика и публичная администрация	58		9
политические институты и политическая жизнь	47	4	6
политические силы	14		
политическое поведение	21		
внешняя политика	14	2	
европейская политика	15	1	
3. Международные отношения и международные исследования:			
региональные (страноведческие) исследования	1		
международные отношения	2		2
4. Другие области (гносеология, методология)	10	1	1
Всего	202	8	19

3.2. Финансирование исследований Швейцарским национальным научным фондом (SNSF)

SNSF является ведущей швейцарской организацией, способствующей развитию научных исследований (Benninghoff, Leresche, 2003). Созданный в 1952 г. фонд поддерживает проекты, проводимые в рамках

университетов, и выдает стипендии как молодым, так и уже известным исследователям. Поскольку в Швейцарии нет национальной организации, которая занималась бы исключительно исследовательской деятельностью (такой как CNRS во Франции), финансирование исследований в Швейцарии обычно проводится в форме исследовательских контрактов, и в этом плане SNSF является наиболее важным источником финансирования гуманитарных и общественных наук.

SNSF выделяет субсидии на исследования двух категорий. Субсидии первого типа поддерживают независимые теоретические исследования. Второй тип субсидий предназначен целевым исследованиям, соответствующим исследовательским планам, утвержденным государственными властями. Целевые исследования подразделяются на три вида: национальную исследовательскую программу (NRP), введенную в 1976 г.; швейцарскую приоритетную программу (SPP), которая действовала с 1991 по 2003 г.; и национальные центры профессионального соответствия исследованиям (NCCR), созданные в 1999 г.

3.2.1. Независимые теоретические исследования

За последние десять лет SNSF поддержал более 50 проектов различного объема в области политических наук. В большинстве этих проектов применяется анализ типов публичной политики (экологической, научной, социальной, экономической, иммиграционной и т.п.), с одной стороны, и политического поведения и институтов (референдумы и выборы, общественные движения, политические партии, институты непосредственной демократии и т.п.) — с другой. Кроме того, половина этих исследований уделяет внимание проблемам Швейцарии, а остальные имеют отношение к сравнительным исследованиям (сравнительным политическим системам, сравнительной публичной политике). Остальные проекты связаны с областью международных отношений (менее десяти проектов).

3.2.2. Целевые исследования

Национальные исследовательские программы (NRP). Возникшие в середине 1970-х годов NRP имеют тематическую направленность, и большая их часть носит междисциплинарный характер. С 1995 по 2005 г. в рамках 14 программ (табл. 2) NRP финансировал проведение 46 проектов в области политических наук по широкому спектру проблем (правовой и социальный статус женщин, отношения между Швейцарией и Южной Африкой, правый экстремизм и т.п.).

В таблице 3 отражены в основном проекты, связанные с анализом публичной и внешней политики, главным образом за счет большого числа проектов NRP (42), сосредоточенных исключительно на внеш-

Таблица 2

Распределение проектов NRP, составной частью которых являются политические науки

NRP	Проекты по политическим наукам
27: Эффективность действий правительства	3
31: Климатические изменения и опасность стихийных бедствий	1
35: Социальный и правовой статус женщин — пути к равенству	2
39: Миграция и межкультурные отношения	2
40: Насилие в повседневной жизни и организованная преступность	2
40+: Правый экстремизм — причины и ответные меры	3
41: Транспорт и экология: взаимодействие Швейцарии и Европы	5
42: Основы и перспективы внешней политики Швейцарии	18
42+: Отношения между Швейцарией и Южной Африкой	2
43: Образование и занятость	3
45: Будущие проблемы государства всеобщего благосостояния	1
49: Устойчивость к антибиотикам	1
52: Детство, юность и отношения между поколениями в изменяющемся обществе	1
54: Устойчивое развитие в антропогенной среде	2
Всего: 14 программ	46

ней политике Швейцарии. Два из них имеют отношение к анализу публичной политики, а остальные проекты связаны с проблемами внешней политики и международных отношений.

Швейцарские приоритетные программы (SPP). Как и NRP, SPP имеет тематическую направленность. С 1995 по 2005 г. в рамках SPP были осуществлены четыре проекта, одним из которых был проект по политическим наукам «SPP Швейцария: на пути к будущему». Им руководил Ханс-Петер Криспи, профессор Университета Женевы, а позднее — Университета Цюриха. Этот проект был направлен на укрепление в

Таблица 3

Отрасли, охваченные исследованиями, финансированными SNSF (1995–2005 гг.)

	NCCR (2)	SPP (1)	NRP (14)	Всего
1. Политическая теория и политическая философия				
2. Национальная и сравнительная политология:				
местная политика	1	2		3
публичная политика и публичная администрация	1	2	21	23
политические институты и политическая жизнь	2	6	2	10
политические силы	1		2	3
политическое поведение	2			2
внешняя политика			18	17
европейская политика			1	1
3. Международные отношения и международные исследования:				
страноведческие исследования	2			2
международные отношения	3			3
4. Другие подразделы			2	
Всего	12	10	46	64

Швейцарии позиций общественных наук отчасти за счет развития связей между исследователями. С 1996 по 2004 г. по пяти тематическим разделам было выполнено 57 проектов, имевших целью развитие междисциплинарного сотрудничества в области общественных наук. В рамках трех тематических разделов были проведены 10 проектов по политическим наукам: «Наука и техника» (1 проект), «Информация и общество средств массовой информации» (1 проект) и «Институциональные изменения» (8 проектов). Как явствует из табл. 3, эти проекты в основном были связаны с местной политикой, политическим анализом и политическими институтами. Большая часть исследователей, принимавших в них участие, была привлечена из четырех крупнейших институциональных центров развития политических наук в Швейцарии — Берна, Женевы, Лозанны и Цюриха. За счет большого числа проектов и занятых в них исследователей «SPP Швейцария: на пути к будущему» представляет собой одно из самых крупных достижений исследовательского сообщества швейцарских политологов с 1995 г.

Национальные центры исследовательской компетентности (NCCR). NCCR лишь недавно начали включать в свои исследовательские планы политические науки. Вплоть до 2005 г. только несколько политологов, главным образом из Высшего института исследований проблем развития в Женеве, принимали участие в проекте «NCCR Север-Юг: партнерство в исследованиях по смягчению симптомов глобальных изменений», но участие этих политологов в проекте было второстепенным. С 1999 г., когда Государственный секретариат по вопросам образования и исследований впервые обратился с предложением о подаче заявок, NCCR имели в виду лишь проекты в области естественных и инженерных наук. Такое положение сохранялось до октября 2003 г., когда NCCR добавили к списку подаваемых заявок общественные науки. В марте 2005 г. были созданы шесть новых NCCR, в том числе «NCCR демократия: проблемы демократии в XXI веке», междисциплинарную исследовательскую программу, включающую десять проектов по политическим наукам. Руководимая профессором Хансом-Петером Криспи и расположенная в Институте политических наук Университета Цюриха, эта программа призвана дать оценку воздействия глобализации и европейской интеграции на легитимность государства, а также проанализировать, как изменения в средствах массовой информации воздействуют на общественную жизнь. В состав NCCR входят пять исследовательских подразделений, где ведется работа над семнадцатью исследовательскими проектами, десять из которых возглавляются политологами.

Как видно из табл. 3, проекты NCCR в области политических наук охватывают большую часть традиционных отраслей дисциплины, и в этом качестве они опираются на работу ведущих специалистов в данных отраслях. Кроме того, они располагаются в ведущих швейцарских организациях, занимающихся политическими науками. Поскольку вопрос о финансировании на 2008 г. уже решен положительно, последняя исследовательская программа имеет весьма вероятные шансы на то, чтобы сыграть основную роль в развитии дисциплины в ближайшие годы.

3.3. Политическая система Швейцарии: основной объект исследований

Учитывая институциональную специфику швейцарской политической системы (федерализм, непосредственная демократия и т.п.), важ-

ное направление исследований составляет анализ политического поведения (референдумы и выборы). С 1977 г. каждый референдум (за последние десять лет на национальном уровне было проведено более 100 таких референдумов) составлял предмет крупного исследования, финансируемого Федеральным канцлерством (VOX). Это исследование проводится частной организацией по опросу общественного мнения (GfS. Bern) и тремя политологическими центрами (в университетах Цюриха, Берна и Женевы). Проведенный анализ в основном сосредоточен на формировании общественного мнения и политических отношений, осведомленности электората о вопросах, поставленных на голосование, процессах принятия решений избирателями и значении, которое они придают референдуму.

С 1995 г. объектом систематического изучения, проводимого в рамках программы SELECTS (организации по проведению швейцарских электоральных исследований), также стали федеральные выборы, причем эта организация только выигрывает от сотрудничества с основными исследовательскими политологическими институтами в стране. Анализ сосредоточен на формировании общественного мнения и электорального поведения. В зависимости от выборов исследователи SELECTS в основном изучают воздействие кантональных изменений, избирательные кампании или эволюцию электорального поведения.

С 1998 г. при Статистическом управлении кантона Тичино было создано подразделение по проведению анализа политической жизни (*Osservatorio della vita politica, OVP*). Это подразделение, занимающееся исследованиями и составлением документации, представляет собой небольшую группу исследователей, главной задачей которых является изучение выборов и более широких аспектов политической жизни Тичино. Сотрудниками подразделения опубликовано около двадцати исследований, включая работы по анализу итогов голосования, системам выборов, политическому участию и политическим партиям.

Кроме этого, *Année politique suisse*, ежегодно издаваемый небольшой группой исследователей Университета Берна, представляет собой краткий обзор основных событий политической жизни Швейцарии за каждый год на основе систематических обзоров материалов швейцарских средств массовой информации. Эта группа располагает базой данных и центром документации (в котором содержатся классифицированные вырезки примерно из двадцати швейцарских периодических изданий) по швейцарской политике. Там также периодически издаются исследования о политических партиях, федеральных выборах и отдельных областях публичной или институциональной политики (сельском хозяйстве, Европейском союзе и т.п.).

4. Комментарий и выводы

За последние годы политические науки в Швейцарии прошли достаточно важный период развития. Численность студентов, преподавателей и исследователей в этой области продолжает увеличиваться. Изменение учебных планов в соответствии с требованиями Болонской декларации проводится в жизнь, набирает обороты исследовательская деятельность, увеличивается количество публикаций. Дисциплина укрепляет позиции в сфере высшего образования Швейцарии, прочно утвердившись в пяти университетах и таком же количестве специализированных институтов. В целом продолжает развиваться тенденция к углублению профессионализации и академического признания за последнее десятилетие. Краткий обзор статей, опубликованных в *Revue suisse de science politique* («Швейцарском журнале политических наук»), также позволяет сделать вывод о том, что швейцарские политологи все в большей степени становятся восприимчивы к внешним влияниям, включая сравнительные подходы и заимствуя теоретические концепции, которые они черпают прежде всего из англоязычной литературы.

Тем не менее эти замечания требуют некоторых уточнений. С одной стороны, достаточно важное значение политических наук в Швейцарии следует рассматривать в свете сравнительно небольшого размера страны. С другой стороны, гуманитарные и общественные науки все еще представляют собой в Швейцарии молодые отрасли науки, а политические науки занимают среди них отнюдь не главенствующие позиции. Кроме того, увеличение количества их подразделов, очевидно, способствует развитию специализации, однако неравномерность в их развитии может вызвать определенные трудности, поскольку некоторые из них будут отставать. Имея это в виду, следует подчеркнуть, что господствующие позиции в политических науках в Швейцарии, несомненно, занимают три субдисциплины: международные отношения (с особым акцентом на ЕС и отношения с ним Швейцарии), сравнительный анализ публичной политики, а также швейцарские политические институты и политическое поведение. И в заключение: не следует забывать о том, что исследования в Швейцарии финансируются в основном на базе государственных контрактов, что предполагает приоритет целевых исследований над независимыми теоретическими. Учитывая тот факт, что швейцарский Национальный научный фонд имеет возможность определять положение дисциплины за счет своей роли в ее финансировании, вполне уместно предположить, что академическая свобода в области политических наук в Швейцарии продолжает оставаться сравнительно уязвимой. И это обстоятельство, несомненно, будет представлять основную проблему в ближайшие годы.

Примечания

[1] В 1999 г. на двухлетний период были введены две докторские программы (одна по политическим наукам и одна по международным отношениям). В 2006 г. начато проведение двух новых программ — одной в качестве проекта, направленного на расширение сотрудничества между факультетами университетов Женевы, Лозанны, Фрибура, Невшателя и Берна, а другой в качестве части междисциплинарной Приоритетной исследовательской программы NCCR по политическим наукам и коммуникациям при Институте политических наук Университета Цюриха.

[2] Прерогативы формирования политики в области образования в Швейцарии *разделены* между различными уровнями кооперативной федеральной системы, в соответствии с которой федеральные власти и руководство кантонов сотрудничают при определении политики в области образования, исходя из принципов разделения труда, различающихся в зависимости от той или иной области применения. В сфере политики в области образования, инженерного дела и других профессиональных программ, предлагаемых техническими учебными заведениями в Цюрихе и Лозанне, а также в специализированных институтах, руководящая роль принадлежит федеральным властям. Университеты также финансируются из федерального бюджета, несмотря на то что некоторые из них остаются под контролем кантонов. Каждый университет действует в соответствии с законами кантона, в котором он расположен, что определяет высокую степень их самостоятельности в области принятия решений, затрагивающих их внутреннюю организацию и исследовательские приоритеты.

[3] Термин «высший» в данном случае означает, что учебное заведение дает диплом выше бакалавра.

[4] См. примечание 3.

[5] Помимо координации работы с Международной ассоциацией политических наук (IPSA) и Европейским консорциумом политических исследований (ECPR) SPSA поддерживает постоянные связи (в основном в ходе совместных конференций) с немецкой и австрийской ассоциациями политических наук, а также с франкоговорящими ассоциациями в Квебеке, Бельгии и во Франции.

Литература

Auer, Andreas (2005): "Avis de droit: la declaration de Bologne et le fédéralisme universitaire en Suisse", Université de Genève (document ronéoté).

Benninghoff, Martin, Jean-Philippe Leresche (2003): *La recherche: affaire d'Etat*, Lausanne: Presses polytechniques et universitaires romandes, Collection Le Savoir suisse.

Gottraux, Philippe, Pierre-Antoine Schorderet, Bernard Voutat (2000): *La science politique suisse à l'épreuve de son histoire*, Lausanne: Réalités sociales.

Gottraux, Philippe, Pierre-Antoine Schorderet, Bernard Voutat (2004): "La creation de l'Association suisse de science politique: emergence d'une discipline scientifique", *Revue suisse de science politique* (1): 1–28.

Klöti, Ulrich (1991): "Political Science in Switzerland", *European Journal of Political Research* (20): 413–424.

Linder, Wolf (1996): "Schweizeriche Politikwissenschaft: Entwicklunden der Disziplin und ihrer Literatur", *Revue suisse de science politique* 2(4): 71–98.

Office federal de la statistique (2005a): *Examens final des Hautes écoles universitaires 2004*, Neuchâtel: Office federal de la statistique.

Office federal de la statistique (2005b): *Le baromètre de Bologne: l'introduction de filières d'études échelonnées dans les hautes écoles suisses*, Neuchâtel: Office federal de la statistique.

Rüegg, Erwin (1992): *Untersuchung zur Situation der Sozialwissenschaftlichen Forschung in der Schweiz: Bericht für die Politikwissenschaft*, Bern: Schweizerischer Wissenschtsrat.

Майкл Голдсмит, Уин Грант

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

1. Введение

На пороге XXI в. политические науки в Великобритании находятся на подъеме. Количество студентов, обучающихся политическим наукам, продолжает оставаться высоким; проведенные оценки показали, что качество преподавания отличное; как и раньше, ведется очная и заочная подготовка будущих докторов наук, в число которых входят многие иностранцы, а в плане исследовательской деятельности британские политические науки прочно занимают второе место, уступая лишь Соединенным Штатам. Их профессиональная организация — Ассоциация политических исследований Великобритании, в 2000 г. отметившая 50-ю годовщину, продолжает привлекать рекордное количество политологов и предоставляет им широкий спектр услуг, включающих ежегодные конференции, издаваемые и рассылаемые членам журналы, поддержку отдельных групп специалистов и аспирантов, а также гранты на поездки политологов на международные конференции.

В 1980-х годах политические науки в Великобритании столкнулись с рядом проблем, связанных со снижением финансирования высшего образования, позже, в том же десятилетии, — с введением оценки исследований, а на рубеже тысячелетий — оценки качества преподавания, но смогли их преодолеть. В настоящее время мы ожидаем какие результаты даст оценка исследований 2007 года, а также как будут развиваться события в области высшего образования в Европе.

1.1. К истории вопроса

Политология как дисциплина преподается с конца XIX в. — в той или иной форме ее преподавали в Оксфорде. Области преподавания и исследований расширились со времени создания в 1895 г. Лондонской школы экономических и политических наук (LSE). Тем не менее первый профессор политических наук, Грэм Уоллас, был назначен только в 1914 г., хотя Сидней Уебб (один из основателей школы) стал профессором публичной администрации в 1912 г., а влиятельный специалист по

28-6054

конституционному праву А. И. Дайси читал там лекции с 1896 г. Развитие науки на протяжении первой половины следующего столетия проходило сравнительно медленно, в нескольких университетах были созданы кафедры дисциплины, но распространение изучения политики в британских университетах стало активно развиваться лишь после Второй мировой войны. До тех пор наиболее авторитетным представителем профессии оставался профессор LSE Гарольд Ласки. Дальнейший стимул развитие дисциплины получило после создания в Оксфорде Наффилдского колледжа, ректор которого Д. Н. Честер привлек к работе компетентных специалистов в этой области, в число которых входили Дэвид Батлер и растущее число выпускников. В 1949 г. в университетах Манчестера и Ливерпуля первыми заведующими кафедр политических наук были назначены У. Дж. М. (Билл) Маккензи и Уилфрид Харрисон, и на протяжении следующих двух десятилетий эти трое ученых занимали в рамках дисциплины ведущие позиции, причем каждый из них оставил после себя учеников и последователей. Однако справедливости ради следует отметить, что никто из них не создал собственного направления научной мысли — каждый из них по-своему был очень набожным католиком, более заинтересованным в стимулировании студентов и колледжей к расширению областей деятельности и проверке новых идей, хотя они всегда отличались высокой требовательностью к качеству академической работы. В 1949 г. была образована Ассоциация политических исследований (PSA) Великобритании, учредительное заседание которой состоялось в марте 1950 г. На нем были приняты решения об организации ежегодных встреч, на которых должны представляться доклады, обсуждаемые в узком кругу работающих по специальности политологов, а также об издании ежеквартального журнала *Political Studies*, который будет рассылаться членам ассоциации по подписке. Членами ассоциации могли стать только те специалисты, которые преподавали политологию в университете. В настоящее время это требование изменилось, и в ассоциацию могут вступать все желающие, интересующиеся изучением политических наук. Важно подчеркнуть, что в названии ассоциации использовано слово «исследования». Ее основатели отвергали идею американцев о политике как науке, предпочитая рассматривать исследования в области политики не столько как науку, сколько как искусство. В то время такое различие было достаточно важным, и оно продолжало существовать до конца 1960-х годов, что сыграло определенную роль в более позднем признании поведенческого и количественного подходов к дисциплине в Великобритании, хотя при изучении политики там всегда уделялось большое внимание политической мысли и институтам. Как отмечал Джек Хейуорд (1996 г.), в середине

прошлого века отношение к американскому бихевиоризму было резко отрицательным, и даже в настоящее время большинство факультетов называются факультетами политики и управления, а не политических наук. Именно в этом иногда проявляется отличие британского подхода к изучению политики, которое препятствует привнесению в дисциплину американских концепций в полном объеме, как это было в 1950-х годах с бихевиоризмом или в 1990-х годах с теорией рационального выбора. Наряду с этим здесь стремятся защитить позиции, связанные с *национальным государством*. Политология в Великобритании характеризуются эклектизмом и готовностью к совершенствованию за счет приспособления и изменений.

К началу 1960-х годов политологию преподавали в большинстве существовавших тогда университетов и университетских колледжей. Но подлинное развитие преподавания и исследований наступило позже, в этом же десятилетии, в частности после создания в середине 1960-х годов нескольких десятков университетов, последовавшего после открытия политехнических институтов — высших учебных заведений, где предполагалось сделать больший упор на преподавание прикладных дисциплин, в состав которых входит публичная администрация. Именно в этот период получили свои должности первые профессора в институтах в Эссексе, Сассексе и Уорике, и все эти университеты со временем стали широко известны в Великобритании как важные центры изучения политики. Особенно большую роль в плане международного развития британской политологии играл Эссекский университет, поскольку он действовал (и продолжает действовать) в качестве административного центра Европейского консорциума политических исследований (ECPR), там проводятся летние политологические школы. В результате многие британские университеты присоединились к ECPR, а многие их выпускники с кафедр политических наук также посещали летнюю школу, встречались с коллегами из различных европейских университетов, и в результате была создана структура, которая впоследствии стала основой для международного сотрудничества в области преподавания и исследований.

1.2. Преподавание

В настоящее время политология преподается в 90 высших учебных заведениях Британии — чаще всего как основной предмет, однако главным образом совместно со вторым профилирующим предметом, таким как история, язык или другая общественно-научная дисциплина. Политологию также преподают в рамках других специализированных программ, таких как европейские или американские исследования. Помимо непродолжительного периода в 1980-х годах (когда урезание финансирования

серьезно затронуло общественные науки) политология всегда пользовалась популярностью среди студентов. По оценкам, около 3000 студентов специализируются по политологии как главному предмету и, возможно, в десять раз больше студентов выбирают ее как дополнительную специализацию. Большая часть бакалаврских программ в гуманитарных науках рассчитана на трехлетний срок обучения, хотя те из них, что в большей степени ориентированы на практическую деятельность (например, публичная администрация), могут продолжаться четыре года (при этом один год приходится на стажировку). Точно так же программы европейских или американских исследований или те, которые рассчитаны на изучение иностранного языка, как правило, включают год обучения за границей в зарубежном учебном заведении или стажировку. В результате, как отмечал Хейуорд (1996 г.), большинство британских студентов завершают обучение по программе первого диплома (обычно продолжающееся три года) в 22–24 года или ранее, будучи значительно моложе, чем европейские студенты, многие из которых четыре или пять лет учатся на бакалавра или магистра гуманитарных наук, при этом поступление в высшие учебные заведения может происходить в более зрелом возрасте из-за воинской службы.

Несмотря на постоянно увеличивающийся рост численности студентов, количество преподавателей остается сравнительно небольшим (3%), если рассматривать его в процентном отношении к общему количеству преподавателей в Великобритании, а сама дисциплина в большинстве университетов остается достаточно скромной и по числу учащихся. В последнее время наблюдалось некоторое увеличение численности профессорско-преподавательского состава: Хейуорд (1996 г.) отмечал, что в 1993 г. число преподавателей политологии составляло 1338 человек. В настоящее время их количество превысило 2100 человек. В этом плане следует отметить три тенденции: во-первых, за последние пятнадцать лет имело место значительное увеличение числа женщин-преподавателей. В обзоре PSA за 2003 г. отмечается, что четверть политологов составляют женщины, подавляющее большинство среди них (96%) — белые. Во-вторых, наблюдается рост численности ученых, работающих на основе временных контрактов, хотя 85% политологов Великобритании работают на постоянных договорах. И в-третьих, с 1993 г. происходило увеличение числа занятых на временной основе, хотя на сегодняшний день их количество не превышает 5%. Около трех четвертей британских политологов работают в «старых» университетах, и лишь около пятой части заняты в «новых» университетах или бывших политехнических институтах. По сравнению со «старыми» университетами, где численность профессоров доходит до 30%, в «новых» университетах их меньше (22%). Возрастные параметры профессорского состава дают основание полагать, что на

протяжении следующих 10–15 лет в связи с их выходом на пенсию возникнет проблема замены сотрудников. Почти каждый третий из них за год до проведения обзора хотел сменить работу, причем 80% стремились при этом остаться в сфере высшего образования.

Преподавательские и исследовательские интересы. В приводимой ниже табл. 1 представлены сведения, касающиеся исследовательских интересов британских политологов, информация о которых собрана в материалах обзоров профессиональной деятельности, проводившихся с 1987 по 2003 г. В плане исследовательских интересов, где одни области накладываются на другие, существует строгая последовательность соотношения политологов, работающих в разных направлениях дисциплины. В последние годы особенно заметно возрос интерес к международным отношениям, что было вызвано увеличением численности как студентов, так и аспирантов, стремящихся специализироваться в этой области. Другим направлением развития стали европейские исследования, что отражало возросшее в этот период значение ЕС. Если приведенные в таблице данные за 2003 г. продолжают сохранять актуальность, они также свидетельствуют о тесной связи преподавательских и исследовательских интересов. При этом, естественно, не следует забывать о том, что большинство ученых занимаются преподавательской и исследовательской деятельностью более чем в одном направлении дисциплины, хотя из таблицы явствует, что большая часть преподавателей не столько занимается исследовательской работой как таковой, сколько обучает методологии исследований.

Что касается постдипломного образования, политические науки зарекомендовали себя как наиболее популярная область общественных наук как у студентов, обучающихся на диплом магистра, так и у соискателей степени доктора наук. Особенно быстро спрос на программы магистра стал расти с 1970-х годов, большая часть из них была рассчитана на один год, и они носили специализированный характер. В числе других эти программы включали такие области дисциплины, как политическое поведение, политическая мысль, методы исследований, международные отношения и региональные исследования. Большая их часть предусматривала серьезную методологическую подготовку, особенно учитывая возросшие требования к повышению методологического мастерства при подготовке докторов наук. На протяжении последних 10 лет основное учреждение, присваивающее большую часть докторских степеней, Совет по экономическим и общественно-научным исследованиям (ESRC) повысил требования к методологии для признаваемых им британских программ подготовки докторов наук. Хотя такой шаг не препятствует университетам предлагать программы подготовки докторов (университеты являются автономными организациями и сами определяют, какого уровня программы они могут предлагать), им важно, чтобы эти про-

граммы официально признавались, поскольку в этом случае они смогут привлечь больше желающих получить постдипломное образование. Однако несмотря на последнее обстоятельство, в британских высших учебных заведениях за достаточно высокую плату на постдипломных программах обучается много зарубежных студентов, и кроме того, многие соискатели докторской степени продолжают обучение неполное учебное время — скорее из любви к самому предмету, чем из честолюбивых побуждений. Правда, и в этом отношении есть определенные сложности, поскольку одно из требований, предъявляемых ESRC к докторским программам, состоит в том, что диссертация должна быть защищена не позднее чем через четыре года после начала обучения. Если это требование не выполняется, высшее учебное заведение может лишиться признания своих программ.

Таблица 1

Преподавательские и исследовательские интересы британских политологов (1987–2003 гг.)

Область	1987 г., исследования (%)	1993 г., исследования (%)	2003 г. преподавание (%)	2003 г., исследования (%)
Американская политика			11,1	7,1
Британская политика	28,0	24,0	31,2	24,9
Сравнительная политология	38,0	36,0	35,0	25,4
Исследования развития			11,1	8,9
Экологическая политика			6,6	5,9
Европейские страны			27,4	22,1
Европейское сообщество			25,2	24,7
Гендерные исследования	4,0	5,0	8,5	7,1
Международные отношения	17,0	20,0	35,8	30,0
Местное управление	12,0	10,0	10,5	11,6
Политическое поведение	11,0	10,0	12,5	11,8
Политическая теория	23,0	22,0	24,7	21,3
Политическая философия			14,5	13,4
Публичная администрация/политический курс	23,0	22,0	21,5	20,7
Политическая экономия			14,7	15,6

Окончание табл. 1

Область	1987 г., исследования (%)	1993 г., исследования (%)	2003 г. преподавание (%)	2003 г., исследования (%)
Политическая социология			12,3	11,6
Методы исследования			25,2	8,3
Другие направления	11,0	10,0	21,6	19,5

Источник: Данные за 1989–1993 гг. приведены по: Haywood (1996); данные за 2003 г. представлены UK PSA. Более поздние данные основаны на опросах отдельных политологов; предшествующие — на опросах факультетов.

Вопросы качества обучения и исследований. Признание ESRC докторских программ и предоставление аспирантских стипендий является областью, в которой британская политология становится предметом все более тщательных проверок и регламентации. Несмотря на несостоятельную попытку «уравнивания в оценке» всех высших учебных заведений и учебных программ всех уровней (независимо от дисциплины), при которой — теоретически — диплом Оксфордского университета должен был бы приравниваться к диплому Попплтонского университета[1], введение в 1980-е годы системы национальных оценок исследований и аналогичных оценок качества преподавания в 1990-е годы, проводимых под эгидой Совета по финансированию высшего образования (HEFC), вновь усилило подмеченную Hayward (1996) тенденцию к созданию полуофициального рейтинга, который в основном формируется такими национальными газетами, как *The Times*, *Guardian* и *Times Higher Education Supplement*.

Дать однозначную оценку такой деятельности применительно к политологии в Великобритании достаточно сложно. Многие исследования, проводящиеся в этой области, не требуют значительного финансирования. Специалистам в области политической теории достаточно просто иметь время для размышлений над волнующими их проблемами или совсем немного средств для посещения архивов, где хранятся редкие источники. Значительная часть работы в области сравнительной политологии требует лишь средств на проезд в изучаемую страну. Однако, с другой стороны, значительная часть электоральных исследований требует существенных затрат. Тем не менее на политологов Великобритании оказывают все большее давление факультеты, на которых они работают, чтобы те привлекали дополнительное финансирование исследований по двум причинам, во-первых с ростом стоимости исследований и проведением оценки исследований.

В основе требований об обосновании FEC на исследовательские проекты лежит более широкая дискуссия о том, как должны финансироваться исследования в британских университетах. Практически существует единодушное мнение о том, что в 2008 г. RAE должна проводиться в последний раз. На это существует целый ряд причин: затраты на проведение оценки Советом по финансированию высшего образования Англии (*HEFCE*) (и аналогичными ему организациями в Шотландии и Уэльсе); возрастающие трудности поиска адекватных методов дифференциации на высшем уровне, что в еще большей степени чревато дискриминацией и путаницей в вопросах о предоставлении финансирования; а также противоречия в применяемых методологических подходах. Представляется вероятным, что элемент «R» публичного финансирования, получаемого университетами на основе эффективности их RAE, будет все в большей степени уступать место в конкурсной борьбе за средства, выделяемые исследовательскими советами большинству политологов Советом по экономическим и социальным исследованиям (*ERCS*) и Советом по гуманитарным наукам и искусству (*AHRC*), хотя растущее внимание к междисциплинарным проектам, проводимым совместно с представителями естественных наук, означает, что некоторые политологи в настоящее время получают средства от советов, финансирующих исследования в области естественных наук, например в рамках программы Сельской экономики и землепользования (*RELU*). Как это ни странно, одним из следствий сдвига в направлении финансирования на конкурсной основе станет увеличение операционных издержек для ученых, причем не только с точки зрения оценки проектов, но и в плане постоянного давления, которое будет оказываться с целью подачи новых заявок.

Исследовательские советы уже несут значительные накладные расходы на выдаваемые исследовательские гранты, которые идут на покрытие издержек на инфраструктуру университетов, причем в связи с FEC эти расходы, возможно, возрастут на 80%. Одним из следствий этого могут стать менее привлекательные финансовые условия подачи заявок на исследования в частные благотворительные фонды. Важными источниками финансирования для политологов являются такие фонды, как Leverhulme и Nuffield, которые часто считаются более доступными, менее бюрократизированными и в меньшей степени связанными с расходами на цели, не имеющие прямого отношения к исследованиям, чем средства, выделяемые исследовательскими советами. Наряду с Британской академией, финансируемой государством, фонд Nuffield предоставляет небольшие гранты на исследования, решения о выделении которых принимаются без проволочек. Это бывает очень полезно при

проведении пилотных проектов, результаты которых могут повлечь за собой более крупные исследования, а также они являются важным источником финансирования молодых политологов, получающих свой первый грант.

Бюджет ESRC составляет 119 млн фунтов стерлингов, причем около двух третей этой суммы расходуется на исследования и чуть меньше трети — на подготовку докторов наук. Метод, на основе которого распределяются средства на исследования, вызывает определенные разногласия. В широком плане гранты предоставляются тремя способами. Первый из них можно назвать «ответным». Любой ученый может подать заявку по проблеме, соответствующей тематике ESRC, и в том случае, если искомая сумма не превышает 100 тыс. фунтов стерлингов, решение принимается достаточно быстро. Этот способ особенно полезен для начинающих политологов. Во втором случае гранты на исследования предоставляются в качестве части «программы», имеющей основную объединяющую тему, которая имела бы академическое и политическое значение. В данном случае можно надеяться на то, что на проведение программы будет выделено больше средств, чем если бы средства выделялись на отдельные ее составляющие, поскольку исследователи в ходе работы должны сотрудничать при решении научных и практических вопросов. Сработает ли это на практике, отчасти зависит от руководителей программы, которые должны балансировать между тем, чтобы не мешать работе исследователей и в то же время суметь собрать воедино зачастую несопоставимые проекты. Несмотря на эти трудности, в последние годы в области политических наук было проведено несколько успешных программ. Их примерами могут служить исследовательская программа: «Одна Европа или несколько?», на которую было выделено 4 млн фунтов стерлингов (она проводилась на протяжении пяти лет и завершилась в 2003 г.); программа «Будущая управляемость», завершившаяся в 2004 г. и состоявшая из тридцати проектов, охватывавших широкий спектр вопросов, связанных с принятием решений в области публичной политики на основе межнационального опыта, а также программа «Передача власти и конституционные изменения», сосредоточенная на новых политических институтах в Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии и Англии, проведение которой было начато в 2000 г.

При третьем способе средства выделяются в форме исследовательских грантов для таких исследовательских «центров» ESRC, как Центр изучения глобализма и регионализма при Университете Уорика. Обычно такие центры стремятся объединить несколько дисциплин, например, центр в Уорике в основном сосредотачивал внимание на проекте, который большей частью был направлен на то, чтобы объединить эко-

номику, политику и международные исследования с привлечением других дисциплин, таких как право, социология и исследования в области бизнеса. Такие центры обеспечиваются финансированием на пять лет, после чего оно может быть продлено еще на пятилетний, а то и больший срок. Такого рода центры вполне могут обращаться за дополнительной финансовой поддержкой к другим исследовательским фондам, но ESRC обеспечивает финансирование основного штата исследователей. Для ESRC это составляет значительные финансовые обязательства, и некоторые политологи считают, что наилучшие результаты дают «ответный» способ финансирования и работа над программами.

Значительным источником финансирования для некоторых политологов являются программы, проводимые через структуры Европейского союза. Этот источник финансирования в большей степени имеет отношение к политологам, работающим в тех областях публичной политики, которые представляют интерес для ЕС, в частности экологической политики.

В этом случае накладные расходы как на создание международной исследовательской структуры, так и на непростое заполнение заявок считаются слишком высокими, и вовлеченная в процесс бюрократия отпугивает многих потенциальных претендентов на гранты. Некоторые политологи полагают, что комитеты COST (французская аббревиатура Европейского сотрудничества в области научно-технических исследований) представляют собой полезный механизм для создания в Европе структур, которые можно было бы использовать в качестве основы для подачи заявок на исследования по программам или формы финансирования исследований, не требующих слишком больших расходов.

Если говорить об исследованиях, следует отметить, что политологи Великобритании постоянно испытывают давление в связи с необходимостью готовить определенное число публикаций (или больше) после каждого этапа исследования — в противном случае как исследователи они будут списаны со счетов. С особой силой, по-видимому, это давление оказывается на молодых исследователей, от которых ожидают завершения работы над докторской диссертацией и публикации одной или двух статей до того, как они получат работу, а в отдельных случаях даже выхода в свет монографии или подготовки ее к печати. Каждая последующая оценка исследовательской деятельности ужесточает требования к качеству публикаций, а также к уровню работы как кафедр, так и отдельных исследователей. При проведении RAE ожидают отличной работы не только от самых лучших институтов, но и от многих других, особенно потому, что финансирование исследований HEFCE увязывается с рейтингом дисциплины[2].

Оценка RAE проводится на основе рассмотрения проблемы группой равных по уровню специалистов. Об их участии в деятельности различных комиссиий объявляется заранее, как и о тех критериях, на основе которых выносятся решения. Консультантами как при разработке критериев, так и при назначении членов комиссий выступают профессиональные ассоциации. С 1986 г. до настоящего времени были проведены четыре такие оценки, а следующая, назначенная на 2008 г., как ожидается, будет последней, и потому она приобретает особое значение.

Оценки RAE оказали противоречивое влияние на университетскую жизнь Великобритании, серьезно затронув политические науки и другие дисциплины. Первая оценка в этой области была проведена в 1992 г., хотя ей предшествовали более ограниченные и менее систематизированные попытки оценки качества исследований. Позднее аналогичные оценки проводились в 1996 и 2001 гг., а следующая назначена на 2008 г. Официальная позиция в этом вопросе заключается в том, что RAE представляет собой рецензирование коллегами, на основании которого учреждения, финансирующие высшее образование, могут избирательно распределять публичные средства на исследования. Организации, проводящие исследования лучше других, получают наиболее значительную часть выделяемых грантов, с тем чтобы поддерживать и развивать инфраструктуру тех университетов, где исследования проводятся на самом высоком уровне. При этом считается, что такой подход повышает международную конкурентоспособность британских исследований, в частности по отношению к Соединенным Штатам, и обеспечивает наилучшее использование общественных средств.

Одна из позиций, с которых выступают критики RAE, работающие в области гуманитарных наук, сводится к тому, что распределение средств проводится на базе модели, принятой в естественных науках, которая не может быть применима к общественным наукам. Большинство исследований в области естественных наук требует использования дорогого оборудования, которое должно быть сосредоточено в небольшом числе лучших исследовательских центров. Что же касается общественных наук, то здесь основная часть исследований носит индивидуальный характер и не требует дорогостоящего оборудования, хотя, вероятно, можно говорить об определенных преимуществах сотрудничества с коллективом ученых, имеющих схожие интересы и работающих в одном месте, несмотря на то что Интернет существенно снизил накладные расходы, связанные с сотрудничеством ученых, работающих в разных местах. Кроме того, высказывался и ряд других критических замечаний в отношении противоречий и непоследовательности методологии, используемой при проведении RAE.

Ситуацию с RAE нередко рассматривают с финансовых позиций и с точки зрения международной конкурентоспособности, однако здесь есть и собственно научная сторона вопроса. В прошлом многие факультеты политических наук в Великобритании характеризовались своего рода антиисследовательской культурой, при которой старые оксбриджские ценности с неприязнью рассматривались как «бумагомарание», если только в них не проявлялось «достигаемое без особого труда превосходство». Стремление к образованности нередко ассоциировалось со стремлением принадлежать к культуре избранных, при которой круговорот идей в среде ограниченной группы специалистов был предпочтительнее их широкого распространения. В настоящее время молодые специалисты оказываются в значительно более благожелательной исследовательской среде, где им предоставляют разнообразную помощь, поддерживают и обучают проведению исследований. По сравнению с периодом стагнации, который дисциплина переживала в сложные 1990-е годы, сейчас возникли возможности для более быстрого продвижения по службе. Зарплаты профессоров, работающих на полной ставке, уже не снижаются за счет «усредненных» профессорских ставок, и хотя суммы годовых окладов, достигающие шестизначных чисел в английских фунтах стерлингов, встречаются не так часто, как в естественных науках, экономике или бизнесе, но теперь и они не являются редкостью.

Неизбежным следствием проведения RAE стала более отчетливая и определенная иерархия университетов и факультетов, хотя, возможно, это произошло бы в любом случае, особенно после того, как в 1992 г. политехнические институты получили статус университетов и были открыты новые университеты. Когда в 2001 г. проводилась оценка качества, политические науки процветали, хотя их финансовое положение было не таким прочным, как многие надеялись. В таблице 2 приводятся подробные данные с оценками, из которых 5* указывает на то, что качество исследований соответствует как международным, так и национальным стандартам, а 3a — на то, что работа исследователей имеет национальное значение. В ходе проведения RAE в 2001 г. факультеты получали оценки от 1 до 5*, причем на исследования, качество которых оценивалось баллом 3a и ниже, финансирование не выделялось, а средства на исследования факультетам, качество исследований которых оценивалось на 4 балла, сокращались более чем на 40%. Одним из следствий таких решений в области финансирования стало усиление давления на небольшие факультеты политических наук в традиционных университетах. Ассоциация политических исследований (PSA) вместе с другими ассоциациями общественных наук резко выступила против дальнейшего снижения финансирования факультетов, исследовательская деятельность которых получила

оценку 4, и ее представители тогда же встречались по этому поводу с министром образования. Несколько факультетов бывших политехнических институтов в ходе проведения RAE в 2001 г. получили высокие оценки, в частности Университет Де Монфорт, расположенный в Лестере, получил оценку 5, а Университет Ковентри, Университет Западной Англии в Бристоле и Университет Вестминстера получили оценку 4s.

Как и во многих других областях, результаты оценки свидетельствовали о значительном улучшении положения дисциплины по сравнению с предыдущей оценкой. Они отражали не только повышение качества, но и лучшее понимание многими институтами требований, которые следует выполнять, чтобы получить высокую оценку. В ходе RAE 2001 г. оценку прошли 69 центров изучения политики и международных отношений, но лишь пять из них получили желанную оценку 5*. Университет Эссекса прочно зарекомендовал себя в области электоральных исследований. Королевский Колледж в Лондоне добился высокой репутации в области военных исследований. Оксфордский университет оказался на втором месте по численности поступивших (штат — 70,5), он широко известен как диапазоном, так и глубиной охвата дисциплины. Университет Шеффилда представляет собой пример того, как следует организовывать руководство факультетом, имеющим заслуженную репутацию в области политической экономии. Университет Уэльса в Аберистуите известен глубокими работами в области международных исследований. Два университета заслужили высокую репутацию за их вклад в развитие дисциплины и получили оценку 5: Лондонская школа экономики (LSE) и Университет Манчестера. LSE, где действуют два отдельных факультета — управления и международных отношений, известна тем, что там работает самое большое число сотрудников по сравнению с любым другим центром, прошедшим оценку (76). Как и Оксфорд, она славится широтой и глубиной вклада в развитие дисциплины, а также тем, что там работают несколько широко известных ведущих специалистов в области политических наук. На факультете в Манчестере, также являющемся одним из первопроходцев в области развития политологии в Великобритании, тоже работает ряд выдающихся специалистов, к числу которых с 2001 г. прибавились прекрасные молодые ученые. В Шотландии ни один факультет не получил оценки 5*, но три из них получили оценку 5 (Глазго, Святого Андрея, Стратклайд). Университет Королевы в Белфасте также получил оценку 5.

В результате в HEFCE пришли к выводу, что не могут финансировать центры на том же уровне, что и после предыдущей оценки, в связи с чем те организации, которые получили оценку 3a, утратили право получать финансирование на исследования, а финансирование тех инсти-

тутов, которые получили оценку 5, снизилось до уровня, доступного ранее факультетам, получившим оценку 4. В итоге такого пересмотра схемы финансирования не только не наметились улучшения в области исследований, но сама идея оценки качества и деятельности HEFCE была серьезно дискредитирована. В результате правительство изыскало дополнительные средства на финансирование исследований, однако при этом стремилось выделять их на нужды факультетов, рейтинг которых был достаточно высок. В частности, это выразилось в том, что те факультеты, которые раньше получили оценку 5* и подтвердили ее в ходе оценки 2001 г., получили оценку 6*, тем самым обеспечив себе право на дополнительное финансирование. В обзоре состояния дисциплины, проведенном PSA в 2003 г., менее одного из пяти респондентов высказали мнение о том, что применение такой процедуры финансирования является удовлетворительным. Позже процесс оценки исследований был пересмотрен (обзор Робертса), что нашло отражение в существенном изменении правил и состава комиссий для проведения оценки в 2008 г. Консультантом по вопросу о форме проведения новой оценки выступила Ассоциация политических исследований Великобритании, и новые предложения нашли широкую поддержку.

При проведении оценки RAE в 2008 г. будет создана «главная комиссия», в состав которой войдут представители нескольких дисциплин, чтобы обеспечить большую степень согласованности между дисциплинами и не допустить небезосновательных подозрений в том, что представители некоторых дисциплин пытаются окольными путями завысить свой рейтинг. Тем не менее основная работа будет проводиться подкомиссией по политологии и международным отношениям под председательством профессора Тони Пэйна, снискавшего заслуженное уважение коллег. При отборе членов подкомиссии, интересы которых охватывают различные области дисциплины, большую роль сыграли консультации с представителями двух профессиональных ассоциаций — Британской Ассоциации политических исследований (BPSA) и Британской ассоциации международных исследований (BISA). Качественные параметры будут разработаны с участием каждого факультета по шкале от 1 до 4, где 4 — работы мировой значимости с точки зрения оригинальности, значения и тщательности выполнения. При разработке параметров качества 75% оценки будут относиться к результатам исследования, как правило, работам, состоящим из четырех частей, поданным каждым исследователем и положительно оцененной членами подкомиссии. 20% оценки будут относиться к условиям исследований, в частности, бюджету исследования и докторантам, а 5% — признанию в профессиональном сообществе. Принятое решение должно будет сыграть

Таблица 2

Исследовательский рейтинг HEFCE, политика, 2001 г.

5*	5	4	3a	3b
Эссекс	Астон+	Бранел	Центральной Англии	Дерби
Королевский Колледж (военные исследования)	Бат+	Кембридж	Хаддерсфилд	Мидлсекс
Оксфорд	Беркбек	Ковентри	Кент	
Шеффилд	Бредфорд (исследования проблем мира)	Дарем	Королевский	
Аберистуит	Бристоль	Восточной Англии	Колледж (оборонные	
	Кардифф	Голдсмит+	исследования)	
	Де Монфорт	Кент+	Лидс Мет.	
	Экситер	Ланкастер	Лондон Мет.	
	Ланкастер+	Лидс	Манчестер Мет.	
	LSE	Ливерпуль	Нортумбрия+	
	Логборо+	Ноттингем	Ноттингем Трент	
	Манчестер	Королевы Мэри	Открытый	
	Портсмут+	Саутгемптон	Оксфорд Брукс	
	Рединг	Сассекс	Плимут	
	Солфорд+	Западной Англии	Стаффордшир	
	Саррей+	Вестминстер	Южный берег+	
	Университет Coll+	Абердин	Сандерленд	
	Уорик	Данди	Университет Coll	
	Йорк	Эдинбург	Вулверхемптон	
	Глазго	Эрриот Уатт+	Роберт Гордон	
	Стратклайд	Пейсли+	Стерлинг	
	Королевы/Белфаст		Суонси	
			Ольстер	

Примечание. «+» — Европейские исследования со значительным штатом в области политики.

большую роль при будущем финансировании и определении рейтинга факультетов политических наук.

Другая проблема, с которой столкнулись политические науки на рубеже тысячелетий, сводится к оценке качества обучения, что имеет отношение ко всем дисциплинам, преподаваемым в высших учебных заведениях. Оценки проводились Агентством Великобритании по обеспечению качества с 1993 г., причем первые из них оставляли желать лучшего, а первое рассмотрение по истории вызвало гневные протесты. В связи с этим Ассоциация политических исследований Великобритании выразила свою точку зрения о необходимости внесения изменений. В результате оценка дисциплины была отложена до 2000–2001 г., а к тому времени вся система оценки качества уже подверглась пересмотру. Кроме того, Ассоциация политических исследований Великобритании также оказывала факультетам активную помощь в подготовке к рассмотрению на встречах с руководителями факультетов, а тот факт, что этот предмет возник достаточно поздно, означал, что в большей части учебных заведений сначала проводились многочисленные оценки по другим дисциплинам, и это дало возможность лучше подготовиться к рассмотрению. В результате политология и международные отношения получили неплохую оценку качества преподавания, причем по крайней мере треть факультетов получила отличный рейтинг в области обучения, набрав в общей сложности 22–24 балла по шести оценивавшимся элементам. Наряду с факультетами Оксфорда, Эссекса, Манчестера и Шеффилда, получившими 24 из 24 баллов, отличную оценку получили менее известные высшие учебные заведения, такие как университеты Де Монфорт и Гринвич. Сам процесс оценки включал в себя двух- или трехдневный визит независимой оценочной профессиональной комиссии в составе председателя и до четырех членов комиссии из разных аналогичных рассматриваемому учреждений, проводящих независимую профессиональную оценку. Хотя члены комиссий проводили много времени в аудиториях, посещая лекции, семинары и практические занятия, а также читали письменные работы студентов, большое внимание они уделяли и встречам с сотрудниками, во время которых стремились понять, как тем удалось достичь высокого мастерства в деле обучения, будь то вопросы, связанные с учебными планами, или помощь и поддержка студентов в учебе, их успехи и продвижение и т.п. Наряду с тем, что в целом проведенная оценка, вне всяких сомнений, помогла определить, что качество преподавания политических наук в британских университетах весьма высокое, для большинства факультетов она оказалась дорогостоящим мероприятием, на которое было потрачено много времени. В частности, сотрудники факультетов должны были предоставлять слишком большое количество документов. И снова в отчете PSA за 2003 г. менее четверти респондентов высказали мнение о том, что такие оценки «предоставляют благоприятную возможность для выявления положения в области преподавания и его организации». Тем не менее результаты этой оценки, как и оценки исследовательской деятельности, играют важную роль в создании рейтинга учебных заведений в газетах, причем многие из них используют результаты обеих оценок в рекламных целях при наборе студентов.

Недавно предметом активного обсуждения стали следующие два вопроса, неразрывно связанные друг с другом. Первый из них относится к базовым учебным планам по политологии, а второй касается основных параметров дисциплины. Проблема базового учебного плана[3] возникла как одна из составных частей дебатов вокруг Болонского процесса и характера трехлетней программы бакалавра гуманитарных наук. Наряду с другими профессиональными ассоциациями, а также Европейской ассоциацией преподавателей политологии (epsNet) Ассоциация политических исследований подала документ об основном учебном плане по политическим наукам во время берлинской встречи по Болонскому процессу в 2003 г. В этом плане интересно отметить, что 65% респондентов в опросе 2003 г. не считают, что существует необходимость в таком базовом учебном плане — скорее в свете традиций британской академической автономии, чем в силу того, что некоторые предметы не следует включать в программу обучения на диплом бакалавра гуманитарных наук.

Вопрос об основных параметрах дисциплины возник во второй половине 1990-х годов в ходе обсуждения, в которое были вовлечены Агентство по обеспечению качества высшего образования (QAA), высшие учебные заведения и другие заинтересованные стороны. В выводах первоначально проведенного исследования, основанного на трех областях политических наук, было сказано, что определение критериев таких параметров возможно, хотя и не без определенных сложностей (QAA, 1998). Эти параметры пытались определить в ходе ряда мер, предпринятых в 1980-е годы QAA с целью демонстрации того, как обеспечивается качество высшего образования в Великобритании. Для проведения этих мероприятий QAA организовало предметные комиссии, и такие группы по политологии и международным отношениям представили свои рекомендации в 2000 г. (QAA, 2000; Buckler, 2002).

1.3. Штат и набор студентов

Хейуорд (1996 г.) подчеркивал автономную природу британских университетов, несмотря на их зависимость от центрального правительства и его институтов прежде всего в плане финансирования как преподава-

тельской, так и исследовательской деятельности. Набор сотрудников проводится самостоятельно каждым университетом на основе подачи заявлений и собеседований. Нередко бывает так, что на одну должность претендуют более 50 человек, хотя на более высокие должности подается меньше заявок. На этом уровне (т.е. на уровне профессуры) для проведения собеседования собирается комиссия, как правило, под председательством ректора университета, в ее состав также входят два внешних эксперта (ведущие профессора из других организаций), участие которых ограждает от вероятности злоупотреблений при выдвижении собственных кадров и сохранении за ними занимаемых постов, что может привести к формированию своего рода университетской олигархии. Тем не менее по мере постоянно возрастающего значения оценок RAE в университетах, имеющих наиболее высокий рейтинг, возник (неофициально) «рынок» высококвалифицированных профессоров, стремящихся сохранить свои должности или получить более высокие посты либо за счет приема на работу профессоров из других университетов, либо за счет сохранения своих кадров (если они захотят поменять работу, при этом им нередко предлагают профессорские должности). Одним из следствий этого явилось повышение зарплаты на высшем уровне, хотя в целом оплата труда в области высшего образования снижалась по сравнению с другими аналогичными областями деятельности в Великобритании. В том же обзоре PSA за 2003 г. высказывается определенная неудовлетворенность оплатой и условиями труда — почти две трети сотрудников в какой-то момент собираются сменить профессию. Наиболее часто указываемыми причинами высказанного недовольства являются низкая оплата, большое напряжение, высокая педагогическая нагрузка и чрезмерные административные обязанности. Это почти не оставляет сомнений в том, что воздействие оценки исследований и рост численности студентов в высших учебных заведениях привели к такой ситуации, что академическая карьера стала менее привлекательной для выпускников, получивших самую высокую квалификацию, чем это было 30 или 40 лет тому назад.

Как отмечал Хейуорд (1996 г.), каждый университет проводит набор студентов на высокой конкурентной основе. В соответствии с национальными правилами абитуриенты подают заявки на обучение по программам, которые они выбирают сами, в ограниченное число университетов. Отбор проводится на основе результатов их выпускных школьных экзаменов, собеседований и посещений университетских факультетов. Кроме того, некоторых студентов принимают на базе так называемого «процесса чистки», при котором студенты, которым не удалось поступить на те курсы, которые они хотели бы изучать, могут

подавать заявления на другие программы в другие университеты в течение нескольких недель до начала первого семестра. Руководство университетов ставит перед факультетами политологии задачи по набору определенного количества студентов, которых они намерены принять, причем им приходится предпринимать достаточные усилия, чтобы обеспечить или превзойти поставленную цель, а это достаточно рискованное предприятие. Аспиранты набираются непосредственно каждым университетом, опять же в основном на базе оценок, которые они получили при обучении в университете. Характерной чертой многих высших учебных заведений в Великобритании является обучение там на всех уровнях большого числа студентов из Европейского союза и других стран. Так, например, более половины студентов LSE являются выходцами из стран, не принадлежащих к Европейскому союзу. В целом Великобритания — одна из наиболее успешных стран в отношении набора иностранных студентов, имеющая долгую историю такого рода деятельности. После Соединенных Штатов и Австралии она является особенно активной в плане привлечения зарубежных студентов, в частности из стран Дальнего Востока.

Профессиональная коммуникация: роль PSA и BISA. Как уже отмечалось выше, в Великобритании существуют две профессиональные ассоциации дисциплины — PSA и BISA. Последняя была создана в середине 1970-х годов Сьюзен Стрейндж. Обе ассоциации тесно сотрудничают, в частности при работе над важными политическими проблемами. Каждая ассоциация представлена в исполнительном комитете другой ассоциации, и члены их руководства поддерживают тесные неформальные связи в ходе дискуссии о RAE 2008 г. Обе ассоциации выпускают журналы и информационные бюллетени: PSA издает четыре журнала, а BISA — «Журнал международных исследований». Многие британские политологи сотрудничают с этими изданиями в качестве редакторов, а также состоят членами редакционных коллегий в многочисленных международных и национальных журналах. Каждая ассоциация имеет обширные связи с группами узких специалистов, работающих в отдельных направлениях или областях. Эти группы специалистов, в значительной степени являющиеся источником жизненной силы ассоциаций, организуют собственные заседания и круглые столы в ходе ежегодных конференций. Особенно активной в рамках PSA является Группа по изучению выборов, партий и общественного мнения (EPOP). Она проводит ежегодные конференции, в которых принимают участие специалисты и ученые, работающие в области электоральных исследований, и в настоящее время ее члены собираются выпускать собственный журнал «Выборы, общественное мнение и партии». Обе ассоциации проводят

ежегодные конференции, хотя их характер и организация являются объектом постоянных обсуждений и пересмотров. Обе ассоциации сотрудничают в организации конференций деканов факультетов, которые дают возможность обсудить современные проблемы политики в области высшего образования, поскольку они связывают политологию и международные исследования.

Членство в PSA в последние годы неуклонно возрастает. В конце 1998 г. в ней насчитывалось 876 членов; к концу 2004 г. — уже 1554, и их число продолжало расти. В BISA насчитывается около 1000 членов. Отдельные специалисты являются членами обеих организаций, в связи с чем при уплате членских взносов во вторую ассоциацию им предоставляется скидка. Тем не менее многие специалисты, работающие на факультетах политологии и международных отношений, не являются членами этих ассоциаций либо в силу того, что их основная дисциплинарная принадлежность иная (например, история, философия, география), либо потому, что они предпочитают сосредоточиться на деятельности более специализированных организаций.

Поскольку PSA получает от издания журналов немногим более 60% своих доходов, эта ассоциация располагает большими средствами, чем BISA, хотя ее ресурсы также увеличиваются. PSA расположена в Университете Ньюкасла, в ее штате работают два постоянных сотрудника и временные сотрудники и консультанты. В определенной степени ассоциации удалось повысить престиж дисциплины среди специалистов, работающих в области практической политики и средств массовой информации. Важной составляющей этой деятельности стала проводящаяся в Лондоне церемония вручения почетных наград политикам, журналистам-аналитикам и ученым. На церемонии вручения наград в 2004 г. почетного звания «Политик года» был удостоен канцлер казначейства Гордон Браун, после чего он использовал эту возможность для выступления с пространной речью, посвященной преданности британским традициям.

В связи с многочисленными проблемами, с которыми столкнулись специалисты в области высшего образования в Великобритании, обе ассоциации должны были приложить значительные усилия для того, чтобы повысить свое влияние на выработку политики в области высшего образования, часто сотрудничая с другими ассоциациями общественных наук. Помимо RAE пристального внимания потребовало развитие систематической оценки стандартов качества преподавания и критериев стандартов дисциплины в свете Болонского процесса на европейском уровне. PSA придает большое значение развитию диалога с ESRC, а также поддерживает связи с Отделом политики Британской

академии. Кроме того, при необходимости ее члены готовы к встречам с официальными лицами из HEFCE, QAA и правительственных структур.

PSA вложила значительные ресурсы в развитие отношений с Американской ассоциацией политических наук (APSA). Штатные работники APSA регулярно принимают участие в ежегодных конференциях PSA, а в ходе ежегодных встреч APSA обсуждаются достижения в развитии отношений между двумя ассоциациями. Члены PSA входят в состав специальной комиссии на ежегодных встречах APSA и выделяют средства для тех своих членов, которые участвуют в этих встречах. PSA является членом Международной ассоциации политических наук (IPSA), однако отношения двух организаций не всегда были простыми, и в 2005 г. члены PSA не вошли в состав исполнительного комитета, несмотря на то что она является второй в мире ассоциацией политических наук по численности членов. PSA приветствовала развитие постоянной конференции европейских ассоциаций политических наук, считая, что следующим шагом в этом направлении должно стать принятие решений о ее деятельности на более формальной и систематической основе. Все эти обстоятельства свидетельствуют о растущей тенденции к интернационализации дисциплины, о чем явствует и тот факт, что многие британские политологи вступают в APSA на правах индивидуальных членов, участвуют в ее ежегодных встречах и представляют там свои доклады, а также принимают участие в деятельности Группы APSA по британской политике. Вместе с тем британские политологические факультеты представляют собой крупнейшую группу в рамках Европейского консорциума политических исследований, а несколько факультетов и индивидуальных членов активно действуют в Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet).

2. Будущее политических наук в Великобритании

И в университетах, и на постдипломном уровне спрос на курсы политологии и международных отношений в Великобритании продолжает оставаться повышенным, причем особый интерес студентов и аспирантов вызывают курсы международных отношений с акцентом на Глобальном Юге[4]. Спрос абитуриентов на эти курсы с каждым годом стремительно растет. Стремление абитуриентов изучать политологию в 2002 г. оказалось самым большим, и число поступивших студентов возросло на 14,4%. Число заявлений абитуриентов со специализацией по политологии как профилирующему предмету продолжало расти на 13% в год вплоть до 2005/2006 гг. Количество заявлений на магистерские программы также продолжало увеличиваться, причем особый интерес студенты проявляют к таким об-

ластям, как международная политическая экономия, Европейский союз и другие программы региональных исследований.

Показатели Статистического агентства по высшему образованию на 2002–2003 гг. свидетельствуют о том, что положение выпускников факультетов политологии и международных отношений на рынке труда было относительно менее успешным, чем у выпускников других факультетов. 30% из них нашли работу по специальности по сравнению с 39% выпускников других факультетов. 34% получили работу не по специальности по сравнению с 29% других выпускников. 8% остались безработными, что несколько выше 7%-ного показателя по выпускникам всех факультетов. Выпускники, получившие политологические дипломы, обладают целым рядом связанных с поисками работы навыков, что делает их в этом вопросе более гибкими. Поэтому они могут применять свои знания в самых разных областях. Обычно они имеют больший успех в работе в средствах массовой информации, чем выпускники факультетов английского языка и средств массовой информации, и многие из них охотно выбирают эту профессию, причем многие видные деятели в области радиовещания, телевидения и издательского дела в свое время в ходе обучения на диплом бакалавра занимались политологией и международными отношениями. Немало выпускников находят работу в государственных организациях и учреждениях публичной администрации, включая Национальную службу здравоохранения. Все большее число выпускников получает работу в службах безопасности в связи с возрастанием угрозы терроризма. Некоторые бывшие студенты идут работать в частный бизнес, но не в сферу образования, за исключением, возможно, тех, кто получил диплом, специализируясь в области истории и политологии, что позволяет им преподавать оба эти предмета. Правда, политология не входит в число обязательных предметов в общенациональном масштабе. Выпускники, которые становятся политиками, представляют собой скорее исключение, чем правило.

Даже факультеты, имеющие высокий рейтинг, ощущают все большие трудности при наборе сотрудников необходимого уровня квалификации внутри Великобритании. Эта проблема не ограничивается рамками политических наук, еще более остро она стоит перед такими дисциплинами, как экономика. Многие соискатели степени доктора наук не собираются после защиты заниматься преподаванием, поскольку их больше привлекают высокие зарплаты и более быстрое продвижение по службе на административных должностях в области образования. В результате приходится приглашать в Великобританию все больше преподавателей из других стран, что делает кадровый состав факультетов более интернациональным. Традиционно преподавателей

приглашают на работу из Австралии, Канады и Новой Зеландии, и число приезжающих оттуда сотрудников постоянно возрастает. Существует и давняя традиция приглашения на должности в британские университетах американцев, хотя им для этого требуется разрешение на работу. Недавно возникла новая тенденция набора сотрудников в европейских странах, причем в этой связи избыток кандидатов, имеющих докторские степени, выступает как фактор отталкивания, а сравнительно высокие зарплаты и репутация британских университетов играют роль фактора притяжения. Особенно много специалистов приезжают из Германии, Нидерландов и Скандинавских стран, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне развития там политических наук, кроме того, в штаты университетов принимают преподавателей из Франции, Италии и Греции.

Политические науки в Великобритании всегда были чем-то вроде «точки пересечения» предметов, поскольку они тесно связаны с другими гуманитарными и общественно-научными дисциплинами, что обусловливает одновременно как их силу, так и слабость. Наряду с отсутствием господствующих общепринятых взглядов на теорию и методологию это открывает перед дисциплиной широкие возможности в плане различных подходов и концепций, но вместе с тем означает, что она нередко бывает слишком эклектичной, не имеющей собственной четкой индивидуальности. Такое положение усиливается тенденцией к более высокой специализации по предметам, занимающим точно определенное положение. Завоевание репутации в одной из таких областей нередко считается наиболее верным путем к профессиональному успеху. Это может означать пренебрежение «объемными изложениями» проблем демократии, конфликта и власти, анализ и понимание которых сводятся к ответам на вопросы о том, «кто выигрывает» и «кто проигрывает», которые лежат в основе изучения политики.

3. Заключение

Несмотря на сложности, с которыми сталкивалась дисциплина на протяжении последних 10 или 15 лет, политические науки в Великобритании продолжают занимать второе место, уступая лишь США по численности ученых, причем качество преподавания и исследований в этой области неизменно соответствует самым высоким стандартам. Некоторые известные во всем мире факультеты привлекают как лучших студентов, так и получивших международное признание преподавателей. Несмотря на то что их природа нередко отличается эклектизмом (что можно рассматривать и как их сильную сторону), британские политологи активно действуют в международном плане, будь то на европейском уровне

в рамках финансируемых Евросоюзом программ или в таких организациях, как ECPR, epsNet и их специализированные группы. Они участвуют во встречах, организуемых в Соединенных Штатах APSA и другими группами, в то время как их собственная ассоциация и BISA процветают и оказывают своим членам поддержку, которая позволяет им принимать участие в деятельности многочисленных профессиональных объединений. Столь же успешно они привлекают значительные средства на исследования, предоставляемые национальными исследовательскими советами, демонстрируя способность соответствовать требованиям, предъявляемым к подаче заявок на финансирование исследований в высокоспециализированных областях. Несмотря на существующие проблемы, политические науки в Великобритании — как дисциплина в целом, так и отдельные ее представители — в новом тысячелетии занимают в Европе одно из ведущих (если не первое) мест, и можно надеяться, что такое положение будет сохраняться впредь.

Примечания

[1] Попплтон — вымышленное учебное заведение, деятельность которого фигурирует в колонке журналистки Лори Тэйлор в приложении по высшему образованию газеты «Таймс».

[2] Учитывая ограниченность ресурсов, при их распределении RAE в первую очередь направлено на удовлетворение потребности тех дисциплин, где исследования требуют больших затрат, — прежде всего в естественнонаучных областях. Но когда встает вопрос о существенно менее затратных исследованиях в области гуманитарных и обшественных наук, там возникают сомнения в том, что их результаты окажутся сопоставимы с затратами (и индивидуальными усилиями).

[3] Очевидно, базовый учебный план — это аналог российского Госстандарта.

[4] Глобальный Юг — термин, который обозначает бедные страны Африки, Азии и Латинской Америки и употребляется наряду с выражениями «развивающиеся страны» и «страны третьего мира». — *Прим. перев.*

Литература

Buckler, Steve (2002): "The Politics of Benchmarking Politics" // David Jary (ed.): *Benchmarking and Quality Management: The Debate in UK Higher Education*, C-SAP, University of Birmingham: 51–61.

Hayward, Jack H. (1996): "Political Science in the UK", in: Jean-Louis Quermonne (ed.): *The State of the Discipline*, Paris: FNSP: 413–427.

QAA (Quality Assurance Agency for Higher Education) (1998): *Evaluation of the Benchmarking Process in Law, Chemistry and History: A Report*, Gloucester, UK.

QAA (Quality Assurance Agency for Higher Education) (2000): *Subject Benchmark Statements: Politics and International Relations*, Gloucester, UK.

ЧАСТЬ II

ЕВРОПЕЙСКОЕ РАЗВИТИЕ

30-6054

Пол Фурлонг[1]

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ КООПЕРАЦИИ

1. Вступление

В этом кратком обзоре я хотел бы прежде всего рассказать о том, что Европейская конференция национальных ассоциаций политических наук (*ECPNSA*) уже сделала, а затем перейти к тому, какая работа ей предстоит в будущем. В 2002–2005 гг. я отвечал за развитие внешних связей Британской ассоциации политических исследований, и в 2003 г. оказался включенным в работу, о которой ничего не знал. К тому моменту ECPNSA существовала два года. Там был действующий секретарь — известный многим Клаус Арминжон из Бернского университета. Также было соглашение о том, что ECPNSA должна каждый год участвовать в объединенных рабочих сессиях Европейского консорциума политических исследований (*ECPR*) и что действующий глава и хозяин следующего консорциума должен назначаться принимающей страной. И так как в 2003 году ECPR проходил в Эдинбурге (Шотландия), то, будучи англичанином, проживающим в Уэльсе, я был самым вероятным кандидатом на эту должность. Следующую встречу мы провели в июне 2003 г. в Париже, во время заседания Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet), где подали заявку на доклад Берлинского саммита по Болонскому процессу, который должен был состояться в сентябре того же года. Наш доклад включал в себя сопроводительное письмо и принятое соглашение об основных требованиях по курсу обучения на бакалавра в области политических наук в Европе. Этот документ был результатом напряженной дискуссии между участниками различных встреч, его последняя версия была подготовлена после парижской встречи совместно с Майклом Голдсмитом и Клаусом Арминжоном, и этот вариант был разослан всем участникам для утверждения. Первоначальный вариант, который обсуждался epsNet, и версия ECPNSA существенно отличались от него. В обсуждениях ECPNSA принимали участие

представители ассоциаций национальных политических наук со всей Европы, и многие из них сейчас присутствуют здесь. Я хотел бы отметить вклад этих людей, который они внесли в разработку этого документа, и вместо того чтобы перечислять их имена, просто скажу, что окончательный документ, содержащий базовый учебный план по политологии, обсуждался на встречах, которые посетили мои коллеги из 16 европейских стран, но конечно же мы контактировали с еще большим количеством людей, которые, хотя и не смогли лично присутствовать на встречах, присылали нам свои комментарии в письменной форме. Только одна страна открыто отказалась от участия — это Швеция, но я уверен, что их позиция в будущем немного смягчится. Разрешите мне для начала отметить, что несмотря на решительное несогласие по поводу содержания учебного плана и ряд других моментов, для меня и, я думаю, для моих коллег это был позитивный опыт. Учебный план стал компромиссом, но очень полезным компромиссом. Он стал важным первым шагом, важным документом со своими собственными правами, скорее созданным для национальных ассоциаций политических наук, чем для Берлинского саммита. Из всего этого я сделал однозначный вывод, что мы должны продолжать диалог в формате такого форума или в каком-то близком к нему формате, и мое дальнейшее изложение как раз касается возможностей развития начавшегося диалога. Далее я попытаюсь очертить цели, какие могли бы стоять перед ECPNSA, проблемы, которые вскрылись на наших прошлых обсуждениях, и как мы могли бы их решить во взаимодействии с ECPR, epsNet и с национальными политологическими ассоциациями.

1.1. Почему мы хотим сделать это?

Наши мотивы кроются в ощущаемой всеми, кто связан с политическими науками, потребности дать авторитетный ответ со стороны политологического сообщества на те существенные изменения в структурах и процессах европейского высшего образования, которые ассоциируются с Болонским процессом, но не ограничиваются им. У нас были и есть две основные аудитории: межминистерские группы, собирающиеся в рамках Болонских договоренностей раз в два года, и лица, принимающие решения в сфере высшего образования на национальном уровне. Кроме того, нашей аудиторией являются коллеги-политологи в странах-участницах, руководство университетов и, в несколько меньшей степени, наши коллеги из близких к политологии дисциплин. Следовательно, наши цели одновременно являются реактивными и позитивными. Реактивными в том смысле, что мы должны отреагировать и в некотором смысле защитить себя от потенциальных и реальных угроз, связанных с радикальными изменениями в сфере высшего образования, прокатившимися по всей Европе, на национальном и общеевропейском уровне; и позитивными в том плане, что в процессе рефор-

мирования у нас есть возможность продвигать политическую науку как, несомненно, одну из ключевых социальных дисциплин наравне с экономикой и социологией. Несмотря на наличие некоторых разногласий в наших рядах, о чем я кратко расскажу, обе эти задачи можно решить более эффективно, если мы будем действовать сообща. Причины этого очевидны: не только наши собственные коллеги и сотрудники министерств будут с большим вниманием и готовностью прислушиваться к согласованной и единой позиции по поводу наших опасений на Болонских встречах, проходящих раз в два года, но к тому же существует постоянная потребность участвовать в этих встречах. В качестве простого примера я могу привести тот факт, что реформы оценки качества образования, к которым призвали на Берлинской встрече по Болонскому процессу в сентябре 2003 г., сейчас курируются организацией, которая называется «Европейское объединение агентств по оценке качества» (*ENQAA*) и разбирает конкретные случаи. Кто-то должен представлять там политологов. Если в ENQAA обратится 15, 25, 38 или сколь угодно много лиц, наша позиция будет слаба, потому что мы будем каждый сам по себе. У других дисциплин есть широкие европейские представительства. Настало время и нам, как представителям зрелой и ключевой науки действовать также.

2. Вопросы

2.1. Отношения с ECPR и epsNet

Мои коллеги Дирк Берг-Шлоссер и Ханс-Дитер Клингеманн могут рассказать о ECPR и epsNet больше меня. Тем не менее мы должны с самого начала внимательно отнестись к отношениям с двумя этими организациями. ECPNSA не должна стремиться занять место ECPR и epsNet. Ее задача — выразить другую точку зрения — того, кто непосредственно вовлечен в сферу принятия решений, обеспечить авторитетное представительство нашей дисциплины через национальные ассоциации и тех, кто совместными усилиями продвигает политическую науку в Европе. ECPNSA не должна быть ориентирована исключительно на исследования. Следовательно, ее основная роль заключается в том, чтобы во взаимодействии с ECPR и epsNet обеспечить, насколько это возможно, объединенное движение за политическую науку в Европе и прийти к согласованному мнению о том, к чему мы должны стремиться как объединенная организация, после чего начать решительно это пропагандировать.

2.2. Роль национальных организаций

Она непосредственно вытекает из отношений с ECPR и epsNet. Давление на нас, которое хотя и опосредованно различными органами, связанными с Болонским процессом и Европейской комиссией, все еще главным образом опирается на наш национальный опыт, на что национальные ассоциации должны иметь возможность среагировать. Несомненно, что они не будут принимать участие в общеевропейском представительстве до тех пор, пока оно не затронет их непосредственные интересы; но такое представительство должно также увеличить их возможности реагировать и стать организацией, способной дать новые знания и перспективы. Вторая задача общеевропейского представительства должна, следовательно, заключаться в организации и поддержании форума, в рамках которого мы могли бы обмениваться решениями и узнавать об удачных практиках, равно как и о провалившихся попытках. Ну и просто излишне говорить о том, что ECPNSA не должна конкурировать с ECPR и epsNet, т.е. само собой разумеется, что это конфедерация национальных ассоциаций, основанная на равном представительстве.

2.3. Влияние на национальные различия

Уважение к национальному опыту означает, что невозможно и неприемлемо стремиться к стандартизации; но тем не менее это не должно означать, что мы отказываемся от координации в допустимых пределах наших национальных и институциональных требований. В этом контексте наш опыт уже предполагает, что потребности национальных организаций обусловлены дисциплинарными различиями, которые в некоторых случаях выходят за рамки национальных границ. Приведу пример, который мне лучше всего знаком: существуют диаметрально противоположные точки зрения о том, что должно входить в курс политологии в Германии, Италии, Франции и Великобритании, не говоря уже о четких убеждениях по этому вопросу коллег из Нидерландов и Дании. Это имеет отношение к историческому развитию дисциплины, к ее связям со смежными науками и, что наиболее значимо, к конкретным отношениям политической науки с практической политикой и рынком труда, которые оценивают и выпускников университетов, и результаты труда исследователей.

Среди 16 стран, принявших базовый стандарт программы по политологии, было представлено по меньшей мере 16 различных коллективных точек зрения о том, что такое политическая наука и даже вопрос о том, можно ли вообще применить к этой дисциплине термин «наука»; эти мнения зависели от многих факторов, в частности: как и когда именно в университетах в XIX–XX вв. возникла политическая наука, каковы ее отношения с процессами национального освобождения, зародилась ли она в недрах юридических, исторических или социологических факультетов, обучались ли ее преподаватели в собственных университетах или получили образование в другом вузе, насколько она была подвержена влиянию американского опыта, насколько успешно выпускники по этой специальности устраиваются на работу в министерства образования, в структуры государственного вещания и государственного управления. Едва ли вам покажется удивительным, что тогда как представители одних стран не могли себе представить политологию без изучения

методологии и статистики, другие были непоколебимы во мнении, что включение этих разделов отпугнет студентов и не позволит менее крупным факультетам давать дипломы по политологии. Некоторые страны придерживались мнения, что политическая социология должна быть основным предметом, другие настаивали на замене ее на политэкономию. Одни стояли за необходимость упомянуть наиболее крупные из неевропейских стран, особенно США, другие хотели сфокусироваться только на Европе.

Если вы хотите узнать, как это сработало на практике, я могу только порекомендовать взглянуть на окончательную версию программы. Это имеет смысл, только если вы примете во внимание, что участники согласились интерпретировать некоторые ключевые термины каждый по-своему. Я никогда раньше не мог представить, сколько значений может быть у термина «политическая социология». Разве здесь есть проблема? Да, если, с одной стороны, мы рассматриваем учебный курс как обязательный, с другой — как действительно ключевой вопрос для развития подлинно европейской политической науки, которую мы ценим и изучаем как раз с помощью таких различий, что, мне кажется, я испытал на себе благодаря этому опыту. Центральной задачей ECPNSA является прояснение некоторых терминов, используемых в учебном плане, — не с целью навязать неподходящий им смысл, а с целью продемонстрировать широкой общественности полный спектр подходов, связанных с нашими интересами, и понять, как их можно развить.

Мы также не должны переоценивать степень влияния этих различий на национальные различия. Например, некоторые ответы, полученные мной от политологического сообщества во время консультирования по черновой версии одобренного базового учебного плана, повторяли опасения более мелких стран о возможном неблагоприятном влиянии нормативного подхода на способность осуществить этот план. Как результат — осознание необходимости обеспечения возможностей для кросс-национальных соглашений и сотрудничества, что, на первый взгляд, было неочевидно. Следовательно, третья задача ECPNSA заключается в координации и поддержке кооперации между национальными потребностями.

Иными словами, было бы неправильно говорить, что различия в структурах высшего образования и их опыте настолько велики, что мы не можем скоординироваться и сотрудничать; следующий пример — в рамках проекта Episteme под руководством Майкла Голдсмита, в котором я принимал участие, обнаружились очень значительные отличия в масштабе и опыте, который Болонский процесс оказал на докторские программы. Они отчасти имели отношение к структурам высшего образования, а отчасти были обусловлены наличием различных точек зрения на то, как должна выглядеть дисциплина.

Мы быстро обнаружили, что одно из наиболее важных различий между нами в отношении докторских диссертаций заключалось в том, направлена ли она только на воспроизводство науки или же имеет целью помочь более широкому кругу специалистов, включая тех, кто видит свою цель во вхождении в государственный или частный сектор менеджмента. Это оказывает огромное влияние и на объем работы, и на ее содержание. Это расхождение в практиках, проиллюстрированное данным примером и повлиявшее на основной учебный план, не препятствует тому, чтобы идти на сотрудничество, не мешает нам учиться друг у друга и не должно мешать нам приходить к общему мнению об основных принципах, как мне кажется, именно потому, что согласие основано на взаимном уважении и на желании найти общие интересы. Без этого было бы невозможно работать вместе, и эта глава была бы бесполезной; и без этого мы не смогли бы создать общую учебную программу.

2.4. Что будет делать ECPNSA и как она будет работать?

Список задач, которые необходимо решать подобной организации, ошеломляет. Проблема не в том, что у нее нет какой-то функции или ей нечем заняться, а в том, что в перспективе у нее слишком много и того, и другого. Некоторые идеи относительно того, какой должна быть ее повестка дня на ближайших собраниях, могут быть почерпнуты из работы, проводимой epsNet в течение последних нескольких лет, а также частично из проблем, которые обсуждаются на этой конференции, и в ряде моментов, которые были поставлены Болонским соглашением. Я являюсь главой одной из наиболее крупных школ европейских исследований в Великобритании. У нас есть обширные связи со многими европейскими университетами, связи, которые в последние несколько лет стали одновременно и более важными, и более проблемными. В последние три года у нашего университета была самая большая в Великобритании программа студенческих обменов в рамках программы Erasmus. У меня есть прямой профессиональный интерес ко многим из этих проблем. Позвольте кратко изложить вам список тех вопросов, в которых, по моему убеждению, нам необходимо срочно выработать обшеевропейское мнение. Мне нужно срочно узнать об опыте других и поделиться нашими опасениями, основанными и на моей работе в качестве руководителя учебного заведения, и на знаниях, почепнутых мной благодаря ECPNSA. В первом приближении вот рабочий список для Европейской конференции, который в некоторой степени совпадает с целями epsNet:

Вопросы обучения:

- содержание учебной программы (первый, второй и третий циклы);

- присвоение дипломов и степеней (а именно отношения между первым, вторым и третьим уровнями обучения);
- общие научные степени (объединенные, двойные или множественные);
- мобильность студентов (обязательный период стажировки за границей, изучение иностранных языков);
- взаимозачет кредитов (ECTS);
- оценка качества преподавания;
- процедуры оценки.

Исследовательские вопросы:

- докторские программы (содержание и организация);
- национальная и общеевропейская финансовая поддержка исследовательских проектов;
- отношения со смежными дисциплинами;
- отношения с близкими дисциплинами (публичное администрирование, международные отношения, политическая коммуникация);
- доступ к национальным и европейским политикам и влияние на них.

Общие вопросы:

- поддержка новых стран—участников ЕС, а также не членов ЕС, но участников Болонского соглашения;
- мобильность персонала;
- вопросы карьерного продвижения персонала (включая обучение);
- вопросы трудоустройства и рынка труда;
- продвижение дисциплины.

Без сомнения, в этом списке возможны упущения, и приоритеты могут различаться. Моя цель не дать исчерпывающий набор задач, а лишь проиллюстрировать с их помощью, что мы больше не можем мыслить исключительно в рамках национальных решений. Я повторю высказывание Майкла Голдсмита в его отчете по проекту Episteme по поводу Болоньи и докторских исследований[2] о том, что назрела явная потребность в совместной работе вне границ национальных политологических ассоциаций. Европейская конференция помимо других задач должна определить стандарты, например, докторских диссертаций, основываясь на опыте epsNet по внедрению сопоставимых стандартов и процедур в отдельных странах, что, следовательно, будет поддерживать развитие кросс-национальных проектов в политических науках и поможет донести наше профессиональное мнение до национальных и европейских политиков. Было бы предпочтительно передать эти вопросы в ведение мультидисциплинарных или объединенных комитетов на национальном или общеевропейском уровне. И хотя претворение этих проектов в жизнь очень сильно зависит от Европейской ассоциации преподавателей политологии (epsNet), национальных политологических ассоциаций и не в меньшей степени от ECPR, недостающее звено в данных структурах — это авторитетная паневропейская организация, которая сможет легитимно представлять сложившиеся по всей Европе взгляды по данной специальности, не навязывая при этом своих правил национальным ассоциациям.

Примечания

[1] Данное выступление было сделано на пленарной конференции Европейского сообщества политических наук 17–18 июня 2005 г., Sciences Po-Paris.

[2] Goldsmith M. (ed.), 2005. Doctoral studies in Political Science — a European comparison, epsNet report No 10, published jointly epsNet, Univ. di Roma Tor Vergata and Sciences Po-Paris, Paris, p. 67.

Дирк Берг-Шлоссер

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА — РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНСОРЦИУМА ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ (ECPR)

1. Вводная ремарка

Во-первых, я хочу представить краткую оценку ситуации в политической науке в Европе и, во-вторых, описать роль ECPR в формировании этой дисциплины за последние три с половиной десятилетия. Ради этой цели я перефразировал название данной статьи. Вместо того чтобы говорить о «Поддержке и развитии организационной инфраструктуры исследований», я просто назвал свою статью «Европейская политическая наука — роль ECPR».

2. Европейская политическая наука — «Единство в разнообразии»

Политические науки в Европе (часто здесь, в Sciences Po, используется множественное число термина) формируются большим многообразием традиций. Они имеют корни в классической политической философии, публичном и международном праве, истории, экономике и множестве других дисциплин. Более того, первая научная институционализация политических наук (в *Ecole Libre des Sciences Politiques* в 1871 г. в Париже, в «Лондонской школе экономики и политической науки» в 1885 г. или в «Высшей политической школе» в Берлине в 1919 г.) была в значительной степени смесью этих различных дисциплин, и в известной степени они остаются в таком состоянии до настоящего времени. Я не могу детально обратиться ко всем этим традициям, но они отражаются, к примеру, в книгах под редакцией Истона, Гюнелла и Грациано «Развитие политической науки — сравнительное обозрение» (1991), Лицманна и Блика «Politikwissenschaft — Geschichte und Entwicklung» (1996) и в докладе, подготовленном в Fondation des Science Politique «Основании политической науки», — «Политическая наука в Европе: становление, сотрудничество, перспективы» (1996).

Вместо этого я сосредоточусь на возникновении политической науки как особой научной дисциплины (в единственном числе термина, если угодно) в различных европейских странах после Второй мировой войны. В этом отношении ее очень кратко определяют, с моей точки зрения и исходя из упомянутых выше источников, пять ведущих факторов:

1. Изменяющиеся национальные образовательные традиции и университетские системы, например высокоцентрализированные системы во Франции и некоторых южноевропейских странах, а также в Швеции; децентрализованные институты в Великобритании или Германии и «опорные» системы в Нидерландах, Бельгии или Швейцарии. Также в некоторых странах, таких как Франция, образование и исследования жестче разведены; в других более тщательно следуют «гумбольдтовской» традиции «единения» обоих. Эти традиции непосредственно относятся к возможностям трудоустройства для выпускников-политологов в соответствующих странах. Во Франции и Норвегии, например, они сравнительно легко находят себе работу в высших эшелонах государственного управления; в других странах, таких как Португалия или Австрия, это до сих пор в значительной степени монополия лиц, большей частью окончивших юридические факультеты.

2. С первым фактором связан второй — отношение к смежным дисциплинам, таким как публичное право, история, философия, экономика, социология, и к их соответствующему «положению» и институциональному воздействию. В сравнении с большинством из них и в отличие, например, от США политическая наука в Европе появилась относительно поздно. Со стороны она зачастую рассматривалась с некоторым подозрением и даже враждебностью, но начиная примерно с начала 1970-х годов здесь прослеживается явное влияние ECPR на ее признание, политическая наука стала более авторитетной и уважаемой сферой.

3. Третий фактор, который сыграл значительную роль, — это внешние влияния. В Германии, например, учреждение первых университетских кафедр политологии было частью программы «переобучения» со стороны сил союзников после Второй мировой войны. К тому же мероприятия этого направления финансировали Фонд Форда и подобные организации. Это также относится к некоторым южноевропейским и к восточноевропейским странам сейчас, после их перехода к демократии. Сегодня влияние Европейского союза и его программ студенческого обмена, таких как «Сократ» или «Эразм» и в последнее время, конечно, Болонской и Лиссабонской систем, становится главной внешней силой, влияющей на развитие дисциплины.

4. Более того, политическая наука во многих европейских странах долгое время (и в некоторой степени даже по сей день) характеризовалась резкой внутренней «метатеоретической» дифференциацией. Например, в некоторых странах сильны нормативно-философские тенден-

ции в соответствии с линиями таких авторов, как Эрик Фогелин, Лео Страусс и других. А где-то недолго доминировали более или менее ортодоксальные марксистские или неомарксистские доктрины. В наше время во всех странах может быть найдено больше эмпирических и аналитических ориентаций, однако необязательно в пределах чисто «бихевиористской» модели или теории «рационального выбора». В соответствующих странах тем не менее существуют варьирующиеся «смеси» таких тенденций. Однако определенное их сближение может наблюдаться в области сильного эмпирического акцента, лишь наблюдая за нормативными проблемами, например в теории демократии или в неомарксистских аргументах в сфере международной политэкономии.

5. Наконец, все это привело к сравнительно устойчивой организации дисциплины в большинстве стран, где ее шансы зависят от качества дальнейшего образования и исследований. Начиная с 1970-х годов наблюдается определенная *профессионализация* и признание общих стандартов, по крайней мере в некоторых «ключевых областях», таких как электоральные исследования, партийные системы, публичная администрация, исследования политического курса, международные отношения, а также во многих общих сравнительных подходах и методах. В этих областях имеется высокое и по-прежнему все возрастающее число студентов, и качество их реального знания и методологических навыков, а также такие «мягкие навыки», как презентация полученных данных, командная работа или международные связи, значительно улучшились с течением времени.

Таким образом, сегодня во всех странах политологи могут найти себе применение в огромном множестве областей, таких как гражданское образование, СМИ, группы интересов и политические партии, неправительственные или международные организации, и вообще они способны хорошо конкурировать со специалистами из других дисциплин. Более того, некоторые даже находят себя в практической политике на заметных позициях.

3. Роль ECPR

3.1. Исходная структура и деятельность

Сейчас, на этом общем фоне, я хочу кратко обратиться к тому влиянию, которое ECPR оказал на это развитие, и к его настоящей и возможной будущей позиции и роли. ECPR был основан в 1970 году такими пионерами европейской политической науки, как Стейн Роккан, Жан Блондель, Рудольф Вильденманн, Ганс Даальдер, Серж Юртиг, Ричард Роуз и др. Изначально он был создан по образцу Межуниверситетского консорциума по политическим исследованиям (*ICPR*) в Мичиганском университете, который по существу был и остается институтом сбора данных и тренинга в области количественных методов в социальных науках. Имея лишь членство институтов, он базировался

на простой, но, как оказалось, очень продуктивной идее — «пусть институты платят, а люди извлекают пользу». Таким образом, на этом принципе Жан Блондель как первый исполнительный директор заложил устойчивую основу ECPR в Эссекском университете.

Затем Рудольфом Вильдеманном была привнесена значительная новация, когда он в 1973 году организовал первую «Объединенную сессию» в Университете Мангейма. Это дало новый и наиболее успешный, существующий вплоть до наших дней формат сведения вместе в относительно маленьких группах как старших, так и молодых ученых, где каждый представляет работу по ведущемуся исследованию и имеет для ее детального обсуждения больше времени, чем это принято на больших национальных и международных конференциях. Одновременно совместные обсуждения на протяжении почти недели предусматривали весьма благоприятную возможность для социальных контактов всех видов, которые приводили к появлению плодотворных исследовательских групп. С этого времени благодаря поддержке членских организаций и некоторому дополнительному внешнему финансированию становится возможным возмещать участникам некоторые их затраты на поездки и размещение, что тоже является уникальной особенностью. Также за это время для дополнительной поддержки создаются важные резервы «мобильности» и «стипендий» для аспирантов и молодых ученых без постоянной занятости, так что фактически членская организация может больше получить от ECPR, чем она платит ей.

Вместе с некоторыми другими видами деятельности — такими как выпуск «Европейского журнала политических исследований» (EJPR), его первым редактором Арендом Лийпхартом, меньшие по масштабу «исследовательские сессии», которые стали источником финансирования новых инициатив, и частичное спонсирование летней школы по методологии в Эссексе, — ECPR все больше влияет на развитие политической науки во всей Европе. Имея изначально сильную эмпирическую (не только «бихевиористскую», но и сравнительную, и историко-социологическую) ориентацию в рокковском смысле, ECPR с течением времени увеличила число тем семинаров, включив сюда проблемы нормативистской и позитивистской политической теории, международных отношений, исследований политического курса и связанных с ними областей. Так, ECPR стал главной силой интеграции разнообразия традиций в политической науке Европы, упомянутых выше, и приобщения поколения молодых и сейчас уже «среднего возраста» или даже старших политологов (таких как Ханс-Дитер Клингеманн и я сам) к преобладающему сейчас разнообразию академических стандартов качества, с начала 1990-х годов разделяемых и существенным числом ученых из Центральной и Восточной Европы.

3.2. Последние приобретения и развитие

Этот большой и, я думаю, бесспорный успех сопровождается тем фактом, что с того времени ECPR перерос свою изначальную направленность, в значительной степени ориентированную на исследования. Сейчас в рамках структуры консорциума имеется большое число постоянно действующих групп (в данный момент их всего 26), сравнимых с «секциями» APSA или «исследовательскими комитетами» IPSA, которыми издаются их собственные информационные бюллетени, проводятся встречи, летние школы и даже выпускаются журналы, как, например, успешный «Европейский журнал международных отношений». Начиная с «Объединенных сессий», достигших к настоящему времени максимальной концентрации (30 семинаров в Гранаде в 2005 г. и 29 в 2006 г. в Никосии, где собиралось более 600 участников); по инициативе следующего исполнительного директора, Кена Ньютона, также начата серия регулярных «Всеобщих конференций», проходящих раз в два года. Последним принимал гостей университет Марбурга в 2003 г., следующая встреча прошла в Будапеште в 2005 г., собрав больше тысячи участников. Эти конференции имеют общий формат как с тематической частью, так и с панелями, организуемыми постоянно действующими группами или специальными секциями. Таким образом, потребность в обмене исследовательскими результатами и общении может удовлетворяться на этой более широкой площадке, которая включает большее число ученых из меньших организаций — не членов ECPR, которые платят минимальный регистрационный взнос. С 2005 г. «студенческая конференция» в дальнейшем будет проходить параллельно с «Всеобщими конференциями». Для будущих мероприятий на этом уровне нами также разработана очень активная студенческая сеть с несколькими тысячами членов.

Помимо всего прочего с 2006 г. ECPR будут организованы новые методологические летние школы в Любляне как дополнение к таким же школам в Эссексе и Лилле (для франкоговорящих студентов), чтобы удовлетворить растущий спрос, порожденный новыми Болонскими программами «бакалавр/магистр» с усилившимся акцентом на дизайн и методы эмпирических исследований. В целом сейчас в разных областях имеется 10 более или менее регулярных летних школ, которые получают поддержку ECPR. Более того, был успешно выпущен новый журнал для профессионалов — «Европейская политическая наука». Сейчас ECPR также выпускает собственную книжную серию (помимо книжной серии, издаваемой вместе с Oxford University Press и Routledge), публикующуюся под эгидой ECPR и включающую как основополагающие, «классические», так и современные работы. Наконец, увеличивают прогресс и общественную видимость нашей профессии регулярно вручаемые награды, такие как премии Стейна Роккана и Рудольфа Вильденманна и новая премия Lifetime Achievement, которая была впервые присуждена в 2005 г. в Будапеште.

3.3. Отношения с другими ассоциациями

Сегодня ECPR с более чем 300 членскими организациями, включающими более чем 8000 политологов (плюс аспиранты), является по своим регулярным мероприятиям, бюджету и персоналу второй крупнейшей политологической ассоциацией в мире после ARSA и даже IPSA. Сейчас за ней следуют другие региональные организации, такие как новый «Азиатский консорциум по политическим исследованиям» (ACPR). Со всеми организациями этого типа мы осуществляем постоянный контакт. Также сейчас существуют договоренности с APSA и IPSA о регулярной организации панелей на конференциях друг друга, и мы будем их проводить на заседании APSA в Вашингтоне в этом году и Всемирного конгресса IPSA в Фукоке в следующем. Таким образом, для большинства практических целей ECPR — это уже Европейская ассоциация политической науки, в отличие от мнения, которое высказал Ханс-Дитер Клингеманн в своем приглашении. Это не значит, что другие организации не играют роли. Во всяком случае, соответствующие национальные ассоциации, количество членов которых также возрастает и которые становятся более активными в течение последних десятилетий, конечно, будут продолжать существовать. Их неопределенная «Европейская конференция», безусловно, останется полезным информационным и координационным механизмом, роль которого в прошлом играли регулярные события ECPR. О будущем epsNet мне судить трудно. По моему мнению, они вместе с ECPR тем или иным образом должны стать взаимно поддерживающими и продуктивными партнерами. По этому поводу есть некоторые идеи и предложения, но это требует обсуждения.

4. Выводы

Несмотря на разнообразие традиций и влияний в европейской политической науке, ECPR прошел долгий путь в деле содействия их качеству и релевантности. И это верно не только в собственно научном смысле, но и в отношении политического развития в Европе и за ее пределами.. Будучи *европейской* ассоциацией, ECPR всегда фокусируется на европейской политике и на той уникальной развивающейся системе, которая зовется сейчас Европейский союз и которая, я уверен, будет продолжать развиваться, несмотря на имеющиеся неудачи. На нашей последней конференции в Марбурге главная тема «Новая Европа — проблемы и перспективы» обсуждалась на 10 симпозиумах, в которых участвовали и ученые, и политические активисты. Подобным образом тематическая часть конференции в Будапеште «Единство и разнообразие в Европе» вдобавок к другим секциям будет обсуждать данные темы. ECPR как организация также включается в «Инициативу по науке в Европе» (ISE), в «Европейский научный совет» (ESC), который находится сейчас на этапе становления, и в подготовку седьмой программы исследовательской структуры Европейского союза.

Однако и за пределами европейского контекста у ECPR есть интерес ко всемирным политическим событиям. Аспекты дальнейшей демократизации, защита основных человеческих прав, удовлетворение основных социальных и экономических нужд, мирное разрешение конфликтов, шансы и ошибки дальнейшей «глобализации», долгосрочное экологическое, устойчивое развитие и похожие вопросы будут критически анализироваться в будущем. Во всех этих проблемах или, по крайней мере, во многих из них есть особая европейская перспектива или позиция. Европейская политическая наука, обладающая большим разнообразием, упомянутым выше, по необходимости более исторически ориентированна, более сравнительна, более макросоциальна в роккановской традиции, чем ее американский аналог (см.: McKay, 1988). И хотя европейцы о многом узнали в течение последних десятилетий по обе стороны Атлантики, я хотел бы согласиться с Филиппом Шмиттером в его недавней полемике, которая опубликована в новом журнале EPS и которую он адресует своим американским коллегам:

«Для тех, кто хочет практиковать политическую науку, критичную в отношении существующей власти, чувствующих определенную природу ее предмета и способных разъяснить простым людям сложности политической жизни, будет лучше посоветовать «идти на Восток... и, затем на Юг». Иными словами, туда, где вы будете свободны ставить под вопрос господствующие допущения, развивать инновационные концепции и методы, обращаться к смыслам и, может быть, даже влиять на курс политических событий. Вы к тому же, возможно, сможете внести значительный вклад в глобальную науку о политике».

Литература

Berg-Schlosser, Dirk (1998): "Vergleichende europäische Politikwissenschaft — Ansätze einer Bestandsaufnahme", *Politische Vierteljahresschrift* 39 (4): 829–840.

Blondel, Jean (1997): "Amateurs into Professionals" // Hans Daalder (ed.): *Comparative European Politics — The Story of a Profession*, London: Pinter.

Easton, David, John G. Gunnell, Luigi Graziano (eds.) (1991): *The Development of Political Science*, London: Routledge.

Fondation Nationale des Sciences Politiques (1996): *La Science Politique en Europe: Formation, Cooperation, Perspectives*, Paris: Fondation Nationale des Sciences Politiques.

Laver, Michael, Arend Lijphart, Peter Mair (eds.): *European Journal of Political Research, 25th Anniversary Issue*, Dordrecht: Kluwer.

Lietzmann, Hans J., Wilhelm Bleek (1996): *Politikwissenschaft — Geschichte und Entwicklung in Deutschland und Europa*, München: R. Oldenbourg.

McKay, David (1988): "Why is there a European Political Science?" *PS: Political Science and Politics* Fall 20 (3): 1051–1055.

Schmitter, Philippe (2002): "Seven (disputable) Theses Concerning the Future of 'Transatlanticised' or 'Globalised' Political Science", *European Political Science* Spring 1/2: 23–40.

Valles, Josep M., Kenneth Newton (eds.) (1991): "Political Science in Western Europe, 1960-1990", *European Journal of Political Research* 20 (3–4): 227–238.

Ричард Топф

ЕВРОПЕЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПОЛИТОЛОГИИ (EPSNET)

Европейская ассоцация преподавателей политологии была создана в июле 2001 г. в Париже как благотворительная ассоциация политических исследований в целях продвижения дискуссий, обмена и кооперации в области преподавания политических наук в Европе. Преамбула к конституции epsNet гласит, что организация будет: «сотрудничать, тесно взаимодействовать с другими организациями того же направления в Европе для усовершенствования и развития преподавания политических наук и для создания лучшей организационной системы в данной профессии».

В конституции подробно проработана эта роль в виде важнейших задач, основные из которых включены в программное заявление epsNet:

- продвигать взаимодействие в преподавании политических наук;
- совместно с политологическими ассоциациями и другими организациями создавать условия для дискуссии по всем вопросам, касающимся данной дисциплины, включая вопросы Болонского процесса;
- периодически проводить обзор состояния дисциплины, включая вопросы участия женщин в преподавании политологии;
- укреплять связи между академическим сообществом и рынком труда;
- стимулировать мобильность преподавательского состава и студентов;
- способствовать росту престижа профессии в обществе;
- обеспечивать членов сообщества профессиональной информацией.

1. Истоки

Истоки образования epsNet можно обнаружить в плодотворной дискуссии на конференции в Париже в 1996 г., которая была посвящена анализу состояния политологии в Европе в целом и значимости для развития политических наук программы «Эразмус» в частности. Заключи-

тельный доклад на этой конференции сделал Жан-Луи Кермонн, тогдашний президент Французской ассоциации политических наук, который пришел к заключению о необходимости уделять больше внимания европейскому измерению политологии. Вслед за этим Жерар Грюнберг из «Сьянс По» (Париж) вместе с пятью коллегами из созданного на конференции комитета инициировали создание Европейской тематической сети по политологии в рамках Тематической сети (TN) программы ЕС «Сократ». В TN входило около 200 различных институтов из 28 европейских стран, включая 22 национальные политологические ассоциации. За годы существования TN с 1997 по 2001 г. под руководством президента Грюнберга и генерального секретаря Евы Кулеши были проведены четыре пленарные конференции и опубликованы две книги, пять докладов и отчетов.

Однако впоследствии стало ясно, что финансирование TN было возможно не более чем на пятилетний срок. И на предпоследней пленарной конференции члены организации высказали свое желание продолжить свою деятельность независимо от завершения финансирования организации Европейским союзом. На этой конференции члены организации приняли решение о создании постоянной, автономной и демократической организации, впоследствии названной Европейской ассоциацией преподавателей политологии (epsNet). Проект устава был подготовлен рабочей группой под руководством Ханса-Дитера Клингеманна (WZB) и Ива Шемейя (IEP, Гренобль, тогда вице-президента IPSA). В июне 2001 г. в соответствии с французскими законами epsNet была зарегистрирована как ассоциация. Более 100 ученых из Центральной и Восточной Европы и 40 исследовательских коллективов из TN приняли решение присоединиться к epsNet. Был создан комитет по выборам, и весной 2002 г. была проведена процедура выборов в исполнительный совет epsNet.

2. Организация

Европейская ассоциация преподавателей политологии организована как демократическая профессиональная ассоциация, основанная на членстве и существующая на членские взносы. В ней четыре категории членства: индивидуальное, коллективное (включающее факультеты или другие организации политологов), аспиранты и ассоциированное членство.

Все участники организации составляют генеральную ассамблею и имеют право выбирать генеральный совет, состоящий из 18 членов. Этот совет переизбирается каждые 3 года, при этом по крайней мере $^1/_3$ совета должна быть одного пола и включать двух аспирантов. В совете должно быть не более двух представителей от одной страны. Общий совет выбирает президента и координационный совет из трех человек.

При 70%-ной явке в 2002 г. общая ассамблея выбрала первый совет, состоящий из $^1/_3$ женщин, $^1/_3$ членов из Центральной и Восточной Европы. Ханс-Дитер Клингеманн стал первым президентом. На выборах 2005 г. в исполнительный комитет стало ясно, что число участников увеличилось на $^2/_3$, в его состав вновь избрана $^1/_3$ женщин и $^1/_3$ членов из Центральной и Восточной Европы. Президентом стал Ричард Топф.

Генеральный секретарь организации отвечает за повседневное администрирование. С 2002 г. генеральным секретарем была Ева Кулеша. С 2004 г. институт генерального секретаря был разделен на два представительства, находящихся в Центральном европейском университете в Будапеште и в офисе европейских дел и программ Университета Рима.

3. Деятельность

EpsNet выполняет свои многообразные функции путем совмещения:

- самостоятельных исследовательских проектов;
- ежегодных пленарных конференций;
- семинаров-тренингов;
- многочисленных бумажных публикаций книг, исследовательских отчетов и докладов;
- электронных изданий учебных материалов, поддержки богатого ресурсами собственного веб-сайта, электронного журнала и бюллетеня.

Все эти виды деятельности взаимосвязаны. Исследовательские проекты и семинары-тренинги стимулируют пленарные сессии, тогда как доклады на конференции способствуют достижению большей глубины исследовательских проектов. Все это вместе ведет к электронным и бумажным публикациям.

3.1. Проекты

Возникнув под эгидой Тематической сети в 2001 г., epsNet стала наследницей и EPESTEME (Организация повышения качества преподавания политологии и мобильности в Европе) — проекта, финансировавшегося Генеральной дирекцией Европейского союза по образованию, культуре и молодежи. В свою очередь EPESTEME была сменена POLISом (Организацией по качеству, мобильности преподавания политологии и распространению результатов), которая существовала до 2005 г.

Этим проектом управляли: парижская Science Po и Университет Рима Tor Vergata. Члены epsNet привлекались к систематизированной программе исследования развития программ и состояния политологии как науки. Были созданы комитеты по преподаванию и профессиональному развитию. Это должно дать некоторое представление о характере работы организации.

Состояние развития дисциплины. Проект предполагал просто продолжать деятельность по анализу состояния политической науки в Европе, которая была основана на работе Кермонна по Западной Европе 1990-х годов (см. эту работу в настоящем издании); исследованиях Клингеманна по Центральной и Восточной Европе (2002). Кермонн председательствовал на пленарной сессии по состоянию дисциплины на ежегодной конференции 2005 г., а Клингеманн возглавлял круглый стол по вопросам «современного развития политической науки в Европе» в 2006 г.

Политическая наука в Европе после начала Болонского процесса. Два проекта идут по этому направлению. Во-первых, под редакцией Рейнальды и Кулеши была опубликована книга «Болонский процесс — гармонизация европейского высшего образования» (Reinalda, Kulesza, 2005) с серьезными предложениями, подготовленными исполкомом epsNet в 2003 г. для берлинской встречи министров образования стран, подписавших Болонские соглашения.

Во-вторых, Еркки Берндстон из Хельсинкского университета вел проект по мобильности преподавателей и студентов и влиянию ее на качество преподавания. Проект включал в себя опрос и исследование по странам. Отчет об исследовании был опубликован в 2005 г. (EpsNet Report No 9 (Berndston, 2005).

Процесс адаптации европейских докторских программ к постболонскому контексту. Майкл Голдсмит из Университета Салфорда, Великобритания, и тогдашний вице-президент epsNet вел проект по роли докторских программ в Болонском процессе, в котором он проанализировал современный опыт аспирантов-политологов в восьми европейских странах. Труд был опубликован — EpsNet Report No 10 (Goldsmith, 2005).

Информационные и коммуникативные технологии (ICT) и европейская система виртуального образования. Применение *ICT* к политической науке было ключевой темой в работе epsNet, которая реализуется через электронное пространство на ее веб-сайте. *ICT* использовались как основной ресурс для проведения тренингов на конференциях. Программа виртуального обучения (проект Европейского союза) под руководством Вольфонга Вессельса из Кельнского университета внесла новые и очень важные изменения в существующие модули Е-обучения[1], в частности добавив три модуля по изучению Европейской конвенции, европейских международных связей и институтов и типов управления в странах ЕС. Эта программа была реализована в 2005 г. и имеется в свободном доступе в Интернете на сайте epsNet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.epsnet.org/episteme/home_and_contact/EPSnet_Home.htm.

Профессиональные семинары-тренинги для молодых университетских преподавателей. В сентябре 2002 г. epsNet совместно со Science Po провели двухдневный семинар-тренинг по преподаванию политических наук,

который включал доклады и исследования, являющиеся частью проекта EPISTIME (был представлен и опубликован в 2003 г. (Thorlakson, 2003).

В дополнение к этой работе Габриэла Грегушова (Университет имени Яна Коменского, Братислава) инициировала проект помощи преподавателям политологии в совершенстововании их преподавательских навыков. Первый семинар-тренинг прошел в 2004 г. во время конференции epsNet в Праге. В ней приняли участие 15 молодых преподавателей из разных стран Европейского союза. В дальнейшем семинары-тренинги проходили и на последующих конференциях 2005–2006 гг.

3.2. Аспирантура

Это звучит как трюизм для большей части академических дисциплин, когда говорят, что аспиранты — будущее профессии. Как многие профессиональные ассоциации, epsNet включает аспирантов, которых избирают аспиранты — члены ассоциации в свой исполком, им предоставляются существенные скидки при оплате членских взносов. Надо сказать, что до 2005 г. это членство было бесплатным. Два члена исполнительного совета играют полную и равную роль в деятельности совета. Например, Габриэлла Грегушова была членом исполкома в свои аспирантские годы, когда она организовывала семинары-тренинги для молодых университетских преподавателей. И хотя большая часть докладов, поданных на пленарную конференцию, принадлежит аспирантам, пока задача, поставленная советом по привлечению их в качестве членов ассоциации, выполняется не столь успешно. Для этого есть серьезные причины структурного характера. Аспиранты имеют свои карьерные приоритеты. И надо признать, что даже наличие опубликованной работы по проблематике политологического образования оценивается с карьерной точки зрения, как менее значимая по сравнению с результатами исследования по одной из фундаментальных проблем политологии. Существуют структурные причины для стимулирования активности участников. К этой теме мы вернемся ниже.

3.3. Пленарные конференции

Пленарные конференции являются необходимым элементом благополучия любой профессиональной организации, и с 2002 г., когда была образована epsNet, она ежегодно проводила конференции: в Будапеште, в Кракове, Париже (дважды) и в Праге. Всего их посетило более 650 участников. Доклады были представлены более чем на десяти пленарных заседаниях и 55 секционных.

Особенность пленарных конференций заключается в том, что каждый год их основные темы обращены к важнейшим общим проблемам политологических исследований — таким как европейская идентичность, расширение Европы, принятие конституции, а также к профессиональным и педагогическим вопросам. Каждая из конференций, в

частности, освещала те проекты, о которых говорилось выше, но и такие темы, как недавно запущенная «Европейская платформа по вопросу о положении женщин-ученых», а также проблему англоязычных публикаций, которую вел Стивен Кеннеди, директор политологической редакции издательства Palgrave Macmillan.

Организаторы epsNet всегда стремились приглашать в качестве председателей пленарных конференций политологов, принадлежащих к разным школам и направлениям. В этой роли в разные годы выступали такие известные политологи, как Ханс Даалдер (Лейден), Джорджио Фредди (Болонья), Жан-Луи Кермонн (Париж), а также специальные представители и генеральные директора Европейского союза (Петер Балаш, Этторе Деодато, Анжела Либерторе и Олли Рен). В 2006 г. Джордж Сорос (председатель и основатель института «Открытое общество» и сети фондов Сороса) участвовал в круглом столе, на котором обсуждалась его новая книга «Возраст ошибок» (Soros, 2006), в частности, в ней представлены его взгляды относительно потенциальной мировой роли Европейского союза.

3.4. Публикации

Оценивая проекты epsNet, можно увидеть, что только за 2002 г. были опубликованы три книги, три доклада, два сборника в серии «Как преподавать политическую науку» и три виртуальных электронных модуля. В электронном формате с 2003 г. было размещено пять выпусков «kiosk plus», «Сетевой журнал политические науки» со статьями о проектах epsNet, касающихся профессии, преподавания, обучающих тренингов.

Веб-сайт epsNet <www.epsnet.org> является ресурсом с открытым доступом, включая обзоры пленарных конференций, при этом ресурсная база фокусируется на информационно-коммуникативных технологиях, обучении и справочнике членства. Члены сети также имеют доступ к электронным выпускам всех обзоров epsNet и публикациям, кроме книг.

3.5. Внешние связи

Неудивительно, что в преамбуле к уставу epsNet есть особое указание на необходимость «тесного сотрудничества с другими организациями, представляющими профессию». В обзоре деятельности Тематической сети за 1998/99 г. в разделе о достижениях сети (Grunberg/Kulesza) отмечена организация первой встречи представителей национальных политологических ассоциаций в январе 1998 г., на которой собрались приблизительно 22 национальные ассоциации, являющиеся партнерами TN.

С 2001 г. в ее работе приняли участие еще несколько политологических ассоциаций, которые стали ассоциированными членами epsNet.

Пол Фурлонг на Конференции национальных политологических ассоциаций перечислил целый ряд проблем, которые, как он выразился, «являются картами для достижения целей epsNet» (см.: Фурлонг, в этом издании). EpsNet собирается и впредь активно содействовать облегчению сотрудничества и дискуссий между национальными политологическими ассоциациями европейских стран, какие бы формы ни приняла ее собственная деятельность. Кроме того, в дополнение к европейским политологическим ассоциациям epsNet также установила контакты с американской Ассоциацией политических наук (*APSA*). APSA является ассоциированным членом epsNet. APSA выступила с докладом на пленарных конференциях epsNet по проблемам аспирантуры и профессиональным методам преподавания. В ответ на ежегодной конференции APSA в 2006 г., посвященной преподаванию и обучению политическим наукам и проходившей в Вашингтоне, epsNet организовала свою панель по Болонскому процессу.

В отчете Тематической сети за 1998/99 г. также говорилось о сотрудничестве с европейским Консорциумом политических исследований (ECPR) для создания справочника «Кто есть кто в политологии?» Следует признать, что обе организации нередко работают в смежных областях и дублируют друг друга. Так, Ричард Топф начиная с 2001 г. несколько раз возглавлял панели по *ICT и* преподаванию политологии в рамках генеральных конференций ECPR. Дирк Берг-Шлоссер был приглашен в качестве главного докладчика по состоянию дисциплины на пленарное заседание epsNet, а его доклад опубликован в этой книге. Обе организации поддержали проведение Европейского летнего университета, который уже второй год проходит в Гренобле и где одним из координаторов является Джон Грум из Кентского университета.

4. Заключение

Возможно, самой выдающейся особенностью политической науки как дисциплины в Европе в XXI в. является ее вариативность. В Великобритании приблизительно 2200 специалистов работают более чем в 90 политологических факультетах. Голдсмит и Грант описывают требования к курсу политологии как «плавающие». И, напротив, не единичны случаи, когда, например, ряд членов исполкома epsNet являются единственными представителями политологии в составе своих факультетов и кафедр. Во многих учреждениях политические дисциплины представляют члены epsNet, члены исполнительного совета.

Неудивительно, что в Великобритании, где политология преподается больше сотни лет и существуют традиции преподавания в автономных университетах, не более 20% преподавательского состава одобряют наличие базового учебного плана по политологии. В других европейских странах, причем не только в странах Центральной и Восточной Ев-

ропы, дисциплина находится на начальном этапе развития. Одновременно с Болонским процессом и расширением Европейского союза идут параллельные процессы, направленные на увеличение студенческой мобильности и гармонизацию высшего образования в целом.

С учетом этих тенденций десять лет назад Грюнберг и его коллеги сформулировали задачи, стоящие перед TN. Общественность потребовала от Клингеманна и его рабочей группы продолжить работу Грюнберга посредством институционализации epsNet.

Фарлонг перенес некоторые задачи epsNet в создаваемую Коференцию европейских политологических ассоциаций. По последним подсчетам, их число выросло до 50. Возможно, недавно созданные и малочисленные ассоциации испытывают в таком объединении самую большую потребность.

Следует отметить, что остается еще много работы по обеспечению экспертизы и других услуг, требующихся для развития политологии как учебной дисциплины. Как отмечалось вначале, тесное сотрудничество с другими организациями в рамках нашей дисциплины является неотъемлемой частью самого понятия epsNet, и это обязательство является нерушимым.

Примечания

[i] Модули E-обучения — это электронные модули обучения.

Литература

Berndtson, Erkki (ed.) (2005): *Mobile Europe: Improving Faculty and Student Mobility Conditions in Europe, epsNet Report No. 9,* Paris: epsNet/University of Rome Tor Vergata/Sciences Po.

Goldsmith, Michael (ed.) (2005): *Doctoral Studies in Political Science - A European Comparison, epsNet Report No. 10,* Paris: epsNet/University of Rome Tor Vergata/Sciences Po.

Gregusova, Gabriela (ed.) (2005a): *How to Teach Political Science? The Experience of First-Time University Teachers,* Volume 1, Budapest: epsNet.

Gregusova, Gabriela (ed.) (2005b): *How to Teach Political Science? The Experience of First-Time University Teachers,* Volume 2, Paris: epsNet/University of Rome Tor Vergata/Sciences Po.

Klingemann, Hans-Dieter, Ewa Kulesza, Annette Legutke (eds.) (2002): *The State of Political Science in Central and Eastern Europe,* Berlin: edition sigma.

Reinalda, Bob, Ewa Kulesza (2005): *The Bologna Process — Harmonizing Europe's Higher Education,* Opladen/Bloomfield Hills, MI: Barbara Budrich Publishers.

Soros, George (2006): *The Age of Fallibility: Consequences of the War on Terror,* New York: Public Affairs.

Thorlakson, Lori (ed.) (2003): *Professional Practice in European Political Science, epsNet Report No. 8,* Paris: epsNet/University of Rome Tor Vergata/Sciences Po.

Сведения об авторах

Аппельт Эрна М. (*Erna M. Appelt*) — профессор политологии в Инсбрукском университете. Она также преподавала в университетах Вены, Марбурга, Нового Орлеана и Граца. С 2005 г. возглавляет междисциплинарную исследовательскую программу «Гендер: идентичности—дискурсы—трансформации» Университета Инсбрука. Ее основные исследовательские интересы сосредоточены на проблематике гендера, демократии и Европейского союза. Она известна в областях гендерных исследованияй и теории демократии.

Берглунд Стен (*Sten Berglund*) — профессор политологии в Университете Orebro (Швеция) и Гуммбальтовском университете Берлина (Германия).

Берг-Шлоссер Дирк (*Dirk Berg-Schlosser*) — профессор Института политологии Марбургского университета им. Филлипса (Германия). Он вел исследования и преподавал в университетах Мюнхена, Аахена, Аугсбурга, Эйштетта, Найроби, Штелленбоха в Южной Африке, в Беркли и Марбурге. Был членом исполкома Европейского консорциума политических исследований (2000–2006) и возглавлял ECPR (2003–2006). В 2003–2006 гг. был членом исполкома IPSA. В настоящее время — вице-президент IPSA. Его исследовательские интересы включают политическую культуру, эмпирическую демократическую теорию, исследования третьего мира, сравнительную политологию, сравнительную методологию.

Берк Энн-Сильви (*Anne-Sylvie Berck*) — младший научный сотрудник в Католическом университете Лувена. Область научных интересов — сравнительная политология. В настоящее время она работает наддиссертацией, посвященной сравнительному анализу процессов реюнификации с акцентом на Корейском полуострове.

Берндтсон Эркки (Erkki Berndtson) — старший доцент факультета политологии в Университете Хельсинки. Он был президентом финской Ассоциации политической науки (1995–1999) и шеф-редактором журнала Ассоциации «Politiikka» (1985–1986). Его научные интересы включают исследования в области истории политической науки, политики в сфере высшего образования, демократической теории и политик публичного пространства.

Блондьо Лоик (*Lo'ic Blondiaux*) — профессор политологии в Science Po, г. Лилль. Является членом исследовательской группы в Центре национальных научных исследований (CERAPS/Лилль II). Ранее он преподавал в Университете Парижа I (Пантеон—Сарбонна) и в Университете Монреаля. Был президентом французской Ассоциации преподавателей и исследователей в области политологии (AECSP).

Бранс Марлин (*Marleen Brans*) — получила образование в университетах Лувена (MA), Халла (MA) и Флоренции (PhD в Европейском университете). В Институте государственного управления Католического университета Лувена она преподает публичное администрирование, анализ политического курса и сравнительную публичную политику. Ею опубликован ряд статей в реферируемых журналах и главы в монографиях, где анализируются реформы местного управления, системы государственной службы, сравнительные системы публичного администрирования и процесс принятия решений

государственными служащими. Ее последние научные интересы включают исследования реформы в процессе выработки курса, а также отношения между наукой и политикой и финансовое вознаграждение общественной деятельности.

Вута Бернар (*Bernard Voutat*) — профессор политологии в Университете Лозанны, в Институте политических и международных исследований. Работает на стыке истории и социологии в политической науке.

Голдсмит Майкл (*Michael Goldsmith*) — заслуженный профессор в Университете Салфорда, Великобритания. Пожизненный вице-президент Британской ассоциации политических исследований. Исследовал и преподавал сравнительную городскую политику и политологию местного самоуправления в течение 40 лет, автор многих трудов в этой области.

Грант Вин (*Wyn Grant*) — профессор факультета политических наук в Университете Уорика. Входил в руководство Британской ассоциации политических исследований в 2002–2005 гг., стал ее президентом в 2005 г. Возглавлял британскую группу политологов в APSA в 2004–2006 гг., член руководства Исследовательского института общества Макса Планка (Кельн, Германия). Был избран в исполком IPSA в 2006 г. Имеет труды в области сравнительной публичной политики, например: «Сельское хозяйство в новой мировой экономике» совместно с Уильямом Колеманном и Тимом Джослингом (2004).

Де Винтер Ливен (*Lieven De Winter*) — профессор Католических университетов в Лувене и Брюсселе. Возглавляет «Centre de Politique Comparee» в UCL. Публикации: «Non-state-wide Parties in Europe» (1994), «Regionalist Parties in Western Europe» (совместно с Х. Турсан, 1998) и «Autonomous Parties in Western Europe» (с М. Гомес и П. Лунч, 2006). Область интересов затрагивает бельгийскую политику и формирование коалиций. Де Винтер является автором множества статей и глав в книгах по сравнительной политологии партийной системы, законодательной системе и формированию кабинетов, бельгийской политике.

Дезёр Каролин (*Karolien Dezeure*) имеет научную степень магистра политологии (KUL) и магистерскую степень по публичной политике (Люксембург, Лувен). Она является младшим научным сотрудником в Институте государственного управления Католического университета Лувена (Бельгия). Научные интересы: анализ и оценка в области социальной политики.

Делуа Ив (*Yves Deloye*) — профессор политических наук в Университете Парижа, Пантеон–Сарбонна, и генеральный секретарь Французской Ассоциации политической науки, специалист в области исторической социологии.

Джанетти Даниелла (*Daniela Giannetti*) — ассистент факультета политологии Болонского университета. Ее исследовательские интересы — теория рационального выбора и сравнительная политология. Она опубликовала несколько статей по созданию коалиций и введение к теории рационального выбора в книге «Позитивистская теория в политологии» (Болонья, 2003).

Кермонн Жан-Луи (*Jean-Louis Quermonne*) — заслуженный профессор политологии в Science Po в Гренобле и Париже. Являлся президентом Французской Ассоциации политических наук. В настоящее время член ассоциации «Notre Europe».

Клингеманн Ханс-Дитер (*Hans-Dieter Klingemann*) — заслуженный профессор факультета политологии Свободного университета Берлина и Берлинского культурного центра социальных исследований. В настоящее время является старшим научным сотрудником в исследовательском проекте в Центре исследования демократии Университета Калифорнии, Ирвайн, США, и в Центре d'Études Européennes, Sciences PO, Париж, Франция.

Кокли Джон (*John Coakley*) — директор Института британско-ирландских исследований и профессор политологии в Университетском колледже Дублина. Он был генеральным секретарем Международной ассоциации политических наук и приглашенным сотрудником Международного научного центра имени Вудро Вильсона в Вашингтоне. Автор многих статей по сравнительной политологии, этническим конфликтам и национализму.

Контогеоргис Георги (*George Contogeorgis*) — профессор политологии Университета Пантеон в Афинах и руководитель программы европейских исследований в Университете Сиены. PhD (Doctorat d'Etat) в Университете Парижа. Бывший ректор Университета Пантеон. Член-учредитель и первый генеральный секретарь греческой Ассоциации политических наук. Бывший член высшего совета по исследованиям европейского Университета Флоренции. Преподавал в университетах (IEP Париж, Монпелье, ULB, UCL, Токио, Квебек). Президент—генеральный директор греческой радиовещательной корпорации. Заместитель министра коммуникации и СМИ.

Лейвер Майкл (*Michael Laver*) — профессор факультета политологии в Нью-Йоркском университете. До этого в течение 10 лет был профессором политологии и социологии в Университетском колледже в Дублине. М. Лейвер является членом Королевской ирландской академии и редактором журналов «Irish Political Studies» и «European Political Research».

Морейра Адриано (*Adriano Moreira*) — заслуженный профессор политологии и международных отношений Технического университета Лиссабона. В настоящее время является приглашенным профессором в Португальском католическом университете, Открытом университете Лиссабона и в Португальском военно-морском институте.

Педерсен Могенс Н. (*Mogens N. Pedersen*) — профессор факультета политологии в университете Южной Дании в Оденсе. Широко известен публикациями в области правового поведения, рекрутирования политической элиты, партий и партийных систем, местного самоуправления и методологии политических наук.

Платель Кристоф (*Christophe Platel*) — доцент Института политических и международных исследований в Университете Лозанны. В настоящее время пишет докторскую диссертацию на тему «Конституционный надзор в Швейцарии».

Поллак Йоханнес (*Johannes Pollak*) — приват-доцент (ассистент) Парижско-Лондонского университета Зальцбурга. Руководитель исследовательского проекта в Исследовательском институте европейской интеграции, Австрийской академии наук (Вена).

Рейналда Боб (*Bob Reinalda*) — лектор по курсу международных отношений факультета политологии в Университете Радбаунд Ньюмеджен, Нидерланды.

Топф Ричард (*Richard Topf*) — профессор политологии в Лондонском университете Метрополитен и директор европейского центра сравнительных данных опросов в ЕС. Является президентом epsNet и членом правления электронной редакции IPSA. Шеф-редактор электронного издания и член исполнительного комитета Ассоциации политических исследований Великобритании, член исполнительного комитета Ассоциации британских международных исследований.

Фредди Джорджио (*Giorgio Freddi*) — профессор политологии и управления факультета организационных и политических наук Болонского университета. Получил PhD в Беркли. Опубликовал множество работ по таким темам, как сравнительный анализ бюрократии, правовое поведение, функционирование институтов и публичная политика в сферах здравоохранения и защиты окружающей среды. Бывший президент ECPR и Итальянской ассоциации политических наук. В настоящее время возглавляет совместный исследовательский проект по сравнительному изучению новых форм демократии Болонского университета и Калифорнийского университета (Беркли, Ирвайн и UCLA).

Фреймои Никола (Nicolas Freymond) — лектор в Институте политических и международных исследований Университета Лозанны. В настоящее время завершает докторскую диссертацию по теме «Правовая экспертиза в процессе государственного реформирования».

Фронье Андре-Поль (*Andre-Paul Frognier*) — профессор политических наук в Католическом университете в Лувене, специализируется на сравнительной политологии и исследованиях выборов. Он был также приглашенным профессором в нескольких других университетах: IEP Парижа, Лилля, Бордо, Университете Лозанны, EUI Флоренции, Университете Силезии в Като. Область его научных интересов: исследование избирательных технологий и отношения между национальной и европейской идентичностями. Он является автором или соавтором нескольких книг и статей по этим темам.

Фурлонг Пол (*Paul Furlong*) — профессор, возглавляет Школу европейских исследований в Кардиффском университете. До этого преподавал в университетах Халла и Бирмингема. Широко известен в области исследований итальянской политики и методологии политической науки.

Хансен Торе (*Tore Hansen*) — профессор факультета политологии в Университете Осло. В настоящее время также сотрудничает с норвежским Институтом городских и региональных исследований. Область научных интересов: местное самоуправление и политика, общественное финансирование и бюджет.

Хардарсон Олафур Т. (Olafur Th. Hardarson) — профессор факультета политологии и декан факультета общественных наук в Университете Исландии. Он получил степень BA в Университете Исландии, MSc и PhD в Лондонской школе экономики и политики. С 1983 г. был директором исландской Национальной программы исследования выборов.

Шюттемейер Сюзанн С. (*Suzanne S. Schüttemeyer*) — профессор государственного управления и политологии в Университете Мартина Лютера, Виттенберг. Является главным редактором «Zeitschrift für Parlamentsfragen», президент немецкой Ассоциации политических наук (DVPW) и вице-президент epsNet. До этого — профессор в области изучения немецкого правительства в Университете Потсдама, а также на кафедре германских исследований при Болонском центре в Высшей школе Пола Ница «Международные исследования», Университет Джона Хопкинса. Является членом Studienstiftung des Deutschen Volkes и с 1999 была победителем Wissenschaftspreis des Deutschen Bundestages (награда бундестага в области академических достижений). Имеет публикации по тематике: Бундестаг, немецкая политическая система, представительство и управление.

Экман Йоаким (*Joakim Ekman*) получил PhD в Университете Оребро (Швеция).

Этерингтон Джон (*John Etherington*) — лектор факультета политологии и публичного права в Университете Барселоны. Объектом его исследований являются национализм, национальная политика в Каталонии и территориальное управление.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Шестопал. Предисловие научного редактора русского издания 5

Ханс-Дитер Клингеманн. Предисловие 11

Жан-Луи Кермонн. Введение: Европейская ассоциация преподавателей политологии: 10 лет спустя 13

Ханс-Дитер Клингеманн. Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе на 2005 г. 15

Часть I

ОБЗОР ПО СТРАНАМ

Эрна М. Аппельт, Йоханнес Поллак. Современное состояние политической науки в Австрии 48

Ливен Де Винтер, Андре-Поль Фронье, Каролин Дезер, Энн-Сильви Берк, Марлин Бранс. Бельгия: от одной политологии к двум? 63

Каллиопе Агапиу-Йозефидес. Современное состояние политической науки на Кипре 80

Могенс Н. Педерсен. Дания: политическая наука — прошлое, настоящее и будущее 95

Эркки Берндтсон. Современное состояние политологии в Финляндии 114

Лоик Блондьо, Ив Делоа. Современное состояние политической науки: отчет по положению во Франции 153

Сюзанна С. Шюттемейер. Современное состояние политической науки в Германии 180

Георгис Контогеоргис. Политическая наука в Греции 211

Олафур Т. Хардарсон. Современное состояние политической науки в Исландии 256

Джон Коукли, Майкл Лэйвер. Современное состояние политической науки в Ирландии 272

Джорджио Фредди, Даниела Джанетти. Современное состояние политической науки в Италии 287

Боб Рейнальда. Современное состояние политической науки в Нидерландах 310

Торе Хансен. Современное состояние политической науки в Норвегии 334

Адриано Морейра. Политическая наука в Португалии 351

Джон Этеринггон, Франсеск Мората. Современное состояние политической науки в Испании 366

Стен Берглунд , Йоаким Экман. Современное состояние политической науки в Швеции 386

Никола Фреймон, Кристоф Платель, Бернар Вута. Современное состояние преподавания и исследований в области политологии в Швейцарии 410

Майкл Голдсмит, Уин Грант. Британская политическая наука в новом тысячелетии 433

Часть II

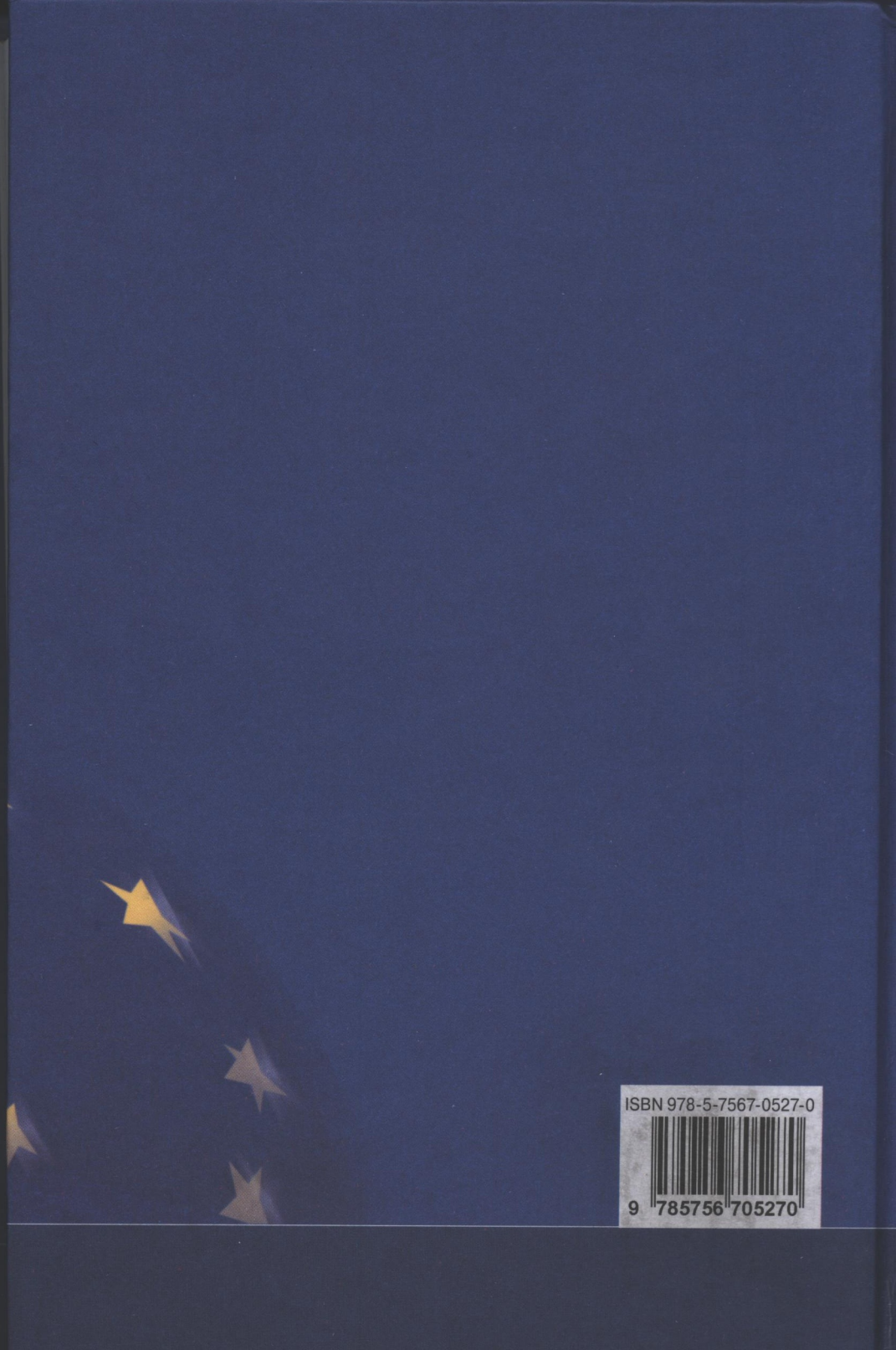
Европейское развитие

Пол Фурлонг. Европейская конференция национальных ассоциаций политических наук: проблемы и возможности кооперации 458

Дирк Берг-Шлоссер. Европейская политическая наука — роль Европейского консорциума по политическим исследованиям (ECPR) 466

Ричард Топф. Европейская ассоциация преподавателей политологии (epsNet) 473

Сведения об авторах 481

ISBN 978-5-7567-0527-0